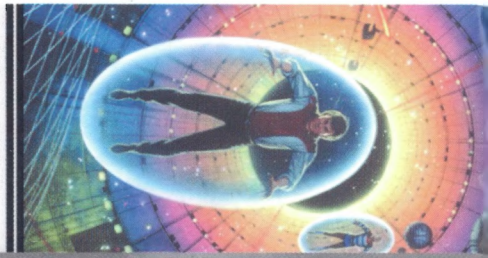
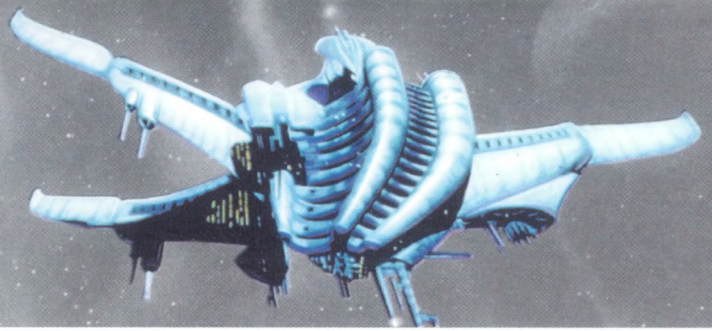
ВЕЧНЫЙ БОЙ

Альфред ВАН ВОГТ

ВЕЧНЫЙ БОЙ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Альфред ВАН ВОГТ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ALFRED E.

VAN VOGT

АЛЬФРЕД

ВАН ВОГТ

Вечный бой

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
В17

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).

Художник В. Домогацкая

Перевод с английского

Подписано в печать 15.05.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 38,64. Тираж 10000 экз. Заказ № 969.

Ван Вогт А.

В17 Вечный бой: Сб. фантаст. повестей: Пер. с англ. / А. Ван Вогт. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 734, [2] с. — (Классика мировой фантастики).

ISBN 5-17-014685-X

Альфред Ван Вогт — один из ведущих авторов эпохи «золотого века» фантастики, писатель, удостоенный звания Великого Мастера Американской ассоциацией писателей-фантастов — и, пожалуй, самый своеобразный и оригинальный из фантастов знаменитого американского «довоенного поколения». Произведения Ван Вогта, в каком бы жанре они ни были написаны — от «космической оперы» до антиутопии и «черной» утопии, — так или иначе объединяет одно: за увлекательностью «крепко сбитого», до предела «взвинченного» приключенческого сюжета здесь скрывается МЫСЛЬ. Мысль — иногда шокирующая, парадоксальная, иногда — иррациональная, почти нелепая, но всегда — ОТТОЧЕННАЯ. «Культ сверхчеловека» здесь превращается в своеобразный «антикульт», научный прогресс обращается против самого себя, «сумерки богов» носят черты не столько «нового витка эволюции», сколько извечного «конфликта поколений» — но МЫСЛЬ звучит, звенит, как натянутая струна, — и по-прежнему будоражит читательское воображение...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Перевод. Л. Ткачук, 1997
© Перевод. А. Флотский, 2002
© Перевод. И. Глебова, 2002
© Перевод. А. Митрофанов, 2002
© Перевод. С. Федотов, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Глава I

Модьун слушал и не верил своим ушам. Оратор закончил свой доклад, проливавший новый свет на историю человечества, и попросил задавать вопросы.

Прозвучало несколько совершенно необдуманных высказываний; люди, казалось, еще не вполне осознали всю важность сообщенной им информации. Модьун обратился к лектору тоном небрежного превосходства, и, тем не менее, его выслушали со вниманием.

— Вы уверены, что не пересказываете древние мифологические сюжеты? — спросил он.

Ответ прозвучал достаточно осторожно:

— Конечно, мы не можем быть вполне уверены, но думаем, что нет.

— Что касается наших древних прародителей, то картина, которую вы нарисовали, не внушает мне доверия,— настаивал Модьун.

— Вначале мы тоже не могли поверить,— гласил ответ.— Но сложившаяся ситуация и значимость полученных деталей гарантируют достоверность.

— Тогда получается, что наши предки дрались, как звери, с избыточной жестокостью, и это наводит на мысль, что они были способны на настоящую физическую активность.

— Это самое несомненное из того, что мы открыли.

— И, как наши животные, они действительно ходили на собственных ногах и не нуждались в искусственных средствах компенсации своего веса?

— Совершенно верно,— согласился оратор.

— Представляю, как вытянутся лица тех, кто ранее заблуждался относительно этого вопроса,— сказал Модьун с язвительной усмешкой.

На многих лицах появились легкие улыбки, выражающие согласие.

— Представляю себе,— продолжал Модьун,— как они зачинали и рожали собственных детей.

— О да,— ответил докладчик.— В процессе спаривания женщину оплодотворяли, и она рожала по истечении периода беременности.

Все присутствующие вздрогнули, представив себе подробности этого процесса.

— Отвратительно,— пробормотала женщина.

— Боюсь, что такое начало трудно принять на веру,— сказал другой человек.— Наверняка следующее, что вы расскажете нам, будет утверждение, будто они сами ели пищу.

— Точно,— согласился докладчик.— Пища проходила по пищеварительному тракту. Происходило индивидуальное персональное пищеварение, а отходы отводились в резервуар для удобрений.

Было задано еще несколько вопросов, но присутствующие уже охладели к теме; докладчик — Дода — ощущал это через открытые усилители мысленного канала, посредством которых он был соединен с «аудиторией». Видя, что Модьун — один из тех, кто еще не прервал контакт, Дода обратился к нему с частной мыслью:

— Я думаю, что по некоторым причинам вас эти открытия заинтересуют больше, нежели других.

Модьуну стало смешно.

— У меня есть тело длиной два фута и голова диаметром четырнадцать дюймов. Что меня может интересовать в древних, с их восемью футами мускулов и костей, которые могли самостоятельно поддерживать голову? Я понимаю: вы имеете в виду, что я поступлю как ученый — вырасту до этого размера.

— В наших предках скорее было футов шесть.

— Да, но вы сказали, что их головы были меньше.

— Возможно,— в голосе Доды звучало чуть ли не отчаяние.— Если какая-то женщина согласилась бы достичь нужного роста, то для вас это был бы интереснейший эксперимент.

К Модьуну мгновенно вернулся весь его сарказм.

— Этого никогда не произойдет. Наши женщины намного изящнее,— насмешливо парировал он.

— Почему бы не провести эксперимент на вас?

— Потому что я не экспериментатор. Пройдет год, пока тело приобретет нужные размеры, потом, наверное, два года займет эксперимент, и еще год, чтобы снова стать человеком. Кто-то должен наблюдать...

Потом Модьун продолжал с насмешкой:

— Четыре года! Когда я хочу погубить чью-то репутацию, я руководствуюсь здравым смыслом. Позже я свяжусь с вами.

— Не говорите «нет» прямо сейчас,— настаивал Дода.— Помните, именно вы сказали: кто-то должен время от времени выходить за барьер и смотреть, что происходит там, снаружи.

— Я пошутил,— резко ответил Модьун.

— Тем не менее это сказали именно вы. И вы так думаете.

Это была чистая правда.

«Оказывается, кто-нибудь, преследуя собственные цели, всегда подслушивает даже случайные мысли и дает им свою оценку...» — уныло подумал Модьун.

Несомненно, Дода уже выбрал его для эксперимента, поскольку Модьун сделал замечания, которые тому не удалось проигнорировать. Внезапно Модьун задумчиво проговорил:

— Несомненно, тщательное изучение архивов и ранних обучающих устройств, от которых теперь отказались, подтвердит большую часть этих сведений. Необходимо произвести такое исследование прежде, чем кто-то станет участвовать в эксперименте.

Дода благоразумно промолчал.

Модьун продолжал:

— Часть этих сведений может быть интересной.

Затем он позвал своих слуг-насекомых, и его унесли.

Тремя днями позже Модьун лениво плавал в собственном, залитом солнцем бассейне. Он обычно приходил сюда поглощать солнечные лучи. Из них он извлекал энергию, превращавшую воздух, которым он дышал, и воду, впитываемую порами кожи, в питательные вещества, поддерживающие идеальное здоровье его тела почти целую вечность.

Да, почти вечность. Он был из третьего поколения существ, выведенных в пробирке за барьером. Каждый из предыдущих двух поколений прожил около пятнадцати сотен лет.

Он плавал в бассейне и с восхищением любовался своим изображением в зеркале, погруженном в воду. Какая благородная и красивая голова! Прекрасное конусообразное тело! Крошечные ручки и ножки были частично спрятаны за почти неразличимыми оболочками снаряжения.

Модьун уже мог различить намеки на увеличение своего роста — он стал на несколько миллиметров длиннее. Мозгу, столь открытому для восприятия и столь чувствительному, как у него, были ясно видны даже такие ничтожные изменения.

Дода говорил ему, что при такой скорости роста могут возникнуть слабые боли, но с ними можно будет справиться с помощью

ассистента ученого — насекомого Экета, получившего подробные инструкции о том, как впрыскивать лекарства, притупляющие болевые ощущения, в пищу, которую позже он будет вводить в тело через капельницы.

Кроме того, Дода, извиняясь, заметил, что так будет продолжаться лишь до тех пор, пока Модьун не достигнет стадии, когда сможет есть твердую пищу.

В ответ на такую заботу экспериментатора Модьун только пожал плечами.

Он согласился на эксперимент, когда узнал, что женщина Судлил согласилась вырасти и соединиться с любым мужчиной, который сделает то же самое... Эта информация вызвала легкое оживление среди мужчин, поскольку Судлил была очень женственной, и ей всегда были рады в любом бассейне. Но Дода поспешно нанес сокрушительный удар потенциальным конкурентам, объявив — с разрешения Модьуна — что выбор уже сделан.

Судлил заявила, что она рада видеть Модьуна своим партнером. Она догонит его по размерам через месяц.

Прошло несколько лет — и вот он здесь.

Его принес сам Экет и посадил на зеленой лужайке, на небольшом расстоянии от шоссе, которого не было видно за насыпью, заросшей кустарником.

Оттуда доносился шорох шин по мостовой. Этот шорох неожиданно взволновал Модьуна. Ему пришлось следить за собой, преодолевая сильное желание подпрыгивать от возбуждения... Совершенно неожиданная реакция тела. Он сознательно сдерживал пульсирующие мускулы, пока стоял, наблюдая за Экетом, удаляющимся назад к горам. Скоро ученое насекомое обогнуло выступ крутой скалы и скрылось из вида.

Модьун вскочил на пологий склон, еще сдерживая бьющую через край энергию и удивляясь тому, что происходит внутри него. Он добрался до вершины и, ускорив шаг, пошел по тропинке сквозь кусты. Неожиданно он вышел на обочину дороги.

Когда-то, давным-давно, он приказал одному из своих носильщиков-насекомых принести его к этой дороге и некоторое время следил за движением транспорта. Бесчисленные машины проносились мимо, как безумные. Почти в каждой машине находились пассажиры — множество животных различного вида. Его удивление возрастало по мере того, как он отмечал все новые формы живых существ. Он забыл, сколько на свете разных животных.

Теперь, за тысячи лет, большая часть их стала цивилизованной и живет в созданном человеком механическом мире.

— Но куда они все торопятся? — обратился наконец Модьун к своему проводнику-насекомому, огромному богомолу, который был видоизменен и приспособлен для путешествий по горной стране. Тот не знал и мог дать лишь чисто практический ответ, типичный для насекомого ответ, который сам по себе является вопросом:

— Сэр, почему бы нам не остановить сотню машин и не спросить каждого пассажира, куда он едет?

Тогда Модьун отказался от этого на первый взгляд абсурдного предложения. Ему это показалось ненужным. Но теперь он стоял, наблюдая, как ему казалось, за теми же самыми мчащимися автомобилями, и жалел, что в то время ему надоела его авантюра и он не задал ни одного предполагаемого вопроса.

Сейчас он не чувствовал никакой скуки. В его полностью выросшем теле разливалось тепло от напряжения сотен работающих мускулов. Куда бы он ни смотрел, все возбуждало его. Ему хотелось раскачиваться, кружиться на месте, разевать рот и размахивать руками.

Здесь так много движения. Бесчисленные автомобили... Он видел их, слышал издаваемые ими звуки. А его двигательные центры оказались незащищенными.

Как же контролировать реакцию на посторонние раздражители? Невыносимо... Модьун попробовал сдержаться. Сразу же трепет и подергивание мышц прекратились.

Успокоившись, он отказался от свободного автомобиля, который подъехал к нему. А через несколько минут сам посигналил машине, в которой сидело четверо животных и оставалось место еще для двоих.

Когда, визгнув тормозами, автомобиль остановился, Модьуну пришлось пробежать немного вперед, чтобы забраться в него. Тяжело дыша, он плюхнулся на сиденье. Он был поражен усилием, которое для этого потребовалось, и отметил реакцию тела. Усиленное сердцебиение. Внезапное расширение легких. Шумное дыхание... Так много внутренних химических изменений. Последив за ними несколько минут, он сдался на милость организма.

Интересно. Ново.

Он подумал:

«Те лекарства, которые Дода давал мне в последний период роста, подавляли излишнюю возбудимость, чтобы я жил спокойно. И, конечно, мирная обстановка, как в саду, вызывала только приятные ощущения».

Вдруг он понял, что другие пассажиры автомобиля с любопытством смотрят на него. Мысли о прошлом отошли на задний план. Он тоже стал разглядывать их с легкой вежливой улыбкой.

— Кто вы? — наконец спросил мужчина, похожий на кота.— Я не видел раньше вашу породу.

Говоривший имел отдаленное сходство с южно американским ягуаром.

Модьун собирался ответить, что он человек, и тут понял, насколько важно замечание говорившего. Человек, властелин планеты, был им неизвестен.

«Это правда,— подумал он,— мы ведем замкнутое существование с нашими слугами и носильщиками, насекомыми, и нашими домашними животными. И мы сами не проявляли интереса к цивилизации животных и насекомых, которая существует за барьером».

Но то, что теперь внешний мир перестал понимать, кем являются он и его друзья-люди — событие уже совершенно иного рода. Это, конечно, не было частью первоначальной программы... Осознание сего неприятного факта удержало Модьуна от естественного желания сказать о себе правду. Прежде чем он смог решить, что же именно сказать, это сделал за него видоизмененный гиппопотам. Стройное существо длиной восемь футов с коротковатой шеей, сидевшее на переднем сидении, сказало, пожав плечами:

— Он — обезьяна. Их много в Африке.

Похожий на лиса индивидуум, сидевший на заднем сидении рядом с Модьуном, слабо возразил:

— Я видел много обезьян. Конечно, есть сходство, но это не обезьяна.

— Обезьяны не то, что вы да я,— сказал человек-гиппопотам.— Они бывают разных пород и не похожи одна на другую.

Его слова, казалось, убедили собеседника, потому что человек-лиса погладил подбородок, но больше ничего не сказал.

«Хорошо,— спокойно подумал Модьун.— Обезьяна? Почему бы и нет?»

За обезьяну его приняли случайно, и через какое-то время все разъяснится. Видимо, недостаток знаний помешал людям-животным признать в нем человека. Странно. Здесь кроется нечто такое, что нужно исследовать. Причина может даже стать темой интересного доклада, когда он вернется за барьер.

Итак, Модьун принялся играть роль обезьяны и завел дружескую беседу с человеком-гиппопотамом, человеком-лисой, человеком-ягуаром и привлекательным, покрытым темным пушком существом, которое вскоре назвалось медведем-гризли.

Все люди-животные были семи-восьми футов ростом. Их тела изменились до получеловеческого вида. Каждый имел руки, сидел прямо и, конечно, мог ходить вертикально.

Их компания вполне подходила для того, чтобы развеять дорожную скуку. Модьун откинулся на спинку сиденья, поглядывая на сельскую местность за окном и чувствуя, как играет сила в его теле. Возбуждение? Он сразу прогнал эту мысль. Проанализировав реакции своего тела, он предположил, что в давние времена человеческие существа не могли осознавать чисто физические и химические причины возбуждения, возникающего на низших уровнях сознания.

Модьун снова вспомнил слова богомола о причинах, заставляющих ехать куда-то сотни людей-животных. Поэтому теперь он решился задать вопрос:

— Куда вы едете?

Он подавил желание добавить «так быстро». Но все автомобили действительно мчались, словно механические демоны, на скорости, превышающей первоначально запрограммированную. Очевидно, компьютеры, занимающиеся управлением, изменили их скорость. Увеличили.

«Кто это сделал?» — подумал Модьун.

Все четверо его попутчиков, как они ему сказали, посещали тренировочную школу, где изучали работу большого космического корабля. А теперь они ехали в город Галли, где будут ждать запуска. Модьун понял, что они стали приятелями в лагере. Их отношения были задушевными, даже нежными, и, поначалу проявив любопытство, они вскоре забыли о Модьуне. Это было ему на руку.

Он был далек от повседневных дел планеты. Когда эти четверо обсуждали подробности тренировки и судачили о предстоящем путешествии в космос, Модьун отвлекся. Скоро он увидел, что их автомобиль въезжает в город. Зданий в городе стало больше. Они поднимались по склонам холмов, и Модьун мельком увидел их даже за дальней речкой. Скоро город окружал его со всех сторон. Большие и маленькие здания сверкали в лучах полуденного солнца.

Как Модьун и ожидал, он вновь ощутил, что его тело испытывает возбуждение. Если бы Модьун не знал, что это касается только тела, он мог бы решить, что и его разум возбужден. Ему следовало остерегаться таких заблуждений... сильного стремления личности отождествить себя с ощущениями тела.

«Город Галли,— подумал он.— Ну вот я и здесь. Первое человеческое существо вышло за барьер за последние 3500 лет».

Он совершил великое деяние и должен был поневоле согласиться с этим.

Глава II

— Куда вы хотите отправиться? — спросил один из людей-животных.

Прошла почти минута прежде, чем Модьун понял, что человек-медведь обращается к нему. Он вышел из состояния задумчивости и сказал, что не знает.

— Я здесь новичок,— начал многословно объяснять он.— Я только что приехал из Африки. Куда бы вы посоветовали мне отправиться?

Спутники Модьуна погрузились в серьезное обсуждение этой проблемы, на некоторое время почти полностью забыв о его присутствии. Наконец человек-лиса заговорил, и в голосе его звучало удивление: раньше они никогда не сталкивались ни с чем подобным.

— Почему бы нам не взять его с собой?

На том и порешили.

— Мы можем показать ему все,— предложил человек-гиппопотам.— Будет забавно посмотреть, например, с каким типом женщин он сблизится.

Модьун вспомнил о Судлил:

— Скоро сюда приедет моя женщина,— сказал он.

— Так даже лучше,— ответил человек-ягуар.— Мы сможем понаблюдать, как обезьяны занимаются любовью.

Наверное, у Модьуна было странное выражение лица. Его слегка удлиненные глаза наивно округлились.

— Вы не будете против, не правда ли?

Сам Модьун не видел причин возражать, но он интуитивно чувствовал, что Судлил может воспротивиться. Как раз перед его отъездом они наблюдали спаривание животных. Конечно, Судлил в то время еще не полностью выросла и ее реакция отражала болезненно чувствительное состояние тела, но она довольно странно отнеслась к этому.

Улыбаясь воспоминаниям, Модьун спокойно объяснил, что самки обезьяны иногда категорически отвергают присутствие наблюдателей.

Четверо самцов уставились на него, сначала с удивлением, а потом с почти одинаковым презрением. Человек-ягуар сказал:

— Вы хотите дать нам понять, что вы, обезьяны, разрешаете вашим самкам указывать вам, что делать?

Он посмотрел на своих компаньонов и с ироническим выражением лица заметил:

— Я вижу, что мы должны научить нашего приятеля, как быть мужчиной.

Человек-ягуар был спокойным и высокомерным. Он протянул руку и похлопал Модьуна по плечу:

— Не беспокойтесь, сэр. Держитесь за нас, и мы скоро приведем вас в нормальное состояние.

Наконец четверка людей-животных сочла необходимым представиться. Человека-ягуара звали Дуулдн, человека-медведя — Рузб, человека-лису — Неррл, а человека-гиппопотама — Иггдооз. Назвав свои имена, люди-животные ождали, что и Модьун назовет свое, а он замешкался. Он быстро вспоминал, что означают эти имена и откуда они произошли. При идентификации животных люди просто присваивали каждому определенное количество букв алфавита: пять букв для животных из Северной Америки, шесть — для Южной Америки, семь — для Африки и т.д. Компьютеры, которые были запрограммированы на то, чтобы давать имена каждому, получили инструкции не использовать для имени только одну букву. Поэтому не было животного по имени Аааа или Бббб. Но за исключением этого — полная свобода. В лотерее имен его попутчикам еще повезло. Их имена, все без исключения, были произносимыми.

В этот момент Модьун подумал, что люди выбирают себе имена по иному принципу. И его имя, Модьун, немедленно идентифицирует его как человеческое существо... для любого, кто понимает формулу.

Но он колебался недолго. Он сразу увидел, что, изменив «ь» в имени Модьун на «и», он сможет сохранить произношение, а если добавит лишнее «н», то сможет представить себя выходцем из Африки, имеющим имя из семи букв. По крайней мере, он сможет использовать эту нехитрую подтасовку до тех пор, пока не представит комбинацию букв компьютеру.

В действительности комбинация не имеет смысла. Кроме того, было бы нелепо представляться обезьяной слишком долго.

Его измененное имя было принято без вопросов. Итак, он стал Модиунном... видимо, еще на несколько часов. Или минут.

После этого Дуулдн, человек-ягуар, сообщил ему, что он и его компаньоны направляются в центр города. Дуулдн сказал:

— Понимаете, здесь обычная система поселений. Думаю, она одинакова во всем мире.

— Да,— коротко ответил Модьун.

Когда через несколько минут Модьун выбрался из автомобиля, он вдруг понял, что сердится. Он, человек, не понимает, как

управляются эти города! Он, принадлежащий к расе, создавшей автоматические города и автоматические села — короче, все на этой планете!

Однако после того, как автомобиль уехал и четверо людей-животных быстро пошли по широкой улице, потребовалось несколько мгновений, пока Модьун понял, что они направляются к движущемуся тротуару.

«Ну конечно»,— думал он потом, ругая себя.

Всплыли обрывки каких-то давних воспоминаний, и город показался более знакомым. Он вспомнил, что жилая зона разбита так, чтобы принимать приезжих в одном секторе. Тут есть и скромные квартиры и роскошные апартаменты для людей.

Путешествие по движущемуся тротуару закончилось через полтора квартала. Человек-ягуар показал на склон холма и сказал:

— Здесь вся улица свободна. Давайте поселимся тут, а потом выйдем и пойдем поесть.

Модьун последним преодолел четырехдорожечный переход от скоростного тротуара к среднескоростному, а затем к медленному и шагнул на улицу. Его спутники поднимались по склону, а он нерешительно следовал за ними. Должен ли он продолжать лгать? Это казалось слегка несерьезным и даже недостойным. Тем не менее, вскоре он, как и другие, стоял перед рядом кнопок, набирая свое обезьянье имя.

Модьун ждал, еще слабо надеясь, что компьютер откроет дверь.

Компьютер отказался впустить его.

— Вы идентифицированы неправильно,— был ответ.

Прошла вечность; Модьун ничего не предпринимал, не реагировал, даже не обдумывал то, что сказала машина. Он был в смятении. Раньше он не знал этого чувства. Неосознанное, абсолютно новое ощущение. И его мозг не понимал реакции тела.

Странно, что его мысли пришли в такое смятение...

Он начал приходить в себя. Сначала он просто наблюдал. Перед ним за дверью квартиры находился механизм: кнопки, которые он только что нажимал, и маленькая треугольная металлическая решетка под ними — оттуда голос компьютера произнес невероятные слова.

Модьун видел длинный ряд стерильных квартир, точно таких, как та, которую он выбрал в качестве своего обиталища. Ну, не совсем квартир. Они все были одноэтажные и располагались вдоль блока террасами. Перед каждой квартиркой было несколько ступенек, ведущих на маленькое крыльцо, и Модьун предполагал — хотя и не мог ясно видеть других дверей,— что на каж-

дом крылечке были такие же кнопки с буквами и система динамиков за решеткой.

В известном смысле, однообразный мир. Но как же иначе обеспечить жильем миллионы? Действительно, его предки занимали такую же терпимую позицию по отношению к людям-животным, как и он, и заботились не о красоте, а большей частью о пользе.

Но поскольку чистота была полезной, они предусмотрели для каждого жилища и для города в целом автоматические чистящие системы. Пластмассовые стены, пластмассовые двери и нержавеющие стальные решетки сияли — так было чисто. И ступеньки выглядели вымытыми и выскобленными. На тротуаре внизу не было ни пятнышка.

Модьун все еще растерянно осматривал мир вокруг себя, когда понял, что же так подействовало на него.

Отказ.

Ему отказали! За всю жизнь в течение нескольких сотен лет никто никогда так не поступал с ним. Это был удар по его самосознанию, для которого никогда не существовало никаких преград, кроме философии о тщетности бытия — и, особенно, тщетности усилий. Действительно, ничего не стоит делать. Тело испытывает чувства, мозг — нет. Человеческая природа такова, что человек может отдавать себе трезвый отчет о ситуации в то время, когда его тело испытывает чувства. Уделом людей было выбирать, нужно ли игнорировать ощущения своего тела или же потворствовать им.

И теперь он не мог игнорировать их. Когда Модьун осознал удивительную правду — источник своей глубокой тревоги,— он начал понимать, что его тело испытывает раздражение.

Мысленное осознание физического чувства сработало как сигнал тревоги. Мозг Модьуна мгновенно вернулся к нормальному состоянию: отделился от тела. Модьун успокоился, но проявил любопытство. Он сказал:

— В чем проблема? Мое имя имеет нужную длину и правильный код для обезьяны из Африки. Почему меня не принимают?

— Личность с этим именем — Модиунн — в настоящее время находится в Африке, зарегистрировавшись как проживающая по определенному адресу.

Раздражение усиливалось. Тело, казалось, все меньше поддавалось контролю. Прошла минута, и Модьун понял, что причиняло такое беспокойство его телу. В прежние дни можно было запрограммировать компьютеры, чтобы они учитывали такие под-

робности, но это не было сделано. Ни одно человеческое существо никогда не занималось отдельным животным, не интересовалось, где оно находится, или даже тем, что с ним случилось.

Поэтому он проговорил угрожающим тоном:

— С каких пор компьютеру есть дело до местонахождения отдельного животного?

— Вы спрашиваете, имею ли я право отказаться впустить вас? — спросил компьютер.

— Я спрашиваю, откуда вы знаете, где находится Модиунн? Я хочу знать, кто связал вас с компьютером в Южной Африке,— сказал Модьун с высоты своего положения человеческого существа.

Компьютер ответил, что он связан со всеми компьютерами планеты уже 3453 лет 11 часов, 27 минут и 10 секунд. Пока он отвечал, Модьун подумал, что компьютеры никогда не программировались для ответов на такие вопросы.

Он раскрыл было рот, чтобы продолжить колкие расспросы, и внезапно отметил, что его тело испытывает болезненные ощущения, осознал, что все это время нервничал. Модьун не имел информации о том, сколько именно времени люди находились за барьером, кроме того, он принадлежал к третьему поколению. Но, собрав воедино все сведения, которыми владел, он догадался, что компьютеры были перепрограммированы в течение нескольких лет после ухода людей.

Кто мог это сделать?

Модьун сделал еще одну попытку.

— Вы отказываетесь открыть эту дверь для меня?

— Это невозможно,— был ответ.— Я автомат, а вы не соответствуете требованиям, позволяющим войти.

Заявление компьютера, к несчастью, напомнило Модьуну об ограничениях механического устройства. Проблема была не в машине, а в том, кто и как изменил принцип ее работы.

«Посмотрим, смогу ли я убедить кого-нибудь переехать в большую квартиру и поселиться со мной»,— решил он.

Животные-люди, с которыми он познакомился, исчезли в своих маленьких домиках. Модьун вспомнил, что Руузб, человек-медведь, занял квартиру слева от него. Модьун пошел туда и постучал в дверь, игнорируя систему кнопок.

Пауза. Звук шагов. Дверь открылась, и появился красавец-медведь. Он приветливо улыбнулся Модьуну.

— Эй,— сказал он,— вы очень быстро управились. Входите. Я буду готов через минуту.

Модьун вошел, боясь, что дверной компьютер не пустит его и сюда. Но динамики за решеткой молчали; разговор между ним и Руузбом не привел механизм в действие. Очевидно, на него не влиял факт присутствия Модьуна, если дома хозяин.

«Включается при нажатии кнопки»,— с облегчением заключил он.

Он собирался предложить человеку-медведю поселиться с ним вместе в двухкомнатной квартире для приезжих. Но теперь в этом не было необходимости. Модьун совсем не знал, когда и что он должен будет делать. Однако было ясно: здесь что-то не так, как должно быть.

Все же он верил в то, что культура животных осталась прежней и не преподнесет ему неприятных неожиданностей. Сердечное приглашение Руузба давало ему еще немного времени, чтобы обдумать положение дел.

«Я попрошу его поселиться со мной вместе... немножко позже».

Глава III

Прошло полчаса...

Пятеро приятелей отправились в столовую в двух кварталах от своих новых домов. Оказавшись в помещении столовой, Модьун замешкался, а остальные нетерпеливо схватили тарелки и встали в очередь. Модьун подумал: не откажется ли компьютер, раздающий пищу, обслужить его? Может быть, нужно прямо здесь и сейчас объявить, что он — человек?

Но, поразмыслив, он решил продолжать маскарад; ему не хотелось верить, что кто-то взял на себя труд изменить программы миллионов простых машин. И что более важно, он не видел никаких внешних признаков того, что создававшаяся более тысячи лет система свободного питания, где не задавали никаких вопросов, в чем-либо изменилась.

Машины автоматически возделывали землю и собирали урожай. Для тех, кто прежде был плотоядным, различные типы белков создавались с помощью сложных программ из съедобных зерен, фруктов, трав, кустарников и деревьев. Для тех, кто прежде был травоядным, подходящая пища создавалась по упрощенной схеме, но все по тому же общему принципу. Почти все так или иначе годное в пищу шло на пользу разумным формам жизни. Почти ничего не выбрасывалось.

Да, перестроить здесь что-либо слишком сложно. Любое, самое незначительное изменение означало бы вмешательство во

всю цепь операций. Модьун вынул еду из контейнеров, выданных ему кухонным автоматом. На этот раз, доверившись логике, он назвал свое настоящее имя, поскольку помнил, что обезьяны ели множество растений, которые людям не нравились.

Выложив еду на тарелки, он пошел к столу, где уже сидели его товарищи. До сих пор все шло гладко. Пока его новые знакомые оживленно беседовали, Модьун старательно жевал и глотал непривычную пищу. Хотя к концу своего пребывания за барьером он ел уже много раз, весь процесс в целом оставался для него неприятным.

Он помнил, что после не доставлявшего ему удовольствия акта поглощения пищи случится вещь гораздо худшая. Позже он должен будет искать общественный туалет и в присутствии других существ в соседних кабинках избавляться от отходов организма.

«Жизнь за границами барьера,— думал он,— именно такова, какой и должна быть по моему мнению: она наполнена скучными, утомительными, раздражающими переживаниями».

Но его на время заманили в большое тело, и он должен был выполнять его требования.

Собственно, взгляды Модьуна остались прежними. Вне барьера каждым существом управляют: его проблемы никогда не решаются до конца, сохраняется непрестанная необходимость бороться с окружающей средой, и это повторяется каждое утро, заставляя существо непрерывно действовать.

Какие мысли могут быть у такого существа? Да никаких!

Модьун без удовольствия пережевывал пищу и обдумывал свое положение, когда, услышав случайное замечание, понял, что четверо его новых знакомцев все еще обсуждают порядком надоевшую ему тему предстоящего путешествия в космос.

По-видимому, кто-то убедил администрацию утвердить неправильную цель экспедиции. Его друзья считали, что должны противодействовать, убедить власть предержащих выбрать как цель для полета корабля другую звезду.

—... Значение... необходимое действие... жизненные... решающие для мира...

Слова с их скрытым кодом, обозначающим некую сверхзначимость и важность, проходили через восприятие Модьуна как пустая трескотня; сначала он только регистрировал их. Наконец до него дошло их значение, и он сказал с легкой улыбкой:

— А что случится, если вы не сможете отстоять свою точку зрения?

Человек-ягуар удивленно посмотрел на него.

— Кто-то другой выдвинет свой проект.

— С какими результатами? — спросил Модьун.

— Их идеи неверны, а наши верны.

— Но что же все-таки случится? — настаивал Модьун.

— Экспедиция отправится к группе желтых звезд, похожих на наше Солнце. Шансов найти жизнь на планетах таких звезд, меньше, чем на планетах голубых звезд. Это уже доказано.

Модьун с высоты своего менталитета, где все вещи были одинаково бесполезными, снова улыбнулся наивному ответу.

— Предположим, что экспедиция не обнаружит жизни ни в системе желтой, ни в системе голубой звезды — что тогда? — спросил он.

— Это будет напрасное путешествие.

Его безупречная логика не доходила до глупого создания. Человек сам прошел через эту промежуточную стадию; когда-то он верил, что успех заключается только в результате. Модьун сместил акцент своего вопроса.

— Участники такого путешествия не будут испытывать неудобств?

— О нет. Корабли безупречны. Они похожи на большие города, плывущие в космосе.

— Те, кто будут на корабле, смогут есть, спать, развлекаться, общаться с существами противоположного пола, будут иметь возможность тренироваться и обучаться?

— Конечно.

— Тогда какая разница, каким будет результат? — торжествующе спросил Модьун.

— Но, если мы не обнаружим другую жизнь, это будет напрасное путешествие! Межпланетные корабли мчатся с большой скоростью, и, как нам сказали, мы посетим много планет; но все же мы улетаем на длительное время. Для отдельной личности очень тяжело, если цель не достигнута.

Модьуну казалось, что все на корабле будут жить совершенно одинаковой жизнью независимо от того, неудачной или успешной окажется экспедиция. Забавляясь, он задал вопрос несколько под другим углом:

— Ну хорошо, предположим, вы найдете разумную жизнь в другой звездной системе — что дальше?

Человек-ягуар покачал головой:

— Вы, обезьяны, задаете ужасные вопросы,— сказал он.— Все, что вокруг нас,— жизнь. А жизнь — это познание нового! Неужели это ничего не значит?

Но Модьуна не так-то легко было сбить с толку.

— Скажите мне,— настаивал он,— как вы поступите с другими существами, если вы их найдете?

— Ну... мы должны будем определить свою политику относительно них. Все будет зависеть от их реакции.

— Приведите мне пример такой политики.

Настроение человека-ягуара изменилось. Он выглядел расстроенным, словно ему надоел этот разговор.

— Как я могу знать заранее! — взорвался он.

Пока продолжалась дискуссия, Модьун с растущей уверенностью отметил про себя иной смысл сказанного. Теперь он спросил:

— Вы упоминали, что нужно убедить власти. Кто эти власти?

Он ждал и думал: «Теперь я узнаю, кто враг».

— Люди-гиены,— был ответ.

Последовало мгновенное разочарование. Ответ показался ему заурядным.

«Не люди-тигры или люди-львы,— подумал Модьун,— не люди-слоны. Никто из тех, кто когда-то был большим или могучим созданием. Вместо них добрался до вершин власти тот, кто когда-то питался падалью».

Он забеспокоился.

Уходя за барьер, люди оставили животных равноправными. Управлением и обслуживанием городов и поселков должны были заниматься самодостаточные компьютеры. Люди-гиены прорвали линию обороны. Невероятно, но у него не было причин сомневаться.

И все же он почувствовал себя лучше. Конкретная группа, с которой можно говорить, вести дела. Внезапно все его волнения показались Модьуну несерьезными и не стоящими особых хлопот.

Модьун расслабился и впервые с непосредственным интересом принял участие в беседе. Разговор напомнил ему о чем-то. Он сказал:

— Вы говорите о поисках других обитаемых звездных систем. А что вы скажете о нунули, которые обнаружили иную жизнь в нашей солнечной системе? Они же возвратились на Землю? И почему вы не спросите их, где обитаемые системы? Я уверен, что они с радостью расскажут вам. Это очень услужливая раса.

Он остановился, увидев смущенные лица.

— Нунули! — эхом отозвался человек-лиса.

— Существа с другой звезды! Нет, мы никогда...

Это произнес человек-медведь.

— Где вы слышали об этих существах со звезд? — спросил человек-ягуар насмешливым тоном.— Когда это было?

Модьун, который на мгновение забыл, что для них он обезьяна и не может знать существенно больше, чем прочие животные, опомнился и произнес:

— Я слышал это там, откуда приехал.

Он самодовольно подумал, что это чистая правда.

Четверо людей-животных, казалось, приняли его утверждение. Очевидно, они точно не знали, что происходило в далекой Африке. Несколько минут они продолжали серьезно обсуждать этот вопрос и пришли к выводу, что тем, кто прилетел из космоса, земляне позволили жить, как им вздумается, но не дали случившемуся широкой огласки.

Это была неудача. Глупость. Но в происшедшем была и хорошая сторона, как считал человек-медведь. Этот случай доказывал, что в космосе есть и другие расы.

— Весь район там должен быть исследован,— неопределенно махнул рукой человек-медведь, охватывая взмахом полгоризонта.

Подходящий момент еще не настал, их внимание все еще было занято навязчивой идеей, но в голове Модьуна мелькнула другая мысль.

— Что вы делали до того, как вас наняли для полета? — спросил он с любопытством.— Чем вы занимались?

— Я был монтером на строительстве,— сказал Неррл.

Игдооз, как выяснилось, работал на океанской ферме, где разводили водоросли.

— Я всегда хорошо себя чувствую у воды несмотря на то, что она соленая,— сказал он.— Каналы и болота... В общем, мне хорошо.

Руузб был лесничим.

— Я люблю горы и все обширные пространства,— сказал он.— Вот почему, я думаю, мне понравится космический полет. Космос...

Дуулдн не захотел рассказывать о себе. Он выглядел немного смущенным.

— Я не стыжусь,— сказал он.— Было бы странно говорить об этом, и я лучше не буду.

Отказ стал мгновенным вызовом Модьуну. Он смутно помнил о том, что, изменяя животных, человек имел в виду некоторые особые способности, которые он обнаружил в каждой породе... Что же это могло быть у ягуара? Он не мог ни вспомнить, ни додуматься до этого.

С опозданием ему пришло в голову, что его знакомые захотят узнать о его занятиях. Он было уже открыл рот, чтобы сказать, что он специалист по электронике, но внезапно понял: не нужно ничего говорить. Его друзья снова вернулись к своей скучной теме.

Информация о нунули, пожалуй, возбудила в них еще больший интерес к предстоящей межзвездной экспедиции, сделала их еще более решительными, чем когда бы то ни было (если такое вообще возможно), в стремлении настаивать на правильном выборе маршрута для их корабля. Когда Модьун снова прислушался к их разговору, они обсуждали ряд способов, которые помогут склонить «власти» к их точке зрения.

Вдруг человек-лиса вскочил на ноги.

— Эй! — он почти визжал от возбуждения.— Лучше нам добиться, чтобы нас выслушала комиссия.

Модьун встал, как и другие. Он был немного обескуражен. Их неожиданное (а на самом деле закономерное) намерение, казалось, положит конец его плану поселиться вместе с Руузбом. Ему не пришло в голову — хотя должно было бы прийти,— что днем они должны присутствовать на собрании.

Действительно, это было не настоящее препятствие. Перед ним стояла проблема: где найти комнату? И он должен был ее решить.

Модьун направился к ближайшей двери, понимая, что другие идут следом. Он думал:

«Когда они пойдут на собрание комитета, я попробую справиться с квартирным компьютером. И мы увидим, кто здесь главный: человек — творец — или машина».

С этой мыслью он прошел в дверь, оглянулся и обнаружил, что снаружи он — один!

Глава IV

Остальные ушли.

Поразительно!

Только что они были сзади. Иггдооз хрипло смеялся Дуулдн что-то говорил глубоким мурлыкающим баритоном, Руузб тяжело ступал по полу, а человек-лиса что-то лаял в ответ.

Слова совсем не имели значения, но звуки, которые издавали его знакомые, стали привычной частью окружающего.

Модьун остановился и оглянулся. Вот дверь, через которую он вышел.

Он помнил, что она была непрозрачной.

Непрозрачной!

Когда Модьун бросился к ней, он заметил, что на ней нет ни ручки, ни задвижки. Он сделал три шага и теперь стоял, ощупывая дверь пальцами и пытаясь открыть ее.

Под руками была лишь маслянистая гладкая поверхность. Дверь не откроется. Позади себя на улице он услышал слабый шум... Что-то в его мозгу мгновенно отреагировало.

Модьун обернулся.

Высокий — более восьми футов ростом — человек-гиена стоял на расстоянии всего в дюжину футов с автоматическим пистолетом в одной руке; он сказал странным голосом:

— Что случилось?

Неожиданно для себя Модьун сделал неопределенное движение всем телом, словно покачнулся, и пистолет выпал из вытянутой руки гиены, ударившись о тротуар с металлическим звуком.

Он прозвучал для Модьуна как сигнал аварийной сирены. Огромный человек-гиена опустился на колени и прошептал:

— Помогите...

Модьун мог бы помочь, но не помог. Он стоял, ощущая свою вину.

Теперь настал черед разума, и он понял, что совершил. Модьун поразил человека-гиену, выделив из своего тела газ.

Невероятно, но какая-то часть мозга Модьуна откликнулась на звук у него за спиной или, возможно, уловила лишь намек на раздражение в мыслях иного существа и восприняла его как угрозу.

Больше всего Модьуна удивило то, что его реакция была агрессивной.

В течение всей своей жизни Модьун с его философией полного — именно полного — отказа от насилия никогда ни на кого не нападал, но его мозг был способен на это.

Итак, это рефлекс тела с его неуправляемым животным бешенством.

«Господи, я должен следить за этим»,— подумал он.

К тому времени, как он пришел к такому решению, человек-гиена перекатился на бок и теперь лежал на бетоне, скорчившись, стонал и извивался. Модьун подошел и с сочувствием посмотрел на подергивающееся тело.

Через минуту Модьун заметил, что пистолет лежит в нескольких ярдах в стороне. Он подошел, поднял его, осмотрел и увидел, что тот заряжен.

Модьун не знал, что и думать. Поэтому он спросил:

— Где вы взяли оружие?

Никакого ответа, только стон.

Модьун спросил настойчивее:

— Я думал, что их больше не выпускают.

На этот раз ему ответили.

— Ради бога,— простонал человек-гиена,— я умираю, а вы задаете глупые вопросы.

Все оказалось не так уж плохо. Действительно, первоначальное чувство сильной вины отошло на задний план. Оно ослабло, как только Модьун с облегчением осознал, что инстинктивно воспользовался защитной функцией организма.

Тут у человека-гиены начался отвратительный приступ желудочных спазмов. Возможно, он чувствовал сильную изжогу и другие признаки отравления, которые порой испытывают и животные, и люди.

Это страшно болезненно, но он не умрет.

— С вами будет все в порядке примерно через час,— сказал Модьун и положил пистолет в карман пальто.— Но я уверен, что вы собирались стрелять. Это делает вас потенциальным убийцей; поэтому я запишу ваше имя.

Подозревая, что ему не ответят добровольно, Модьун повторил вопрос более требовательным тоном.

— Глидллл,— ответил человек-гиена.

— Хорошо, Глидллл,— произнес Модьун,— мы не хотим дальше нарушать ваше право на свободу мысли, поэтому сейчас я не требую больше информации. Что-то в этом мире неправильно, и я не могу поверить, что вы персонально ответственны за это. Но я буду знать, как связаться с вами, когда наконец приму решение.

С этими словами Модьун повернулся и пошел влево, туда, где заметил проход в заборе, ведущий к входу в столовую.

Когда Модьун попал на улицу, четверо его друзей уже вышли из здания. Увидев Модьуна, Неррл, человек-лиса, облегченно вздохнул. Все остановились.

Несколько минут они говорили все разом, перебивая друг друга. Из этого словесного потока Модьун смог выделить всего несколько битов информации. Как оказалось, они решили, что потеряли его. Модьун задумчиво смотрел на них. Четверка излучала наивную доброжелательность, и это придавало всей истории полную достоверность. Что бы ни случилось, они тут были ни при чем.

Он подумал, что происшествие приобретает вид случайного. Совершенно случайно он вышел через боковую дверь в тот мо-

мент, когда — как они теперь это описывали — они остановились и оглянулись, чтобы что-то рассмотреть. Когда они повернулись, его уже не было.

Но как случилось, что человек-гиена с автоматическим пистолетом оказался на заднем дворе? Такое совпадение наводило на неприятные мысли, но так как никто здесь не знал Модьуна и не знал, кем он был, скорее всего, это было именно совпадение.

Модьун почувствовал, как при этой мысли его напряженное тело расслабилось.

Он наблюдал, как четверо его друзей заторопились на собрание. Сначала они воспользовались движущимся тротуаром, чтобы добраться до проезжей части. Вот один из них махнул рукой, и к тротуару подъехал автомобиль. Они забрались в него, и двери закрылись. Минутой позже машина отъехала, и Модьун быстро потерял ее из вида.

Успокоившись, но ощущая легкую грусть, Модьун направился к квартирам на террасе. Первые неудачи немного обеспокоили его. К тому же он потерял четырех своих спутников. В их компании он чувствовал себя гораздо лучше.

Модьун пошел на взлом, чтобы показать себе и враждебному миру вокруг, как умеет дурманить мозги настоящее человеческое существо. Правда, удивительно было, что обучающие машины не подготовили его к подобным ловушкам. Тот, кто программировал машины, уже забыл такие подробности. Или, скорее, знал, но не принимал во внимание.

Когда Модьун вернулся на улицу, где обустроились его приятели и где он надеялся поселиться сам, он все еще несколько колебался. С облегчением он увидел, что небольшая квартира между человеком-медведем и человеком-ягуаром еще не занята. Раз она свободна, ему не придется позже объяснять, почему он переехал.

Теперь он не терял времени на дальнейшие споры с машиной. То, что он проделал, было лишь одним из способов, с помощью которых человеческий ум управлял положением дел. Сила электростатического поля мгновенно разрушила прочные электрические цепи системы реле запорного устройства.

Четкость его действий была безупречной он даже не повредил небольшой выключатель, с помощью которого компьютер дистанционно контролировал крошечную квартирку. Он просто открыл дверь. Через секунду, когда он повернул ручку, она распахнулась.

Теперь Модьун мог войти. Но вместо этого он остался стоять. У него возникло странное чувство, словно охватившее не только его сознание, но и все ощущения тела.

Он стоял на крыльце своей маленькой блочной квартирки, смотрел с его скромной высоты на часть города Галли и со всей полнотой чувствовал, что он — человек, и другие не такие, как он. Большинство из них приспособилось, но не изменилось. Рост человеческого самосознания из глубин животного для большинства существ, населяющих Землю, не был трамплином для прогрессивного развития.

К ним насильно применили чудеса биологии. С этого времени цепи молекул остались закодированными, поддерживая произведенные изменения; и за тысячи лет кодирование точно выполнило свою задачу.

Не больше и не меньше. Модьун отчетливо представил себе огромные массы людей-животных, которые дружески общались, навещали автоматические пункты раздачи пищи, пробивались в свои квартиры, вводя личные коды в домовые компьютеры, энергично обсуждали подробности того, на что они были запрограммированы, или, как это случилось с его знакомыми, делали что-то по приказу людей-гиен.

Какая удивительная случайность, что люди-гиены из всех людей-животных оказались единственными, кто как-то пробился через внутреннее кодирование.

Стоя здесь, Модьун все еще предполагал, что это незначительный прорыв; что в человеке все еще есть что-то большее, чем в любом животном. Это ощущение засело в его мозгу.

«Мы великие»,— думал он.

Впервые он согласился, что поступил правильно, выйдя из-за барьера, чтобы оценить изменения внешнего мира, узнать, какое время наступило на планете людей.

Вынеся такую оценку своему пребыванию за барьером, он вошел в маленькую квартирку, где собирался пожить некоторое время в качестве обезьяны.

Пока не приедет Судлил.

В свете имеющихся фактов общение с человеком-гиеной, вооруженным пистолетом, казалось бы, к делу не относилось. Скрытый смысл заключался в том, что Модьун стал заметной персоной.

Но это, конечно, невероятно.

«Никто же не станет искать меня,— говорил себе Модьун.— Я человек-обезьяна, который живет, как приезжий, в городе Галли».

Если пистолет был предназначен, чтобы кого-то убить, то собирались убить не Модьуна. Простая логика. И поэтому не было нужды думать об этом дальше.

И он прекратил это занятие.

Модьун проснулся в кромешной тьме, осознав, что кто-то находится в комнате и склонился над его кроватью, сжимая оружие...

Глава V

У Модьуна не было времени на размышления. Поэтому он превратил противника в камень.

Затем он включил свет и встал. Человек-гиена стоял неподвижно, склонившись над его постелью, и крепко сжимал нож. Он был захвачен врасплох во время нанесения удара, и его положение было динамически неустойчивым.

Модьун, конечно, никогда раньше не применял метод превращения в камень к живым существам, и теперь смотрел на свое творение, чувствуя приятное возбуждение. Он — индивидуальность, думающая личность — изучал незваного гостя с полной беспристрастностью. Из того, что он знал о процессах, начинающихся в живом организме при таком способе воздействия, он понял, что в теле человека-гиены были мгновенно освобождены все потенциальные возможности для затвердевания.

Модьун вызвал у человека-гиены артрит, паралич, камни в обеих почках, затвердение артерий и окостенение мышц всего тела... Модьун подозревал, что тот чувствует сильную боль, поэтому он подошел и вынул нож из его руки — или, скорее, попытался это сделать.

Нелегко... Пальцы, казалось, застыли вокруг рукоятки. Но, сильно рванув, Модьун освободил нож. Затем он проверил карманы существа, нашел несколько таблеток и, усилив свое чувство обоняния, установил, что они ядовиты.

Модьун понюхал лезвие ножа. Тот же запах. Метод двойной подстраховки.

Больше ничего он не нашел.

Чувствуя жалость к противнику, он оставил в его теле немного свободной жидкости — необходимый минимум.

Человек-гиена рухнул на кровать. Он лежал там, словно мокрая тряпка, и чувствовал себя примерно так же.

Сейчас в его теле началась внутренняя перестройка. Может быть, ему потребуется день, чтобы оправиться от шока и быть в состоянии двигаться. Некоторое время в его мозгу будет избыток жидкости и слишком много воды в каждой живой клетке. Но поскольку человек-гиена не был болен и в его системе не было естественных нарушений, то в конце концов он придет в себя.

Модьун не знал, когда можно будет расспросить предполагаемого убийцу о его мотивах. Ему казалось, он помнил, как много лет назад обучающие машины говорили, что необходима одна или две недели, пока голосовые связки восстановятся достаточно для того, чтобы существо смогло говорить.

Все это не имело значения. Значение имело лишь то, что кто-то, несомненно, искал его.

Логика говорила, что этого не может быть, но факты вещь неопровержимая. Два покушения на его жизнь. Это невозможно в мире, где нет преступлений. Но все же это случилось.

Модьун мгновенно решил, куда он должен пойти, чтобы провести первую проверку.

Итак, вскоре после трех часов ночи полностью одетый Модьун распахнул входную дверь столовой, работающей круглосуточно, и пошел к боковому выходу, через который он каким-то образом попал во двор и оказался лицом к лицу с вооруженным человеком-гиеной.

Что-то беспокоило его. Мгновенное замешательство...

«В эту дверь меня направил усилитель мысли,— анализировал Модьун.— Он включался только на несколько мгновений».

В течение двух-трех секунд усиленная мысль исподволь подталкивала его в боковую дверь. Все выглядело так, как будто это его собственная мысль. Давление на его мозг осуществлялось осторожно и согласовалось с его собственной целью. В шумном окружении он не заметил постороннего воздействия.

Модьун предположил, что одновременно четверо его друзей-животных подверглось такому же умственному давлению, направившему их в другую сторону, и они не заметили его исчезновения. Это не доставило особых сложностей. Животные-люди не чувствуют таких вещей.

Убежденный в своей правоте, Модьун решил:

«Путь, по которому я сейчас иду, выведет меня к компьютерному центру и к тем, кто там находится. И тогда я буду знать, в чем проблема».

Модьун даже не предполагал, с какой невероятной проблемой столкнется.

Была ночь. Лишь на востоке появилось слабое сияние...

Модьун вошел в компьютерный центр через парадный вход и оказался в мире металлических панелей, залитых слабым светом; некоторые панели простирались от пола до высокого потолка.

Модьун слышал только слабый шум работающих машин и легкие щелчки, когда блоки один за другим соединялись с центральным компьютером или отключались от него.

Все это ничего не означало и не давало никакой дополнительной информации. Тут царил давным-давно заведенный порядок, все работало в автоматическом режиме много тысячелетий и, вероятно, будет продолжать работать, пока на планете не исчезнет жизнь.

Модьун миновал несколько дверей, прошел по коридору и спустился вниз по ступенькам — к центральному вычислительному устройству.

«Вот вы где»,— подумал Модьун.

Машина, перед которой он очутился, казалась обыкновенным компьютером универсального типа. Тем не менее именно отсюда пришла направляющая мысль-команда, заставившая его выйти из боковой двери столовой.

Через минуту Модьуна удивило, что ему позволили зайти так далеко и не создали на его пути никаких дополнительных препятствий. Теперь он чувствовал... сопротивление... своему присутствию. Поразительно, что, несмотря на всю свою чувствительность, он не мог осознать яснее природу этого противодействия.

Ладно, скоро он все узнает.

Он заговорил с компьтером, требуя разъяснений. Его голос эхом отдавался в почти пустом помещении. Он ясно чувствовал, что прошло много, много столетий с тех пор, как шум жизни нарушал тишину замкнутого пространства.

Последовала пауза, которая сама по себе показалась ненужной — ведь компьютеры всегда отвечают сразу, и, наверное, это был единственный подобный случай.

Наконец прозвучал ответ машины:

— Я получил инструкцию проинформировать вас, что нунули, хозяин планеты, поговорит с вами лично, как только подойдет сюда, на что потребуется около минуты.

У Модьуна было шестьдесят долгих секунд, чтобы обдумать значение этих слов.

Минута прошла. Где-то у него за спиной открылась дверь.

Глава VI

Существо, которое вышло из-за рядов машин и металлических панелей, можно было принять за человека лишь издали, да и то на несколько мгновений. Казалось, что оно было одето в какой-то серовато-зеленый костюм. У него было две ноги и две руки, и держало оно их как человек.

Более яркое впечатление произвел на Модьуна его своеобразный голубовато-зеленый головной убор и пара перчаток из необычной ткани в голубую полоску.

Однако спустя несколько мгновений Модьун понял, что незнакомец не является земным созданием. То, что издали казалось разноцветным головным убором, оказалось массой мелких щупалец, поднимающихся над головой и отражающихся в гладкой коже лица, как в зеркале.

А то, что выглядело как костюм, в действительности являлось серовато-зеленой кожей. Кое-где она была скорее серая, нежели зеленая. На существе вообще не было никакой одежды.

Хотя Модьун никогда не видел нунули, он понял, что это и в самом деле пришелец сродни тем, что впервые посетили Землю около пяти тысяч лет назад.

По меньшей мере, здесь был один из пришельцев. Существо остановилось и теперь находилось перед Модьуном. Пришелец оказался ростом около шести футов и выглядел довольно тщедушным. Землянин возвышался над ним на добрых два фута.

И все же Модьун почувствовал себя просителем.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Модьун.

Руки существа поднялись вверх, и это выглядело удивительно точным подражанием человеческому жесту, своего рода пожатием плечами.

— Все сделано,— проговорил нунули.— Больше ничего не нужно. Твоя планета давно завоевана нами.

Голос, которым были произнесены эти слова, звучал нежно, но не был женским. Сами слова были сказаны на универсальном земном языке без акцента. Если он и присутствовал, то казался лишь незначительной местной вариацией.

Модьун оценил ситуацию.

— И какие у вас планы относительно меня и других человеческих существ? — спросил он.

— Никаких,— ответил пришелец.— Что вы можете нам сделать?

— Мы обладаем системой управления разумом,— заявил Модьун.

— Сколько вас здесь?

— Около тысячи,— неохотно ответил Модьун.

На мгновение он сам поразился такой ничтожно малой численности человеческой расы.

— Когда мы впервые прибыли сюда,— сказал нунули,— здесь было около четырех миллиардов человеческих существ. Они могли оказаться опасными. Но теперь я могу сказать, что мы позво-

лим этой тысяче делать все, что им угодно... даже сопротивляться нам. Однако почему они должны беспокоить нас, если мы не беспокоим их?

Модьун с чувством облегчения выслушал его ответ. Его мускулы и нервы напряглись до предела, а сигналы, которые они посылали в мозг, были непривычно сильными.

Наконец Модьун сказал:

— Но почему вы вообще завоевали нас? Что вы собираетесь делать с таким разнообразием разумных форм жизни?

— Что делать с этой планетой,— ответил нунули официальным тоном,— мы еще не решили. Решение будет принято на будущем собрании комитета.

Существо вытянуло руки в подобии человеческого жеста и произнесло:

— Трудно выносить такие вопросы на повестку дня.

— Но почему же вы завоевали нас? — настаивал Модьун.

Нунули вернулся к официальному тону.

— Мы получили инструкции уничтожить руководящую группу, после чего будет принято решение, как распорядиться планетой. Наш метод завоевания Земли заключался в том, чтобы предложить человеческим существам усовершенствовать их тело и мозг. Ваших предков сразу привлекли возможности, которые открывались перед ними. Люди не заметили, что среди стремлений, поощряемых нами, оказался и всеподавляющий импульс к спокойному, бесконфликтному философскому существованию. По мере того как процесс набирал силу, человеческие существа захотели оставить свою цивилизацию животным и насекомым. Позже, когда мы решили, что нас должна представлять группа животных, мы выбрали людей-гиен. Естественно, не представляя себе ситуацию, они мало знают о вас. Поэтому вам причинили беспокойство.

Модьун решил, что инопланетянин намекает на два покушения на его жизнь. Объяснение показалось неудовлетворительным, но Модьун воздержался от комментариев.

— Этого,— продолжал нунули,— более не произойдет, если вы не проявите упрямство.

Модьун быстро оценил сказанное, глубоко вздохнул и сказал:

— Ваши действия едва ли похожи на завоевание.

— Человек фактически исчез как биологический вид. Это завоевание!

Модьуну было трудно оценить все с такой позиции. Сокращение человеческого рода до тысячи особей казалось ему разумным. За людьми в этом вопросе могли бы последовать нунули и огром-

ное количество животных и насекомых, кишевших по всей Земле.

Он так и сказал.

Нунули отверг эту идею.

— Наше предписание — завоевать Вселенную и размножить людей-рабов в количестве, необходимом для выполнения этой задачи.

— Но почему?

— Это решает комитет,— последовал холодный ответ.

В мозгу Модьуна начала формироваться смутная картина иерархической структуры захватчиков. Он сказал:

— Этот комитет... Вы общаетесь с его членами?

— Нет, они сами связываются с нами. Мы получаем инструкции.

— Значит, они не живут среди вас?

— О нет! — ответил потрясенный нунули.— Они живут за барьером, и никто не ходит туда.

— Они похожи на вас? Внешне, я имею в виду.

— Конечно, нет. Это было бы смешно,— нунули вдруг возмутился.— Члены комитета — особая раса.

— Сколько же их там?

— Около тысячи,— был ответ.

— Я вижу,— протянул Модьун.

Из слов, произнесенных этим созданием, было очевидно, что оно само ничего не понимает.

— Комитет не должен быть больше. Он стал бы слишком громоздким.

— Конечно,— поспешно согласился Модьун.

Через минуту он добавил:

— Я вижу, что наших людей-животных посылают в космос к другим мирам. Очевидно, вы используете их как часть ваших войск захвата?

— Конечно. Они действуют как дополнительные силы в нашей схеме завоевания.

— Тогда слухи о том, куда направится большой корабль, готовящийся теперь к полету, просто маскировка?

— На Земле мы поддерживаем видимость демократии, первоначально установленной человеком,— отвечал нунули.— Поэтому мы выслушиваем различные мнения и создаем впечатление свободы выбора для большинства. Но в действительности планеты, которые должны быть захвачены, уже выбраны.

— Сейчас у вас нет плана, что делать с людьми, которые живут на Земле... окончательного плана? — спросил Модьун.

— Пока комитет не примет решение о том, что нужно сделать с Землей, плана у нас не будет,— сказал нунули.— Что будут делать тем временем обитатели Земли, совершенно неважно. Ведь теперь Земля — завоеванная планета.

Существо помедлило и сделало вывод:

— Думаю, для нас может быть нежелательно, чтобы вы находились поблизости, когда приближается время перемен. Поэтому я рекомендую вам вернуться за барьер.

— Мне кажется, что до тех пор пока я буду находиться под личиной обезьяны, я не создам для вас проблем,— ответил Модьун.

— Рано или поздно кто-нибудь узнает вас, и это повлечет за собой затруднения,— был ответ.— Поэтому покиньте город... это мой совет.

— Хотя, как вы знаете, мы, люди, не ведем себя агрессивно, у меня создается впечатление, что, если бы я захотел, я мог бы уничтожить всех нунули на этой планете,— настаивал Модьун.— Разве не так?

— Очевидно,— раздраженно ответило существо,— нам скоро придется доказать вам, что ваша смехотворная численность делает вас абсолютно бессильными. Итак, я думаю, на этом наша беседа должна закончиться. Вы можете выйти из этого здания тем же путем, каким вошли.

Наступило утро.

Когда Модьун проснулся, он подумал, что не чувствует разницы между нынешним своим состоянием, когда знает, что живет на захваченной Земле, и прежним, когда он этого не знал. Четыре миллиарда мужчин и женщин постепенно умирали, и всегда по очень важным причинам: ведь их жизнь была такой беспокойной. Никакой резни. Хуже этого может быть только то, что тех, кто остался, еще предстоит уничтожить.

Дело было сделано и сделано тихо, самим человеком. Могла ли такая судьба человечества быть следствием преднамеренного замысла завоевания?

Вопрос относился к области философии.

Глава VII

Размышления закончились.

Модьун отказался от дальнейших раздумий и встал с постели.

Когда он оделся, то услышал шаги на маленьком крылечке. Он открыл дверь.

За дверью стояли четверо его друзей-животных; они были одеты иначе, чем вчера. Теперь на них были не только широкие брюки, но и удобные пиджаки, под пиджаками — белые рубашки с высокими воротничками, яркие цветные шарфы, завязанные вокруг шеи и свисающие вниз. Даже обуты они были по-другому. Еще днем раньше они носили комнатные туфли неопределенного фасона. Но сегодня утром их сменили блестящие черные туфли.

Модьун удивленно смотрел на людей-животных. Прежде чем он смог заговорить, человек-медведь сказал веселым голосом:

— Может быть, вы захотите пойти с нами завтракать?

Приглашение было радушным. И Модьун не колебался. Ему, действительно, нечего было делать до приезда Судлил из-за барьера. Ему пришло в голову, что, может быть, интересно совершить путешествие по планете; когда он снова присоединится к человеческой расе, от него потребуют отчет. Но путешествие может подождать. По крайней мере, сначала он позавтракает. Модьун улыбнулся.

Он вышел на крыльцо, повернулся и закрыл за собой дверь. Затем снова обернулся к своим друзьям. И на этот раз пожал руки каждому человеку-животному. Неррл оказался последним. Он сказал:

— У нас масса времени. Заседание комитета не возобновится до одиннадцати.

День выдался ясным. Когда они отошли от дома, Модьун глубоко вдохнул и обнаружил, что воздух чистый и свежий. Модьун непринужденно спросил:

— Как прошло вчерашнее слушание?

Ответом было четыре негодующих вздоха.

— Напыщенные гиены,— жаловался Дуулдн.

Другие выражали те же чувства, и из их слов вскоре выяснилось, что им не разрешили высказать свое мнение лишь потому, что они не были одеты как положено; поэтому, расстроенные, они просто сидели среди публики, а неуместные свидетельства в пользу их точки зрения только поставили их в глупое положение перед комиссией.

— Мы уверены, что сегодня этому будет положен конец,— пробормотал Дуулдн мурлыкающим голосом.

Острый взгляд его глаз — намек на ярость ягуара, о чем свидетельствовал яркий румянец на щеках — придавал его словам определенную свирепость.

Помня о словах нунули, что цель для большого корабля уже выбрана, Модьун почувствовал жалость к своим спутникам. Тут его что-то словно подтолкнуло.

— Почему бы мне не пойти с вами? — предложил он.— Я хотел бы сам посмотреть на этих людей-гиен. Я не буду выступать. Только понаблюдаю.

Модьун сказал правду. Он, действительно, хотел посмотреть на них.

Четверо людей-животных были в восторге.

— Мы хотели бы, чтобы вы рассказали им о нунули,— сказал Иггдооз.

— Но он должен найти другую одежду,— проворчал Руузб.— Оденьтесь так, как мы.

— Я не собираюсь выступать,— повторил Модьун.

Они позавтракали, нашли для Модьуна костюм, и он поспешил вместе с ними на улицу, где мчались автомобили. Почти сразу же подоспело такси, и они двинулись в путь.

Целью их поездки оказалось высокое здание в центре города. Компания поднялась на лифте на верхний этаж. В коридоре на лицах спутников Модьуна появилось выражение подобострастного уважения. Скоро они шепотом сообщили о своих намерениях восьмифутовому человеку-гиене, который стоял перед закрытой двойной дверью, ведущей, вероятно, в зал заседаний. Человек-гиена кивнул, попросил соблюдать тишину и очень тихо открыл дверь достаточно широко, чтобы они могли войти по одному.

Модьун сидел сзади и смотрел поверх множества голов странных существ. Здесь было даже несколько мелких насекомых, конечно, не носильщиков. Выяснилось, что они тоже явились сюда, чтобы отстаивать свою точку зрения. Модьун не слушал их доводов и поэтому не понимал, чего они хотят.

Его внимание приковала к себе комиссия: одни люди-гиены. Удивительно. Модьун чувствовал сильное желание подобраться к ним поближе. Он видел, что это удавалось лишь тем, кто выступал, и поэтому решил, что должен как можно больше узнать о людях-гиенах, если собирается оспорить право комитета принимать решение. А почему бы и нет?

Поэтому, когда Неррл высказал свои страстные доводы и был отпущен, Модьун сделал ему знак рукой, чтобы он подошел. И шепотом сказал ему, что передумал и хотел бы, чтобы его имя внесли в список выступающих.

Человек-лиса, который наклонился, чтобы выслушать его просьбу, выпрямился в полный — семь и три четверти фута — рост и громко, хотя и с некоторым удивлением в голосе, произнес:

— Конечно, мы запишем ваше имя. Мы хотим, чтобы вы рассказали им о нунули.

Его голос звонко прозвучал на весь зал, и секретарь собрания резко постучал по столу, призывая к порядку и тишине. Однако в нужное время Модьун оказался на трибуне оратора. Один из членов комитета вежливо обратился к нему:

— Здесь сказано, что вы обезьяна. Я видел обезьян и считаю, что вы не совсем похожи на обезьяну.

— Есть много видов обезьян,— Модьун повторил аргумент, выдвинутый в машине одним из его товарищей.

— А к какому виду относитесь вы? — настаивал спрашивающий.

Модьун не обратил внимания на вопрос. Ему было интересно поближе увидеть правящих животных Земли. Люди-гиены, напавшие на него возле столовой и в спальне, в своем болезненном состоянии были неподходящими объектами для изучения.

Модьун предполагал, что, наверное, так же трудно изучать человека, страдающего жестокими желудочными коликами или артритом.

Поэтому теперь он внимательно осмотрел своего собеседника.

Действительно, разница существовала... и она сразу бросалась в глаза.

Внешне председательствующий напоминал обычных измененных животных. Форма головы у него была как у настоящей гиены, и, как другие животные, гиена напоминала зверя, ее породившего. Как и у других людей-животных, выражение лица человека-гиены было почти человеческим, таким тщательным было биологическое приближение к человеческой форме.

Но существовала разница — неуловимая, но очевидная. Модьун ощутил их превосходство. Логика людей-гиен была проста: они управляют планетой, поэтому стоят выше.

В голове Модьуна возник вопрос: знают ли гиены, что они служат агентами инопланетной расы? Был ли сознательным их союз с нунули? В существующих обстоятельствах ответ на этот вопрос получить было нельзя.

Когда цепь умозаключений приобрела в мозгу Модьуна строгий порядок, он решил прямо бросить вызов имеющемуся порядку вещей.

Он сказал:

— Не могли бы вы процитировать мне указания людей, позволяющие человеку-гиене рассматривать вопросы, подобные этому?

В публике началось волнение. Послышалось шарканье ног, даже тяжелое дыхание и бормотание. Председатель опустил молоток, требуя тишины. Член комитета, который ораторствовал

ранее, поднял брови и откинул голову, потом занял прежнее положение и произнес:

— Ваш вопрос не относится к кругу тем, по которым наш комитет может выносить решения. Мы работаем по указанию правительственного департамента, и круг вопросов, которые мы рассматриваем, строго ограничен. Вас удовлетворяет этот ответ?

Модьун вынужден был молча согласиться. Он не заботился о том, кому бросал вызов, ведь он обнаружил, что противостоит второстепенной организации. Это был один из тех — не бесконечных, но кружных — путей, вроде разговора с компьютером вместо человека, который его программировал, ведущих в пустоту.

И еще Модьун подумал, что гиены — джентльмены.

Действительно все выглядело очень цивилизованно и благопристойно. Модьун понял, что не может испытывать вражды ни к кому, кто достиг их уровня культуры.

— В таком случае у меня теперь нет других аргументов,— заявил Модьун комитету.

Когда он поднялся, чтобы сойти с помоста, человек-ягуар выкрикнул из публики:

— Эй, а как насчет нунули?

Очевидно, для человека-гиены это было уже слишком. Председатель в ярости опустил молоток. Стремительно вошли люди-гиены в форме. Через несколько минут комнату заседаний освободили от публики и в коридоре зачитали сообщение, что заседание продолжится сегодня в три часа дня.

Когда Модьун пошел с друзьями к лифту и завернул за угол, то увидел, что множество людей-гиен в форме блокировало коридор в сотне футов впереди. Когда зрители и выступающие, присутствовавшие на заседании, подходили к этому живому барьеру, каждый останавливался и что-то говорил. Во всех случаях, которые наблюдал Модьун, ответ оказывался удовлетворительным, и ответившему разрешали пройти по узкому проходу между двумя рядами униформированных людей-гиен.

Маленькая группа из пяти существ должна была дожидаться своей очереди. Неррл, который стоял впереди, сказал, обернувшись назад:

— Они спрашивают у каждого его имя. Как только получают ответ, разрешают пройти.

У человека-гиены, который задавал вопросы, было суровое лицо; в одной руке он держал какие-то бумаги. После того, что Модьун произнес обезьянью версию своего имени, офицер посмотрел на свои бумаги и сказал официальным тоном:

— Вы не можете произнести свое имя по буквам?

Модьун терпеливо проделал это. Существо еще раз изучило бумаги, которые были у него в руке.

— Это для вас,— сказал человек-гиена.

Он протянул документ Модьуну. Тот взял, но спросил удивленно:

— Для меня? Что это?

— Повестка.

— Какая повестка? — заинтересовался Модьун.

Человек-гиена рассердился.

— Прочитайте,— ответил он.— Тогда вы узнаете, что это такое.

Он махнул рукой другому человеку-гиене в форме. Вся группа застыла.

— Направо! Марш! — скомандовал командир.

Звук их шагов быстро затих.

Модьун стоял рядом с Руузбом, а трое других удивленно смотрели на него.

— Что это было? — спросил Руузб.— Что он дал вам?

— Повестку,— ответил Модьун.

— Что?

Модьун протянул повестку человеку-медведю. Медведь посмотрел на сложенную бумажку, затем медленно и громко прочитал сверху: «Государство против Модиунна». Он поднял глаза.

— Модиунн — это вы, все правильно,— сказал он.— Но кто это «государство»?

Модьун не смог подавить улыбку.

— Государство — это правительство.

Он замолчал. Его улыбка погасла, когда до него дошел смысл собственных слов. Наконец он сказал:

— Вероятно, это относится к людям-гиенам, захватившим власть.

Он увидел, как бледно-розовое лицо Дуулдна нахмурилось.

— Вы задали на заседании хороший вопрос, Модиунн. Какое люди-гиены имеют право решать, куда должен направиться космический корабль?

Теперь он хмурился. Мускулы его челюстей странно двигались. Он сжал зубы с почти металлическим звуком и закончил:

— Я никогда раньше не думал об этом.

— Да, это был хороший вопрос,— проговорил Руузб.— Вы и я, черт возьми,— он посмотрел на человека-ягуара,— ведь мы можем сражаться с дюжиной людей-гиен без всякой поддержки? Почему же они говорят нам, что делать?

Модьун быстро посмотрел на одного и другого: двое сильных людей-животных. У обоих лица раскраснелись, очевидно, внутри

они кипели. Человек подумал: «Дикость, действительно, скрыта не так глубоко». Он был удивлен, но...

Для него это открытие оказалось решающим. В будущем ему лучше хорошенько обдумывать свои слова. Очевидно, попытка возбудить этих людей-животных не приведет ни к чему хорошему, потому что они не могут рассуждать здраво, а только зря волнуются.

Вслух он сказал:

— Успокойтесь, друзья. Давайте не возбуждаться. Это не нужно.

Прошла еще минута. Постепенно их лица приняли свой нормальный цвет. Дуулдн протянул руку и взял документ из руки Руузба.

— Давайте посмотрим,— сказал он.

— Подождите,— возразил человек-медведь.

Но его реакция была слишком медленной. Его друг забрал у него повестку и развернул ее. Человек-ягуар посмотрел на первые слова внутри и, казалось, на несколько минут онемел от того, что увидел. Затем он прочитал вслух: «Вызов в суд по уголовному делу».

— Уголовному? — повторил Неррл.

Все четверо людей-животных мгновенно отошли от Модьуна, остановились поодаль и настороженно посмотрели на него.

Теперь на их лицах было замешательство.

Модьун сказал:

— Как я могу быть преступником в мире, где нет преступлений?

— Да,— сказал Руузб.— Он прав. Что он мог сделать?

— Ну, я не знаю...— Это с сомнением произнес человек-лиса.— Если человек-гиена говорит, что он преступник, то, наверное, это правда.

Неожиданно он сказал:

— Очень хорошо спорить о том, как им удалось войти в правительство. Но факт остается фактом: они правят нами.

Модьун сказал Дуулдну:

— Там написано, в чем меня обвиняют. В чем же?

— Да,— сказал Руузб,— прочитайте.

Человек-ягуар снова поднес листок к лампе и произнес мягким глубоким голосом:

— Обвинение — да... вот оно... Повреждение выхода компьютера, проникновение незаконным путем в помещение для приезжих...

Он мигнул.

— Эй, это несерьезное преступление.

Он снова посмотрел на повестку.

— Здесь говорится, что вы должны предстать перед судьей в следующий... вторник... До тех пор — послушайте — всех честных граждан призывают не общаться с обвиняемым. Это относится к нам, честным гражданам. Поэтому,— он кивнул Модьуну,— вы должны пробыть в одиночестве только до следующего вторника.

Он поспешно сложил повестку и протянул Модьуну. Все признаки его недавнего бурного возмущения исчезли. Он сказал:

— Ну, друзья, лучше нам уйти отсюда.

Модьуну же он сказал:

— Увидимся в следующий вторник, дружище.

Он ушел; за ним последовал Неррл, который небрежно кивнул, прощаясь. Руузб и Иггдооз колебались. Человек-медведь неуверенно проворчал:

— Вы не можете просто так бросить друга в беде.

Модьун принял решение не втягивать этих славных зверей в свои дела.

— Только до следующего вторника,— подтвердил он.— Тогда увидимся.

Казалось, эти слова необходимы человеку-медведю и человеку-гиппопотаму, чтобы успокоить их. Было видно, что они почувствовали облегчение и пожали ему руку почти с благодарностью. Затем они поспешно отправились за своими товарищами.

Тем временем Модьун, шагая в том же направлении, подошел к шахте лифта. Четверых приятелей там уже не было. Вокруг вообще не было ни души. Когда подъехал следующий лифт, Модьун увидел, что и тот пуст. Удивительно. Тем не менее он собирался войти, но мысль об отсутствии людей-животных там, где пять минут назад их было очень много, заставила Модьуна подумать об опасности.

«Я лучше пойду вниз пешком»,— решил он. Он помнил, что нунули — коварный тип.

Было бы обидно, если бы лифт застрял по пути вниз. Чтобы спастись, он должен был нарушить еще несколько законов... Когда Модьун спускался по первому пролету лестницы, он подумал, что у него слишком сложная реакция на простую ситуацию.

«Я полагаю,— вздохнул он, начиная преодолевать второй пролет из тридцати трех,— что именно так люди должны были все обдумывать много лет назад, когда существовала конкуренция, интриги и все такое».

Шагая вниз по третьему пролету, Модьун почувствовал отвращение к жизни вне барьера. Может быть, он должен сделать то, что хочет нунули: вернуться за барьер и забыть все это безумие.

Но, спускаясь по четвертому пролету, он с грустью подумал: «Я обещал Доде. И, кроме того, через несколько недель приедет Судлил».

Поэтому ему ничего не оставалось делать, как только тащиться вниз еще по тридцати пролетам.

Что он и сделал.

Когда он добрался до вестибюля, то принял решение.

Четкое и сознательное.

Глава VIII

Тишина охватывала все... но то тут, то там возникало беспокойство.

Модьун чувствовал свое единство со всем ближним космосом, кроме зоны беспокойства — зоны вмешательства, воздействия, агрессивной энергии — всего, что мы называем насилием. Возможно, здесь присутствовала только возможность насилия. Завитки, цепи и темнота. Сверкающие пряди и потоки сверкающего серебра вибрировали в безбрежном пространстве вокруг него.

Он понимал, что люди-животные — мирные и глупые. Здесь их было так много, что их общая доброжелательность заполняла пустоту.

Люди-гиены создавали беспорядок в его ощущении окружающего энергетического поля. Подавляющее большинство их казалось неинформированными простофилями. Сияние их аур, хоть и переплетенное с темными прядями замутненного сознания, показывало, что они не стали правящей группой. Но гиены согласились на эту роль — и здесь не было ошибки. От них исходил постоянный поток слабой агрессии. Они создавали... строгость... да... жесткость. Но ничего по-настоящему серьезного.

А вот гиены-руководители имели различную окраску. Они знали правду. Знание окрыляло их. Вокруг этих осведомленных личностей зарождались облака своеобразных частиц восхищения собой. Ликование полной безнаказанности и безопасности. Безопасности, которая происходила от сознания того, что нунули — всемогущие и те, через кого они управляют, абсолютно неуязвимы.

Гордость занимаемым положением, переплетенная с вечной эйфорией самодовольства — структура пространства вокруг них

была закручена в многочисленные формы. Их было больше тысячи, слишком много, чтобы сосчитать; целый высший класс людей-гиен. И вокруг каждой личности агрессивная аура...

Но настоящее беспокойство излучал лишь один нунули. Вокруг него пульсировало огромное бесформенное черное облако. Непроницаемая пелена закрывала инопланетное существо.

Темнота тянула энергию из ближнего источника. Но этот источник не имел определенного местонахождения. Сила, которая исходила от него, немного пугала даже Модьуна.

Это же Единое Психическое Пространство!

«Значит, я сделал основное открытие, касающееся моего главного врага».

Эта мысль привела Модьуна в состояние нерешительности. Сознание отвергало идею врага, потому что... Существуют ли вообще какие-либо враги?

Мировоззрение Модьуна утверждало, что нет. Здесь нет врагов. Здесь есть только существа, которые своими действиями вызывают враждебное отношение к себе.

Они сами вызвали это отношение к себе, а потом стали считать, что во всем виноват враг.

Но настоящий враг — это мгновенные импульсы, заставляющие людей делать то, что вызывает враждебное отношение.

Нет реакции — нет врага.

Итак, Модьун решил, что должен вернуться в свою маленькую квартирку и оставаться там, не создавая проблем, не вызывая к себе враждебного отношения, до следующего вторника... когда он пойдет в суд. Это будет мирным ответом на врученную ему повестку.

Так он и сделал, за исключением того, что выходил поесть.

Глава IX

У дверей стоял мужчина, к одежде которого была прикреплена карточка с надписью «уполномоченный по судебным повесткам». Этот человек-гиена проверил повестку Модьуна и просто сказал:

— Входите, сэр.

Модьун вошел в большую комнату и удивленно огляделся. Прямо перед ним был длинный стол. За ним, за маленькими прозрачными окошками, находилось около дюжины женщин-гиен. Перед каждым из этих окошек стояла очередь людей-животных. Очереди различались по числу ожидающих, от шести до двадцати.

Ничего похожего на комнату судебных заседаний. Модьун вышел в коридор и посмотрел на другие двери. Потом медленно прошел к ближайшей. Его предположение, что, может быть, на повестке напечатан неправильный номер, не оправдалось. Тут также не было никаких признаков зала суда.

Модьун медленно вернулся в большую комнату, снова показал повестку «уполномоченному по судебным повесткам», который, казалось, успел забыть его, и его еще раз впустили. На этот раз он приблизился к человеку-гиене в форме, стоявшему чуть в стороне. На его табличке значилось: «служащий суда». Повестка еще раз выдержала испытание как приемлемое средство общения. Служащий посмотрел на нее и сказал безразлично:

— Окно номер восемь.

Модьун подошел и встал в конец. Здесь была самая короткая очередь, которая состояла из пяти человек. Модьун оказался шестым.

Встав в очередь, он заметил, что первым здесь был человек-тигр, которому через окошко в этот момент передали листок бумаги. Человек-тигр просмотрел листок. Затем наклонился и что-то проворчал в окошко. Модьун не расслышал слова, но он не мог ошибиться в чувстве, с которым они были произнесены,— ярость. Ответ женщины-гиены был удивительно четким. Она сказала вежливо:

— Простите, не я пишу законы.

Человек-тигр медленно выпрямился. Потом он постоял, нахмурившись, не менее десяти секунд, сжал челюсти и быстро пошел к двери.

Человек-крыса прямо перед Модьуном покачал головой и прошептал:

— Наверное, суровый приговор.

Модьун спросил:

— А какое было преступление?

Собеседник покачал головой:

— Это написано в его повестке,— и добавил: — Наверное, избил кого-нибудь. За это строго наказывают.

— Гмм...— пробормотал Модьун. Ему было интересно.— А что сделали вы?

Человек-крыса заколебался. Потом ответил:

— Украл.

— Воровство! В мире, где все можно получить свободно.

Модьун был искренне удивлен. И только после того, как он это сказал, ему невольно пришло в голову, что его слова могли обидеть человека-крысу.

И, действительно, первой реакцией человека-крысы стало:

— Ради бога, это не так страшно.

Сказав это, он смягчился и, казалось, понял, по крайней мере отчасти, почему удивился Модьун. Он продолжал более непринужденным тоном:

— Это трудно представить, но я начал кое-что замечать. Вы и я,— он вдруг возмутился,— мы можем пользоваться этими общественными автомобилями на главных дорогах. Но если мы хотим добраться до небольшой улочки, мы должны выйти из такого автомобиля и пройти к движущемуся тротуару или просто идти пешком.

— Что же в этом плохого? — спросил Модьун. Он говорил нейтральным тоном.— Когда говорят о деталях, все кажется очень справедливым. Никто же не должен идти больше, чем сто ярдов.

Тонкое крысиное лицо собеседника исказила понимающая улыбка:

— Когда я заметил, что люди-гиены, официальные лица, имеют специальные автомобили и едут прямо в эти боковые улочки, я понял, что я просто должен назваться чужим именем. Итак, я остановил один автомобиль и поехал на нем домой. И вот я здесь.

Пока он говорил, очередь продвинулась вперед. Теперь Модьун взглянул в лицо человека, которому только что вынесли приговор — ничего не выражающее лицо, напоминающее крокодила или, по крайней мере, рептилию; выражение этого лица ни о чем не говорило, поэтому Модьун снова повернулся к человеку-крысе и поинтересовался:

— Как они поймали вас?

— Частные автомобили связаны со специальным компьютером, который послал за мной патрульного, человека-гиену,— последовал возмущенный ответ.— Таким образом мне вручили повестку, чтобы я сегодня явился на судебное разбирательство, и вот я пришел.

— Не очень похоже на судебное разбирательство,— заметил Модьун, когда третий человек в очереди получил карточку со своим предварительно напечатанным приговором, прочитал его, встревоженно оскалившись, показал свои кроличьи зубки и отскочил к двери.

Значение слов Модьуна, казалось, не дошло до сознания человека-крысы.

— Ах, суд есть суд,— вздохнул он.

Модьун не считал, что это похоже на суд.

— Вам и мне просто не повезло, и поэтому мы в суде,— пожал плечами человек-крыса.

От окошка отошел четвертый человек. Человек-крыса сказал торопливо:

— Я лучше повернусь к окошечку. Своими манерами надлежит выказать уважение, иначе это может быть рассмотрено как неуважение к суду.

— Как вас зовут? — спросил Модьун.

Имя человека-крысы было Банлт, он жил в Галли, имел жену и трех детей. Банлт хотел знать, почему Модьун интересуется им.

— В мире,— сказал Модьун,— который является идеальным за исключением того, что людям нужно пройти лишнюю сотню ярдов, вы совершили кражу. Мне хотелось бы изучить вашу философию.

Банлт не ответил. Ему уже вручали его приговор. Банлт посмотрел в свою карточку, и его лицо приобрело напряженное, недоверчивое выражение. Он ушел ошеломленный. Модьуну хотелось пойти за ним, но подошла его очередь. Он протолкнул свою повестку под решетку и с большим интересом наблюдал, как женщина-гиена набивала на машине справа числа, напечатанные на повестке. Появившийся листок бумаги развернулся в жесткий бланк.

С большим интересом Модьун взял листок и прочитал: «Наказание: двадцать дней заключения в квартире. Вы можете выходить поесть три раза в день, затрачивая не более часа на каждую еду».

Он был удивлен. Он наклонился и обратился к женщине:

— Приговор кажется немного нелогичным. Мое преступление в том, что я занял квартиру нелегально. Теперь я приговорен к заключению в той же самой квартире, и, очевидно, мое пребывание там больше не будет считаться нелегальным. Есть здесь кто-нибудь, с кем я могу это обсудить?

— Пожалуйста, выйдите из очереди. Спросите у служащего все, что вы хотите узнать.

Модьун, который во время получения своего «приговора» краем глаза наблюдал, как Банлт прошел мимо служащего по повесткам и задержался лишь, чтобы задать краткий вопрос, выпрямился и поспешно прошел к тому же выходу. Выйдя в коридор, он оглядел людей вблизи и вдали в поисках Банлта.

И не увидел его.

Он, наверное, убежал и совершенно забыл о моей просьбе. Очень плохо.

Покачав головой, как это иногда делал Руузб, Модьун повернулся, чтобы вернуться в комнату судебных заседаний. Но вход преградил служащий по судебным повесткам.

— Вы должны иметь повестку, чтобы войти в комнату заседаний, сэр,— вежливо сказал человек-гиена.

Модьун объяснил, что случилось, и показал листок с приговором. Страж у двери, потому что именно этим сейчас занимался этот человек-гиена, покачал головой:

— Сожалею, сэр, но у меня нет указаний пропускать кого-либо без повестки.

— Хорошо,— сказал Модьун. Он отступил назад, посмотрел на создание, загородившее проход, и подумал:

«После всего, что я узнал, это судопроизводство — не более чем пародия. Было бы смешно спрашивать о нелогичности одного аспекта, когда вся процедура несправедлива».

Но Модьуна волновали еще некоторые детали. Вслух он сказал:

— Не могли бы вы сказать мне, какого рода приговоры выносятся здесь? Например, тому человеку-крысе, который вышел передо мной. Какое наказание он мог получить за то, что сделал? За кражу автомобиля.

Страж у двери выпрямился в полный рост.

— Сэр, те из нас, в ком есть внутренняя сила, чтобы управлять, имеют также и сострадание, поэтому много лет назад издали декрет, что о наказании, которое выносит суд, сообщают только тому, кого наказывают,— сказал он.

Модьун запротестовал:

— Я не понимаю, какую ценность имеет тайна для человека, которого неправильно наказали.

Страж оставался спокойным.

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Вы мешаете работе суда.

Он говорил чистую правду, поскольку как раз в этот момент подошел еще один человек-животное с повесткой. Модьун отступил, постоял в нерешительности, потом пошел к лифту.

Он провел день в суде, и теперь настало время отбывать срок наказания — по крайней мере, пока не приедет Судлил.

Глава X

Когда автомобиль остановился, взвизгнув тормозами, Модьун увидел женщину, стоявшую возле кустов. Частично они скрывали ее. Ему удалось только мельком взглянуть на нее. Поскольку он опоздал и, следовательно, был виноват, он выпрыгнул из автомобиля и подбежал к ней. Модьун пытался успеть обернуться за час, потому что не мог слишком надолго отлучаться из своего дома-тюрьмы.

Хотя Модьун пропустил поход в столовую, чтобы иметь в своем распоряжении больше времени, он понимал, что уже опоздал. Поэтому нужно действовать как можно быстрее. Посадить ее в автомобиль и мчаться в город.

Думая так, он карабкался на небольшой холм к зарослям, где она ждала его. Тут он увидел Экета. Насекомое-ученый был на высоте сто пятьдесят метров над долиной и, несомненно, возвращался назад за барьер.

Модьун остановился и сконцентрировал мысли на сознании насекомого. Он поприветствовал его и получил вежливый ответ. Потом он передал сообщение для своих товарищей-людей.

В своем мысленном отчете он кратко описал все, что ему удалось обнаружить. Изменения в программах всей компьютерной сети. Новый статус людей-гиен. То, что нунули завоевали Землю от имени какого-то комитета.

Его отчет носил чисто информативный характер. Очевидно, интерес к таким подробностям среди настоящих человеческих существ будет незначительным. Возможно, он вызовет у нескольких приятное возбуждение, но не более того. Вероятно, что Дода получит определенное удовольствие и удовлетворение от результатов эксперимента, столь сильно раскритикованного в самом начале. (Несколько мужчин особенно возмущались тем, что он вовлек Судлил в свои опыты.) Тем не менее, было сомнительно, что кого-нибудь еще можно будет уговорить обрести самостоятельно функционирующее тело со всеми унизительными потребностями живого организма.

Произнося заключительные слова своего отчета, Модьун учел возможную реакцию тех, кто остался за барьером.

Через Экета он передал:

— Так как Судлил и я вынуждены еще три года терпеть неудобства существования в полном теле (два из них здесь) я бы предложил, чтобы вы разрешили нам самим принимать решения, связанные с вышеуказанным положением дел.

Закончив сообщение, Модьун понял, что женщина ушла из поля его зрения. Несколько мгновений он колебался, глядя на подернутую дымкой долину, где быстро исчезало насекомое-носильщик. Его волновало, что он передал людям неправду. Правда заключалась в том, что он не смог справиться с ситуацией и сомневался, что Судлил захочет помочь ему решить его проблемы.

Постепенно ощущение обиды на самого себя рассеялось. Ведь ничего не случилось. Что могут сделать нунули против людей? Кажется... ничего. С этой мыслью он начал обходить кусты. Обошел, остановился и посмотрел.

— Господи,— подумал он.

Судлил стояла рядом с большой дорогой, наблюдая за непрерывным движением. Она находилась лишь в тридцати метрах от него и сначала не показала вида, что заметила его появление. Модьун двинулся вперед, и она повернулась к нему. Немедленно. И это удивило его.

Какая живость! Совершенно поразительно! Она улыбалась, глядя на него. Это была электризующая, великолепная улыбка. Судлил была экстравагантно одета — в брюки и рубашку. Ее золотые волосы ниспадали на плечи. Синие глаза были такими яркими, что, казалось, сияли собственным светом. Губы были полуоткрыты, и вся она производила впечатление блестящей индивидуальности на грани... чего?

Модьун не знал. Он никогда не видел женщину, которая была бы человеческим существом полного роста. Ее внешность казалась ему такой неожиданной из-за того, что несколько недель назад, когда Модьун в последний раз видел Судлил, ее размеры были значительно меньше. И она выглядела немного неповоротливой, что Дода относил на счет слишком быстрого роста клеток. И, конечно, лекарств.

Все это прошло.

Судлил излучала здоровье. Все ее тело и лицо трепетало. И это продолжалось, не прекращаясь ни на минуту! Прекрасное создание сказало приятным голосом:

— Экет поручил мне передать твое сообщение остальным.

Потом женщина добавила:

— Значит, есть проблемы?

Тут Модьун заговорил:

— Отчасти,— ответил он торопливо.— Пойдем в машину, я все расскажу.

Теперь Модьун заволновался. Он, действительно, опаздывал домой, и чем раньше они отправятся в путь, тем лучше будет его положение.

Судлил не пыталась возражать. Модьун посигналил свободной машине. Они сели, и он начал рассказ о том, как его по ошибке приняли за обезьяну, как он позволил неправильно идентифицировать себя из любопытства, и о том, что он должен находиться под арестом в своей комнате в наказание за то, что получил квартиру под чужим именем.

Когда Модьун закончил отчет, Судлил спросила:

— Твой приговор действует двадцать дней?

— Да.

— А прошло восемнадцать?

— Да.

Он ответил несколько растерянным тоном: ему показалась, что она что-то придумала.

— Ты думаешь, важно, чтобы прошло точно двадцать дней? — спросила женщина.

— А ты как думаешь?

— Ну, им нужно двадцать дней, чтобы закончить какие-то приготовления, связанные с тобой, и они хотят, чтобы ты не мог действовать в течение этого времени?

Совершенно новая мысль. Но Модьун быстро понял ее скрытый смысл. Он сказал:

— Что же такое они могут сделать за три недели, что нельзя сделать за три дня?

Он помолчал, а потом добавил:

— Я предполагаю, что получил приговор в соответствии с преступлением.

— Значит, ты думаешь, что некоторые животные нарочно неправильно называют себя?

После глубокомысленной паузы Модьун понял, что не верит ничему подобному и сомневается, что кого-либо раньше наказывали за такое «преступление».

Помедлив, он сказал:

— Странно, но, в самом деле, что такое они могут предпринять? Что может сделать их комитет?

Выражение лица Судлил стало таким, словно она старалась переварить трудную мысль. На слова Модьуна она ответила сияющей улыбкой. Судлил была прекрасна.

— Правда,— согласилась она.— Значит, проблем действительно нет. Я просто полюбопытствовала.

Мысль была, несомненно, хороша, и то, что она так легко отказалась от дальнейшего обсуждения, не удовлетворило Модьуна полностью. Это напомнило ему, как быстро бежит время.

— Что касается всего остального,— добавил он,— то я решил не делать ничего, что может создать дальнейшие проблемы.

— Это кажется очень разумным,— ответила женщина.

Ее ответ был таким доброжелательным, что Модьун счел момент достаточно благоприятным для дальнейших объяснений. Поэтому он передал ей все, что услышал от нунули, и назвал Землю захваченной планетой.

— Давным-давно, прежде, чем человеческая раса достигла нынешнего высокого уровня, это заставило бы меня объявить войну и изгнать захватчика из нашего общества,— сказал он.— У меня ощущение, что они победили хитростью и что такие хит-

рости обнаруживают их ужасный упрямый характер. Им нельзя позволить преуспевать. Но, как сказали бы мои друзья-животные, и ты должна согласиться с этим, все это преходяще.

— Я согласна,— сказала женщина.

— Поэтому,— закончил свою мысль Модьун,— мы должны пожить здесь еще несколько дней в качестве обезьян, чтобы не вызвать раздражение людей-гиен.

Последовала небольшая пауза. Автомобиль монотонно гудел, его резиновые шины пели. Потом Судлил сказала с необычной интонацией:

— Но я не обезьяна!

Модьуна немного удивил ее ответ. Это казалось очевидным, и ему самому никогда не пришло бы в голову поднимать подобный вопрос. Он сделал то, что раньше не считал нужным: проанализировал, что же вызвало такое замечание. И не нашел ответа. Его рассказ был исключительно рациональным. Он четко объяснил свое затруднительное положение и то, как он собирается выйти из него.

Судлил продолжала:

— У вас, мужчин, бывают очень странные идеи. Очевидно, на этот раз мы должны появиться, как подобает людям, и это автоматически решает предыдущую проблему. Давай это обсудим.

Модьун сидел рядом с Судлил с несчастным видом. С ее логикой было что-то не так, но тон ее голоса означал, что обсуждение вопроса закончено. Поскольку он привык действовать по принципу полного уважения к ее точке зрения или к точке зрения любого другого человека, то все было решено.

Их молчание прервалось двадцатью минутами позже. Судлил смотрела из окна автомобиля. Вдруг она указала на что-то и спросила:

— Что это?

Взгляд Модьуна последовал за кончиком ее пальца. Вдалеке виднелось какое-то сооружение. Над равниной высилась конструкция таких исполинских размеров, каких Модьун еще не видел. Он успел только раз взглянуть на ее основные контуры прежде, чем автомобиль промчался мимо узкой расселины в крутых холмах и огромное сооружение скрылось за ними. Тем не менее, Модьун увидел достаточно.

— Должно быть, это космический корабль,— сказал он.

Он рассказал о своих четырех друзьях-животных и их скором отлете к далекой звездной системе.

Растроганным голосом Модьун описывал, как в день вынесения приговора четверо его знакомых людей-животных робко при-

шли к его двери, чтобы узнать, какое наказание он получил. И какое облегчение они почувствовали, когда узнали, что в приговоре ничего не сказано о том, что с ним нельзя общаться.

— Они ходили со мной в столовую,— продолжал он,— и навещали меня. Кроме сегодняшнего дня, потому что сегодня они получают аппаратуру для путешествия.

Судлил ничего не сказала на это, она слушала равнодушно. Это был дружественный нейтралитет. Позже, когда автомобиль въехал в город, Модьун показал ей разные достопримечательности: квартиры для приезжих, дома для постоянного проживания, столовую, улицу с магазинами... Он понимал, что не может сдержать свои чувства. Сейчас его беспокоило то, что он испытывает гордость, словно человек, который знает такие важные мелочи и хвастается своими знаниями перед тем, кто их не имеет. Однако его удивил интерес Судлил к этим подробностям. Как и следовало ожидать, ее внимание наконец переключилось на жилье, которое в давние времена предназначалось для людей.

— Ты думаешь, что его все еще не используют? — спросила она.

— Посмотрим,— ответил Модьун. Он показал на склон холма впереди.— Это здесь, справа.

Дом, который выбрала Судлил, имел сады, террасами спускающиеся вниз до самого здания, которое представляло собой пять овальных блоков, входящих один в другой. Каждый овал был иного цвета, и общий эффект получался поразительный. Женщине понравился его вид. Поскольку она твердо решила обосноваться в одном из таких домов, Модьун не спорил. Он представился автомобилю человеческим именем и дал команду отвезти их вверх по крутой дороге к главному входу.

Когда они выбрались, машина немедленно уехала. Они остались возле дома.

Глава XI

Они прибыли точно на место назначения, но Модьун еще колебался.

«Должен ли я согласиться с ее решением?» — спрашивал он себя.

Неужели наступил конец его обезьяньего существования?

Хозяин, нунули, предостерегал против подобных решений. И Модьуна волновало то, что глупые животные могут быть настроены против человеческих существ. Тогда им придется решать, до какой степени использовать способы защиты.

Модьун обернулся к женщине, чтобы спросить, думала ли она об этом. И увидел, что она идет к прелестной балюстраде в конце дороги. За ней был крутой обрыв. А ниже простирался город Галли; он раскинулся дальше, чем представлял Модьун. Женщина прислонилась к парапету и посмотрела вниз. Модьун остался на прежнем месте, но и отсюда была видна большая часть открывшейся панорамы.

Теперь он заметил кое-что, чего не видел раньше,— самый высокий дом в городе. Люди стояли на вершине холма, и вид, открывшийся перед ними, был поразительным. Даже крыши далеких небоскребов были ниже того места, где стоял Модьун.

Он подумал: «Может быть, ей нравится не разнообразие красок, а высота».

На него вид произвел должное впечатление.

Ему пришло в голову, что он, как опытный человек, должен что-то предпринять.

Что же именно?

Он огляделся. Автомобиль довез их до дома. Дорога шла мимо и поворачивала вправо. Очевидно, она шла по кругу, потому что автомобиль появился далеко внизу и помчался назад по той же дороге, по которой приехал.

Модьун внимательно посмотрел на дом. Если тот занят, этого не было заметно. Вблизи ни звука, ни движения. Нет, звук все-таки был. Полуденный ветерок шелестел кустами. Опавшие листья с шуршанием неслись по вечной пластмассовой дороге. Неожиданно громко запел жаворонок.

Модьун направился к входу. Он почувствовал, что женщина оглянулась. Модьун назвал свое настоящее имя дверному компьютеру, и Судлил подошла к нему. Модьун нажал защелку. Когда замок открылся, он толкнул дверь. Оглянувшись, он шагнул к женщине и одним движением поднял ее.

Его удивил ее вес, но он дал мускулам команду увеличить усилие и без труда перенес ее через порог.

У него лишь чуть-чуть перехватило дыхание, когда он опустил Судлил на пол и поддержал, чтобы она восстановила равновесие. Судлил сказала удивленно:

— Что это значит?

— Свадебная церемония,— спокойно сказал Модьун.

Он объяснил, что во время ареста смотрел по телевизору несколько драм, и в заключение добавил:

— Фильмы наскучили мне, и я перестал их смотреть. Но пары животных делали так.— Он пожал плечами, как часто делал Дуулдн.— Я запомнил некоторые детали.

— Значит, я теперь твоя жена? — заинтересованно спросила Судлил.

— Да.

— Ну,— неуверенно сказала она,— я думаю, что в наших обстоятельствах...

— Конечно,— сказал Модьун,— так как мы собираемся заниматься сексом.

Она кивнула и отвернулась.

— Посмотрим, как выглядит дом людей через три тысячи лет.

Модьун не возражал. Он шел за ней из комнаты в комнату, и все здесь выглядело намного красивее, чем описывали обучающие машины. К трем спальням примыкали ванные. Стофутовая гостиная. Большая столовая. Кабинет. Несколько небольших спален для животных с отдельными ванными, две комнаты, назначение которых было неясно, и столовая с автоматическим оборудованием.

Машины не могли передать красоту мебели. Все было сделано из неразрушающихся пластмасс и очень искусно. Фактура поверхностей по-разному отражала свет. Давно умерший мастер добился чего хотел: мерцающее палисандровое дерево в одной спальне, впечатление старины — в другой. Небольшие резные диваны из тикового дерева в большой комнате. В той же комнате были удобные кожаные кресла и пышные китайские ковры и драпировки, которые выглядели гобеленами.

Молодожены ходили из комнаты в комнату, и Судлил чувствовала, что всем довольна. Наконец они пришли в столовую, и Судлил сказала многозначительно:

— Нам даже не нужно выходить из дома, чтобы поесть.

Модьун понимал ее. Но ему казалось ошибкой не обратить ее внимание на отрицательные аспекты.

Женщина продолжала:

— Как ты знаешь, во время роста мы подверглись некоторой необходимой деградации. Еда и последующее избавление от отходов. Качественный сон, который требует времени. Необходимость стоять и сидеть — все это неприятно. Но тем не менее мы здесь. Поэтому можно делать все эти вещи, по крайней мере, в уединении нашего жилища.

Модьун медлил:

— Мы должны помнить, что нунули, вероятно, теперь знают, где я нахожусь, и, возможно, узнали, что ты тоже здесь.

— С исторической точки зрения,— сказала Судлил,— понятно, что эти вопросы не касаются женщин. Так как мы вернулись

на более низкий эволюционный уровень, ты тоже не должен думать о таких деталях.

Модьуна вдруг осенило. Судлил всегда ценили за женскую точку зрения. Очевидно, у нее было время, чтобы обдумать свое новое состояние. Теперь она демонстрировала новую философию. Интересно. Но она не учитывала, что если нунули займутся ею, то их давление на нее будет таким же сильным, как и на него.

Женщина заглянула в несколько шкафов. Наконец, удовлетворенная, она посмотрела на Модьуна.

— Мы осмотрели дом,— сказала она.— Что мы будем делать дальше?

Модьун объяснил, что он хотел бы совершить кругосветное путешествие. Не сейчас — ведь он предполагал, что они подождут несколько дней, пока не истечет срок его наказания, но не сказал этого прямо. Судлил терпеливо слушала, пока он говорил, а затем спросила:

— Хорошо, но что мы будем делать сегодня?

Модьун не растерялся, он просто приспосабливался к тому, что ей необходимо чем-то заниматься.

— Мы можем заняться такими же философскими рассуждениями, какие вели за барьером,— предположил он.

Она прервала его дрожащим голосом:

— Мысли не имеют особой ценности для этого тела.

Модьун продолжал:

— Мы можем посидеть, полежать, почитать книги о животных в кабинете, а потом пообедать. А потом, может быть, посмотреть телевизор. А потом, конечно, пойти спать.

— Ты имеешь в виду просто посидеть?

Поразительная реакция. Когда она говорила, то видела его лицо. И должна была понять, что для него это тоже проблема. Помедлив, она сказала:

— Я чувствую в своем мозгу... возбуждение. Как будто все эти нейтральные отделы, которые контролируют движение, подвергаются влиянию каждого моего взгляда и особенно звука. То же происходит при прикосновении к моим ногам, когда ветерок гладит мою кожу. А обоняние и вкус заставляют меня чувствовать себя неловко. Но я хочу двигаться.

Она посмотрела на него.

— Хорошо?

Модьун терпеливо улыбался, пока она не закончила.

— Ты могла заметить, что твои чувства усилились после того, как ты вышла за барьер. Прекрасно и знакомо. Пути нервных импульсов давно проложены. Но здесь,— он посмотрел вокруг,—

дом, город, люди — все ново и возбуждает несмотря на то, что это обычные вещи. Ты должна понять: твои чувства вызваны импульсами тела, а тело должно управляться философски идеальным разумом. Советую тебе как можно чаще закрывать глаза. Если это не помогает, то вставай и танцуй, как животные. Во время ареста я часто делал это, особенно если звучала подходящая музыка.

По выражению ее лица Модьун понял, что его слова вызвали в ней реакцию сопротивления, подобную той, которую она обнаружила, столкнувшись с обонянием и осязанием. Тогда он поспешно добавил:

— Может быть, у тебя есть предложения?

— Почему бы нам не заняться сексом? — ответила она.— У животных это обычно занимает около полутора часов. Так мы проведем время до обеда. А после того как мы поедим, можно будет решить, что делать дальше.

Модьуну показалось, что сейчас неподходящее время для секса. Почему-то он считал, что сексом занимаются поздно вечером или рано утром. Но он уже установил, что большое тело было для Судлил слишком сильным переживанием.

«Ладно»,— подумал он.

Пока они шли в самую большую спальню, он добродушно заметил:

— Дода верит, что исторически, пока мы окончательно не стали людьми, только некоторые святые люди могли вообще обходиться без полового акта. Очевидно, что бы ни сделали нунули, они создали в человечестве это святое свойство; я полагаю, что это слово как-то связано с примитивной философией. Не занимаясь сексом, мы стали отличаться от людей-животных и смогли подняться до настоящих людей.

Когда он закончил, у него появилась другая мысль.

— Твои гениталии,— спросил он,— очень похожи на половые органы женщин-животных?

— Я никогда не проводила подробное сравнение,— ответила Судлил.— Внешне, по первому впечатлению, да.

— Я взял на себя труд,— сказал Модьун,— исследовать нескольких самок. Я мог бы сделать точный беспристрастный анализ.

— Хорошо,— сказала женщина.

— Очень похоже,— ответил он через несколько минут.

— За исключением одного,— продолжал он,— животные-женщины выделяют большое количество смазки. А у тебя я ее не обнаружил.

— Я заметила, что в тебе нет признаков жесткости, которая наблюдалась у самцов, которых мы видели. Помнишь? — сказала Судлил.

— Может быть, это явление возникает как следствие активности,— предположил он.— Давай лучше начнем.

Попытка заняться сексом вскоре поставила обоих в тупик. Они вертелись в постели, были слегка шокированы физическим соприкосновением друг с другом, вздрагивали, отступали, но решительно не проявляли любопытства. Наконец, обескураженные, они отодвинулись друг от друга.

Вскоре Модьун заметил:

— Кажется, животные находятся в особом состоянии возбуждения. Действительно, тогда присутствовал неприятный запах. У нас не было такого возбуждения, и я чувствовал только слабый запах пота.

— Когда твои губы были против моих,— сказала женщина,— ты выделял слюну, она увлажняла мой рот, и это было очень неприятно.

— Я думаю, было бы нелепо, если бы сухой рот касался сухого рта,— оправдывался Модьун.

Она не сказала ни слова, а пододвинулась к краю кровати, опустила загорелые ноги на пол и села.

Затем Судлил начала одеваться. Через минуту на ней были брюки и блузка. Когда она наклонилась, чтобы обуть туфли, сделанные из кожи животных, она сказала:

— Это заняло меньше времени, чем я думала. Пойду прогуляюсь. Что ты будешь делать?

— Полежу здесь с закрытыми глазами,— сказал Модьун.

Пока он говорил, она вышла в дверь спальни и исчезла. Он слышал ее удаляющиеся шаги по толстому ковру, потом хлопнула далекая входная дверь.

Прошло немного времени.

Когда спустились сумерки, Модьун оделся, прошел в столовую и поел. Потом, удивленный, он вышел из дома и осмотрелся в поисках женщины. Поглядел на дорогу, поворачивавшую вниз к городу. С того места, где он стоял, вся дорога не была видна, но на улицах зажглись огни, и он видел, что Судлил нигде нет.

Модьун вспомнил ее отказ питаться в общественной столовой и подумал: «Она скоро проголодается и придет назад».

Он вернулся в дом и лег; он начал привыкать к такому времяпрепровождению еще в дни своего ареста. Через несколько часов наступила пора идти спать.

Судлил все еще не было.

«Ну и ну...» — думал он. Но старался терпеть и не раздражаться. Наверно, женщина решила исследовать город в первый же день. Он вспомнил ее потребность в движении. Очевидно, это чувство продолжало управлять ею.

Он разделся, лег в постель и уснул.

Где-то в темноте ночи раздался взрыв.

Глава XII

В миг катастрофы все человеческие существа, находившиеся за барьером, рефлекторно транслировали массовое мысленное обращение с единственным вопросом — что делать? Модьун получил это обращение.

Каждый из людей сразу же осознал угрозу и две альтернативы: сопротивляться или нет. Самым невероятным было то, что никто, кроме Модьуна, не смог взять на себя смелость решить этот вопрос.

К сожалению, политика пассивного приятия навязанных ему людьми-гиенами и нунули правил поведения была его единственной определенной мыслью. И во время роковых миллионных долей секунды, когда они еще могли бы что-то предпринять, глубоко усвоенная схема поведения проявилась прежде, чем возникла какая-либо иная естественная реакция.

Какой была бы эта естественная реакция, никто никогда не узнает. Мгновение, когда еще можно было что-то исправить, пролетело слишком быстро для того, чтобы единое психическое пространство успело отреагировать.

И драгоценное мгновение ушло навсегда.

В предпоследний момент появился слабый намек на то, что все люди просто сказали друг другу: «Прощайте, дорогие друзья», а потом...

Наступила тьма.

Модьун сел на кровати и сказал:

— Боже милостивый!

Пока он произносил эти слова, он вскочил с кровати и включил свет. Когда Модьун стал что-то понимать, он уже стоял в ярко освещенной гостиной. Потом он осознал, что его правая нога не держит его и что он чувствует слабость во всем теле. Конечности отказывались повиноваться, поэтому он опустился на пол и повалился на бок; ноги его конвульсивно подергивались, и он весь дрожал.

Почему-то ему было трудно смотреть. Перед глазами от напряжения появилось светящееся пятно.

— Ради бога, что происходит?

Он почувствовал жар. Его глаза, лицо, тело стали теплыми, затем горячими. Это было удивительно и происходило совершенно независимо от его сознания.

Вода. Ему страшно хотелось выпить воды. Спотыкаясь, он прошел в столовую. Стакан, который он взял со стола, дрожал в руке. Он держал его, расплескивая содержимое, потом поднес к губам. И тогда он почувствовал, как прохладная влага течет по подбородку, на обнаженную грудь, а потом по ногам.

Ощущение влажности и прохлады вернуло ему рассудок, и он смог обдумать свои чувства.

Гнев.

Он мгновенно осознал самое важное направление действий: главная идея полностью подчинила себе беспорядочные обрывки мыслей, проносящихся в его мозгу.

Так как им двигала ярость, он побежал назад в спальню и впопыхах набросил на себя одежду. Это немного задержало его. В нем росло бешенство. Наконец Модьун выскочил из дома и побежал вниз по дороге.

Когда он достиг шоссе и к нему подъехал незанятый автомобиль, Модьун с опозданием понял, что не чувствовал присутствия сознания Судлил в общем потоке мыслей в момент катастрофы. На всем протяжении пути он ощущал ее отсутствие, и это обескураживало его.

Глава XIII

За исключением огней на улице и ярко освещенных зданий, вокруг царила кромешная тьма. Автомобиль Модьуна остановился перед компьютерным центром.

Модьун медленно выбрался из автомобиля. Буря его чувств постепенно стихала. Он даже начал критически оценивать свое положение.

Теперь его реакция казалась ему чуть ли не детской.

Тем не менее он целеустремленно вошел в здание, хотя в действительности совершенно не представлял себе, как собирается действовать.

Нунули, вскоре появившийся в зале, был не тем, с которым Модьун разговаривал ранее, и Модьун сразу это понял.

— Я прибыл на Землю через несколько минут после взрыва и направился прямо сюда,— ответил новый индивидуум на вопрос Модьуна.— Я решил, что вы тоже будете здесь.

Нунули стоял на открытой платформе перед небольшим металлическим ограждением, защищавшим гигантский компьютер у него за спиной. Этот нунули даже физически отличался от предыдущего: был выше ростом, немного сутулым и, может быть, более старым.

Открытие, что перед ним находится новичок, вероятно, непосредственно не отвечающий за случившееся, на некоторое время сдержало ярость Модьуна, которая уже и без того понемногу слабела. Внезапно Модьун почувствовал необходимость расставить все точки над «i».

— Что случилось с первым номером? — спросил он.

— Уехал поздно вечером с женщиной,— был ответ.

— До взрыва? — Модьун не мог скрыть удивления.

— Конечно,— раздраженно отвечал нунули.— Взрыв организовал специальный агент комитета.

Наконец Модьун узнал то, что хотел.

— А где он? — настойчиво спросил человек.

— Отбыл примерно через тридцать секунд после взрыва.

Нунули помолчал.

— Синхронность действий,— продолжал он,— была такова, что никто из нас не знал планов другого. В таких случаях отмечается непогрешимая логика комитета.

— Да,— только и смог произнести Модьун,— а какова ваша роль во всем этом?

— Я заместитель нунули, хозяина Земли.

Все услышанное поставило Модьуна в тупик.

— Эта история приводит меня в замешательство,— сказал он.— Я чувствую, что должен чем-то отплатить вам лично.

Если нунули и был взволнован смыслом его слов, то не показал этого.

— Чем, например? — спросил он раздраженно.

— Наверное, я должен подвергнуть вас какому-нибудь наказанию.

— Какому?

— Есть старая поговорка,— вспомнил Модьун,— «око за око».

— Мне кажется, что это противоречит вашей философии. И, кроме того, разве это может привести к чему-либо хорошему? — нетерпеливо парировало существо.

— Правда.

Модьун был в смятении.

Ощущение, что он должен что-то сделать, быстро уступило место очевидной логике ситуации.

Нунули продолжил:

— Дело в том, что они даже не пытались защищаться. Почему вы считаете, что обязаны предпринимать какие-то действия?

— Ну...— колебался Модьун.

Он печально думал о собственной роли во всем происшедшем, виня себя в том, что из-за его нерешительности человеческие существа отказались от активного сопротивления. Ему было трудно судить о таком сложном событии, поскольку его терзали сомнения: не отвечал ли он полностью за их колебания в критический момент? Сможет ли он когда-нибудь избавиться от этого тягостного ощущения?

Среди прочих соображений это в некоторой степени переносило часть ответственности за случившееся с нунули на него самого. И, несмотря на свою несомненную нелепость, правда заключалась в том, что раз бедствие уже случилось, в будущем не должно быть места упрекам.

Вдруг он поймал себя на том, что обдумывает другие аспекты катастрофы.

— Что побудило комитет совершить это преступление? — спросил он.

— Первый номер сказал вам. Вы угрожали, что станете нам мешать.

— Но это я. А не они, не те, кто жил за барьером. Разве логично нападать на тех, кто даже не помышляет о выходе?

— Откуда мы можем знать, о чем они думают? Вы ведь вышли,— возразил нунули.— Прежде всего, комитет знал, что остатки человеческой расы могут причинить массу неприятностей. Поэтому они нашли наилучшее решение.

— Я полагаю: все, что вы говорите, с вашей точки зрения имеет смысл,— с неохотой согласился Модьун.— Но вы, так же как и ваши агрессивные намерения, беспокоите меня. Возникает вопрос: должно ли существо, связанное подобно вам с комитетом, иметь свободу действий, чтобы совершать разрушительные акции, на которые вы, как теперь очевидно, способны? Можно ли в данном случае позволить такому существу свободу передвижения?

— Какие еще примеры вы можете привести? — спросил нунули.

Модьун мог придумать только одно сравнение.

— Ваши дураки, люди-гиены, изводили меня. Это наводит на мысль, что прежний хозяин нунули замышлял что-то против меня и против всех людей в целом.

— Гм...— казалось, создание размышляло. Блестящее серое лицо немного вытянулось.— Я скажу вам вот что. Все издева-

тельства должны прекратиться. Остаток вашего приговора отменяется. Вы можете делать все, что угодно, идти на Земле, куда хотите.

— Это меня не удовлетворяет,— заявил человек.— Но я думаю, это лучшее из того, что вы можете мне предложить при сложившихся обстоятельствах.

— Очень хорошо. Вы свободны и можете путешествовать по всему миру в качестве обезьяны.

— Значит, есть ограничение? — спросил Модьун.

— Очень небольшое. Какой смысл последнему человеческому существу на Земле заявлять о том, кто он есть на самом деле?

Модьун должен был согласиться, что это, действительно, не очень нужно.

— Но осталось еще одно человеческое существо,— возразил он.— Женщина Судлил. Вы сказали, что она покинула планету прошлой ночью?

— Как объяснил член комитета, занимавшийся этим делом,— сказал нунули номер два,— смысл заключается в том, что только первый номер знает, где находится женщина, а он отправился в другой конец вселенной, чтобы никогда сюда не вернуться. Следовательно, вы не сможете проследить за ней.

Модьун стоял на металлическом полу компьютерного центра с высокими потолками и сквозь подошвы ботинок чувствовал вибрацию стальных плит. В его мозгу возник интенсивный интерес к другой стороне вопроса. Наконец, он сказал:

— Интересная проблема.

— Неразрешимая,— поддержал его нунули.

Торжество нунули оскорбило Модьуна. Но человек осознал это как реакцию тела, словно некая непокорная часть его личности стремилась справиться с возникшими трудностями и была раздражена провалом. Но, конечно, это была неправда. Зачем решать проблему, которую нельзя решить? Судлил покинула дом и, очевидно, вскоре после этого поднялась на борт корабля. События развивались с обескураживающей быстротой, поэтому Модьун догадался, что Судлил никак не могла спланировать их.

— Может быть, самым простым решением для вас было бы узнать для меня, где она, и сообщить мне,— сказал он громко.

— Не может быть и речи,— отрезал нунули.

— В чем причина такого отказа?

— Вы мужчина. Она женщина,— ответил нунули.— Было бы смешно, если бы мы разрешили вам спариваться и рожать

детей. Поэтому она улетела туда, где нет мужчин, а вы остались здесь.

Модьун решительно отверг саму мысль о том, что Судлил когда-либо пойдет на такое. Его внимание переключилось на иной аспект проблемы. Он сказал:

— Первый номер действительно смог захватить ее и поместить на борт корабля?

— Нет.

На сероватом, гладком как стекло лице существа наконец-то отразилась игра эмоций. Модьун оценил ее как смешное подобие гримасы самодовольного превосходства.

— Согласно моему пониманию, она оказалась очень доверчивой и, естественно, не могла проникнуть в глубины сознания моего предшественника,— произнес нунули.— Поэтому, когда он предложил ей посетить один из скоростных кораблей комитета, она поднялась на борт, ничего не подозревая. Даже когда она почувствовала, что корабль стартовал, она не проявила никаких признаков волнения или тревоги. Об этом позже сообщил командир.

Модьун успокоился.

— Ну конечно,— продолжал нунули.— Каждое место столь же хорошо, как и любое другое. Это как раз то, чего вы, люди, не можете понять.

Теперь интерес Модьуна к этому эпизоду окончательно угас. Он с достоинством подытожил:

— Я вижу, что вы хотели причинить вред ей и мне, но, к счастью, человеческая мысль превзошла ваши злобные умыслы и не допустила ничего подобного. Итак, Судлил на корабле и ее куда-то везут. В будущем, когда вы будете способны объективнее оценивать реальность, вы узнаете для меня, где она.

— Повторяю, что этого не будет никогда,— ответил инопланетянин.

— Я предполагал, что вы скажете что-либо подобное,— сказал Модьун. Он отвернулся, безразличный ко всему.— Я имею некоторые обязательства по отношению к ней, поэтому в будущем стану настаивать на том, чтобы мне сообщили о ее местонахождении.

— Это не приведет ни к чему хорошему,— сказал новый хозяин нунули.— Я не знаю, где она, и комитет издал специальные инструкции о том, чтобы такая информация никогда мне не предоставлялась. Поэтому я не смогу помочь вам, даже если захочу. А я не хочу. На этом завершим наш спор — если у вас нет других вопросов.

Больше Модьун не мог думать ни о чем.

Глава XIV

Он снова оказался на улице. Было еще темно. Только-только начинало светать, и покрытого облаками неба коснулись первые лучи солнца. Модьун шел по пустому тротуару. На улице, конечно, были автомобили. Все они были свободны. А что еще они могут делать ночью, кроме как продолжать свое неуправляемое движение на случай, если кто-нибудь захочет воспользоваться их услугами? Для этого они и предназначены.

Модьуна волновали три вещи. Первое — то, что он не знал точно, что он должен чувствовать. Второе — то, что его тело находилось в скверном душевном состоянии. Но третьим, как ни странно, было то, что его ум оставался совершенно спокойным.

Он понимал, что Судлил — самка его породы. С ее приездом ему вдруг пришлось считаться с потребностями другого существа, и уже через каких-нибудь два часа ему с ней стало скучно.

Когда-нибудь, без сомнения, они воссоединятся и станут обсуждать будущее человеческой расы. Но едва ли в этом есть крайняя необходимость.

— Думаю, что прямо сейчас я должен лечь в постель и уснуть, чтобы дать телу необходимый отдых. А утром я смогу решить, что делать дальше.

Когда он остановил автомобиль, ему пришло в голову, что кругосветное путешествие его больше не интересует. Ведь это нужно было лишь для блага тех, кто оставался за барьером... а сейчас в этом нет никакого смысла.

Итак, что же дальше?

Помня об ограничении, которое установил нунули,— держать в секрете свое человеческое происхождение (а почему нет?), он направил автомобиль к квартирам для приезжих. Потом откинулся на спинку сиденья и подумал: «Почему-то член далекого комитета проявляет повышенное внимание... Невероятно. И все же об этом заявил нунули».

Непосредственный интерес к маленькой планете (Земле) в слабо заселенном — с точки зрения количества солнц — наружном секторе Млечного Пути... Тут Модьун понял, что существует заговор против двоих людей: против Судлил и него. Это казалось невозможным.

Член комитета, разумеется, мог советовать нунули — конечно, если у него спрашивали совета — и их общая установка, безусловно, охватывала даже такие бесконечно малые (по их стандартам) единицы, как он. Нунули только проявляют старание — как и должна поступать раса хороших слуг.

Единственное человеческое существо, пацифист и философ, безобидный, потому что хочет всех оставить в живых и никогда не нанесет ответный удар,— такой человек не может представлять ни малейшего интереса для правящей галактической иерархии. На таком огромном расстоянии они даже не могут знать, что он существует. Любой совет, который они дают своим слугам, нунули, сам по себе не может конкретно касаться того, против кого он направлен. Так должно быть.

Несмотря на безупречную логику, Модьун не мог окончательно согласиться с такими аргументами.

«Попозже я еще раз хорошенько подумаю об этом»,— решил он.

Зайдя в тупик в своих рассуждениях, он обнаружил, что пора выходить из машины. Когда он подошел к своей маленькой квартирке, то с удивлением увидел, что человек-медведь, Руузб, сидит на ступеньках веранды. Красавец-полумедведь дремал, прислонившись к балясине ограды.

Услышав шаги Модьуна, Руузб открыл глаза, моргнул и окликнул его:

— Эй!

Голос человека-медведя громко прозвучал в ночном воздухе. Заметив это, он, поднявшись на ноги, тихо прошептал:

— Где вы были? Вы заставили нас всех здорово поволноваться.

Человек спокойно объяснил, что возникло важное обстоятельство, требующее внимания. Едва дождавшись, пока он закончит, Руузб потянул его за руку к одной из квартир. Руузб постучал в дверь и, когда сонный Дуулдн возник на пороге, подтолкнул Модьуна к человеку-ягуару и стремительно вышел, бросив через плечо:

— Я позову остальных.

Через пять минут все собрались в квартире Дуулдна. Руузб проворчал своим низким голосом:

— Друзья, у этой обезьяны не все дома,— он стукнул себя по лбу,— он нарушил условия своего заключения за два дня до истечения срока приговора. Завтра у него может быть много хлопот, а мы не сможем быть здесь, чтобы помочь ему.

Он повернулся к Модьуну. С озабоченным выражением на красивом темнокожем лице он объяснил, что этим утром, до полудня, они вчетвером должны явиться на борт межзвездного корабля. Взлет назначен на следующее утро.

Модьун удивился:

— Вы имеете в виду, что они собираются загрузить на борт миллион людей в один день?

Дуулдн заметил:

— В случае крайней необходимости это возможно. Но они так не делают. Они уже ведут погрузку в течение двух недель. Мы взойдем на корабль в числе последних пятидесяти тысяч.

Руузб молча махнул своему другу рукой.

— Не отклоняйся от темы,— сказал он.— Вопрос в том, что мы собираемся делать с этой обезьяной. Он, кажется, ничего не знает.

Человек-лиса напротив зашевелился.

— Почему бы нам не взять его с собой?

— Вы имеете в виду — в космос? — испугался человек-медведь.

Потом он покачал головой:

— Это, наверное, нельзя.

— Нельзя по чьим нормам? — вступил в разговор Дуулдн.— По нормам людей-гиен, захвативших власть?

Он пожал плечами.

— Никто не заметит лишнюю обезьяну среди многих. Он только должен сказать, что потерял документы.

Внушающий почтительный страх своими габаритами полугиппопотам повернулся и посмотрел на человека:

— Эй, Модиунн, о чем вы думаете? Хотите пойти?

Модьуна во всем происходящем интересовало лишь их желание устроить заговор и помочь ему. Удивительно, что одна-единственная крамольная идея, которую он им когда-то подал,— мысль о незаконном захвате власти,— в корне подорвала их преданность людям-гиенам. Сначала Руузб и Дуулдн, а теперь, по прошествии непродолжительного времени, Неррл и Иггдооз — как это раньше называлось? — развратились. Еще не зная настоящей правды, они бурно реагировали на каждую открывавшуюся им малейшую частичку истины, яростно уничтожая в себе прежнюю наивность и чистоту намерений.

Мысль Модьуна вернулась к его случайному знакомому, человеку-крысе, у которого возникла потребность украсть, когда он узнал, что руководители-гиены проезжают на автомобилях лишние сто ярдов до входных дверей своих домов. Человека-крысу возмущало существование этой привилегии.

Модьун подумал, что в действительности им для решительных действий нужно не так уж много...

Идеальное равновесие, созданное уходившими за барьер людьми, было нарушено завоевателями нунули. Очень плохо. Может быть, это удастся как-то исправить.

Модьун увидел, что четыре пары сверкающих глаз все еще с нетерпением смотрят на него, ожидая ответа. Модьун вспомнил, что он еще не сделал самого важного.

— Я уйду на рассвете,— сказал он,— но вернусь сюда к девяти или к половине десятого. Это не будет слишком поздно?

Они искренне заверили его, что не будет.

На рассвете он поехал туда, куда Экет принес его примерно месяц назад и где он встретил Судлил. Он ясно представлял себе картину местности и возможный путь, где автомобиль мог бы провезти его по бездорожью. Как он и ожидал, машина подчинилась его человеческому имени.

Скоро Модьун стоял на холме и смотрел на то, что еще недавно было долиной, где тысяча людей жила в подобии рая. Все исчезло: сады, сеть каналов и прудов, прекрасные здания и площади, образовывавшие центральную часть поселения диаметром в милю. Уцелела лишь периферия, где находились дома насекомых и животных — слуг человека.

Там, где располагался маленький городок с остатками человеческой расы, теперь зиял кратер диаметром примерно в две с половиной мили и глубиной в полмили.

Если он собирается лететь в космос, то, вероятно, когда-нибудь сможет поговорить обо всем с тем самым членом комитета...

Внезапно Модьун почувствовал, что он, действительно, должен это сделать.

Глава XV

Поначалу Модьун не заботился о том, чтобы найти постоянное обиталище. Оставив четырех друзей, которые должны были занять предназначенные для них помещения, он прогуливался по коридору и через некоторое время оказался у ворот, за которыми находилось огромное открытое пространство.

Модьун быстро прикинул, что диаметр этого помещения составляет более километра, а высота потолков — не менее ста метров. Везде, куда ни бросишь взгляд, росли деревья, а вдали зеленело пастбище, и, конечно, тысячи людей-животных наслаждались видом природного ландшафта. Идеальное место, чтобы провести первые несколько часов на борту звездолета. Модьун сделал шаг вперед, чтобы войти в ворота, но обнаружил, что они заперты.

Перед ним появилась женщина-животное. Она была изящно одета и напоминала обезьяну. С семи футов и трех дюймов своего роста она посмотрела на восемь футов Модьуна и заявила:

— Эти огороженные места являются неприкосновенными. Когда на борту столько людей, пейзажные парки должны использоваться лишь в определенные часы. Если вы назовете свое имя и

номер комнаты, я запишу вас, чтобы вы могли прийти в назначенное время.

Неожиданно, но разумно. Поскольку у него не было комнаты, Модьун мог лишь отрицательно покачать головой в ответ на ее предложение. Но он изучал женщину-обезьяну с неподдельным интересом.

— Вы из какой части Африки? — спросил он.

— Восточное побережье.

Она улыбнулась и стала очень привлекательной.

— Откуда приезжают такие милашки? — поинтересовалась она.— Вы не хотите разделить со мной квартиру?

Модьун был заинтригован.

— Как это можно устроить?

Она восхитительно улыбнулась в ответ на столь откровенное согласие.

— Если женщина может найти мужчину, это дает ей право на большую кровать. Их несколько в каждой общей спальне.

— Кажется, хорошая идея,— сказал Модьун.— Где эта спальня?

— Я запишу для вас,— нетерпеливо сказала она.

Он наблюдал, как она поспешно вынула из кошелька маленький блокнот и написала изящным почерком несколько строчек, вырвала листок и протянула ему:

— Вот.

Модьун взял записку, посмотрел в нее и прочитал: «Палуба 33, секция 193, коридор Н, спальня 287». Далее красовалась подпись: «Трольнд».

Он положил бумажку в нагрудный карман. Женщина-обезьяна спросила:

— Как вас зовут?

Ответив «Модиунн», как произносили в Африке, он добавил:

— Увидимся, когда пора будет ложиться спать.

Когда наступил поздний вечер, пришло время отправляться по адресу, который дала ему Трольнд.

Ночью женщина-обезьяна разбудила Модьуна; она навалилась на него, улучив момент, когда он лежал на спине. Она была довольно тяжелой, и, решив, что он вряд ли сможет позволить ей остаться лежать на нем без комментариев, Модьун нарушил молчание и произнес своим самым учтивым тоном:

— Вы проснулись?

— Еще бы, я проснулась,— отвечала та низким голосом.

— Это обычная манера спать у обезьян из вашей части Африки? — спросил он.

— Ради бога,— воскликнула она.— Что за вопрос? Вы мужчина или пустое место?

Он не понял иронии и примирительно попросил:

— Почему бы нам не обсудить эту загадку утром? Сейчас я очень хочу спать.

Последовала долгая пауза. Затем, не сказав ни слова, женщина скатилась с него и отодвинулась в дальний угол кровати. Вероятно, она оставалась там до утра, потому что больше ему спать не мешали. Когда он проснулся утром, Трольнд уже встала и вертелась перед зеркалом в дальнем конце спальни.

Модьун начал одеваться. Когда он наклонился, чтобы обуть туфли, он почувствовал, что пол под ним дрожит. Очевидно, растрачивалось столько энергии, что его мозг отметил это событие бессознательно.

В голове замелькали отрывочные картины.

Сначала он видел только волны в замкнутом пространстве. Видимый мир миллиардов движущихся линий.

«Магнитно-гравитационные волны»,— подумал он.

Конечно, корабль должен соединиться с огромными магнитными и гравитационными полями планеты, чтобы его гигантская масса оторвалась от Земли.

«Взлет. Очень легко. Просто. Ничего опасного».

Теперь картины в его мозгу приобрели конкретность и четкость. Он увидел лицо человека-гиены: офицер в форме с медалями сидел в большом помещении где-то на корабле. В комнате было много приборов и различных технических устройств, и несколько других облаченных в форму людей-гиен стояли перед пультами управления.

Видение поблекло; на одно мгновение его сменило спокойное серое лицо нунули, обрамленное волосами, похожими на червей. Глаза существа, похожие на прозрачные серо-зеленые лужи, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна.

Потом и эта картина исчезла.

Модьун обулся и почувствовал удовлетворение. Теперь, когда они отправились в космос, он мог пойти поесть. Он не решался заходить в столовую весь вчерашний день, но для такого тела, как у него, голодная диета была довольно затруднительна. Теперь можно все наверстать.

Он поднялся и подошел к женщине-обезьяне.

— Увидимся вечером,— сказал он весело.

— Вы не посмеете прийти сюда снова,— заявила женщина-обезьяна.

Модьун повернулся и посмотрел на нее.

— Я чувствую явную враждебность в вашем тоне,— сказал он.— Это меня удивляет, потому что я обращаюсь с вами очень вежливо.

— Я не нуждаюсь в такой вежливости,— последовал беспощадный ответ.

Он подумал, что ее раздражение связано с таинственным поведением прошлой ночью и спросил:

— Все дело в этом?

— Конечно,— ответила она резко.— Я рассчитывала, что вы будете вести себя как подобает мужчине, когда он с женщиной.

— О! — только и сказал Модьун.

Он все понял и запротестовал:

— Вы допускаете смешение видов?

— А кто собирался размножаться? — огрызнулась она.

Невразумительный ответ. Но Модьун вспомнил свой неудавшийся эксперимент с Судлил и сказал:

— Действительно, есть проблема, которую я должен решить. Я постараюсь проконсультироваться с моими друзьями, а потом мы снова поговорим.

— Не стоит беспокоиться,— холодно ответствовала Трольнд.

Она явно была в плохом настроении. Модьун прекратил дискуссию и ушел. Он направился прямо в столовую, которую видел по пути к квартире Трольнд прошлым вечером, назвал компьютеру свое настоящее имя и скоро уже нес тарелку к маленькому столику в углу. Потом неторопливо съел то, что было на ней. И тут он увидел, что люди-гиены в форме строятся снаружи у каждого из четырех входов в столовую.

Модьун вздохнул. Опять начинается вся эта глупость.

Новая мысль «Сколько еще я должен это терпеть?» исчезла, когда человек-гиена, на униформе которого было больше, чем обычно, золотых полос, вошел в столовую и направился прямо к Модьуну.

— Ваше имя Модиунн? — спросил он вежливо.

— А если и так?

— Я почтительно прошу вас следовать за мной в жилище нунули, хозяина этого корабля.

Бурное возмущение в душе Модьуна постепенно улеглось, умиротворенное вежливым тоном посланца. Оно не испарилось совсем, но зато включилась автоматическая вежливость. Модьун спросил:

— Что он хочет?

— Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Я не могу представить себе ни одного вопроса, который он мог бы задать мне и получить хотя бы самый малозначащий ответ. Так как ответа нет, я не пойду с вами.

Человек-гиена вдруг смутился.

— Но,— запротестовал он,— как я могу вернуться с подобным известием? Прежде всего, я знаю, что нунули рассчитывает на применение силы в случае, если убеждение не поможет, хотя у меня и нет прямых инструкций.

Модьун с достоинством ответил:

— Передайте этому джентльмену, что, если он пожелает выделить мне каюту на борту корабля, а потом захочет навестить меня там, я приму его.

Офицер-гиена, казалось, успокоился.

— Благодарю вас,— сказал он,— мне был нужен хоть какой-нибудь положительный ответ.

И он отбыл восвояси.

Вот и все. Время шло, и никакой реакции. Странно. Но потом Модьун решил, что нунули — интриганы и, без сомнения, готовят какой-нибудь вредоносный план, как это уже случилось с его арестом на Земле. Хотя трудно было представить себе, что они измыслят на этот раз. Наконец, не придумав ничего лучшего, он пошел навестить друзей.

Оказалось, что они живут в такой же спальне, как Трольнд, но только для мужчин. Бегло осмотрев большую комнату с рядами коек, он не нашел даже следа четырех друзей. Модьун подошел к кровати, где человек-мышь и человек-лиса, немного меньшего размера, чем Неррл, играли в карты, и спросил о своих приятелях.

Реакция оказалась неожиданной. Человек-мышь бросил карты, вскочил на ноги и пронзительно заверещал резким голосом, обращаясь к своим соседям на ближайших кроватях:

— Здесь парень ищет тех четверых.

Половина присутствующих в комнате услышала эти слова. Каждый из них встал. А те, кто находился дальше, привлеченные суматохой, с интересом оглядывались. Несколько человек подошло поближе.

Сидевший слева от Модьуна дородный субъект, лицо которого напоминало тигра, первый поманил его и сказал:

— Подойдите сюда!

Модьун был удивлен, но тем не менее выполнил приказание. Человек-мышь позади него пропищал:

— Они арестованы. А нам приказано допрашивать любого, кто приходит и ищет их. Кто вы?

Глава XVI

«Вот дураки»,— подумал Модьун.

Неприятная ситуация. Осознав это, Модьун рефлекторно обернулся, чтобы взглянуть на дверь, в которую вошел.

Но путь уже был отрезан. За несколько мгновений от первого писка человека-мыши до упреждающей команды человека-тигра между ним и дверью успело встать семь полулюдей-полуживотных. Мирное отступление из зоны возможного конфликта как часть пацифистской жизненной философии оказалось невыполнимым.

Модьун смирился с неизбежностью насилия.

Агрессивно настроенная стая. Пока он стоял в нерешительности, группа существ плотно окружила его, толкая друг друга. Звери стояли так близко, что неприятный запах их пота бил Модьуну в нос. Тем не менее, ему не пришло в голову отключить обоняние. Он не сопротивлялся даже тогда, когда они стали отжимать его в угол. Это было лишь продолжением его неудачной попытки уйти.

Человек-тигр ударил Модьуна в лицо. Быстрый удар, который тот отбил с такой силой, что лапа нападающего отлетела выше его головы. Боль была незначительной, но Модьуна возмутила сама враждебность намерения. Он спросил:

— За что?

— Ты грязный, вонючий, вот за что! — послышалось в ответ.— И мы знаем, что делать с предателями и их друзьями, не так ли? Нужно убивать таких, как ты!

Крик подхватили те, кто стоял поближе:

— Убить его!

При этом несколько сильных ударов обрушилось на плечи и голову Модьуна. Он ушел от ударов, с грустью сознавая, что его тело, без сомнения, вынуждено будет защищаться, как только силовое давление станет достаточно весомым. Поэтому он дал команду нервным окончаниям на нечувствительность к боли и поставил блок левой рукой, отражая кулаки противников; став таким образом достаточно неуязвимым, он правой двинул человека-тигра в челюсть. Модьун ощутил свой удар как толчок через суставы в плечо: никакой боли, только сотрясение.

Не ощущая боли и не имея опыта, он ударил, не сдерживаясь, а потом с некоторым страхом наблюдал, как человек-животное, шатаясь, отступил назад на десяток шагов и с грохотом рухнул на пол.

Каждый — именно каждый — из присутствующих повернулся, чтобы полюбоваться на эту картину. Они тоже не умели драться. Они убрали руки от Модьуна и даже перестали обращать на него внимание. Они стояли, завороженно глядя на тело товарища.

Перед Модьуном забрезжил выход. Не проход в грубом физическом смысле, а возможность ретироваться благодаря их нерешительности. И Модьун решил уйти. Ему пришлось пробираться через толпу, потому что на пути его прямого движения находилось по меньшей мере полдюжины людей-животных. Обойдя их всех, он наклонился и помог ошеломленному человеку-тигру подняться на ноги.

— Извините,— примирительно сказал Модьун.— Я только хотел задать вам несколько вопросов.

Большое животное быстро приходило в себя.

— Это был удар,— констатировал он с уважением.— Какие у вас вопросы?

Модьун сказал, что удивлен их враждебным отношением.

— С каких пор стало преступлением быть знакомым с кем-то?

Человек-тигр помолчал.

— Ну...— протянул он с сомнением. Потом повернулся к людям-животным: — Что вы думаете, друзья?

— Он знаком с преступниками! — заметил человек-мышь.

— Да...

Человек-тигр пристально посмотрел на Модьуна — намного агрессивнее, чем раньше.

— Что вы на это скажете?

— Вы говорите, что они арестованы? — сказал Модьун.

— Да, конечно.

— Взяты под стражу?

— Да.

— Тогда их еще должны будут судить. Их вина пока не доказана.

Модьун вспомнил свое собственное появление в «суде» и быстро добавил:

— Они имеют право на судебное разбирательство в суде присяжных, равных себе — то есть вас. Дюжина ваших собратьев и судья в соответствующем суде в присутствии публики, то есть остальных из вас, выслушают свидетельские показания против обвиняемых и определят их вину.

Потом Модьун сделал паузу:

— В чем их обвиняют?

Никто не знал.

— Вам должно быть стыдно,— зло сказал Модьун,— обвинять кого-то, даже не зная, в чем его преступление.

Его собственная роль в неожиданном развитии событий стала более ясной.

— Друзья,— сказал он,— мы должны обеспечить честный суд над этими четырьмя, которые являются такими же простыми существами, как вы и я.

Они были только людьми-животными, к тому же глуповатыми. Им в наследство оставили идеальный мир, требовавший от них минимума усилий. В известном смысле, руководство, которое обеспечивали люди-гиены и нунули, было для них, вероятно, вполне подходящим: они чувствовали поддержку и имели пищу для размышлений. Чем-то занимались.

Модьун уже заметил, что на таких существ производило разительное впечатление то, что казалось им справедливым. Так случилось и теперь.

— Вы правы. Это как раз то, что мы собираемся выяснить.

Общий хор голосов немедленно выразил согласие. Люди-животные отвлеклись от Модьуна и стали горячо убеждать друг друга в обоснованности давно не используемых принципов справедливого судебного разбирательства.

При этом животные, находящиеся в комнате, разбились на маленькие, возбужденно беседующие группы. Кажется, никто не заметил, как Модьун направился к двери и, осторожно осмотревшись, вышел.

Он быстро пошел по коридору, взволнованный таинственным арестом своих друзей. Все же, по крайней мере, он был свободен и мог что-то предпринять.

Но он не знал, что именно.

«Моя проблема в том, что я философ».

Новым для него было, что он думал об этом, как о проблеме.

Долгое время он бесцельно бродил по кораблю. Сознание его помутилось. По мере того как усугублялось его внутреннее расстройство, он шел все быстрее и быстрее. Поймав себя на том, что почти бежит, Модьун сконцентрировался на этом аспекте.

Пока наконец еще раз не осознал... что на уровне тела любит этих четверых. И их затруднительное положение беспокоило его.

Он побежал.

Быстрее. Еще быстрее.

Он мчался. Его сердце зачастило, дыхание стало неровным; он отдавал себе отчет лишь в том, что сильные эмоции, связанные

с несчастьями его друзей-животных, ускользали от его сознания. Он понял, что химическая активность определенных желез его выросшего тела гасила большую долю его умственной деятельности. Печально сознавать, что вещества, выделяемые железами в поток крови, и среди них адреналин, можно разогнать только мышечным усилием.

Пока он бежал, чувство, что он немедленно должен что-то сделать, исчезло.

Модьун снова стал философом и с улыбкой думал о серьезном проекте, о том, что он едва не был вовлечен в ничего не значащее для него дело.

Это была старая доктрина сторонника мира: нет конца безумствам вспыльчивых людей, поэтому нельзя позволять вовлекать себя в их свары и ссоры, нельзя отражать удары, нужно избегать эмоций.

Пусть гиены победят.

Легкая победа смягчает агрессоров. Правда звучит иногда неприятно, но если вы способны не дать втянуть себя в конфликт или, по крайней мере, сделать ваше участие минимальным, то лучше сохранить мир таким путем. Даже если нескольким существам причинят вред — все равно это лучше.

Вновь согласившись с основными аксиомами своих размышлений, Модьун перешел на шаг.

Теперь он был голоден. Он вошел в ближайшую из многочисленных столовых.

Сидя за едой, он наблюдал ту же сцену, что и утром: люди-гиены выстроились у каждого входа в огромный, заполненный людьми зал. Тот же самый высокопоставленный офицер почтительно подошел к нему и протянул документ.

Внешне документ очень напоминал повестку, полученную Модьуном на Земле. На мгновение Модьун ощутил сильный прилив тепла, возникший где-то у основания позвоночника. Модьун уже знал, что это ярость, и поспешно спросил:

— Что такое?

— Вы должны выступить в качестве свидетеля против четырех лиц, обвиняемых в том, что они нелегально провели на борт корабля человека, не имеющего разрешения. Суд назначен завтра на девять часов утра и будет проходить в помещении, указанном в повестке.

Не только каждое предложение, но и каждое слово, произносимое человеком-гиеной, звучало поразительно разоблачающе. Модьун реагировал на все произносимое, повторяя время от времени:

— О! О! О!

Неизменное «О!» выражало глубину постигшего его удивления и осознания.

Прояснилась тайна ареста. Очевидно, шпионы на Земле сразу взяли на заметку четырех друзей, потому что те были связаны с ним. И когда его, Модьуна, обнаружили на борту (несомненно, об этом доложил компьютер в столовой), кто-то понял, какую роль сыграли его друзья и кто помог ему попасть на корабль.

Трудно предугадать, чем может завершиться такой суд. Разумеется, хозяева нунули начали очередную из своих хитрых игр. В конце концов, все происходящее должно пролить какой-то свет на их тайную цель.

Офицер-гиена сказал вежливо:

— Меня просили обеспечить ваше выступление на суде в качестве свидетеля, как указано.

Модьун колебался. Но что ему оставалось делать? Он думал лишь о том, что вынужден дать негодяям возможность делать все так, как они хотят. Победив без борьбы, они должны будут успокоиться... Таковы были его философские аксиомы.

Но Модьун помнил и то, к чему призывал людей-животных часом раньше. Хотя обвинение не казалось ему слишком серьезным и, вероятно, было лишь частью большого плана, направленного против него лично, он задал решающий вопрос:

— Состоится ли суд с присяжными и судьей?

— Да.

— Вы уверены? — настаивал Модьун.— Вы понимаете, что это значит?

— Судья и двенадцать присяжных рассмотрят свидетельские показания, и обвиняемые смогут выставить выбранного ими адвоката.

Казалось, все справедливо.

— Хорошо,— сказал человек.— Я приду.

— Благодарю вас.

После этого офицер сунул руку в карман, вынул другой сложенный листок и протянул Модьуну.

Модьун подозрительно посмотрел на бумажку.

— Что это? — спросил он.

— Мне сказали, что если вы согласитесь быть свидетелем, вам будет выделена каюта, как вы просили утром. Здесь номер каюты и ее местонахождение.

Модьун с заметным облегчением взял бумажку. Он не знал, где провести вторую ночь.

Он сказал:

— Пожалуйста, передайте мою благодарность хозяину нунули. Скажите, что я ценю его любезность.

Как и было обещано, суд начался точно в девять на следующее утро, и в качестве первого свидетеля был вызван Модьун.

Глава XVII

Зал судебного заседания был обустроен точно так, как Модьун представлял себе по описаниям обучающих машин.

Дюжина присяжных (все — люди-гиены) восседали на специальной скамье, поставленной вдоль одной из стен. Гиена-судья занял место в кресле, завернувшись в свою мантию. Трибуна свидетеля, куда вызвали Модьуна, находилась слева от судьи. Гиена-прокурор находился за одним из столов справа от судьи, а гиена-адвокат — за другим. Прямо перед собой за барьером Модьун увидел четверых подсудимых, а у них за спиной выстроились гиены — офицеры полиции. Напротив должностных лиц, за низкой оградой, выстроилось несколько десятков рядов стульев. Здесь разместилась публика.

Внешне все выглядело вполне благопристойно, поэтому Модьуна неприятно поразило, когда прокурор поднялся и сказал без всяких предисловий:

— Этого свидетеля зовут Модиунн. Он — обезьяна из Африки; четверо обвиняемых провели его нелегально на борт корабля. Они обвиняются в измене, призыву к мятежу, иными словами, они совершили уголовное преступление, которое карается смертью.

Произнося это, он обращался к присяжным. Потом он повернулся к защитнику и изрек:

— Что может рассказать свидетель в оправдание их низкого преступления?

Защитник проговорил, не поднимаясь с места:

— Свидетель согласен, что все ваши утверждения — правда. Продолжайте судебное разбирательство.

— Я возражаю,— прорычал Модьун. Его тело пылало с головы до ног. Он понял, что дрожит.

— Возражение отклоняется,— сказал судья вежливым тоном.— За свидетеля говорил защитник.

Модьун закричал:

— Я возражаю против этой пародии на суд. Если все будет продолжаться в том же роде, я откажусь быть свидетелем.

Судья наклонился к месту свидетеля. Он казался обескураженным и продолжал тем же вежливым тоном:

— Что, по вашему мнению, неправильного в настоящем суде?

— Я требую, чтобы вопросы задавали непосредственно свидетелю и чтобы ему разрешили самому на них отвечать.

— Но это неслыханно,— запротестовал судья.— Защитник знает законы и, очевидно, может более квалифицированно отвечать на вопросы вместо свидетеля.

Тут, казалось, ему пришла в голову новая мысль, и глаза его расширились.

— Вы из Африки,— сказал судья.— То, что вы требуете — наверное, там это обычная процедура?

Модьун тяжело вздохнул. Его потрясло, какое напряжение моральных сил требовалось от человека, если он должен защищать не только свою, но и чью-то чужую правду. Но Модьун отказался быть вовлеченным во что-то более нечестное, нежели ложь относительно его имени или неправильная идентификация его в качестве обезьяны. В остальном ему была нужна только правда.

Он сказал:

— Я требую, чтобы суд шел по правилам, установленным человеком.

Последовала долгая пауза. Наконец судья подозвал к себе прокурора и адвоката. Троица беседовала шепотом. Потом два юриста возвратились к своим столам. Когда они сели, судья любезным тоном обратился ко всему залу заседаний и сказал:

— Так как показания этого свидетеля являются важными, мы решили согласиться на примитивную процедуру, к которой он привык у себя дома в Африке.

После этого он повернулся к Модьуну и сказал с упреком:

— Я искренне надеюсь, что потом вы извинитесь перед защитником за оскорбление, которое вы нанесли ему публично.

И вежливо продолжал:

— Какая процедура вас устроит, мистер Модьун?

— Правильно...— начал было Модьун.

— Там, откуда вы прибыли,— вставил судья.

— ...существует процедура, давно установленная человеком,— продолжал Модьун.— Она заключается в том, что прокурор должен задать мне ряд относящихся к делу вопросов, и каждый раз ждать моего ответа.

— Какого рода вопросы? — спросил человек-гиена; он был готов отступить, но находился в растерянности.

— Сначала нужно спросить мое имя,— сказал Модьун.

— Но мы знаем ваше имя,— последовал удивленный ответ.— Оно же написано здесь на повестке.

— Такие факты должны устанавливаться во время непосредственного допроса,— твердо ответил Модьун.

Судья засомневался:

— Такой метод может задержать нас здесь на весь день.

— Может быть, даже на неделю,— согласился Модьун.

Почти все находящиеся в зале заседаний вздохнули.

А судья, мгновенно забыв о вежливости, резко ответил:

— Невозможно!

Но после другой паузы он обратился к прокурору:

— Приступайте.

Человек-гиена, исполняющий роль прокурора, вышел вперед. Выглядел он не слишком уверенно. Тем не менее, он задал главные вопросы:

— Как ваше имя?

— Действительно ли вы обезьяна из Африки?

— Вы тот, кого обвиняют в том, что он нелегально проник на борт корабля?

— Знаете ли вы, в чем обвиняют подсудимых?

При этом вопросе Модьун впервые попытался сопротивляться, беря на себя одновременно роль и свидетеля, и защитника.

Глава XVIII

— Я протестую против этого вопроса, потому что то, в чем обвиняют подсудимых, не является преступлением по законам, установленным человеком прежде, чем люди отступили за барьер и оставили остальную Землю своим друзьям, людям-животным.

Так аргументировал свою точку зрения Модьун. Воодушевившись, он продолжал:

— Если это и проступок, то только незначительный, и возможное наказание за него — заключение в каюте не больше чем на два-три дня.

Когда он дошел до этого места, его прервал судья, который сказал, что по его определению подсудимые совершили уголовное преступление, караемое смертью.

— По определению? — спросил Модьун.

— Да,— был ответ.

— Покажите мне это определение,— сказал Модьун.

Служащий суда, человек-гиена в лоснящемся черном костюме и рубашке с высоким воротничком, имеющий ученый вид, принес книгу, в которой в главе 31 на странице 295 в параграфе 4 строка 7 значилось: «...следует считать уголовным преступле-

нием, которое карается тюремным заключением, штрафом или смертью».

— Разрешите посмотреть,— попросил Модьун.

Служащий посмотрел на судью, испрашивая согласия, и, когда тот кивнул, передал том человеку. Модьун перечитал строки, посмотрел последний лист, прочитал то, что было там, победоносно посмотрел и сказал:

— Это не тот закон, который создал человек, а неправильная и неприемлемая редакция меньшинства из людей-животных — людей-гиен.

Гиена-судья возгласил:

— Я заявляю, что закон правильный и пригодный.

Его голос стал значительно менее вежливым.

— По моему мнению,— продолжал Модьун,— вы должны признать подсудимых невиновными на том основании, что преступление не доказано.

— Я хочу задать вам один вопрос,— сказал судья.— Вы собираетесь давать показания или нет? Если нет, то, пожалуйста, освободите место свидетеля.

Он говорил с раздражением. Для того, чтобы уйти, момент был не слишком подходящим, поэтому Модьун настаивал на своем:

— Я буду давать показания, но я оставляю за собой право снова поднять этот вопрос, когда придет время.

Судья повернулся к гиене-прокурору.

— Продолжайте допрос важного свидетеля,— приказал он.

— Как вы попали на борт этого корабля? — спросил прокурор.

— Я прошел по космодрому к одному из нескольких сотен входов. Подошел к подъемнику. Он поднял меня примерно на сто этажей, и я вышел из лифта в коридор. Я был убежден, что благополучно поднялся на борт корабля, и это оказалось правдой,— закончил Модьун.

В зале заседаний стало тихо: фактическое рассмотрение дела завершилось. Высокий тощий человек-гиена, который задавал вопросы, казался растерянным. Но через некоторое время он овладел собой и произнес:

— Посмотрите на скамью подсудимых!

Модьун поглядел в указанном направлении и, конечно, увидел четверых своих друзей-животных.

Прокурор спросил:

— Узнаете ли вы кого-нибудь из этих людей?

— Я узнаю их всех,— сказал Модьун.

Арестованные с шумом задвигались. Неррл осел в кресле, как будто его ударили.

— Соблюдайте порядок в суде,— резким голосом прокричал судья.

Прокурор продолжал:

— Присутствовал ли кто-нибудь из этих людей,— он махнул рукой в сторону обвиняемых,— когда вы шли по космодрому, входили в лифт и поднимались на борт корабля?

Со своего места человек мог видеть, как напряглись люди-животные, сидевшие в зале. Модьун чувствовал, как многие из них невольно затаили или замедлили дыхание, очевидно, ожидая, что его ответ будет утвердительным. Модьун повернулся к судье:

— Ваша честь, я понимаю, что моему ответу на этот вопрос придается большое значение. Как будто каждый заранее предполагает, что утвердительный ответ повредит арестованным. Вы тоже так считаете?

Длинное тощее создание склонилось к нему:

— Ваша обязанность как свидетеля только правдиво отвечать на вопросы. Какие выводы я смогу сделать в окончательном приговоре, определит логика, которой руководствуется суд.

— И все же,— возразил Модьун,— вы — член малочисленной группы, захватившей все важные государственные посты, включая то, что только люди-гиены имеют право проводить судебное разбирательство и быть присяжными в суде. Поэтому я подозреваю, что ваш приговор может быть не совсем беспристрастным. Если вы сможете убедить меня, что он будет беспристрастным, я с радостью отвечу на вопросы.

— Он будет беспристрастным,— сказал судья.

Модьун покачал головой.

— Боюсь, что мы не понимаем друг друга. Каждый может утверждать, что суд беспристрастный. Но как вы можете убедить меня, с учетом того, что вы — член узурпирующего меньшинства, что вы не осудите этих арестованных, не выслушав их?

— Я собираюсь снова попросить вас либо давать показания, либо уйти,— холодно парировал судья.

— Я буду давать показания,— ответил Модьун.

— Очень хорошо. Каков же ваш ответ на вопрос?

— Арестованные были со мной, когда я поднялся на корабль.

— Аааааааахххх! — выдохнула аудитория.

Публика отреагировала как один человек: зал огласился согласным звуком единого вздоха.

Судья опустил молоток, призывая к порядку. Когда наконец в зале заседаний снова воцарилось молчание, Модьун сказал адвокату:

— Видите, я обнаружил, что связь четырех арестованных со мной считают важной уликой против них.

— А что же еще можно предположить? — спросил судья, едва скрывая торжество.

Человек посмотрел на него с сожалением.

— Предположение, что я сопровождал их, не может служить обвинением. Предположим, что, хотя они были со мной, они не знали о моих намерениях.— Модьун махнул рукой.— Может существовать множество подобных предположений.

Судья кивнул прокурору.

— Продолжайте допрос этого свидетеля и особенно обратите внимание на те вопросы, которые он поднял. Кажется, в конце концов он собирается отвечать правдиво, поэтому добейтесь от него исчерпывающей информации.

В этом был смысл, Модьун должен был с этим согласиться. Хотя он мог рассуждать о правде философски, он не собирался лгать о действительно происшедших событиях. Прокурор выжимал из него одно признание за другим. В конечном счете он сказал: да, четверо обвиняемых заранее знали, что он намеревался попасть на борт межзвездного экспедиционного корабля. Да, действительно, один из обвиняемых предложил это, а другие согласились с его планом.

Когда Модьун закончил, судья посмотрел на адвоката.

— Есть вопросы к вашему свидетелю, сэр?

— Нет,— ответствовал тот.— Я действительно не вижу смысла в том, чтобы терять время, продолжая судебное разбирательство.

— Я согласен с вами,— сказал судья.

После этого он повернулся к арестованным.

— Встать! — скомандовал он.

Четверо обвиняемых нерешительно встали.

Судья продолжал:

— Ваша вина установлена этим свидетелем,— начал он.

— Эй! — громко сказал Модьун.

Судья не обратил внимания и уверенно продолжал:

— Я приказываю, чтобы вас четверых отвели в камеру...

— А как насчет присяжных? — закричал Модьун.— Это же суд присяжных!

— ... и держали там одну неделю, пока вы будете ждать ответа на апелляцию в верховный суд. Если верховный суд вас не

помилует, то ровно через неделю с этого дня вы будете расстреляны группой стрелков, использующих оружие N.

Он махнул рукой полицейским, которые стояли на карауле рядом с узниками.

— Уведите осужденных,— приказал он.

Потом он повернулся к Модьуну и сказал вежливым тоном:

— Я хочу поблагодарить вас за честные показания, которые помогли установить истинную виновность четырех осужденных; теперь необходимо провести дальнейшую бюрократическую процедуру.

— Да,— с некоторым сомнением согласился Модьун.

Глава XIX

«Я сделал все, что мог»,— казалось Модьуну. Не следует предпринимать что-либо еще, просто дать событиям идти своим чередом.

Однако весь остаток дня судебного заседания тело Модьуна оставалось неприятно разгоряченным. Это, конечно, результат безрассудства его желез, которые отказывались соглашаться с идеальными с точки зрения философии решениями мозга. Что касается привязанности его тела к Руузбу и остальным, она была нелепой уже в силу того, что Модьун встретил их совершенно случайно.

«Я не выбирал их за особые душевные качества, а лишь потом обнаружил их».

В день выхода из-за барьера Модьун остановил автомобиль с четырьмя пассажирами и занял одно из двух свободных мест. Вот и все. Не было никакой разницы между этими четырьмя в автомобиле и любыми другими людьми-животными.

Модьун настойчиво убеждал себя, что такова реальная картина их отношений.

Но его тело все еще находилось в странном горячечном состоянии и не желало слушаться доводов рассудка.

На четвертое утро после судебного разбирательства раздался звонок в дверь каюты. Когда Модьун открыл ее, на пороге стоял офицер-гиена в форме. Он вежливо сообщил, что «четверо осужденных получили отказ в ответ на апелляцию верховному суду. Суд настаивает, чтобы главному свидетелю сообщили о решении».

Модьун собирался поблагодарить и закрыть дверь, но внезапно почувствовал, что от такой новости его лицо сильно покраснело. Он поспешно сказал:

— Я хочу посетить осужденных перед казнью. Это можно организовать?

— Я буду счастлив навести справки от вашего имени и сообщу о решении,— сказал офицер.

Оказалось, что Модьун может сделать это. Ему разрешат посетить осужденных накануне казни — вечером шестого дня после судебного разбирательства.

Модьун должен был согласиться, что во всем этом деле его загадочные хозяева ведут себя очень любезно и законно. Ощущение, говорившее, что за всем этим стоит направленный против него хитрый план, казалось теперь ошибочным.

Снаружи тюремная камера выглядела просто, как спальня, но туда вела дверь, запертая на засов. Перед дверью сидел гиена-караульный. Он внимательно прочитал письменное разрешение Модьуна на посещение, отпер дверь, подождал, пока тот войдет, и запер ее за Модьуном.

Прошло несколько секунд, в течение которых помещение казалось пустым, потом с низкой койки спустилась пара ног, и показался Неррл с приглушенным восклицанием:

— Господи, посмотрите, кто здесь!

После этих слов быстро появилось еще три пары ног, и трое остальных людей-животных встали с низких коек. Все четверо подошли и пожали руку посетителю.

Оглядевшись, Модьун увидел, что помещение отличается от других спален. За дальней линией коек была ниша. Там стоял стол и знакомое оборудование столовой.

После краткого осмотра Модьун робко сказал:

— Я решил, что лучше зайти попрощаться.

Большая слеза скатилась по щеке Руузба. Он был бледен и выглядел не очень хорошо. Его щеки ввалились.

— Спасибо, дружище,— сказал он сдавленным голосом.

Модьун посмотрел на него с заметным удивлением.

— В чем проблема? — спросил он.— Каждый должен уйти, раньше или позже. Так почему не сейчас?

Он поправил себя:

— То есть, почему не завтра?

После его слов наступило молчание. Затем Дуулдн вышел вперед и встал перед Модьуном. На щеках его горели два больших розовых пятна. Он конвульсивно сглатывал и, очевидно, едва сдерживал себя.

— Приятель, у тебя странные взгляды.

Нахмурившись, он продолжал:

— Модиунн, я никогда раньше не встречал обезьяны, похожей на тебя. Ты сидел в кресле свидетеля, наговаривая на нас.

— Правда есть правда,— защищался Модьун. В этот момент он понял, что замечание человека-ягуара не было дружеским.— Ты ведь не сердишься на меня за то, что случилось? — спросил он.

Румянец поблек. Дуулдн вздохнул.

— Я сердился. А потом подумал: «Это же мой милый глупый друг, обезьяна, она снова кладет палец в рот». И злость прошла. Правда, друзья? — Он посмотрел на своих товарищей по несчастью.

— Правда,— мрачно изрекли Неррл и Иггдооз. Руузб молча смотрел в пол и вытирал глаза.

Их точка зрения была такой бесперспективной, что Модьун почувствовал, что должен перевоспитать их.

— Сколько вам лет? — спросил он каждого по очереди. И впервые узнал, что их возраст колеблется от двадцати шести до тридцати трех: Руузб оказался самым старшим, а человек-гиппопотам — самым младшим. Так как они были людьми-животными, они могли прожить около шестидесяти.

— Итак,— рассуждал Модьун,— вы все прожили, грубо говоря, половину нормальной жизни. За оставшуюся половину едва ли стоит бороться.

В ответ на такой аргумент люди-животные озадаченно посмотрели на него. Наконец человек-лиса сказал взволнованно:

— Подумать только, что я здесь, в таком ужасном положении, потому что пытался быть твоим другом.

Человек был поражен. Он не понимал, какая связь могла существовать между этими двумя обстоятельствами.

— Вы намекаете,— проговорил он, потрясенный,— что здесь есть причинно-следственная связь? Это не так. Вы сделали то, что считали нужным, а потом люди-гиены сделали то, что они считали нужным. Подходя к событиям с точки зрения рационального мышления, можно понять, что эти два события не связаны. Что-то говорит вам, что здесь есть связь. В действительности же ее нет.

Модьун видел, что его не понимают. Его друзья просто потупили взгляды и казались еще более несчастными, чем когда-либо. Он почувствовал внезапную жалость к ним и продолжал:

— Вы должны понимать, что никто не смог узнать смысл жизни. Поэтому каждый вид должен быть сведен к малой группе, в которой каждая личность несет в себе всю совокупность генов расы, то есть полную генетическую наследственность, и ждать! Так как на Земле остается много представителей вашей породы, нет причины, по которой вы должны дорожить своим существованием. Очень возможно, что в этом путешествии вас все равно убьют.

Караульный громко постучал в дверь, когда были произнесены эти слова.

— Всем посетителям выйти! — закричал он через окошечко в металлической двери.

— Один момент,— попросил Модьун и повернулся к друзьям.— Ну, что вы думаете?

Большая слеза скатилась по щеке Руузба.

— Прощай, друг,— пробормотал он.— Я не знаю, о чем ты говоришь, но думаю, у тебя добрые намерения.

Он протянул руку.

Модьун вздохнул, посмотрев на Дуулдна.

— Я должен согласиться, что, если вами владеют такие чувства, вам лучше пойти со мной,— сказал он.— Не стоит против воли соглашаться на то, чему вы так сильно сопротивляетесь. Я скажу властям, что вы считаете приговор неприемлемым. Ведь так?

Четверо людей-животных удивленно глядели на него. Человек-ягуар выразил сожаление.

— Как мы сможем выйти с тобой? — сказал он.— Здесь стоит вооруженный охранник.

Человек отмахнулся.

— Я только потребую, чтобы он вас пропустил — минимальное вмешательство в его мозг. И мы сможем продолжить эту дискуссию в моей каюте.

Он подумал, что, конечно, возникнет какая-то реакция со стороны людей-гиен. Поэтому лучше пойти и поговорить с нунули.

Прошло около часа после того, как четверо друзей последовали за ним в каюту, и раздался звонок. Модьун открыл дверь и увидел высокопоставленного офицера-гиену в форме. Тот шепотом сказал Модьуну:

— Мне снова приказано попросить вас прийти и побеседовать с хозяином нунули. Вы придете?

Модьун вышел в коридор, включив энергетический барьер как защиту вокруг своей каюты, и сказал:

— Я готов идти немедленно.

И закрыл за собой дверь.

Глава XX

Он шел за гиеной-офицером по коридору и думал: «Я постараюсь доказать нунули, каким нелогичным было это судебное разбирательство».

Пока они поднимались на лифте все выше и выше, Модьуну казалось, что его жизнь чрезвычайно усложнится, если ему придется защищать четверых людей-животных и себя в течение всего путешествия. Когда они шли по коридору от одного лифта к другому, он подумал: «Будем надеяться, что у нунули есть приемлемое решение».

Когда второй лифт остановился, человек-гиена посмотрел на панель управления. На ней замигала белая лампочка. Он нажал кнопку. Бесшумный механизм открыл дверь, и офицер-гиена сказал:

— Вы войдете сами. Это частная беседа.

Когда Модьун шагнул вперед, дверь мягко закрылась за ним. Не оглядываясь, он вошел в комнату площадью не более дюжины квадратных футов. Комната оказалась пустой, только на полу лежало что-то похожее на матрац. Там на спине лежал нунули.

Модьун сразу увидел, что это — другой нунули; он отличался от тех двух, которых Модьун раньше встречал на Земле. И, конечно, он был настоящим. Один индивидуум необходим им на корабле; другой, конечно же, остался на Земле. В каждом месте, где нужно выполнять руководящую работу, должно быть по крайней мере по одному нунули.

— Вы пришли ко мне,— сказал инопланетянин, лежащий на полу,— в то время, когда я отдыхаю от многочисленных обязанностей.

Модьун осмотрелся в поисках выхода в другую комнату или чего-нибудь похожего. На первый взгляд ничего не было видно.

— Это ваша квартира? — спросил он.

— Да.

— На борту корабля вы живете в этой каюте? — настаивал Модьун.

— Да.

Гладкая серая кожа на продолговатом лице, казалось, еще больше натянулась, словно инопланетянин старался изобразить выражение, соответствующее его чувствам. Все же это было скорее напряжение мыслей-чувств, нежели мимическая сцена, и поэтому его попытку было трудно оценить. Нунули продолжал:

— Может быть, вы считаете, что это помещение более аскетично, чем выделенная вам каюта?

— Меня просто заинтересовал этот факт,— ответил Модьун.— Кажется, ваш комитет требует, чтобы его главные представители не проявляли личного интереса к роскоши или к другим преимуществам власти.

Лицо существа, лежащего на матраце, вновь изменилось. На нем появилось мимолетное выражение, похожее на то, которое Модьун

наблюдал на лице второго нунули, хозяина Земли, когда тот улыбался, говоря о своем превосходстве. Инопланетянин сказал:

— Мы были аскетичной расой, когда комитет выбрал нас для этой высокой цели. Все, что нам нужно было, это...

Он замолчал, потом пробормотал:

— Неважно...

— Несомненно,— кивнул Модьун,— ваш биологический вид пришел к правильному окончательному выводу, что все в космосе, в конце концов, делается по какой-то причине. Незачем приобретать имущество, кроме простых вещей, необходимых для выживания. Так?

— Нет.

Беседуя, нунули по-прежнему лежал. И через несколько секунд стало ясно, что ему не хочется распространяться на эту тему. Модьун принял отказ без злобы. Он сказал:

— Я с уважением отношусь к вашей тайне.

— Естественно,— ответил нунули.— Мы улучшили человеческую расу, чтобы она проявляла именно такое уважение к правам других. Мы заметили в ней это качество и развили его с целью создать искаженный эффект. Наша цель была достигнута, поэтому ничего удивительного в вашем утверждении нет.

Модьун сказал:

— У меня есть внутреннее чувство, что ни одна связь не является автоматически полностью односторонней, как вы говорите. Например, меня раздражает ваша логика, ваш суд над четырьмя моими друзьями.

— Вы не знаете моей логики,— резко ответил нунули.

— Правда. Но все очевидно. Вы подвергли суду четырех людей-животных с Земли из-за той роли, которую они сыграли в моем появлении на борту этого корабля.

— Что же здесь нелогичного?

— Корабль был сконструирован на Земле, не так ли? — спросил Модьун.

Нунули казался удивленным.

— Да, конечно. Мы всегда используем местные заводы и материалы, где это возможно.

— Вашими рабочими были животные с Земли? — настаивал Модьун.

— Конечно. Кто же еще? Комитет настаивает на том, чтобы использовать местную рабочую силу.

— Тогда,— сказал Модьун,— какие же могут быть у вас возражения? Я по определению имею право быть на этом корабле.

— Не понимаю ваших рассуждений,— последовал холодный ответ.

Модьун протянул руки.

— Земля принадлежит человеку и, в меньшей степени, животным, которых человек поднял из животного состояния. Поэтому корабль, построенный на Земле животными, живущими на Земле, принадлежит человеку и, в меньшей степени, животным. Я единственный человек на борту, следовательно, этот корабль принадлежит мне.

— Земля — завоеванная планета,— произнес нунули с чувством собственного достоинства.— Поэтому на ней человеку не принадлежит ничего.

Модьун упрямо покачал головой, почувствовав, как сужаются его глаза. Реакция тела удивила его, как эмоциональный протест против точки зрения, не совпадающей с его собственной.

— Я еще не смирился с ролью нунули,— сказал он.— Пока я существую, корабль принадлежит мне. Однако,— он сделал паузу,— это мелочи. Я обдумываю наилучшее решение этого вопроса. Я ищу женщину, которую, думаю, ваш коллега увез с Земли в другое место. Если вы сможете отвезти меня к ней, я с радостью покину корабль. Отвезите меня к ней, где бы она ни находилась.

— Это совершенно невозможно,— возразило существо, лежа на полу.— Но теперь давайте вернемся к вашей логике. Ошибка заключается в том, что вы не знаете о другой нашей цели, связанной с вами. Понимаете ли вы, сколько дней прошло с момента нашего вылета с Земли? — в его тоне звучало ликование.

— Немного больше недели,— ответил Модьун. Он должен был признаться, что обескуражен вопросом, который казался ему не относящимся к делу.

Существо снова успокоилось, серо-зеленые глаза его полностью открылись, серая, плотно натянутая кожа лица чуть расслабилась.

— Этот корабль,— сказал он,— проделал путь примерно в 400 световых лет. Он несколько раз менял направление полета и намеренно ушел со своего курса, чтобы нельзя было определить, откуда он прибыл.

Нунули замолчал, чтобы дать Модьуну время отреагировать. Как, видимо, и ожидал инопланетянин, человека расстроила такая информация.

«Хотя, конечно, вполне разумно не давать потенциальным врагам никаких сведений о планете, пославшей корабль-захватчик»,— подумал Модьун.

По блеску глаз противника Модьун понял, что не прав в своих предположениях. И, действительно, позлорадствовав минуту-другую, существо объяснило мотивы своих поступков:

— То, что вы сказали о планете, с которой мы стартовали, бесспорно, следовательно, истинно. Но корабль маневрировал в космосе только из-за вас. Чтобы смутить вас. Убедить, что вы никогда не вернетесь на родину. И та же цель и у суда над вашими друзьями-животными. Если вы подумаете об этом, то увидите, что мы отвлекали ваше внимание до последнего момента, тянули время, пока корабль не пролетел необходимое расстояние. Естественно, этот корабль не вернется на Землю.

Вот каков их план! Модьуну вся затея показалось немного избыточной. Значит, логика представителей подчиненных рас, таких, как нунули, тоже всегда экстремальна. У этих существ была цель, которую они должны были выполнить. И теперь, добившись уничтожения людей за барьером и удалив с Земли Судлил и Модьуна, они, вероятно, исчерпали свою миссию.

Полная иррациональность миссии и ее основных составляющих вызвала у Модьуна ощущение, что он, действительно, ничего не может возразить на это сумасшествие. Он мог только сделать логический вывод.

— В таком случае,— сказал он,— так как четверо моих друзей были только пешками, вы не будете возражать против того, чтобы отменить смертную казнь и помиловать их.

— Нет возражений,— последовал мгновенный ответ.— Действительно, одна из причин, по которой я позвал вас сюда,— сообщить об этом.

Потом нунули продолжал более официальным тоном:

— Редддлл, гиена-офицер, сопровождавший вас сюда, проводит вас назад в каюту и даст каждому из четверых оправдательный документ.

Все еще лежа на спине в пустой комнате, нунули сказал в заключение:

— Мне кажется, теперь мы должны завершить нашу встречу.

У Модьуна возникло аналогичное ощущение. Кроме одного-двух второстепенных моментов все прояснилось.

— Ваш план против меня теперь полностью осуществился? — спросил он.

— А вы как думаете? — существо на полу, казалось, было несколько обескуражено таким вопросом.

— Схема была такой: что-то сделано мне во вред, но я принимаю это. Я даже терплю отдельного нунули, который замышляет добиться чего-то от меня. Я все продумал. Я продолжаю мирное

сосуществование, а потом обнаруживаю, что против меня существует тайный заговор. Поэтому я хочу знать, продолжается ли тайный заговор? Или ваша миссия относительно Земли и человеческих существ выполнена?

— Теперь она выполнена,— последовал торопливый ответ.— Что же еще?

— Это то, что говорил хозяин нунули номер два,— ответил Модьун,— но его слова оказались ложью. Я устал от вашей лжи и козней. Они направлены против логики космоса.

— Как может последний представитель расы понимать логику космоса? — огрызнулся нунули.— Однако дайте мне подумать.

После паузы он продолжал:

— Единственной иной целью, связанной с вами в рамках нашей миссии, было бы убийство вас или женщины. Существует ли, по вашему мнению, необходимость осуществить это?

— Ну нет,— заговорил Модьун после минутного раздумья.— Нет, если я не буду сопротивляться.

— Правильно,— все еще раздраженно подтвердил нунули,— значит, вы получили ответ.

Внешне ответ, действительно, казался удовлетворительным и правдивым. Кроме того...

— Есть еще одна вещь,— сказал Модьун,— которая так важна, что, возможно, я буду вынужден потребовать от вас ответа.

— Невыносимо,— протянул нунули.

Это удивило человека: для него немыслимо было сделать что-то, невыносимое для другого живого существа.

Но через минуту он все еще продолжал размышлять.

Наконец Модьун сказал:

— С некоторым опозданием я начал понимать...

Он подождал, пока значение его слов проникнет в святая святых мозга пришельца. Его слова не могли звучать особенно убедительно, ведь он (вместе с Судлил) был одним из последних оставшихся в живых представителей человеческой расы. И его осознание правды — если еще существовала какая-то правда — на самом деле пришло слишком поздно. Не было ясно, что он должен делать... разговор с комитетом... скорее всего — да.

Он закончил свое утверждение:

— ... начал понимать, что может быть неблагоразумно, чтобы одна раса позволяла усовершенствовать себя другой расе, причем по отнюдь не альтруистическим мотивам.

Он говорил, переживая старые видоизменные чувства, поднимающиеся без слов откуда-то из глубин нервной системы. Он слышал свой голос, который произносил:

— Вопрос не исчерпан. Это простые логические заключения временного характера.

Потребовалось сознательное усилие, чтобы остановить поток слов. Модьун долго стоял, удивленный силой своих чувств. Но через некоторое время он восстановил самоконтроль и смог продолжать:

— Когда я говорю с нунули, я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к реакции на мои слова, и эта реакция не полностью соответствует тому, что декларировал ранее другой нунули. Поэтому я вынужден спросить: как я могу определить, что нунули действительно представляют или не представляют комитет, от лица которого они якобы говорят?

Внезапно он изменил тему разговора:

— Почему вы считаете, что я стану против своего обыкновения требовать от вас ответа, если вы найдете менее жестокое решение?

Тусклые глаза нунули так пристально смотрели на него, что после долгих минут молчания Модьун нерешительно добавил:

— Почему вы не откроете для меня свой мозг по собственной доброй воле и не покажете мне достаточно из истории расы нунули, чтобы я мог согласиться с вашими доводами и больше не удивляться?

Когда он закончил, существо на полу зашевелилось. Тонкие ноги задвигались. Руки оперлись об пол. Шея изогнулась назад, и существо село.

— Хорошо,— сказал нунули,— я уступаю вашему преступному давлению. Но я предупреждаю, что комитет может оскорбиться и я не смогу предотвратить возможные последствия.

Глава XXI

Перед внутренним взором Модьуна замелькали картины суровой аскетической жизни: по-видимому, нунули на своей планете жили как монахи. Жилища их представляли собой длинные мрачные строения, где каждое существо занимало крошечную комнатку, похожую на келью, и влачило в ней однообразное существование. Полы не были отделаны; отсутствовала какая-либо мебель кроме подобия матрацев, на которых нунули спали.

Женщины нунули обитали в домах несколько иной конструкции. Различие заключалось в том, что здесь были общие дворы и помещения, где ухаживали за детьми. В первые годы жизни их держали в удобных сооружениях, похожих на детские кроватки.

Раз в несколько лет женщина нунули отправлялась в путь рано утром и разыскивала один из монастырей. На возникшей в мозгу человека картине было видно, как она стучит в дверь кельи. Потом во вторую дверь. Потом в третью и так далее. Мужчина в каждой келье, очевидно, узнавал стук, потому что поднимался с матраца, открывал дверь и стоял, глядя на нее. И она стояла, ожидая. Ее, казалось, не волновала возможность отказа, она просто шла к следующей келье. Наконец, в одном случае из трех, виденных Модьуном, она находила комнату мужчины, которого привлекал либо ее запах, либо мысленная волна, исходившая от нее. С благосклонно принявшим ее поклонником она оставалась на несколько дней и ночей. В большинстве случаев двое просто лежали рядом, медитируя. Но дважды за время ее присутствия наступал тот самый момент. Возбуждение, страсть? Даже при хорошем мысленном контакте Модьун не мог точно определить природу этого чувства. Что бы это ни было, оно вызывало спаривание, которое, казалось, длилось бесконечно. Четыре часа. Пять. Несомненно, большую часть ночи.

После второго соития женщина просто вставала и, даже не взглянув на своего супруга, покидала келью и монастырь. Потом она жила в собственном маленьком уютном жилище. Здесь, в безмолвной тайне своей кельи, она вынашивала и примерно через год рожала своеобразное маленькое чудовище, принимавшее через какое-то время облик взрослого нунули.

Неожиданно все эти сцены поблекли. Нунули, все еще лежа на полу своей небольшой комнаты, назидательно посмотрел на Модьуна и произнес:

— Такой была наша жизнь, пока комитет не показал нам способ быть полезными.

Модьун удивленно и разочарованно проговорил:

— И это все, что вы собираетесь показать мне?

— Это краткое изложение нашей дозувгской истории,— резко ответил пришелец.— Именно то, о чем вы спрашивали.

Модьун уже открыл было рот, чтобы возразить, что это неудовлетворительный ответ. А потом замолчал: он понял — только что ему сообщили удивительную новость.

«Зувг»,— так сказал нунули.

Из контекста следовало, что это было название расы, к которой принадлежали члены комитета...

«Чтобы получить такую информацию, действительно следовало хорошенько нажать на него».

Несколько долгих секунд он смаковал новое слово. Наконец ему пришло в голову, что от полученных сведений актуальность его протеста ничуть не уменьшилась. Он сказал:

— То, что вы показали мне, не объясняет и не оправдывает удивительную трансформацию нунули от сурового монашеского существования до массовых убийств по всей галактике. Как произошло это превращение?

Зеленые глаза в недоумении уставились на него.

— Разве мы обсуждаем эту тему? — начал нунули. И взволнованно смолк.

— О! — воскликнул он через секунду. Его глаза расширились, словно он наконец понял, о чем идет речь.— То, что мы делаем от имени комитета,— не убийство.

— Разрешите мне внести ясность в этот вопрос,— сказал Модьун.— Вы или кто-то другой из нунули уничтожили или потворствовали истреблению всей человеческой расы. И вы хотите сказать, что в соответствии с вашими убеждениями это не убийство?

— Это — часть программы комитета по улучшению жизненной ситуации в галактике,— нунули махнул тонкой гладкой серой рукой.

— По улучшению чего?

Существо оставалось спокойным.

— Простите. Теперь я вынужден попросить вас оказать мне любезность и покинуть меня, чтобы я мог продолжить отдых. Ваши друзья в безопасности. Вы получили информацию, о которой просили. Не собираетесь же вы обсуждать проблему несмотря на мой протест?

Модьун заколебался. Слова нунули не оказали на него решающего влияния, как можно было бы ожидать. В его голове роилось еще несколько вопросов, а возражения собеседника только усугубляли тревогу и нетерпение.

— Я, кажется, в странном настроении,— сказал он наконец.— У меня есть несколько вопросов, на которые я непременно хочу получить ответ.

Он не ждал разрешения нунули на обсуждение щекотливой темы и продолжал:

— Я думаю: самое важное — это то, каким именно образом члены комитета добились поддержки вашей расы.

Голубоватые глаза, казалось, стали слегка удивленными. Затем на гладком лице появилось такое выражение, как будто нунули нахмурился. Он заговорил, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Они — высшая раса. В тот момент, когда один из них вошел с нами в контакт, он показал нам возвышенную цель, и мы к ней стремимся. С тех пор как мы увидели планету с передовой культурой и решили, что нам нужны более тонкие методы, мы

позвали члена комитета, чтобы вложить цели в умы наших лидеров. Вот и все. Все сопротивление прекратилось.

Модьун только и протянул в ответ на это:

— О!

Все стало проясняться.

— Цель,— сказал Модьун,— конечно.

И потом спросил многозначительно:

— Когда зувгайты вошли в контакт с нунули, это была мысленная связь? То есть плодотворная мысленная беседа, диалог?

Нунули возмутился.

— Член комитета не станет ничего обсуждать с членом низшей расы,— сказал он.

Модьун постарался не показывать свое торжество. Победа его была пока невелика, но он узнал кое-что, чего не знали нунули. Зувгайты не могли передавать и воспринимать мысли в нескольких направлениях в обычном понимании этого слова. Они, очевидно, осуществляли нечто вроде гипнотического внушения.

Внушить, разумеется, можно все, что угодно. В этом смысле два зувгайта могли обмениваться внушениями друг с другом, возможно, могли защищать себя от гипнотического воздействия взаимного давления; могли успешно беседовать на расстоянии многих миль или лет. Подобным способом можно внушить что-либо только личности, не имеющей ментальной защиты.

Модьун удивился, почувствовав, что от возбуждения дрожит всем телом. Ему потребовалось усилие, чтобы сказать:

— Они могут... внушать, объединившись?

— Вся тысяча,— с удовлетворением ответил нунули.— Их сила непреодолима.

Больше они не обсуждали это качество зувгайтов. Против такого сплоченного фронта тысячи индивидуалов, каждый из которых мог оказать сильное ментальное сопротивление, методы человеческой системы восприятия были бы бессильны.

Модьуну вдруг захотелось узнать и остальное.

— Цели этих существ остаются для меня неясными,— сказал он.— Их план усовершенствования галактики включает уничтожение человеческой расы и, возможно, других видов разумных существ. Какое научное объяснение можно этому дать?

Нунули оказался лишенным не только воображения, но и хитрости.

— Эта информация существует. Я имею ее, но не могу вам открыть.

У Модьуна промелькнула мысль, что люди Земли погибли в результате деятельности Зувгайтов, и он, по крайней мере, должен получить этому разумное объяснение.

— В таком случае,— пригрозил он,— я буду вынужден кое-что предпринять.

— Это не принесет вам пользы,— сказал нунули самодовольно.— Я убежден, что никто, даже человеческое существо, не в силах преодолеть особые барьеры в моем мозгу, защищающие эти данные.

— Может получиться интересная проверка для вас и для меня,— сказал Модьун.— Вот и узнаем, действительно ли это правда.

Впрочем, он произнес эти слова не слишком решительно, поскольку обнаружил, что мысленно все еще склоняется к ранее принятому решению: если нунули откроет ему истинную историю их покорения, то насилия не будет. Глубокая убежденность в бессмысленности любых агрессивных действий оказалась хорошим сдерживающим аргументом. Казалось бы, нелепо: ведь переживая бурные эмоции или физическое напряжение, он использовал свои внутренние резервы, не считаясь с прежними моральными обязательствами.

Рассуждая подобным образом, но все еще колеблясь, Модьун спросил:

— Что сказали зувгайты о природе барьера в вашем мозгу?

— Если вы примените силу, чтобы получить запрещенные сведения, это мгновенно убьет меня,— был ответ.

— О!

— Принималось и принимается на веру,— спокойно сказал нунули,— что вы не сделаете ничего, что действительно повредит мне.

— Я думаю, это правда,— неохотно признал Модьун.— Но все же...

Он объяснил, что есть область биологии, изученная человеческими существами в совершенстве.

— То, что мы сделали для животных Земли,— только крошечная часть нашей общей способности манипулировать с клетками и группами клеток. Я уже убедился, что у вас не такой же, но сравнимый с человеческим тип нервных клеток. Каждая из ваших нервных клеток имеет на каждом конце длинную соединительную нить из нервной ткани. У человеческих существ подобные связи называются аксоны и дендриты.

— Я знаком с анатомическими подробностями, о которых вы говорите.

— Хорошо. Однажды на Земле,— продолжал Модьун,— была высказана мысль, что аксон — это просто линия, похожая на телефонный провод, способная передавать электрические импульсы; то же касается и дендритов. Однако обнаружили, что каждая из этих мелких нитей нервного вещества усеяна пятью-десятью тысячами маленьких пятнышек. Последующие опыты показали, что каждое из этих пятнышек имеет свой вход или выход. Итак, представьте себе подлинный человеческий мозг с двенадцатью миллиардами клеток, каждая с нервными окончаниями, имеющими около пяти-десяти тысяч входов и выходов, ни один из которых, очевидно, не используется в непосредственной передаче импульсов мозга.

— Я очень хорошо знаком с этими подробностями,— последовал резкий ответ.— Мы изучали эти специальные входы и выходы, которых не хватает другим расам; это сделало возможным улучшение человеческой породы до уровня, когда каждая личность обладает огромной силой, но не применяет ее против других существ в силу своей жизненной философии — вы помните?

Модьун с грустью вспомнил те времена, когда о человечестве можно было говорить как о расе, но настойчиво продолжал гнуть свою линию.

— В работающем электронном приборе неиспользуемые входы и выходы создают шум. В человеческом мозгу они стали источником беспорядка и неправильных связей. Тем не менее, в свое время обнаружили, что входы принимают все мысли других людей, а выходы передают все биотоки мозга в единое психическое пространство. Моя точка зрения такова: все, что входит и выходит, как бы обременено шумом, и было невозможно отделить информацию от шума до тех пор, пока не была изобретена наша система. Я не вижу ничего неправильного в том, что применение силы ограничивается философией — кроме тех случаев (я начал это понимать), когда ограничение работает на общее саморазрушение. Это означает, что я нахожу себя вправе свободно отдавать необходимые распоряжения. Думаю, что смогу с легкостью помочь вам обойти или аннулировать барьер, запрограммированный внутри вас...— Модьун не закончил предложение.— Ведь в конце концов,— подытожил он,— я всего лишь хочу получить больше информации.

Последовала долгая пауза. Взгляд инопланетянина замер на Модьуне. Наконец нунули сказал:

— Я отвечу почти на любой вопрос, кроме этого. Я не уверен, что ваши знания способны преодолеть созданное членом комитета. Что еще вы хотели бы знать?

— Где находится Зувг?

— Я не знаю. Я никогда не был там. Очевидно, они не допустят к вам того, кому это известно.

Модьуну это показалось честным ответом. Он попросил:

— Тогда расскажите мне, что вы знаете о комитете.

— Это самая совершенная раса в галактике. Те науки, которые они не развивают сами, заимствуются ими у других рас с помощью их метода управления разумом. Они — единственные по-настоящему бессмертные.

Модьун прервал его:

— Вы имеете в виду «живущие дольше всех»? — Он улыбнулся.— В настоящее время человек живет около тридцати пяти сотен земных лет. Возможно, что эволюция в конце концов доведет этот срок до десяти тысяч. Существуют естественные причины, по которым нормальная клетка увядает, что в результате приводит к смерти.

Гладкое загадочное лицо было мягче, чем когда-либо.

— Я повторяю: они по-настоящему бессмертны. Нескольким членам комитета более ста тысяч земных лет. Вы понимаете?

— Но на этой стадии развития галактики такое невозможно,— запротестовал Модьун.— Есть только один способ...

Он забеспокоился.

— Много лет назад мы, люди, решили не идти по такому неестественному пути.

— Вы не хотели идти по нему из-за вашей философии, ведь так?

— В основном, я полагаю, да. Но также и потому...

Модьуна прервали.

— Это и была ваша ошибка,— последовал спокойный ответ.— Природа не беспокоится о том, правильные вы применяете методы или нет. Имеет значение только сам факт. А факт заключается в том, что все они прожили во много раз дольше, чем любой из людей, и вы никогда не были способны на то, чего они достигли.

Существо на матраце оборвало фразу.

— Наверное, теперь вы наконец перестанете задавать дурацкие вопросы, и мы сможем расстаться.

— Да,— сказал Модьун.— Остальное я узнаю, когда побеседую с представителем комитета. Вы можете организовать такую встречу?

— Это невозможно — по причинам, которые я уже объяснил. Они не принимают сообщения. Они только посылают их, причем в форме приказов.

— Если только представится возможность,— сказал Модьун,— вы же знаете, где я.

— Конечно, я знаю, где вы,— гласил произнесенный с удовлетворением ответ,— и куда вы собираетесь.

— Куда же?

— В никуда.

Глава XXII

Все закончилось.

По крайней мере, для людей-животных проблем больше не существовало. Возвращаясь в свою спальню впервые после ареста и суда, они робели и волновались. Но, когда ничего плохого не случилось, а соседи по комнате окружили их и стали хлопать по плечам и жать им руки (были даже аплодисменты) они быстро возобновили свое беззаботное существование.

Все же они, конечно, приобрели суровый опыт. Сила пережитого потрясения обнаружилась после того, как они вернулись в каюту Модьуна. Когда Модьун, закончив принимать ванну, вышел в гостиную, он увидел, что люди-животные разглядывают все вокруг с завистью и удивлением. Они, казалось, забыли те часы, которые провели здесь раньше. Они изучали роскошную обстановку гостиной, разглядывали великолепно оборудованную ванную комнату, громкими восклицаниями выражая свой восторг при каждом новом открытии. Персональная кухня и столовая привели их в окончательное и полное изумление.

— Дружище! — произнес Руузб, подозрительно склонив голову набок.— Это действительно замечательно. Как же это получилось?

— Да, как? — поинтересовался Неррл.

Иггдооз и Дуулдн замерли рядом с округлившимися от любопытства глазами.

Модьун дал им объяснение, предложенное высокопоставленным офицером-гиеной.

— Мне объяснили,— сказал он,— поскольку меня не было в списках для спален, не нашлось другого места, кроме свободной офицерской каюты.

— Дружище! — восхищенно проговорил Рууузб.— Я думаю, после этого стоит быть безбилетным пассажиром.

Модьун великодушно предложил:

— Почему бы вам, друзья, не приходить сюда и не обедать со мной? Так мы сможем держаться вместе.

Они охотно согласились. Теперь он имел компаньонов на время обеда. Что было приятно. Не потому, что эта компания много значила для него, скорее оттого, что теперь они почти беспрерывно болтали о приближающейся посадке. Тема приобрела характер навязчивого состояния. Когда звери уходили на подготовительные тренировки, Модьун включал свой телевизор с замкнутым контуром, и на экране появлялся высокопоставленный человек-гиена с очередной речью на тот же предмет. В предшествующие посадке часы только по одному каналу передавалась музыка.

На второй день, когда четверка явилась в его каюту, у каждого был пакет и длинный прибор, излучавший статический заряд; мозг человека немедленно зарегистрировал это излучение. Модьун осмотрел оружие и увидел, что оно не земного происхождения и конструкции.

— Очень остроумно,— сказал он, возвращая оружие человеку-ягуару, его владельцу. На щеках Дуулдна вспыхнули два знакомых ярко-красных пятна.

— Ты смеешься? — возмутился он.— Прошло немало времени, пока до моей башки дошло, как работает эта штука. А ты ведешь себя так, словно уже все понял.

— Ну...— сказал Модьун.

— Может быть, он видел ее раньше в Африке,— вставил Руузб из другого конца комнаты.— Так, Модиунн?

Модьун с радостью принял это объяснение.

— Оно выглядит так же, как и то, что я видел в Африке,— затараторил он.— Заряд содержится в этом длинном стволе.— Он показал блестящее тиснение вдоль дна барабана похожего на винтовку орудия.— Если нажать большим пальцем кнопку здесь наверху, то ствол, как батарея, освобождает заряд. Судя по размеру, я думаю, что энергия мгновенной вспышки может сделать электропроводным столб воздуха длиной около пятисот ярдов, и электрический ток от маленького динамо внутри ствола доходит до любой цели без потерь. Я думаю, тысячи ампер при 660 вольтах достаточно, чтобы убить даже слона.

Он покачал головой и сказал грустно:

— Очень плохо.

— Что же здесь плохого? — удивился Дуулдн.— Нам может понадобиться что-либо подобное для защиты. Кто знает, что нас здесь ждет?

Так как они не знали о настоящей цели экспедиции, Модьун прекратил ставший бесполезным разговор.

Во время обеда Модьун узнал, что посадка назначена на следующее утро по корабельному времени.

Глава XXIII

По просьбе нунули, хозяина корабля, Модьун оставался в своей каюте. При сложившихся обстоятельствах, подчеркнуло создание, это было самое малое, что он мог сделать. Модьуну совет нунули показался разумным. Он согласился, что он незваный гость и потому должен доставлять как можно меньше беспокойства.

Нунули отклонил его просьбу позволить ему наблюдать посадку по видеоустройству в каюте. Модьун заметил, что его тело почувствовало досаду из-за такого отказа; все же это, действительно, было не его дело. Конечно, высадка и вправду будет весьма скучной процедурой с бесчисленными повторяющимися действиями.

Модьун даже не старался представить себе, что сейчас происходит внизу. Неведомый континент, который он мельком видел в иллюминаторе на ранних стадиях сближения с планетой, был достаточного размера, чтобы вместить множество обитателей. Модьун предполагал, что будет применен метод захвата.

Пока Модьун был занят обычными действиями, которых требовало его выросшее человеческое тело. Когда подошло время дневного сна, он немного поел. Потом он расслабился, ожидая, чтобы тело выполнило необходимые биологические функции, и позволил себе послушать живую животную музыку. Странно, но кровь побежала быстрее, сердце забилось сильнее, глаза заблестели. Музыка продолжала быть для Модьуна источником эмоций, возможным объяснением человеческого поведения в те давние дни, когда чувства возникали спонтанно и легко.

«Мы действительно произошли от существ очень примитивного типа»,— подумал Модьун. Ему было страшно сознавать, что нунули нашли именно этого примитивного человека и безошибочно распознали его уязвимые места. Полнейшая бессмыслица! После всего того, что произошло на Земле, оказалось ясно: те цели, которые они полагали достигнутыми, в корне отличались от реального положения вещей.

Размышляя таким образом, Модьун закончил свой туалет, сбросил одежду и забрался в кровать.

Прошел час — и его разбудил стук в дверь.

— Стучат,— подумал он.— А что же случилось со звонком?

Но он включил свет и встал с постели.

— Кто там?

— Это я, нунули, хозяин корабля. Я хочу поговорить с вами.

— Почему бы вам не прийти после дневного сна? — спросил Модьун.

— То, что я должен сказать, не терпит отлагательств.

Рассуждения Модьуна сразу пришли в противоречие с его природной вежливостью. Его разум говорил, что, очевидно, что-то не так. Сермяжная правда заключалась в том, что от общения с нунули Модьун ничего больше выиграть не мог. Само собой, никто бы и не проиграл. И все же Модьун всегда старался быть любезным, даже в противовес разуму. Так случилось и теперь.

Модьун сказал:

— Я раздет. Можно мне одеться, прежде чем я отвечу?

— Нет, нет, в этом нет необходимости. Я всегда раздет, как вы знаете. Ваше тело безобразно, но я могу вынести его вид.

«Смотрите-ка, кто кого называет безобразным»,— подумал Модьун и пошел открывать дверь. Нунули проскользнул в каюту с удивительной поспешностью. Он протрусил к кровати и уселся на нее.

— У нас возникла небольшая проблема,— заявил он.— Я хотел бы знать, не поделитесь ли вы со мной своими мыслями.

— В чем она состоит? — спросил Модьун. Он пока не хотел давать никаких обещаний.

Нунули встал с кровати.

— Может быть, вы могли бы одеться и сойти со мной вниз.

— То я должен одеться, то не должен. Решите же, наконец,— сказал Модьун.

— Оденьтесь. Температура внизу около нуля. Мы, кажется, опустились на холодную часть планеты.

Когда Модьун одевался, он подумал, а потом наконец и высказался в том духе, что для него в любом случае было бы неразумно покидать корабль.

— Я нахожусь на борту без вашего разрешения,— подчеркнул он.— Насколько я полагаю, если я сойду здесь, вы просто отдадите приказ улететь из этого района космоса, а я останусь. Я даже не знаю, где это «здесь».

— Я думал, что вас не заботит, где вы находитесь,— последовал резкий ответ.

— Мое тело устало оттого, что оно отягчено массой примитивных устройств,— сказал Модьун.— И я очень мало интересуюсь той неразберихой, которую вы пытаетесь создать вокруг меня.

Нунули смирился. И кротко попросил:

— Внизу идет битва, и поэтому я прошу, чтобы вы воспользовались одной из ваших сверхчувствительных систем восприятия и спасли нашу армию.

Модьун был изумлен пагубными заблуждениями собеседника. Он подчеркнул, что возможности его систем восприятия строго ограничены и в такой ситуации неприменимы вообще.

— Они обеспечивают,— сказал он,— ограниченное управление элементарными силами в ограниченном пространстве. Если бы вы, нунули, действительно захотели убить меня, вы, вероятно, смогли бы это сделать. Но вы должны были бы приготовиться к тому, что силы, которые вы используете, обратятся персонально против вас. Таким способом работают мои системы.

Если бы можно было сказать, что гладкое, как стекло, лицо, окруженное похожими на червей щупальцами, имеет отсутствующее выражение, то нунули реагировал на его объяснение именно так. Казалось, инопланетянин задумался. Наконец он сказал:

— Каким способом вы могли бы отразить атаку врага на корабль?

— Забрать ваших людей на борт и улететь,— просто ответил Модьун.

— Это проблема, с которой я сам никогда не сталкивался,— признался нунули.— Должен сказать, что я сбит с толку тем, что так неадекватно оценил ганиан по прежним посещениям. Я мог бы поклясться, что сложная техника не понадобится и что мы с нашим мощным оружием сможем просто высадиться и сокрушить все на своем пути.

И объяснил:

— Это всегда самый простой способ. Дело делается сразу, и больше помех не возникает. Мы создаем правительство, подчиненное нам, и ждем указаний от комитета.

Он покачал головой.

— Но не так, как на вашей Земле. Помните? Там нам противостояла атомная цивилизация, и мы были вынуждены применить метод, требующий нескольких сотен тысяч лет на свое осуществление.

Вдруг он вспомнил о своей главной цели.

— Ситуация очень серьезная. Если вы не поможете, энергетические заряды ганиан скоро могут начать причинять неудобство даже вам.

Его голос звучал серьезно и убедительно.

— Что же именно произошло? — спросил Модьун.

После паузы нунули высказался откровенно:

— Наши наземные силы остановлены, а превосходящие силы ганиан — может быть, равные двум дивизиям — захватили всю кормовую часть, включая большой парк. Они сделали это способом, который непонятен мне и моим техническим советникам.

— Может быть,— сказал Модьун,— я мог бы помочь. Почему бы нам не пройти в кормовую секцию корабля? Я полагаю, вы теперь хотите отказаться от атаки?

— Да, конечно.

Существо казалось расстроенным.

— Но сначала мы должны освободить и вернуть наши наземные силы. Там внизу добрых двести тысяч существ.

Модьун был поражен.

— Это, конечно, очень много. Вероятно, туда входят четверо моих друзей-животных. Они говорили мне, что все они выбраны по методу жеребьевки.

— Я ничего не знаю о таких подробностях,— поспешно вставил нунули.

Модьун, уже взявшийся одной рукой за дверь, повернулся и хмуро посмотрел на инопланетянина.

— То, как вы говорите об этом,— медленно произнес он,— дает мне повод усомниться в системе вашей так называемой «жеребьевки». Может быть, она такая же честная, как и обсуждение цели полета этого корабля на Земле? — Глаза Модьуна сузились.— Может быть, моих друзей выбрали умышленно и поручили им самые опасные задания в надежде, что их ранят или убьют?

— Нет, нет, клянусь,— прошептал нунули.— Этого не могло быть.

Он заволновался.

— Если ваши друзья внизу, то, чем скорее вы вмешаетесь, тем лучше. Я заверяю вас: это — кошмар. Нужно что-то делать, или наши войска будут сметены.

— Я даже не могу себе представить, что именно,— отрезал Модьун,— но поскольку наша цель — всего лишь прекратить атаку, то давайте пойдем и посмотрим.

С этими словами он распахнул дверь и вышел в коридор. Нунули не отставал.

Глава XXIV

Почти сразу же им стало трудно идти.

Сзади напирали толпы людей-животных. Отовсюду раздавались пронзительные крики и топот тысяч ног; все население гигантского корабля стремилось в его носовую часть.

— Держитесь прямо за мной,— убеждал Модьун нунули; он выставил свое большое тело как заслон перед тщедушным инопланетянином, отбиваясь от тяжеловесных людей-животных, ко-

торые спешили мимо, толкались и рвались вперед так, как будто настал конец света. Обезумевшая толпа, в сущности, даже не замечала двух наших героев, пытающихся идти в противоположном направлении. К счастью, она была неоднородной. Иногда в ней открывался просвет, и, попав в него, человек и нунули быстро продвигались вперед.

Наконец они достигли места, где на полу лежали раненые и мертвые. Оглушенный стонами Модьун почувствовал, как сзади его потянули за локоть.

— Куда вы идете? — спросил нунули. Его гладкое лицо немного поблекло, как будто его серый цвет полинял и стал не таким ярким, как обычно. Казалось, маленькие червячки на его голове свернулись в крошечные узелки и плотно прилегли к черепу.

— Я думаю, мы можем пойти и поговорить с предводителем армии ганиан, поднявшихся на борт.

Нунули возбужденно забормотал:

— Я не разрешаю делать это именно сейчас! Было бы довольно глупо, если бы я, хозяин корабля, отдался на их милость.

— Сомневаюсь, что тут возникла бы проблема,— предположил Модьун. Он был немного удивлен такой нервозностью.— Они, наверное, будут счастливы, когда узнают, что вы готовитесь отказаться от атаки. Не так ли?

— Абсолютно так,— создание говорило искренне.— Действительно, если вы сможете убедить их позволить нам забрать наши наземные силы, заверьте их, что мы сразу улетим.

— Мне очень приятно слышать это от вас,— сказал Модьун.— Но я думаю, будет лучше, если вы сами скажете это.

Нунули начал отступать.

— Думаю, что я должен находиться в центре управления и выстроить наши войска для защиты носовой рубки — на случай, если враг начнет штурм прежде, чем вы сможете провести переговоры. Я заметил, что никто этим не занимается.

Это была правда. Модьуну пришло в голову, что тела вокруг них, как мертвые, так и живые, принадлежали людям-животным, которые как-то выбрались или выползли из бойни в кормовой части корабля. А ганианские войска, наверное, маневрировали в нескольких больших парках на корме.

— Хорошо,— согласился Модьун.— Возможно, это хорошая идея. Могут начаться несогласованные действия и трудности в коммуникации. Необходимо спасти оставшихся в живых, а это самое главное.— Он помнил, как волновало его друзей продление жизни, когда они были приговорены к смертной казни.— Это ваша забота.

Ярко-серая окраска нунули восстановилась.

— Собственно говоря,— уже более бодро заговорил он,— я имею указание комитета не подвергать опасности свою личность без крайней необходимости. В своем стремлении к миру я должен поступить именно так. Поэтому будет лучше, если я быстро уйду.

— Я не знаю ничего о вас и мире, к которому вы стремитесь,— начал было Модьун. И остановился: он обращался к быстро удаляющейся спине нунули, который через несколько секунд юркнул в боковой коридор и исчез.

Модьун продолжил прерванный путь. Из любопытства он активизировал свое чувственное восприятие, хотя в этом не было необходимости. В столь ограниченном пространстве его защита сработает автоматически. Первый сигнал обратной связи поступил почти немедленно. Смысл его заключался в том, что за Модьуном следили с помощью довольно сложных приборов, создававших изображение объекта вне зоны прямой видимости.

Вскоре он увидел, что двери перед ним мягко открываются; он уже находился на территории, контролируемой ганианами. Множество живых существ, вероятно солдат, вышло в коридор из комнат позади него, отрезая ему путь к отступлению.

«Хорошо,— подумал он.— Надеюсь, они поняли, что я приближаюсь к ним с определенной целью».

Вдруг в его мозгу возникло ощущение силового воздействия. Что-то яркое промелькнуло над его плечом.

Однако Модьун не обернулся и продолжал идти тем же быстрым шагом, следя только за тем, чтобы не споткнуться о мертвое тело. Другая вспышка промелькнула мимо головы, потом еще одна. Мозг работал, отклоняя удары. Модьун заметил, что по своей природе затраты были минимальными: на пассивную защиту требуется гораздо меньше сил, чем на сопротивление.

Нападающие не вели огня на поражение. Модьуну показалось, что они проверяли его решимость двигаться в выбранном направлении.

Энергетическая стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Через несколько секунд после того, как он приблизился к пересечению коридоров, с каждой стороны вышло по полудюжине существ и преградило ему путь.

Модьун почел за благо остановиться. Сейчас он точно узнает, какова цена дальнейшего прогресса.

Существа, которые противостояли ему, были плотными и коренастыми. Они имели головы, туловища, руки и ноги, но выглядели так, словно их грубые человекоподобные тела, ростом немного меньше шести футов, были вырублены из мрамора.

«Человек сделан из мягкой глины — ганиане из твердого коричневатого мрамора»,— подумал Модьун.

Одно из шести созданий, преградивших ему путь, что-то показывало ему жестами. Повелительные движения. Казалось, существо что-то приказывает. Закончив жестикулировать, ганианин издал резкий горловой звук. Неожиданно он и пять его спутников разделились на две группы по три. Одна группа заняла позицию слева, а другая — справа от Модьуна. Модьун решил, что он понял их намерения. И, действительно, когда он снова двинулся вперед, две группы пошли рядом.

Его сопровождали. Куда? Он надеялся, что на командный пост.

Внезапно индивидуум, уже показавший, что он облечен некоторой властью, отделился от своей тройки и неуклюже побежал вперед, туда, где перед открытой дверью по стойке «смирно» стояло несколько ганиан. Он произнес какие-то звуки, затем повернулся, внимательно взглянул глубоко посаженными глазами в спокойные глаза Модьуна и показал на открытую дверь.

Модьуну снова показалось, что он понял, и он вошел в дверь.

Перед ним находился огромный зал, похожий на театр. Он вмещал сцену и три яруса стульев для публики, по меньшей мере тысяч для шести; небольшая галерка высоко под потолком могла вместить еще несколько сотен.

Несколько ганиан, вероятно, солдат, потому что у них было нечто, напоминавшее металлические прутья, с высоты удобной для стрельбы позиции настороженно смотрело на расположенную чуть ниже сцену. Все остальные, находящиеся в зале, столпились на большой сцене. Позади нее около сотни ганиан выстроились в три ряда. Они стояли и также держали наготове металлические прутья. Перед ними расположилась вторая группа, включавшая по меньшей мере три дюжины существ. Индивидуум, по виду ничем не отличавшийся от прочих, стоял и, очевидно, что-то рассказывал сидящим.

Все сто тридцать ганиан внимательно смотрели на экран, вертикально поднимавшийся над сценой. Но с того места у двери, где остановился Модьун, происходящее на экране он разглядеть не мог.

Глава XXV

Когда существа увидели Модьуна, мизансцена немедленно изменилась.

Индивидуум, обращавшийся к другим, замолк. Он сделал несколько тяжелых шагов к краю сцены, поближе к Модьуну, и

заговорил громким голосом. Слова были адресованы тем, кто сопровождал человека; так как их слышали многие, то и Модьун мог слушать, не боясь быть невежливым. Поэтому он включил индикатор мыслей, и до него донеслись слова в огрубленной интерпретации перевода:

— Поставьте передо мной эту свинью!

Животное, название которого соответствовало представлению о неизмененных земных свиньях, валяющихся в грязи, было больше похоже на маленькую рогатую корову (изображение его Модьун получил из мозга противника).

Модьун обиженно улыбнулся при мысли о таком неприемлемом сравнении. Он заговорил, одновременно принимая мысли:

— Я пришел сюда по собственной доброй воле. Если вы захотите, чтобы я прошел на сцену, я с удовольствием это сделаю.

— Ты говоришь на нашем языке! — ганианский командир был удивлен.— Я рад, что мы можем с кем-то поговорить.

Модьун решил, что слишком сложно объяснять природу восприятия мысли, которая в сочетании с произносимыми словами создавала иллюзию устной речи. В этом методе особенно хорошо то, что он ограничивал вторжение в мысли другой личности значением произносимых слов.

Думая так, он быстро шел вперед. Шестеро сопровождающих неуклюже трусили рядом и старались не отставать. Из-за кулис на сцену вели широкие ступени. Когда Модьун поднялся по ним, он впервые увидел происходящее на большом экране: прекрасный пейзаж внизу — часть планеты ганиан, очевидно, непосредственно под земным кораблем. Никто не мешал ему, когда он зашагал по сцене к месту, откуда смог увидеть весь экран.

На Гании был день — светлый, яркий; при такой отличной видимости казалось, что события разворачивались лишь в полумиле внизу. Слева от корабля текла река. Она неожиданно появлялась на огромной равнине, вынырнув из леса. На этой равнине, простирающейся по обе стороны реки, находилась армия землян. Она не успела окопаться — ее положение действительно было отчаянным. Но она не могла отступить.

К северу, востоку, югу и западу располагались ганианские боевые порядки. Они теснили войска землян, зажимая их в кольцо на площади около двух квадратных миль. Две квадратные мили — это очень мало для четверти миллиона людей-животных и их снаряжения.

Между землянами и ганианами шла битва. То тут, то там среди людей-животных Земли возникали гигантские многоцвет-

ные вспышки яркого огня; пятна сверкающего пламени непрерывно вспыхивали и среди отдаленных ганианских армий.

Вот и все, что успел разглядеть Модьун прежде, чем резко отвернуться от экрана. Для него зрелище было слишком жестоким и беспощадным.

— Мы должны как можно скорее прекратить сражение. Для армий Гании и Земли нет необходимости продолжать эту резню.

— Кто вы? — резко спросил командир ганиан.

— Меня зовут Модьун. А вас?

— Я генерал. Мое имя Дуэр.

— Генерал Дуэр, я представляю нунули, хозяина этого корабля. Давайте прекратим побоище.

Последовала долгая пауза. И непреклонный ответ:

— Бой прекратится только после полного уничтожения или при полной капитуляции вторгшейся армии.

Модьун вздохнул так, как это делал Иггдооз: открыв рот и выдохнув весь воздух, имевшийся в легких. Наконец он сказал:

— Это не нужно. Кроме того, мы оба знаем, что страдают только простые люди. Естественно, руководители не капитулируют и не позволят уничтожить себя. Поэтому ваше предложение нереально.

— Наказание должно соответствовать преступлению,— последовал беспощадный ответ.— Они члены вторгшейся армии агрессоров, и их целью было завоевание Гании.

— У простых солдат нет таких намерений,— настаивал Модьун.— Кроме того, какой бы ни была индивидуальная ответственность, условия изменились. Теперь они хотят уйти с этой планеты и отказаться от атаки, если ваша передовая группа покинет корабль и нам позволят забрать своих людей.

Позиция стоявшего перед Модьуном существа оставалась все такой же неумолимой.

— Если война началась, ее не так легко прекратить,— сказало существо.— Мы требуем полной капитуляции этого корабля и планеты (вы назвали ее Землей?) которая осмелилась послать армию для захвата Гании.

Модьун покачал головой.

— Это неправильно,— возразил он.— Война не устраивает ни ту, ни другую сторону. Прежде всего, она никогда не должна была начинаться. Но, если она все же началась, ее нужно прекратить как можно скорее. Вам повезло, что атака не удалась. Чем скорее вы посмотрите на проблему с такой точки зрения, тем яснее увидите, что ничего не выиграете своим преступным упрямством. Прекратите войну, пока моя армия чувствует себя

побежденной. Они могут что-нибудь придумать, или у них появятся такие же желания, как и у вас. Тогда они не сдадутся.

Последовала долгая пауза, в продолжение которой генерал Дуэр стоял и смотрел на Модьуна глубоко посаженными глазами. Казалось, он пытается понять значение сказанного человеком. Наконец он спросил:

— Мы обсуждаем тот же вопрос?

Модьун был удивлен. Ему казалось, что он изложил свою позицию как обычно по существу. Однако, сталкиваясь с неразумными личностями, он уже обнаружил их склонность к искажению самых что ни на есть прописных истин. Поэтому он сказал, четко выговаривая слова:

— Предмет моего разговора — отвод ваших армий с этого корабля и мирное отступление наших экспедиционных сил. Взамен хозяин нунули соглашается отказаться от агрессии против Гании.

— О! — с сарказмом сказал генерал.— Я не могу серьезно относиться к вашим словам. У меня создалось впечатление, что враг прислал в качестве посредника своего психически неполноценного подчиненного.

— Здравомыслие, конечно, относительное понятие,— начал Модьун.

Его резко прервали.

— Ваши армии и ваш корабль полностью в нашей власти. Но вы пришли сюда и ведете себя так, как будто все обстоит с точностью до наоборот. Кто вы, черт побери? И что значит вся эта болтовня?

Это, конечно, не точный перевод, а только вежливая интерпретация его грубой речи.

— Я пассажир,— сказал Модьун.— То есть...

Он замолчал, размышляя, должен ли он упоминать о своем статусе последнего человека на Земле. Его роль на корабле была весьма сомнительной: непрошеный гость, которого не считают опасным и потому не убивают. Модьун считал своей задачей найти Судлил и побеседовать с членом комитета, поэтому закончил объяснение, скрыв неопределенность своего положения.

— Я не участвую во всем этом.— Он махнул рукой в сторону ганианских солдат, захватывая широким жестом и огромный экран.— Я хотел поговорить с вами. Но, если вы думаете так, как говорите, в дальнейшей беседе нет необходимости. Если вас нельзя убедить, а, очевидно, так оно и есть, я вернусь в свою каюту.

— Нет,— многозначительно сказало стоящее перед ним создание.— Вы никуда не пойдете. На Гании мы отсылаем головы неудачливых посредников их начальникам.

Другие существа на сцене стали издавать какие-то звуки. Модьун понял, что это смех.

Он с упреком покачал головой.

— Должен предупредить вас, что мое тело не выносит персональных угроз. Для меня было открытием, что древние люди действительно не могли бы выжить с пассивной философией. Я пытался проанализировать, как можно справиться с такой автоматической подавляющей реакцией, и решил, что в критической ситуации мягкое нарушение тайны вашего мозга будет вполне уместно. Заранее извиняюсь за вторжение. Прежде, чем я сделаю это, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что я единственный на борту, кто может говорить на вашем языке. Вы уверены, что можете угрожать переводчику, который?..

Он замолчал.

Потому что именно в этот момент почувствовал сильное тепло в одном из своих воспринимающих центров; повернувшись и посмотрев в направлении, откуда исходило тепло, он увидел, что лампы в зале начали мигать.

У него еще было время подумать: «Боже мой, и в такой отсталой культуре, как ганианская...»

Затем он решил, что их знания этого природного явления, очевидно, не полны и они не понимают, что нельзя использовать такие источники энергии на поверхности планеты.

Дальнейшие критические выкладки почему-то не удались.

Но Модьуну было интересно все воспринимаемое его мозгом.

Глава XXVI

Модьун не стал обдумывать, что делать дальше. Если бы такая мысль появилась, он бы заколебался, а при той огромной скорости, с которой происходили дальнейшие события, это могло оказаться фатальным. Случившееся стало для него не более чем энергетическим явлением. И он просто заинтересовался — и весьма сильно — наблюдением феномена, которого он никогда не видел, но о котором был наслышан.

В самое первое мгновение его мозг отметил возникновение черной дыры. Размер ее, как он определил, составлял приблизительно восемь километров.

Очень маленькая.

Также Модьун определил, что первоначально она была голубым солнцем. После сгорания всего водорода солнце превратилось в красного гиганта и быстро — необычайно быстро (в поня-

тиях звездного времени) — исчерпало свой гелий, углерод, кислород, кремний и так далее до того момента, когда дело дошло до железа и возникло устойчивое химическое равновесие. Но через какое-то время железо тоже было исчерпано. Большая звезда искала для себя иную форму существования и на короткий период снова обрела устойчивое состояние — в качестве белого карлика.

Следующий катаклизм стал неправдоподобной феерией нейтронной звезды. Но за короткий период установить равновесие даже для такой малой массы, как Луна, невозможно. Возникла особая область пространства диаметром восемь километров.

Гравитационная дыра.

Модьун думал, пораженный: «Эти ганиане, должно быть, выходили в ближайший космос. Поэтому они изучили некоторые его законы и собираются нанести поражение комитету».

Предположение казалось невероятным. Трудно представить себе, что на Гании в самом деле могла существовать столь передовая технология. Но, если им удалось подчинить себе даже черную дыру, сомнений не оставалось.

Вот почему экспедиционные войска потеряли подвижность и не могут подняться с земли на корабль. Их удерживает высокий уровень гравитации гигантского солнца.

Модьун потратил на размышления около десяти секунд. Для микрокосмоса черной дыры это было слишком продолжительным временем.

Он чувствовал, как корабль содрогается под ним, а его компьютеры пытаются подстроиться к непрерывным изменениям в гравитационном и магнитном поле. Компьютеры пытались противостоять противоестественному состоянию окружающего пространства, безумию вещества и энергии. Конечно, эти попытки с самого начала были обречены на провал.

За десять секунд гравитационное поле преодолело противостоящую ему силу гигантских двигателей корабля. Равновесие нарушилось.

Большой корабль начал падать.

Модьун вспомнил, что гравитация — не сила. Это даже не поле в обычном смысле этого слова. Для двух тел в пространстве легче стремиться к сближению, чем отталкиваться друг от друга. Это была единственная причина, по которой такой огромный корабль мог приблизиться к поверхности планеты. Да, легче стремиться к сближению, но такая связь не исключала и обратного. Двигатели корабля создавали поле, в котором каждая частица корпуса корабля как бы игнорировала присутствие планеты.

Таким полем можно было управлять и регулировать его мощность с большой точностью. Еще за секунду до вмешательства непонятных новых сил корабль благополучно маневрировал в гравитационном равновесии на высоте примерно полумили над поверхностью Гании.

Вмешательство хозяев черной дыры нарушило этот процесс.

Однако пока корабль летел вниз только со скоростью свободного падения в атмосфере. На Земле — шестнадцать футов в первую секунду, тридцать два — во вторую. На Ганнии — примерно также.

Модьуну не были известны существа, способные непосредственно воздействовать на такие колоссальные силы.

«Но кто-то же делает это,— подумал Модьун.— И с ним или с ними нужно установить контакт».

Он все еще не оценивал происходящее как битву или противоборство. Он просто привел в исполнение свое прежнее решение: получить информацию от генерала Дуэра. В его ментальном пространстве Модьун обнаружил растерянность. Страх. Мозг и тело ганианина находились в состоянии стресса, вызванного надвигающимся несчастьем.

— Хорошо, хорошо,— кричал в темноте руководитель ганиан,— мы уйдем. Но, ради бога, не разрушайте корабль!

«Он не знает!»

Модьун удивился и предпринял следующий шаг: настроил свое сознание на восприятие ментальных волн в окружающем пространстве.

И увидел лицо.

Не человека. Не ганианина. Не нунули.

Лицо, полное решимости. Треугольная голова. Два узких кроваво-красных глаза. Их удлиненные зрачки, казалось, смотрели прямо в глаза Модьуна. На краткий миг их взгляды встретились в почти физическом смысле. За эти бесконечно малые мгновения инопланетянин не понял, что за ним наблюдают.

Модьун успел послать ему мысленное обращение:

— Кто вы? Зачем вы это делаете?

Ответ эхом прозвучал в его мозгу:

— Я член комитета, специальный агент, уничтоживший людей за барьером. А теперь, с помощью метода взаимодействия равных сил, знание которого принадлежит исключительно членам комитета, я...

В этот момент существо начало осознавать присутствие Модьуна. Поток его мыслей немедленно прекратился.

Быстрота его реакции поразила Модьуна.

Вокруг него, в почти полной темноте, испуганные ганиане карабкались по обшивке, издавая бессвязные хриплые вопли. Корабль падал. В желудке Модьуна возникло ощущение, которое иногда бывает в слишком быстро опускающемся лифте.

И все же для него эти события оставались второстепенными. Сейчас он так страстно желал узнать истину, что не остановился перед насилием, послав далекому члену комитета категорический приказ ответить на его вопрос. Ему уже не было дела до того, что он нарушил тайну чужого мозга.

Когда энергия его ментального призыва достигла максимума, видение не только не стало более ясным, но, наоборот, поблекло. Вместо странной треугольной физиономии, словно в замутненном пруду, возникло отражение чьего-то бледного лица, обрамленного золотыми волосами. Это отражение сперва мерцало, затем приобрело четкость, и он разглядел...

Судлил.

Модьун чувствовал, что между ним и женщиной огромное расстояние. Но ее синие глаза смотрели прямо на него, как будто между ними было не более нескольких дюймов. Ее мысли доходили до него отчетливо и ясно, но были полны безысходной тоски.

— Модьун, мне нужна твоя помощь. Зувгайт, член комитета, заманил меня в ловушку...

Связь оборвалась. Ее изображение все еще оставалось четким, но даже если она пыталась передавать мысли, они не доходили. Теперь Модьун вспомнил, что рассказал ему нунули о методе одностороннего управления разумом.

Это правда!

Невероятно, чтобы один зувгайт без посторонней помощи был способен на столь интенсивный односторонний мысленный поток, что мог блокировать или сдерживать передачу мыслей.

Глава XXVII

Модьун сделал необычное для себя умозаключение: он решил, что неожиданное появление изображения Судлил вместо члена комитета было подстроено. Военная хитрость. Навязанная причинно-следственная связь; Модьун ясно осознавал это, поскольку уже научился применяться к обманным маневрам существ, преследующих тайные и преступные цели.

Вернувшись к реалиям текущего момента, Модьун увидел, что внутренние помещения погружены во тьму. Корабль немного

накренился, как это случается с большими телами, падающими в атмосфере. Казалось, будто вся громадная масса воздуха, рассеченная падающим чудовищем, бурей пронеслась по нижним палубам корабля, проникла во все выемки и выпуклости. Крен был таким, что Модьун стоял как на склоне — одна нога согнута, а вторая напряжена в попытке удержать равновесие.

Чувствуя себя немного неуклюже, он рассуждал: «Они подсунули Судлил для того, чтобы ее бедственное положение отвлекло меня на то время, пока корабль не упадет на землю... Что и произойдет через несколько минут... Ловко придумано».

Его тело наполнилось теплом. Лицо горело, глаза сузились, зубы крепко сжались. Он думал: «Член комитета, наверное, еще не прервал контакт, прячется за изображением Судлил».

Остается только одно. И он обрушил на противника всю мощь своего сознания, требуя правды.

Казалось, все случилось мгновенно, но противостояние продолжалось несколько секунд. В течение этих секунд энергия Модьуна сокрушила ментальную оборону инопланетянина и маску, которую он что было сил старался сохранить.

Лицо Судлил затуманилось. Снова возникло ощущение большого расстояния, Модьун даже почувствовал, как она отдаляется от него.

Она исчезла. Откуда пришла эта странная просьба о помощи?

Пустота.

В большом театральном зале мигнули и снова загорелись огни. Модьун почувствовал себя как в останавливающемся лифте. По силе удар напоминал прыжок на глинистую отмель с десяти или пятнадцати футов. У Модьуна перехватило дыхание. Его колени подогнулись, и он неловко упал на пол.

«Лифт» снова включился. Скорость имела импульс свободного падения и удерживала Модьуна прижатым к полу. Беспомощно лежа на полу, он старался понять, что случилось. Чтобы отделаться от Модьуна, член комитета должен был отступить. Отказаться от того, что он делал. Отсечь черную дыру.

Итак, что-то происходило.

Система управления гигантского корабля автоматически восстанавливала прежний режим взаимодействия с планетой под ним. Нагрузка на все конструкции корабля возрастала с каждой секундой. Каждая молекула реагировала на изменения гравитационного поля — теоретически это должно было бы происходить синхронно, но на самом деле между различными элементами существовали незначительные сдвиги. Поэтому все полы скрипели, все стены сотрясались, все гнулось и трещало.

К несчастью, все это лишь предвещало реальную опасность. Черная дыра, находившаяся в непосредственной близости от планеты, еще не восстановила свое равновесие. Когда это наконец случится, произойдут невероятно сильные возмущения.

Модьун поднялся на ноги, как только смог, и увидел, что генерал Дуэр тоже пытается встать. Быстро. Смело. Но первые слова ганианина прозвучали на редкость глупо. Он сказал:

— Я знаю, вы не обрушите корабль на свою армию внизу.

Неподходящий момент, чтобы объяснять полевому командиру его ошибку.

Модьун приказал:

— Свяжите меня с вашим главным начальником.

И потребовал мгновенного согласия.

Менее чем через полминуты ганианин с суровым лицом, изображение которого мгновенно появилось на одном из экранов внешней связи, слушал, как Модьун рассказывал о расе зувгайтов, о намерениях комитета захватить галактику и о гравитационном вихре, каковым являлась черная дыра.

Последним советом Модьуна было: «Передайте предупреждение по радио всему миру. Скажите, чтобы ваши люди спрятались под прочные укрепленные объекты, например под дома с бетонными фундаментами, заделанными в почву. Под полом закрепите матрацы или что-нибудь мягкое, чтобы в момент воздействия разрушительной, направленной вверх силы гравитации людей прижало к матрацам. Так как время в черной дыре течет очень медленно, то первая реакция, вероятно, не наступит еще несколько часов.

Он закончил связь категорическим требованием полного подчинения.

Сработает ли какой-нибудь метод защиты? Модьун не был уверен. Велика была вероятность того, что куски Гании разлетятся по всему космосу.

Действительно будущее ганиан могло быть безрадостным, о чем Модьун и доложил генералу Дуэру:

— Я думаю, что ваши войска должны остаться на борту, и, если возможно, возьмите сюда соответствующее количество женщин-ганианок. А сейчас проводите меня туда, где я смогу установить контакт с командирской рубкой корабля. Я чувствую, что у нас нет с ними связи.

Добравшись до места, он не стал дожидаться, когда попадет к передающему устройству. Двигаясь по коридору, он активизировал систему восприятия и таким образом обнаружил нунули.

Передав ему мысленное сообщение, он получил немедленное согласие.

— Пусть войска поднимутся на борт. Медленно взлетайте и держитесь на расстоянии в сотню миль от поверхности. Передайте по кораблю предупреждение, что мы можем подвергнуться влиянию различных гравитационных сил, направленных вверх. Каждый должен лежать на своей койке, привязанный ремнями безопасности.

Это было все, что он мог сделать.

Модьун вернулся в свою каюту. Теперь его мучило чувство вины. «Раньше я никогда не позволял себе нарушать тайну мысли других существ»,— думал он.

Эти неприятные мысли не давали ему спать спокойно.

Глава XXVIII

Модьуна разбудил глухой шум, и он испугался. Звук доносился сквозь стены его каюты снаружи, из коридора. У Модьуна промелькнула мысль:

— Где находился нунули, когда я отдавал ему приказы?

Он знал, что это было не жилище нунули. Но что это было за место, Модьун тоже не мог вспомнить, поскольку не склонен был подглядывать за действиями других кроме тех случаев, когда это было абсолютно необходимо.

«Но я должен отдавать себе отчет в том, что все случившееся произошло из-за меня. Из-за меня, Модьуна, землянина, зувгайты пытались уничтожить корабль».

Когда эта мысль сформировалась, Модьун поднялся с кровати. Нужно было помнить, что противник уже готовит другой план его уничтожения. Обдумывая эти нерадужные перспективы, Модьун оделся и открыл дверь.

Его встретил настоящий сумасшедший дом.

По крайней мере, таким было первое впечатление. Оглушительный рев голосов и непрерывный топот ног создавали ощущение полного бедлама.

Зрелище было не из приятных. Коридор был забит грязными людьми-животными, волочившими свои вещмешки и электрические ружья.

Здесь стоял запах, по-видимому, ганианской грязи, смешанный с запахами неземной растительной жизни. Каждый из лю-

дей-животных, очевидно, провел немало времени, лежа в траве или прячась в кустах, и испачкал одежду. Теперь она воняла.

Модьун смотрел на живой поток вернувшихся солдат и ощущал удовлетворение, которое буквально переполняло его тело: может быть, в прямом вмешательстве и в самом деле нет ничего плохого. Но он еще помнил, как совсем недавно пытался пройти по этому коридору и как трудно было ему и нунули продвигаться против такого же потока людей-животных.

«Неужели я хочу, чтобы меня снова втянули в это?»

Тысячелетия невмешательства человека в земные дела диктовали ему отчетливое «нет». Но внутри него возникло новое сильное чувство — особая горячечная решимость, происходившая из убеждения, что он должен, по крайней мере, побеседовать с комитетом прежде, чем принимать решение о своем будущем. Это чувство гнало его вперед.

Модьун пробрался к первому ярусу подъемников, и его буквально затолкали в переполненный лифт, направляющийся вверх. Он поднялся в самый верхний из доступных отсеков, и к этому времени в лифте кроме него остался лишь офицер-гиена с золотыми нашивками, которого Модьун никогда раньше не видел.

Модьун был немного обескуражен, когда его попутчик прошел по фойе к тому же лифту второго яруса, что и он. Удивленный, Модьун повернулся, чтобы рассмотреть офицера-гиену, и впервые заметил, что на его форме нет ни единого пятнышка. Очевидно, он не сражался внизу, на грязной Гании.

Оба молча стояли перед дверью лифта. Пока дверь не открылась, офицер молчал. Он, очевидно, изучал Модьуна и думал о чем-то своем.

— Вы уверены, что имеете право подняться наверх? — спросил он.— Это служебная зона.

— Да,— ответил Модьун. Он говорил небрежно, потому что принял решение, а сопротивление на этой стадии, конечно, уже не имело никакого значения.

— Могу поклясться,— сказал человек-гиена,— что обезьян не пускают в эту секцию.

— Меня пускают,— отрезал Модьун. Он говорил спокойно и сразу же вошел в лифт. Модьун чувствовал, что офицер следует за ним, и понимал, что того мучают сомнения. Когда лифт двинулся вверх, человек-гиена замер, видимо, в полной растерянности. Модьуна, поглощенного своим намерением найти нунули и поговорить с ним, все больше тревожила перспектива быть втянутым в очередное выяснение отношений. Возможно, разумное замечание ослабит возникшее напряжение. Он вежливо объяснил:

— Я собираюсь поговорить с хозяином нунули.

Говоря это, он наблюдал за коричневатым дубленым лицом попутчика. Тут не задавали лишних вопросов: правила иерархия. Он знает нунули. Офицер сказал удивленным тоном:

— Тогда вы имеете право идти.

— Да,— сказал Модьун. И тут же потребовал дополнительных данных: — Когда мы взлетим?

— Должно пройти примерно двенадцать часов,— гласил ответ. Человек-гиена добавил, не замечая, что выдает тайну, которую, без сомнения, ему запретили с кем-либо обсуждать: — Ученые уже устанавливают водородную бомбу, чтобы взорвать ее дистанционно после взлета. Им еще предстоит подняться на борт.

Модьун чуть не пропустил самое главное, чуть не отправился спать до утра. Чуть-чуть... но не совсем.

«Теперь видно, насколько я был близок к безрассудству,— подумал он мрачно.— Едва не позволил взорвать миллион живых существ банде, способной принести в жертву сколько угодно индивидуумов, чтобы уничтожить одного человека. В известном смысле, это, конечно, не имеет значения. Они все смертны и в конечном счете все равно умрут».

Но Модьуна волновало преимущество, нечестно присвоенное комитетом благодаря использованию высших знаний и науки. Злоупотребление силой — вот как это называлось. Он чувствовал враждебную реакцию своего тела на эту несправедливость.

Он подумал, что исправить ее — его первоочередная задача.

Лифт уже тормозил, и у Модьуна не было времени на дальнейшие размышления. Дверь открылась; и тут, на расстоянии нескольких ярдов, он безошибочно узнал воздушный шлюз крупного планетарного корабля.

Там он видел нунули во время предыдущего сеанса связи.

Корабль почти целиком скрывался за фермами пусковой установки, но Модьун мог видеть его плавные контуры. Двери шлюза были открыты, и Модьун с офицером-гиеной вошли туда бок о бок. Первым, кого увидел Модьун, миновав второй шлюз, был хозяин нунули.

Инопланетянин стоял спиной к двери и говорил что-то о необходимости быстрого отправления. В ответ на его распоряжение полудюжина гиен-инженеров склонилась в вежливом поклоне, а один из них сказал:

— Мы готовы к старту, сэр. Задраить люки, повернуть три рубильника, и мы взлетим.

— Тогда займите свои места,— скомандовал нунули.— Я сам подожду здесь последних прибывающих и...

Говоря это, он повернулся. И замолчал, потому что увидел Модьуна.

Прошла долгая минута неловкого молчания. Затем Модьун спокойно сказал:

— Как я вижу, пора выяснить, нет ли нового заговора против меня, и, конечно, не следует отдавать дополнительные команды, пока мы не пройдем через черную дыру.

— Пока мы не пройдем через что? — спросил нунули.

— Я считаю, что у меня нет времени объяснять,— сказал Модьун.— Однако забавно, что вас также держат в неведении. Хозяева хотят принести вас в жертву, не правда ли? Тот факт, что вы явились в мою каюту за помощью, доказывает ваше полное незнание истинного положения вещей.

Модьун повернулся, собираясь уйти, но нунули настойчиво позвал:

— Подождите!

Модьун любезно остановился.

Инопланетянин продолжал:

— Наверное, я должен все сказать вам. Мне сообщили, что ввиду открывшихся обстоятельств член комитета решил объяснить вам долговременную программу.

Эти слова поразили Модьуна.

— Ввиду каких новых обстоятельств? — спросил он.

Инопланетянин казался удивленным.

— То, что вы пришли сюда, на этот корабль, свело к нулю окончательное логическое решение, которое, как мы надеялись, устранило бы проблему последнего мужчины раз и навсегда.

Модьун все еще старался понять смысл слов нунули.

— Давайте разберемся. Член комитета теперь хочет поговорить непосредственно со мной?

— Да.

Модьун стоял, озадаченный и потрясенный, ощущая приятное тепло, охватившее нервный центр в нижней половине тела. Победа? Похоже на то. Во всяком случае, это было приятно.

— Я снова увижу Судлил...

Впервые Модьун подумал, что ее отъезд очень сильно взволновал его. Он подумал: «Может быть, сейчас я даже смогу снять сенсорные блоки, которые установил, когда выходил из-за барьера».

Это было то, чего не удалось сделать Судлил. Из-за постоянного стремления к движению она была вынуждена пойти гулять

в тот первый роковой день. В результате она очутилась где-то в дальней части галактики, и Модьун чувствовал, что она действительно потерялась и попала в серьезный переплет. Трудно узнать, как они смогли обмануть ее и почему оставили в живых, но ее мольба о помощи подтверждала справедливость этих соображений.

Помня об этом, Модьун соображал, какие меры предосторожности следует предпринять, чтобы при встрече с Зувгом не угодить в очередную ловушку. Затем он спросил:

— Когда мы приступим? Я готов в любое время.

— Вы сошли с ума! — Инопланетянин, должно быть, понял причину ошибки Модьуна и продолжал: — Я имел в виду, что член комитета согласится поговорить с вами, если вы когда-нибудь узнаете, где он находится.

Вдруг инопланетянин смягчился.

— Это большая уступка. Вы теперь имеете предварительную договоренность о беседе с таким важным лицом, как член комитета.

Модьун вежливо ждал, пока его собеседник закончит свою мысль.

— Я считал это само собой разумеющимся. Найти его — это не проблема, как я ее понимаю. Я знаю три различных метода; ведь определение местонахождения в пространстве — всего лишь одна из моих телепатических способностей, как вы, наверное, знаете...

Модьун замолчал. Он стоял, слегка наклонив голову. Внезапно его красивое решительное лицо оживилось. Глаза немного сузились.

— Начинается,— произнес Модьун.— Скоро все перевернется вверх тормашками. Возьмите подушку и привяжите себя к потолку до того, как наступит критический момент.

Модьун еще раз повернулся к двери, чтобы уйти, но его снова остановил голос нунули.

— Какое время и когда наступит? — спросил нунули встревоженным тоном.— Что начинается?

— Мы входим в черную дыру,— объяснил Модьун.— Я думаю, что мы пройдем сквозь нее по прямой. Помните, что я сказал вам: передайте общее предупреждение. Возможно, корабль подвергнется перекрестным гравитационным давлениям в течение всей ночи.

— Н-но почему?

— Я считаю,— сказал Модьун,— что такой прекрасной маленькой черной дыре — всего восемь километров в диаметре —

никогда не позволят уйти далеко от места, где ее владелец может с легкостью управлять ею.

Смысл этого, вероятно, дошел до нунули, потому что его глаза затуманились и вдруг стали почти синего цвета.

— О господи! — пробормотал он на языке животных.

— Итак,— сказал человек,— когда фейерверк закончится, мы обнаружим, что втянуты в атмосферу планеты Зувг... это мой прогноз. Это займет чуть меньше или чуть больше, чем один земной день. Спокойной ночи.

И он поспешно ушел.

Глава XXIX

Слегка запыхавшись, Модьун вошел в свою каюту и подумал:

— Теперь, когда нунули не может интриговать против меня, я должен ждать прямого нападения комитета.

Он разделся, лег в постель, привязался ремнями и мгновенно уснул...

...а проснулся оттого, что ремни врезались в его тело. Он определил ускорение в три «g».

Модьун немного встревожился, но... если подойти к событиям философски... Теоретически, силы давления-растяжения в черной дыре могли быть в тысячу раз больше силы тяжести. Хотя механизмы корабля были рассчитаны на случай экстремального притяжения, в сочетании с огромными скоростями могли возникнуть любые линейные деформации. И встроенное устройство койки всегда найдет положение минимального давления.

«...Не следует волноваться. Нужно просто верить».

Максимальная сила тяжести наваливалась всего четыре раза. Модьун лежал — или скорее плыл — в темноте и сознавал колоссальное ускорение, а затем торможение корабля; тем временем космический гигант пролетал расстояние, эквивалентное множеству парсеков.

И пролетел через черную дыру.

В момент выхода из дыры Модьун спал. Во сне он видел Судлил без одежды, как и в тот первый день, когда не испытал к ней никаких чувств. Подсознание расшевелило в нем не реализованное прежде чувство. Модьун уже собирался исследовать его, когда вдруг понял, что он действительно видит сон.

Модьун проснулся, удивленный. Сон! У него? Но ведь животные видят сны, чтобы подсознательно решить свои проблемы и избавиться от конфликтов прошлого дня.

«Наверное, я умираю...» — это была волнующая мысль. Сон стал первым симптомом того, что здравый, философски настроенный разум не справляется с ситуацией.

Сначала Модьун не обратил внимания на содержание сна. Его испугал сам факт сновидения. Но скоро он понял, что сон возбудил его половой орган. Раньше он видел такое только у животных-самцов.

«Интересно. Так вот как это происходит!»

Он встал и попытался изучить это явление в зеркале ванной комнаты. Но исследование подействовало на него охлаждающе. После осмотра состояние полового члена ухудшилось.

Когда Модьун одевался, ему стало весело. Он мысленно прокрутил свой сон несколько раз, точно воспроизводя то, что, как он понял, имело эротическое содержание. Он причесывался, когда с некоторым опозданием ему пришло в голову, что необычное событие, похожее на сон, могло иметь и другой смысл.

Новое нападение?

Возможно, когда его мозг был поглощен новой страстью, происходило некое враждебное действие, оставшееся незамеченным. В тревоге он активизировал систему восприятия.

Однако корабль мирно плыл в космосе, направляясь к ближайшей звездной системе. А в поле, охваченном его умственной энергией, нашлась только одна темная область: нунули. Но даже она не была такой темной, как раньше.

«Если что-то случилось,— с грустью подумал Модьун,— это уже произошло. Вряд ли это настолько важное событие, чтобы о нем думать».

Конечно, такой сон был бы идеальной атакой.

Модьун закончил одеваться, все еще размышляя о возможной природе нападения, когда в дверь позвонили. Модьун пошел к двери. Почти сразу у него возникло чувство тревоги, и он остановился.

«Я перестаю быть безупречным и понимаю, что их план направлен против одного человека — против меня. Это кажется невероятным, но не подлежит сомнению. Игра началась с первых нападений людей-гиен и достигла высшей точки при появлении черной дыры, где человеческая раса, которую олицетворял один мужчина, была мишенью».

Они вызвали сон о природе сексуального возбуждения. Очевидно, им нужно было нечто, что полностью отвлекло бы внимание Модьуна, пока они готовили очередное нападение. Поскольку Модьун обезвредил нунули, хозяина корабля, то эти «они», разумеется, не кто иной, как член комитета.

Все еще было трудно признать, что зувгайт проявляет персональный интерес к судьбе одного мужчины с небольшой планеты. Но это было именно так. Злобное создание с красными глазами, которое вошло с ним в контакт на краткий миг во время атаки черной дыры, позволило увидеть себя. Также имело большое значение то, что зувгайты обрекли своего слугу, нунули, на гибель вместе с кораблем и не дали ему никаких преимуществ, не предупредили об атаке. Правда казалась фантастичной, но не становилась от этого менее реальной.

«Что бы ни случилось, я готов ко всему».

Помедлив секунду, Модьун настроил все уровни восприятия так, что, если сработает один, включатся и все остальные.

Он уверенно направился к двери и открыл ее. Там, как он и предвидел, стояли, глуповато ухмыляясь, все четверо его друзей-животных.

— Эй,— позвал Модьун,— заходите.

В то время как он произносил эти слова, он уже боролся за свою жизнь.

Глава XXX

Дуло ружья осветилось яркой вспышкой. Заряд, словно молния, пролетел по коридору, сверкая и оглушительно треща. Пролетев всего несколько футов, он попал в пол.

— Иггдооз,— раздраженно сказал Руузб,— смотри, что делаешь.

Тот повернулся к Модьуну.

— Ну и ну,— сказал он, усмехаясь.

Все закончилось быстро: попытка выжечь его мозг не удалась, и противники мгновенно использовали механизм, разрушающий навязанную мозгу мотивацию.

Он так и не сможет проанализировать, какой метод они противопоставляют человеческой системе восприятия. Но они воспользовались шансом показать ему, что у них есть такой метод, с отчаянной решимостью.

У Модьуна не было времени, чтобы сразу подумать об этом, поскольку вошедший Дуулдн заключил его в объятия; потом его по очереди обняли все его друзья-животные.

— Приятель, как же мы рады видеть тебя!

Ему неистово трясли руку. Нежная рука Неррла обняла его шею и плечи, а затем толкнула на могучую грудь Руузба, который так сжал Модьуна, что у того перехватило дыхание.

— Эй,— сказал Модьун,— хватит, друзья!

Через некоторое время он узнал, что они вполне оправились от своих переживаний, но все еще были очень возбуждены.

— Друг! — сказал человек-медведь, качая головой.— Здесь внизу гнездо гремучих змей. Мы взяли на борт больше народу, чем можем разместить. Чем скорее мы улетим от этой планеты, тем мне будет легче.

Он добавил:

— Мы сумели спастись и забрали наши войска на борт, но...

С мрачным видом он замолчал.

Огромный корабль в действительности находился достаточно далеко от Гании, но Модьун знал об этом не больше, чем его друзья. «Место внизу» теперь стало другим. Значительно более интересным. Поэтому Модьун ничего не сказал.

Когда человек-медведь закончил говорить, стоявший рядом с Модьуном человек-лиса издал какой-то неясный звук. Модьун взглянул на него.

— Что случилось, Неррл?

По щеке человека-лисы скатилась слеза.

— Смешно, но я никогда не думал о нашем путешествии как о завоевании. Предположим, мы бы завоевали этих — как их там? Что бы мы с ними делали?

— Все проклятые люди-гиены,— заворчал Иггдооз.— Все, как говорил Модьун: группа захватчиков с их дурацкими идеями.

Слушая их, Модьун почувствовал себя немножко лучше. Его приятели считали по-настоящему виновными людей-гиен, которые были лишь немного умнее, чем они сами, и, конечно, никогда бы не напали на Ганию снова. Но их протест давал надежду на то, что, возможно, и другие люди-животные на борту корабля так же решительно воспротивятся агрессивным замыслам.

Промелькнувшая мысль не была вполне серьезной, хотя и выглядела как серьезное намерение — словно человек мог снова вернуть себе власть над людьми-животными Земли.

Он понял, что такое решение слишком преждевременно, и спросил:

— Вы ведь не собираетесь снова высаживаться? В следующий раз будет очередь кого-то другого, да?

— Тогда почему нас позвали сегодня утром и сказали, чтобы мы носили электрические ружья до дальнейших указаний? — пожаловался Дуулдн.

Так вот как это было сделано.

— У вас какие-то трудности с вашим оружием? — небрежно спросил Модьун.

Руузб пожал плечами.

— Офицер-гиена обнаружил неполадку в ружье Иггдооза и позвал нас сюда, чтобы мы его починили. Но, возможно...

Его карие наивные глаза расширились.

— Вероятно, оно еще не отремонтировано как следует. Может быть, поэтому оно и разрядилось прямо здесь, у двери? Как ты думаешь, Иггдооз?

Человек-гиппопотам согласился с таким объяснением. Модьун понял, что ему удалось так много узнать из-за крайней примитивности всей затеи (вероятно, член комитета обошел нунули и непосредственно воздействовал на человека-гиену) и сказал:

— Ну после всего случившегося вас попросили держать ружья при себе лишь из естественной предосторожности. Совсем не значит, что вас пошлют вниз в следующий раз.

Очевидно, такая возможность не приходила им в голову. Они сразу просияли и вскоре уже весело рассказывали о тяжких потрясениях, пережитых на Гании. Теперь, когда все закончилось, их смех звучал нарочито громко, словно они успокаивали себя, подробно пересказывая и высмеивая все самые отвратительные и опасные моменты высадки.

Через непродолжительное время Модьуну показалось, что настал подходящий момент для серьезного разговора. Пока они выговаривались, он думал.

И принял решение.

Модьун поднялся со своего места. Он повернулся, посмотрел на четырех друзей, поднял руку, чтобы привлечь их внимание, и сказал:

— Друзья, я должен сообщить вам нечто важное.

Стоя перед ними, он постарался в самых простых словах объяснить, кто он такой, что ему удалось сделать и какие проблемы остались нерешенными. Когда он закончил, все долго молчали. Наконец Руузб встал, подошел и молча пожал ему руку. Это послужило сигналом для других, которые сделали то же самое.

Потом его друзья уселись, глядя на него блестящими глазами и ожидая, что последует дальше. Руузб произнес рассудительно:

— Итак, ты единственный наделен особыми способностями: остальные такие существа ныне уничтожены.

Модьун должен был согласиться, что это правда.

— Есть только одна вещь, которую я не понимаю,— сказал он.— Все, что, как они показали, они могут сделать со мной, они могли бы сделать и с Судлил. Но они не убили ее. Почему?

— Они сохранили ее, чтобы использовать против тебя — ты же сам об этом говорил,— мрачно констатировал Неррл.— Этот зувг держит ее при себе, чтобы ты не мог нанести ему удар.

— Но если они в действительности могут мысленно воздействовать на живые существа,— возразил Модьун,— зачем им нужно заниматься всей этой чепухой?

Дуулдн, молчавший до сих пор, вдруг заявил:

— Я не вижу реальных препятствий в будущем. Ты должен просто держаться подальше от этих зувгов с их хитрым методом управления чужим мозгом и,— он махнул рукой,— проблема будет решена.

— Да! — согласился Иггдооз.

Руузб и Неррл просияли.

— Да, это так,— сказал человек-лиса.

— Нну...— протянул Модьун, колеблясь.

Последовавшая за этим пауза смутила его. То, что они предлагали, людям делать не пристало даже для собственного спасения. Он считал само собой разумеющимся, что человек — высшая форма жизни.

Перед ним никогда не стояла проблема: ***может*** ли он или ***посмеет*** ли он? Модьун никогда не пренебрегал опасностью настолько, чтобы у него пропадало чувство страха. Если он избегал какой-либо ситуации, то только из философских соображений, а теперь это стало неприемлемо. Он уже давно решил объясниться с членом комитета. Он изложил свое решение друзьям.

— Кто-то должен пойти и выяснить, что они затевают, и убедить их отказаться от своих намерений, если они не смогут дать подходящее объяснение. А я, честно говоря, не понимаю, как они могут это сделать. Например, они привезли сюда миллион существ с Земли для оккупации новой планеты. Кто-то должен показать им, насколько неподходящей была такая программа для всех, кто в ней участвовал: для тех, на кого нападали, и для тех, кто нападал короче, всех, кого убили там за несколько мгновений. Вам ведь было не смешно, когда вы ползали там в ганианской грязи, не правда ли?

Четверо друзей согласились.

— Вот что я имею в виду,— продолжал Модьун.— Я хочу совершить посадку вблизи одного из зданий на этой планете, выйти и поговорить с членом комитета.

— Но он воздействует своей телепатией на твои способности,— запротестовал Неррл.— Он заманит тебя в ловушку.

Модьун махнул рукой, как часто делал Неррл.

— Это неважно,— сказал он.

— Господи! Ты спятил? — вспылил Дуулдн.

Он повернулся к остальным.

— Друзья, у этих людей размягчение мозгов.

Это была реакция, разрушающая барьер.

Они испытывали трепет перед человеком. Потомок их древнего создателя! Они всегда подчинялись ему. Но теперь вспышка человека-ягуара освободила их.

Руузб проворчал:

— Послушай, друг, у тебя добрые намерения, но с такой философией ты никогда не уйдешь от зувга живым.

— Послушай,— заговорил Неррл,— ты овладел всеми научными знаниями Земли. Нельзя ли узнать, уязвимы ли зувги?

Вопрос человека-лисы удивил Модьуна. Он сказал, помедлив:

— Собственно говоря, если я позволю себе думать о насилии, то действительно окажется, что даже комитет не знает столько о черной дыре, сколько знали люди, использовавшие ее в своих целях.

Дуулдн вскочил на ноги.

— Никогда не занимайся бесполезными рассуждениями,— сказал он.— У тебя есть какая-либо мысль, которую можно использовать практически?

Модьун глубоко вздохнул.

— Третий закон движения,— сказал он тихо,— работает и в обычном пространстве, конечно, с той разницей, что тут наличествует волна, сохраняющая энергию.

— Ну и что это значит? — спросил Иггдооз, нетерпеливо подаваясь вперед.

Дуулдн забормотал торопливо:

— Действие и противодействие равны и направлены в противоположные стороны.

Он разъяснил это другим и обратился к Модьуну:

— В чем же смысл?

— Они не должны были взрывать город людей за барьером. Где-то там еще продолжаются ядерные реакции.

Модьун с упреком покачал головой.

— Если *кто-то когда-нибудь* найдет того, кто знает о *таких вещах*...

— А ты знаешь? — задумчиво спросил Руузб.

— Я? — Модьун был потрясен.

Он замер, взволнованный до глубины души. Теперь он представил весь объем известной ему информации, не обращаясь ни к кому и меньше всего к себе. Он сглотнул слюну.

— Я не мог бы сделать это,— сказал он.— Ведь это массовое убийство.

— Вы только послушайте его,— с возмущением фыркнул Игдооз.

Руузб встал. Он сказал:

— Мы пойдем вниз вместе с тобой и прикроем тебя нашими электрическими ружьями. Позже мы обсудим, что делать.

— Думаю,— предположил Модьун,— что мы должны сначала высадить армию. Не для того, чтобы стрелять в кого-то или еще что-нибудь подобное, а просто высадить ее. Трудно будет предпринять что-либо против такого количества существ, особенно, когда они появятся именно там, где находятся зувгайты.

Дуулдн одобрил эту идею.

Глава XXXI

Они позавтракали. Затем во главе четырех людей-животных, испытывающих какой-то благоговейный трепет перед ним, Модьун отправился в отсек управления.

— Может быть, они не захотят впустить нас? — с сомнением сказал Неррл, когда они подошли к большой двери, глубоко утопленной в стене. Везде вокруг нее горели цветные лампочки, а на металлической панели было написано: «Посторонним вход воспрещен».

Мысленно Модьун разрушил эти препятствия. Он разогнал всех, кто был внутри гиен — инженеров и техников. Когда персонал ушел, Модьун осмотрел запоры на всех дверях.

Через несколько минут на главном экране появился... зувг!

На огромном видеоустройстве командной рубки виднелся туманный светящийся круг, закрытый облаками, ярко выделявшийся на черном небе. При увеличении стал виден небольшой городок в горах — место, где жили зувгайты.

Комитет!

На этом расстоянии не было видно свечения защитного барьера, окружающего город. Но Модьун, конечно, сразу распознал его, так что остальное не имело решающего значения.

На поверхности планеты ничего не было видно. Отвесные скалы и ущелья; длинные тени и темные овраги. Тут и там мелькали какие-то постройки. Одна стояла высоко на вершине горы, другая — на дне тысячефутовой пропасти.

Наблюдая все это, Модьун сдерживал дрожь, возникающую по всему телу: иногда вдруг дергалась нога, иногда плечо или рука... дрожь проникла в желудок и внутренности, легкие и селезенку.

Она не исчезала ни на секунду.

Модьун открыл свой мозг для восприятия и последующей стимуляции внутренних сил.

Он ощущал давление пола на подошвы ног, шероховатость ткани брюк на бедрах; вдыхал воздух, который немного щекотал горло, проходя весь путь бронхи и легкие. Его лицо горело от какого-то сильного чувства (страха?). Модьун не знал точно, что это за чувство, но что-то подталкивало его вперед.

Чтобы проверить себя, Модьун повторил свое старое кредо:

1. Люди такие, как они есть, и жизнь такая, как есть — имеющая смысл.
2. Если вы доверяете людям, они будут доверять вам.
3. Дайте им любовь, и они ответят любовью.
4. Жизнь, в принципе, хороша. Никогда не делайте угрожающих движений, и вы поразитесь, насколько мирной будет ваша жизнь.
5. Всегда подставляйте другую щеку.

Он осмыслил каждое из этих высказываний. Голова его приятно кружилась от мыслей, которые, без сомнения, были правильными по смыслу, но неточными по форме. А ведь нунули, очевидно, не были такими, как он, да и зувгайты тоже. Даже некоторые люди-животные на Земле. Возможно позже, в будущем, они станут как люди. Но не теперь.

Он должен быть внимательным. Он еще не может убивать. На него еще действует множество других запретов. Это то, что зувгайты должны знать о нем.

Большую часть дня Модьун и его друзья-животные наблюдали, как экспедиционная армия высаживалась в горах внутри барьера и продвигалась, не встречая сопротивления.

«Итак, они ждут меня»,— Модьун был в этом совершенно уверен. Его ноги пустились в пляс, что было непосредственным выражением удовольствия.

«Я действительно открыл внутренние барьеры...»

Тело исполняло все его приказы немедленно.

Позже, когда они сели обедать, стало очевидно, что люди-животные внимательно наблюдают за ним. Наконец Дуулдн сказал:

— Сколько же всего ты знаешь на самом деле? Где ты узнал все эти вещи, как, например, о черной дыре?

— Мои органы чувств могут непосредственно воспринимать все явления природы,— объяснил Модьун и добавил сдержанно: — Это не значит, что я безупречен как личность. Нунули сделали нас такими. Я не умнее, не лучше, чем любой другой — я просто обладаю особыми способностями.

Руузб, который ел в своей обычной энергичной манере, поднял голову.

— Должно быть, это правда, друзья. Большинство поступков нашего приятеля с тех пор, как мы его узнали, не были особенно разумными. У него доброе сердце, но не слишком острый ум. Хотя, конечно, он придумал кое-что интересное. Правда, Модьун?

Модьуна не обрадовала характеристика, выданная ему человеком-медведем. Но он очень хотел, чтобы его друзья-животные по-доброму принимали его; поэтому теперь он энергично кивнул.

— Правильно,— согласился он.— И тем не менее,— добавил он через минуту,— я не так наивен, как кажется.

— Мы еще посмотрим,— сказал Руузб. Он взглянул на Модьуна.— Не обижайся, друг. Я только констатирую факты. Например,— он грустно покачал головой,— представь себе, что ты позволил украсть путем примитивного заговора единственную женщину, оставшуюся в мире. И ты даже не собираешься что-нибудь предпринять.

— Но я знаю, где она,— защищался Модьун.

— Где же? — немедленно спросил Руузб.

— Она... с этим зувгайтом.

Человек-медведь повернулся к другим и беспомощно развел руками.

— Видите, что я имею в виду,— сказал он.

Неррл усмехнулся Модьуну через стол.

— Я помню женщину, которой очень увлекался. Прежде, чем я был готов бросить ее, она сменяла меня на другого, у которого язык был подвешен лучше. Разумеется, я знал, где она была после этого.

— А у меня,— сказал Иггдооз,— был друг, решившийся пересечь океан на лодке. Лодка попала в шторм, и он утонул. Я знаю, где он. То, что осталось от него, лежит на глубине две мили под водой.

— Видишь, Модьун,— Руузб посмотрел на человека,— ты говоришь так, что порой кажется, что ты не способен сложить даже два и два.

Эта дружеская атака сильно обидела Модьуна. Он уже начал понимать, что тут что-то неладно... «Человечество потерпело поражение,— подумал он.— Буквально уничтожено, кроме последнего мужчины и женщины. А я все еще говорю и действую как победитель».

Очень смешно. И все же...

Когда они наконец закончили трапезу, Модьун предложил:

— Давайте лучше ляжем спать. Возможно, ночью мы получим сообщение, что дело дошло до той точки, когда внизу у меня может состояться встреча. Если мы хорошенько отдохнем, то в решающий момент наши тела будут чувствовать себя лучше.

Дуулдн недоверчиво посмотрел на него:

— У тебя есть план? — спросил он.

— Я же сказал, что не так наивен, как кажется,— запротестовал Модьун.— У нашей армии внизу нет продовольствия, а они не привыкли обходиться без еды.

Короткое сообщение пришло в три часа ночи по корабельному времени.

Глава XXXII

По видеоустройству они увидели, что нельзя приблизиться к месту встречи непосредственно, если не приземляться на крышу здания. Оно плотно прижималось к отвесной скале, поднимавшейся вверх позади него. Вниз от фасада также уходил крутой склон. Он не был чересчур отвесным или слишком протяженным — не более двух сотен футов.

Ниже располагалась плоская равнина, украшенная аллеями и изгородями, которые вели сквозь кустарники вдоль реки к краю леса, удаленного от здания примерно на двести ярдов. Чтобы приземлиться где-нибудь на этой равнине, пришлось бы разрушить аллею или изгородь, а это, конечно, было бы очень невоспитанно.

Модьун мог бы подняться туда из сада по лестнице, ведущей по склону горы. Совершенно очевидно, что здание и окружающая местность являлись частью одного и того же архитектурного комплекса.

На склонах гор виднелось множество фигур: армия животных, безусловно, наступала. Но они все еще находились далеко и должны были преодолеть изрядное расстояние вверх по отрогам. До их прихода пройдет, наверное, не меньше часа. Модьун не без волнения подсчитывал время пути. Вероятно, он должен немного задержаться.

Ближайший из подходящих для посадки лужков располагался на довольно крутом склоне на четверть мили ниже. Именно тут Модьун и посадил свою спасательную шлюпку; отсюда он повел четырех своих друзей к зданию.

Ласковый ветерок дул вниз по склону. Тем, кто обладал чувствительностью Модьуна, воздух показался бы сильно насыщен-

ным кислородом; судя по данным компьютера, кислород составлял 35 процентов атмосферы. Веселый квинтет скоро вошел под сень деревьев. Здесь они впервые увидели живых существ.

Эти создания напоминали птиц: маленькие крылатые зверьки порхали по верхним ветвям деревьев. Модьун обострил восприятие и ощутил мимолетные толчки простых форм мысли. В его мозгу замелькали ветки, шумящие вокруг, и небо, каким его видели маленькие блестящие глаза.

Но никаких далеко идущих помыслов. Существа были тем, чем казались. Вокруг лежала дикая природа. Все естественно, даже примитивно.

«Почему тот, кто живет в таком раю, чувствует необходимость навязывать свою волю другим планетам? — удивленно спрашивал себя Модьун.— Все, что они могут надеяться получить от такого господства,— это осознание своего влияния на жизнь в каком-либо отдаленном и даже не слишком хорошо известном мирке, и очень маловероятно, а, может быть, и невозможно, что они посетят больше, чем несколько подвластных им планет. И если они и могут получить удовлетворение, то лишь от собственного видения ситуации, а не от реального положения дел».

Зачем им это нужно?

Все это выглядело очень грустно и бесполезно.

Пока Модьун размышлял, он и его друзья подошли к окраине сада. Прямо перед ними начиналась первая широкая, ярко освещенная солнцем аллея; Модьун осторожно ступил на нее, остановился и повернулся к друзьям.

— Я думаю, вы должны подождать здесь,— сказал он.— Спрячьтесь среди кустов.

Его голос громко прозвучал в тишине.

— Моих сил на такое расстояние должно хватить, и все, что я смогу сделать для себя, я смогу сделать и для вас. Но, если я не появлюсь раньше, чем придут солдаты, идите в спасательную шлюпку. Может быть, мне понадобится ваша помощь.

Четверо необычно легко подчинились. Модьун посмотрел на их человекоподобные лица и увидел на них отражение растущей тревоги.

Наконец Руузб сказал хриплым шепотом:

— Поняли.

Он потряс руку Модьуна и пробормотал:

— Удачи! Забей гол в их ворота.

Остальные также подошли и по очереди пожали ему руку. Дуулдн заметил:

— Не торопись, друг.

Модьун кивнул и пошел вперед.

Сверху все выглядело сказочно близким. С земли уступ, похожий на маленький горный сад, казался более плоским, чем с неба. Теперь Модьун разглядел, что покрывающая поверхность грязь, очевидно, была пластиком, на котором скопилась пыль. Такая же пыль лежала на дорожках, но она была другого цвета. Над рекой повисло несколько мостиков, украшенных орнаментом. Что означал орнамент, было непонятно, если он вообще что-то означал.

Землянин шел вперед, не оглядываясь, и скоро перешел речку по одному из мостиков. Издалека мостик, как и другие, выглядел хрупким, хотя под ногами звенел, как сталь. Через минуту Модьун уже поднимался по лестнице, которая вела наверх к строению, похожему на дворец.

Немного запыхавшись, Модьун поднялся на террасу и увидел покрытую пылью дорожку, которая вела к прозрачной, как стекло, двери, находившейся менее, чем в двух дюжинах футов от края обрыва.

Теперь Модьун в первый раз оглянулся и посмотрел на своих друзей. Они стояли внизу на равнине, глядя на него.

Он помахал им рукой. Ему ответили.

Вот и все. Когда он отвернулся, у него на глазах выступили слезы.

«Когда у вас появляется тело,— подумал он,— у вас может появиться и привязанность к людям».

Конечно, момент для таких чувств был неподходящим. Поэтому, стараясь не думать ни о чем, он двинулся к двери. При его приближении дверь автоматически открылась.

Когда Модьун вошел, она закрылась за ним.

Глава XXXIII

Модьун проснулся и подумал: «Я полагаю, что самоубийство было бы самым простым решением. Таким же эффективным является простое убеждение, что не стоит заводить детей».

Должен же человек как-то закончить свою жизнь.

Он зевнул, потянулся и сел на койке в маленькой каюте, которая примыкала к рубке управления спасательной шлюпки. Включился «дневной» свет. Наверное, это произошло потому, что он проснулся. И все же в глубине его сознания росло удивление. Но чувство было еще слишком слабым, чтобы сейчас Модьун обратил на него внимание.

Он чуть не упал с кровати на Руузба, который лежал на полу и крепко спал.

— Эй! — позвал Модьун.

Несколько тел, лежащих на полу рядом с Руузбом, зашевелились и сели. Модьун узнал Дуулдна, Неррла и Иггдооза. Трое людей-животных вскочили на ноги и бросились к Модьуну, по очереди спотыкаясь о Руузба.

Неррл первым подбежал к человеку.

— Все в порядке, приятель? — спросил он.

Модьун был удивлен.

— Конечно. Что со мной могло случиться?

Дуулдн, остановившийся, чтобы потрясти Руузба, отказался от своей попытки и выпрямился.

— Я думаю, что он борется с древним инстинктом зимней спячки. Это происходит с ним в определенное время каждый год.

Его слова, очевидно, относились к человеку-медведю; затем он с некоторым опозданием осознал, что сказал Модьун.

— Что должно с тобой случиться? — повторил он и продолжал агрессивно: — Послушай, прошлой ночью ты сказал, что утром объяснишь, что случилось. Теперь утро, друг.

— Как ты сказал? — человек был поражен.— Объясню что?

Он замолчал. Воспоминание молнией пронеслось в его мозгу.

— Я вошел в ту дверь...— пробормотал он.

— Да, а что потом? — проворчал Иггдооз.

Модьун оглядел своих друзей. Даже Руузб проснулся и сонно смотрел на него. Модьун покачал головой; теперь он и сам сел на кровати, широко раскрыв испуганные глаза.

— Я не помню. Как я попал сюда?

Человек-медведь сказал:

— Расскажи ты, Неррл. У тебя хорошо подвешен язык.

— Нечего рассказывать,— огрызнулся Неррл.— Ты вошел; мы видели тебя. Прошло немного больше часа. За это время армия землян заполнила площадку, вскарабкалась по ступенькам и вошла в здание. Затем мы получили от тебя команду прийти и взять Судлил, и мы это сделали. А потом ты сказал, что должен вернуться, чтобы сдержать какое-то обещание, но поскольку наступала ночь, нам удалось убедить тебя остаться до утра — и вот мы здесь.

— Зачем я должен был вернуться? — Модьун не помнил решительно ничего.— Какое обещание?

— Ты не сказал.

Модьун медленно опустился на кровать.

— Похоже на самопроизвольную потерю памяти,— медленно сказал он.— Я должен хорошенько подумать, как быть дальше.

Дуулдн взволнованно проговорил:

— Ты имеешь в виду гипноз?

Человек сдержанно кивнул.

— Они, наверное, обошли мою защиту.

Модьун едва мог сдержать удивленный возглас.

— Будь я проклят!

И объяснил:

— Это их метод управления. Они внушают необходимость какого-нибудь действия и потом управляют вашими поступками.

Модьун собирался продолжать, но припомнил мысль, с которой проснулся. Он сказал:

— Послушайте, я же собирался убить себя. Нет! — поправился он.— Я должен убедиться, что у Судлил и у меня не будет потомства. Тогда человеческий род должен прекратиться.

Он снова замолчал. У него возникло слишком много мыслей одновременно. Сидя на краю кровати, он старался в них разобраться.

— Судлил! — наконец произнес он.— Вы сказали, что принесли ее сюда. Где она?

Люди-животные многозначительно посмотрели друг на друга, а потом печально покачали головами.

— Этот малый действительно съехал с катушек,— сказал Дуулдн.

Руузб тихо проговорил:

— Модьун, посмотри на кровать позади себя.

Модьун медленно повернулся, не вполне веря, что он мог быть таким бесчувственным. Прошло несколько секунд, пока он понял, в чем дело. Он лежал спиной к Судлил, и его лицо было повернуто в противоположную сторону, а потом он сразу встал.

Разобравшись в этом запутанном вопросе, он посмотрел на женщину. Те же самые золотые волосы... ее лицо не изменилось с тех пор, как Модьун впервые увидел ее... Даже во сне она излучала... жизнерадостность, нельзя было подобрать лучшего слова.

«Не думаю, что я когда-нибудь смогу выглядеть так же хорошо, как она»,— впервые промелькнуло в его мозгу. Интересно, каким он кажется тем, кто видит его?

Не отрывая взгляда от женщины, он спросил:

— Что с ней?

— Ты сказал нам, что она без сознания. Поэтому мы сделали носилки и принесли ее сюда,— отвечал Неррл.— Она не приходила в себя с тех пор, как мы принесли ее.

Модьун был очень удивлен.

— И что же, я говорил это прошлой ночью так, словно наверняка все знал? Почему я не привел ее в сознание?

Выяснилось, что он хотел дождаться ее пробуждения и считал, что это произойдет вечером.

— Я полагаю,— сказал Модьун расстроенным тоном,— прошлой ночью я знал, что делаю. Поэтому я лучше не буду спешить.

— Думаю,— раздался голос Руузба,— лучше будет собрать военный совет или что-нибудь в этом роде.

«Что-нибудь соберем непременно»,— подумал Модьун.

Прошел час. Они поели и расположились в рубке управления. Модьун глубоко вздохнул и заговорил:

— Я вижу, как я иду к этой двери. Теперь я собираюсь включить систему рефлекторного запоминания. Я попытаюсь рассказать вам, что случилось...

Глава XXXIV

Когда Модьун вошел, из-за стола напротив двери, находящегося на расстоянии около двадцати футов, поднялся нунули.

— Распишитесь здесь,— сказал он.

В одной руке он держал нечто, похожее на ручку, а другой указывал вниз на предмет, выглядевший как книга для записи гостей. Модьун остановился прямо у входа. Он сознательно сдержал побуждение сразу же выполнить требование нунули, остался на месте и огляделся вокруг. Небольшая высокая комната. Стены, казалось, были сделаны из такого же мерцающего светлого пластика, как аллеи и изгороди снаружи. В помещении было две двери кроме той, через которую он вошел; эти двери находились по обе стороны от того, для чего Модьун теперь не мог подобрать лучшего слова, чем конторка портье. Двери были огромными — не менее десяти футов высотой — и богато украшенными узором из золотых листьев. Помещение было ярко освещено. Модьун даже не пытался проанализировать использованное для этого физическое явление.

Удовлетворенный поверхностным осмотром, он медленно пошел вперед. Все его рецепторы работали на полную мощность. Он чувствовал твердый пол под ногами и трение ткани брюк о ноги и бедра. Рубашка царапала грудь и руки. Теплый воздух пощипывал легкие — ему нравился избыток кислорода. Его тело воспринимало множество сигналов, и каждый из них говорил: «Все хорошо».

Вскоре он оказался у конторки и посмотрел на чистую страницу. Изучая ее, он увидел краем глаза, что ручка в вытянутой руке нунули находилась лишь в нескольких дюймах от его собственной руки.

Модьун замер. У него возникло две мысли. Обе выражали критическое отношение к происходящему. Первая мысль говорила, что эта обстановка создана для человека с Земли. Приемная, конторка, книга для записи гостей — все невероятно упрощено и, без сомнения, создано впопыхах, как когда-то в человеческом офисе. Зувгайты предположили, что знакомая сцена должна усыпить его бдительность. Очевидно, враги ожидают, что он автоматически проделает все процедуры, связанные с такой обстановкой. Вторая мысль вытекала из первой. Он подумал: «Если они уделили этому столько внимания, значит, теперь против меня разрабатывается другой план».

Все системы восприятия в его мозгу были готовы включиться в любой момент. Но Модьун не хотел, чтобы его вовлекли в переговоры ниже уровня зувгайта. Поэтому он покачал головой, как делали животные, желая сказать «нет».

— Я условился о встрече,— произнес он.

Нунули не стал возражать.

— Сюда.

Он показал на дверь слева от Модьуна.

Модьун не двигался. Слова нунули вызвали у него не одно, а множество ощущений. Тон нунули, то, как он держался, когда говорил, его мимика и жестикуляция, легкие непроизвольные сокращения мускулов. И, что самое главное, чувство (своего рода лицемерие), которое проступало через «шум» в мозгу нунули.

Снова подвох? Что это еще может быть? Сначала чувство, что не нужно расписываться в книге для гостей, а теперь ясное предвидение того, что не следует входить в указанную комнату.

От Модьуна потребовалось определенное усилие, чтобы из простого любопытства удержаться от желания посмотреть, что же находится за левой дверью. Он подумал: «Позже я должен буду пройти через эту дверь и расписаться в книге для гостей».

Он должен знать, какая здесь связь.

Модьун сказал громко:

— Я могу сначала войти в ту комнату? — и показал на дверь справа.

— Конечно,— последовал вежливый ответ.

Звуки, чувства, вибрации — все говорило «правильно».

Нунули подошел к двери, открыл ее и придержал. Пока Модьун шел к ней, он заметил, что сразу за дверью находится неболь-

шая ниша. Сама комната, очевидно, располагалась дальше вправо. Он не видел того, что находится внутри. Модьун подошел к порогу, не останавливаясь, перешагнул его и вошел.

Два события произошли почти одновременно: дверь с металлическим звуком захлопнулась за ним и лампы впереди погасли.

В неожиданно наступившей темноте, в сердце зувгской цитадели, он заколебался. Но только на секунду. Затем он преодолел десять футов, повернул влево и направился к стулу, присутствие которого ощущал с помощью комбинированного сознания. Он прошел до него четырнадцать шагов и сел.

Голос из темноты сказал:

— Итак, вы позволили заманить себя в ловушку.

Несколько мгновений после того, как были произнесены эти слова, внимание Модьуна занимал тот факт, что зувгайт, как и нунули в приемной, говорил на универсальном земном языке.

Как они беспокоятся из-за одного человека!

Постепенно приходило понимание. И проявлялся зловещий смысл слов — неважно, на каком языке они были сказаны. Модьун продолжал доверять своему первоначальному ощущению, что он правильно поступил, войдя в эту комнату. Что касается слов, он обдумывал их и изучал окружающую обстановку.

Едва войдя, Модьун ощутил тепло в теле и присутствие в помещении другого живого существа. Это единственное существо находилось примерно в дюжине футов впереди и немного слева от стула, на котором он сейчас сидел. В комнате стоял легкий запах инопланетянина. Модьун чувствовал, что существо, от которого исходит запах, говорит с ним стоя и по меньшей мере на один фут выше, чем он сам.

Может быть, член комитета говорил с возвышения? Проникающее сквозь темноту сознание Модьуна не могло определить это. Отсюда он сделал вывод, что зувгайт — гигант ростом в девять или девять с половиной футов.

Интересно!

Ощущая, что член комитета пристально смотрит на него из непроглядной тьмы, будто бы обладая каким-то особым зрением, Модьун обратил внимание на его слова.

«Неужели я стал жертвой мгновенного убеждения, для которого зувгайт использовал огромную силу?»

Как помнил Модьун, голос существа был непохож на другие, слышанные им ранее. И, конечно, существо говорило с поразительной прямотой. Он попал в ловушку!

Модьун закончил самоисследование. «Еще ничего плохого не случилось... Меня пока не трогают».

Подумав так, Модьун почувствовал досаду. Встреча с членом комитета проходила совсем не так, как он себе представлял — открытый диалог лицом к лицу. Освещение по-прежнему оставляло желать лучшего, и Модьун должен был признать, что темнота действовала ослепляюще. Они начали противостояние не с разминки, а на пике интенсивности.

Модьун сам провел небольшое исследование.

— К несчастью, я вас понимаю,— произнес он.— Ваши слова и манера поведения означают, что вы не собираетесь отказаться от захвата галактики.

В ответ зувгайт подошел еще ближе и теперь, стоя рядом в темноте, смотрел на сидящего на стуле человека. Потом он сказал:

— Мы, кажется, неправильно понимаем друг друга. У нас нет планов захвата. Откуда у вас такая мысль?

Модьун откинулся на спинку стула, с опозданием отметив, что те же слова он слышал от нунули, хозяина корабля. Теперь он мог представить себе последствия того, что делали люди-слуги, суетливо захватывая планеты от имени зувгайтов. На Земле люди были полностью истреблены. Ганию безжалостно атаковали.

Констатировав неумолимые факты, Модьун сделал вывод:

— У меня создалось впечатление, что вы применяли свои методы в различных вариантах к десяткам тысяч других планет.

— То, что мы делаем,— не захват,— сказал зувгайт.— Мы просто и решительно уничтожаем случайные эволюционные проявления неправильных форм жизни. Как только на планете устанавливается правильное направление эволюции, мы допускаем на некоторое время ее развитие, под своим руководством, разумеется, но в конечном счете без дополнительного вмешательства. Считать это захватом никоим образом нельзя.

Изумленный Модьун открыл рот. И снова закрыл. В потоке слов, которые он услышал, содержалось объяснение всему происходящему.

«Господи,— подумал он,— ведь они всюду нападают на самых приспособленных, переживших на своей планете эволюционный отбор».

Удивительная идея.

Даже когда человек изменял животных, такая идея не обсуждалась. И позже, когда человеческие существа, подстрекаемые нунули, изменяли самих себя, они хотели только подчеркнуть черты, уже проявившиеся в мутном потоке естественного отбора.

— По каким и чьим нормам проведен отбор подходящих расовых черт? — спросил Модьун.

— На каждой планете,— ответил зувгайт,— мы выводим форму с самым большим естественным сроком жизни. Вы можете придумать лучшую норму отбора, чем долговечность?

Голос умолк. Модьун вежливо ждал, когда существо выскажется подробнее. Когда прошло несколько секунд, он понял по спокойному дыханию собеседника, что дополнительного разъяснения не будет.

— Послушайте...— начал он неопределенно. Он замолчал, посидел еще несколько секунд, а потом спросил: — Вы долгоживущая раса, правда?

— Долгоживущая — это неправильное определение. Мы бессмертны.— Голос звучал гордо.— Это одно из двух наших самых важных качеств.

Модьун предположил, что вторым важным качеством была способность зувгайта управлять разумом других существ. Но он решил не отвлекаться на это.

И продолжал:

— Короче говоря, вы выбрали в качестве критерия свойство, которое ваша раса, очевидно, приобрела путем естественного отбора, без насильственных изменений. Я сказал «очевидно», потому что хочу снова вернуться к этому вопросу.

Член комитета оставался спокойным.

— Мы совершенно объективны. Мы изучали всевозможные положительные черты сотен рас...

— И наконец решили, что *ваши* собственные — самые лучшие,— взорвался Модьун,— не спрашивая, как это случилось.

— Я повторяю: вы можете придумать лучшее свойство, чем долгая жизнь? — в тоне говорившего промелькнул намек на раздражение.

— Да, по человеческой системе оценок,— сказал Модьун.— Вот философия человека: жить и давать жить другим.— Потом он внезапно поменял тему.— Видите ли, я думаю о чертах человека, а вы о чертах зувгайта. Мы оба очень субъективны, не правда ли?

Последовал холодный ответ:

— Ваши слова говорят мне, что, поскольку вы находитесь здесь полностью под нашим контролем, дальнейшая беседа является пустой тратой времени.

Итак, с этим покончено.

Модьун тихо сидел на стуле, пытаясь разобраться в происходящем. Насколько он мог определить, ничто не изменилось. Даже в эти минуты, ставшие итогом всех его усилий, его нервная система не была дезорганизована волнением. Значит, что бы они

ни делали, он этого не чувствовал. И единое психическое поле, и космос молчали... Все ближайшее пространство существовало в пределах атомной и молекулярной логики, не потревоженное вмешательством умов, и это наводило на мысль, что проблема внутри Модьуна, а не снаружи.

Когда Модьун с тревогой обдумывал такую возможность, ему пришло в голову, что наконец настало время осуществить свои намерения. Правда, он не знал, с чего начать.

«Я пришел, чтобы побеседовать. Я это сделал. И беседа ни к чему не привела...»

Не зная точно, что предпринять, Модьун пустил пробный шар:

— Биология — это предмет, который мы в результате усовершенствований нунули начали понимать лучше, чем кто-либо еще.

Из темноты послышался звук. Его издавало огромное существо, стоящее перед Модьуном. Никаких слов, только звук. Иронический смех?

Зувгайт заговорил спокойным тоном:

— В принципе, сейчас нам не нужно ничего с вами делать. Контроль установлен очень давно. Вы должны знать, что никто не в силах изменить свой образ жизни. Индивидуум может даже понять природу битвы, которую вынужден вести (это своеобразный этап развития, до которого вы, кажется, дошли) но вас навсегда связывает тот факт, что вашу кожу можно пробить, сердце может остановиться, а группа клеток вашего мозга обладает специальными свойствами — только и всего. Например, несмотря на вашу систему восприятия, продолжительность жизни, которой вы достигли, составляет менее чем две тысячи земных лет. Даже этим вы обязаны нунули, усовершенствовавшим ваше сознание.

— Правда,— признал человек.— Однако я собираюсь исследовать это для вас и...

Зувгайт прервал его:

— Чтобы показать вам, как уверенно мы себя чувствуем, мы предлагаем вам использовать вашу систему восприятия против нас. Вы увидите, что не сможете этого сделать.

— Вы просите невозможного,— запротестовал Модьун.— Слово «против» для моего мозга не имеет смысла. Я не *против* вас.

— Точно, так запрограммировала вас раса наших слуг,— с удовлетворением отметил зувгайт.

— Для меня было бы безмерно трудно умышленно напасть на кого бы то ни было,— сказал человек.

— Вот именно,— радостно объявил член комитета.— Таков ваш характер. Как я сказал, вы не настолько решительны, чтобы

бороться с внешними обстоятельствами; в сущности, вы не способны на большее, нежели идти по предложенному пути.

— Гмммм,— сказал Модьун.— Я вижу, мы не полностью понимаем друг друга.

Затем он повторил то, что однажды сказал Руузб к большому неудовольствию Дуулдна:

— Есть несколько способов содрать шкуру с кота.

— Я не понимаю этого,— сказал зувгайт.

Модьун не ответил.

Дальше он потерял нить событий. Он проснулся в спасательной шлюпке и ничего не помнил.

— Это все,— сказал он раздраженно.

— Но с какого кота и каким способом ты собирался содрать шкуру? — спросил Руузб, лукаво взглянув на зарумянившегося Дуулдна.

— Прости, что я использовал это сравнение,— сказал Модьун, который сидел за столом напротив человека-ягуара.— Мои извинения, Дуулдн.

— Ладно,— пробормотал большой человек-кот.— Я напуган, но не потерял голову. Так вот каков этот зувгайт!

Иггдооз покачал головой, сердито посмотрел на Модьуна и сказал:

— Друзья, он не трус, но я уверен, что он просто не умеет драться.

— Я собирался начать учиться,— запротестовал Модьун.

— Тогда ты говоришь что-то не то. Ты уверял зувгайта, что ничего не можешь сделать. А нам теперь говоришь, что можешь.

Все с осуждением посмотрели на Модьуна.

— Ну и где же правда? — съехидничал Неррл.

Руузб сказал:

— Мы всегда ценили тебя за честность. А теперь ты сказал ему пустые слова. Пойми меня правильно,— поспешно закончил человек-медведь.— Мы хотим победить этих сукиных детей.

— Я собирался напасть на них с помощью единого психического пространства,— объяснил Модьун,— и единственным честным способом, который открыт для меня. Послушайте...

Когда Модьун закончил объяснение, Дуулдн сказал решительно:

— И ты думаешь, это все, что ты должен был сделать?

— Да.

— Но в тот момент, когда ты сделал это, закончились все твои воспоминания об этих событиях.

Модьун должен был согласиться, что, действительно, так и случилось.

— Думаю, они предприняли контратаку.

Неррл вступил в разговор:

— Энергия единого психического пространства могла бы убить зувгайтов?

Модьун был потрясен.

— Конечно, нет. Это было бы убийство.

Дуулдн вскочил.

— Вы только послушайте его! — зарычал он.

С усилием он взял себя в руки и сказал:

— Ты можешь найти какую-нибудь другую энергию, подобную энергии единого психического пространства?

Модьун покачал головой.

— Наверное, что-то подобное существует. Но я знаю только об одной. Вы должны помнить, что единое психическое пространство так же велико, как космос, только в нем нет времени.

— Ты говоришь, что использовал все свои знания? — настаивал человек-ягуар.

— Но я собирался это сделать,— защищался Модьун.

Лицо Дуулдна стало кирпично-красным, и он откинулся на спинку стула.

— Я лучше не буду больше ничего говорить,— пробормотал он.— Величайшая возможность в истории галактики упущена из-за мягкосердечия.

Модьун почувствовал себя побежденным и закончил слабым голосом:

— Друзья, возьмите бразды правления в свои руки!

Руузб заговорил дипломатично:

— Хорошо, Модьун, почему бы тебе снова не активизировать систему рефлекторного запоминания? Тогда мы также смогли бы узнать, что случилось.

Глава XXXV

Модьун провел настоящее испытание. Понимая, что у него не будет второй возможности, он довел эксперимент до конца. Как генерал, у которого появилась новая идея о том, как выиграть битву, он проверял ее не на предварительных маневрах, а в бою.

Было очевидно, что он не может атаковать тысячу могучих умов, соединенных с его мозгом линией односторонней связи, если столько гипнотизеров объединяются вместе, чтобы победить одного человека. Поэтому он действовал не напрямик. Модьун использовал свою систему восприятия, чтобы узнать, нет ли в

едином психическом пространстве уже существующего источника энергии, включенного в него в соответствии с неизменными мировыми законами.

Так как процесс поиска был фактически мгновенным, Модьун не удивился, когда гробовую тишину комнаты нарушил голос зувгайта, заявившего:

— Если верить нашим приборам, вы активизировали систему восприятия. Но еще ничего не случилось.

Зувгайт продолжал тем же раздраженным тоном:

— Мы все ощущаем незначительные физические воздействия на уровне единого психического пространства. Но все знают, что в едином психическом поле ничто не может начаться без предварительного планирования. Естественно, на это не требуется много времени, но оно требуется для перехода в наш пространственный мир. А у вас его нет.

Итак, они что-то почуяли. Вдобавок Модьун смог узнать, что его попытки неизбежно обнаружат.

Модьун сказал с намеком на прежнюю вежливость:

— То, что происходит постепенно, конечно, является физиологическим процессом. Даже если он ускорился, не нужно волноваться. Но нужно отметить, что, когда произойдет изменение вектора силы, изменятся химические связи. Это создаст особое...

Модьун замолчал, почувствовав внезапное напряжение в атмосфере комнаты. Из темноты зловеще зазвучал голос:

— Вы говорите, что вы физически управляете мной, нами, каким-то способом?

— Все, что я делаю,— вежливо признал Модьун,— это пытаюсь использовать энергию, которую вы первоначально заложили в единое психическое пространство, использовав ее в качестве носителя для активизации биологической перестройки. Это подействует на всех существ, связанных с вами. А теперь...

— Какую первоначальную энергию?

— Взрыв в едином психическом поле, посредством которого вы уничтожили людей за барьером,— сказал Модьун.— Откуда вы узнали о нем?

— От расы, которая теперь вымерла,— неохотно ответил зувгайт.

— Еще одна тупиковая линия эволюционного процесса, я полагаю,— сказал Модьун.— Я собираюсь показать вам, что их знания о едином психическом пространстве были правильными. Поэтому я могу использовать реактивную энергию взрыва, которая включает в себя все комбинации жизненных энергий, и вы должны будете со мной согласиться.

— И для чего используется эта энергия? — грубо прервало существо.

Модьун глубоко вздохнул.

— Теперь раса Зувга пойдет вперед по правильному эволюционному пути. В течение нескольких последующих тысячелетий продолжительность жизни каждого составит, я думаю, около семидесяти-восьмидесяти земных лет.

Пока Модьун говорил, он начал ощущать, как постепенно растет эмоциональное напряжение существа, возвышавшегося над ним в темной комнате. И вдруг...

Зувгайт сказал неестественным голосом:

— Это изменение нашего развития, которое вы включили... Один из моих коллег только что спросил, можно ли отменить эту настройку и восстановить первоначальный срок жизни?

Модьун колебался. Его испугала скорость реакции. Он нанес им такое сильное поражение — и все же еще можно было мгновенно все исправить.

Он подумал, что контратака проведена с опозданием. Модьун уже использовал преимущество, доставшееся ему только из-за их незнания. Теперь дело было в шляпе. Что-то значила лишь его ловушка, которую они теперь только начинали осознавать.

Естественно, он должен был честно ответить на их вопрос.

— В действительности я не думал об этом, но полагаю, что можно ответить «да». Но восстанавливать вас придется по одному, и потребуется много времени. Я должен сказать вам, что не намерен...

Ответ пришел в ту же секунду со скоростью, больно ударившей по его чувствительному мозгу; это показывало, насколько сильным был их шок.

— Мы — единственная бессмертная раса в космосе,— сказал зувгайт,— а вы сделали нас смертными. Это несправедливо.

В известном смысле это была правда. Вероятно, не следовало покушаться на что-то столь уникальное, как бессмертие.

«Но они покушались на многое,— доказывал себе Модьун.— Сейчас их доводы несущественны».

Зувгайт настаивал:

— В естественном отборе нет ничего неприкосновенного. На Земле вы, люди, вмешались в него, когда изменяли физиологию животных...

Голос все говорил и говорил. Но это была последняя фраза, которую разобрал Модьун. Он устал. Перестал видеть. Звуки превратились в неясное бормотание в его мозгу. Дальним уголком сознания он следил за происходящим и с легким изумлением

думал: «Мной пытаются управлять именно сейчас, этими словами. Неужели я собираюсь так сильно рисковать, требуя себе гарантий?»

Когда у него возникла эта тревожная мысль, он заметил, что беспокойство, кажется, уменьшается. Не было ничего, кроме головокружения,— ничего смертоносного. Ему пришло в голову, что оскорбления, пренебрежительное обращение и лживость этих существ нарушили чистоту его реакций. «Я прошел долгий путь,— подумал он,— вероятно, большую его часть в неправильном направлении». Но при данных обстоятельствах это его не особенно огорчало.

К тому времени, как Модьун начал это понимать, он настолько оправился, что снова начал воспринимать голос члена комитета.

— ...Мой коллега,— говорил зувгайт,— предлагает, чтобы мы вернули вам женщину в обмен на наше восстановление. Как он объясняет, эта женщина нужна вам для выживания вашего собственного рода. Она без сознания и в опасности. Поэтому он считает, что у вас нет выбора.

Модьун был ошеломлен безупречностью их логики. Они допустили роковую ошибку. А потом ее совершили люди. Зувгайты уже выигрывали. Но у них не было полной уверенности, что человек...

«Они добрались до меня,— думал он.— Я не могу использовать свое восприятие, чтобы получить информацию, потому что они могут подменить ее. Но теперь они не осмелятся причинить мне вред, поскольку я единственный, кто может им помочь...»

Между человеком и его самым опасным противником установилось полное равновесие сил. В этом положении была какая-то зловещая красота.

Конечно, проблемы еще оставались.

— Я хочу восстановить вас. Но не знаю, как это можно сделать. Видите ли,— он протянул руки, как часто делал Неррл,— когда я верну хотя бы одного члена комитета в его прежнее состояние, он будет свободен. После этого его не будет связывать никакой договор о защите Судлил.— Он помолчал.— Я признаю, что она в вашей власти. Она позволила заманить себя в ловушку. Я представляю, что она, с ее философией, не признающей насилия, и пассивной женской позицией, была чрезвычайно доверчивой.

— Точно,— нетерпеливо прервал зувгайт.— Мы смогли привести ее тело в бессознательное состояние, хотя, конечно, не хотели непосредственно воздействовать на ее нервную систему. Но теперь есть повод для того, чтобы быстро принять решение. Мы одобряем вашу настойчивость; мы решили не терять времени и

согласились, что человек с вашей... гмм... безупречной философией, какой бы она ни была запутанной, сдержит данное обещание. Поэтому, если вы пообещаете восстановить наше первоначальное состояние в течение следующей недели или, по возможности, раньше, мы точно скажем, где находится Судлил.

«Итак, мною управляют». Это казалось единственным правдоподобным объяснением.

Ему было все равно. Он чувствовал, что может свободно принять решение.

«...Я могу пообещать, а потом нарушить обещание...» — говорил его внутренний голос.

А они действовали так, как будто он не мог не сдержать слова.

Зувгайт сказал настойчиво:

— Решайте. Это необходимо для безопасности женщины.

Теперь ответ не являлся для него моральной проблемой. Модьун просто сказал:

— Очень хорошо, я обещаю. Где она?

— Она в комнате, куда можно пройти через левую дверь в приемной,— выпалил собеседник.— Мы положили ее так, что если бы вы вошли, то сразу увидели бы ее. В момент умственного погружения в ее сознание мы все напали бы на вас.

Глаза Модьуна расширились.

— Гммм,— сказал он,— интересно, сработало бы это?

Пока он обдумывал вопрос, у него появилась другая мысль.

— Тысяча...— проговорил он.— Почему вы, зувгайты, уменьшили свою численность до такой цифры?

— Мы одна семья,— объяснил член комитета. Казалось, он думал о другом.— Очевидно, там, где много семей, одна должна в конце концов уничтожить другие. Это случилось очень давно...

Глава XXXVI

Модьун встал в рубке спасательной шлюпки.

— Когда пришли животные-солдаты, нунули и зувгайты убежали по коридору, ведущему внутрь горы. А я поспешно вышел из приемной и стал караулить перед левой дверью. Несколько солдат хотели выломать ее, но я приказал им уходить.

Он стал задумчивым.

— На самом деле это была очень мирная компания. Однако я могу себе представить, какими дикими они показались членам комитета, никогда никого не пускавшим за свой барьер и не имевшим защиты против большого количества врагов. Какова бы

ни была проблема, она должна была решиться в момент, когда я дал первые приказания людям-животным. Они были голодны, как никогда раньше не бывали в условиях изнеженной жизни на Земле. Они построились внизу, как всякие хорошо воспитанные граждане. Как только я это увидел, я позвал вас, друзья, и вы пришли с носилками для Судлил.

Руузб сказал торжествующе:

— Я хочу отметить, что на этот раз ты вспомнил все до конца. Значит, они не навредили тебе своим гипнозом.

— Я заметил,— сказал Модьун.

Он пошел к пульту управления и, понимая, что все наблюдают за ним, нажал кнопку, открывающую шлюз.

— Я лучше пойду,— сказал он.

Модьун направился к двойному люку, остановился у выхода и сказал:

— Я вернусь завтра утром. Поэтому просто подождите меня, хорошо?

Говоря это, он шагнул наружу и стал взбираться по тропинке, ведущей к садам и дворцу зувгайта в полумиле отсюда. Он прошел около двухсот футов, когда увидел, что четверо людей-животных выбрались из спасательной шлюпки и бегут к нему. Поскольку они не окликали его, Модьун продолжал свой путь, но и не удивился, когда они зашагали рядом, тяжело дыша.

— Куда ты идешь? — выкрикнул Неррл, задыхаясь.

Модьун остановился.

— Вы же знаете, куда я собираюсь идти и что делать.

Он хотел было отправиться дальше, когда увидел на лице Дуулдна странное выражение.

Человек-ягуар сказал подавленным тоном:

— Хочешь, чтоб тебя снова одурачили?

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Модьун.

— Ты же не собираешься выполнять обещание, данное самым поганым сукиным детям, которые когда-либо жили на свете?

— Обещание есть обещание,— сказал Модьун и возбужденно добавил: — Эй!

Они схватили его.

— Ты никуда не пойдешь,— зарычал Руузб.

Они потащили его назад к спасательной шлюпке прежде, чем Модьун ясно осознал их намерения.

— Смотрите, друзья,— предупредил он тогда,— если вы не остановитесь, я вынужден буду использовать против вас свой метод воздействия.

— Хорошо,— вызывающе сказал Дуулдн.— Если ты сможешь применить его против нас, своих единственных друзей, тогда приступай.

— Но мое обещание...— неуверенно начал Модьун.

Дуулдн прервал его:

— Помнишь, ты когда-то спросил меня, что я делал до этой экспедиции? А я не хотел говорить?

Модьун помнил. Но это казалось не относящимся к делу.

— Ну? — спросил он.

— Хорошо,— сказал Дуулдн.— Я был охранником в госпитале для душевнобольных.

Больше он ничего не говорил.

Четверо людей-животных продолжали крепко держать Модьуна. Они вели его, подталкивая его сопротивляющееся тело, не обращая внимания ни на какие протесты, подзадоривая, чтобы он подавил их своей хваленой системой воздействия — и это было единственное, чего он не мог заставить себя сделать. Приятели подвели его прямо к стулу у пульта управления и насильно посадили, удерживая его там, пока он неохотно манипулировал приборами. Наконец они полетели назад к большому кораблю, который ждал их на орбите на высоте свыше 23 000 миль.

Проделав это, Модьун почувствовал возбуждение в контурах восприятия... Сверхбыстрая часть его мозга определила это возбуждение как сравнительно безобидное.

«У меня разыгрывается воображение... Они в отчаянии, потому что видят, как я улетаю. Может, следует задействовать другую систему, которая отреагирует, если мне будут как-то угрожать? Однако посмотрим, что будет дальше».

Да.

Сразу начались галлюцинации: он снова был в приемной дворца зувгайта. Держа в правой руке ручку, он склонился над книгой для записи посетителей. Каким-то образом ему удалось оценить значение происходящего. Системы восприятия его мозга, которым непрерывно кто-то мешал, сигнализировали, что все идет своим чередом.

Хорошо.

В своем воображении он действительно поставил подпись и даже начал выпрямляться, когда...

Модьун проснулся во мраке, вспомнил, что сказал Дуулдн, и понял: «Черт возьми! Мои друзья-животные обращаются со мной, как с ненормальным».

Его взволновало то, что он увидел: ведь во сне все шло правильно.

«Я был запрограммирован. Я результат расового усовершенствования». И до недавнего времени он никогда не использовал свой интеллект, чтобы перейти эти границы. Если это не сумасшествие, то что же?

Модьун лежал в полной темноте; теперь, когда его глаза привыкли к ней, он увидел, что находится в своей каюте на борту большого земного корабля. Он даже смог разглядеть фигуры двух своих спутников, скорчившихся на стульях рядом с кроватью. Через некоторое время он узнал их — это были Руузб и Дуулдн. «Они охраняют меня». В груди его зародилось теплое грустное чувство. Грустное оттого, что он подозревал — его друзья почувствовали бы себя плохо, если бы последние мужчина и женщина сделали то, на что должны были решиться: ушли из жизни.

Он подозревал, что эта мысль была внушена его предкам, еще когда нунули много лет назад запрограммировали человека. Но он понимал, что сейчас правда об этом не имеет значения.

Внутри каждого мужчины есть тайная, ускользающая, упрямая, бессмысленная умственно-эмоциональная жилка, которая делает его самым отвратительным созданием в галактике.

С давних времен при малейшем удобном случае он полностью использовал преимущества любой случайности, чтобы подняться за счет других человеческих существ. Никакая политическая система не могла сдержать его. И не было предела его алчности.

Зувгайты правы. Человеческая раса должна исчезнуть.

С некоторым опозданием Модьуну пришло в голову, что, вероятно, эту цель внушили ему инопланетяне во время испытанного недавно головокружения. Возникшее у него ощущение, что все закончилось, было ошибочным. Внушенная иллюзия.

«Это была настоящая битва. Они победили, потом победил я. Теперь они отомстили, нанеся сокрушительный удар».

Обе расы никуда не годятся. Но, конечно, то, что делают с собой зувгайты, его не касается. Поэтому он должен отказаться от любого давления на них. Это очевидно.

Из темноты раздался голос Руузба:

— Дуулдн, мне кажется, наш друг проснулся.

— Уфф! — Человек-ягуар выглядел немного смущенным. Потом он неуклюже поднялся на ноги, собираясь включить свет... Модьун непроизвольно напрягся. Когда зажегся свет, он моргнул и зажмурился.

— Да, правильно, он проснулся,— сказал Дуулдн. Оба человека-животных подошли к кровати и склонились над ним.

Руузб сказал мрачно:

— Мы воспринимали твои мысли. Судлил показала, как держать связь с твоим разумом, прежде чем уйти на танцы. Пропащая твоя душа!

— Почему пропащая? — повторил Модьун механически.— Какие танцы?

Человек-медведь не обратил внимания на его вопросы:

— Судлил сказала, что ты сам справишься с их гипнозом. Для нее сделать это означало бы посягнуть на твои тайны.

— Правильно,— согласился Модьун. Он размышлял.— А что вы скажете насчет того, что она соединила вас со мной, умники? Это тоже посягательство.

— Она считает, что это наше дело,— объяснил Дуулдн с удовлетворением.— И у нас нет угрызений совести. Согласен, Руузб?

— Согласен,— возбужденно ответил человек-медведь.

— Слушай, друг,— сказал Дуулдн,— ты должен принять решение. Либо убить нас — так установила Судлил по нашей просьбе,— либо дать нам указание убрать последствия гипноза зувгайта из своей нервной системы. Готовься сражаться за свою жизнь.

Модьун сел на кровати и быстро оглядел полные решимости лица. Взволнованный увиденным, он сказал:

— Я должен буду активизировать свое восприятие, направив его против вас.

— Он убьет нас тем способом, о котором говорила Судлил,— сказал Руузб.

Он немедленно ударил Модьуна своим огромным кулаком в грудь. Удар оказался таким сильным, что у человека перехватило дыхание.

— Ради бога,— с трудом произнес он. И не смог закончить: в это мгновение Дуулдн нанес ему страшный удар по голове.

— Активизируй восприятие, чтобы избавиться от гипноза! — зарычал человек-ягуар.

— Послушайте,— пронзительно завопил Модьун,— это нечестно!

Кулак Руузба попал ему прямо в челюсть, и человек издал странный звук.

— Это несправедливо,— пробормотал Модьун.

— Их бессмертие — вот несправедливость,— Дуулдн остановился, чтобы нанести предательский удар в живот.— Активизируй восприятие!

Модьун начал защищаться. Позже он был удивлен, обнаружив, что стоит на коленях у двери, а Руузб душит его и кричит:

— Активизируй восприятие, ублюдок!

Наконец Модьун несколько неопределенно предположил, что внушение, вероятно, может принимать разные формы. Такой метод был весьма убедительным.

Примерно через минуту после своего открытия он оказался на полу; Дуулдн сидел верхом на его ногах, а Руузб коленями прижимал его бицепсы. Человек-медведь уже поднял кулак и, казалось, намеревался нанести сокрушительный удар прямо в лицо Модьуна.

Это было слишком. Человек съежился.

— Не бейте меня! — взмолился он.— Я сделаю все, что хотите.

В уголке его оглушенного мозга возник очаг удивления. Он думал о том, что зувгайты, наверное, никогда не рассчитывали, что кого-нибудь будет заботить судьба человеческого рода.

Кулак, занесенный над ним, опустился.

— Хорошо, активизируй восприятие.

Модьун сделал это, а потом вздохнул:

— Это все равно неправильно, но дело сделано.

Его подняли на ноги. Обнимали и целовали. Руузб чуть не плакал. Он стиснул Модьуна в объятьях.

— Парень, это самое трудное, на что я когда-либо решался. Но теперь,— он перевел дух,— ты должен закончить еще одно дельце. Четыре миллиарда людей решили, что жизнь не стоит ломаного гроша, так?

Модьун ждал. Он чувствовал, что от него не ждут ответа. И действительно человек-медведь продолжал:

— Поэтому ты, наверное, думал так же, уходя в себя и помогая гипнозу зувгайта. Правильно?

Это была правда.

— Поэтому мы, как твои друзья, должны были действовать, чтобы убедиться, что ничего плохого не случится,— сказал человек-медведь.— Теперь слушай. Ты ведь хочешь, чтобы эта женщина забеременела в следующие несколько недель? Кстати, мы останемся здесь, чтобы убедиться, что все сделано как следует; а если ты не согласен, мы побьем тебя сильнее, чем в этот раз.

— Нууу...— протянул Модьун с сомнением.— Я думаю, это будет правильно. Кроме того, она моя жена.

Модьун смеялся и танцевал. Все люди-животные вокруг него весело плясали. Он был самым свободным из них. Раньше его двигательные центры имели сознательные ограничения, а теперь они куда-то исчезли. Ритмичная музыка звучала в его ушах и

побуждала тело к движению. Результатом был быстрый, но удивительно изящный танец.

Он ловко продвигался в толпе, пока наконец, еще раз закружившись, не оказался лицом к лицу с женщиной и не подхватил ее в тот самый миг, когда она, засмеявшись, повернулась к нему.

Она была счастлива и смеялась, когда он обнял ее, полностью отдаваясь танцу.

И тут впервые за все время она посмотрела ему в лицо.

Глава XXXVII

И снова давняя мысль — или, скорее, новое соображение на ту же тему — промелькнула в мозгу Модьуна: «Все это очень убедительно».

Он машинально отметил ее, когда она пришла ему в голову.

И в то же мгновение он с ужасом понял: все это *недостаточно* убедительно. Его колебания отразились тенью сомнения на лице женщины. Они все еще продолжали танец. Иллюзия — как сейчас воспринимал ее Модьун — удерживала его.

Хотя он больше не верил в нее. Он с нетерпением ожидал пробуждения истинного восприятия. И не был особенно удивлен, когда следующее проявление его «я» явилось перед ним не в реальности, а в новой галлюцинации: из всех людей ему вспомнился Банлт, человек-крыса, и он вдруг увидел себя стоящим с ним лицом к лицу. Банлт неуверенно и робко обратился к нему:

— Моя... философия? Какая философия?

Так они когда-то стояли вдвоем — могучий человек и поджарый человек-крыса — в сверкающем мраморном вестибюле здания суда на Земле, и Модьун объяснял, что философия — это причина действий. Поэтому...

— По какой причине вы украли этот злосчастный автомобиль?

— Я говорил вам: я представил, что получил столько же прав...

Банлт замолчал, беспомощно глядя на него; он так и стоял, протянув к человеку руки и ожидая чего-то.

— Тогда получается, что в этом мире, созданном людьми, люди-гиены смогли взять на себя законное управление планетой, а остальные люди лишь втягиваются в раздоры из-за незначительных нарушений равенства, если им случится их заметить?

Человек-крыса моргал.

— Эй,— сказал он.— Разве я это говорил?

И удивленно посмотрел на Модьуна.

Когда Банлт замолк, его силуэт и вестибюль суда померкли, как изображение на экране.

Хотя Модьун находился во власти галлюцинации, сейчас ноги твердо держали его тело. Он терпеливо переносил это состояние, убежденный, что его мозг, все еще преодолевая сопротивление, стремится окончательно проснуться. Короткий диалог между Банлтом и Модьуном, не имевший места в реальной жизни, был еще одной попыткой зувгайтов ослабить человека. Они еще раз показали ему, что человек и его разумные животные — неисправимо испорченные и нелогичные существа.

«Действительно,— подумал Модьун,— положение человека в социуме на протяжении столетий было значительно хуже, чем продемонстрировал Банлт. За обычным протестом по поводу чьих-либо льгот таится эгоцентричное безумие».

Импульс затаившейся перед прыжком пантеры. Если в запрограммированной промывке мозгов случалась пауза — а это иногда бывало; если хотя бы на миг перед ждущим безумцем открывался торный путь, он устремлялся по этому пути, что бы ни вело его — желание царствовать, деньги, имущество, власть; какими бы путями — с помощью убийства, пыток или арестов всех противников без разбора — он должен был получить желаемое.

А женщина хотела быть именно здесь, рядом с божеством, как бездумная принцесса, никогда не спрашивающая, как человек достиг такого положения, требующая только, чтобы он был на вершине... и делал все необходимое, чтобы оставаться там.

Мужчины и женщины, не успевшие воспользоваться моментом, расстроенные и нетерпеливые, дожидались своего шанса.

Зувгайты правы. Человеческая раса недостойна того, чтобы существовать...

Модьун не удивился тому, что это больше не волновало его. Он начинал постепенно осознавать изменения в самом себе.

Вся эта борьба... тянулась так долго. Враги его были безжалостны и полны решимости. Они сами навязали ему новую программу действий, начиная с чисто рефлекторного обострения защитных функций его организма для защиты от людей-гиен... для преодоления невероятной опасности в грандиозной битве с черной дырой... и теперь, наконец, путем беспощадного нападения на него как на личность.

«Тупые идиоты,— думал Модьун,— они превратили меня в воина так, что я и не заметил».

Когда он подумал так, его сознание прояснилось.

Он увидел, что стоит перед прозрачной дверью дворца Зувга. Вокруг была тишина.

«Конечно,— подумал он,— что же еще?»

Он только что прибыл.

В первые мгновения после его прихода сюда зувгайты предприняли коллективную попытку контролировать его разум. И все эти ужасные секунды его мозг и его способности, так прекрасно усовершенствованные нунули, вели молчаливую битву за выживание на уровне подсознания, где, увы, обычно действует человек.

Бесконечность скрытых глубинных сил человеческого разума, приведшего людской род на край пропасти, с никогда ничего не спрашивающей и со всем соглашающейся глупостью мгновенных настроений, была причиной того, что мужчина и женщина теперь стояли одни перед лицом вечности...

Модьун вновь оглядел горный пейзаж, посмотрел на двери и заглянул внутрь себя. У него не осталось никаких сомнений. Он чувствовал, что все происходящее реально. «На этот раз я здесь».

Оставалось только решить вопрос о его будущем.

Модьун не спеша открыл дверь и вошел в приемную. Хозяин нунули, который ждал за конторкой в двадцати футах, протянул ручку и показал на книгу для регистрации гостей.

Модьун взял ручку, наклонился и твердо, без колебаний, расписался. Он написал:

«Модьун, человек с Земли, находится здесь, чтобы обсудить условия постоянного мира, которые победитель в битве диктует побежденному врагу...» Лишь когда он написал эти слова, он заметил, что они, по существу, являются полным отрицанием его жизненной философии. «Ну и что же,— подумал он,— твои чувства изменились. Ты и в самом деле стал другим».

Его чувства свидетельствовали о том, что любая раса сделает все возможное, чтобы выжить. Учитывая это, несогласные личности могли сколько угодно дожидаться, пока общее развитие уничтожит неприятные черты, возникающие в результате эволюционного приспособления расы к окружающей среде. Но человеческий род никогда не согласится с таким качественным ограничением.

Раса принимала жизнь.

Да, это было иное чувство. Да, да, да, да.

После минутного размышления Модьун еще раз взялся за перо и добавил к уже написанному: «чтобы жить и действительно давать жить другим».

Он подчеркнул ключевую мысль: «действительно».

Потом Модьун выпрямился в полный рост, осознавая, что испытывает неизведанное прежде чувство своеобразного ликова-

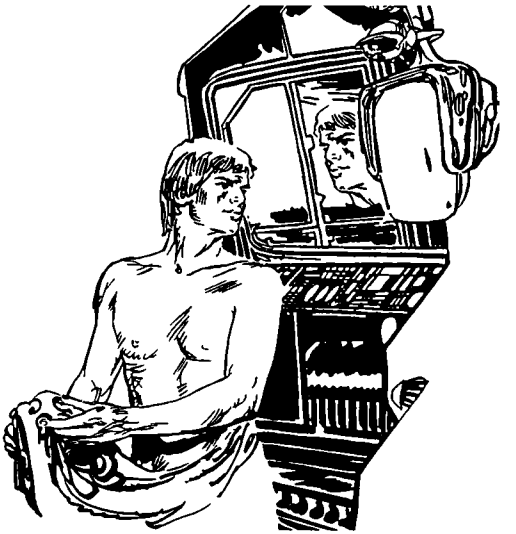
ния — ведь процесс письма не повлек за собой никаких последствий.

— В какую дверь? — спросил Модьун, и его голос громко прозвучал в тишине приемной.

Последовала длинная пауза. Странное, напряженное, испуганное выражение появилось на гладком сером лице нунули. «Он получает инструкции»,— подумал Модьун.

Медленно, с неохотой нунули поднял руку и указал на дверь справа.

Ликуя, как всякий победитель, Модьун прошел в комнату за дверью.

МЕНТАЛЬНАЯ КЛЕТКА

Глава 1

— А теперь — дело Уэйда Траска, обвиняемого в подрывной деятельности...

Дэвид Марин прикусил губу, услышав, как Меделлин, председатель Собрания Совета Руководителей Групп, объявил о начале обсуждения следующего вопроса. В этот момент Марин без особого интереса слушал Руководителя Группы Джона Пилера. Тот в очередной раз пытался убедить членов совета, что Закон групп насчет женщин необходимо изменить. Пилер бился над этим уже почти год. Ни для кого не было секретом, что причиной такого рвения была привязанность Пилера к одной молодой женщине. Ради того, чтобы не потерять свою пассию, он старался узаконить особую категорию женщин, свободных от участия в групповых играх по поиску партнера.

Дискуссия проводилась шепотом.

Марин отвернулся. Уэйд Траск, виновный в подрывной деятельности. Именно этого дела он и ждал. Он оглядел зал совета. Помимо двух секретарей, сидящих за длинным столом, в зале находилась еще дюжина мужчин.

Руководитель Группы Средней Северной Америки Оскар Подрэйдж, плотный, хмурый молодой человек, поднял голову и спросил:

— Это тот самый ученый?

Меделлин кивнул одному из секретарей. Клерк перевернул несколько листов и зачитал вслух:

— Уэйд Траск, физическая инженерия, полномочия в Припе, специалист по экспериментальной электронике...— он замолчал и добавил: — Здесь еще список написанных им книг.

Председатель переводил взгляд с одного лица на другое.

— Похоже, по этому вопросу разногласий не будет,— заметил он. В его голосе прозвучало едва уловимое облегчение.

Марин поднял руку, и ему предоставили слово. Он задумчиво оглядел аудиторию. Из всех присутствующих только Подрэйдж, Эдмунд Слэйтер, Меделлин и он сам были людьми карьеры. Остальные, до того как их пригласили на посты в высшем руководстве, занимали различные руководящие должности в сфере промышленности, образования или науки. В этот век, объединивший групповое проживание со свободным предпринимательством, Меделлин и Подрэйдж были главными, самыми высокопоставленными руководителями и организаторами. Слэйтер, полицейский, был их мечом и кнутом. А он, Дэвид Марин... кем был он?

Он мог сказать о себе только то, что имел довольно слабое отношение к этим приземленным людям.

Будучи главнокомандующим вооруженными силами бессмертного Великого Судьи, он поставлял человеческий материал, которому остальные довольно жестокими методами придавали необходимую форму и единообразие.

Его работа состояла в том, чтобы завоевывать одно за другим те «бандитские» государства, которые возникли по всему миру за двадцать с небольшим лет после Третьей атомной войны. Одержав победу, он передавал завоеванные народы организаторам и полицейскому-палачу и отходил в сторону. Дальнейшее его уже не интересовало.

Из-за этого в совете он всегда держался особняком. Возможно, это сейчас обернется против него. Он знал, что причиной тому — и зависть, и злопамятство, и страх.

Марин заговорил медленно, сознательно стараясь побороть внутреннее напряжение:

— Я считаю, что необходимо продолжить расследование дела Траска. Полагаю, что он вполне заслуживает оправдательного приговора.

— На каком основании? — осведомился Подрэйдж. Кажется, он, скорее, просто любопытствовал и не был склонен проявлять враждебность.

Марин начал перечислять свои аргументы:

— Когда я познакомился с записями изменнических утверждений, которые Траск излагал, и в распространении которых признался, я обнаружил, что они, в сущности, сводятся к одному: идея группового свободного предпринимательства нуждается в дальнейшем развитии. Вспомните, насколько часто то же самое обсуждалось здесь, в этом зале, как часто сами мы думали о том, что проблема неисправимости человеческой натуры может быть решена путем модификации групповой идеи. Я не могу согла-

ситься с тем, что утверждения Траска могут служить достаточно веской причиной, чтобы приговорить его к смерти.

Он решительно закончил:

— Я уверен, что Уэйд Траск находится в начале своей карьеры и еще принесет много пользы той системе, благодаря которой эта карьера стала возможна. Поэтому я прошу вынести следующий вердикт: «Судью, жюри и исполнительный персонал благодарим за усердие. Подсудимый подвергнут порицанию и отпущен для участия в общественных работах».

Во время своего выступления Марин заметил, что некоторые из присутствующих все сильнее хмурятся, и это влияние его аргументов очевидно не только для него самого. Когда он закончил выступление, председатель Меделлин обвел взглядом присутствующих. По его лицу пробежала дрожь. Он поспешно кивнул сидевшему рядом с ним клерку:

— Пожалуйста, *дословно* зачитайте изменнические высказывания Траска.

Секретарь торопливо начал листать свои бумаги. Затем он разгладил страницы и сухо произнес:

— Я цитирую слова Уэйда Траска в том виде, в каком их донес до нас свидетель. Их достоверность подтверждена самим Траском. Итак: «Наше следование существующей групповой идее — это говорит мистер Траск, джентльмены,— зашло слишком далеко. На основании своих собственных исследований я установил тот факт, что общественные взаимосвязи требуют другого группового подхода, отличного от всех тех, что применялись ранее».

Дэвид Марин выругался про себя. Что за помрачение нашло на Траска, если он забыл об ограничениях свободы слова, налагаемых на граждан?! Согласно словам ученого, это случилось в тот день, когда ему удалось ввести нервные импульсы цыпленка в нервную систему собаки, по случаю чего Траск пребывал в состоянии необычайного возбуждения. На суде он пытался представить это открытие в качестве подтверждения того, что он находился в состоянии аффекта, но это объяснение было объявлено несостоятельным.

Меделлин снова обратился к секретарю.

— Видел ли Великий Судья отчет о ходе следствия?

Марин похолодел. Тон, которым Меделлин задал этот вопрос, явно говорил о том, что делом Траска уже заинтересовался сам Великий Судья.

— Да, сэр,— ответил клерк.— Он затребовал эти материалы на прошлой неделе и вернул их сегодня утром.

— Скажите, а не оставил ли Великий Судья какого-либо замечания о том, как следует поступить с обвиняемым?

Это начинало смахивать на чтение катехизиса. Меделлин определенно знал заранее, что Великий Судья уже выразил свое суждение.

Покопавшись для вида в бумагах, клерк перевернул несколько страниц и прочитал:

— «Явный случай государственной измены».

— Он подписал это?

— Он поставил свои инициалы, сэр.

Приговорен к смерти.

Марин не стал спрашивать, почему об этом предварительном решении не было сообщено заранее. Согласно официальной легенде, Великий Судья не вмешивается в дела совета.

Он мрачно подумал, что одна мысль о попытке критики со стороны какого-то ученого могла сильно задеть человека, который уже четверть века правит Землей.

Марин прикусил губу, покачал головой и изобразил на лице кривую улыбку. Да, рутинные моменты, связанные с осуждением, претворялись в жизнь обычными силовыми методами.

Меделлин поднял трубку телефона и набрал номер.

— Тильден Аралло, Руководитель Группы 814?

Телефонная линия была выведена на громкоговоритель, и ответ могли слышать все присутствующие в зале.

— Тильден Аралло слушает,— послышался баритон руководителя. Он, должно быть, уже догадался, что ему звонит представитель высшей власти, и его тон был преисполнен почтения.

— Это Меделлин, Председатель Совета Руководителей Групп.

— Да, ваше превосходительство?

— Совет поручил мне связаться с вами по поводу одного из членов вашей группы — Уэйда Траска.

— Каковы ваши указания?

— В качестве наказания для Уэйда Траска,— сказал Меделлин,— избрана смерть. В связи с этим ваша группа становится ответственной за действия вышеназванного Уэйда Траска, с учетом того обстоятельства, что на передвижения и действия осужденного не могут быть наложены никакие ограничения, кроме официально допустимых. Осужденному государственному преступнику Уэйду Траску будет указано явиться к конвертеру для казни не позднее чем в полночь, через неделю, начиная с сегодняшнего дня.

— Принято,— откликнулся Аралло.— 10:30 утра 26 августа 2140 года, от лица группы 814.

— Прием подтвержден,— произнес Меделлин.

Связь прервалась.

Меделлин снова оглядел лица присутствующих; его худощавое лицо было бесстрастным, взгляд — унылым. Он беспокойно ерошил костистой рукой свои седеющие волосы.

— Что же, джентльмены,— сказал он.— Полагаю, что на эту неделю дела нашего совета завершены. Дэвид,— добавил он, пристально посмотрев на Марина,— мне бы хотелось с вами поговорить.

— Да, сэр,— вежливо, но без особой инициативы отозвался Марин. Он догадывался, что речь пойдет о предстоящей военной операции против «бандитской» Джорджии и ее королевы. Но этот вопрос его не слишком беспокоил. Сейчас все его мысли крутились вокруг предстоящего разговора с Траском. Именно ему, Дэвиду Марину, придется известить ученого о вынесенном ему приговоре.

Они отошли в угол. Меделлин тихо проговорил:

— Дэвид, знай я, что вы планируете сделать особый запрос по делу Траска, я бы вас предупредил,— он резко сменил тему.— Но, ладно, забудьте об этом. У нас был разговор с его превосходительством Великим Судьей. Он издал ряд инструкций. Завтра, после ленча с Великим Судьей, вы отправляетесь в Лагерь «А» на границе с Джорджией. Время вылета — два часа дня. Вскоре после прибытия в Лагерь вы выступите с обращением к джорджианским революционерам, собравшимся в лагере. Затем мы выжидаем два дня, за которые революционеры вернутся в Джорджию. В подходящий момент наши люди уберут чиновников джорджианского режима, занимающих ключевые посты. Одновременно наши армии перейдут границу и захватят страну. Но ни королеву, ни членов ее семьи убивать нельзя.

Меделлин помолчал, хмурясь.

— Мы хотим, чтобы вы переспали с ней, Дэвид. Мы понимаем, что она — не первая красавица мира, но вы должны создать у нее ощущение, что своей жизнью она обязана исключительно тем, что вы внезапно увлеклись ею. Не обращайте внимания на ее возражения. Пусть ее доставят к вам на квартиру. Если необходимо, изнасилуйте ее, но пообещайте ей свою личную защиту и заверьте ее, что вы позаботитесь о том, чтобы власть осталась в руках ее семьи.

Марин кивнул. Он чувствовал весь цинизм ситуации, но это был хорошо замаскированный цинизм. Ему не впервые приходилось захватывать страну, делая при этом вид, что поддерживает законное правительство. Он спросил:

— Кого следует проинформировать о дате нападения?

— Никого. На данный момент эта дата известна только Слэйтеру, вам, мне и, разумеется, его превосходительству. Используйте обычную тактику запутывания. Удачи.

Он быстро ушел. Ощущая необычайную пустоту в голове, Марин покинул зал совета.

Глава 2

Стоя у парапета Центрального здания Групп, Марин ждал, пока подгонят его прыголет. Свежая прохлада, разлитая в воздухе, обещала чудесный день. Он отметил этот факт, затем выбросил его из головы. В животе скапливалось неприятное ощущение. С некоторой долей растерянности он обдумывал, как ему рассказать Уэйду Траску о том, что произошло в зале совета.

Марин помрачнел. Не было никаких сомнений в том, что сделать это должен именно он. Он должен заверить осужденного на смерть человека в том, что сделает все возможное, чтобы изменить приговор.

Тут он прервал свои размышления. Вверх по пандусу к нему скользил прыголет. Он вдруг увидел, как красива эта машина, и его охватил чуть ли не мальчишеский восторг. Это чувство порождала и мысль о беззвучном магнитном моторе, который он не мог видеть, и радующие взгляд очертания блестящего металлического корпуса. Короткие крылышки и крошечный хвост прыголета не использовались для создания подъемной силы; они только удерживали аппарат в равновесии, не давая ему переворачиваться. Его питала энергия, получаемая из могучего магнитного поля Земли, а этой силе было безразлично, летит человек в нормальном положении или вверх ногами.

Механик, который только что вывел прыголет из пещерообразного ангара внутри здания, освободил кресло, и Марин залез внутрь. Поднявшись в воздух, он занял коридор для частных летательных аппаратов, включил автопилот и набрал на телефоне личный номер Траска.

После паузы раздался баритон ученого:

— Да?

— Уэйд?

— О, это ты, Дэвид,— голос мгновенно изменился, в нем зазвучали нетерпеливые нотки.— Что случилось?

Марин рассказал Траску о заседании совета, затем начал торопливо его обнадеживать. Закончив свою тираду, Марин выжи-

дающе замолчал. Он вдруг почувствовал себя опустошенным и несчастным. Сколько смертных приговоров он сам вынес в свое время! Тысячи людей по его приказу гибли в бою. Но это было совсем другое дело.

— Дэвид, мне нужно с тобой встретиться. Прямо сейчас.

Времени для колебаний не было. Этому человеку нужно убедиться, что друзья его не покинули.

— Где? — спросил Марин.

— В «Лабораториях Траска».

Несколько секунд Марин обдумывал это предложение. Малоподходящее место для встречи. Поскольку окончательный приговор вынесен, лаборатории временно перейдут под опеку Государства. В порядке мероприятий по охране объекта власти будут действовать быстро. Захват лабораторий не нарушит права Траска на владение ими. Но его, Дэвида Марина, они не должны там обнаружить.

Какое-то время Марин колебался, затем отбросил сомнения. Пришло время проявить свою дружбу на деле. Он ответил просто:

— Буду через десять минут.

— Отлично.

Раздался щелчок, и связь прервалась. Марин откинулся в кресле. Чувство опустошенности и неблагополучности не оставляло его. Впервые за всю карьеру у него возникло беспокойное ощущение, что он совершает ошибку.

В конце концов он отбросил эти тревожные мысли. Он начал осознавать, что теперь произойдет с Уэйдом Траском. Формально смертный приговор ему объявит Тильден Аралло, руководитель Группы 814. Когда это будет сделано, Траск теоретически сможет провести последнюю неделю своей жизни в такой роскоши, какую только сам пожелает. Этот момент правительственная пропаганда особенно подчеркивала. Блага, предоставленные осужденному, были призваны служить демонстрацией уровня свободы, какого цивилизация никогда еще не достигала. Оборотной стороной этой свободы был тот факт, что побег по сути дела был невозможен. После официального вынесения приговора в мышцу плеча осужденного «впечатывалось» особое электронное устройство. Оно могло быть активировано с любой контрольной станций, и это вызвало бы жгучую боль постепенно нарастающей интенсивности.

Это устройство было настроено на личный код осужденного. Каждый человек во владениях Великого Судьи имел собственную комбинацию, зарегистрированную в Центре Контроля. Там была особая комбинация и для Дэвида Марина. Там также была от-

дельная комбинация для Уэйда Траска. Лишь немногие знали эту тайну абсолютной власти Великого Судьи.

— Садись,— сказал Траск.

Это был высокий, сухощавый мужчина, обладающий какой-то особой красотой, присущей людям высокого интеллекта, и исполненный странной решимости. Его глаза за стеклами очков сияли голубизной. В движениях читались спокойствие и собранность.

— Я хочу тебе кое-что показать,— сказал он.

Марин сел на предложенный стул. Поведение Траска озадачило его, но он смирился. Сомнительно, чтобы Траск хотел показать ему нечто, действительно имеющее значение в данной ситуации. С подобным он неоднократно сталкивался и раньше. Осужденные верили, что у них есть что-то важное, способное изменить их судьбу. Траск, похоже, поддался той же иллюзии. Марин почувствовал разочарование. Ему следовало бы знать, что эта возможность уже исчерпана.

Траск начал переминаться с ноги на ногу.

— Дэвид,— проговорил он, и в его голосе зазвучало напряжение.— Я кое-что от тебя скрыл. Помнишь, я говорил тебе, что ввел нервные импульсы цыпленка в нервную систему собаки?

Марин ошарашенно кивнул. Этот вопрос, казалось, не имел никакого отношения к произошедшим событиям.

Траск настойчиво продолжал:

— По сути, это случилось давно — больше года назад. С тех пор я значительно преуспел в разработке этой идеи. Я уже провел несколько экспериментов на приппах. Сейчас я нахожусь на той стадии, когда точно знаю, что я в состоянии сделать.

В голосе Траска звучала уверенность и сила. Марин осознал это, и его охватило напряжение. Осужденные на смерть так себя не ведут.

Повисла пауза. Марин ждал; его желание выказать поддержку и сочувствие несколько охладело. Одно дело — поддержать убитого горем друга и гражданина. И совсем другое дело — чувствовать, что сейчас ему придется выслушивать изменнические высказывания.

— Уэйд, к чему ты ведешь? — резко спросил Марин.

Траск вздрогнул, словно его окатили ушатом холодной воды. На мгновение он застыл на месте. Затем он улыбнулся, неуверенно. Затем его улыбка стала шире.

— Дэвид,— медленно проговорил он,— Я нахожусь в таком положении, что могу противостоять исполнению смертного при-

говора и в одиночку. Но было бы гораздо проще, если бы я смог убедить тебя сотрудничать со мной.

Судьбоносные слова были произнесены. Охваченный изумлением, Марин осознал, что это с самого начала скрыто читалось в словах и действиях Траска.

На самом деле не имело никакого значения, действительно ли Траск нашел способ избежать смерти. Нет. Вот оно, совершенно четко определимое намерение — намерение совершить измену.

Ему внезапно стало грустно: он осознал довлеющее над человеком проклятие неисправимости. После трех атомных войн они все еще твердят одно и тоже. Марин хмуро уставился в пол. Вспоминая историю суда над Траском, он понял, что слеп был именно он.

Великий Судья выявил измену одним проблеском интуиции и вынес решение о смертном приговоре сжато, с окончательностью ясного суждения.

Марин чувствовал, как его охватывает холодная ярость. Он поднял глаза на Траска. Тот больше не был ему другом. И тут в голове Марина мелькнула еще одна мысль, хотя и до обидного поздно: опасность!

Траск был педантом. Он не стал бы рисковать, выдавая подобную информацию, если бы не был готов к тому, что может получить отказ, и не знал, что делать в этом случае.

Он обнаружил, что стоящий перед ним Траск держит одну руку в кармане. Карман слегка оттопыривался. Оружие?

Их глаза встретились. Ученый медленно проговорил:

— Помня нашу прошлую дружбу, я не мог не задать тебе этот вопрос, Дэвид. Надеюсь, ты это понимаешь.

Марин понимал, что теперь необходимо выиграть время, чтобы успеть достать собственный пистолет.

— Хорошо,— сказал он.— Как бы я мог с тобой сотрудничать?

Криво улыбнувшись, Траск покачал головой.

— Дэвид, я полагаю, что для тебя это было бы слишком серьезным решением. Прости, но тебя выдает выражение твоего лица. Я не могу поверить, что ты действительно обдумываешь мое предложение.

Его улыбка поблекла. Он вытащил руку из кармана и нацелил на Марина газовый пистолет.

— Отойди туда! — кратко приказал он, указав свободной рукой на ряд приборов в углу помещения.

Марин поднялся на ноги и без слова проследовал в угол. Он ждал с холодным любопытством, полностью смирившись — с чем?

Он еще не был ни в чем уверен. Похоже, смерть ему не грозила. Марин поднял глаза. И снова встретился взглядом с Траском.

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза.

В конце концов Траск отвел взгляд.

— Полагаю, что тебе хотелось бы подробнее узнать, что я запланировал,— проговорил он.

Марин со вздохом покачал головой. Люди всегда придумывают для своих злодеяний замысловатые оправдания. Теперь, когда он отказался от своих добрых намерений, у него пропала и заинтересованность.

— Избавь меня от этой ерунды! — сказал он.

Траск заколебался. Его щеки покраснели, то ли от гнева, то ли от нетерпения, Марин не мог понять. Но когда Траск наконец заговорил, он снова был спокоен.

— Вероятно, я слишком долго ждал перед тем, как начать действовать,— сказал он.— Я вижу, что тебе пришлось бы слишком многое осознать, чтобы я мог изложить тебе свои мотивы. Но весь этот политический эксперимент смог подчинить себе даже такого человека, как ты. Честно говоря, меня это поражает. Поэтому я просто скажу тебе, что идея группового свободного предпринимательства так же безнадежно бесполезна для человека, как и сами по себе идеи группы и политики невмешательства правительства в экономику. Она не может существовать без подпорок, которые правительство обеспечивает ей при помощи всевозможных уловок. Но в конце концов эта система все равно развалится, когда преемники Великого Судьи начнут грызться между собой.

— И ты все это изменишь? — спросил Марин.

В его голосе, должно быть, прозвучала враждебность, потому что лицо Траска покраснело еще больше.

— Ладно, друг мой,— с коротким смешком проговорил ученый.— Лучшие доказательства — это факты. Когда проснешься, отправляйся в мою квартиру и жди, пока от меня не будет новостей. Я не оставлю тебя в столь трудном положении.

Именно это замечание сохранило Марину рассудок, когда он проснулся.

Глава 3

Марин пробудился со странным ощущением. Так бывает, когда пытаешься и толком не можешь вспомнить, что же тебе приснилось.

Этот сон терзал его ощущением узнаваемости вещей. При этом он будто бы находился в различных странных местах, видел и

слышал вещи, которые не имели отношения к его собственной жизни. Теперь он выпутывался из тьмы своего сна без страха, тревоги и каких-либо мгновенно возникающих воспоминаний о том, что заставило его потерять сознание.

Он открыл глаза и увидел, что лежит на койке в углу комнаты, в которой он встретился с Траском. Траска не было видно, и Марин почувствовал немалое облегчение. Он снова закрыл глаза, потянулся, лениво зевнул и наконец подумал: «Как только я поменяю тела, я перенесу это оборудование в офис Марина. После этого мне потребуется примерно день, чтобы найти повод встретиться с Великим Судьей».

Эта мысль пришла к нему настолько естественно, что лишь спустя несколько секунд до него дошла вся странность ее содержания.

«Как только *я* поменяю — *что*?!»

От этих размышлений его почему-то стало клонить в сон. Марин с кислой миной тряхнул головой, удивляясь тому, как легко сон и бодрствование сменяли друг друга. Он снова попытался припомнить свой сон и поразился, насколько четко он все помнил. В памяти всплыли обрывки разговоров, которые не могли относиться ни к одному событию, в которых он когда-либо принимал участие. Правда, сами события выглядели достаточно обыденно. Мужчины активно обсуждают свои планы. Он идет по улицам среди других людей. Бескрайняя прерия. Малые и большие города, видимые с воздуха. Лужайка и улыбающаяся женщина, идущая к нему по траве.

Он никогда не видел этой женщины. Это были не его воспоминания. И все же он не мог избавиться от ощущения, что эти события где-то реально происходили. Думать об этом было трудно: Марин с трудом преодолевал сонливость, словно его накачали наркотиками. Похоже, именно из-за всех этих странностей он чувствовал себя несчастным и страдал от непонятного физического дискомфорта.

Внезапно в голове пронеслась четкая мысль: «А где Траск?» Почти сразу же его сознание соскользнуло в мир мысленных картин. Они напоминали те, что он видел во сне, но теперь ему пришло в голову, что эти картины отображали жизнь Уэйда Траска — увлеченного, испуганного мальчика, чьи страхи выкристаллизовались в скрытые идеалы, а те, в свою очередь, породили могучее стремление к власти.

Одна сцена запомнилась ему особенно четко. Он стоял на коленях или, скорее, только что встал на колени перед кроватью, на которой лежал умирающий мужчина. У Марина возникло

ощущение, что это какой-то эксперимент. Он говорил, обращаясь к больному:

— Все, что тебе нужно сделать, это задать вопрос. Ты увидишь: мы сделаем то, о чем ты говоришь.

Лежащий в кровати человек гневно сверкнул глазами:

— Ты негодяй! Ты обладаешь всеми нужными знаниями. Помоги мне!

Марин, кем бы он ни был во сне, заговорил снова:

— Не позволяй страху уничтожить твой здравый смысл. Скажи мне, почему ты болен; затем скажи мне, что делать.

Умирающий застонал.

— Но для этого и нужны врачи. Откуда мне знать, почему я болен?

— Скажи мне,— сказал Траск, ибо это был он,— или умри.

Сцена рассеялась, как клок тумана. Как все прочие, она казалась вырванной из контекста — всего лишь один из эпизодов, разрозненных и не связанных между собой. По ним было невозможно определить, когда именно Траску удалось наткнуться на то направление исследований, которое и привело его к великому открытию. Но конечный результат был вполне определенным. После первоначального периода утряски новоприбывшее сознание обретало полный контроль, и все прежние воспоминания тела подавлялись.

Невзирая на то, что мышление теперь пребывало в теле другого человека, оно полностью сохраняло свою индивидуальность, все свои воспоминания, чувства и намерения. Чтобы объяснить этот феномен, Траск разработал новую теорию жизни и сознания.

Марин собрался было рассмотреть эту теорию, которая уже смутно обрисовывалась перед ним, когда внезапно понял, что произошло с ним самим. Это была не полуоформившаяся мысль и не подозрение. Это был проблеск полного понимания.

В один момент на него обрушился калейдоскоп разрозненных страхов, сомнений и фактов, которые словно бы не имели к нему никакого отношения. Но через мгновение они легко сложились в единую картину.

Что там говорил Траск? *...Он перенес нервные импульсы цыпленка в нервную систему собаки?*

До этого невероятного момента осознания он не подозревал о масштабе открытия, совершенного Траском. Если для такой операции годится цыпленок, то почему не человеческое существо? Почему бы нервные импульсы Траска не перебросить в нервную систему Марина?

А Марина — в Траска.

«Я лежу здесь,— оцепенело подумал Руководитель Группы Дэвид Марин.— Причем это я со своими мыслями, воспоминаниями, но в теле Уэйда Траска. А он — где-то там, со своими мыслями, воспоминаниями и намерениями, и он выглядит как я. С точки зрения любого постороннего человека он — это я. И если у него хватит наглости, он может воспользоваться этим и войти куда угодно. Он даже может пройти и встретиться с Великим Судьей».

Ему вспомнилась самоуверенность Траска, и он решил, что наглости у того наверняка хватит. Внезапная мысль, поразившая его, заставила его открыть глаза. Затем автоматически встать на ноги.

Когда это действие было завершено, он вдруг осознал, что легко существует в теле Траска. Без каких-либо усилий, вполне естественно он использовал руки, ноги, мышцы и органы чувств другого человека.

Острое осознание этого факта заставило его взглянуть вниз, поднять руки, чтобы впервые посмотреть... на самого себя.

Следующее действие не было спровоцировано какой-либо внятной мыслью. Он побежал.

Выскочив наружу, он увидел, что на парковочной площадке Лабораторий его прыголета не было. Он задержался, но только на мгновение, и не останавливался, пока не достиг стоянки воздушных такси. Там, задыхаясь, он дожидался прыголета. Несколько минут спустя, все еще пытаясь справиться с одышкой, он дал водителю адрес квартиры Траска и устроился в кресле.

На него накатила апатия.

Он сидел неподвижно, и охватившее его чувство потери было таким огромным, что, казалось, не было никакого смысла что-то делать. Он был ничто. Он был облаком черной скорби в пространстве-времени. Человек, потерявший собственную идентичность. Мучительным, почти агонизирующим движением он потянулся и пощупал очки Траска — и это он, всегда обладавший орлиным зрением. Он вспомнил, как быстро он устал, когда бежал, и как много времени ему потребовалось на то, чтобы отдышаться. Железное тело Дэвида Марина, по сравнению с этим, было неутомимо, как машина.

Наконец он пошевелился и сквозь прозрачное стекло посмотрел вниз, на город.

«Куда мне идти?»

Ну как, конечно же, в квартиру Траска. Туда он и велел мне двигаться.

Он сидел некоторое время, снова оцепенев и пытаясь принять тот факт, что квартира Траска — вполне логичное место назначения для человека, который выглядит как Уэйд Траск.

— Мы приземлились, сэр,— послышался голос водителя из динамика рядом с ним.

— Приземлились? — Марин поднял глаза.

Он начал было вставать, приняв как должное тот факт, что поступит в точности так, как предложил Траск. Но потом нахмурился и снова сел.

— Я передумал,— сказал он.— Отвезите меня... — и он назвал парк в центре города.

Это было красивое место, куда он — будучи самим собой — часто ходил, чтобы обдумать проблемы военной стратегии.

Когда «Такси-Эйр» взлетела, Марин набрал воздух тощими легкими Уэйда Траска и глубоко вздохнул.

Перед ним стояла проблема, с которой не сталкивался еще никто в мире.

Придя в парк, он сел на скамейку. Утренняя прохлада еще ощущалась, хотя время шло к полудню. Он вновь и вновь испытывал некоторое замешательство, когда осознавал, что времени, по сути дела, прошло еще так мало.

Раз десять он начинал размышлять о своей проблеме и тут же шарахался от нее, пытаясь как можно скорее выбросить из головы этот кошмар. Потом он беспокойно и бесцельно стучал носком ботинка по покрытию дорожки. Беспокойно, с несчастным видом он брел по одной дорожке, затем по другой, потом возвращался на свою скамейку — только для того, чтобы снова вскочить, снова идти, снова садиться и снова вставать.

Глава 4

Было без нескольких минут десять вечера, когда Марин, измотанный и хмурый, открыл дверь квартиры Траска и вошел в просторную гостиную. До него наконец дошло, что единственным решением его проблемы было снова найти Траска.

Худенькая темноволосая молодая женщина вскочила с кушетки и подбежала к нему. Не успел он ничего предпринять, как она обхватила руками его шею и впилась поцелуем в губы.

Марин отстранился. Женщина оторвалась от него и обиженно надула губы.

— Я здесь для тебя,— сообщила она.— Как только твоя группа узнала, что тебя приговорили, они наняли меня и прислали сюда.

— А,— откликнулся Марин. На мгновение этот факт его серьезно заинтересовал. Наемная любовница для мужчины, который,

вероятно, уже не дождется милостей от женщины свободной. Это был известный метод контроля, и скорость, с которой действовали руководители группы, свидетельствовала о том, насколько этот метод целесообразен в работе с осужденным человеком.

Марин с интересом рассматривал женщину. Она была изящной, яркой и явно высоко себя ценила; ее манерам было присуще некоторое нахальство, добавляющее ей привлекательности. Марин высвободился из ее объятий и оглядел комнату. Она была обустроена весьма роскошно. Дубовые панели на стенах, высокий потолок, окно из пластика, которое, если не считать альковов в обоих концах, простиралось от стены к стене и от пола до потолка.

Невольно его взгляд скользнул к правой стене. Там стояли больше часы, встроенные в одну из панелей. Они пробудили воспоминания — не его собственные воспоминания, но телесно-мозговую память Траска. Эта память хранила сведения о том, что за часами был скрыт один из входов в домашнюю лабораторию — тайное помещение, в котором Траск провел немало экспериментов. Другой вход находился в его рабочем кабинете.

Случайно ему пришла в голову мысль, что сами часы представляют собой один из старых выходов Мозга.

Мозг исчез во время войны, оставив о себе только воспоминания вроде этих часов. Последние из подобных устройств по большей части были разрушены или вышли из употребления.

Марин отметил, что стрелки на часах указывали в точности то же время, что и его наручные часы — несколько секунд до десяти. Он собирался было отвернуться, когда аппарат издал призывный звон.

Наступила полная ожидания пауза, во время которой внутри часов раздавался слабый шум. Затем прозвучала музыкальная фраза. Одновременно с этим на экране циферблата заиграли цветные огни. Когда эхо звуков затихло, возникла новая пауза. Раздалась барабанная дробь. Когда она затихла, мужской баритон на хорошо известном «модельном английском», используемом для разговорных устройств, объявил, что «сейчас быть 10:00 вечера, августа 26-го, 2140 года от Рождества Христова». После очередной паузы тот же голос сообщил, что погода «имела быть» прохладной для августа и небо «имело быть» затянуто легкой облачностью.

Послышался звон тарелок, за которым последовал тот же колоколоподобный звон, которым началось все это сложное представление. Затем наступила тишина. Марин, полностью поглощенный созерцанием этого необычного действа, заметил, что женщина пристально смотрит на него. Она казалась слегка оза-

даченной, и Марин подумал, что настоящий Уэйд Траск едва ли обратил внимание на эти часы, поскольку совершенно к ним привык.

Не сходя с места, он сделал вид, что погружен в размышления. Затем он поднял глаза.

— Чем ты занимаешься? — спросил он.— Спишь с мертвецами?

Ему показалось, что она немного поморщилась, но ничего не ответила. Марин не испытывал особого желания ее подзуживать, но решил продолжить тему:

— Какие у тебя расценки?

Она снова была совершенно спокойна.

— От сотни до пяти сотен в неделю.

Марину впервые пришло в голову, что он не просто старается отвлечь ее внимание от своей заинтересованности часами. Он всерьез думал о том, чтобы ее нанять. Для него это стало бы важной жизненной вехой. Ему тут же вспомнилась Делинди Даррел, самая прекрасная из всех женщин, которые когда-либо рожали ему детей. Они жили вместе почти три года. Но теперь она уже полгода была любовницей Великого Судьи.

И все эти шесть месяцев он не интересовался женщинами. С неожиданной нежностью он сказал:

— Дорогуша, ты можешь остаться, если желаешь, но дело в том, что сейчас я немного не в себе,— он улыбнулся и добавил с сардоническим оттенком в голосе.— Я буду считать тебя пятисотдолларовой девицей.

Она рассмеялась, легко подскочила к нему, поцеловала, обняла — одно короткое прикосновение — и затем, откинув голову, прошла в спальню.

Марин сел в кресло лицом к двери, и впервые за этот день ему пришло в голову, что есть множество вещей, которые он должен сделать. Кто знает, может быть, Траск уже давно воспользовался своим сходством с Дэвидом Марином, чтобы добиться аудиенции у Великого Судьи. И, может быть, Траск уже заставил диктатора обменяться с ним сознанием.

«Я должен был что-то сделать!» — бледный и потрясенный, думал Марин.

Сильное ощущение тревоги нахлынуло и прошло. Похоже, он ничего не мог сделать — иначе он сделал бы это. Однако последствия шока явно проходили, и этот факт был ему на руку. Несомненно, ему довелось пережить самое большое потрясение, которое когда-либо испытывало человеческое существо.

«Завтра,— наконец подумал он, так как вскоре должно было пробить полночь,— я буду действовать».

Если уже не было слишком поздно.

Все еще переживая необычайное напряжение этого дня, Марин устало направился в спальню. Однако, едва распахнув дверь, он резко остановился. Потому что совершенно забыл про женщину.

Она лежала на одной из кроватей. Над одеялами светлело обнаженное плечо; она лениво повернулась, взглянула на него и сказала:

— На тот случай, если тебе захочется об этом спросить — меня зовут Рива Аллен.

Марин подошел и сел к ней на кровать. Упоминание ее имени вызвало у него некоторые размышления. Он полагал, что групповое проживание исключило существование уличных женщин. И все же одна такая находилась перед ним, и к тому же он не мог отказать ей в привлекательности. Более того, она была *прислана группой.* Это была неизвестная ему изнанка жизни под властью Великого Судьи, и он на какое-то время заинтересовался этим.

— Расскажи мне о себе, о своем детстве.

Это был косвенный способ узнать, как она стала тем, кем является,— и предназначенный для того, чтобы обойти ее защиту. Похоже, ему удалось это сделать.

— Я родилась,— начала она,— в общине, которая ухаживала за Мозгом. Поэтому я и заинтересовалась твоими часами,— добавила девушка.— Я таких не видела уже давным-давно.

— Мозг! — воскликнул Марин.

Она, казалось, не обратила внимания на странный тон его голоса, потому что тихо продолжила:

— Поэтому я так и не смогла получить номер. Они не регистрируют никого, кто когда-либо был связан с Мозгом — до того, как он исчез,— она прервалась.— Где ты достал эти часы?

Марин почти ее не слышал.

— Ты не зарегистрирована! — проговорил он. Эти слова не имели отношения к мыслям, которые поглощали его. «Контроль все еще уделяет Мозгу столько внимания»,— подумал он. То, что рассказывала девушка, оказалось совершенно ново и почему-то важно для него. Чтобы снять возникшую неловкость, он спросил:

— Как ты живешь, где питаешься?

— У меня есть временная карточка на питание, которая возобновляется каждые полгода.

— Но где ты живешь? — повторил он.

— Здесь,— ответила она. Марин терял терпение.

— Это только на этой неделе. У тебя должно быть постоянное...— он оборвал себя, а затем мягко продолжил: — Где ты держишь свою одежду?

— В камере хранения на воздушной станции. Это стоит мне двадцать пять центов в день. Наверху там есть душевые, и я там переодеваюсь.

Несмотря на свои собственные неотложные проблемы, он все же смог представить себе жизнь этой отвергнутой обществом девушки и был глубоко поражен. Она, казалось, была полна энергии и — несмотря на свой смертельно опасный стиль жизни — обладала значительной силой духа и неистребимым запасом хорошего настроения. Он продолжал осторожно ее расспрашивать. Что у нее за работа? Где она спит, когда у нее нет какого-нибудь Уэйда Траска, который обеспечил бы ей временное прибежище? Пользуется ли она почтой? Пыталась ли она когда-нибудь жить в районе города Припп? Не приходила ли ей в голову мысль переехать в сельскую местность?.. Список вопросов был длинным. Рива отвечала, иногда уклончиво, но колебалась она редко. Примерно за час он выяснил полную картину ее жизни.

Раннее детство она помнила смутно. Она рассказала, что жила с родителями, которые постоянно спешили, переезжали, перелетали в поисках как можно более отдаленных мест, где можно было бы скрыться. И везде за ними тянулся кровавый след регистраторов Великого Судьи. Они относились к тому меньшинству, которому неизменно отказывали в групповом статусе. То, что в прошлом они имели отношение к Мозгу, мешало им, это привело их на грань отчаяния и безнадежности. Конец наступил неожиданно. Однажды Контроль приземлился возле лачуги, в которой они жили. Отца, не верящего в происходящее и протестующего, тут же расстреляли. Никаких объяснений не последовало, дальнейшее вмешательство в их жизнь прекратилось — но кормильца не стало. Для матери и дочери наступили кошмарные времена.

Переход к жизни уличной женщины происходил в прямой пропорции от потребности в питании.

Рива уже выказывала явные признаки сонливости, и поэтому Марин задал свой ключевой вопрос, стараясь говорить как можно более безразличным тоном:

— Но куда же девался Мозг?

— Улетел на корабле.

— На чем?

— На космическом корабле — ну, знаешь, космос. Луна, Венера, Марс.

— Но это же просто миф,— возразил Марин.— Существуют какие-то упоминания о космическом полете перед второй атомной войной, но почти все соглашаются в том, что...— он замолк, осознав, что обращается к женщине, погруженной в глубокий сон.

Марин разделся и скользнул в другую кровать. Он лежал без сна и напряженно размышлял.

«Мозг должен быть все еще... жив».

Ничем другим невозможно было объяснить те огромные усилия, которые люди Судьи прилагали для истребления всех тех, кто когда-либо был с ним связан.

Ему вспомнилась одна мысль, которую он когда-то слышал: именно Мозг сделал Великого Судью бессмертным. Тогда он просто пожал плечами. Хотя это продолжалось уже многие годы, он всегда считал ссылки на бессмертие диктатора чересчур наивной формой пропаганды. Но где-то рядом таилась страшная реальность, иначе Рива Аллен не пребывала бы в таком бедственном положении. Ее история сама по себе мало что значила, но она придавала вес всему тому, что он когда-либо слышал о Мозге.

Его сознание странным образом поплыло.

«...Трудно предположить, какой момент будет подходящим для восстания против такого могущественного противника, как бессмертный диктатор. Группа в Джорджии может чрезмерно задержать свое выступление, а он не может ждать».

Марин сонно нахмурился. Это — его мысли?! Никогда в жизни ему в голову не могла придти мысль о восстании. И что там насчет джорджианской группы? Могло ли случиться так, что прямо сейчас, когда он находится на грани засыпания, планы Траска проскользнули в его сознание?

Но почему восстание? Что-то здесь не сходится. Человеку, который может переместить свое сознание из одного тела в другое, не нужны восстания. Кроме того, это невозможно.

Идея группы, объединенная со свободным предпринимательством и оплодотворенная великими идеалами, только еще начинала приживаться. Она шла по стране, как гигант, сметая на своем пути всякое сопротивление и одновременно пробуждая надежду. В такие моменты люди не очень-то прислушивались к голосам, которые предрекали отдаленные катастрофы или вещали о возможности еще большего творческого подъема.

Его мысль снова ушла в сторону. «Если они не начнут действовать,— думал он,— мне придется действовать самому».

Он почувствовал облегчение оттого, что никому не рассказывал о своем открытии. И поэтому он мог действовать сам по себе... и в более широких масштабах.

Марин спал беспокойно, и его сновидения были туманны по содержанию, но при этом логичны и осмысленны. Казалось, он весь был поглощен обдумыванием тайных планов... которые ему не принадлежали.

Глава 5

Марин проснулся от непонятного покалывания во всем теле. Это ощущение внезапно показалось ему таким странным, что он застыл, внутренне дрожа от беспокойства.

Постепенно он осознал, что вокруг стоит полная темнота, и его охватила древняя, первобытная боязнь ночи. Он напряженно прислушивался. Только какой-то необычный звук мог мгновенно привести его в состояние напряженного бодрствования. Чувство покалывания кожи усилилось, вместо того, чтобы пропасть; ощущение было не из приятных.

Как это ни поразительно, но вслед за этим он почуял смерть, настолько явственно, что страх будто провел ледышкой у него по позвоночнику. С отчаянием и ужасом он заставил свою шею разогнуться, затем поднял голову и вгляделся в темноту в направлении двери.

И от страха он потерял всякую способность соображать.

Странные люминесцирующие линии протянулись сквозь дверь спальни и были уже на полпути к его кровати. Пока он смотрел, не веря своим глазам и оцепенев от панического страха, передние концы линий хлестнули и переместились вперед, оказавшись в дюймах от кровати. Все полосы — а их было множество — морщились и поблескивали при движении.

Марин выскользнул из кровати. Он перекатился боком, каким-то инстинктивным движением, произведенным так быстро, что он оказался на полу до того, как успел понять, что он сделал это практически беззвучно, если не считать слабого шуршания одеяла.

У него хватило времени на то, чтобы быстро глянуть на вторую кровать. Оттуда доносился тихий звук дыхания. Рива явно не знала о том, что происходит.

Затем мысль о ней отошла на задний план его сознания, потому что в этот момент светящиеся линии появились в поле его зрения. Их словно кто-то подбросил, и они упали поперек кровати. Один конец, проносясь мимо, чуть не задел его лицо, но сорвался и теперь свисал с кровати, как веревка.

Заметив в этих перемещениях что-то явно неживое, Марин перестал отступать. Неловко встав на ноги, он отошел на не-

сколько шагов. И внезапно, в одном проблеске прозрения, он понял, что происходит.

Это действительно было какое-то механическое устройство. Странное, даже невероятное — но все же это была машина, а не форма жизни. Когда эффект неожиданности прошел, он понял, что единственная опасность для него заключалась в тайне этого устройства — и в том, кто им управлял.

Он протянул руку назад, к вешалке, где висело его пальто, и осторожно снял его. Из правого кармана он достал свой газовый пистолет. В темноте он опустил пальто на пол. Затем, сжав в руке оружие, двинулся вокруг кровати. Страха он уже не чувствовал, но все же предпочитал действовать осторожно.

Он дошел до двери, и тут его осторожность подверглась испытанию. Пройти или выглянуть? Перешагнуть через линии или... что?

Он выглянул. Осторожно заглянул за косяк.

Когда Марин увидел, откуда идет свечение, у него вырвался вздох облегчения.

Ну конечно же!

Свечение исходило из одного из «выходов» часов. Марин произвел быстрый расчет, затем прыгнул в дверь, пролетев над линиями. Приземлившись, он поспешно прошел к часам и стал искать электрическое соединение, которое он мог бы отключить.

Он нашел выключатель, на котором было написано «вкл», и переключил его на «выкл». Все линии, протянувшиеся до двери спальни, находившиеся в поле его зрения, мгновенно исчезли. Освещенный циферблат часов потемнел. Он снова перевел переключатель на «вкл». Циферблат осветился, но яркие серебристые нити так и не появились.

Марин прошел к двери в спальню. Заглянув туда, он убедился, что световые линии пропали и там. Можно было считать, что это фантастическое явление на время затихло.

Он тихо прикрыл дверь, безмолвно подождал некоторое время (достаточно, чтобы убедиться, что Рива не проснулась) и включил свет в большой комнате.

Его поразил один момент. Нападение (если это было нападение) было направлено на него... или, скорее, на Уэйда Траска.

Марин обдумал эту идею. Была еще одна вероятность: оно направлено не *на Траска*, а *Траском*.

Не упуская из виду эту мысль, он неторопливо оглядел комнату. В памяти всплыла догадка, которая возникла у него, когда он впервые вошел в квартиру,— о тайной лаборатории. Как ни странно, но тогда он точно знал, как в нее попасть. А теперь это

стало туманным воспоминанием. Он помнил только, что надо было что-то сделать с часами.

Пять минут спустя он открыл потайную дверь и оказался в длинном узком помещении. Оно было ярко освещено. Марин подумал, не включил ли он свет автоматически, когда открыл дверь. Он окинул взглядом всевозможные причиндалы, явно принадлежащие инженеру-электронщику: двигатели, металлические панели со шкалами, датчиками и тумблерами. Множество крупных приборов было подвешено к потолку, а одна стена напоминала коммутатор автоматической телефонной станции. В углу лежали несколько коробок, а у дальнего конца стола...

Подняв пистолет, Марин застыл на месте.

Постепенно он позволил пальцам, сжимавшим рукоятку, немного расслабиться. Осторожно пройдя вперед, он опустился на колени рядом с телом мужчины, лежавшим лицом вниз. Его лицо показалось ему знакомым. Марин заметил, что тот еще дышит, и, когда он с трудом перевернул его — мешала ограниченность пространства,— это чувство узнавания становилось все сильнее.

Это ощущение не покидало его, пока он смотрел на обращенное вверх лицо. Оно действительно было очень знакомым, но через несколько секунд он отчаялся его узнать. Он не имел понятия, кто это такой.

Марин встал и отправился на поиски веревки. В ящике стола он нашел тонкий электрический провод. Быстро и умело он связал мужчине руки в ноги таким образом, чтобы не нарушить кровообращение.

«К утру должен очнуться»,— подумал он. Тогда можно будет заняться выяснением всех обстоятельств.

Судя по состоянию незваного гостя, в него выстрелили из газового пистолета. Поскольку для определения типа газа требовалось сложное оборудование, лучше было не применять антидоты, а просто дождаться естественного пробуждения.

Вскоре Марин вышел из лаборатории, аккуратно пристроил часы на прежнее место и стал обдумывать, что следует делать теперь.

Спать, конечно.

Марин вернулся в спальню, на этот раз плотно закрыв дверь. Хотя он сомневался, что ночное происшествие может повториться.

Агент Траска явился сюда, и каким-то образом то, что он попытался сделать, ударило по нему самому. Тому факту, что Траск вообще таким странным манером прислал сюда своего агента, необходимо было найти объяснение... утром.

В темноте Марин забрался обратно в кровать. Теперь он чувствовал усталость и какую-то взвинченность в желудке. «Чего-то не хватает»,— напряженно думал он.

Что бы это могло быть?

С этой мыслью он проспал примерно час. Вместе с пробуждением пришло осознание.

Ну конечно же, он не пользовался очками Траска, когда выскакивал из кровати, и все же прекрасно видел.

Ему следовало бы знать, что так и произойдет. В вооруженных силах, где применялись самые замысловатые методы маскировки агентов, обнаружили, что путем различных манипуляций можно достичь изменения восприятия.

Его жизненная сила, его отношение к окружающему миру уже в течение нескольких часов контролировали тело Траска, Несмотря на свою депрессию, они, должно быть, уже полностью изменили всю «настройку» тела.

Он долго размышлял об этом, затем к нему вернулась тревога. Потому что его волновало не зрение. Это было что-то другое.

Но что?..

Он снова заснул. И снова проснулся. Он понял.

«Бог ты мой, ведь этот человек — это...»

Дэвид Марин?!

Глава 6

Звонил телефон.

Тяжелые и беспокойные мысли одна за другой слетали с Марина. В какой-то момент они, наконец, полностью исчезли, и он открыл глаза.

Уже давно рассвело, и это встревожило Марина. У него осталось впечатление, что всю ночь он провел, размышляя о множестве вещей, которые он должен сделать. В тайной лаборатории лежало... его собственное тело. В два часа дня он должен был лететь в Азию. У него было ощущение, что он не может себе позволить тратить время на работу в качестве Руководителя Группы. В этой связи он серьезно задумался над тем, каким образом этого лучше всего избежать. Кроме того, существовал Мозг — ему необходимо было исследовать эту проблему. Раз уж она оказалась предметом опасливого интереса со стороны Великого Судьи, эти сведения могли ему пригодиться. Делинди, война в Азии и изобретение Траска — все это сильно привлекало его внимание. И все же он, похоже, спал, а не размышлял. По крайней мере,

если мыслительный процесс и протекал, то на подсознательном уровне. Кисло улыбнувшись, он потянулся к телефону. Затем снова заколебался.

А вдруг это кто-нибудь, кого он не знает, но кто будет считать некоторые вещи сами собой разумеющимися?

Пока он собирался с силами, чтобы встретить ситуацию лицом к лицу, телефон снова зазвонил. Марин взял трубку. Мужской голос проговорил:

— Это Ральф Скаддер, мистер Траск.

Марин с трудом удержал удивленное восклицание. Он слышал об этом человеке, вернее приппе. Ральф Скаддер, предводитель Приппа — правильно было бы сказать «предводитель банды». Скаддер был известен как глава «Удовольствия Инкорпорейтед». Эта полуподпольная организация приппов контролировала азартные игры и проституцию, которой занимались женщины Приппа, а также была связана с множеством не слишком значительных преступлений. Среди офицеров Контроля ходили слухи, что эта организация пользуется протекцией самого Великого Судьи.

Марин сделал медленный, глубокий вдох.

— Да? — сказал он.

— Я хочу встретиться с вами по поводу того, о чем мы с вами беседовали. Сегодня, ровно в десять вечера.

Марин почувствовал, что внутри у него все сжалось.

— Где? — спросил он.

— Позвоните в «Удовольствия» перед тем, как прийти. Вас проводят.

— Я приду,— сказал Марин.

Он повесил трубку, не поинтересовавшись даже тем, не хотел ли Скаддер добавить еще что-нибудь.

У него словно гора с плеч свалилась. Ему впервые пришлось иметь дело с контактами Траска, и он прекрасно с этим справился. Если там, в лаборатории, лежит Траск, то он сможет узнать от него, о чем говорили эти двое — припп и ученый.

Дойдя до этого пункта, он бросил взгляд на соседнюю кровать. Она была аккуратно заправлена и пуста. Марин окинул ее трезвым взглядом и пожал плечами. У него не было ни права, ни желания контролировать передвижения Ривы Аллен. Но ее исчезновение выглядело довольно странно, и, кроме того, в подобной скрытности не было никакой необходимости. Вскоре этот факт начал его раздражать. В нем наконец проснулась эротическая жажда; чуть ли не атавистическое желание затрепетало в его клетках, нуждаясь в насыщении.

Пламя вспыхнуло и погасло. Он все глубже осознавал, как сильно он изменился начиная с предыдущего вечера. Тяжелое чувство утраты ослабло, словно приподнялся тяжелый груз — слегка. Он уже видел не одно, но несколько решений своей проблемы.

Предупредить Великого Судью, если необходимо. Как ни удивительно, это тоже было бы решением, простым и прямолинейным. Но прежде всего ему еще нужно разузнать кое-что. Например, следует подождать, пока человек, лежащий в лаборатории, не придет в сознание. В конце концов, это мог быть и не Траск.

Он лежал на спине, искренне восхищаясь такой возможностью. Какое фантастическое открытие сделал Траск! Одним исчерпывающим актом своего гения он нарушил равновесие сил. Вся мощь военных машин вооруженных сил, вся хитрость Эдмунда Слэйтера — все это было превзойдено чисто механическим способом изменения идентичности тел. Подобно какому-то демону античных времен, человек, управляющий таким устройством, мог как делать людей одержимыми, так и становиться ими самими — правда, только кем-то одним за раз.

И поскольку люди не так скоро осознают опасность, полный решимости Траск мог бы ударить по самым верхам правящей группы всепланетного правительства — если только не учитывать одну вещь.

Он лежал в своей тайной лаборатории — пленник, жертва какого-нибудь глупого происшествия,— может быть, уже бодрствуя и размышляя о масштабах катастрофы.

Марин почувствовал себя утомленным. Но сама мысль о разговоре с Траском оказалась достаточным мотивом для того, чтобы он прошел в лабораторию.

...Его тело лежало там, вялое, дышащее и бесчувственное.

Глава 7

Он возвратился в кровать и заснул. Его разбудил звук открывающихся дверей спальни. Вошла Рива Аллен. Она была при параде и тащила два чемодана, которые, если поразмыслить логически, мгновенно объяснили ее отсутствие. Голубоватый костюм делал ее очень деловой и привлекательной. Она сокрушенно тряхнула головой и заметила:

— Ой, я тебя разбудила.

— Все в порядке. Пора вставать,— ответил Марин.

Он взглянул на часы и вздохнул. Без двадцати девять. Ему действительно пора уже быть на ногах. Он перекатился к краю кровати, а Рива прошла мимо него и поставила свои сумки на пол. Без всякой на то необходимости она заметила:

— Я привезла свои вещи.

Марин мысленно представил себе, как она берет свои пожитки на воздушной станции, вздрогнул и пробормотал:

— Отлично. Чувствуй себя как дома.

Девушка смотрела на него с обиженной улыбкой. Затем произнесла:

— По сути дела в моем пребывании здесь очень мало смысла, если, как это было вчера вечером, ты не будешь извлекать из моего присутствия никакой пользы.

Ее явное раздражение снова привело Марина в хорошее расположение духа.

— Я был сильно не в настроении,— заявил он.— Больше этого не повторится.

Он встал и потрепал ее по щеке. Она схватила его руку и чувственным движением повернулась к нему всем телом. Он кратко сжал ее в объятиях, затем пробормотал что-то насчет того, что ему пора уходить. Но поскольку она все еще цеплялась за него, он сказал:

— Вечером! — и высвободился.

В ванной он составил планы на день.

«Я замаскируюсь под Марина»,— подумал он. Его мгновенно поразила та небрежность, с которой он подумал об этом. Не то чтобы это было трудно. Вооруженные силы подняли науку маскировки до таких высот, что любых двух индивидов, не слишком различающихся физически, можно было замаскировать друг под друга.

Марин улыбнулся зеркалу худощавым лицом Траска. Несомненно, он — единственный человек, которому будет нетрудно идеально сыграть роль Дэвида Марина, Руководителя Группы. Но это будет только началом.

Ему нужно было переделать множество дел, и он еще не был уверен, как за них взяться. Первой его задачей было, разумеется, выполнить свои непосредственные обязанности во время военной операции. Из первой своей поездки в Джорджию он может вернуться уже сегодня вечером. Но через два дня начнутся боевые действия, и вырваться будет гораздо сложнее.

Тем не менее, если все сработает как надо, ему, может быть, удастся избежать необходимости объяснять невероятную вещь, которая с ним произошла. Его задача: каким-то образом переме-

стить Траска и себя самого обратно, на свои места. Затем, по-настоящему став самим собой, он уже будет полностью контролировать ситуацию, сможет реалистично обсуждать изобретение и разбираться со всеми проблемами. И он сможет оправдать любое действие, которое совершит сейчас.

Полностью одевшись, Марин поднялся на крышу. Он ощутил глубокое облегчение и удовлетворение, увидев, что его собственный прыголет припаркован на площадке для посетителей. Его присутствие подтверждало, что внизу, в лаборатории, находился именно Траск. Через несколько минут, с тем оборудованием, что имеется на борту, он займется непосредственным выполнением своих задач.

Он поспешил к машине, быстро поднялся в коридор для частных летательных аппаратов — и перевел управление на автопилот.

Глава 8

Оборудование для маскировки, находящееся на борту прыголета, представляло собой стандартный набор, использующийся в вооруженных силах. Но и в этом случае на маскировку требовалось некоторое время. Первая часть задачи состояла во «впечатывании» серии электронных схем в мышцы лица, головы и шеи, непосредственно под кожу. Это делалось при помощи высокоскоростного газового устройства, которое выпускало особый газ сквозь имеющее форму схемы сопло с такой скоростью, что кожа при этом не разрушалась.

Марин подождал, пока газ примет форму гибкой, но прочной схемы. Потом он включил питание на контрольной панели устройства и начал манипулировать рычажками на шкалах — по одной на каждую электрическую цепь. Каждый раз, когда он поворачивал регулятор, серия мышц напрягалась или расслаблялась. Мышцы, на которые производилось воздействие, были ключевыми, отвечающими за форму лица.

После событий предыдущего вечера Марин был не склонен доверять своей памяти в чем-либо, что касалось его собственной внешности. Поэтому в качестве модели он использовал свою фотографию на запечатанной прозрачной идентификационной пластинке, прикрепленной к панели управления прыголета. По мере того как он менял показатели на шкалах, менялись сначала выражение, а затем и черты лица Траска.

Вскоре он насколько возможно приблизил свою нынешнюю внешность к внешности Дэвида Марина. Он удовлетворенно зак-

рыл главный переключатель и установил аппарат на «стабилизацию».

Следующая стадия состояла в оттачивании деталей. Он «впечатал» схемы в ключевые голосовые мышцы и подстроил их напряжение таким образом, что звучание голоса Уэйда Траска перестало отличаться от записанного на автоответчик прыголета голоса Дэвида Марина.

Один за другим он примерил несколько собственных костюмов, хранившихся в гардеробе прыголета. Два из них — один темный и один светлый — подошли сравнительно неплохо; остальные оказались слишком широкими в груди и плечах.

Марин выбрал более светлый; и сделал он так, исходя из своего длительного опыта. Он прекрасно знал, что любое яркое цветное пятно отвлекает внимание от самого индивида, даже если могло показаться, что оно добавляет блеска его личности.

Несколько минут спустя он приземлился на крыше здания совета Руководителей Групп — приготовившись изображать... самого себя.

Глава 9

Шефа Контроля он нашел в большом офисе, начисто лишенном каких бы то ни было украшений, если не считать большого стального письменного стола и нескольких стульев. Бетонные стены и пол, никакого оборудования — Марину это казалось и смешным, и грустным, поскольку он знал, насколько широко этот тощий, беспокойный и решительный человек использует всякого рода приспособления в своей смертоносной работе. Само отсутствие всякого электронного оборудования извращенным образом отражало необычайное уважение хозяина кабинета к тем направлениям деятельности, в которых это оборудование может быть использовано. С первого взгляда на его офис становилось очевидным, что Эдмунд Слэйтер, глава шпионского ведомства безжалостного диктатора, не потерпит того, чтобы в его внутреннем святилище велась слежка за ним самим.

Когда Марин вошел, Слэйтер ходил из угла в угол. Он задержался у дальней стены, повернулся кругом и улыбнулся, одновременно хмурясь.

— Дэвид, то, что вы сделали вчера на собрании совета, было неразумно с вашей стороны. Мы имеем дело с джентльменом, который играет по правилам жестоким, но тем не менее невероятно резонным. Даже я не являюсь незаменимым.

— Полагаю, что мы говорим о деле Траска,— ответил Марин.— До меня не дошло, что я иду прямо в медвежий капкан.

Слэйтер покачал головой. Его взгляд на мгновение стал немигающим, а глаза приобрели зеленоватый оттенок.

— Суть здесь не только в том, что вы не знали об опасности,— сказал он.— Дело обстоит гораздо серьезнее. Вы защищали его эмоционально. У вас был такой голос, которого я никогда не ожидал здесь услышать. Просто оттенок печали, Дэвид; я, должен признаться, и сейчас этого не понимаю.

Он помолчал, все еще не двигаясь с места; он будто бы ждал от Марина какого-либо намека, который помог бы ему понять. Марин изучающе смотрел на него и чувствовал, что сам начинает хмуриться. На него оказывали давление, а он, разумеется, не мог дать правдивые ответы; следовательно, каждый момент, потраченный на разговор на эту тему, будет потрачен впустую.

— Эд,— тихо проговорил Марин,— мне бы хотелось, чтобы вы перестали драматизировать свои собственные страхи. Вам должно быть известно, что я никаким образом не могу принимать во внимание ту вероятность, что меня заподозрят в том, что я в своих действиях руководствуюсь какими-либо задними мыслями. Если тот страх, который вы пытаетесь мне привить, должен каким-то образом меня задеть, то вам лучше сразу было бы начать следствие. Что у вас на уме на самом деле? Мне тоже кое-что надо с вами обсудить.

От взгляда Марина не смогли укрыться колебания этого тощего зловещего человечка. Затем Слэйтер рассмеялся, не без приятности, и сказал:

— Как вы знаете, наш отдел время от времени обращается к вашим сотрудникам с просьбой помочь нам в качестве инструкторов — ради укрепления связей.

— Все организовано удовлетворительно, надеюсь? — спросил Марин.

Он ждал. У Слэйтера явно была какая-то особая причина затеять этот разговор, потому что подобные дела давно уже решались на уровнях ниже ранга Руководителей Групп.

— Мне хотелось бы, чтобы сегодня днем вы взяли с собой одного молодого парня,— ответил Слэйтер с легкой улыбкой.— Это его первое знакомство с войной, и, как вы убедитесь, он нуждается в обучении.

Марин покачал головой.

— Сегодня я не могу отвлекаться на инструктаж. У меня очень плотный график.

Слэйтер снова улыбнулся.

— Мы с Великим Судьей,— заметил он,— особенно заинтересованы в этом парне. Когда вы его увидите, присмотритесь к нему и спросите себя, не напоминает ли он вам кого-либо из знакомых вам личностей.

Марин вздохнул и мысленно подсчитал, когда проходили первые игры по выбору партнера. Это было сразу после войны — прошло уже двадцать лет! Это мог быть один из детей Великого Судьи, появившийся в результате игр тех ранних лет. Вождь участвовал в нескольких первых играх, пока количество женщин, предложивших ему свои жетоны, не стало таким огромным, что его отказ от участия в играх стал делом общественной значимости.

Марину ничего больше не оставалось, как согласиться.

— Пусть ждет в два часа у места старта ракет,— сказал он.

Слэйтер одобрительно кивнул.

— Итак, что же у вас на уме, Марин?

Возникла долгая пауза.

Марин встал и прошел к окну. Говорить об этом будет труднее, чем он предполагал. То, чем интересовался Слэйтер, было жизненно важно, и он не мог допустить ошибки в изложении. Их встреча и так уже оказалась более опасным мероприятием, чем он ожидал.

Пока он стоял у окна, его взгляд сам собой остановился на конструкции, напоминающей пентхауз, и расположенной на здании Руководителей Групп. Именно туда через шесть дней Траск должен будет прибыть на казнь. Главная секция этой постройки представляла собой некрасивый низкий квадрат. Зарешеченные окна создавали безрадостную, давящую атмосферу и наводили на мысли о тюрьме. По бокам на несколько сотен футов вверх поднимались две колонны из металла и бетона. Там находились муфельные камеры конвертеров, где шаг за шагом радиоактивность вторичных материалов подвергалась вторичной переработке или подавлялась. Если эти меры ничего не давали, подвергшиеся сложной обработке компоненты автоматически паковались в безопасные контейнеры и увозились в отдаленные места захоронений.

Со этого места в поле зрения Марина не попадали ни энергетическая станция, ни силовая передающая антенна. Станция была продолжением «пентхауза», а антенна располагалась на приподнятой секции, которой он не мог видеть из окна. Но он знал, что где-то в подземных казематах под этим сооружением располагается реле, которое, если его активировать, вызовет жгучую

боль в плече тела Траска, и эта боль неумолимо приведет его к погибели.

Марин почувствовал, как все его тело напряглось. Он подумал о тех, кто считал себя в силах проникнуть в эту крепость и стереть записи о своей судьбе. Он ни разу не слышал о том, что кому-то это удалось. Он ощутил осознание этого факта как толчок. Отвернувшись от окна, он сказал:

— Эд, мне бы хотелось получить информацию о предмете, который является запретным даже на Совете Руководителей Групп.

Слэйтер, стоявший к нему вполоборота, повернулся всем телом и посмотрел на него сузившимися глазами.

— И что же это за предмет?

— Мозг..

Наступила долгая пауза, и Марину показалось, что цвет лица коротышки значительно изменился. Весь он словно слегка усох.

— Дэвид,— наконец сказал он,— если я проинформирую Великого Судью о том, что вы упомянули это название, он будет немало огорчен.

Марин ждал, не доверяя своему языку.

Эдмунд Слэйтер продолжал тихим голосом.

— Я руковожу бесконечным поиском Мозга. Мои люди — это агенты, которые знают, что им грозит смерть, если они хотя бы заикнутся кому-то, что такой поиск ведется. Я предложил бы вам забыть, что этот разговор когда-то имел место.

Марин не пропустил мимо ушей ни одного слова предупреждения. Но он не стал колебаться. Он сказал:

— Я хочу довести до вас следующую мысль. Если Мозг все еще существует, то вам *известно*, где он находится.

Острый ум невысокого, жилистого человека, стоящего перед ним, похоже, мгновенно вникал во все нюансы значений его слов.

— Настолько много данных,— он говорил, будто бы размышляя вслух.— Десятки тысяч направлений поиска — столько разрозненных кусков, которые нужно объединить вместе; может быть, для этого требуется свежее, острое мышление, которое воссоздало бы всю картину,— его направленный в бесконечность взгляд сфокусировался на Марине. Он казался очень напряженным и как бы сдерживал внутреннее возбуждение.— Дэвид,— голос его был таким же сдержанным, как и все его манеры,— мне кажется, что вы выразили самую грандиозную мысль, которая только возникала за последние десять лет этого поиска. Мне бы хотелось еще раз с вами это обсудить перед тем, как я решу, следует ли мне продолжать самому или же предоставить это дело на рассмотрение Великого Судьи.

Марина уже поджимало время. Он спросил:

— Где Мозг видели в последний раз?

— Наши сведения противоречивы,— ответил Слэйтер.— Последняя из известных версий состоит в том, что это было двадцать четыре года назад. Бродяга, теперь уже умерший, показал под присягой, что однажды ранним утром, он видел гигантский корабль, зависший над горой, в которой содержался Мозг. Он видел, как наверх открылись огромные замаскированные стальные двери и корабль опустился в огромную шахту, которая была сконструирована таким образом, чтобы в случае опасности Мозг можно было вывезти. Что гораздо важнее, конструкция явно предусматривала защиту Мозга от атак с воздуха. Стальные выступы, отверстия, посверленные в стальных стенах здания, зацепляющиеся устройства, при помощи которых всю структуру можно было бы привинтить, приварить и подсоединить при помощи «мужских» или «женских» разъемов к кораблю изнутри и таким образом транспортировать его в цельном виде — все было явно спланировано с математической точностью. Не стоит и говорить, что мы попытались отследить каждого человека, имеющего отношение к этому полету.

Марин вспомнил утверждение Ривы Аллен о том, что Мозг перевезли на другую планету, и понял, что ему предлагают самый откровенный отчет о событиях, который только имеется в наличии.

— И что же вы обнаружили? — спросил он.

— Гипноз, мысленный контроль на расстоянии, странное использование электронных схем, вживленных непосредственно в мозг человеческих существ — мы просто не могли рисковать с большинством этих людей, которые были связаны с Мозгом хотя бы косвенным образом. Я мог бы сказать вам, сколько людей было убито, но вам не понравятся эти цифры. В конечном итоге они производят неприятное впечатление. Но даже и в этом случае мы жалели некоторых из них и просто продолжаем наблюдать за ними или каким-то другим образом контролируем их или их потомков.

Марин подумал о Риве. Теперь картина стала ему ясна. Ее история и этот отчет вполне соответствовали друг другу. Единственное, чего она никогда не узнает,— это каким образом они с матерью чудом избежали смерти. По сути дела, их было бы проще уничтожить. Да, для двоих таких людей, как Великий Судья и Слэйтер, число убитых должно было стать немалым, чтобы они в конце концов отказались от своей роли палачей и смягчились.

— Вам известно,— медленно проговорил Марин,— кто был самым главным действующим лицом, руководившим спасением Мозга?

— Да.

— Кто же?

— Сам Мозг,— ответил Эдмунд Слэйтер.

Пустое помещение казалось вполне подходящим фоном для этих слов. Бетонные стены и пол обеспечивали защитный барьер против любых подслушивающих устройств. Казалось, что здесь, в этой унылой камере,— и только здесь — человек может считать себя защищенным от уловок электронного мозга. Немного пофантазировав, можно было даже представить, как человечество принимает в таком помещении свой последний бой против вторжения орд, контролируемых думающей машиной.

Марину было трудно принять концепцию существования подобной супермашины. Он знал, что эксперты исследовали выходы Мозга; не могло быть никаких сомнений, что они представляли собой воплощение таких аспектов электронной науки, которые были утеряны и не открыты снова. Однако в словах Слэйтера подразумевалось еще нечто колоссальное, выходящее за пределы человеческого понимания и — эту мысль понять было еще труднее — заинтересованное *в человеке*.

Он встал спиной к окну, хмурясь, и спросил:

— Чего надеется достичь Мозг?

— Мировой диктатуры. Полного контроля над человеческой расой.

Марин чуть было не рассмеялся, но затем заметил, что Слэйтер совершенно серьезен. Быстро подавив смех, он сказал:

— Не знаю точно, почему это показалось мне забавным. Но я не вполне понимаю, как машина может беспокоиться или заботиться о человеческих существах.

Слэйтер покачал головой.

— Мы имеем здесь не «эго», а расчет, не монстра, помешавшегося на захвате власти, но тонкий инструмент. Он решает задачу, которую перед ним поставили. Мы не хотели бы уничтожать Мозг, если этого можно избежать; мы только хотим захватить над ним контроль и переформулировать ту же задачу в условиях менее радикальных мер. Да, мы хотим избавиться от войн, и мы хотим, чтобы мирное мировое сообщество функционировало на позициях здравого смысла — но не за счет потери человеческого самоопределения. Мозг получил инструкции сделать все необходимое для того, чтобы достичь оптимального решения проблемы войн. Очевидно, он слишком конкретно понимает значение слова «оптимальный».

Марин вдруг вспомнил свое удивление по поводу пропаганды, утверждающей, что Великий Судья бессмертен. Но сейчас обсуж-

дать это было не время. Он понял, что не найдет здесь ответов на все вопросы — по крайней мере, *пока* не найдет, а если и найдет, то не сегодня. Поэтому он взглянул на часы, увидел, что ему пора уходить.

— Я еще зайду к вам, Эд! Но вы рассказали мне странную историю, и я не могу поверить в нее целиком. Получается, что сам Мозг никогда ничего не планировал — только по запросу. Он мог бы разобрать ситуацию и представить данные, чтобы люди их рассмотрели и стали действовать. Но любое действие, которое предпринял бы *он сам,* выполнялось бы посредством сервомеханизмов, какими бы точными и восприимчивыми они ни были.

— Эта машина — самое выдающееся устройство, которое когда-либо было создано человеком,— заметил Слэйтер.— Оно может воспринимать обобщенные инструкции, затем посылать самому себе нужные детализированные приказы и выполнять их при помощи сервомеханизмов, которые также само устанавливает. Конечно, для этого предварительно должна быть сконструирована широкая база. Но могу вас заверить, что научные и инженерные гении всего мира за сотню лет помогли Мозгу создать такую базу.

Марин направился к двери. Затем обернулся. И отрывисто спросил:

— Какие-либо соображения по поводу Мозга указывают на Джорджию?

Слэйтер медленно покачал головой. Он, казалось, был озадачен.

— К чему вы ведете?

— Мы накануне битвы,— сказал Марин.— И у меня почему-то возникает ощущение, что здесь действуют и другие силы — кроме тех, что находятся на поверхности.

— На всех прениях вы присутствовали здесь вместе с нами,— ответил Слэйтер.

Марин теперь не был уверен в этом так, как был бы уверен несколько дней назад. Он задумчиво сдвинул брови.

— Внешне сцена выглядит так же, как и в других случаях — я должен это признать. О лучшем положении вещей и мечтать не приходится — правящая монархия с архиконсервативными взглядами. То, что такая группа смогла захватить власть в государстве, которое две сотни лет было коммунистическим, это, несомненно, один из самых диковинных результатов войны.

Он раздраженно покачал головой и закончил:

— Ну так что же, мы их свалим. До свиданья,— он вышел, закрыв за собой дверь.

Приближалось время ленча. Пора было узнать, что задумал диктатор.

Глава 10

Из своего прыголета Марин смотрел на панораму столицы, разворачивающуюся внизу. Но своим мысленным взором он видел город не таким, как сейчас, а таким, каким его показывали в старых фильмах, во время великих войн, дымящимся, больным, бьющимся в смертельных судорогах.

Дважды этот город-феникс вставал из пепла. В первый раз — приняв форму, традиционную для города того времени, со строениями, оформленными согласно пожеланиям владельцев, и улицами, похожими на длинные руки, простирающиеся вдаль или пересекающиеся в фантастической повторяемости. Во второй раз возрождение города проходило под жесткой направляющей рукой Великого Судьи. Город, на который смотрел сейчас Марин, представлял собой систему квадратов. В каждом из них была парковая зона, но всегда, независимо от размера, по периметру каждого квадрата возвышался ряд высоких строений — настоящий костяк города. Аргумент в пользу этого состоял в том, что площадь поражения в случае взрыва атомной бомбы будет ограничена несколькими такими квадратами, поскольку ударная сила будет задержана или рассеяна прочными и высокими периметрами близлежащих квадратов.

На взгляд Марина, город выглядел почти по-средневековому. Это впечатление нарушали тучи прыголетов, воздушных такси и других летательных аппаратов, больших и маленьких. Однако тренировки обострили его способность отключаться от постороннего материала и — видеть суть; поэтому он видел городскую планировку, радующую его старомодной красотой симметрии. Квадраты представляли собой подчеркнуто жесткие структуры, но их размеры сильно разнились. Это обеспечивало разнообразие и элемент случайности, необходимый для возникновения того безвременного, что присуще истинному искусству. Многочисленные парки, вечнозеленые, опрятные, придавали городу изящный и элегантный вид. Город Великого Судьи выглядел процветающим и долговечным.

Впереди по курсу картина менялась, темнела, становясь чужеродной. Машина неслась вперед над огромной серой массой низких строений пригородов, которые курились и дымились, временами теряясь из виду под собственными зловредными испарениями.

Город Припп!

По сути дела, это слово должно было произноситься как «Приппс», что означало: «Постоянный Район Изоляции Пациентов Пострадавших от Синдрома». Это было просто сокращение по первым буквам слов, представлявшее собой эмоциональный кошмар, когда у вас отбирали все документы и взамен вручали карточку, извещавшую официальных лиц, что вы находитесь под опекой организации Приппс. Кризис прошел уже давно, более четверти века назад, но все равно в нижней части каждой карточки мелким шрифтом была набрана одна строка. Строка, все еще значившая очень много с точки зрения идентификации: «В случае нахождения вне ограниченного района владелец данной карты подлежит смертной казни».

Поначалу это казалось необходимым. Там свирепствовала болезнь, заразная и смертельная, которую — чересчур поспешно, вероятно,— напрямую связывали с радиацией. Психологические последствия смертельного ужаса тысяч людей, похоже, не были приняты во внимание. Болезнь пронеслась по апатичному миру и вызвала безжалостную реакцию — постоянная изоляция, смерть нарушителям, а также то, что казалось свидетельством правомерности принятых мер: люди, пережившие болезнь... изменились.

Когда прыголет приземлился на площади, Марин увидел обычную для Города Припп сцену: мужчина с головой тигра — кошачьи глаза, кошачьи уши, и даже покрытое пухом лицо — шел с женщиной, отличающейся явным сходством с рыбой. Это определенно были человеческие существа, но отвратительная рука радиации коснулась генетической цепочки и пометила их своей печатью. Из эволюционной истории человека пришли частичные кальки прошлых жизнеформ.

Их вид вызвал в нем интерес к заключавшейся в них тайне, которого сам Марин никогда раньше не ощущал. Однако это ощущенье показалось ему знакомым, и это в первый раз за долгое время напомнило ему о том, что Траск бы, несомненно, всем этим заинтересовался. Уэйд Траск, физик, инженер-электронщик, полномочия на Приппе.

Марин припарковал свою машину и прошел к особой остановке «Такси-Эйр». На ней была табличка: «По заказу». Но немногим было известно, что это была частная прямая линия к Коттеджу Великого Судьи. Это была единственная воздушная служба, которой позволялось приземляться на территории Коттеджа.

Особый дежурный агент был одет в форму водителя «Такси-Эйр», и они с Марином хорошо знали друг друга. Тем не менее,

Марину пришлось назвать пароль дня и причину своего визита. Офицер с серьезным видом вызвал Воздушный Контроль Коттеджа и проверил эту информацию.

Только тогда — но не ранее того — они взлетели.

Глава 11

Воздушное такси ввинтилось в туманный, задымленный мир промышленных предприятий и трущоб, который представлял собой Город Припп.

Внезапно над ними завис сверкающий белый корабль Контроля; каждая его линия свидетельствовала о том, насколько большую скорость он может развить. Затрещало переговорное устройство:

— Идентифицируйте себя.

Когда процедура была выполнена, такси последовало дальше. И хотя другие суда Контроля появлялись то над ними, то ниже, им, должно быть, сообщили о посетителях, потому что никто не стал задавать вопросы по поводу их права находиться в запретной зоне.

Вскоре Марин увидел впереди зеленую, похожую на парк зону. То там, то здесь среди деревьев виднелись небольшие строения, в дальнем конце парка находилось расчищенное пространство. Изображенная на нем стрела указывала на знак, на котором большими буквами было написано: «МЕСТО ПРИЗЕМЛЕНИЯ». Водитель опустил машину на бетонную полосу и остановил ее под линией деревьев. Марин молча ступил на землю. Трудно было поверить, что он находился чуть ли не в самом сердце Города Припп. Мягкий бриз касался его щек и едва слышно шуршал среди листьев. Пасторальное умиротворение этого похожего на парк поместья подчеркивало широко известную простоту образа жизни, который избрал для себя Великий Судья. Может быть, эта простота и была притворством, но Марин всегда испытывал от этого наслаждение — даже сегодня, когда у него было столько планов.

Подходя к калитке в хитроумно скрытом заборе, он заметил, что охранники в форме были, как обычно, приппами. Это напомнило ему, насколько широко диктатор использовал этих парий — и в открытую, и тайно. Вероятно, Великий Судья, который и сам по себе отстоял как бы отдельно от других, считал, что может достичь своих целей, если будет использовать все окружающие его силы. Марин особо не задумывался над этим, но отго-

лоски прошлых мыслей коснулись края его сознания, и он автоматически смирился с присутствием этих... существ. Поговаривали, что Слэйтер пытался ввести сюда своих собственных людей из Контроля, когда его еще только назначили на должность, лет десять назад, но его аргументы, очевидно, мало повлияли на Великого Судью.

Странный вождь — выбрал себе приппов для охраны, приппов в качестве слуг! Похоже, расхожие слухи о склонности приппов к насилию и предательству действительно не имели под собой оснований. Но скорее дело было в том, что служба здесь, безусловно, обеспечивала каждому индивиду-приппу основу для самоуважения.

Офицер-припп при калитке представлял собой довольно красивого индивидуума, хотя его глаза несколько напоминали рыбьи.

— Сэр, мисс Делинди Даррел находится в частном бассейне,— сказал он.— Она просила вас зайти к ней на минуту, до того как вы присоединитесь к тем, кто собрался на ленч.

Не доверяя своему голосу, Марин просто кивнул. Он прошел в частные владения; неспокойная мысль не оставляла его: «Что-то происходит».

Это будет их первая встреча с тех пор, как...

Он вздрогнул. И отбросил эту мысль.

«Смогу ли я убедить ее встретиться со мной где-нибудь еще раз?»

Делинди вышла из бассейна и сидела в одиночестве на солнце, вода текла с нее ручьями. Зрелище было восхитительным. В ее улыбке были и пыл, и явная радость от встречи. Она протянула руки, и он взял их в свои; она оглядела его своими подвижными глазами, затем произнесла с оттенком беспокойства в голосе:

— Я хочу, чтобы ты послезавтра взял меня с собой в Азию. Ты подумаешь над этим?

Ее физическая реакция на собственную просьбу оказалась поразительной. Маска упала. Она дрожала. Он видел, как пульс лихорадочно бьется у нее на горле, как быстро поднимается и опускается грудь, как дрожат ее руки. Она шепнула:

— Пожалуйста, подумай над этим. А сейчас, если меня спросят, зачем ты пришел, что мне сказать?

— Дети,— спросил Марин,— как...— его голос дрогнул,— ... наши дети?

— Просто великолепно,— сказала она и слабо улыбнулась. Пульс на ее горле перестал быть заметным. Дыхание выровнялось. К щекам прихлынула кровь. Она импульсивно улыбнулась, уже теплее.

— Я рада, что ты спросил, дорогой,— она отпустила его руки.— Тебе лучше уйти.

— Я бы очень хотел, чтобы ты отправилась со мной,— сказал Марин.

Он пошел прочь; ее дрожь словно передалась ему. Итак, она хочет накануне войны отправиться с ним к джорджианской границе. Подозревала ли она, что на Джорджию готовится нападение?

Он вошел в комнату для ленча, и его вниманием целиком завладели Великий Судья и причина, по которой он сюда был приглашен.

Ленч проводился в небольшом строении, построенном — согласно легенде, выгравированной на камне, который поддерживал крышу веранды — из высококачественного гранита, собранного по всему миру. Ни с одного карьера не брали больше полдюжины кусочков. Это здание было даром Великому Судье от благодарного народа одной страны в старой Европе, которая была завоевана лет восемь назад. Вся парковая зона состояла из таких небольших строений, и каждое из них было подарком, каждое было произведением искусства — изысканные интерьеры, дорогие и красивые материалы, изящная архитектура. В такой атмосфере, полностью лишенной блеска, свойственного большим зданиям, и жил Великий Судья со своими женщинами, слугами-приппами и с теми, кого он в настоящий момент относил к числу ближайших друзей.

Войдя в помещение с высоким потолком, Марин увидел в углу комнаты — на расстоянии от возвышения для оркестра — стол, накрытый на восемь персон. Возле кухни несколькими группами стояло более дюжины официантов-приппов. В алькове, потягивая напитки, ждали остальные гости.

Он узнал их всех: один драматург, известный музыкант-интерпретатор, карточный игрок и еще трое мужчин, которым было несколько труднее подобрать краткое определение. Это были люди компанейские, с острыми языками, наделенные даром рассказчика и пониманием великих проблем, но не озабоченные их решением. Кампания в Джорджии для Марина была делом престижа. Для этих людей, если бы они о ней знали, она была бы темой застольной беседы.

Последовал обмен приветствиями. Марин принял бокал с напитком из рук драматурга, парировал пару замечаний насчет своей личной жизни и стал изучать людей, которых Великий Судья пригласил в данном конкретном случае для участия в данном конкретном мероприятии.

Что его заинтересовало в этом ленче, так это то, что, строго говоря, в его присутствии не было особой необходимости. Подробности военной акции в Джорджии обсуждать было нельзя. Кроме того, если не считать возможности, что вторжение будет отменено, в такой поздний час вождь не мог уже сказать ничего такого, что могло бы повлиять на развитие событий или помешать выполнению планов.

У внешней двери возникло какое-то движение.

Мужчина, вошедший в комнату, очень мало соответствовал общепринятому представлению о том, каким должен быть диктатор. Это был сердитый человек. До такой степени, что никто никогда и думать не мог о том, чтобы общаться с ним на рациональном уровне. Это был человек, с которым вы или соглашались — или умирали. Марин всегда с ним соглашался. Для него это был любопытный внутренний компромисс — отношения, основанные на том, что он всегда считал полным приятием целей другого человека. В рамках подобных исходный положений он свободно передвигался, принимал решения, действовал без боязни сделать что-то такое, что вызвало бы ничем не сдерживаемый гнев великого человека.

Иван Проков, более известный как Великий Судья, обладал ладно скроенной фигурой и ростом немного менее шести футов. Сегодня на нем была розовая шелковая рубашка, белые шелковые брюки и белый шейный платок. У него была львиная голова, властная внешность и множество обманных личин.

Диктатор махнул рукой остальным и быстро направился к Марину, протягивая ему руку для рукопожатия.

— Дэвид,— тепло проговорил он.

Схватив Марина за плечо, он повел его к столу.

— У тебя мало времени,— сказал он.— Так что давай примемся за еду.

Вот и весь разговор, который произошел между Великим Судьей и Марином — если не считать непринужденной болтовни, которую вели остальные приглашенные.

Марин, которому предстояла тяжелая работа, наслаждался пищей — изысканным творением из устриц, риса и овощей в соусе. Остальные были мгновенно вовлечены в дискуссию. Они принялись увлеченно обсуждать, следует ли на данной ранней стадии проводить исследование вопроса о том, успех или неудача постигли групповые законы и групповые практики, и если следует, то кто должен проводить это исследование.

Марин с интересом думал о том, кто мог инициировать эту полемику. Он не мог не заметить, что здесь говорились такие вещи, которые, будь они приведены в зале суда, автоматически вызвали

бы обвинение. Он не мог припомнить, слышал ли когда-либо столько изменнических разговоров в присутствии Великого Судьи.

Внезапно ему пришло в голову, что здесь может быть только одно объяснение. Его проверяют. После того, как он защищал Траска на совете, в душе диктатора могло зародиться сомнение.

Марин ощутил странный беспокойный трепет. Для него такое переживание было внове. Дважды, когда в разговоре наступало затишье, он поднимал глаза и видел, что Великий Судья наблюдает за ним. Во второй раз диктатор спросил:

— Деятельность каких организаций или каких индивидуумов вы бы подвергли такому расследованию, Дэвид?

Выбрать правильный ответ было нетрудно — после того, как Марин заподозрил, что его проверяют. Он ответил ровным голосом:

— Моим первым выбором стали бы Меделлин и Слэйтер.

Великий человек издал смешок.

— Такой выбор мне не пришел бы в голову,— откровенно заметил он.

— Вы хотели бы, чтобы я принял это дело к рассмотрению и представил вам доклад примерно через неделю?

Великий Судья нахмурился.

— Это можно было бы сделать. Но на самом деле для тебя есть другие, более важные задания. Так что не думай об этом.

Диктатор снова вернулся к еде, на его лице отражалась задумчивость. Но все же именно он, и никто другой, спустя некоторое время взглянул на часы и сказал:

— Тебе пора в путь, Дэвид. Удачи.

На этом ленч и закончился.

На пути в военный аэропорт Марин обдумал произошедшее и в конце концов пришел к мнению, что его пригласили, чтобы понаблюдать за ним. Великий Судья был огорчен, узнав, что Марин защищал Траска, и хотел воспользоваться его присутствием, чтобы определиться.

Трудно было предположить, к каким выводам пришел диктатор, и Марин сказал себе, что нет никакого толку размышлять об этом. По крайней мере, на данный момент мнение Великого Судьи о нем не имело большого значения. У него впереди была работа. Есть время собирать камни... и время их разбрасывать.

Глава 12

К месту взлета ракет Марин прибыл за несколько минут до старта, назначенного в два. Взлетное поле угнездилось в долине,

в двадцати милях к северу от города. Пустынная долина, изъеденная эрозией, представляла собой типичный унылый военный лагерь и на всей своей протяженности была необитаема, если не считать зданий для военного персонала. Все сооружения, которые там находились, имели чисто́ военное назначение. В дальнем северном конце зоны, там, где местность становилась холмистой и неровной, группа бетонных бункеров и полос отмечала место взлета. Сам ракетный самолет стоял под прикрытием козырька гигантского бетонного бункера.

Когда прыголет Марина приземлился, беготня вокруг короткокрылого ракетного самолета, казалось, приобрела лихорадочный характер. Прежде, при взгляде с воздуха, люди выглядели так, будто передвигались в полусне. У Марина возникло впечатление, что многочисленные небольшие машины снуют туда-сюда без всякой цели, перетаскивая пустые и груженые прицепы или просто бестолково передвигаясь по площадке. Он также заметил, что рядом с крутым пандусом группой стоят несколько мужчин. Среди них был крупный молодой парень с мальчишеским лицом. Еще двое более пожилых, с лицами, точно высеченными из гранита. У четвертого были унылые глаза и теплая улыбка. Именно этот тип предъявил Марину значок, идентифицирующий его как офицера Контроля, хотя был одет в гражданскую одежду, и указал на высокого парня.

— Мистер Марин, это тот молодой человек, о котором упоминал мистер Слэйтер.

Вокруг раздавались грохот и шум, звуки голосов и движения людей и машин. Они то и дело заглушали голос офицера:

— Мистер Марин, позвольте мне представить вам...— визг механизма — ... Бернли.

Марин обменялся рукопожатием со здоровяком, который по всем измерениям был крупнее его на несколько дюймов. Он предположил, что парню было лет двадцать или меньше, и он вроде бы совсем не был похож на Великого Судью. И все же в нем было что-то знакомое. Но Марину некогда было об этом думать. Быстрые маленькие трактора и два грузовика отъехали прочь. Люди спускались в бетонные убежища, и вскоре поле вокруг гигантского ракетоплана опустело.

Пилот задержался рядом с Марином.

— Сэр, если вы готовы, мы можем взлетать,— и он поднялся в машину.

Молодой Бернли робко взглянул на него:

— Я лучше поднимусь на борт.

Он был почти невежлив в своей спешке — будто боялся, что корабль улетит без него. Марин не спеша последовал за ним,

размышляя о том, что ему делать с этим Бернли. У него осталось впечатление, что парень не способен на самостоятельные действия. Такие люди могли стать специалистами и подчиняться из чувства страха, но сами они не должны командовать. Эта мысль его расстроила. Великий Судья будет огорчен.

Марин устроился в кресле рядом с молодым человеком и пристегнулся. Пилот, очевидно, ждал, когда он поднимется на борт, потому что двери сейчас же с жужжанием захлопнулись, кресла беззвучно откинулись, послышался приглушенный грохот ракет и накатила тяжесть от сверхскоростного перемещения. Перегрузка продолжалась несколько минут, пока снаряд по наклонной взбирался в небо. Затем ракеты разом отключились; машина следовала дальше по вершине параболы в самых верхних слоях атмосферы Земли. Вскоре ракета начала падать, и Марин повернулся к своему спутнику. Молодой Бернли лежал с закрытыми глазами и выглядел полностью расслабленным.

Для Марина это был тот случай, когда любящие отцовские глаза видят сходство, которого сам Марин никак не мог выявить. Если этот парень был сыном Великого Судьи, тогда вождь просто по определению мог обнаружить сходство. Ого, Великий Судья, подумал он, не надули ли тебя? Разумеется, велись точные записи результатов игр по поиску партнера. Но ни один регистратор в те ранние времена, не столь организованные, как сейчас, не мог знать, что женщина делала в ночь, предшествовавшую играм.

— Как тебя зовут? — спросил Марин.

— Дэвид.

— Ну и ну, меня тоже,— заметил Марин.

— Верно, сэр. Меня назвали в вашу честь.

Сногсшибательный момент... Озарение.

Мысли Марина метнулись в прошлое, к его первым играм по выбору партнера. Много женщин прислали ему свои жетоны. Хотя ему было только еще семнадцать и по закону он не подходил, но в те дни у мужчины было много лазеек, чтобы приблизиться к линии старта, к тому же влияние матери сыграло свою роль. Что касалось внешности, то, умело применив косметику, он смог привести свой вид в соответствие с нужным минимальным возрастом. А возбуждение, эгоизм молодости и огромная жизненная сила принесли ему две победы на поле, что дало ему право оплодотворить двух женщин.

Марин повернулся в кресле, чтобы получше рассмотреть парня, и увидел, что тот краснеет.

— Что же,— сказал он,— расскажи мне о себе.

Дэвид Бернли, как оказалось, вырос в небольшой общине на западном побережье, и был одним из трех детей женщины по имени Этель Бернли.

— Я был у нее единственным ребенком, который оказался сыном знаменитого отца,— с оттенком гордости говорил Дэвид Бернли.— Мать уже не смогла больше приблизиться к такому человеку, как вы, и Джорджу и Саре, я думаю, это не принесло пользы, она об этом рассказывала.

Марин предположил, что Джордж и Сара — это двое других детей, но ничего не сказал. Его встревожило то, что он не мог вспомнить ни одну из тех первых двух женщин, от которых у него были дети.

Молодой Бернли продолжал:

— Мать работала в одном из общественных детских садов, так что я видел ее почти постоянно, и у меня не было ощущения потерянности, как у некоторых других детей. Конечно, они с ним справлялись, но ...

— Какое у тебя образование? — спросил Марин.

— Сейчас я учусь в колледже, прошел уже половину программы. У меня каникулы до конца сентября. Моя специализация — политическая экономия.

Оказалось, что он не ожидал такого назначения, как «работа с собственным папаней», хотя и подал прошение о приеме на государственную службу на время каникул.

— Конечно, я внес в список ваше имя; может быть, это и помогло — но все равно это оказалось для меня неожиданностью.

Было очевидно, что кто-то намеренно подстроил ситуацию. Это напомнило Марину, что, несмотря на все усилия свести роль отца к минимуму, люди все еще мыслили в терминах сведения отца и сына вместе. При этом не воспринималось всерьез правило, объявлявшее подобные действия непотизмом, то есть семейственностью, и указывающее на то, что любой возврат к старомодной системе брака снова может закрепостить женщину.

Женщинам платили государственное пособие на содержание детей. Все мужское население, независимо от того, побеждали они в играх или нет и были ли они вообще квалифицированы для игр или нет, платили налоги, из которых и выплачивалось пособие.

И хотя мать была обязана ухаживать за детьми, обеспечивая их личной заботой, общественные детские сады брали детей на оговоренное время, которое зависело от того, на сколько могли договориться мать и дети. И хотя ни одна мать не обязана была отдавать детей на максимальный разрешенный, существовал ми-

нимум, который ребенок должен был проводить в саду. По закону женщина не должна быть связана своей ролью матери по рукам и ногам.

Такой метод имел определенные положительные стороны. Несомненно, он возник в результате серьезного изучения роли женщины в процессе исторического развития и был призван освободить ее от непосильных нагрузок.

Марину вспомнился обзор, приведенный как-то на Совете Руководителей Групп. Тридцать восемь процентов взрослых мужчин и женщин стремились добиться послабления закона для себя лично, изобретая множество методов, нацеленных на то, чтобы мужчина, женщина и их дети сохранили семейные связи. Так, мужчины снимали комнату в домах, где проживали их дети, в соседнем доме или через улицу.

Рядом раздался голос молодого человека:

— Какой короткий перелет. Сколько времени он длится?

У Марина не оставалось времени на ответ. До этого некоторое время корабль снижался по наклонной. Теперь их кресла резко развернулись. Через мгновение взревели носовые ракеты, начиная развивать тормозящее усилие.

Сразу же стало невозможно разговаривать. Марин сидел с закрытыми глазами и остро жалел о том, что его связь «отец-сын» проявилась так не вовремя и грозила серьезно повлиять на его дела в самую важную неделю его жизни. В прошлом он время от времени интересовался своими детьми. Однажды, когда он решил выяснить, что за отпрыск у него получился, являвшийся предметом его интереса трехлетка в течение всего визита визжал от ярости.

По сути дела, такая реакция имела сенсационное значение. Она свидетельствовала о том, что его потомок на уровне ощущений сознавал, кто он есть на самом деле.

Глава 13

Они приземлились во тьме раннего утра. Здесь, на краю Сибири, еще даже не начинало светать, и внизу, на огромном пространстве, виднелись только цветные огни. Здесь стояла лагерем армия — одна из многих армий, кольцом окружавших гористую территорию Джорджии. Это был Лагерь «А». На самом деле он располагался здесь с конца Третьей Атомной войны. Постепенно, с годами, число людей и машин увеличивалось, так что уже в течение трех лет в лагере скопилась грозная армия.

В течение двадцати лет, в течение которых наблюдалось несколько исключительно холодных зим, Лагерь «А», представлявший собой небольшой военный городок, приобрел много характерных черт, которые сейчас по большей части было невозможно разглядеть. Но Марин знал, что где-то в темноте располагались бетонные взлетно-посадочные полосы, ангары для самолетов, несколько огромных аэродромов и площадки взлета и посадки ракет, постройка которых в этой отдаленной местности обошлась дороже всего.

Огромный самолет, гудя, вырвался из тьмы, носовые ракеты все еще работали против движения. Поскольку магнитное оборудование было бесполезно для таких больших машин и никому не могло придти в голову, что короткокрылый монстр будет приближаться медленно, пилоту и наземному радару приходилось сотрудничать в сложном деле посадки ракетоплана на скорости 500 миль в час. Непосредственно перед посадкой выпущенные колеса были раскручены до огромной скорости, чтобы снизить до минимума разрывное воздействие на покрышки. В течение бесконечно долгого времени машина, казалось, неслась, едва касаясь резиной бетона, ракеты извергали огонь, а автоматы поддерживали хрупкое равновесие.

В конце концов идеально скоординированное электронное оборудование замедлило движение машины настолько, что стало возможным ручное управление. Ракетоплан съехал с главной полосы и покатился, тормозя, к ярко освещенному бетонному навесу. Он остановился настолько мягко, что прошло некоторое время, пока Марин смог расслабиться и осознать, что невероятное неистовство движения прошло.

— Ничего себе! — заметил рядом с ним молодой Бернли.

Внешние двери с жужжанием открылись. Марин первым спустился по пандусу и вскоре уже представлял парня группе офицеров и гражданских сотрудников своего департамента. Как он обнаружил, в Лагере «А» сейчас было 4:20 утра, и он подумал, что из-за него множеству людей пришлось вставать в такую рань.

Их уже ожидали машины, которые доставили Марина и встречавших его людей к официальной резиденции. Она располагалась в особом здании, достаточно большом, чтобы вмещать зал для заседаний. Марин отвел сына в библиотеку и предложил ему начать ознакомление с политическими и экономическими проблемами Джорджии.

— Мне бы особенно хотелось,— заметил он,— чтобы в течение последующих нескольких дней ты исследовал структуру нынешнего руководства страны и раздобыл сведения об именах, положениях и относительной значимости отдельных людей и постов.

— Я сделаю все, что смогу, сэр,— деловито ответил молодой Бернли.— Я уже получил небольшую подготовку в этом направлении.

Из библиотеки Марин прошел к техникам, которым предстояло работать с многочисленными электронными устройствами и следить за датчиками, прикрепленными к каждому креслу в аудитории. Перед отделом электроники стояло две задачи. Среди присутствующих в зале были люди, которые не понимали английского языка. Перевод должен был обеспечиваться через наушники от переводящих машин. Здесь использовался тот же принцип перевода, что и в автоматических телефонах и пишущих машинках: пластиковые модели электрических импульсов звука активировали нужную механику. Вторая задача отдела электроники заключалась в выявлении шпионов, которые могли быть среди участников встречи. Марин с удовлетворением обнаружил, что дежурные техники имели достаточно высокую квалификацию для того, чтобы самостоятельно оценить данные самописцев, подключенных к каждому отдельному креслу.

Марин выпил кофе с техниками и группой офицеров, и они снова обсудили детали собрания. Он узнал, что большая часть джорджианских агентов уже в лагере и что после заседания их предстоит доставить обратно в Джорджию на самолете и высадить в заранее оговоренных точках приземления, откуда они уже сами доберутся до пунктов назначения. Некоторых из них в этих точках должны были встречать, но офицеры полагали, что информация, полученная от одного или нескольких индивидуумов, вряд ли успеет достичь заинтересованных в ней представителей власти вовремя, чтобы они предприняли контрмеры.

Марин не стал комментировать их предположения. Но он не сомневался, что шпионская система существует. Ему следует предупредить сына, чтобы тот не болтал с незнакомцами.

Вошел офицер связи.

— Сэр, люди начинают собираться в аудитории.

Марин встал.

— Я сейчас переоденусь,— сказал он.— Позовите меня, когда соберутся все.

Он прошел в свои комнаты, переменил одежду и направился в библиотеку. Он намеренно прошел по лестнице, идущей снизу, из хранилища старых папок. Сам вход представлял собой небольшой холл с портьерами, отделяющими его от собственно библиотечного зала.

Задержавшись перед портьерой, Марин услышал голос сына:

— И что тогда произойдет?

— Ничего,— ответил мужской баритон.— Единственное, что мы хотим сделать, это привести его в гипнотическое состояние при помощи наркотика и внушить ему антивоенные настроения. Когда-то нам нужно начать, а времени терять нельзя. Слушайте: с вашей помощью мы после собрания доставим его сюда. Вас мы свяжем, так что он ничего не заподозрит...

Марин осторожно развел портьеры, Высокий темноволосый мужчина лет тридцати склонился над Дэвидом, сидевшим за столом. Лицо парня было белым и напряженным. В полудюжине футов в стороне стоял невысокий плотный мужчина. Он держал в руке бластер и смотрел в сторону двери, выходившей в главный коридор, с другой стороны которого располагался задний вход в аудиторию, где должно было проводиться собрание. Плотный коротышка нервничал, в то время как высокий был явно совершенно спокоен.

Больше никого не было видно.

Сузив глаза, Марин вытащил свой бластер. Жалости он не чувствовал. Те двое людей сами выбрали это разрушительное энергетическое устройство вместо газовых пистолетов, не представлявших смертельной опасности. Следовательно... так тому и быть.

Единым скоординированным движением Марин выпустил полный заряд энергии в мужчину с оружием. Когда тот упал с головой, превращенной в черную массу, Марин шагнул сквозь портьеры — и выстрелил в высокого типа. Одежда у того задымилась, он развернулся и, обмякнув, свалился на пол.

Марин вошел в помещение и хмуро проговорил:

— Ладно, Дэвид, выкладывай всю историю. Ты... — он остановился. Молодой человек наблюдал за ним; нижняя челюсть у него слегка отпала, но глаза были настороженными, и весь он был напряжен, начеку.

Затем его вид изменился. Глаза уже не были ясными, настороженность исчезла. Он наклонился вперед, на стол, будто бы на него накатила невероятная усталость, и расслабленно лег на него. «Обморок!» — с внезапным презрением подумал Марин.

Это его потрясло даже больше, чем предательство. Трусость, слабость — и это его сын! Стыд прожег его до глубины души.

Он подошел, схватил парня за гладко причесанные волосы и, подняв его голову, звучно хлопнул по щеке; его уже тревожила мысль: «Быстрее! Мне нужно вытянуть из него всю эту историю до собрания и решить, что с ним делать».

В ярости и спешке он выдал по вялому лицу Бернли с дюжину пощечин. Затем какая-то странность в ощущении кожи на ощупь обратила Марина к его огромному опыту общения с людьми на любых стадиях потерь сознания. Это было прикосновение к смер-

ти. Он испуганно отпустил голову, взял руку парня и пощупал пульс. Ничего.

Марин откинул тело обратно на кресло и, наклонившись, послушал сердце. Затем он медленно выпрямился. Он был потрясен, не верил своим глазам — и чувствовал еще что-то. Это не печаль, сказал он себе. И даже не сентиментальная мысль о том, что он *должен* печалиться о парне, которого знал только в течение нескольких часов. Но он понимал, что это было такое. Одна из его жизненных линий прервалась.

Дети являются проекцией в будущее. Трагедия группового мира Великого Судьи состояла в том, что почти 70 процентам мужчин, которые потерпели поражение в играх по спариванию, законом было запрещено продлевать тот жизненный поток, который несся сквозь них с незапамятных, доисторических времен. Для них это был обрыв линии. Невероятный разброс генетических вариаций намеренно прерывался.

Шок прошел. Марин снова обрел способность думать. И действовать. Шагнув к телефону, он вызвал офис резиденции. Услышав в трубке мужской голос, он сказал:

— Это Дэвид Марин. Пришлите врача в библиотеку. Прикажите, чтобы немедленно прибыла «скорая помощь» и подразделение охраны.

Он повесил трубку. На данный момент он больше не волновался. Люди и раньше умирали в его присутствии, в основном от пыток, но иногда — от чрезмерной дозы газа или наркотиков. И их возвращали к жизни врачи, обученные особым методам оживления, разработанным Контролем.

Он встал на колени рядом с высоким мужчиной и обыскал его. Он нашел кольцо с ключами, небольшую записную книжку с ручкой, бумажник, в котором не было ничего, кроме денег, расческу и платок.

Марин сунул записную книжку в карман; он собирался уже было обыскать коротышку, когда дверь открылась. Марин опасливо выпрямился, держа наготове газовый пистолет. Но это оказалось подразделение охраны — шестеро солдат и офицер.

Офицер с одного взгляда оценил происходящее и махнул своим людям:

— Охраняйте окна и двери! — приказал он. Затем он повернулся к Марину,— Врач сейчас придет через другую дверь. Что здесь произошло, сэр?

Марин проигнорировал его вопрос. Он еще не был уверен, в каком свете ему хотелось бы представить произошедшее для публики. Он сказал:

— Этот парень умер, похоже, только от шока. Насколько я знаю, с ним никто ничего не делал. Я хочу, чтобы врач сделал все возможное, чтобы вернуть его к жизни. И уберите эти тела.

— Будет сделано, сэр.

Марин поколебался. Пора было уходить, пора идти на собрание. И все же уходить ему не хотелось. Если они возвратят к жизни Дэвида Бернли, то он хотел при этом присутствовать. Парень мог сообщить такие вещи, которые могли бы вызвать ненужные подозрения.

Молодой Бернли пошевелился за столом, Марин принял это не за движение жизни, а за перебалансировку мертвого веса. Он прыгнул, чтобы схватить тело до того, как оно упадет на пол. Но когда он сжал руку парня, то ощутил, как под кожей напряглись мышцы. Быстрота возращения к жизни опровергала все его предыдущие предположения.

Дэвид Бернли выпрямился на стуле. В течение краткого момента, казалось, он ничего не соображал, затем испуганно спросил:

— Что это за штука была у меня в сознании?

Неожиданное замечание. Марин отшатнулся.

— Штука?! — проговорил он.

— Что-то вошло в мое сознание и взяло контроль над ним. Я это чувствовал. Я...— он прервался. В глазах у него выступили слезы.

Подошел офицер:

— Я могу чем-нибудь помочь?

Марин отмахнулся от него.

— Приведите врача! — сказал он.

Это было актом самозащиты. Ему требовалось время, чтобы охватить умом новую ситуацию. Он вспоминал, что Слэйтер говорил о том, что электронные схемы могут вживляться непосредственно в мозг человеческих существ с целью контроля на расстоянии... «Этот парень был мертв»,— напряженно думал Марин.

Мертв без всякой видимой причины. Может быть, когда «схема» связи разрушается или даже растворяется, то результатом этого будет смерть?

— Как ты себя чувствуешь, Дэвид? — мягко проговорил он.

— Ну... как, все в порядке, сэр,— Дэвид встал, покачнулся, затем выпрямился, тепло улыбаясь. Он тут же заметно одернул себя.— В порядке,— повторил он.

— Я попрошу кого-нибудь отвести тебя в кровать,— сказал Марин.— И, Дэвид...

— Да?

— Никому ничего не говори, пока я с тобой не побеседую — позднее.

Марин говорил в тоне приказа и, не дожидаясь ответа, позвал двух охранников. Он посмотрел, как те наполовину выводят, наполовину выносят молодого человека из помещения. Затем, четко осознавая, что ему нужно выполнить основную работу, Марин вернулся в свою квартиру. Он слегка удивился, когда обнаружил, что приглашение на собрание еще не поступило. Он стал беспокойно ждать.

Чем больше он размышлял о произошедшем, тем больше волновался. «Что-то вошло в мое сознание и взяло контроль над ним»,— сказал молодой Бернли. Если так оно и было, то это событие было очень важным. Настолько важным, что, вероятно, ничто другое не могло с ним в этом сравниться.

Все, должно быть, было спланировано заранее. Марин был совершенно в этом уверен. Схема, которая позволила «чему-то» взять контроль, была установлена когда-то раньше.

Марин вздохнул, открыл прозрачные пластиковые двери и вышел в сад. Разгоралась заря, хотя солнце еще не взошло. Воздух был свежим, даже прохладным. Было непросто осознать тот факт, что совсем недавно он находился в Городе Судьи и что в там, в столице, была еще только середина дня.

Стоя в сером свете утра, он вспомнил, что находится в стране, явившейся колыбелью первого значительного авторитарного группового движения. Здесь два столетия назад родился Советский Союз и силой распространил свои доктрины, даже не доказав еще их ценность. Кровь окропила землю многих стран; многие, как невежды, так и утонченные люди, стремились вступить в схватку с идеей, которая, пользуясь одними только обещаниями, сшибла якорные точки истории. Во многих странах людей, пробужденных западной цивилизацией от вековой апатии, хватали беспринципные и настолько же невежественные демагоги и уничтожали до того, как у них успевала появиться хоть одна самостоятельная свободная мысль. И так же, как сердитый ребенок выражает ненависть к своему отцу, задирая соседских детишек, так же и порабощенные народы, как оказалось, легко можно было привести к тому, чтобы они возненавидели кого угодно, но только не истинного виновника. Что, в свою очередь, вело к перевороту в мышлении, к сумасшествию неприкрытой ярости, к необходимости бить до смерти, к внутреннему движению и внешнему проявлению физического насилия.

Так произошли три великих атомных войны. И когда наконец уменьшившаяся в десять раз человеческая раса вылезла из глубо-

ких бункеров, бесконечно утомленные люди в большинстве своем не стали сопротивляться, когда новый вождь заявил: «Мы присоединимся к идее группы и свободного предпринимательства. Это мысли и стремления, которые идут прямо из наших сердец. Первая часть идеи в теплом взаимодействии привязывает тело к другим телам, вторая освобождает дух. Одна дает жизнь индивидууму через его общину, другая признает его право на индивидуальное творчество».

Затем Великий Судья добавил: «В путанице, возникшей после окончания войн, многие местности надолго останутся без адекватного правительства. Будут формироваться временные государства, они будут крепнуть, они станут стремиться себя увековечить. Мы сейчас предупреждаем этих людей. История последних двух столетий не позволяет нам быть милосердными. Мы не потерпим отделений».

Образовалась почти тысяча отдельных государств, большинство из них оказались мелкими и малозначительными, и многие имели примитивную политику и экономику. В отдельных случаях несколько индивидуумов возносили себя до высот абсолютной власти и с этих высот тревожно оглядывались и думали, сколько времени это может продлиться. Именно тогда начались перешептывания, дипломатические маневры, постоянные успокоительные утверждения из тысячи разных источников о том, что Великий Судья был несколько поспешен в своих ранних заявлениях, что он не имел в виду, что страны будут захвачены буквально, и что на самом деле он просто выпускал пар, снимая напряжение момента. Сколько таких успокаивающих высказываний распространил сам Великий Судья, никто точно уже никогда не узнает. Но за двадцать лет от тысячи первоначально образовавшихся государств осталась сотня.

С падением Джорджии еще десятка два государств поспешат заключить договоры, которые — независимо от формулировки — послужат тому, что они в конце концов будут включены в единое мировое государство.

За спиной Марина послышались шаги. Это был служащий, который пришел сообщить ему, что все готовы.

Глава 14

В зале присутствовало около сотни мужчин и женщин. Каждый индивидуум, как об этом проинформировали Марина, представлял от двадцати до пятидесяти ячеек или групп. Это означало, что через своих делегатов его слушают около десяти тысяч

человек. Среди них найдется и пара шпионов джорджианской королевы. Кто бы они ни были, их схватят в течение часа и разберутся еще до отбытия Марина.

Марин появился перед аудиторией, одетый в форму рядового. Она была аккуратно отглажена и мастерски подогнана так, чтобы он выигрышно в ней смотрелся. Это было задумано специально для того, чтобы повлиять на людей, которые считали себя идеалистами и отчаянно стремились к тому, чтобы их маленькое государство стало частью политико-экономической системы Великого Судьи.

Джорджия, по сути дела, представляла собой настоящее политическое чудовище. После распада мировых вооруженных сил в ней захватила власть группа западноевропейских искателей приключений, и эти авантюристы натворили множество малопонятных дел. Во-первых, они основали военно-научное государство. Оно быстро превратилось в объединение примерно тридцати сегментных государств, каждое под управлением какой-либо корпорации. После краткого периода замешательства прежний лидер авантюристов стал наследственным королем — фантастический случай возложения на себя власти и титулов, который, тем не менее, консервативным элементам показался приемлемым. После убийства «короля» ранние демократические преобразования были застопорены. Во время правления старшей иерархическая система дочери полностью укрепилась и приготовилась защищаться от Великого Судьи. Неудивительно, что многие джорджианцы, возмущенные потерей прежних прав, становились добровольными помощниками Великого Судьи.

И вот они сидели перед ним.

Марин поднял руки, призывая к тишине, и сказал:

— Мужчины и женщины Джорджии! Меня проинформировали, будто на своих советах вы решили, что примерно тысяча нынешних лидеров джорджианского режима должна быть предана смерти, при условии их поимки. Я, со своей стороны, должен сообщить вам: никаких агрессивных действий против королевы производиться не будет.

Никаких других ограничений он не стал на них налагать. По сути дела, из-за вызывающей боль схемы, которую можно впечатать в мышцы любого человека, смерть в большинстве случаев не нужна. Но этим мужчинам и женщинам ничего не было известно об этом уникальном устройстве контроля.

Марин продолжал:

— Если вы чувствуете, что необходимо убить кого бы то ни было, убедитесь в том, что убийство спланировано тщательно. В первые часы революций некоторые лидеры могут сплотить вок-

руг себя столь значительные силы, что вся операция может оказаться под угрозой.

Он не чувствовал особой жалости к вовлеченным в это дело людям. Зная о неисчислимых миллионах людей, погибших в трех атомных войнах, он испытывал что-то вроде раздражения по отношению к тем, кто ещё раз попытался основать отдельное государство, что создавало потенциальную возможность для будущей войны.

На аудиторию оказала впечатление его деловитость. Они сидели молча, пока Марин детально излагал, что нужно сделать. Эту часть своего инструктажа он завершил утверждением:

— Каждому из вас будет предоставлен список того, что необходимо сделать. Заучите его наизусть, потому что он написан особыми чернилами, которые вскоре внезапно обесцветятся.

Последнее было не совсем правдой. Инструкции не были написаны чернилами. Они были впечатаны электронным способом в особое вещество, выглядевшее, как бумага. Электронный рисунок на каждом листе будет уничтожен при помощи дистанционного управления. Затем в «бумаге» на короткое время будет активирован другой рисунок, который также будет уничтожен. Любые последующие попытки восстановить рисунки создадут только путаницу бессмысленных очертаний. Этот метод был разработан фирмой «Траск Электроникс».

Пришло время сказать о вознаграждении. Один за другим Марин перечислил все пункты; теперь он внимательно ждал реакции. Если среди этой толпы бунтовщиков находился шпион королевы Джорджии, в нем закипит ярость, когда он услышит, как Марин разбрасывается высшими постами и сокровищами государства. Детекторы лжи, ловко встроенные в каждом кресле, расскажут часть истории. Но гораздо больше, чем разоблачающим возможностям этих чувствительных инструментов, Марин доверял своим собственным способностям: он мог прочитать суть конфликта по лицу человека и по его телодвижениям.

С самого начала он отметил высокого мужчину лет тридцати, по виду интеллектуала, в напряженной позе сидевшего в середине зала. Вскоре, довольный тем, что ему удалось зацепить нужного человека, он подал обусловленный сигнал, и через мгновение ему принесли листок бумаги, на котором стояло: «Приборы подтверждают ваше мнение».

Уже читая записку, он заметил уголком глаза, что офицеры Контроля идут по проходам. Оказавшись напротив своей жертвы, они одновременно повернулись и, проскочив мимо сидящих людей, окружили мужчину.

Шпион окаменел. Явно признав, что спасения нет, он не сделал ни единого движения, чтобы защититься. Сотрудники Контроля вывели его на сцену.

Марин призвал аудиторию к тишине.

— Этот арест был произведен ради вашей защиты. У нас есть основания полагать, что это шпион. Может быть, кто-нибудь из вас узнает его, когда с него снимут маскировку

Пленнику все происходящее казалось, должно быть, каким-то нереальным. В этот момент, когда было уже слишком поздно, он начал бороться. Его подтащили к стулу и удерживали на нем, пока не пришел химик, катя тележку на колесиках со множеством подносов на ней, и не спеша не принялся за свою работу. Он проверял волосы, брови, щеки, уши, челюсти и рот. Он использовал один химикат за другим — и не промахнулся.

Пленник менялся на глазах аудитории. Его светлые песочные волосы стали темно-каштановыми. Черты лица заострились, кожа приобрела болезненный желтоватый цвет. Стальной голубоватый блеск глаз сменился карим, и взгляд был полон испуга.

Внезапно женщина из зала прокричала:

— Это Куда!

Марин вопросительно взглянул в сторону подчиненного, который поспешно писал на доске сообщение. Оно гласило: «Высшее общество Джорджии — семья, задействованная в высокой политике».

Марин подошел к краю сцены.

— Леди и джентльмены, я уверен, что вы согласитесь с тем, что мы в состоянии справиться с Кудой — и со всеми его друзьями из высшего общества. Я также не сомневаюсь, что вы сознаете тот факт, что перед вами стоят более важные задачи, чем возня с единственным шпионом. Займитесь своим законным делом. Мы увидимся через три дня в Итнаму. От имени Великого Судьи я приветствую вас, будущие правители провинции Джорджия.

Они устроили ему овацию, хотя и немного истерично и неуверенно. Через три дня некоторые из них будут мертвы, хотя о подобной вероятности они, скорее всего, не задумывались. Со своей стороны он, разумеется, не намеревался сообщать им о том, что по статистике прошлых революций при перевороте гибнет 20 процентов руководства.

Они стали выходить из зала, и Марин повернулся к охранникам, державшим шпиона.

— Тщательно обыщите его, затем приведите в библиотеку. Я с ним разберусь.

Когда через минуту Марин вошел в библиотеку, он увидел, что его сын, Дэвид Бернли, сидит за тем же самым столом, за которым до этого «умер». Хмурясь, Марин подошел к молодому человеку. При его приближении тот встал и принял стойку «смирно».

— Почему ты не в кровати, Дэвид?

— Это моя обязанность,— он залился румянцем.— Я чувствовал себя нормально, и я настаивал... и они ничего такого у меня не обнаружили,— он прервался.— Я подбирал материал, который вам нужен,— казалось, он изо всех сил старался угодить Марину.

Мгновение Марин пребывал в нерешительности. То, что случилось с его сыном, по сути дела было гораздо важнее для решения его задач, чем джорджианский шпион. Поэтому одна минута — или, уже две минуты — действительно стоили многого. Он сказал:

— Дэвид, та штука в твоем сознании — сколько времени она там находилась?

— Я ее ощутил, когда вошли те люди.

— Ты их знал?

— Никогда раньше не видел. Но они знали меня.

Марин быстро перебрал в уме вероятности. Слэйтер... Великий Судья... некоторые уполномоченные Контроля, персонал правительственных служб, участвующий в выполнении этого задания — достаточно много людей, знавших об этой поездке. Достаточно для того, чтобы произошла утечка информации.

— Они слышали, что у меня есть идеалы, что я против войны,— продолжал Дэвид Бернли.— Я думаю, я слишком много болтал в колледже. Они спросили, буду ли я с ними сотрудничать. Я уже начал было говорить «нет». Клянусь вам, сэр. И тогда в моем мозгу возникло это ощущение. Что-то будто бы схватило меня за язык, и я услышал, что говорю «да». Они тут же объяснили мне, что хотят взять вас под контроль, чтобы не устраивали эту войну. А я продолжал соглашаться против воли,— делая это признание, он дрожал с головы до ног.— Я клянусь, сэр...

— Ладно, не огорчайся. Я верю,— сказал Марин.

Он действительно верил. Эта «смерть» была слишком реальной, и первые слова, которые парень произнес, когда пришел в сознание, были явно совершенно непроизвольными. План двух шпионов был по сути дела не так уж и плох. А какой бы это было для них удачей, если бы они смогли добраться до главнокомандующего перед самым сражением и контролировать его при помощи гипнотических медикаментов.

В дверь постучали. Марин вышел из своей задумчивости и подошел к двери. Это был охранник с Кудой.

— Один момент! — сказал Марин и закрыл дверь. Он повернулся к сыну.— Мы хотим допросить здесь шпиона. Может, ты возьмешь свои бумаги и книги и пойдешь в сад?

Дэвид Бернли начал было собирать материалы, но задержался.

— Я могу остаться здесь и послушать? — спросил он.

Марин ответил «нет».

— У нас нет времени на долгий допрос, так что нам придется пользоваться грубыми методами.

Интенсивный цвет лица парня слегка поблек. Он собрал свои книги и пошел к двери. Затем замедлил шаги и обернулся.

— Применение силы абсолютно необходимо?

— Нет,— ответил Марин.— Это никогда не является необходимостью.

— Но, почему, тогда...— этот здоровенный парень, казалось, был ошарашен.

— Если пленник,— ровно проговорил Марин,— расскажет нам все, что мы хотим знать, никто его и пальцем не тронет,— он сардонически улыбнулся юноше, нервно кусавшему губу. Молодой Бернли был явно уверен, что шпион окажется неуступчивым.

— Кроме того,— добавил Марин,— нам, может быть, захочется изменить его мнение относительно некоторых вещей и в качестве нашего агента заслать его обратно в Джорджию. Мы сомневаемся, что он пойдет на это, если мы не воспользуемся определенными методами убеждения.

Молодой человек заметно дрожал.

— Но ведь от него невозможно ожидать, что он станет вашим агентом. Люди не делают подобные вещи просто так.

— Самая большая наша проблема — это нехватка времени,— самым деловым тоном ответил Марин.— Методов у нас достаточно,— он резко прервался.— Увидимся позже.

Молодой Бернли задержался у двери, в последний раз демонстрируя свое нежелание уходить.

— А что за методы вы используете?

— Прежде всего,— ответил Марин,— мы обеспечиваем ему самый большой шок, который только возможно. Мы формально приговариваем его к смерти.

Глава 15

Некоторое время после этого насильно вмененного ему приговора пленник неистовствовал. Марину, наблюдавшему за происходящим с другого конца комнаты, было трудно объединить его

слова во что-то связное. Но, судя по звукам и по поведению, тот был разъярен.

Внезапно его ярость утихла. Высокий, с провалившимися глазами, он пробормотал что-то про себя и замер в кресле. Он сидел напрягшись; даже то, как сидела на нем одежда, свидетельствовало о том, что мышцы сведены почти до судороги. Карие глаза затуманились и выражали крайнее потрясение. В них стояла безысходность. Они молили. В них сквозили скорбь и какой-то иррациональный страх.

Тишина сопровождала эту замедленную пантомиму. Пленник медленно поднялся на ноги и, шаркая, принялся ходить туда-сюда перед огромным окном, за которым уже начинала светлеть заря. Время от времени мужчина что-то бормотал, и Марин опять мог различить только отдельные слова, но не смысл.

Сузившимися глазами он смотрел на этот спектакль. Поглощенный созерцанием пленника, он не сразу заметил, что его напарник — агент Контроля, явно не слишком привычный к насилию — склонился к нему.

— Кто бы мог подумать, что такой человек может рассыпаться на куски.

— Я видел и раньше, как люди ломаются,— заметил Марин. Он был напряжен, но настроен решительно.— После того как увидите это несколько раз, вы будете приблизительно представлять, что можно сделать в каждой ситуации.

И все же он невольно замер, вспоминая. За одно мгновение перед его внутренним взором проскользнули черные тени прошлого. Он не видел никакой конкретной картины — только ряд мрачных образов, ряд лиц, пристально смотревших, дрожащих, понурых. В них не было ничего общего — кроме страха, печали, безнадежности и боли.

Его напарник наконец решился задать вопрос:

— Чего вы ждете, сэр? В конце концов, он кажется вполне податливым.

Марин не ответил, но вместо этого резко встал и пошел по комнате так, чтобы пройти мимо неустойчиво державшегося на ногах шпиона. И когда тот, точно слепой, направился в его сторону, Марин как бы ненамеренно встал у него на пути и, сделав вид, что обходит его, толкнул его. Куда неуклюже упал на пол, на колени. Он скрючился, странно съежившись, как побитая собака, затем поднялся на ноги. Затем он снова принялся неуверенно ходить, явно забыв о столкновении.

Марин прошел в соседнюю комнату, чтобы придать происшествию вид случайности.

Он достал записную книжку, которую ранее обнаружил у одного из убитых им агентов. Записей там было немного: несколько телефонных номеров, что-то вроде отчета о расходах, несколько страниц, как предположил Марин, инициалов из двух-трех букв и еще пять записей, одна из которых гласила:

Смертный приговор У.Т.	26/08
Нападение на Дж. намеч.	30/08
Уничтожить свидетельства	29/08
Уничтожить записи	30-31/08, 01/09
Уничтожить оборуд.	01-02/09

Все руководители ячеек покидают Дж, 01-02-03/09 — не позже

Марин изумленно, с недоверием, изучал послание. «Смертный приговор У.Т — Уэйду Траску». Приговор был объявлен ему 26 августа. И нападение на Дж. (Джорджию) *действительно* было назначено на тридцатое, но эта последняя дата была известна только Великому Судье, Слэйтеру, Меделлину и ему самому. Все Руководители Групп знали о том, что нападение будет, но не знали, когда оно произойдет.

Взгляд Марина перескочил вниз, к словам «руководители ячеек». Этот коммунистический термин не употреблялся уже четверть столетия — и уж точно его не стало бы употреблять джорджианское правительство!

Он положил записную книжку обратно в карман и вызвал электронщиков с детектором лжи.

Вскоре оборудование было доставлено и размещено. Куду поместили в кресло, и он сидел, мрачно глядя в пол. Он отвечал на все вопросы совершенно отсутствующим голосом.

Имя? Джозеф Куда. Родители? Он — младший сын Георгия Куда, министра сельского хозяйства Джорджии.

История оказалась проста: джорджианское правительство не знало, является ли эта угроза войны более серьезной, чем в прошлые годы. Как один из шпионов правительства в повстанческой группе, он должен был выполнять обычные инструкции и узнавать все, что может. Он не считал это собрание делегатов-бунтовщиков решающим, потому что подобные акции устрашения предпринимались и раньше. Он не знал ничего о тех двоих, которых убил Марин.

Марин спросил озадаченно:

— Но кто же они тогда?

Он приказал принести тела. Куда тупо посмотрел на них и покачал головой. Детектор лжи подтвердил, что он не лжет.

Офицер Контроля обратился к Марину:

— Будем ли мы его обрабатывать, чтобы послать в Джорджию в качестве нашего агента?

Марин покачал головой. Он не стал объяснять, что от этого нет никакой пользы, поскольку до нападения остается всего два дня.

— Какие будут распоряжения? — спросил офицер.

— Один момент,— сказал Марин.

Подойдя к двери в сад, он позвал сына. Дэвид Бернли примчался запыхавшись, похожий на мальчишку-переростка, неловкого, с разинутым ртом и выпученными глазами. Он уставился на пленника, и Марин увидел, что состояние того вызвало у Бернли настоящий шок. Глаза и лицо парня мгновенно отразили его внутреннее неодобрение.

Марин поспешно проговорил:

— Мы применили к нему гипноз, а он скис от ужаса. Он поправится.

Он замолчал, поняв, что в его тоне пробиваются извиняющиеся нотки. Прикусив губу, он подумал, не скисает ли он сам. Мнение парня, похоже, повлияло на него. Он заявил с несколько большей учтивостью:

— Молодой человек, я собираюсь передать этого пленника вам. Мне бы хотелось, чтобы вы получили от него имена и информацию о нынешнем местопребывании всех близких родственников королевы Киджшнашении. Наш план состоит в том, чтобы спасти им жизнь. Я делаю это заявление в полной уверенности, что вы, как мой сын, поверите, что я искренен. Если он предоставит нам эту информацию, его семья тоже будет спасена.

— А как насчет него самого?

— Ему я сделать такое предложение не могу,— серьезно ответил Марин.— За жизнь шпионов мы не торгуемся. О смертном приговоре уже объявлено. Но суд будет обязан выслушать любые просьбы о помиловании.

— А... — парень стоял неподвижно, но все его массивное тело сотрясала дрожь.— Где я буду его держать?

Марин повернулся к офицеру Контроля.

— Содержите пленника Куду на территории резиденции и доставляйте согласно указаниям Дэвида Бернли.

Он пожал парню руку.

— Я вернусь через два дня,— сказал он.

— Вы уезжаете прямо сейчас?

— Нет, но до отъезда я с тобой не увижусь.

Время поджимало; он снова ощущал это. Он заставил себя расслабиться перед лицом неизбежного. Но джорджианская ин-

терлюдия на сегодня уже почти подошла к концу. Еще часовое обсуждение с офицерами штаба, чтобы увериться, что определенные непредвиденные обстоятельства предусмотрены, а потом...

Глава 16

Было несколько минут десятого, когда ракетоплан со свистом вышел из верхних слоев атмосферы. Много миль он плыл над Долиной Ракетных Посадок неподалеку от Города Судьи, и наконец скорость его упала до такой степени, что стало возможно ручное управление. На малой скорости он подкатил к воротам Разгрузки, и Марин, ухитрившийся выкроить в пути полчаса сна, сошел, готовясь посвятить остаток вечера своим личным делам.

Он замедлил шаг, увидев, что его дожидается Эдмунд Слэйтер. Марин почувствовал, как в одну секунду он провалился с осознания могущественной позиции главнокомандующего армией в бездну тревоги. Он подошел к шефу Контроля. Пока они пожимали друг другу руки, Марин подумал: «Он здесь не просто так».

Слэйтер приветствовал его.

— Его превосходительство желает, чтобы вы провели ночь в его Коттедже и разделили с ним завтрак.

— Я с удовольствием позавтракаю в такой выдающейся компании,— сказал Марин.— Однако...

Он не мог поверить, что Слэйтер лично приехал его встречать только для того, чтобы передать такое ерундовое поручение. Хватило бы записки, телефонного звонка или рассыльного. Пока он говорил и думал, его напряжение росло. Теперь он был полон решимости не позволить никому — ни Великому Судье, ни Слэйтеру — отнять у него этот вечер.

Он было открыл рот, чтобы сказать, что приедет в Коттедж позже, но затем отказался от этой мысли. Он не мог даже предполагать, что на уме у этого мрачного коротышки. Марин решил, что ему лучше пока ничего не говорить, пока ситуация каким-то образом не прояснится. Несмотря на внешнюю мягкость, Слэйтер имел дело со смертью и уничтожением.

Поэтому он сказал:

— Я озадачен тем фактом, что вырешили меня встретить, Эд.

Нахмурившись, Слэйтер опустил глаза. Затем, внезапно, он явно пришел к какому-то решению. Он поднял глаза.

— Дэвид, я думаю, что вам следует увидеться с Великим Судьей прямо сейчас.

— По какому вопросу?

— По делу Траска.

Это было поразительно. Марин и представить себе не мог, что в такой момент кого-то из первых лих государства лиц будет интересовать это дело. Приговор оглашен. И, насколько им должно быть известно, он будет приведен в исполнение в назначенный час.

Марин выругался про себя. Ему следовало бы знать, что Слэйтер, эта ищейка в человеческом образе, и управляющий планетой тигр — Великий Судья — каким-то образом почуют, что что-то не в порядке. Он и раньше замечал у Великого Судьи такую способность — выбирать решающий фактор среди бесконечного количества имеющих и не имеющих отношения к делу. И теперь он безошибочно отметил Траска как опасного индивидуума.

Ощущение шока прошло так же быстро, как и появилось. Марина поразило то, что этот взвинченный коротышка с его раздражающими манерами оказывал ему одолжение.

— Спасибо, Эд,— сказал Марин,— Конечно, я поеду — если вы считаете, что так нужно. Мой прыголет или ваш?

— Мой.

— Тогда я распоряжусь, чтобы мой отослали.

Слэйтер явно проявлял нетерпение.

— Это можно сделать и с воздуха. Идемте.

Во второй раз за этот день — второй день после вынесения приговора Траску — Марин подумал: «А что, если я не смогу снова стать собой — вовремя?»

Он почти физически чувствовал, как проходят эти пять дней милосердия, отведенные Траску. А он может только слабо сопротивляться, чтобы избавиться от этой ловушки физической идентичности, в которую его загнали. Его способность изменять свой внешний вид в конце концов не принесет никакой пользы. Болеобразущнй сигнал, при помощи которого Контроль правил человеческой расой, невзирая на внешность, безошибочно найдет его и своим постоянным мучением приведет... к смерти.

Он обнаружил, что Слэйтер обращается к нему.

— Дэвид, если я скажу его превосходительству, что он должен выслушать ваше мнение по поводу дела Траска, я уверен, что он согласится, и без всяких предубеждений.

Сердце у Марина подпрыгнуло, затем болезненно упало. Он остро осознал, что окончательное решение ему нужно принять к полуночи. О лучшем человеке, чем Слэйтер, который помог бы ему вступиться за Траска, он и мечтать не мог. Даже Меделлин не годился для такой цели. И все же...

Это произошло слишком быстро. Он еще не был готов к кризису. У него еще не было возможности посмотреть, не пришло ли в сознание тело, лежавшее в секретной лаборатории Траска. До этого у него не будет ясного и безопасного выхода.

Конечно, возможно такое, что Великий Судья примет во внимание его просьбу и отменит смертный приговор. Но Марину это казалось малореальным.

Он заметил, что Слэйтер качает головой.

— Не знаю, почему вы колеблетесь, друг мой. С моей точки зрения, вас в любой момент могут снять с поста. Поэтому любое дело — какое бы дело ни было у вас на уме — является бессмысленным.

— Снять с поста? — изумленно проговорил Марин.— Чего ради?

Слэйтер был серьезен.

— Он расстроен, Дэвид. Он слышал о вашем выступлении в защиту Траска, и это его шокировало.

Марин молча последовал за Слэйтером к его личному прыголету.

Вскоре они подлетели к внешнему периметру воздушной защиты Коттеджа. Самолеты Контроля вели их, и когда новый эшелон принимал их, предыдущий возвращался к своему бесконечному патрульному курсированию. Последний из этих самолетов сел вместе с ними, и перед тем, как они смогли пройти к воротам, команда корабля Контроля идентифицировала их и довела до места, где передала офицерам Приппа. Оказавшись в пределах охраняемой площади, Слэйтер повернулся к Марину и сказал:

— Я предлагаю вам позволить мне идти первым, а вы просто прогуляйтесь. Присоединитесь к нам через десять минут.

Искать Делинди было не время, поэтому Марин остался на краю освещенной волшебной страны садов.

К окончанию назначенного времени он появился перед скромной резиденцией Великого Судьи — восьмикомнатным строением в стиле ранчо, задней частью соединенным со зданием, в котором жили несколько слуг.

В тени дерева в патио сидели двое мужчин. Оба встали, когда Марин приблизился; но на свет, чтобы его встретить, вышел только Слэйтер. Скользящим движением выплыв из темноты, коротышка резко остановился перед Марином и сказал:

— Дэвид, его превосходительство согласился обсудить с вами вопрос Уэйда Траска.

В тоне шефа Контроля слышался оттенок гордости. Он явно считал, что добился значительного успеха. Марин сохранял внешнее спокойствие, но по его венам начал разливаться огонь. Под-

ходя к столу, он снова ощутил невероятную скрытую ярость — ярость человека, который сидел, поджидая его. Марин инстинктивно собрался с духом. Он был решительно настроен на серьезную битву.

Некоторое время звук его голоса состязался только с мягким шелестом ночного ветра. Он начал с того же аргумента, который представил на Совете Руководителей Групп после того, как ему отказали в личном запросе. Затем он перешел к перечислению некоторых из изобретений Траска и к тому, какой пользе они послужили. И, наконец, он закончил личной просьбой:

— Сэр, я привык полагаться на гений этого человека во всем, что касается творческой работы. Армия постоянно нуждается в ней. Он отдавал бескорыстно, ничего не придерживая для себя. Мне кажется, что все это дело могло бы быть решено на уровне переговоров с глазу на глаз. Я уверен, что если бы я не отсутствовал в то время, когда это дело только возникло, я смог бы поговорить с ним и быстро бы узнал, что он имел в виду, когда произносил то критическое замечание в адрес нашей групповой системы. Я заканчиваю, ваше превосходительство. Я не думаю, что этого человека следует казнить. Полагаю, что приговор следует пересмотреть, и как можно быстрее.

Слова были сказаны. Его просьба, чего бы она ни стоила, была высказана раз и навсегда. В течение мгновения мысленно просмотрев свою речь, Марин не мог вспомнить ничего стоящего, что можно было бы добавить.

Может быть, он говорил немного эмоциональнее, чем следовало, и это было плохо. Это могло создать определенное впечатление. Но хотя такая эмоциональность будет понята как заинтересованность в благополучии Траска, даже это само по себе не должно повлиять на окончательное решение.

Он ждал.

Под обильной листвой дерева наступило молчание. Молчание все длилось, а человек, сидевший под деревом, казалось, обдумывал его слова. Ветерок тонко посвистывал в ветвях; аромат цветов и живой зелени внезапно показался Марину тяжелым, но это впечатление ослабло, когда ветер затих.

Вождь качал головой,

— Дэвид,— сказал он,— тебе пора бы знать, что я ценю тебя как личность. Я ценю твой военный гений. Но я был шокирован твоей поддержкой Траска и до сих пор гадаю, каковы твои отношения с ним.

— Нет никаких отношений, сэр,— заявил Марин.— Кроме совершенно обычных, связанных с работой моего департамента.

— Я этому верю,— сказал Великий Судья,— и поэтому жду от тебя, чтобы ты перестал его поддерживать. Начиная с этого момента, направь свою энергию на то, чтобы победить в войне с Джорджией.

Это был прямой приказ. Марин побледнел, затем сказал:

— Считайте, что это уже сделано,— и он вымученно улыбнулся.

Диктатор, казалось, колебался.

— В деле Траска, Дэвид, есть еще много такого, что не лежит на поверхности. Мне жаль, но в этом я даже тебе не могу довериться. Пожалуйста, поверь мне. Однако очень важно, чтобы Джорджия была завоевана быстро,— он помолчал, затем добавил: — Ты мог бы спросить: если так важно казнить Траска, то почему бы официально не отложить его казнь? Я могу тебе только сообщить, что на это есть причины,

Марин подумал о записной книжке, которую он взял у мертвеца. Он подумал, что в такой ключевой момент стоило бы решиться и показать ее Великому Судье. Но он не мог на это решиться. Слишком много было в его душе сомнений насчет Мозга... и Великого Судьи.

Все еще оставаясь в тени дерева, диктатор встал.

— Это все. Я предлагаю тебе сейчас отправиться в гостевую хижину. Увидимся за завтраком.

Дверь для Марина закрылась. Окончательно.

Глава 17

Марин, оказавшийся гостем по принуждению, шел к отведенной ему гостевой хижине. Ночь стала теперь прохладнее и, если не считать освещенных дорожек, намного темнее. Все еще тяжело переживая из-за сложившейся ситуации, он вошел в гостевой домик. Он не чувствовал, что нуждается в сне. У него было сильнейшее убеждение в том, что ему нельзя потратить всю ночь впустую.

И все же, по приказу диктатора, ему придется оставаться в пределах охраняемой зоны. Если он уйдет по какой бы то ни было причине, то это вызовет подозрения.

Он нерешительно разделся и достал из ящика приготовленную для гостей пижаму, но не стал ее надевать. Ему казалось, что это будет равнозначно решению погрузиться в сон. Сон для него сейчас был равнозначен смерти через пять дней. Неприятная математика, и ничего он здесь не мог ни прибавить, ни отнять с

полной определенностью. Его нежелание спать в эту ночь было ощущением, а не подсчетом.

Раздевшись донага, Марин забрался в кровать, выключил свет и какое-то время лежал в темноте без сна. Он не мог не вспомнить о пропущенной встрече с Ральфом Скаддером, вождем Приппа. Не то чтобы у него бы какой-то план использовать Скаддера, но то, что он не смог с ним встретиться, выглядело теперь как упущенная возможность.

Протянув руку, Марин поправил диск будильника светящихся прикроватных часов. Спать, подумал он мрачно. По крайней мере, он хотя бы отдохнет к завтрашнему дню.

Он проснулся, с испугом осознав, что в комнате находится кто-то еще.

— Дэвид! — прошептала женщина в темноте.

Делинди!

— Подходи сюда, к кровати,— прошептал Марин в ответ.

Пауза, движение, запах духов; затем потянулось одеяло, и она оказалась в кровати рядом с ним.

— Негодяй,— упрекнула она его,— без одежды.

Но ее пальцы двигались, мягко и беспокойно, по его телу.

— Я не могу остаться,— проговорила она.— Как мы встретимся, когда поедем?

Марин поцеловал ее. Ее губы были мягкими и отзывчивыми, но он чувствовал напряжение ее тела. Он ответил:

— Сделай прическу попроще и не используй никакой косметики. Я уведомлю Командование Воздушных Сил, что со мной полетит дама.

Она молчала в темноте рядом с ним. Наконец Марин спросил:

— Как это тебе нравится?

— Это не очень-то лестно,— ответила женщина.

Марин сказал мягко:

— Ну, дорогая моя. Ты сама знаешь, что не косметика создает прекрасную Делинди, и я это тоже знаю. Давай не зацикливаться на ненужной маскировке. Как ты объяснишь свое отсутствие Великому Судье?

— О, я просто уеду на день-два. Он ничего не имеет против.

— Ты ему сказала, куда едешь?

— Нет. Он не требует объяснений.

В темноте Марин слегка покачал головой. Ее обманула внешняя терпимость диктатора. Внутренняя же суть его личности — Марин был убежден в этом — заключалась не в подозрительности, которой опасались многие наблюдатели. Это была — всё просто и элементарно — необычайная тонкость восприятия, объе-

диненная с яростью, которой этот человек не переносил в других. Великий Судья был несравненным гением, который глядел в души людей, и когда он видел ярость, которую подсознательно культивировал в себе, он бил насмерть, чтобы уничтожить оскорбительное для него качество — до того, как оно успевало нарушить его собственную внутреннюю стабильность.

— Позволь мне проинструктировать тебя в том, как точно тебе нужно действовать,— мягко произнес Марин.— Ты не против?

— Я слушаю,— она еще крепче прижалась к нему.

Марин кратко изложил ей, каким маршрутом должен следовать ее личный прыголет, где она должна пересесть на первое воздушное такси и где, наконец, встретить военный транспорт.

— Очень умно,— задумчиво сказала Делинди, когда он закончил.— Ты думаешь, это действительно одурачит людей?

Марин объяснил ей принципы надувательства:

— Ты имеешь дело с человеческими существами, обычно с ограниченным их числом. Им мешает необходимость соблюдать секретность. Их задерживают толпы. Если они слишком отстанут, то потеряют твой след.

Она, казалось, приняла это.

— О, Дэвид, как хорошо снова быть с тобой рядом. Я так о тебе скучала. Я...— ее голос прервался. В следующее мгновение он сжал всхлипывающую женщину в объятьях.

— Ох, дорогой,— шептала она,— я так несчастна. И как только такое могло с нами произойти?

Марин прижал ее к себе. Он чувствовал себя как бы закрытым изнутри, как будто его мышление не функционировало, будто ее горе задвинуло какие-то защелки у него внутри. «В конце концов,— с горечью подумал он,— я не могу допустить, чтобы это на меня подействовало. Это не должно влиять на мои решения».

Он сам не совсем понимал, что он под этим подразумевает.

Потому что — какие еще решения?

Единственная его задача состояла в том, чтобы снова стать Дэвидом Марином — целиком и полностью, а не только с виду.

Женщина в его объятьях резко оборвала всхлипывания.

— Я лучше пойду,— сказала она.— Встретимся на Старте Ракет,— она легко поцеловала его и откатилась в сторону. Он слышал, как она встала, слышал ее шаги по ковру. Затем дверь открылась и закрылась.

Марин лежал некоторое время, вспоминая мгновения ее присутствия, прикосновение ее рук, ее шепот, ее слезы — все, что теперь прошло, но не забыто.

Будучи дочерью экс-посла Джорджии, она находилась под большим подозрением. Марин мог предположить, что ее желание съездить к границе Джорджии было только проверкой, чтобы посмотреть: возьмет ли он ее. Может быть, она пыталась узнать, действительно ли на этот раз будет война. Он повернулся на бок, глубоко жалея о потерянной ночи.

Прикроватные часы показывали восемнадцать минут второго, когда он проснулся с созревшим решением в голове. Он вылез из кровати и оделся в темноте.

Он не стал пересматривать свое решение перед тем, как начать действовать. Этот процесс завершился во время короткого периода беспокойного сна. Марин без колебаний вышел из домика и направился к резиденции Великого Судьи.

Он шел по дорожке с беззаботным видом, делая вид, что прогуливается. Если Делинди смогла пробраться сюда и встретиться с ним — значит, возможно и обратное действие.

Он поймал себя на мысли, что принимает как само собой разумеющееся, что вход в Убежища — прежде один были обозначены кодом 808-В — находится в Коттедже Великого Судьи. Сегодняшняя ночь покончит со всеми предположениями. Он самолично определит, что находится в Убежищах под этим районом. Как только он окажется под землей, он быстро и по возможности внимательно все там осмотрит, в зависимости от времени, которым он располагает.

Как только...

Это, конечно, проблема — оказаться внутри, оказаться внизу. Ощутив прилив беспомощности, Марин остановился в темноте под деревом. Он немного постоял, пока не выбросил из головы все сомнения. Ему нет пути назад. Если Мозг внизу, в Убежищах, то узнать это он может только сегодня ночью.

Стоя в тени, он определил свое местоположение по отношению к садам. Он хорошо знал местность. Он прошел сотни две футов. Что означало, что со следующего перекрестка он уже сможет увидеть резиденцию Великого Судьи.

Там ничего не будет заперто. Это закон. На этом уровне диктатор подчинялся своим собственным декретам. Это была такая вещь, на которую сразу обращали внимание посетители. От таких мелочей зависит популярность вождя.

У Марина особого выбора не было. Он войдет в дом осторожно, возможно, применив хитрость. Или же...

Уверенно, хотя и тихо, Марин подошел к передней двери, мягко открыл ее, шагнул внутрь и осторожно прикрыл дверь за собой. Он постоял на пороге в темноте; из коридора справа шел

слабый свет. И вскоре, поскольку не было слышно ни звука, он ощутил радость, дикое воодушевление, восторг, который был чрезмерно бурным, чрезмерно опьяняющим для него. Это было возбуждение игрока, который вступил в большую игру, поставив на кон свою жизнь.

И выиграл.

Он выигрывал не впервые. Но никогда еще он не играл так, чтобы в игре было задействовано *все* — его жизнь, его имя, его положение, его власть. И напряжение удваивалось от сознания того, что при тех же самых ставках идет уже второй тайм игры.

Он на цыпочках прошел через комнату, готовый к малейшему прикосновению к случайно расположенной на дороге мебели. Он знал эту комнату — холодными вечерами в ней проводились конференции. Поэтому он направился к двери, расположенной прямо напротив главного входа. Вскоре он оказался в совершенно темном коридоре. Он знал, что здесь находятся спальни: справа — Делинди, слева — Великого Судьи.

Он не мог разобрать, открыты ли в них двери. Марин ждал. Но ниоткуда не доносилось ни звука. Марин с облегчением предположил, что двери закрыты. В темноте он пробрался вдоль стены вправо, определил местоположение кнопки лифта и нажал ее.

Еще давным-давно он понял, что наличие лифта в этом одноэтажном строении означает одно из двух: наличие подвального этажа или — что более вероятно — лифт ведет к «входу 808-В», в Убежища. Нет ничего удивительного в том, что у Великого Судьи был способ быстро скрыться в случае необходимости.

Послышалось тихое жужжание, затем звук скольжения. Когда двери открылись, из лифта хлынул свет. Марин вздрогнул: свет залил коридор и потревожил тени в большой комнате, через которую он только что прошел. Но он остался стоять неподвижно. И, когда двери раскрылись полностью, он шагнул внутрь.

Очутившись внутри, Марин снова ощутил дрожь, на этот раз — от облегчения. Панель управления была комбинационного типа — цифры от «0» до «9» и «пуск». На ней, как на электронном калькуляторе, можно было набрать любое количество этажей.

Марин набрал на панели сотню и нажал на пуск.

Дверь закрылась. Механизм тихо загудел. Лифт быстро пошел вниз. На нумерованных кнопках мерцали цветные огни. От первого до девятого этажа кнопки светились белым. На десятом цифры засветились по-разному — ноль был белым, а единица — красной. На одиннадцатом кнопка «1» стала красной слева и белой на правой половине. На сотом этаже, когда лифт остановился, единица стала синей, а ноль был красным и белым.

Дверь открылась, и Марин увидел типичный унылый коридор Убежищ. Он вышел с бластером наизготовку. На этом уровне провел в поисках немногим больше получаса — если заглядывание в большие пустые бетонные помещения и ходьбу по темным коридорам можно было назвать поисками. Он спустился вниз на один уровень, поднялся на два, спустился на четыре, и так далее.

Он шел с растущим чувством замешательства и не заметил, когда сверху за ним открылся скользящий люк, за которым показался гибкий металлический стержень, прицелился в него и... выстрелил чем-то.

Он продолжал идти, свернул в сторону по приказу голоса, доносившегося из скрытого устройства, и вскоре оказался на поворотном столе. Его восприятие в это время было полностью отключено, слышался только шепот механических устройств — тихий гул, звук, напоминающий тихое хихиканье, когда детали электронных думающих машин переговаривались между собой.

Никаких слов не было произнесено, но были записаны его мозговые вибрации, кратко изучены мыслительные процессы, и, наконец, в нейтральную структуру самого мозга были впечатаны три контрольных устройства.

Затем он был отпущен.

Марин продолжал идти, так и не узнав, что его поиски были прерваны. Незадолго до пяти часов утра, усталый и убежденный в том, что исследовать хотя бы часть Убежищ — и то не под силу одному человеку, он сел в лифт и выбрался на поверхность.

И снова — хотя, как ни странно, не так сильно — он испытал ощущение, что находится на грани открытия. Но ничего не произошло. Он оказался в саду. Вскоре он был уже в сотне футов от бунгало диктатора и понял, что, по крайней мере, удачно избежал опасности немедленного разоблачения.

В слабом свете зари он залез в кровать. И снова на него накатило сожаление о впустую потраченной ночи. Он снова шел, и ощущение все время было тем же; оно не менялось. Каким-то образом он прохлопал истину, и следовательно, пошел на опасный риск и не получил ничего.

Ничего...

Завтрак с Великим Судьей прошел без происшествий. О войне с Джорджией они не говорили.

Вскоре после завтрака Марин покинул Коттедж Судьи.

Снимая с тела Уэйда Траска маскировку, Марин мог мысленно перечислись только два важных происшествия, случившихся в течение его визита. Великий Судья выслушал его просьбу о

помиловании Уэйда Траска. И Делинди тайно приходила к нему, чтобы утрясти детали их поездки в Азию.

Ему, привыкшему ничего не оставлять на волю случая, казалось, что любое из этих событий могло послужить причиной его приглашения к Великому Судье. Он вполне мог предположить, что разговор предыдущим вечером был инициирован самим Великим Судьей, а не Эдмундом Слэйтером. И посещение Делинди могло иметь три вероятных объяснения. С одной стороны, Великий Судья мог бесстрастно использовать собственную любовницу для того, чтобы она шпионила за своим бывшим возлюбленным, явно уверенный в том, что она будет действовать в интересах правителя планеты, а не одного из его бесчисленных подчиненных. С другой стороны, Делинди сама могла быть джорджианской шпионкой, использовавшей свое тело, чтобы заманить в ловушку сначала Руководителя Группы, а затем и диктатора, ради интересов своей страны. Третья вероятность заключалась в том, что она действительно любила Дэвида Марина.

По сути дела, как осознал Марин, была и четвертая вероятность. Она могла быть пешкой Мозга, бессознательно выполняя задания этого механического существа, а сознательно просто являясь тем, что она есть.

Марин с тревогой отбросил эту мысль. Не потому, что она не имела никакого смысла. Просто она была слишком странной, и такое явление он не мог контролировать.

Не об этом ему следует думать утром его третьего дня, когда нужно еще так много сделать.

Глава 18

Марин открыл дверь квартиры Траска и вошел. Большая комната была ярко освещена утренним солнцем. На мгновение ему показалось, что в комнате никого нет. Затем из кресла в углу поднялась Рива Аллен. Издав восторженный вопль, она бросилась ему в объятия.

Она вертелась, крутилась, целовалась и вся извивалась от возбуждения. Внезапно она, казалось, что-то вспомнила, отстранилась и сказала приглушенным голосом:

— У меня есть инструкции от мистера Аралло, чтобы или вы, или я позвонила бы ему в тот момент, как вы войдете.

— А! — сказал Марин.

И вот так просто; день уже, казалось, не полностью принадлежит ему.

На несколько мгновений у него вдруг возникло странное, интенсивное восприятие этого мира вокруг него. Прежде всего, помещение, в котором он находился, было очень интимным — квартира Траска по праву найма, по сути дела, частная собственность, крепость, в которой, теоретически, никто не мог нанести ему вред — разве что только под эгидой закона. Кроме того, Траск располагал официальным правом на свободу вплоть до часа казни. И все же, несмотря на эти права, возможны были покушения на его время. В его действия могли вмешиваться тысячью различных способов; для него было жизненно важно в какой-то минимальной степени подчиниться желаниям всех этих вмешивающихся властей.

Он предположил, что Аралло будет недоволен тем, что он исчез на целый день, и на мгновение ощутил презрение Руководителя Групп к таким подчиненным, как Аралло, но затем вспомнил свою ситуацию. Нет смысла избегать выяснения этого вопроса.

Он нажал кнопку соединения и четким голосом произнес:

— Аралло, Тильден!

Надо было говорить четко, чтобы сработали электронные устройства, обеспечивающие связь только на основе произнесенного имени. Основанное на ранее известной технологии, это оборудование фирмы «Траск Электроникс» ставилось в основном только у правительственных работников. Квартира самого Траска была единственным исключением. При нажатии кнопки активировался сервомеханизм, который записывал произнесенные слова. Другой механизм чертил график электрических импульсов, созданных звуком. Затем сканнер исследовал график и классифицировал его по определенным группам звуков. Сервомеханизм отбрасывал все остальные группы звуков, а сканнер просматривал трехмерные пластиковые модели графика, сконструированные заранее, и из примерно двадцати сходных выбирал ту, которая представляла собой звук слова «Тильден Аралло». Другой сервомеханизм последовательно выбирал другую трехмерную пластиковую модель, на этот раз соответствующую телефонному номеру, и процесс доводился до того шага, когда еще один сервомеханизм электрическим способом набирал желаемый номер. Сходная технология использовалась для автоматического перевода с языка на язык и для наговаривания текста на пишущую машинку.

После незначительной паузы этот замысловатый процесс был завершен. Включился настенный экран, и на нем появилось мужское лицо.

— А, это вы, Траск,— сказал Тильден Аралло с экрана.

Он казался неприветливым и невеселым, хотя и оживленным. Нахмуренные брови, губы поджаты, глаза серьезны. У него был вид человека, озабоченного серьезными проблемами.

— Рива сказала, что вы хотели со мной поговорить,— мягко проговорил Марин.

Аралло кивнул.

— Я хочу вам напомнить, что сегодня вечером состоится очередное собрание группы.

Марин ничего не ответил. Судя по поведению собеседника, вчерашнее исчезновение Траска на целый день способствовало потере благосклонности к нему группы. Он ждал.

— Я ожидаю, что вы на нем будете присутствовать,— продолжал Аралло.

— Не вижу причин, почему бы нет,— ответил Марин.

— Честно говоря, я тоже не вижу,— сказал Аралло и, поколебавшись, добавил.— Я бы предложил вам придерживаться духа дружеского общения,— и с этим он отключился.

Марин сидел молча. Слова и настроение Аралло, казалось, предвещали будущие трудности, которые могли стать серьезной помехой его планам. И все же здесь он практически ничего не мог поделать. О настоящем общении и речи не могло быть. Он выбросил это из головы. Повернувшись, он сказал Риве:

— Я хочу заняться делами в кабинете и не желаю, чтобы меня тревожили.

Он собирался было отвернуться от нее, но по выражению ее лица понял, что был слишком резок с девушкой. Он сказал:

— Сегодня вечером я буду свободен, дорогуша.

Покачав головой, она проговорила с горечью:

— Тебе не удастся меня одурачить. Ты уже мертв.

Она подтолкнула его к двери кабинета.

— Ладно, делай свою работу. Ты бы хотел, чтобы я приготовила ленч?

— Да,— ответил Марин, обрадованный ее готовностью к сотрудничеству.

Тем не менее, закрыв дверь кабинета, он с удивлением осознал, что все еще дрожит. Он не стал тратить время на исследование этого ощущения, поспешно припер дверь стулом, открыл вход в тайную лабораторию и вошел.

Блеск стекла, сверкание инструментов, длинный поблескивающий стол — это сразу бросалось в глаза. А на полу...

Одного взгляда Марину было достаточно. Тело — его тело — было в сознании.

Он подошел к нему и посмотрел на своего пленника. Глаза связанного беспокойно его оглядели — хотя скоре с раздражением, чем со страхом.

— Ты меня слышишь? — спросил Марин.

Мужчина на полу кивнул головой.

— Я хочу, чтобы ты сообщил мне, куда ты перевез свое изобретение из «Лабораторий Траска» после того, как оставил меня там.

С легкой циничной улыбкой тот тряхнул головой, затем попытался вытолкнуть кляп.

Марин наклонился и, не забывая о том, какими крепкими были его собственные зубы, осторожно вытащил тряпку. Затем он встал на колени, приготовясь в случае чего снова заткнуть пленнику рот.

— Как тебе удалось заманить самого себя в ловушку? — спросил он с любопытством.

Траск уныло посмотрел на него.

— Теперь, когда ты подошел ближе, я вижу, что ты не носишь мои очки.

Марин уже почти забыл о том эпизоде, когда избавился от очков. Теперь что-то начало для него проясняться. Он кивнул.

— Это произошло внезапно,— напряженным тоном проговорил Траск,— Я пришел сюда, чтобы захватить некоторое оборудование, и — ни с того, ни с сего — у меня ухудшилось зрение. Я наткнулся на заднюю часть часов, ухватился за них и, должно быть, закоротил какие-то провода. Это вышибло у меня сознание. Идиотский несчастный случай.

Это воспоминание, казалось, его расстроило. Но Марин почти не обратил на это внимания. Несчастный случай! Не этот ли случай вызвал включение механизмов, из-за которых световые линии полезли из циферблата к его кровати?

Если это так, то становилось еще труднее объяснить эти проблемы... в которых по сути дела и так не было никакой определенности.

— Дэвид, разве ты не видишь, что это величайшее открытие? — проговорил Траск приглушенным голосом.— Пользуясь только одним направлением — аспектом зрения — мы с тобой изменили науку психологии!

Марин пожал плечами. Он прохладно воспринял этот аргумент.

— Психология — это не наука,— авторитетно заявил он.— В ней можно только высказывать мнения, и одна группа никогда не примет мнения другой. Мы отказались от использования пси-

хологов в вооруженных силах, разве что только в качестве младших техников под началом солдат.

Траск, казалось, его не слышал.

— Сколько времени...— проговорил он напряженным голосом.— Сколько времена на это потребовалось? Чтобы твое зрение восстановилось... я имею в виду?

— Часов пятнадцать,— кратко ответил Марин.

— То же самое и со мной,— триумфально заявил Траск. Он сел несмотря на то, что был связан.— Дэвид, разве ты не понимаешь, что это значит? То, что здесь играет роль отношение человека, его философия! С тех пор как я себя помню, я всегда сторонился мира действий. Я был мыслителем, наблюдавшим... с безопасного расстояния. Ученым, наблюдателем, зрителем. И по причине этой модели поведения мои глаза стали близорукими.

Марин на мгновение заинтересовался тем фактом, что этот человек в столь ужасный период своей жизни способен думать о научных аспектах своего изобретения. Этот ученый сухарь начал казаться ему более человечным. Марин почувствовал, что оттаивает — но лишь отчасти. Он спросил мягким голосом:

— Траск, куда ты дел изобретение? Мне оно нужно.

Возбуждение погасло в глазах Траска. Он мрачно смотрел на Марина.

— Дэвид, мы теперь партнеры, хочешь ты того, или нет. Разве ты этого не понимаешь?

Марин покачал головой.

— Ты будешь делать так, как я скажу. Вот это я понимаю.

— Все, что мне нужно делать,— заявил Траск.— это ничего не делать, и через четыре дня ты отправишься в Конвертер. Так что мое положение довольно выигрышное,— темные глаза, смотревшие на Марина, слегка сузились, будто бы он хотел определить, что Марину нужно на самом деле.

— У меня нет времени на препирательства,— отрезал Марин.— Чем больше препятствий ты будешь ставить у меня на пути, тем меньше желания у меня будет помогать тебе... потом. Повторяю, и это последний раз, когда я тебя спрашиваю! Где оборудование?

Траск пристально уставился на него. Он выглядел потрясенным до глубины души.

— Ты, чертов негодяй! — чуть ли не всхлипнул он.— Я знаю этот тон. Я сразу распознаю убийцу по тону его голоса. Но ты не можешь нанести вред своему собственному телу.

Марин ждал. Являясь орудием правительства, он убивал. И, несомненно, будет убивать снова и снова. Траск сам усугублял

свой страх, предполагая, что ради своих личных целей человек может постараться ничуть не хуже, чем если бы он действовал просто как правительственный агент.

— Послушай,— с отчаяньем заговорил Траск,— если бы у меня было время, я мог бы убедить тебя, что эта комбинация группы и идей свободного предпринимательства имеет столько же недостатков, как и каждая система по отдельности,— он, должно быть, решил, что Марин собирается его перебить, поэтому затараторил с невероятной быстротой.— Дэвид, если бы мы искали супермена, нам нужно было бы начать с готовности встретиться со смертью в любое мгновение. И прежде всего за данными мы обратимся к действующей армии. Там мы наблюдаем невероятный феномен — люди на пике своих возможностей, натренированные, чтобы сражаться со смертью. Когда гениальный лидер видит это, у него возникает опьяняющее ощущение потенциальной мощи человеческих существ. Он может зрительно представить себе массы людей, организованных для достижения великих целей. Однако на практике, похоже, это не работает. Выдерни человека из военной среды — и он теряет все величие, которое получает от окружающей его среды. Пять тысяч лет войн доказали, что армия — это не способ жизни для самодостаточного человека, который, тем не менее, признает свою взаимозависимость с другими людьми.

Он помолчал, явно чувствуя себя несчастным.

— Я вижу, что не очень-то тебя убеждаю,— признался он.— Ты верен Великому Судье, и...— он прервался.— Дэвид, ты когда-нибудь спрашивал себя, откуда взялся Великий Судья? Каково его прошлое? Только, пожалуйста, не лепи мне стандартные ответы из официальной истории. Родился в той части Советов, которая называется сейчас Джорджией, воспитывался в семье инженера, стал армейским офицером. Не эту часть. Ты встречал где-нибудь информацию, которая заполнила бы промежуток между полковником Иваном Проковым и Великим Судьей? Я, честно говоря, не встречал, а я предпочитаю жизненные истории, которые обладают непрерывностью.

— Я могу предоставить тебе эту информацию,— терпеливо ответил Марин.— Это был довольно текучий период в жизни вооруженных сил Объединенных Западных Держав. С течением войны русские полевые офицеры поняли то, что, по-видимому, было недоступно пониманию верховного главнокомандования: что у простого солдата терпение практически кончилось. Ведомые полковником Иваном Проковым, они...

Он замолчал, потому что Траск смотрел на него с ухмылкой.

— Ты, конечно, знаешь свой катехизис назубок, не правда ли? Но, друг мой, как объяснить тот факт, что человек, которому двадцать пять лет назад было почти пятьдесят, сейчас выглядит на тридцать восемь? — он изучающе смотрел на Марина.— Есть какие-либо комментарии?

Марин колебался. У него не было настроения продолжать эту дискуссию, которую он считал бесплодной. Но он вспоминал период, когда он только привыкал к телу Траска. Подобные сновидениям воспоминания — та сцена, когда явно умиравший мужчина просил помощи. Этот случай вполне мог бы стать ключом к прошлому Траска.

Он кратко описал Траску эту сцену и сказал:

— Я так понял, что он мог бы получить помощь, но только в том случае, если бы сказал, почему он болен. Что с ним произошло?

— Это один из моих ранних экспериментов по самодостаточности,— сказал Траск.

— И что доказал этот эксперимент?

Траск нахмурился.

— Это мир недотеп, Дэвид. Огромный процент людей глубоко нуждается в том, чтобы кто-то говорил им, что делать, что думать, что чувствовать и во что верить, и они скорее умрут, чем осознают, что они *сами* ответственны за свои болезни, неудачи и прочие недостатки. Нам необходимо это изменить. Мы должны создать систему, в которой люди взаимозависимы и в которой авторитет в какой-либо области является просто источником информации для равных себе.

— Этот человек умер?

— Нет,— Траск пожал плечами.— Когда он впал в кому, мы выполнили свою роль заменителя папаши и мамаши и спасли его.

Марин кивнул. Перед тем как перейти к главному вопросу, ему надо было уточнить еще кое-что.

— Где проводились эти эксперименты?

— В Джорджии. Королева и ее сестра, которая тогда была подростком, поощряли любые эксперименты на живых людях, и, поскольку они не задавали слишком много вопросов, я переехал в Джорджию и жил там в течение трех лет.

— За эти три года,— спросил Марин,— с кем ты там был связан?

Траск искательно посмотрел на него, затем слегка съежился.

— У тебя что-то на уме,— обеспокоенно пробормотал он,— Я это вижу. Но я все равно тебе скажу. Прекраснейшие люди,

которых я когда-либо встречал, идеалисты, возможно. Но они признавали ценность моих идей относительно того, как люди должны жить вместе. Они побуждали меня экспериментировать.

— Как ты встретился с этими людьми? — спросил Марин с любопытством.

— Двух мужчин и одну женщину я встретил в колледже. Мы могли разговаривать часами. Конечно, тогда мои идеи еще не были доведены до совершенства.

— Ты поехал в Джорджию сразу после университета?

— Нет. Только после того, как разработал резонансное устройство с камерами бесконечного эха, которое сделало возможным теле- и радиовещание по всему миру без всяких искажений. Это дало мне все деньги, которые мне были нужны. Я был свободен и мог продолжать исследования.

— И тогда ты разыскал этих людей?

Траск заколебался, затем раздраженно заметил:

— Послушай, я стараюсь быть с тобой совершенно честным. Но все это не относится к делу. Я с радостью расскажу тебе об этом когда-нибудь.

— Ладно,— Марин кивнул.— Но сначала еще два вопроса.

— Давай,— Траск, казалось, совершенно смирился с происходящим.

— Там было много — этих... идеалистов... в Джорджии?

— Я встречался сотнями с двумя,— ответил Траск.— У меня было впечатление, что их тысячи. Они, похоже, знали людей со всего света.

— Вопрос второй,— сказал Марин.— Ты рассказал им о своем изобретении, при помощи которого можно поменять себя с другой личностью?

Траск покачал головой.

— Не напрямую.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну...— ученый выглядел несчастным.— Я действительно намекал, что работаю над кое-чем значительным. Но я избегал их вопросов на эту тему.

— Почему?

— Ну...— Траск внезапно задумался.— Я понимаю, к чему ты ведешь. Почему я не доверял им, если они такие достойные? Я думаю, в этом виноват мой комплекс изобретателя. Кроме того, я считал, что некоторые из них слегка склонны к насилию. Я мог себе представить, как эти индивидуумы силой добиваются обмена телами, и, честно говоря, я считал, что изобретатель столь

значимого для истории новшества имеет право на свой голос относительно его использования и влияния,— он хрипло рассмеялся.— Я еще не понимал тогда, что скоро мне придется действовать безумно быстро.

— Чересчур безумно, судя по всему,— мрачно заметил Марин.

Но он испытал невероятное облегчение, услышав все это. Теперь он уже частично представлял себе ситуацию. Мышление Траска представляло собой любопытную смесь идеализма гения и вполне практичного восприятия жизни. Группа, которая его заполучила, обнаружила, что его ум обладает настолько невероятной выносливостью, что они не стали даже пытаться загружать его своими собственными идеями. Они, несомненно, не испытывали к нему доверия, и он даже не являлся членом их организации. Они держали его на длинном поводке, но это оставляло ему много места для маневра.

Траск продолжал говорить.

— Дэвид,— настойчиво твердил он,— ты не понимаешь, как далеко мы отошли от идеи, согласно которой человеческое существо имеет право на признание присущего ему личного достоинства. Сведенная к простейшей формуле, эта идея состоит в следующем: если ты нарушаешь права одного человека, ты нарушаешь права всех. Я под этим подписываюсь.

— Я так понимаю,— заметил Марин,— что этот трюк по обмену тел, который ты сыграл со мной, не является нарушением твоего кодекса чести.

Последовало молчание. В возбуждении спора Траск явно забыл об этом пункте. Наконец он медленно проговорил:

— Сейчас в моей жизни наступил огромный кризис. Человек, который изобрел устройство, призванное изменить историю человеческой расы,— это особая ситуация.

Внезапно он замолчал. Выражение его лица, казалось, говорило о том, что его собственные слова поразили его и подали ему новую идею. Внезапно его лицо покрылось испариной.

Марину пришло в голову, что это *его* тело испытывает ощущения, напрягается, потеет по мере того, как сущность Треска переживает одну мысль за другой. Это казалось кощунством, загрязнением этого когда-то сильного и здорового тела.

Затем Траск опять заговорил. Поразительная реальность обмена телами отступила перед смыслом его слов. Он хрипло прошептал:

— Дэвид, тебе не придется применять пытки. Я отдам тебе изобретение. И покажу, как им пользоваться.

Глава 19

Марин ждал. Он был поражен, но не убежден. Людей, стоящих перед лицом вечности, по типу реакции можно условно разделить на три группы: они могут быть тихими и застывшими; могут неуемно проявлять эмоции самого разного свойства; наконец, они могут добродушно балагурить. Эти последние обычно были сторонниками оппозиционной философии. Они вступили в игру, проиграли и принимали свою судьбу с шуткой и кривой улыбкой.

Траск начинал вести себя, как эмоциональный тип.

— В тот момент, когда ты овладеешь управлением изобретения,— мрачно заявил он,— ты встанешь на перекрестке истории, ты сможешь изменять мир в соответствии со своими воззрениями. Поэтому у тебя нет никакой альтернативы, кроме как действовать так, как действовал я.

Внезапно став спокойным и решительным, он взглянул на пленившего его человека.

— Ты меня убьешь, конечно,— задумчиво сказал он.— Хотя это зависит... Может, ты сможешь меня использовать.

Этот Траск был так непохож на прежнего, и говорил так убедительно, что на мгновение Марин обратил свой мысленный взгляд в том направлении, куда указывали его слова... И затем, потрясенный, он больше не стал смотреть туда.

... Предательство, личные амбиции, месть — вот что он там увидел. Были, конечно, и идеалы, но туманные.

Он натянуто заметил:

— Это догмат групповой идеи — что человек должен добровольно подчиняться ради блага группы.

Траск ухмыльнулся. Он, казалось, уже пришел в себя и снова чувствовал себя свободным — внутренне, конечно.

— Дэвид, групповая идея не настолько значительна и фундаментальна, чтобы с ее помощью можно было добиться от индивидуума такого вида лояльности. Единственная сила, которая может этого достичь,— это убежденность индивидуума в том, что он является перманентной сущностью в рамках вечности.

— А,— заметил Марин,— движение «назад к Богу».

Это замечание не заставило Траска утратить хорошее расположение духа.

— Я этого не говорил. Я просто сделал логическое утверждение.

Однако, несмотря на по-прежнему добродушный вид, он, должно быть, был уязвлен, потому что первым нарушил тишину.

— Изобретение — в твоем прыголете,— кратко сказал он.

Марин уставился на него.

Ну конечно!

Это было наиболее вероятное местоположение, такое, о котором он рано или поздно сам бы догадался. Можно ли найти место столь же неприкосновенное, как личный прыголет Руководителя Групп? И, конечно, Траск, ведя машину к своей лаборатории, не мог знать, что любое нарушение или происшествие низвергло бы его с вершин потенциальной власти в бездну катастрофы.

Марину даже не пришло в голову спрашивать, где искать прибор. Разумеется, он будет в багажном отделении.

— Принеси его,— сказал Траск.

Марин не двинулся с места.

— И что потом? — спросил он.

— Там все, что нужно,— сказал Траск.— Достаточно энергии и необходимые соединительные устройства.

Марин насупился.

— Ты не будешь против,— спросил он,— если я принесу также и детектор лжи?

Траск пожал плечами.

— В этом нет необходимости, но если тебе так хочется...

— И,— спросил Марин,— если я заткну тебе рот, пока хожу?

— Нет необходимости,— повторил Траск,— но, если хочешь, давай,— и добавил: — Стены между квартирами звуконепроницаемы, а лаборатория к тому же изолирована от остальных помещений.

Марин был склонен верить ему. Но суть заключалась не в истине. Суть была в том, что он не мог рисковать. На данный момент Траск, если он каким-либо образом освободится, без труда докажет, что именно он — настоящий Дэвид Марин.

А Дэвид Марин, выглядящий как Траск, и нескольких часов не проживет после того, как будет обнаружено, что он захватил человека... который выглядит как Руководитель Групп Дэвид Марин.

Он сунул Траску в рот кляп и прошел в квартиру. Рива сидела на диване, поджав под себя ноги, и читала. Увидев его, девушка отшвырнула книжку в сторону и вскочила.

— Закончил? — нетерпеливо спросила она.

— Только начинаю,— быстро ответил Марин. Стоя в дверях, он добавил через плечо.— Мне надо принести кое-какое оборудование из прыголета. Я сейчас вернусь.

В багажном отделении прыголета находились три коробки. Марин перенес их по одной и поставил на пол в кабинете. Затем он отсоединил детектор лжи от особой инструментальной секции

панели управления своего прыголета, весьма нестандартной, и тоже перенес его в кабинет.

В лаборатории он, следуя указаниям связанного Траска, развернул его оборудование. Затем, используя детектор лжи, он стал задавать целенаправленные вопросы, ответы на которые должны были без малейших сомнений показать, что Траск действительно передает свое изобретение.

Наконец Марин заставил себя остановиться. Он встал, напряженный и возбужденный, и подпрыгнул от неожиданности, когда огромные часы в гостиной завибрировали. Затем донесся слабый отдаленный звук — часы пробили полдень.

Сделав над собой некоторое усилие, он вышел на кухню.

Ленч с Ривой оказался для Марина трудным делом. Он изо всех сил пытался казаться беззаботным. Но нервный заряд, горящий у него внутри, не давал ему усидеть на месте. Он дважды принимался рассказывать анекдоты и каждый раз хохотал до тех пор, пока по щекам у него не начинали течь слезы; перепуганная девица смотрела на него в изумлении, когда ее собственный непродолжительный смех прерывался удивленным взглядом.

Марин вернулся в лабораторию; собственные выходки его немного протрезвили. Теперь он не стал терять ни мгновения. Он без предупреждения выстрелил в человека, сидящего на полу, газовым зарядом, рассчитанным на определенное время действия. Когда Траск обмяк, он развязал его, вытащил кляп и расположил безвольное тело на полу рядом с машиной. Быстро прикрепил электроды — восемь с одной стороны и чуть ли не двадцать с другой — каждый на важном нервном центре.

Его немного удивил выбор некоторых нервных центров, которые Траск считал немаловажными. Основные точки: колени, бедра, лодыжки, запястья, плечи, загривок, основание горла, точка чуть левее сердца. Точки с боков головы, виски и макушка головы.

Некоторые из этих соединений проходили через аккуратно сконструированный сервомеханизм, который мог приводить в сознание или выводить из него — как Траска, так и его самого — в зависимости от того, как он был настроен.

Следующий шаг потребовал времени — сложная операция прикрепления электродов к самому себе. Наконец, приготовившись, он лег рядом с другим телом, потянулся к активатору... и задумался.

Он мрачно размышлял, не наделал ли он каких-либо ошибок. Он взопрел от страха. Если он ошибся, если он потерпит сейчас неудачу, другой возможности у него может не быть. Он заставил

свое тело расслабиться, затем еще на секунду задумался. И нажал на активатор.

Прошло несколько секунд — но ничего не изменилось.

Марин заставлял себя сохранять спокойствие, борясь с растущим смятением. После напряженной неизвестности предыдущих сорока восьми часов эта неудача принесла ему горькое чувство разочарования.

«Подожди,— сказал он себе.— Дай время. В конце концов, человеческое существо *действительно* сложная вещь и, вероятно, реагирует медленно».

Он все еще размышлял, когда прямо у него в ушах послышался голос:

— Срочное сообщение: происходит отбор энергии неизвестным устройством.

Марин невольно подскочил на месте и обернулся. Потрясение все еще билось в нем, пока он дико вертел головой в поисках говорившего. Если не считать бессловесного тела, лежащего рядом с ним на полу, в лаборатории никого не было.

Не успел он осмыслить это происшествие, как второй голос проговорил:

— Обнаружение по направлению — обнаружено вторгшееся устройство — район Группы 814.

Затем возникла пауза, и Марин снова огляделся. Помещение все так же было пустым. Затем заработало его мышление. Он подумал: «Они же говорят прямо у меня в голове».

Телепатия. И теперь — что?

Дальше этого он не продвинулся. Третий голос сообщил:

— Контакт невозможен. Получающее устройство — человеческое существо. Требуются дальнейшие операционные команды, и включите больше данных.

Теперь приходили другие ощущения — невербальные. Казалось, что они идут на уровне автоматических процессов, частично ниже уровня сознания. Марин ощущал дерганье в том месте, которое казалось ему основанием его мозга; затем слабо ощутимые движения внутри тела — происходящие изменения, подстройка функций, крошечные манипуляции в его железах и клетках. Контакт был именно таким — глубинным и всеобъемлющим.

Новый голос проговорил:

— Доклад коммуникационного устройства 28548. Вторгшийся подключился случайно, он не прикреплен к организации. Необходима внешняя акция.

Затем пришел ответ:

— Центру необходимо воспользоваться внешними сервомеханизмами.

Марин, следивший за диалогом с растущим изумлением, конвульсивно нажал кнопку, деактивирующую его собственное устройство, и разрушил связь с бессознательным телом рядом с ним. Он сел и при этом содрал с полдюжины электродов, прикрепленных к его собственной коже. Он уже заканчивал освобождаться, когда слабый, теперь уже отдаленный голос коммуникационного устройства проговорил:

— Прямой контакт нарушен. Путаница с идентификацией, хотя имя Уэйд Траск прошло четко. Другое имя не...

Голос — или что бы там ни было — резко затих и пропал.

Трясущимися руками Марин начал отсоединять электроды от лежащего рядом с ним тела. Затем он сел, прислонившись спиной к столу; его мышление стало искать объяснение этого фантастического происшествия.

Его попытка вернуть себе свое собственное тело провалилась.

Это был его личный провал. Будущее казалось ему пустым. Однако относительно причины этой неудачи не могло быть никаких сомнений. Странный язык, отпечатавшийся в его мышлении, представлял собой Модельный Английский, использовавшийся в большинстве развитых типов электронных мыслящих машин. И это означало...

Что Мозг жив.

Это откровение завибрировало в его мышлении, и он почувствовал себя как человек, которому внезапно открылась какая-то скрытая реальность. Будто он был фермером, стоящим на зеленой лужайке, и на его глазах перед ним на мгновение возник прорыв, приоткрывший ему огонь и ярость вулканического ядра планеты.

Марин сидел, нахохлившись, в течение неопределенного периода времени, размышляя о том, что из этого всего следует. Он вспомнил, что Слэйтер говорил о странных методах мысленного контроля посредством электронных схем, впечатанных непосредственно в массу самого мозга.

Такого здесь не было. Но Траск был идентифицирован. Через него могли найти и Марина. И это означало... что?

Марин стонал про себя, связывая тело, все еще находившееся без сознания. Затем сел, чтобы обдумать следующий шаг.

Теоретически он мог перенести себя в какое-то другое тело. Но было совершенно неясно, что может произойти с сутью личности, профильтрованной сначала через одну нервную систему, затем через другую. Он осмелился предположить, что при этом сохра-

нит восприятие жизни самого себя как Дэвида Марина. За пятнадцать лет он изменился достаточно сильно, но тем не менее оставался одной и той же личностью.

Сидя в тишине лаборатории рядом с собственным телом, распростертым на полу, Марин размышлял о возможности использовать другие тела для спасения.

Наконец он тряхнул головой и отбросил такое решение навсегда. В нем присутствовал недостаток в виде предопределенности. Это означало, что другому человеческому существу придется унаследовать смерть, неотделимую от физической сущности Уэйда Траска.

Не имея предварительных данных, которыми обладал он сам, другой человек, несомненно, сойдет с ума.

Планы, чувства, решимость и нерешительность, ужасающее ощущение неотложности этих дел — все это в конце концов прекратилось, когда он наконец принял решение.

«Мне придется разбудить Траска. Тут явно нужна еще одна голова».

Он не верил, что Траск сможет предложить ему окончательное решение проблемы. Но он хоть с кем-то сможет поговорить, узнать новую точку зрения, услышать новые идеи.

Марин поколебался, затем выстрелил в неподвижное тело на полу зарядом пробуждающего газа.

Через несколько мгновений Траск зашевелился.

Глава 20

Человек на полу тихо застонал, затем пошевелился, будто ему было неудобно лежать. Сквозь загар на его лице проступала бледность. Его глаза на миг открылись, но это явно было действие, куда не было включено ни мышление, ни зрение. Веки сомкнулись, и он снова затих. Теперь уже сомнений не было. Сознание возвращалось к нему. В следующее мгновение Траск вздохнул и открыл глаза.

Марин ждал. Такие вещи нельзя было торопить, особенно если человек уже несколько раз побывал в бессознательном состоянии.

Он ждал. Затем заговорил, не переставая испытывать напряжение из-за своей нерешительности. Он рассказал о «штуке» в сознании Дэвида Бернли, о том, что ему Эдмунд Слэйтер о поисках Мозга. Он описал светящуюся «веревку», которая появлялась две ночи назад.

Траск, до этого момента слушавший молча, перебил его:

— Ты имеешь в виду, что я запустил эту штуку, когда грохнулся о заднюю сторону часов?

— Понятия не имею,— ответил Марин.— Я рассказываю тебе о том, что произошло, а не почему это произошло. Дай мне закончить.

Траск больше его не перебивал. Но, когда Марин описывал, что происходило, когда он пытался применить устройство к ним двоим пару часов назад, выражение его лица стало напряженным.

Он лежал молча, дожидаясь, пока Марин закончит. Затем он медленно проговорил:

— Дэвид, размышлял ли ты о последствиях того, что я сделал, когда я передал тебе свое изобретение, ничего не прося взамен?

Марин, имевший собственное мнение насчет этих мотивов, спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Я сделал так, потому что было логично так сделать.

Марин слегка покачал головой, но он понимал, что Траск имеет в виду. Логично, что, подчиняясь собственному властному порыву, он сделает с изобретением то, что и запланировал Траск. Но поскольку такой мысли у него еще не возникало, логика Траска была ему еще не настолько ясна, как это казалось самому ученому. Но все же этот человек действовал решительно. Это был акт, требующий высокого сознания и, несомненно, включающий в себя понимание вероятности гибели. Марин ждал.

Траск с жаром продолжал:

— Неужели ты не можешь быть логичным? Освободи меня.

— *Что?!*

Он был поражен. Его мысли метались во всех направлениях, относящихся к этой идее. Он думал о том, что... при помощи того факта, что Мозг существует, уже можно было бы ограничивать деятельность Траска и управлять им.

«Я мог бы забрать все копии его изобретения,— думал Марин.— При помощи своего оборудования я мог бы замаскировать его под Траска». Несмотря на его огромные познания в электронике, Траску не так-то просто будет избавиться от внешности, приданной ему при помощи этого метода. Множество чужих шпионов, посланные назад в качестве агентов, вынуждены были работать на Великого Судью только по причине насильно измененной внешности.

Затем Марин на мгновение отвлекся. Он часто задумывался о проблемах, с которыми встречается такой шпион, возвратившись в свою страну, когда он внешне уже похож на кого-то другого, не

осмеливаясь раскрыться, с активированной болеобразующей схемой, постоянно напоминающей ему о том, чего от него ждут. Ситуация такого человека и наполовину не будет так серьезна, как положение Уэйда Траска в теле Марина, замаскированного под Траска, и Марина, замаскированного под себя самого.

Если бы все это дело не было таким смертельно опасным, оно показалось бы невероятно смешным.

Он представил себе Траска свободным, и такая ситуация показалась ему запутанной и опасной. Он медленно проговорил:

— Что-то мне не уследить за твоими рассуждениями.

— Дэвид, в данной ситуации мы не можем бросать псу под хвост мой талант и мой опыт,— напряженно заговорил Траск.— Мозг — это электронный компьютер, а это моя область. Никто из живущих ныне людей не разбирается в этой области лучше меня. Ты нуждаешься во мне так же сильно, как я в тебе. Разве ты этого не видишь?

— Я вижу тебя свободным и предающим меня.

— Каким образом? — тон Траска одновременно был и молящим, и нетерпеливым.— Бога ради, Дэвид, я отчаянно в тебе нуждаюсь! Я не могу себе позволить тебя предать. Слушай...— и он описал предосторожности, которые мог предпринять Марин,— в точности так, как Марин их и представлял. Контроль над изобретением. Маскировка тела Марина...

Здесь Траск прервался, затем сказал:

— Я полагаю, что, на данный момент во всяком случае, ты не думаешь о том, чтобы произвести обмен телами,— есть Мозг или нет Мозга.

Марин просто ответил:

— Должен же быть хоть кто-то неподконтрольным. На данный момент я чувствую себя свободным.

— А если Великий Судья — агент Мозга?

— Да? — осторожно поинтересовался Марин.— И что тогда?

— Ты все равно сохранишь лояльность по отношению к нему? — Траск перебил сам себя.— Подожди! Не отвечай! Это не суть... на данной стадии. Рано или поздно тебе придется повернуться лицом к этому вопросу. Но прямо сейчас у нас есть дела, которые остаются весьма важными, независимо от конечного выбора.

Марин кивнул. Он привык работать в строгих рамках систем координат. Он осторожно проговорил:

— Если я тебя отпущу, что помешает тебе изготовить копию своего изобретения и стать Великим Судьей, как ты первоначально планировал?

— Ты хочешь, чтобы я ответил на этот вопрос с детектором лжи?

Марин, не теряя ни мгновения, подсоединил разоблачающее устройство, и Траск сказал:

— Я не смог бы дуплицировать его быстрее, чем в течение трех недель.

Детектор лжи подтвердил истинность данного утверждения.

Это, как понял Марин, был решающий момент. Но он пришел слишком быстро. Сначала ему нужно было сделать еще кое-что.

— Нет,— сказал он.— Еще нет. Позже.

— Почему нет? — Траск явно старался сдержать свою ярость.

Марин покачал головой.

— Мне нужно увезти отсюда изобретение. И, честно говоря, мне нужно обдумать, что я буду делать с таким опасным человеком, как ты.

Траск тихо застонал от огорчения.

— Ты дурак,— сказал он.— Бога ради, не тяни. У нас так мало времени. Даже этот единственный вечер может оказаться решающим.

Марин заколебался. Он интуитивно чувствовал, что Траск прав. Но также он не забыл и о звонке предыдущим утром. Он спросил:

— Что тебя связывает с Ральфом Скаддером?

На лице Траска проскользнуло испуганное выражение. Он с трудом глотнул, затем неловко поинтересовался:

— Скаддер... ты имеешь в виду приппа?

Глядя на встревоженного ученого сверху вниз, Марин покачал головой.

— Прямо сейчас у меня нет времени, чтобы расспрашивать тебя о Скаддере...

Траск пришел в себя.

— Бога ради, Дэвид! Скаддер просто обеспечивал меня год назад испытуемыми для экспериментов. Я надеялся, что смогу как-то использовать его организацию. Но пока ничего не удалось утрясти. Я собирался встретиться с ним снова. Он подозрителен, но жаден. Я поразился, узнав, что тебе об этом известно, только и всего. Мне показалось, что моя жизнь подверглась угрозе.

— Понимаю,— Марин поверил этому рассказу. Но все же...

— Здесь слишком много неподконтрольных факторов,— сказал он решительно и покачал головой.— Например, это собрание твоей группы сегодня вечером. Я очень не хочу тратить на это время, но не могу избавиться от ощущения, что для нас обоих это будет безопаснее, если я схожу вместо тебя. По крайней мере, тогда я буду знать, какие проблемы завязаны на этой террито-

рии,— он решительно прервал себя.— После этого я приду и уже решу, действовать ли мне тем или иным образом. Обещаю.

Он взглянул на часы.

— У меня остается время поесть, протащить сюда еду для тебя, погрузить изобретение обратно на прыголет и отправляться в путь.

Он вышел, чувствуя большое облегчение. Он все еще не мог вполне представить себе Траска свободным. Ученый настолько глубоко погряз в предательстве, что — как казалось Марину — любые взаимоотношения с ним, кроме взаимоотношений тюремщика и пленника, были крайне компрометирующими.

Но вместе с этим убеждением в нем росло еще одно ощущение. Это ощущение заключалось в том, что грядут великие события, и еще до наступления утра ему придется действовать решительно.

Глава 21

7:30 вечера.

Это было обычное собрание группы. Марин, в обличье Траска, сидел в кресле № 564 и получал от группы множественные выражения приязни как к человеческому существу — разумеется, по выражению одного из выступавших, без малейшей возможности прощения тех его заявлений, которые были сочтены изменническими.

8:40 вечера.

Все еще шел дождь, когда Марин вышел из здания центра группы. Окна из цветного плексигласа со встроенными системами освещения бросали отсветы далеко в пространство площади — этого символа атомного века.

Площадь казалась замкнутым миром — окруженная высокими зданиями, только четыре выхода, да и те намеренно были сделаны узкими и низкими. Подобные мостам, или туннелям, они пронизывали нависающую массу зданий на углах.

Марин этого почти не замечал. Он пытался прийти к какому-либо решению — идти ли ему на встречу со Скаддером к десяти часам, или...

У него было дело, которое потребует времени. Ему нужно было изучить старые сообщения по Убежищам. Что происходило в том районе, где потом была построена резиденция Великого Судьи? Могло пройти еще несколько дней, пока у него появится необходимое для этого время, в то время как он мог также позво-

нить Скаддеру и предложить перенести встречу на одиннадцать тридцать. Он так и решил сделать.

Снова придав себе облик Марина, он отправился в собственное управление. В течение двух часов секретные сотрудники носились с папками от шкафов к его столу. В воздухе стоял запах пыли и старых бумаг. В конце концов ему удалось раскопать некоторые факты.

В районе Города Припп Убежища пострадали особенно сильно. Как ни странно, но точно в этом месте бомба пробила дыру чуть ли не в полмили глубиной и в сотни ярдов в диаметре. Мозг вполне мог быть опущен в такое необычное укрытие и впоследствии накрыт постройками — при условии, что Великий Судья отдал соответствующие распоряжения.

Выходя из управления, Марин сумрачно думал: «И опять я к этому возвращаюсь...»

Глава 22

Все еще шел дождь. Тьма над прыголетом Марина походила на смолу. Он направлял свой летательный аппарат в Город Припп.

Никто ему не мешал. Его машина спускалась все ниже, приближаясь к этому невероятному поселению, которое вскоре растянулось под ним во все стороны.

Марин шел по улице, наблюдая за жестокими шутками, которые выкидывала генетика. Эти феномены одновременно отталкивали и зачаровывали его. Все происходило на уровне клетки... или, скорее, в энергетической зоне молекулярной полосы частот — на уровне, на котором работало изобретение Траска. У него были готовы планы и теории насчет того, что можно было бы сделать с приппами и для приппов.

Тут поток его мыслей остановился. Потому что это была *не его* мысль.

Он сам не имел представления о сути изобретения Траска, и у него никогда не было никаких планов насчет приппов.

Внезапно он ощутил сильное беспокойство. Его встревожило то, что воспоминания другого человека каким-то образом снова и снова незаметно всплывают у него в голове. Это, похоже, доказывало, что идет конфликт. Подавленные воспоминания Траска искали выход. А не может ли однажды случиться так, что сущ-

ность Траска внезапно всплывет на поверхность и захватит контроль над ним?

В таком взвинченном состоянии Марин зашел в телефонную будку и позвонил в «Удовольствия Инкорпорейтед».

Трубку сняла женщина. Когда он представился, она сказала:

— Двое индивидуумов встретят вас на уровне три Убежищ через десять минут. Туда вы можете попасть через служебный вход восемь. Полностью следуйте их указаниям. Они отведут вас к мистеру Скаддеру.

Марин ждал.

— Служебный вход восемь,— продолжала женщина,— находится в сотне ярдов к западу от того места, откуда вы звоните.

— Я иду,— сказал Марин.

Уровень три представлял собой плохо освещенную стальную пещеру. Слабые огни, освещавшие коридор, терялись вдали в обоих направлениях, и то там, то здесь, пока он шел в направлении, в котором ему было указано идти, Марин проходил пересечения с поперечными коридорами, фонари в которых располагались на еще больших расстояниях друг от друга. Везде стояла глубокая тишина.

Наконец вдалеке, в главном коридоре, появились две фигуры. Марин продолжал идти по направлению к ним. Приблизившись, он увидел, что это были мужчина и женщина.

— Меня зовут Йиша,— сказал мужчина-припп.— Дан Йиша,— женщину он представлять не стал.

— Перед тем, как мы пойдем — вопрос,— добавил мужчина.

— Да? — сказал Марин.

В полутьме мужчина-припп заговорил:

— Вы когда-то использовали приппов в качестве объектов экспериментов, из-за нашей генетической памяти. Не нужны ли вам еще объекты, и если нужны, то, может быть, кто-нибудь из нас соответствует вашим требованиям?

Марин открыл было рот, чтобы отказаться от предложения. Но его удивил смысл, содержавшийся в словах мужчины. Поэтому... может быть, он сможет использовать этих людей? Наконец, из чистого любопытства, он спросил:

— Что вы помните?

После паузы мужчина ответил:

— Я обладаю всей памятью — памятью зарождения расы. Это то, что вам хотелось бы найти?

«Неужели это действительно так?» — поразился Марин.

С каким-то странным, напряженным возбуждением он осознал, что при помощи изобретения Траска он мог стать приппом

и проверить это на деле. Что он будет делать с такой информацией — это другой вопрос. Но вся грандиозность идеи заключалась в том, что... это *возможно*. По крайней мере, человек мог полностью исследовать смысл жизни и ту ужасную игру, в которую она играла, создавая приппов.

И снова, еще более яркая, чем раньше, к нему пришла мысль: «Как я могу этим воспользоваться — сейчас?»

Он чувствовал, что должен держать этих двух индивидуумов под рукой, просто на случай, если что-нибудь с ним произойдет.

Марин жестом указал на женщину.

— А как насчет нее? — спросил он.

Он не обращался к ней непосредственно, потому что состояние психики женщин-приппов опустилось до более низкого уровня, чем у мужчин. В результате их считали не более чем пешками — они и сами себя так воспринимали.

Йиша повернулся к женщине,

— Что ты помнишь? — с угрозой спросил он.

— Море,— ответила она грустным голосом, и в слабом свете было видно, как ее передернуло.— Ил на дне океана. Скалы в глубокой воде. Жаркие берега, и нет спасения от жгучего солнца.

Йиша повернулся к Марину.

— Это соответствует вашим требованиям? — вежливо поинтересовался он.

Внезапно Марин принял решение.

— Вы оба нужны мне для экспериментов,— сказал он.

— Это опасно?

— Вам не будет причинено никакого физического вреда.

Казалось, это было единственным, что их могло тревожить.

— Оплата?

— Две сотни долларов каждому.

— Куда нам прийти?

Марин дал им адрес Траска.

— Я хочу, чтобы вы прибыли туда сегодня, примерно в час ночи,— он достал бумажник и протянул две пятидесятидолларовые банкноты женщине, которая стояла с ним рядом.— По пятьдесят каждому,— сказал он.

Женщина поспешно спрятала одну из купюр на груди платья, а вторую протянула своему компаньону.

— Одна моя,— сказала она. Ее голос дрожал.

Йиша схватил протянутые ему деньги таким движением, будто бы собирался на нее наброситься. Затем он с заметным усилием взял себя в руки. Но дрожь продолжала его бить.

— Нам придется завязать вам глаза, сэр,— проговорил он.

Они были похожи на двух горгулий, на фигуры из мира масок. Женщина лицом смахивала на кошку, а лицо мужчины казалось до странности человеческими, но с добавлением чего-то от лисы или собаки.

Возражать было не время. С завязанными глазами Марин двинулся вперед. Шли они долго, затем поднялись на лифте, потом снова шли, затем опустились на другом лифте вниз. Дверь открылась. Кто-то сорвал с него повязку. В тот же момент его схватили грубые руки, и слепящий свет ударил в глаза. Мужской голос приказал:

— Обыщите его!

Голос был отдаленно знакомым, и хотя Марин слышал его только по телефону, он предположил, что это говорит Скаддер. Пока он размышлял, руки сновали по его карманам. По их движению он уловил, когда вытащили его газовые пистолеты. Затем руки отпустили его.

Несмотря на ослепительный свет, Марин теперь мог видеть. Он находился в большом офисе с полудюжиной приппов — здоровенных типов, если не считать Скаддера, маленького, злобного существа, похожего на крысу, который сидел за большим столом — единственным предметом мебели в помещении

— Ладно,— проговорил он,— зубы у вас выдернуты. Теперь мы можем поговорить, и я могу не беспокоиться о том, что вы что-нибудь предпримете против меня.

Марин, который полностью пришел в себя, пожал плечами.

— Ох, бросьте, Ральф...— ему было нелегко назвать этого типа по имени, но все же он это сделал.— Вы же не думаете, что я буду предпринимать что-то против человека, который мог бы мне помочь?

Скаддер, казалось, колебался.

— С кем угодно другим это бы имело смысл,— наконец медленно проговорил он.— Но вы знаете о приппах слишком много. Я получал отчеты об экспериментах, которые вы проводили, но не могу понять, что вы, собственно, делали. У меня такое ощущение, что меня могут использовать, независимо от того, хочу я этого или нет.

— Ральф,— с пылом заявил Марин,— Я здесь потому, что у меня есть нечто, чем вы тоже могли бы воспользоваться — ради нашей общей пользы.

«Ччто за планы могли быть у Траска? — думал он про себя с напряженным возбуждением,— Использовать этих странных приппов?»

— Я бы хотел побеседовать с вами с глазу на глаз,— добавил он вслух.— Это потребует не более чем несколько минут.

Скаддер, должно быть, совершенно успокоился, потому что по его команде телохранители вышли из помещения.

И они остались в одиночестве...

Коротышка сидел за своим огромным столом — похожее на человека существо с острым умом, обладающее горьким юмором неправедно обиженного.

— У вас остается три дня, если не считать сегодняшнего вечера,— проговорил он, улыбаясь.— Не знаю, почему я вообще трачу на вас свое время.

— Я размышлял,— сказал Марин.

— У меня странное чувство по отношению к вам, Уэйд,— Скаддер произнес это с ноткой уваженья в голосе.— В ваших серых клетках сидит гений. Мне хотелось бы вас выслушать, хотя я не могу себе представить, что вы сможете сделать за три дня.

Это была впечатляющая дань уважения. Но, несмотря на поощрение, Марин колебался. Мысль, которую он собирался описать, была столь грандиозна, что необходима была некоторая подготовка, чтобы коротышка в полную силу воспринял окончательное откровение.

— Ральф,— начал он,— вы исследовали все Убежища целиком?

Ему показалось, что Скаддер на мгновение задумался перед тем, как ответить.

— Да,— вождь приппов говорил тихо.— В определенном смысле,— добавил он.

— И какая их часть запечатана?

Припп смотрел на него ясными глазами.

— Три четверти,— ответил он и добавил: — Это, конечно, грубая оценка.

В голосе Марина зазвучала настойчивость:

— И какую часть из этих трех четвертей вы контролируете?

Скаддер покачал головой.

— Мне кажется, что вы на ложном пути, приятель. Я контролирую очень небольшую часть — самое большее, одну двадцатую. По сути дела, там есть целая секция, куда мы даже не заходим.

Мысленно Марин сделал свой первый большой бросок.

— Ральф,— спросил он,— сколько людей вы потеряли, пытаясь проникнуть в эту область?

Наступило молчание. Блестящие глаза приппа загадочно смотрели на него. В них, казалось, светилось внутреннее возбуждение. Однако ответ, когда он прозвучал, был уклончивым.

— Нам было приказано туда не ходить. Но я все же посылал туда людей. Они не возвращались.

— Ни один не вернулся?

— Ни один.

Марин вздохнул. Напряжение в нем нарастало. В этом странном человекообразном существе должна была проявиться недюжинная решимость, чтобы послать стольких своих агентов на верную гибель.

— Если какие-либо идеи почему? — спросил Марин.

— Никаких,— блестящие глаза Скаддера начинали выражать нетерпение. Но Марин не желал, чтобы его торопили.

— Кто приказал вам держаться подальше от этой области?

Нет ответа. Марин настаивал:

— Это был Великий Судья, не так ли, Ральф?

Скаддер резко встал.

— К чему вы ведете? — быстро спросил он.

Настало время для удара.

— Здесь спрятан Мозг, Ральф, и мы должны добраться до него, и взять над ним контроль, и указать ему, что мы хотим — чтобы он сделал это.

Крысиные глазки Ральфа Скаддера закрылись, затем открылись. Теперь он смахивал на какого-то радостного демона, ожившего в своих распутных надеждах. Он сказал чуть ли не шепотом:

— Уэйд, вы добились своего. Это самая обещающая возможность, о таком я не слышал уже много лет. Если все сработает, вы это сделаете.

Он стоял напрягшись.

— Ну, и каков план?

Теперь Марин уже не терял времени.

— Мне нужна карта, где были бы обозначены границы запретной области, как сверху, так и снизу, и со всех сторон.

Скаддер сжал свои тонкие губы.

— Это, по-видимому, нетрудно. Мы вели записи. Я прикажу, чтобы карту изготовили.

— Ладно,— сказал Марин,— хорошо. Это мне и нужно. Как насчет того, чтобы пригласить вашего парня с повязкой и вывести меня отсюда?

— Подождите! — воскликнул Скаддер.

Несколько секунд он стучал по столу своими тонкими, когтеподобными пальцами. Наконец он сказал:

— Этот разговор был что-то уж очень коротким, Уэйд. Это на вас не похоже. Вы обычно так дотошны. Вы мысленно отрабатываете все детали. Расскажите мне что-нибудь о Мозге.

Это был первый из более чем дюжины вопросов, каждый из которых был задан по существу и имел отношение к делу — тем или иным образом; но Марина это только раздражало. У него не было никакого достойного внимания плана, касающегося Мозга. В ответах Марин выдавал в основном информацию, полученную от Слэйтера. Похоже, что эта информация была обширнее, чем та, которой располагал лидер банд приппов.

Должно быть, результат допроса оказался удовлетворительным, поскольку наконец, после паузы, показавшейся бесконечной, Скаддер заявил:

— Я пришлю Дана — а вы поддерживайте со мной контакт.

— Да,— сказал Марин.

— Послезавтра ваш последний день,— сказал Скаддер.— Вы действительно оставляете все на последнюю минуту.

— У меня есть другие, не менее важные дела,— заметил Марин.

— Мне приходится отдать это дело в ваши руки, Уэйд,— сказал Скаддер.— Но мне, разумеется, хотелось бы знать, что у вас на уме.

— Послушайте, Ральф,— с жаром проговорил Марин.— То, что я собираюсь сделать, будет иметь ценность только в том случае, если вы хорошо выполните свою часть работы. Если это не получится, то ничто уже не будет иметь значения.

С точки зрения логики это было верно. Должно быть, до Скаддера дошла истинность данного утверждения, потому что он поспешно сказал:

— Не беспокойтесь. Мы можем сделать вам эту карту и сделаем ее.

Он нажал кнопку интеркома.

— Эй, Дан, войди.

Марин испытал облегчение, ощутив на глазах повязку и осознав, что скоро он снова будет свободен. Он почувствовал, как его ведут к двери.

И в это мгновение их движение было прервано. Это был звук, приглушенный, но невероятно мощный, потому что Убежища задрожали.

Марин, слышавший этот звук и раньше, при испытании орудий, а также в старых фильмах, похолодел, на мгновение не поверив своим ощущениям, но затем это недоверие сменилось полной уверенностью. А потом...

Где-то поблизости ожил громкоговоритель, и напряженный голос заговорил: «Отправляйтесь в ближайшее Убежище. Атомная бомба только что взорвалась в секторе Группы 814 и полно-

стью уничтожила Площадь. Отправляетесь в ближайшее Убежище и ждите дальнейших указаний. Повторяю...»

Глава 23

Сорвав повязку с глаз, Марин обернулся.

Скаддер спешил во внутреннее помещение. У двери он задержался и повернулся.

— Узнайте, где располагается Группа 814. Может быть, нам придется спасти часть нашего оборудования... живо!

Марин мог сообщить ему, где это находится. Но в этот момент он думал только об одном.

Квартира Траска, Рива, его собственное тело...

Он стоял, застыв, но чувствуя себя спокойным. Все происходящее казалось ему отдаленным и каким-то нереальным.

Неподалеку снова ожил громкоговоритель, извергая кодовые слова, которые были ему знакомы. В переводе это означало: «Всем Руководителям Групп прибыть в Штаб Убежищ «С».

Марин пошевелился.

— Наденьте повязку снова,— сказал он.— Мне нужно выбраться отсюда до того, как Контроль запретит полеты.

Это был военный совет, проводившийся в подземном штабе Великого Судьи.

Марин сидел на стуле перед открытой дверью. В эту дверь входили официальные курьеры вооруженных сил, приносили ему сообщения из расположенного неподалеку центра срочной связи, который военные поспешно активировали и который на время чрезвычайной ситуации принял функции по защите города у особых сил полиции, предводительствуемых Слэйтером.

Некоторые из сообщений он передавал Великому Судье. Это были обычные, исключительно краткие обзоры состояния дел на поверхности. Улицы патрулировались. Вооруженные отряды уже казнили около дюжины мародеров. Грузовики перевозили пищевые рационы чрезвычайного положения к станциям питания в Убежищах, где уже полным ходом решалась проблема обеспечения миллионов людей завтраком на следующее утро.

Самым обнадеживающим было то, что радиоактивность осадков, выпавших на город, оказалась гораздо ниже опасного уровня. Сильные ветры в верхних слоях атмосферы быстро рассеяли смертоносное облако.

Везде на местах Руководители Групп бесстрастно использовали для поддержания порядка многоуровневую систему групповой ответственности. Возврат к надповерхностной жизни будет проводиться избранными представителями каждой группы, которые станут заново занимать жилые и служебные помещения. Таким образом, каждой группе предстояло разделиться на четыре эшелона, и до конца чрезвычайного положения на поверхности в каждый момент времени будет находиться только один. Даже если внезапно взорвется вторая бомба, группа будет сохранена.

Однако вскоре всем присутствующим стало ясно, что угроза тотальной катастрофы миновала. Люди успокаивались. Уже виднелись мрачные улыбки, выражавшие облегчение. Марин принял несколько новых сообщений, увидел, что ничего нового в них не сообщалось, откинулся на стуле и подумал: «И что теперь?»

Ужасную ошибку уже не исправить. Отказавшись освободить Траска, он обрек на смерть и ученого, и себя. И если он не сможет каким-то образом аннулировать приговор, его скоро казнят. Но сам Траск — вернее сущность, представлявшая собой настоящего Уэйла Траска — был мертв, мгновенно уничтоженный бомбой, и вместе с ним было уничтожено, или точнее, полностью дезинтегрировано тело Дэвида Марина.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как он покинул офис Скаддера. Память о первоначальном потрясении осталась, но последствия шока поблекли. Он был привычен к мыслям о насилии, поэтому без труда подавил страх, связанный с этой катастрофой, и приложил все усилия к тому, чтобы делать то, что должно быть сделано.

Его мышление переключалось с собственных проблем на другие вещи. Гибель тела в лаборатории уже не так его интересовала; он был теперь безвозвратно обречен на то, чтобы быть Уэйдом Траском. Он не сомневался, что против Траска будут предприняты какие-либо меры; местоположение взрыва было слишком значительным, чтобы в связи с этим событием никто не вспомнил о мятежном ученом.

Несмотря на безотлагательность решения этих задач, он поймал себя на том, что думает о чисто военных аспектах применения бомбы. Он пристально разглядывал разрушения, возникавшие на огромном телевизионном экране, занимавшем полстены, и подумал со странным задором, что уж теперь эксперты порезвятся вволю. Какова мощность этой бомбы, разорвавшейся на одной из самых известных площадей Города?

Даже сквозь развалины он видел, что площадь проявила себя достойно. Ударная волна явно пошла вверх, следуя изгибам хитроумно устроенного барьера — вверх, внутрь и на себя, и снова вверх, каждый раз разбивая на еще более мелкие куски то, что уже было разрушено. Так должно было произойти в теории, которую и подтвердила практика.

Оставалось путем анализа определить мощность бомбы, взрыв которой ограничила эта идеальная военная ловушка для взрывов. И определить, сколько людей погибло. Было уже известно, что выжило девяносто четыре члена группы 814. После собрания они разъехались по разным частям города в поисках развлечений или для встреч с друзьями. Люди Слэйтера уже допрашивали их. Вскоре будет составлен доклад,

Марин оборвал это направление размышлений, увидев, что Меделлин говорит с Великим Судьей. Оба многозначительно посмотрели на него, и Меделлин жестом пригласил его подойти.

Марин подошел и поклонился диктатору. Великий человек в порядке вежливого ответа важно склонил голову. Когда Марин выпрямлялся, он мимолетно вспомнил слова Траска о том, что ему самому придется выступить против Великого Судьи и что у него не будет другого выхода, кроме как взять верх над ним. Находясь в квартире ученого, он не мог этого себе представить. Для этого не было никаких причин, которые казались бы ему осмысленными. Этот выдающийся лидер был основателем государства групповой идеи и свободного предпринимательства. Может быть, это государство и не было идеальным, но оно достигало компромиссов столь высокого уровня, что ни один человек, будучи в здравом уме, не станет так просто против него выступать.

«Он использовал свое положение, чтобы отобрать у меня Делинди,— мрачно подумал Марин.— Это достаточно веская причина».

Но волны ярости он не ощутил. Потому что ей все равно пришлось бы согласиться. Возможно, она согласилась из страха — но это только предположение. Вы не станете убивать мужчину из-за женщины, которая ему не сопротивляется.

Так что оставался Уэйд Траск, осужденный на смерть подрыватель устоев. Марин знал, что никто на свете не мог быть более виновен в данном преступлении, чем Траск. И все же, в связи с фантастическим стечением обстоятельств, ему самому придется отправиться на казнь. Он мог себе представить, что ради спасения собственной жизни убьет Великого Судью. Но он не мог себе представить, что сможет себя в этом оправдать.

И поэтому он не станет. Не станет убивать. Не станет брать верх. Для этого должна быть более серьезная причина, чем лич-

ная безопасность. Его жизнь слишком долго была связана с армией. Слишком много людей погибло на посту, выполняя его приказы, чтобы в такой момент он забыл о своей присяге и своей чести.

Должно же быть какое-то решение, которое не включает в себя ни убийство, ни узурпацию! И все же для него это казалось немыслимым — что он, невиновный, отправится на смерть, не воспользовавшись всеми разумными методами, чтобы избежать этого. Слишком рано было думать о такой последней надежде, как признание, особенно учитывая вероятность того, что Великий Судья мог оказаться невольным агентом Мозга... Но каким-то образом ему все равно надо действовать до того, как придет час казни.

Он окончательно выпрямился после поклона. Великий Судья снова кивнул, Марин посмотрел на Меделлина.

— Я уполномочен принести вам поздравления от имени его превосходительства Великого Судьи и Совета,— сказал Меделлин,— по поводу эффективности, с которой ваша команда местного значения справилась с этими чрезвычайными обстоятельствами.

Официальный тон, которым Меделлин выражал ему благодарность, навел Марина на мысль, что сейчас их, судя по всему, показывают по всем местным и государственным телеканалам.

Что же, это следует учесть.

— От лица всех спасателей Столицы,— ответил он,— я принимаю ваши поздравления.

По сути дела проблем с ликвидацией последствий взрыва не было. Он с самого начала не ожидал никаких трудностей в этом отношении. В вооруженных силах были заранее организованы тренировки, где отрабатывались действия в непредвиденных ситуациях. Эта подготовка строилась по принципу элементарной логики. Нужно было просто представить все возможные обстоятельства, которые могут возникнуть, затем организовать подразделения, действующие как единая команда, и обучить их действовать как в ситуациях бедствий, так и в военных условиях. В результате получится минимум трений и максимум свершений.

Он заметил, что и Меделлин, и диктатор расслабились.

Он подумал, все еще не оборачиваясь, что если их до этого снимали, то теперь это закончилось. Последующие слова Меделлина подтвердили его догадку.

— Дэвид!

— Да?

— Его превосходительство и я полагаем, что чем скорее будет завоевана Джорджия, тем более уверены мы будем в том, что подобные инциденты не повторятся.

Они явно думали, что бомбу взорвали отчаявшиеся джорджианские шпионы. От их внимания пока еще ускользало то невероятное совпадение, что катастрофа произошла на территории Группы 814 — группы Траска. И, разумеется, не зная того, что знал он — о том, что произошло в секретной лаборатории Траска,— они не могли понять, что за взрыв бомбы мог быть ответственен только Мозг.

— Дэвид,— Меделлин заговорил снова,— начинайте атаку как запланировано.

— Можете на меня положиться, сэр.

— Местную ситуацию оставьте своим заместителям и совету.

— Будет сделано, сэр,— ответил Марин.

Он чувствовал облегчение, потому что теперь до момента отлета он был свободен от всех своих обязанностей.

Но у него и не было никаких особых дел — только ждать. Пока еще события управляли им, а не он событиями.

Ждать...

Глава 24

Промчавшись сквозь седеющую ясность зари подобно какому-то созданию смутных очертаний из серебристого металла и света, массивный ракетный корабль опустился примерно в 6 часов утра в Лагере «А» на Урале.

Когда скорость начала снижаться, Делинди оторвала взгляд от ТВ-экрана, на котором автоматические камеры, следившие за ними с посадочной полосы, показывали их приземление. Она слегка обалдело взглянула на Мартина, напряженно улыбнулась, а затем сглотнула и перевела дыхание.

— Какое чудо! Ты часто так летаешь?

Марин, который за восемнадцать лет совершил более двухсот ракетных перелетов, покачал головой:

— Это слишком опасно,— ответил он и мило улыбнулся.

Подняв руку, она погладила его по щеке и сказала:

— Ты всего лишь скромник с манерами эгоиста, не правда ли, дорогой?

— Это только потому, что я тебя люблю,— ответил Марин.

Он на мгновение изумленно закрыл глаза. Он не мог сказать, рискнет ли он хотя бы приблизиться к этому водовороту чувств.

Он откинулся в кресле, зная наверняка, что Делинди смотрит на него и что его слова не оставили ее равнодушной.

— Звучит правдиво,— мягко сказала она.— Неизвестно, будет ли это когда-нибудь еще звучать столь же правдиво.

— Я об этом не думал,— сказал Марин. Но уверенность к нему возвращалась. Он пересек некий внутренний мостик и снова был в безопасности, оказавшись на прочном грунте небрежного разговора. Он сменил тему.— Я хотел бы, чтобы ты демонстрировала свою красоту только мне. На мой вкус, наша спальня прелестно обставлена. Думаю, ты найдешь ее вполне удовлетворительной, учитывая, что это на один-два дня.

— Ты уже говорил мне это раньше, дорогой. Разве не помнишь?

— Говорил? — Марин на мгновение удивился.— Да... думаю, да. Сейчас у меня голова занята только этими маневрами.

«Маневры!» — подумал он. Он все еще так это называл, особенно в разговорах с Делинди. На самом деле он о них почти не думал. Его мысли почти полностью занимала нависшая над ним смертельная опасность. Он все еще продолжал биться головой в стену.

Когда машина доставила их в официальную резиденцию и они двинулись по дорожке вглубь сада, молодой человек, очевидно, дожидавшийся их в уголке на скамейке, поднялся и пошел навстречу. Узнав в этом крупном парне своего сына, Дэвида Берли, Марин притормозил. В данный момент у него не было желания знакомить Делинди со своим отпрыском. Он ощутил прилив недовольства отца сыном, который не особо старался сравняться с мужчинами их семьи. Его собственный отец был в числе величайших воинов времен начала войны. Да и сам он, разумеется, чего-то стоил. А тут был его старший ребенок, даже не стремящийся к чему-либо значительному в жизни.

Молодой человек подошел и с уважением произнес:

— Привет... э-э... папа.

Марин кивнул и повернулся к Делинди:

— Дорогая, познакомься с молодым человеком, о котором я сам узнал только пару дней назад. Его мать прислала мне жетон во время моих первых игр по поиску партнера... а у меня хватило смелости завоевать право на нее. Удивительно, какие шутки порой играет время...

Делинди протянула ему руку, улыбнулась и сказала:

— Сын Марина — мой друг.

Молодой человек ошарашенно уставился на нее. Выражение его лица недвусмысленно говорило о том, что еще один самец попал под обаяние ее совершенной красоты.

— Э-э... — пробормотал он,— Я очень счастлив... очень счастлив с вами познакомиться.

Марин был вынужден спасать положение. Парень был явно не в состоянии общаться со зрелой и привлекательной женщиной.

— Чем ты занимался, Дэвид?

— Как вы и сказали мне, сэр, я изучал генеалогию королевской фамилии Джорджии — при содействии того... э-э... шпиона. Когда он узнал, для чего нужен этот список, он был рад помочь. Теперь у нас есть все сведения.

— Отлично,— сказал Марин.— Пришли их в мои апартаменты. А лучше принеси сам.

Бернли понемногу отходил от шока.

— Мне хотелось бы сказать... э-э... папа, я рад тому, как мы разобрались с этим делом. Я понимаю, что вы могли его просто казнить. Ваше милосердие делает вам честь... и я горжусь, что во мне есть ваша кровь.

Марин с удивлением обнаружил, что слова парня его несколько ошарашили. Он кивнул, чтобы скрыть замешательство, взял Делинди за руку и двинулся к двери.

— Увидимся, Дэвид,— бросил он через плечо.

Когда дверь за ними закрылась, он достал платок, вытер лоб и сказал:

— Я не очень-то умею говорить с молодежью, как ты, вероятно, заметила.

— Для этого надо жить с детьми с самого их детства,— спокойно ответила Делинди.— Мои двое растут, а я просто расту вместе с ними.

Марин не ответил. Вопрос о детях Делинди постоянно его тревожил — из-за того, что он был вынужден жить отдельно от них. Оба ребенка были от него — что было необычным явлением. Дважды соединять одних и тех же родителей считалось генетически нецелесообразным. Такие дети были бы слишком похожи друг на друга, поскольку возникал недостаток случайных факторов. Но он использовал свое влияние, и на это закрыли глаза. Это еще раз подтверждало известный факт пренебрежения, которое испытывал к групповой идее тот, кто считает себя выше группы и ставит себя вне ее. Оглядываясь назад, Марин думал, что его действия еще раз доказали — если вообще здесь нужны доказательства,— что люди, наделенные властью, в той же мере лишены совести.

От Великого Судьи у Делинди, похоже, ребенка не было. И это было удивительно, если принять во внимание известную плодовитость этого человека. Марин сделал себе мысленную пометку спросить ее потом об этом.

— Меня беспокоит в детях только одно,— проговорила Делинди после долгой паузы.

— И что же?

— Старший как-то узнал, что ты являешься отцом их обоих...

— И что?

Она мягко покачала головой.

— Дорогой, из-за этого его будто подменили. Он стыдится. Он заставил меня пообещать, что я никогда не расскажу об этом его друзьям.

Марин сжал губы, но ему было не смешно. Это проявлялось давление новой культуры. Детям предлагались новые воззрения, и они, как губки, впитывали их.

Под давлением люди могут приспособиться к чему угодно, думал он. Может быть, это и имел в виду Траск. Их приспосабливаемость способна свести с ума любого наблюдателя.

Люди похожи на хамелеонов... но только с определенного момента. Поместите этих маленьких существ под горячее солнце. Забудьте о том, что приспособление — это только поверхностная расцветка. Продолжайте их поджаривать, и внезапно, в один прекрасный день, кто-то другой предложит что-то вроде защитной окраски. Они сразу же используют ее. И вы никогда не сможете обнаружить ни одного индивидуума.

Но сейчас было не время обдумывать такую значительную мысль. Он сказал:

— Дорогая, я буду занят большую часть дня. Приду, когда смогу.

Делинди подошла к нему и нежно поцеловала в губы.

— Я буду здесь. Какова в общих чертах повестка дня?

Она говорила небрежно, но он заметил в ней постоянное легкое напряжение.

Будь на ее месте какой-нибудь подозреваемый, он бы уже давно применил силовой метод получения информации. Но положение любовницы диктатора обеспечивало ей неприкосновенность. Тем не менее, она был дочерью бывшего джорджианского посла, и ее держали в неведении относительно того, что на ее родину готовится нападение. Кроме того, у него были собственные причины считать, что ей нежелательно предоставлять какую бы то ни было информацию сверх той, которой она уже обладала.

— Это будут важные военные маневры,— сказал он.— Я думаю, что они покажутся тебе очень... э-э... нескучными. Я бы хотел, чтобы ты сопровождала меня, где это возможно.

Глава 25

В 8:00 он издал приказ дня, который был составлен Меделлином, Слейтером, Великим Судьей и им самим в ходе длительного заседания два месяца назад. В нем говорилось, что весь действующий персонал до получения дальнейших распоряжений будет участвовать в «главной операции».

Он обратился к «доблестным воинам великой армии» с призывом проявить все свое умение и храбрость. Он говорил, как много зависит от успеха этих важных маневров, в которых будут участвовать они и сам он, Дэвид Марин. Выдающиеся достижения отдельных индивидуумов будут немедленно и торжественно вознаграждены Великим Судьей.

В целом приказ мало чем отличался от дюжины приказов, выпущенных на протяжении прошлых лет, но был совершенно иным по тону. Тот, кто читал или слушал его, не мог сомневаться, что грядет долгожданное наступление.

В джорджианской столице, куда этот приказ, разумеется, кто-нибудь непременно перешлет, его содержание с тревогой изучат, и вопрос, которым зададутся озабоченные финансами министры королевы, будет заключаться в том, стоит ли посылать для охраны границ дополнительные войска.

Живущие в мире фантазий, они воображают, что переброска на границу сотни тысяч людей, совершенно этого не желающих, сможет создать поддержку для тех двух сотен тысяч, которые уже там находятся.

Однако позже в тот же день стало известно, что эскадрильи джорджианских самолетов уже переносят дополнительные силы к границе.

Услышав эту новость, Марин вздохнул. Скоро станет ясно, кто из них сам себя одурачил — он или джорджианцы. Ему хотелось верить, что методы, использованные в прошлые годы для выявления их глубинных чаяний, были основаны на серьезных научных изысканиях и что сопротивление, в соответствии с прогнозами, будет незначительным.

Он присоединился к Делинди около девяти часов вечера. Она была настроена дружелюбно, старалась во всем ему угодить. Но из-за переполнявшего ее напряжения — которое она, впрочем, хорошо скрывала — она была почти не способна отвечать на приставания Дэвида. Он не слишком огорчился. Скорее всего, эта женщина догадывается, что на страну, где она родилась, готовится нападение.

Ее терзало беспокойство. Может быть, когда-нибудь потом, когда захват Джорджии станет историей и боль от сознания, что она не смогла его предотвратить, станет воспоминанием, эта женщина снова сможет стать собой.

Глава 26

В 1:00 пополуночи слабо освещенный Лагерь «А» был охвачен лихорадочной активностью. В полутьме Марина, Делинди и еще нескольких человек подвели к параплану. Эта машина с виду ничем не отличалась от любого другого транспортного военного самолета. Внутри же была отделана с величайшей роскошью. Там размещались спальня, офис и отдельные помещения для ординарца и других членов команды.

Во время короткого перелета к заранее определенному месту начала атаки Марин и Делинди спали. Они не просыпались на протяжении двух часов после приземления. До четырех оставалось несколько минут, когда Марин потянулся к прикроватному столику и отключил будильник. Он спал одетым, сняв только тунику и обувь.

Выбравшись из кровати, он направился в офис. Едва он закончил одеваться, стук в дверь заставил его обернуться. Это была Делинди. Она вошла и стала прибирать волосы.

— Мне хотелось бы провести это время с тобой, если можно,— сказала она.

Марин все еще не мог избавиться от мысли, что перед ним шпионка, поглощенная выполнением задания. Однако он подошел к ней, и они поцеловались.

Она улыбнулась ему — все с тем же напряжением.

— Я не буду путаться у тебя под ногами.

«На что она еще может надеяться»,— подумал он. Ситуация была полностью под контролем. Все приказы отданы. Войска приведены в движение. Теперь уже ничто не могло остановить наступление. Он вернулся к своему столу и нажал кнопку.

Открылась дверь в комнату ординарца. Краснолицый мужчина лет пятидесяти вошел и отдал честь.

— Принесите мне все прибывшие на данный момент сообщения, Дженнингс.

— Только одно, сэр. Только что прибыло. У меня не было времени перепечатать его с рукописного текста,— он положил перед Марином листок бумаги и вышел.

Это было шифрованное сообщение от главнокомандующего. Войска перешли границу Джорджии. Война началась.

Марин прочитал шифровку и взглянул на Делинди. Пришло время сказать ей правду.

Он тихим голосом рассказал ей все и добавил:

— Как ты понимаешь, я не мог сказать тебе об этом раньше.

Она побледнела, но осталась спокойной. Наконец, кивнув, она спросила:

— Тебе будет угрожать опасность?

Марин решил оставить эту реплику без ответа.

— Тебя это, похоже, не слишком волнует.

Делинди слабо улыбнулась.

— Я слегка шокирована,— сказала она.— Но в Джорджии уже много лет ожидали этого. Мы поддались массовому самообману. Теперь можем надеяться только на понимание.

— Что ты хочешь этим сказать?

Глава 27

Молодая женщина повернулась и невидящим взглядом уставилась в прозрачную пластиковую стену. Она будто не сознавала, что Марин смотрит на нее. Что-то в ней неуловимо изменилось, кажется, она стала чуть жестче. Может быть, он только воображал в ней это свойство — мягкость. Возможно, на самом деле его никогда и не было.

Теперь он был уверен окончательно. Она или джорджианская шпионка, или — чего она сама наверняка не осознает — агент Мозга. Она родила мне двух детей, думал Марин, чтобы закрепить свое положение, а затем стала любовницей диктатора. А теперь она надеется на... понимание.

— Предположим,— медленно проговорил он,— что Великий Судья дал бы мне полный карт-бланш на любые действия в Джорджии. Чего бы ты ждала от меня?

Ее ответ сразу же вышел за границы его вопроса. Она не смотрела на него, но ему показалось, что у нее перехватило дыхание.

— Если бы ты был Великим Судьей, я бы ожидала от тебя изменений в порядке игр по поиску партнера — чтобы после определенного возраста разрешалась женитьба. Я бы ожидала, чтобы таким государствам, как Джорджия, была обеспечена значительная автономия. Я бы ожидала возврата свободы вероисповедания. Я бы...

Она продолжала говорить, но ее голос звучал лишь отголоском в его сознании. Если бы ты был Великим Судьей...

«Она бы ожидала от меня, чтобы я уничтожил дело жизни Великого Судьи,— думал он,— и подменил бы его... слабостью».

Он не чувствовал, что осуждает ее, он ощущал только легкую грусть.

До него вдруг дошло, что она перестала говорить.

— К несчастью — или может быть к счастью,— сказал он — я не Великий Судья. Но в течение нескольких дней в Джорджии я буду действовать от его лица.

Наступила тишина. Делинди вышла из поля его зрения и встала у него за спиной.

Ожидая ее ответа, он случайно бросил взгляд на стол. Там лежала рукопись, озаглавленная: «Краткие выводы исследований королевской семьи Джорджии, составленные Дэвидом Бернли».

Он взял бумаги с неохотой, хотя понимал, что они могут оказаться ценным подспорьем. Утром ему придется быстро принимать решения. Кроме того, он привез его сюда из любопытства. Что за работу выполнил его сын?

Он пробежал глазами список имен — немного больше сотни — и сопровождающий текст. Одним взглядом он схватывал значение целых абзацев.

Его внимание внезапно привлекла фраза:

«Смерть младшей сестры королевы, последовавшая несколько лет назад, привела к тому, что единственной представительницей прямой линии осталась сама королева Киджшнашения».

И далее:

«Королева не замужем, и я предполагаю, что это политический ход, направленный на то, чтобы создать за рубежом впечатление, что она — последняя из своего рода».

Марин кивнул самому себе. Он догадывался о причинах принятия подобных мер. Если удастся убедить Великого Судью в том, что Джорджия падет безо всякого сопротивления, то он сможет сконцентрировать свою военную деятельность где-нибудь в другом месте. Это, вероятно, был один из способов потянуть время. Но сейчас он потерял всякий смысл.

Наконец он положил бумаги, поняв, что большей частью этой информации он располагал и раньше, хотя и не в такой четкой форме. Но тот факт, что королева остается незамужней из политических соображений, был для него новым. Кроме того, документ содержал множество имен и связи, которые он не выявил. А также всевозможные мелочи, вроде имени умершей сестры королевы — раньше он этого не знал.

Стоп. Как там ее звали?

Ан-*делинда*-мина!

Он положил бумаги на стол и какое-то время сидел неподвижно, затем, не оглядываясь, спросил:

— Ты знала сестру королевы?

После долгой паузы за его спиной послышался ее голос:

— Да, я ее знала.

— И какова она была из себя?

Снова пауза. Затем:

— Молодая и наивная. Она умерла, как тебе известно.

Марин предположил, что это может быть и правдой, независимо от того, как на это посмотреть. Физическая смерть — это, конечно, дело окончательное. Но в превращении юной невинности в светскую женщину тоже есть что-то от смерти.

Если это было правдой — то, что он думал,— то это действительно было умно сработано. Дочь посла Джорджии, идентификацию специалисты не проводили. По сути дела, ничего удивительного. Такие государства, как Джорджия, только в последние годы стали пытаться установить политические отношения с Великим Судьей.

И, таким образом, сестра правящей королевы, не вызывая подозрений, оказалась в самом средоточии власти Великого Судьи — с миссией, которая теперь провалилась.

Марин остро ощутил что рядом с ним находится человек, пребывающий в состоянии сильнейшего шока — в том же состоянии, в котором он сам находился в течение последних нескольких дней. Он сделал вид, что изучает рапорт сына. Но перед ним, чуть выше уровня его лица, на стене висело зеркало. И в нем отражалось ее тело — от плеч примерно до талии. Она выглядела напряженной и испуганной.

Марин ждал.

Наконец раздался ее голос — спокойный и бесстрастный.

— Кого ты собираешься казнить?

Вот оно.

— Я это определю, когда окажусь на месте,— ответил Марин.

Он заметил, что в исходе сражения у нее сомнений не возникало. Она без всяких вопросов смирилась с поражением Джорджии.

— Королеву? — после долгой паузы спросила Делинди.

— У меня карт-бланш! — намеренно солгал Марин.

Снова пауза. Затем она произнесла слабым голосом:

— Она — моя подруга.

Марин чуть заметно вздохнул. Он чувствовал, что его внезапная догадка оказалась правильной, и он говорит с женщиной, умоляющей сохранить жизнь ее сестре.

Ладно. Конечно, он не имеет права сообщить кому-либо, какая судьба на самом деле ожидает королеву, стоит придумать для ее сестры хоть какое-то утешение. Он сказал:

— Если вопрос о казни королевы...— он поколебался,— вообще возникнет, то я позову тебя и обсужу это с тобой, если пожелаешь.

— Спасибо,— сказала Делинди. Ее тело, кажется, расслабилось, судя по тому, что он видел в зеркале.— Мне бы хотелось, чтобы ты так и сделал,— ее голос на этот раз прозвучал тверже.

— Считай, что мы договорились,— сказал он.

В этот момент его мысли вдруг потекли совершенно в другом направлении. На мгновение ему вспомнились дымящиеся развалины площади группы 814. Кошмарная картина. Он подумал, что последствия этой катастрофы могут быть смертельно опасны — как для него самого, так и для всего мира Великого Судьи. С усилием он заставил себя отвлечься от этих размышлений.

Меньше чем через час он посадил Делинди на курьерский самолет, который должен был отвезти ее обратно в Лагерь «А». Оттуда она обычным реактивным самолетом вернется в столицу. И далее — в резиденцию на Среднем Западе, куда она уже отправила своих детей. Она пробудет там, пока не окончится кризис в столице.

Глава 28

К девяти часам ранний утренний туман рассеялся. Под крылом его самолета в сверкающем свете солнца ярко зеленели горы. Глядя сквозь прозрачное дно загруженного военного транспортного самолета, Марин заметил, как на фоне зелени то здесь, то там появляются первые фермерские угодья.

Мелькнуло несколько городков, затем серебристый проблеск внизу, в воздухе — это самолеты-перехватчики открыли огонь по транспортам.

Через полчаса, с чуть быстрее бьющимся сердцем, Марин выпрыгнул с парашютом и удачно приземлился в пределах четверти мили от указанной точки.

Неподалеку начали опускаться самолеты на магнитных двигателях, сброшенные огромными транспортами. Из их недр наружу потянулись ряды блестящих машин. Спустя несколько минут танки, мобильные пушки и самоходки забегали кругом, собирая персонал.

Примерно в 10:30 армия парашютистов при поддержке всей этой движущейся массы металла, плюющейся смертью и готовой подавить любое сопротивление, вошла в город. Они сходились со всех сторон, двигались по главным и боковым улицам города, казавшегося вымершим, если не считать испуганных лиц, мелькавших в окнах.

Марин не увидел никаких следов боев. Прибыв в сопровождении вооруженного эскорта во дворец, он обнаружил, что там уже патрулируют его люди.

Специальные охранники, которых он назначил лично, по команде своего офицера вскочили и вытянулись по стойке «смирно». Капитан подошел к нему и отдал честь.

— Королева в тронном зале,— негромко сказал он.— Люди из нашей лаборатории будут расставлены по позициям, как только вы войдете, чтобы поговорить с ней.

Марин кивнул. Он тщательно спланировал все, что должно было произойти.

— Как только все будет готово,— сказал Марин,— пусть камергер объявит о моем приходе.

Через несколько минут он вошел в приемную залу, предназначенную для официальных приемов, когда гостей было не слишком много. Королева Киджшнашения в напряженной позе сидела на троне с высокой спинкой. Это была молодая женщина, выглядевшая очень просто. Волосы заплетены в косы, на лице никакой косметики. Марин без труда признал в ней родственницу Делинди, хотя сходство не слишком бросалось в глаза. Королева явно не обладала классической красотой своей сестры. Однако в линиях носа, лепке скул и овале лица, а также отчасти форме головы королева и Делинди обладали несомненным сходством. На Киджшнашении было темно-коричневое платье из плотного шелка, чуть прикрывающее ее колени.

Марин двинулся вперед, затем остановился для поклона. Женщина наклонила голову в ответном приветствии. Выпрямляясь, Марин заметил техника, вошедшего через боковой проход чуть позади трона.

Даже не взглянув на Марина, мужчина выстрелил в королеву из газового пистолета.

Когда она безвольно осела, в дверь, из которой только что появился техник, ввалилось мобильное подразделение. Стоя неподвижно, Марин наблюдал, как две женщины подняли королеву и положили ее лицом вниз под проектор для впечатывания контуров.

Машина загудела. Хотя в этот момент ничего не было заметно, Марин знал, что в мышцы ее плеча вживляется судьбоносная

схема. С этого момента и до конца ее жизни подстанция Центра Контроля могла активировать эту схему, причиняя все возрастающую боль.

Марин стоял и смотрел, как женщины подняли королеву и усадили ее на трон. Мобильное подразделение начало уходить в ту же дверь, из которой появилось, и в зале остался только техник. Марин кивнул ему, и тот выстрелил в женщину из другого пистолета. Затем ушел и он.

Королева пошевелилась, открыла глаза и посмотрела на Марина.

— Прошу прощения, ваше величество,— сказал он,— но я лучше пришлю к вам ваших фрейлин и приду вечером.

Она затрясла головой, словно пытаясь освободить голову от тумана.

— Кажется, я не...— пробормотала она.— Не знаю, что...— она говорила по-английски почти без акцента.

— Я пришлю ваших дам,— повторил Марин.

Он поклонился, повернулся на каблуках и вышел. В передней он поговорил с начальником охраны, затем поспешил в главный штаб, который теперь был развернут в главном военном учреждении столицы захваченной страны.

Здание дрожало от суеты и топота. В течение некоторого времени донесения из глубины страны поступали нерегулярно. Но в три часа дня, когда Марин нашел время съесть сандвич и выпить чашку кофе, ему вручили целую пачку сообщений. Быстро просмотрев их, он понял, что победа одержана полностью. Организованное сопротивление практически прекратилось, серьезных боев уже нигде не было.

Он отдал бумаги сотрудникам штаба для оценки и составления краткого отчета и позволил себе прилечь на часик. К этому времени на основании новых донесений штаб установил, что «великая война» с Джорджией закончена.

Он занялся докладами о допросах правительственных лидеров. Все они отрицали, что имеют какое бы то ни было отношение к взрыву бомбы на площади группы 814. Детекторы лжи подтвердили правдивость их утверждений.

Вопросы о каких-либо тайных группах, работающих из Джорджии, дали не столь определенные результаты. Среди ответов были самые разные: «И было, и существует теперь много экспериментальных групп», «Группы устаревшего коммунистического толка? Не знаю ни одной», «Идеалисты у нас ходят стадами».

Для Марина это означало, что правительство Джорджии действительно не имеет к этому никакого отношения. Он направил

специальные подразделения военной разведки для наблюдения за всеми пограничными постами — в первую очередь за теми, которые находились на границе с двумя государствами, неподконтрольными Великому Судье.

«В период с 1\09 по 3\09 задерживать всех лиц, пытающихся покинуть Джорджию,— гласил приказ.— Проверять на детекторе лжи каждого человека, мужчину или женщину, который покажется относящимся к идеалистическому типу или проявит слишком высокий интеллект».

Ему пришлось согласиться с полковником, руководившим разведкой, что эта директива слишком туманна. Может ли считаться разумным человек, который замышляет реставрацию коммунизма?

— Скажем так,— сардонически усмехнувшись, сказал Марин.— Человек, кажущийся умным, может проявлять в некоторых вещах удивительную слепоту.

После этого он проинструктировал шефа своего полевого секретариата.

— Все рапорты по допросам о бомбе телетранслируйте Великому Судье.

Его собственное донесение диктатору носило довольно формальный характер. «Ваше превосходительство, полицейские силы, которые вы любезно предоставили в распоряжение Ее величества Королевы Джорджии Киджнашении, свою задачу выполнили. По распоряжению Ее величества наши войска используются для охраны порядка в близлежащих областях. Ожидается, что лояльные джорджианские войска могут принять на себя всю ответственность в течение недели. Все очаги революции подавлены. Законное правительство Джорджии снова функционирует».

Он подписал свое донесение: «Дэвид Марин, Руководитель Групп».

Позже в тот же день прибыл Слэйтер, лучившийся каким-то ядовитым ликованием.

Они пообедали вдвоем. Царила полная иллюзия обстановки мирного времени, лишь изредка доносились отдаленные выстрелы. Какое-то время они беседовали о войне. Затем Марин, заинтересованный в этом вопросе куда больше, чем хотел показать, спросил, не появилось ли новых сведений о бомбе. Слэйтер покачал головой. Он, казалось, стремился поскорее перейти к другим вопросам, и Марину пришлось оставить эту тему.

За кофе они обсудили список лиц, которые по той или иной причине были приговорены к уничтожению, но пока что просто находились в плену. Их было восемьдесят два человека. Поэтому

Слэйтер и Марин поступили просто: каждый взял список этих лиц и отметил в нем тех, кто, по его мнению, подлежали казни. Марин отметил только восьмерых; Слэйтер, как оказалось,— тридцать одного человека.

Они сравнили списки. Семь из восьми имен, помеченных Марином, оказались выбраны и Слэйтером.

Слэйтер поднял трубку телефона и связался с тюрьмой, где содержались пленные.

Он зачитал список из семи фамилий и кратко добавил:

— Уничтожьте их немедленно.

Он повесил трубку и обернулся к Марину.

— Теперь давайте решать насчет остальных.

Марин кивнул. Странно, он не испытывал никаких чувств по поводу происходящего. Смерть, угрожавшая лично ему, не имела к настоящей ситуации никакого отношения. Впрочем, подумал он, всем этим людям, как и ему, теперь придется заниматься собственным спасением. Если им это удастся — прекрасно; если нет — тем хуже для них.

Его работа заключалась в том, чтобы на основании карьеры, которую успел сделать каждый из этих людей, оценить, насколько он может быть опасен во время следующей войны. Одна неверная оценка — и вместо одного погибнут тысячи индивидов.

Он принес список, сделанный его сыном, и сравнил сто десять имен, фигурирующих в нем, с теми, кого Слейтер приговорил к уничтожению. Совпало восемнадцать имен.

Марин покачал головой и улыбнулся коротышке.

— Это родственники королевы,— сказал он.— Их пока нельзя убивать.

Это напомнило ему о том, что ему предстояло сегодня сделать. Марин взглянул на часы. Девять с минутами.

— Нам придется на этом закончить,— сказал он.— Вы помните, чего от меня ждут в отношении этой женщины. Пора этим заняться.

Слэйтер поднялся. Весь его вид выражал беспокойство.

— Мне тоже пора,— произнес он.— Похоже, придется принимать множество решений прямо на месте. Хотя утром нам все же придется определиться относительно этих людей,— предупредил он.— И еще одно — перед тем, как вы уйдете.

— Да?

— Вы что-нибудь выяснили насчет Мозга?

— Нет.

— Спасибо. Удачи вам с королевой.

Марин улыбнулся и произнес стандартную фразу, которую мужчины обычно ожидают в такой ситуации друг от друга:

— Именно в такие моменты я по-настоящему рад быть Руководителем Групп.

Глава 29

Марин прибыл во дворец незадолго до десяти вечера и направился прямо в личные покои королевы.

Когда он вошел, женщина, сидевшая до этого на стуле, вскочила и повернулась к нему.

Глаза ее были ненормально расширенными. Королева выглядела уставшей и напряженной, что показывало, до какой степени она напугана. Она попыталась говорить спокойно, но это усилие лишь отчасти увенчалось успехом.

— Вы собираетесь убить меня, не правда ли? Великий Судья всегда приказывает убивать правителей территорий, которые он захватывает. Я хочу, чтобы вы знали, что я готова к смерти, но прежде желаю обратиться с просьбой к завоевателю моей страны.

Она ничуть не сомневалась, что ей уготована именно такая участь. Но все ее слова, похоже, были вызваны мелодраматическим трансом, в котором она пребывала. Марин предположил, что она сейчас обратится к нему с каким-нибудь воззванием, исполненным эмоций. Он ответил ей ровным голосом:

— Любая разумная просьба вашего величества, не идущая вразрез с данными мне инструкциями, будет выполнена.

Она подошла к нему, слегка пошатываясь. В изгибе ее губ и звучании голоса, когда она заговорила, чувствовались подступающие слезы.

— Генерал, для вас это завоевание Джорджии — возможно, только эпизод вашей карьеры, но для меня это окончание целой эпохи. В моих предсмертных думах возникает много такого, что мне самой кажется диким. Для меня завоевание связано с определенными символами, и покоритель моей страны оказывается включенным в эту символику. И хотя я только мельком видела вас... ранее... но еще тогда у меня возникло чувство страха и ненависти... и любви.

Ему не потребовалось запирать дверь. Это было сделано согласно его предыдущим указаниям.

Он легко поднял женщину на руки и понес ее в спальню. Пламя, пылающее в ней, заставило ее вцепиться в него. Она была сильна, эта женщина, и он понял это, когда она опрокинула его на себя.

Они лежали в бледном свете зари бок о бок, утомленные, без сна.

— Ты никогда меня не забудешь, правда? — спросила она.

— Никогда,— ответил Марин.

— Теперь ты можешь меня убить,— со вздохом произнесла королева.— Я чувствую, что все происходит правильно. Поражение получило свое логическое завершение.

Эта мысль поразила его. «Если бы она знала,— подумал он,— что здесь находится еще один человек, цепляющийся за последние минуты жизни». Потому что если он не сможет найти решение своей проблемы, он действительно обречен. Хотя ей кажется, что смерть ожидает именно ее.

Он пошевелился. В памяти всплыло то, о чем он забыл в эти минуты страсти. Ей было пора предложить жизнь. Он ощутил в себе что-то вроде перехода на новый уровень мышления — от примитивного набора клеток к сложному существу. Не поворачиваясь к ней, он проговорил:

— Шения, я подумал... Может быть, есть способ... Может быть, мы сможем придумать что-то, чтобы твоя семья осталась у власти. Подходящее решение я смог бы оправдать.

— Вся моя семья? — удивленно спросила она.— Ты имеешь в виду родственников?

— Почему бы и нет? — откликнулся Марин.— Что сто человек, что один — никакой разницы.

— Но это не будет для тебя опасно?

— Я не говорил, что смогу это сделать,— осторожно ответил Марин.— Я сказал, что, может быть, мы сможем придумать какой-то способ. Но тебе придется пойти на такие вещи, на которые ты раньше никогда бы не согласилась.

— Но ты тоже будешь делать такие вещи,— напряженно проговорила она.— Если бы я могла спасти семью...— она замолчала.— Почему ты это делаешь? — ее голос прозвучал почти по-детски. Он не успел открыть рта, как она спросила: — Ради меня?

— Ради тебя! — ответил Марин.

И все — она, казалось, это приняла. В этом не было ничего необычного. Его план как раз состоял в том, чтобы с данного момента она чувствовала, что в верхнем эшелоне советников Великого Судьи у нее есть защитник. Тот факт, что данный конкретный защитник приговорен к смерти — хотя это никому не было известно,— не менял в данный момент ценности этой идеи.

Если бы между ними не возникло такого взаимопонимания, она могла бы заупрямиться — или вообразить себя героиней, уми-

рающей за свой народ. Но она подписала документы, которые он ей предоставил, и выступила с речью, которую транслировали одновременно по радио и телевидению. В этой речи она подтвердила, что «фантасмагорическая революция», развязанная элементами, чьи цели ввиду нынешней мировой ситуации являются безумными, побудила ее просить у Великого Судьи защиты для себя и всего народа Джорджии.

В этом кратком заявлении она с грустью подчеркнула, что согласие принять эту помощь неизбежно вызовет определенные перемены, но эти перемены гораздо более предпочтительны, нежели разнузданное кровопролитие. Она закончила сообщением:

— Для облегчения принятия данных чрезвычайных мер я приняла отставку Кугарачара Майетта и обратилась к Дуони Аваристе с просьбой сформировать кабинет.

Местные имена, местные люди и освященные временем традиции — все пошло в дело в этой молниеносной войне, полная история которой, скорее всего, никогда не станет известна народу Джорджии, равно как и огромной массе других людей.

Прибыл Слэйтер со своими командами «регистраторов». Сто тысяч индивидуумов, известных своей приверженностью принципам монархии и годами занимающие основные позиции в списках «опасных», должны были зарегистрироваться первыми. Эту акцию ни в коем случае нельзя было проводить массово. Гордые мужчины и женщины Джорджии сочли бы свое самолюбие ущемленным, если бы им пришлось стоять в длинных очередях к передвижным установкам. В процессе регистрации у каждого индивида снимут отпечатки пальцев, заставят поставить свое имя под текстом присяги, а затем положат лицом вниз под массивным электронным устройством, обычно именуемым рентгеновским аппаратом. Но на самом деле эта машина впечатывает в мышцы плеча ту самую электронную схему.

Марин знал, что, пока работа не будет завершена, они не имеют права расслабиться. Но он не стал ждать. Около полудня он позвонил Меделлину.

Глава 30

— Приятель, я оставляю вашу вотчину.

Но Меделлин был серьезен.

— Мои сердечные поздравления, Дэвид. Блестящее представление. Это ваш личный триумф. Только не забывайте посещать королеву хотя бы раз в год — ради поддержания дружбы.

— Вы можете сказать своей секретарше, чтобы она напоминала мне,— сухо откликнулся Марин.

Но в его памяти всплыло возбуждение той ночи. Он понял, что если ему суждено хоть какое-то будущее, он снова и снова будет стремиться пережить это.

Возможно, женщина придумала все это, чтобы спасти себе жизнь. Но если так, то королева одержала двойную победу. Она освободилась от тяготевшего над ней запрета. Он не сомневался, что после этой ночи у нее родится ребенок. Конечно, изначально ею мог двигать только расчет. Но похоже, что страсть, которую она хотела внушить, охватила и саму соблазнительницу.

Так или иначе, но последствия осуществления ее плана теперь влияли и на его собственные дела. Она будет вольна приезжать к нему когда угодно — если только он останется в живых. Как защитник, он, конечно, обеспечит ее любой помощью — после обсуждения.

— Увидимся через несколько недель,— сказал Меделлин.

Марин попрощался, повесил трубку и полетел обратно в Лагерь «А». По пути его эскорту пришлось выдержать сражение с одиноким джорджианским самолетом, который, охваченный огнем, вскоре рухнул вниз. Размышляя над мотивами, которые двигали этим сумасшедшим пилотом, Марин вспомнил, как эмоционально драматизировала неизбежность смерти королева Кидж-нашения, и подумал о том, какие трюки ему самому придется выкидывать, когда приблизится полночь седьмого дня.

Ожидая свою ракету в Лагере «А», он дал интервью Дэвиду Бернли и обнаружил, что его сын находится в приподнятом настроении.

— Великолепная работа, па,— тепло сказал он.— Тебе удалось спасти тысячи жизней! Это непременно нужно было сделать. Жаль только, что моя роль во всем этом не столь велика.

Марин рассказал ему о восемнадцати индивидуумах, которые были исключены из списка приговоренных к смерти потому, что они оказались в отчете, подготовленном молодым Бернли.

Эффект от его слов оказался поразительным. В глазах молодого человека показались слезы. Он молча пожал отцу руку.

Когда их рандеву закончилось, Марин подумал: «Что за будущее нам светит, если сейчас подрастает целое поколение чрезмерно экзальтированных молодых людей?» Он представил себе группы будущего, состоящие из взрослых мужчин, которые росли без отцов,— миллионы слезливых людей, которые станут влиять на воплощение группового закона, исходя из своей внутренней потребности в отсутствующем родителе-мужчине.

«Насколько эта картина соответствует истине? — подумал он.— Если такое случится, ничего хорошего стране такое будущее не предвещает».

Дожидаясь отлета, он чувствовал себя обеспокоенным и несчастным. Дело было в том, что он не представлял, что произошло за время его отсутствия. Несомненно, болевой контур будет активирован, как только обнаружится связь между Траском и событиями на площади Группы 814. Покрываемая воздействием территория будет постепенно расширяться. Так что ему лучше разжиться обезболивающим, которое он сможет принять, когда ракетоплан приземлится.

До прибытия он сможет переносить боль. Он не хотел появляться перед офицерами, которые будут его встречать, в пришибленном состоянии, вызванном наркотиками.

Но все произошло иначе. Ракетоплан уже миновал высшую точку своей траектории, когда он внезапно ощутил укол боли в плече.

Молча сопротивляясь агонии, Марин понял: критический момент уже наступил.

Глава 31

Марин беспокойно вертелся в своем кресле. Боль пробивалась сквозь все попытки отвлечься от нее. На телеэкране, висящем перед ним, он видел, как ракета резко пошла на снижение. Его желудок мгновенно отозвался на падение скорости.

Приземление было аккуратным и традиционно волнующим. Когда ракетоплан замер и дверь открылась, Марин бросил в рот первую пилюлю. Затем он встал и немного неуверенно сошел на землю. И застыл на месте.

Его встречала целая делегация. Марин ожидал, что это будут работники его собственного департамента. Но вместо них на поле стояли чуть ли не все члены совета — Подрэйдж, полдюжины Руководителей Групп — а чуть в стороне стоял сам Великий Судья.

Когда Марин узнал их, он испытал настоящий шок. Он живо представил себе, что пройдет еще много часов до того момента, когда он сможет полностью снять боль.

В тот момент, когда его мысли дошли до этого пункта, диктатор подошел к нему и обхватил его за плечи своими мощными руками.

— Дэвид! — он старался перекричать рев машин.— Меделлин сообщил мне, что работа в Джорджии выполнена!

— Ваше превосходительство! — заорал в ответ Марин.— Джорджия пала, как карточный домик. Это была пятичасовая война.

Великий человек восторженно обнял его.

— Добрый старина Дэвид, ты все еще величайший архитектор молниеносных войн в мировой истории!

Это замечание поразило Марина. Он никогда не слышал, чтобы диктатор столь бурно и несуразно выражал восхищение — тем более что никогда не считал себя никем, кроме как хорошим логистиком, успешно функционирующим в определенной сфере деятельности.

Все еще усмехаясь, Великий Судья потащил его к остальным.

— Оскар,— сказал он Подрэйджу,— пожми руку человеку, который не проигрывает.

Марин почувствовал, как его изучают узкие, стальные глаза Подрэйджа. Затем этот человек — самый способный из всех Руководителей Групп — пожал ему руку.

— Для его превосходительства это великое событие,— Подрэйдж любовно указал на диктатора.— С падением Джорджии тот мир, о котором он мечтал больше двадцати лет назад, становится реальностью. Теперь можно считать, что проблем, которые бы причиняли серьезные беспокойства, не осталось.

Это было не совсем так. Вполне могло возникнуть еще несколько опасных коалиций. Но по большому счету Подрэйдж был прав. Марин с трудом изобразил улыбку.

— Оскар, Джорджия потребует у нес еще некоторого времени — пока мы ее не разжуем и не переварим,— ответил диктатор.

Страх и беспокойство Марина становились все сильнее. Он вспомнил, что однажды раньше уже слышал, как Великий Судья рассыпался в столь же неумеренных комплиментах в адрес одного человека. Через несколько часов этот человек был мертв.

«Мне не следовало забывать, что он начал сомневаться во мне из-за истории с Траском»,— с дрожью подумал Марин. Вопрос в том, сможет ли кто-то вновь обрести доверие этого странного человека, если это доверие уже было однажды утеряно?

Вскоре обмен рукопожатиями закончился. Жесткие пальцы Великого Судьи обхватили руку Марина.

— Джентельмены,— обратился он к группе,— перед нами стоит еще одна проблема. Она настолько важна, что к ней стоит обратиться немедленно. Я хотел бы, чтобы мы все прямо сейчас отправились к тому месту, где взорвалась бомба. Я считаю, что Дэвиду стоит знать все новости, и лучше всего ввести его в курс дела прямо на месте.

Они подошли к большому прыголету, и вскоре аппарат поднялся в воздух. Спереди и сзади за ними следовал строй эскорта.

Область разрушений, освещенная поисковыми фонариками, была видна издалека. Когда они подлетели ближе, Марин увидел, что прожектора были установлены на всех сохранившихся зданиях, и на всем пространстве копошились рабочие и механизмы.

Наблюдая за этой картиной, Марин вполуха слушал разговор Подрэйджа, диктатора и помощника руководителя из его собственного департамента. К моменту приземления у него сложилось достаточно полное впечатление о том, что произошло за время, прошедшее с момента взрыва. Как выяснилось, еще восемь членов Группы 814 уехали из города сразу после собрания. В итоге число уцелевших возросло до ста двух человек. Похоже, это была окончательная цифра — в течение последних двадцати четырех часов больше никто не объявлялся.

— Когда мы выяснили, что 814-я группа — это группа Уэйда Траска,— заметил Подрэйдж,— я почувствовал, что к причинной стороне этого дела прибавилось новое измерение. Недавно мы включили болевой контур. Так что скоро удастся выяснить, жив Траск или нет. Не могу представить, чего он хотел добиться, устроив этот взрыв, но то, что в эпицентре оказалась его группа... это слишком странно для простого совпадения. Это должно что-то значить.

Марин, переполненный напряжением от боли, хотел было возразить: «Возможно, он был мишенью». Но вместо этого он, с усилием сдержавшись, сказал:

— А что, если он не появится?

— Значит, еще один вопрос будет закрыт.

Марин кивнул. Не было необходимости, чтобы кто-то объяснял ему столь очевидные вещи. Но его мысли все время уплывали в область болевой затуманенности, и его бдительность теряла свою привычную остроту.

— ...есть свидетельства,— говорил его помощник рядом с ним, — что бомба была сброшена с воздуха. Карта полетов над данным районом говорит о том, что принесший бомбу летательный аппарат окончил свое путешествие в эпицентре взрыва.

Беспилотный самолет! Весь его полет над городом будет записан на картах автоматических полетов. Если он прилетел из-за пределов страны, можно будет поднять радарные карты его пролета над континентом.

— Самолет,— продолжал голос помощника,— взлетел с Парковочного участка В в центре города. Согласно записям этого участка, он сел точно за пять часов и десять минут до этого у одного из грузовых выходов. Графики полета при приземлении говорят о том, что он прилетел с востока. Радарные записи прослеживают его до Атлантики, а радары дальнего слежения пока-

зали, что он взлетел с субмарины, залегшей в двухстах милях от берега. Через минуту после взрыва бомбы взорвалась и субмарина, создав ударную волну, которую зарегистрировали все станции морского наблюдения в Атлантике. Время этих отметок позволило нам определить точное местоположение взрыва. Теперь мы знаем, что субмарина затонула на глубине почти одной и трех четвертей мили. Инструментальные исследования показали, что дно в этом месте усеяно металлическими обломками. Когда об этом проинформировали нейтральные государства, все они заявили, что у них нет пропавших субмарин. Больше данных нет.

На данный момент помощник был единственным человеком, чье внимание было полностью сосредоточено на Марине. Марин наклонился к нему:

— Проверьте диспозицию всех субмарин, построенных за последние пятьдесят лет,— проговорил он. — Доложите мне лично.

— Есть, сэр,— ответил помощник.

Марин снова откинулся на спинку кресла. Уже не впервые он подумал о том, как трудно было бы кому-либо устроить взрыв в Городе Судьи. Он был уверен, что эта бомба ведет происхождение из дальних краев и отдаленных времен. До него доходили смутные сведения о том, какая масса вооружения — включая субмарины — исчезла в водовороте войны, более четверти века назад. Перед его глазами встала картина, как агенты Мозга растаскивают это оборудование по бесконечным тайным укрытиям, переоборудуют его на дистанционное управление — и таким образом субмарина появляется из укрытия, запускает робот-самолет, а затем, когда ее приборы засекают взрыв,— взрывается сама.

Он заметил, что прыголет начал снижаться. Быстро окинув взглядом область разрушений, он увидел, что произведены весьма серьезные работы по расчистке. Он вновь склонился к помощнику:

— Насколько быстро рассеялась радиоактивность?

— Взрывчатый материал,— ответил тот,— состоял из очень тяжелых элементов, создаваемых за мгновение до взрыва, с периодом полураспада в долю секунды. За несколько минут после взрыва радиоактивность упала ниже опасного уровня.

Марин кивнул, и его мышление снова заработало.

— Лет десять назад вышел в отставку генерал-майор Инскип,— сказал он.— Этот человек еще жив?

— Да. Ему за восемьдесят, но он все еще полон сил.

— Он был величайшим авторитетом в области оружия прошлого века, с которым я когда-либо разговаривал,— медленно проговорил Марин.— А во время второй атомной войны использовалось немало видов вооружений. Я хочу, чтобы вы послали к

нему комиссию экспертов по вооружениям и получили бы от него информацию, которую, как я знаю, он собирает. Особенно меня интересует, какие защитные меры использовались против различных методов нападения.

— Я уверен, что Инскип будет рад вас видеть,— заметил помощник.— Я слышал, он чувствует себя совсем одиноким.

Марин снова перевел взгляд на участок взрыва.

— Значит, материал бомбы имел очень короткий период полураспада,— задумчиво пробормотал он.

Подрэйдж, который уже некоторое время, обернувшись, прислушивался к их разговору, заметил:

— Кто бы ни скинул эту бомбу, он явно намеревался уничтожить именно эту площадь и тех, кто на ней находился, но не более того. Еще до того, как вы сообщили о непричастности каких-либо организаций Джорджии к этому взрыву, мы уже подозревали, что они не имеют к этому никакого отношения.

— Что вы нашли на грузовой станции, где приземлялся самолет с бомбой? — поинтересовался Марин.

Ему ответил помощник:

— Там чисто. Машина просто использовала место для парковки, но никто не проводил ни погрузки, ни разгрузки.

— Понятно,— сказал Марин.— Она ждала там инструкций или же была настроена на срабатывание по определенной временной схеме.

Что его поражало, так это огромное количество ценного материала, которое было принесено в жертву, а также рискованные меры, принятые только для того, чтобы уничтожить один из аспектов человеческой деятельности, по поводу которой Мозг почему-то испытывал опасения. Он не подвергал сомнению аргументацию этой великолепной мыслящей машины. Ее оценка опасности была совершенно адекватной. Но безжалостность, с которой она действовала, обострил в нем осознание ценности изобретения Траска.

«Может ли человек, которым овладело такое устройство,— подумал Марин,— позволить себе поражение?»

Некоторое время спустя он уже стоял среди разрушенных останков квартиры Траска, и тревога пульсировала в нем в унисон с болью, неотступно подбиравшейся к нему.

Пол в квартире почти полностью сохранился. Об относительности этого факта свидетельствовали таблички, развешанные здесь и там: «Опасности нет», «Сомнительно», «Опасно» и — в некоторых местах — «Очень опасно». Эти последние места Марин тщательно обходил. Однако он без колебаний направился в бывшую спальню, хотя на одной из стен красовалась табличка

«Опасно». Там не было ни остатков кровати, ни пятен крови. Он осторожно поинтересовался у сопровождающего, и тот, проглядев список, который держал в руке, ответил: «На всем этаже не найдено никаких тел, сэр».

Это заставило его забыть о тянущей боли в плече. До сих пор он питал слабую, но очевидную надежду, но сейчас эта надежда пропала. На него нашла странная апатия. Он почувствовал упадок духа, тупую уверенность в том, что случилось самое худшее, и бесконечную грусть. Он посмотрел на то место, где увидел Риву в первую ночь, вспомнил ее загорелое, обнаженное тело, полуприкрытое покрывалом. И тут же представил себе это тело в момент ужасающего взрыва — обугленное, дымящееся, мгновенно превратившееся в легкий пепел. А в разрушенных зданиях площади Группы 814, всепоглощающая вспышка огня уничтожила десятки других людей, предложивших Уэйду Траску поддержку. И невероятно тревожным был тот факт, что они погибли из-за того, что он открыл тайну.

Когда на негнущихся ногах он шел к лаборатории, ему пришла в голову другая мысль: даже если он и избежит казни, то ему не уйти от преследований Мозга. Мозг будет непрестанно искать индивидуума, который знает о его существовании. Значит, пришло время логически осмыслить ситуацию.

«Собираюсь ли я и дальше пытаться спастись?» — спросил сам себя Марин.

Он понял, что все это время он просто ждал. Ждал, что произойдет нечто такое, что автоматически выведет его из затруднительного положения.

Если представить всю эту ситуацию как военную кампанию — кто тогда окажется его врагом?

Мозг?

Он ощущал беспокойство и нерешительность. Преодолевая боль, Марин наклонился и убрал с дороги обожженный металлический стержень. И лишь затем смог заставить себя посмотреть на то место, где, по его расчетам, должно было лежать его собственное тело. Прямо здесь два дня назад сознание, которое было Уэйдом Траском в теле Дэвида Марина, встретило мгновенную смерть. Это событие немного запутало проблему — но не слишком. Если его врагом действительно был Мозг, он был в праве считать, что все прочие были просто марионетками.

— Просто...— он едва не проговорил эту мысль вслух, пытаясь отмести колебания,— Да они и есть марионетки!

Как могло случиться, что такому компетентному, облеченному властью человеку, как Великий Судья, не удалось обнаружить

Мозг? Это означало, что все, кто занят этими поисками, должны быть агентами Мозга. В противном случае поиск такой крупной структуры оказывается просто фарсом. Поиски просто не могли кончиться провалом. Он вспомнил слова Слэйтера относительно засекреченности этих поисков. Любой офицер Контроля, целенаправленно занимавшийся исследованиями в этом направлении, давал подписку о неразглашении. Каким-то образом им удалось окружить эту проблему ореолом страха и молчания. Даже просто упоминать о том, что Мозг когда-то существовал, стало опасным.

В этот момент Марин подошел к тому месту, где раньше находились странные часы Траска. Наклонившись, он посмотрел, не осталось ли от них каких-нибудь проводов. Но перед его внутренним взором в этот момент стоял образ Мозга — такой, каким он себе его представлял.

Единственная проблема заключалась в одном: где прячется Мозг?

Вероятнее всего — все-таки в Убежищах под резиденцией Великого Судьи — в самом безопасном месте на всей планете. Но это возможно только в том случае, если Великий Судья — агент Мозга.

При мысли об этом Марин содрогнулся. Но он вполне допускал мысль, что ключевые посты человечества могут контролироваться этой мыслящей машиной. Это означало, что единственной проблемой, которая стояла перед Мозгом, было обеспечение его собственной безопасности. Используя двух своих агентов — Великого Судью и Слэйтера, Мозг смог уничтожить всех людей, кто помогал ему скрываться, и одновременно внушить своим агентам идею совершать массовые убийства якобы с целью уничтожить Мозг. Это было внушение на уровне импульса. По мере того как убийство следовало за убийством, все сомнения в них автоматически подавлялись их же собственными мотивами. В итоге этих длительных и безрезультатных поисков выигрывал только сам Мозг.

Марин вдруг осознал, что Великий Судья стоит рядом. И в этот момент диктатор спросил его:

— Что там такое, Марин?

Марин кивнул на перфорацию в металлической балке, через которую, должно быть, проходила проводка часов.

— Я как раз думал, что это может быть, ваше превосходительство.

— Спроси сопровождающих. У них есть полные карты и планы.

Судя по этим планам, в этом здании никаких перфораций предусмотрено не было. Этот факт был немедленно взят на заметку. Из этого следовало, что всем рабочим, которые подписывали какие-либо контракты на ремонт в этом здании, предстояло прой-

ти допрос с использованием детектора лжи. Но на подобную процедуру, по оценке Марина, ушло бы как минимум несколько дней, а то и целая неделя.

Однако это его не слишком заботило. Он убедился собственными глазами, что от квартиры Траска мало что осталось. Изображения на телеэкране, которое он видел прежде, почему-то оказалось недостаточно, чтобы это понять. Ему было необходимо прийти сюда, посмотреть на разрушения, ощутить щебенку под ногами и запах пыли после взрыва.

Внезапно на него накатила страшная усталость. Он только что установил, что его собственного тела больше не существует. Даже если бы ему ничто больше не угрожало, все равно факт оставался фактом: он не испытывал желания иметь тело Траска в качестве замены. Предположим, он каким-то образом избежит гибели. Успокоится ли он, оставшись в теле Траска? Эта перспектива представлялась ему весьма мрачной. В лучшем случае его жизнь превратится в постоянную маскировку.

Все, что ему сейчас нужно, подумал он,— так это хотя бы четыре часа сна под пилюлями, без боли. Тогда он сможет действовать.

Кто-то коснулся его руки. Обернувшись, Марин увидел офицера личной гвардии Великого Судьи. Припп. Еще четверо офицеров-приппов направлялись к нему. Как ни странно, они выглядели весьма грозно.

— У меня приказ его превосходительства Великого Судьи,— произнес первый официальным тоном,— взять вас под арест. Советую вам вести себя спокойно.

— У вас — ЧТО? — в яростном замешательстве спросил Марин.

— Вы арестованы, сэр.

Марин повернулся к приппу спиной. Во-первых, последствия катастрофы легли на него тяжелым бременем, во-вторых, он не понимал причин действий Великого Судьи. Он увидел диктатора, стоящего в стороне, рядом с Подрэйджем и другими Руководителями Групп. Все они смотрели на Марина.

— Ваше превосходительство! — гневно крикнул Марин.— Я этого не понимаю.

Тяжелое лицо диктатора превратилось в маску холодной и надменной сдержанности.

— Мистер Траск,— проговорил он,— многих вещей мы тоже не понимаем. Вот, например, одна из них: что произошло с нашим дорогим и уважаемым Дэвидом Марином?

Марин открыл было рот, чтобы ответить, но передумал и только слегка качнул головой, словно пытаясь выгнать из сознания

туман боли, которая снова наваливалась на него. Он подумал, что его первая мысль была верна, хотя и не в том смысле, как он предполагал. Сейчас действительно наступил кризис — прежде, чем он успел к нему подготовиться.

— Заверяю вас,— мрачно произнес Великий Судья,— у вас будут все возможности объясниться до того, как вас казнят,— и коротко бросил: — отвезите его в тюрьму Контроля.

Глава 32

Любой риск был исключен. Прежде чем отвести Марина на борт специального прыголета Контроля, на него надели наручники. На борту его сразу же обыскали — в достаточно вежливой форме. Марин, впрочем, счел этот обыск вполне тщательным: если бы он сам командовал группой, которая этим занималась, он остался бы доволен работой.

Обыск включал исследование зубов — и Марин был поражен, когда у него обнаружили пустой искусственный зуб с каким-то химикатом внутри. Впрочем, никто не пытался искать у него в мышцах капсулы или исследовать кожу на предмет поиска мест, окрашенных особыми красками — например водорастворимыми наркотиками. Однако они тщательно изучили грязь у него под ногтями. Обыск закончился тем, что они выдали ему другую одежду — простую серую куртку и брюки того же цвета.

Все это они успели проделать до того, как прыголет приземлился на крышу Дома Руководителей Групп. Там его в наручниках провели в тюрьму — здание из бетона и стали, представлявшее собой часть департамента Слэйтера.

В тюрьме специальные сотрудники сняли с Марина маскировку. В течение получаса при помощи фотографий и записей контроля он был идентифицирован как осужденный изменник Уэйд Траск.

С каким-то мрачным интересом Марин наблюдал, как меняется отношение к нему тюремщиков. По мере того как снимались контуры маскировки, они действовали все более грубо. Пока он еще был похож на Марина, они проявляли осмотрительность. Потом толчки, захваты и щипки постепенно стали резче и сильнее, чем это было необходимо. Наконец, один из здоровяков шагнул вперед и, вместо того, чтобы предложить ему сесть, схватил его за плечи и попытался силой усадить на стул.

Сделав быстрое движение, Марин ударил его коленом в промежность и с удовлетворением услышал стон, когда тот отлетел

назад, упал на пол и начал корчиться. Второй мужчина, стоявший справа от Марина, попытался ударить его по голове. Но Марин ожидал этого. Кроме того, в нем скопились ненависть и ярость — чувства, которые сами по себе уже позволяют человеку переносить пытки. Удар показался ему почти нечувствительным.

Ненависть, как толстая пленка, окутывала его, защищая от боли. Марин ударил ногой по голени человека, который его бил. После этого — он еще не потерял чувства здравого смысла — он спокойно сел на стул, пока еще никто не успел отреагировать. По собственному опыту он знал, что ударить стоящего психологически легче, чем сидящего.

Из задней части комнаты донесся властный голос:

— Оставьте его в покое. Мы должны ждать приказов.

Здоровяк поднялся с пола, проковылял к койке и плюхнулся на нее. Другой агент перестал потирать ушибленную лодыжку, с явным усилием прошел к другому стулу и тоже сел.

В этот момент Марин смог сосчитать своих противников — их было шестеро. Все они выглядели как офицеры Контроля. Двоим из них было лет по тридцать с небольшим; они казались молодыми и сильными. Кроме них, было еще трое сорокалетних здоровяков.

В этот момент начальник вышел вперед. Он был старше всех — седоволосый мужчина лет пятидесяти пяти.

— Мистер Траск,— сказал он,— меня зовут Мартин Кэррол. Я ожидаю приказа получить от вас — любыми средствами — полный отчет о вашей деятельности.

Марин изучал его лицо. Он помнил Кэррола. Пару раз он видел его вместе со Слэйтером. Это был еще тот тип.

Серьезно относившийся к своим обязанностям, он был опасным противником, поскольку не сомневался в справедливости всего, что делал.

Но Марина сейчас это интересовало мало. Он знал только, что лично ему потребуется в той ситуации, которая здесь начнет разворачиваться. Только ненависть и ярость способна оберечь нервы и мышцы любого живого существа при пытках. У него не было времени ни на добрые мысли, ни на рассуждения — разве что в самых отдаленных уголках сознания.

У двери раздался какой-то звук. Кэррол подошел и несколько минут говорил с кем-то, кого Марин не видел. Затем дверь закрылась; Кэррол вернулся и подошел к Марину.

— Указания получены,— сказал он. Его голос звучал спокойно, но щеки, казалось, слегка побледнели.— Как только вы будете готовы, дайте мне знать, и я позову Великого Судью. Он сам хочет вас выслушать.

Глава 33

Марин не осознавал течения времени. Когда он чувствовал боль, он поднимал голос в пароксизмах ярости и ненависти. Он едва понимал, что говорит. Он пытался оскорблять своих мучителей — но это получалось неразборчиво и невнятно. Слова не играли никакой роли. Имели значение только эмоции и способ их поддержать.

У него были достаточно веские причины, по которым он не мог позволить себе говорить. Он не мог, не должен был, не смел рассказать свою историю людям, которых контролировал Мозг... пока все остальные возможности не были исчерпаны.

Он чувствовал, исходя из собственного опыта, что они не станут его убивать, пока что-нибудь не узнают. Следовательно, заговорить для него означало погибнуть, не говорить — значило выжить.

В этом замкнутом пространстве, освещенном лампами, время исчезло и одновременно растянулось в бесконечность. Он поддерживал жизнь в своем теле, питаясь сырым материалом своих нервов. Иссушив силы, он опускался до глубин изможденности, но только для того, чтобы найти новый резервуар ненависти, и она, казалось, затопляла все его существо огнем обновленной энергии.

В такие моменты он буквально физически вибрировал от ярости. И он вопил, срывая голос: «Идиоты — дураки — рабы — тупицы, тупицы, тупицы...» — снова, снова и снова.

Ни на мгновение он не ощущал жалости к себе. Ему не приходило в голову просить пощады. Никакого смысла также не было и в том, чтобы по-настоящему критически оценивать то, что они делают. Он видел людей на всех стадиях физического, морального и психического уничтожения, но выживали только те, кто цеплялся за какое-то проявление безумной ярости. Это был факт — единственно важный в данный момент.

Его непреходящая ярость начала давить на его мучителей. Он не сомневался, что это неизбежно произойдет, хотя и не связывал с этим никаких планов. Сама внутренняя склонность к насилию, которая и привела этих людей к работе в Контроле, неожиданно оборачивалась слабостью, и он подпитывал эту слабость. Перед этой самой действенной из всех эмоций барьеры их внешнего спокойствия падали один за другим.

Внезапно один мужчина закричал. Его вынесли, сопротивляющегося и лягающегося, как маленького ребенка, охваченного яростью. Правда, офицерам Контроля пришлось иметь дело с крупным парнем, отличавшимся недюжинной силой.

Второй мужчина начал тихо всхлипывать. Кэррол подошел к нему и сказал:

— Дэн, ты портишь себе репутацию. Прекрати!

— Я ничего не могу с этим поделать,— всхлипывая, отозвался тот. Его увели.

Еще один из них застыл неподвижно. Все его мышцы были напряжены, глаза устремлены перед собой. Врач подошел к нему, сделал укол, и он мягко упал, как тряпичная кукла.

Кэррол, должно быть, каким-то образом уведомил Великого Судью. Дверь внезапно открылась, и сквозь серый туман Марин увидел диктатора. Он просто стоял в дверях — большой, озадаченный мужчина. Он покачал своей львиной головой и сказал:

— Остановите процедуру. Пусть отдохнет. Отведите его...

Марин не услышал, куда его предполагается отвести. Он обмяк и, хотя почувствовал, как его схватили чьи-то руки, провалился в сон, который был опасно близок к потере сознания.

Он зевнул, затем закрыл глаза. Потом в памяти всплыло воспоминание. Он сидел в кресле в большой, со вкусом обставленной комнате. Его запястья были пристегнуты наручниками к подлокотникам кресла. По одеревенелости ног он мог судить, что его лодыжки были также привязаны к ножкам.

Головой он мог вертеть свободно, поэтому немедленно огляделся, надеясь по каким-нибудь признакам определить, где находится. Закрытая дверь справа, настенный телевизор, окон нет, кушетка слева, большие часы на стене перед ним и...

Его внимание зависло, и он с тошнотворным приступом страха подумал: «Часы... такие же, как у Траска».

Пока он с неприязнью разглядывал их, часы тихо скрипнули и пробили половину — десять тридцать, то ли утра, то ли вечера, он не мог даже предположить. Звук замер, а затем яркая серебристая нить вылезла на пол из какого-то скрытого отверстия в часах. Она змеилась и сворачивалась в кольца, как веревка, а часы все выпускали и выпускали из себя это странное вещество.

Внезапно конец нити загнулся крючком и броском продвинулся в направлении Марина, который в оцепенении смотрел на него. Он с дрожью вспомнил о такой же блестящей «веревке», которую он видел ночью в квартире Траска неделю назад.

Он был потрясен. Каждый спазматический прыжок действовал на его психику с такой силой, с какой не могла подействовать пытка. Он зачарованно смотрел на эту светящуюся нить, охва-

ченный ужасом, в то время как она, конвульсивно свиваясь в петлю, каждым выхлестом продвигалась на три фунта.

Сначала расстояние до него составляло примерно двадцать пять фунтов. Половину она покрыла менее чем за две минуты. Выйдя из первоначального ступора, Марин начал звать на помощь. Его голос поднялся от вопля до самого громкого визга, который он только мог выдать. У него не было ни гордости, ни стимула одергивать себя. Он только хотел, чтобы кто-нибудь пришел и прекратил этот кошмар. Прямо сейчас, немедленно.

Но никто не приходил. Из-за двери не доносилось ни звука. Когда он понял, что никто не придет, в его голове мгновенно выстроилась истинная картина происходящего. Мозг, контролировавший Великого Судью, каким-то неуловимым способом заставил диктатора поместить его в комнату с часами. Затем каким-то образом было решено, что охранник ему не нужен. Или, возможно, это был тот случай, когда охранником был избран другой раб Мозга.

Что там говорил Слэйтер? Контроль на расстоянии? Это могло означать, что функцию слуха в ключевой момент можно было отключить, и теперь охранник просто стоит за дверями и не слышит воплей, доносящихся из комнаты, которую охраняет.

Размышлять о том, почему он должен считать себя обреченным, уже не было времени. Блестящая световая «веревка» взлетела в воздух, поднялась над креслом, неуверенно качнулась и, когда он попытался отстраниться, упала ему на колени.

Откуда-то неподалеку донесся шум океанских волн. Возникла пауза, затем его окатила огромная масса воды. Она казалась такой реальной, что он почувствовал, как его приподнимает и относит назад. Вода начала спадать. Когда волна проходила мимо него, вертясь, играя и шепча, он сделал что-то, чего сам не понял. Его челюсти сомкнулись, и во рту оказался крошечный кусочек чего-то вкусного, принесенного ему морем. Проглотив его, он ухитрился занять устойчивое положение на песке. Как ему это удалось, тоже было не совсем ясно. Это было просто действие тела, без единой четкой мысли — просто делать, быть, жить.

Затем море куда-то отдалилось, исчезло из виду. Неподалеку слышался шелест волн, бульканье, тихий шум непрестанного движения воды, качание, шипение и...

Звук затих и пропал.

«Я был каким-то морским животным,— подумал Марин,— на самой заре эволюции. Это была память, идущая от начала жизни».

Его осенила запоздалая догадка. Он с удивлением подумал, что именно это способны переживать приппы. Они помнят такие вещи на сознательном уровне.

Вокруг него сомкнулась тьма, и он ощутил, что взбудоражен до предела. Внезапно тьма сменилась ярким сиянием. Его яркость раздражала. Именно она, догадался Марин, порождала это странное возбуждение.

Время шло; снова стемнело. Возбуждение, бившееся в нем, затихло, превратившись в слабую пульсацию. Через некоторое время сияние вернулось, и с ним пришло новое ощущение — теперь он знал, что такое жизнь!

Цикл сияния и тьмы и порожденный ими эмоциональный круговорот повторялись снова и снова. Он подумал, что это может быть жизнью в ее самой примитивной форме. Осознание этого факта глубоко его потрясло.

Темнота была ночью, сияние — днем, а солнечный свет раздражал то, что в те изначальные времена должно было быть материей, пока еще не разделенной на одушевленную и неодушевленную.

Он все еще стремился насладиться этим ощущением, когда...

Он пригнулся за скалистым гребнем. Он все еще пребывал в состоянии возбуждения, но к нему начал примешиваться страх. За гребнем что-то было — что-то огромное. И он боялся. Он надеялся, что это «что-то» не догадается, что он здесь.

В тревожном порыве его руки охватили деревянную рукоятку примитивного топора.

Напряженно стоя на одном колене по эту сторону скалы, Марин осознавал, что сам он не мал и не слаб. Он скорее чувствовал, чем видел, как его грудь и плечи бугрятся огромными мышцами. Он даже был уверен, что сможет стать достойным противником тому чудищу за гребнем. Но то существо было бесчувственным, массивным и упрямым; на каждый его удар оно ответит несколькими ударами. И в конце концов оно, скорее всего, одолеет его и задушит своими мощными лапами. Со своей стороны он мог только надеяться отогнать его; он не мог и думать о том, чтобы его убить.

Пригнувшись, он ждал, охваченный отчаянием. Он думал только о том, чтобы избежать драки.

Новое переключение произошло, пока у него еще сохранялось ощущение тревоги. Он лежал на полу, застеленном ковром, в темноте. Он еще не вполне осознавал, что произошло, но ощущения несколько изменились. Физически он был слабее того существа, скрывавшегося от врага за гребнем. Это ощущение наполняло все тело — мышцы, желудок, нервы. Он напряженно осознавал ситуацию.

«Меня настроили на другое тело?»

Он пошевелился и услышал, как зазвенели цепи. Тонкие, прочные веревки натянулись на запястьях; на лодыжках он ощутил металлические кольца. Он расслабился, напряжение спадало.

И тут рядом с ним прозвучал голос Ривы Аллен:

— Ты проснулся? Сколько времени мы здесь находимся?

Это сон, попытался убедить себя Марин. Сейчас ее голос мог принадлежать только каким-нибудь трансформированным формам его памяти. Рива мертва. Ее тело уничтожено самой колоссальной бомбой из всех, взорванных за последние четверть века.

Снова послышался голос — очевидно, из мрака, окружавшего его.

— Нас кормили восемь раз. Думаю, это значит, что прошло три дня. Но я все время голодна, поэтому, может быть, и больше.

Теперь Марин смог идентифицировать это ощущение физической слабости — голод. Но как это могло случиться? Кто лежит сейчас здесь, в темном помещении, рядом с женщиной, которой, как он знал, больше не существует?

Потрясенный, он попытался собраться с мыслями. «Где бы я ни находился, я здесь из-за Мозга. Его цели не имеют ничего общего с моим благополучием. Он хочет знать, насколько Уэйд Траск опасен для него и осуществления его планов. Поэтому он использует свое знания о функционировании жизни, чтобы делать то... что он делает».

Что же обнаружил Мозг?

Посторонний звук прервал напряженное течение его мыслей. Открылась дверь, впустив расширяющуюся полосу света. Повернув голову, Марин увидел двух мужчин-приппов. Каждый из них нес по подносу с дымящимися блюдами.

— Наконец-то можно поесть! — радостно объявила женщина рядом с Марином

В этот момент вошел третий мужчина. Его лицо скрывала маска, не позволяющая определить, припп это или человек. Но когда он заговорил, Марин мгновенно узнал голос Ральфа Скаддера.

— Ладно, Руководитель Групп Дэвид Марин,— сказал коротышка, не снимая маски,— я освобожу вас и вашу подругу,— он повернулся к сопровождающим его приппам.— Снимите с них цепи!

Марин вспомнил, как Скаддер задерживал его расспросами в ночь взрыва. Это могло многое объяснить. Например, можно было предположить, что за это время его приспешники-приппы посетили с обыском квартиру Траска. Но это не давало ответа на один важный вопрос: как им удалось проникнуть в секретную лабораторию?

Марин с некоторым усилием отвлекся от этих размышлений — и осознал, как к нему обратился Скаддер.

Руководитель групп Дэвид Марин.

Это, и только это имело сейчас значение.

«Я снова стал самим собой»,— весь дрожа, подумал Марин.

Каким-то образом в процессе своих непонятных манипуляций Мозг задействовал некие важные механизмы. Взбудораженный Марин снова и снова осознавал чудесное значение произошедшего.

«Я вернулся в собственное тело!»

— Несколько минут назад было объявлено, что Уэйд Траск содержится под стражей,— снова заговорил Скаддер.— Я больше не вижу причин вас задерживать.

Еще одно открытие. Лидер приппов терпеливо ждал появления Траска. Марин растер запястья, восстанавливая кровообращение. Управившись со своей порцией еды, он постепенно пришел к определенному решению. Слишком рано было делать какие-то выводы относительно того, что с ним произошло. Противоречия, с которым он столкнулся, невозможно разрешить путем размышлений.

Вскоре их обоих кружными путями вывели на поверхность. Из ближайшей телефонной будки Марин немедленно связался по личному номеру с Великим Судьей. Сэлис, личная секретарша диктатора, выслушала Марина, сказала: «Одну минуту» — и через некоторое время снова взяла трубку. Казалось, она была потрясена.

— Дэвид,— тихим голосом проговорила она,— его превосходительство отказывается говорить с вами. Но хочет, чтобы вы присутствовали на собрании Совета — завтра утром, в одиннадцать.

Ее голос понизился почти до шепота.

— Может быть, у вас есть какое-то сообщение, которое вы бы хотели передать через меня?

— Милая,— с беспокойством проговорил Марин,— пожалуйста, попроси его отложить казнь Уэйда Траска до того момента, пока я с ним не поговорю.

— Подождите секунду,— она снова вышла. Когда она вернулась, диктатор явно находился в пределах слышимости, потому что ее голос стал четким и нейтральным:

— Он говорит, что Траск и так получил отсрочку до окончания завтрашнего собрания. Он говорит, что не может понять, как замаскированный Траск смог выиграть Джорджианскую кампанию, и что он непременно потребует удовлетворительных объяснений. Это все. До свидания.

Послышался щелчок.

Глава 34

Следуя за Ривой по улице, Марин каждый раз слегка вздрагивал при воспоминании о том, что сказала ему секретарша Великого Судьи.

Он тревожно покачал головой. Затем остановился и задумчиво посмотрел на девицу. Она провела с Траском пять дней. Что Траск мог рассказать ей?

Ему требовалось куда больше данных, чем он располагал сейчас, если он собирался успешно выступить на собрании Совета. Ему нужна была вся информация, которую он только мог получить.

— Хочешь пойти со мной? — спросил он девушку.

Сейчас она был истощенной, с затравленными глазами — жалкая копия прежней хрупкой Ривы Аллен.

Она кивнула.

— Ты знаешь, что это означает? — сказала она.— Ты знаешь, что я собой представляю?

— Да-да,— ответил Марин, закивав головой.

Он предположил, что она восприняла его приглашение как предложение заняться сексом. Ну ладно. Ему было нужно получить от нее полный отчет о том, что произошло — о каждом слове, каждой интонации. И он был готов заплатить за это ту цену, которую она попросит.

Он привел Риву в свою квартиру в огромном Доме Руководителей Групп. Он чувствовал, что его глазные яблоки то ли воспалены, то ли разражены. Правда, на зрении это не отразилось. Какую бы проблему со зрением не унаследовало от Траска тело Марина, на этот раз все проходило куда быстрее. Но напряжение оставалось. Это стоило отметить.

Ему предстояло множество неотложных дел. Поэтому он оставил девушку у себя в квартире и направился к лифту. Вскоре он спустился на этаж, где располагался офис секции вооруженных сил. Оттуда он позвонил начальнику Военной разведки в Джорджии.

— О, Дэвид! — сказал офицер.— Я ужасно рад, что вы позвонили. У меня есть кое-что в связи с тем конфеденциальным указанием, которое вы мне оставили. Мы задерживали всех, кто пытался пересечь границу. Уже есть результаты допросов, и информация, которую мы получили, весьма любопытна. Прежде всего это касается дела Уэйда Траска, о котором говорили в «Новостях». Это дело представляет собой совсем не то, чем оно кажется. Они удерживали информацию из-за какого-то секрета, которым он обладал. К нему была подослана одна из лучших шпионок, и...

Марина было нелегко удивить. Но у него невольно вырвался возглас:

— Они — ЧТО?!

— Об этом я и тревожился, сэр, — сказал офицер.— Я очень рад, что вы позвонили.

Марин сделал глубокий вдох.

— Благодарю вас, полковник. Предоставьте это дело мне.

— Если бы вы не позвонили... Я как раз собирался связаться с его превосходительством Великим Судьей.

— Держите меня в курсе событий,— ровно проговорил Марин.

Повесив трубку, он поймал себя на том, что дрожит.

Рива Аллен!

Все это время в квартире — что она могла слышать? И все эти дни, которые она провела рядом со связанным по рукам и ногам человеком, которого она считала Дэвидом Марином, Руководителем Групп, имеющим какое-то отношение к Уэйду Траску — что она смогла узнать?

Все еще дрожа, он позвонил в Службу связи по видеотелефону.

— Майор,— обратился он к дежурному офицеру,— может ли кто-нибудь отправлять секретные сообщения из этого здания?

Низкорослый офицер, похоже, был совершенно ошеломлен.

— Сэр,— заикаясь, пробормотал он.— Это непростое дело... — и, собравшись с духом, задумчиво добавил: — Это мог бы сделать... Руководитель Групп...

Марин был поражен.

— Как я понимаю, существует механизм автоматического глушения всех сообщений, кроме официальных,— с вызовом произнес он, неожиданно разозлившись.

Офицер на телеэкране выглядел потрясенным, но голос его по-прежнему звучал ровно.

— Это так, сэр,— сказал он,— если кто-нибудь не включит оборудование бесконечного ряда Траска. У большинства Руководителей Групп такое оборудование есть в личных апартаментах, оно установлено вопреки нашим рекомендациям. Мы можем просматривать такие передачи, но не можем препятствовать их отправке.

Марин кивнул. Он припоминал, что Великий Судья хотел установить прямое сообщение со всеми своими советниками.

— Сейчас мне нужно, чтобы вы действовали очень быстро,— сказал он.— Немедленно отключите питание этого оборудование в моей квартире. Не теряйте ни секунды!

— Есть, сэр!

Марин прервал связь и задумался над еще одним подозрением, которое пришло ему в голову. Похоже, во всем этом плотно замешан Скаддер. «Он на столько дней оставлял ее со мной»,— подумал Марин.

Он позвонил в военную полицию и приказал арестовать Ральфа Скаддера, лидера приппов.

— Прикажите Скаддеру, чтобы он принес карту Убежищ, которую его просил подготовить Уэйд Траск,— сказал он.— Ска-

жите ему, если он согласится с нами сотрудничать, ему ничего не грозит. Держите Скаддера так, чтобы я смог допросить его завтра с утра. И чтобы до него никто не добрался,— закончил Марин.

Затем он связался со службой Взаимодействия и отдал указание, чтобы его сына, Дэвида Бернли, переправили в столицу так, чтобы он смог явиться в офис Марина к 10:40 следующего утра.

— Скажите ему, чтобы он надел свою лейтенантскую форму.

Следующий сеанс связи был с отставным генерал-майором Юджином Инскипом. Как ни удивительно, но после короткого разговора с сиделкой его соединили со стариком.

— Эти чертовы бабы укладывают меня в кровать, как только солнце садится,— заявил генерал.— Чем могу служить, сэр?

— Генерал,— сказал Марин,— кто-нибудь из моего департамента обращался к вам в последние дни?

Отрицательный ответ, который получил Марин, ничуть его не удивил. Почти сразу же после того, как он отдал своему помощнику приказ встретиться с Инскипом, его арестовали, и неудивительно, что помощник счел себя вправе проигнорировать приказ «фальшивого» Марина.

Глубоко вздохнув, Марин задал решающий вопрос:

— Вы уже закончили свою книгу о вооружении прошлого века?

На том конце линии наступило молчание, затем послышался тяжелый вздох.

— Молодой человек,— сказал Инскип,— я не знаю, что у вас на уме, но, судя по тону, дело срочное. Вы желаете, чтобы я выслал вам копию рукописи?

— Не только желаю,— ответил Марин,— но и готов прибыть за ним лично, если вы не заснете к этому времени и согласитесь побеседовать со мной полчаса.

— Я глаз не сомкну всю эту чертову ночь, если это важно,— отозвался генерал,— и пусть только эти бабы попробуют уложить меня до того, как вы прибудете!

Марин негромко рассмеялся.

— Вы прекрасный человек! — заметил он.— Теперь слушайте. Что меня интересует — и весьма срочно — это оружие, которое может поражать целые города или крупные районы. Мы готовы к большим бомбам — три четверти населения все еще живет под землей. Что еще может быть использовано?

— Еще было вибрационное оружие,— сказал старик.— А также газ — равного ему с тех пор не открыли. И... кажется, я понял вашу мысль. Я просмотрю свои материалы. Существует по крайней мере пять видов оружия той категории, о которой вы упоминали. Жду вас, сэр.

Этот визит занял у него полтора часа жизненно важного времени. По дороге он отдал приказ, чтобы весь технический персонал, размещенный в городе Великого Судьи, по особому распоряжению немедленно явился на рабочие места.

Возвращаясь в свою квартиру, Марин принял решение не показывать Риве, что он раскрыл ее тайну. Он делал это не из милосердия. Он предполагал, что тело хладнокровно убитой настоящей Ривы Аллен покоится сейчас в какой-нибудь забытой могиле. Его губы сжались. Нет, это было не милосердие.

Он понимал, что эта женщина обладает большими возможностями избежать допроса. Несмотря на любые попытки остановить ее, она может успеть, например, проглотить какое-нибудь наркотическое вещество и таким образом, по крайней мере, оттянуть допрос.

Поэтому ему придется выманивать информацию хитростью. Ему предстояло проявить недюжинную ловкость и действовать так, будто он считает ее именно той, за кого она себя выдает. Что она при этом узнает — неважно.

Открыв дверь, он услышал доносящийся из ванной шум воды. Вскоре она вышла, облаченная в банный халат, взвизгнула, увидев его, и, словно ручной зверек, радостно бросилась к нему навстречу.

Марин отвечал на эти поцелуи с изрядной долей цинизма, но не мог не заметить, что ее теплота не была наигранной. В этой женщине играла, пробуждаясь, настоящая страсть, и он не сомневался, что ему придется ее удовлетворить. Раздеваясь, Марин обдумывал возможность использования гипнотического газа, но быстро отбросил эту идею. На большинство женщин газ действовал очень сильно. Он мог вызывать еще большую отсрочку, чем наркотики.

— А потом ты сказал... и я сказала...

Поначалу девушка сопротивлялась тому, чтобы давать детальный отчет о произошедшем. Расспросы Марина ее явно озадачили. Она все еще была уверена, что он лежал рядом с ней на полу и что он должен был помнить, о чем они беседовали. Она повторяла это утверждение, затем, в притемненной спальне смотрела на него и качала головой, словно говоря: «Ты, конечно, не захочешь все это снова выслушивать». Она то и дело сбивалась на обобщения, но, как ни удивительно, позволяла ему вытягивать из нее точные слова и формулировки.

«Голова у нее, похоже, работает с дикой скоростью»,— подумал Марин. Она ни на секунду не забывала о своей роли. Ее воспоминания то и дело прерывались вспышками страстного желания. Возможно, это было тоже рассчитано на то, чтобы определить, насколько он нуждается в информации и к чему прислу-

шивается с большим вниманием. Она шантажировала его с искренностью, которая в других обстоятельствах восхитила бы его.

Он упорно держался легенды, которую придумал для объяснения своих расспросов: в плену у Скаддера он находился в состоянии наркотического полутранса и хотел определить, что их тюремщики смогли из них вытянуть.

Настойчиво повторяя это и выслушивая ее ответы, он постепенно понял, что хотя Траск и делал заявлений, которые можно было смело отнести к разряду «недозволенных», то есть рассуждал о социальных идеях, но о своем изобретении упоминал весьма туманно. В этих редких случаях сама идея была сформулирована слишком отвлеченно. Люди, которые допрашивали его, были явно не в состоянии совершить достаточное мыслительное усилие, чтобы ухватить концепцию механического обмена личностями. Поэтому Марин с облегчением предположил, что за все эти дни шпионка так ничего и не узнала.

Около четырех утра девушка погрузилась в дремотное состояние, похожее на сон от утомления. Марин дождался, пока ее дыхание не стало ровным и медленным. Затем он выскользнул из кровати и выглянул во внешний коридор, чтобы убедиться, стоят ли у его дверей охранники, как он приказал. Их было двое — агентки Военной разведки, отличающиеся заметной физической силой.

— Разбудите ее в восемь тридцать,— проинструктировал он их,— потом отведите в свой департамент и допросите.

Затем он взял свою одежду и направился в свой офис. Там он прилег на кушетку в маленькой смежной комнате и некоторое время лежал без сна, охваченный беспокойством.

Ночь прошла не зря. Казалось бы, совершенно не связанные друг с другом события начали выстраиваться в логичную последовательность. Марин ужаснулся значимости картины, которая развернулась перед ним. Если это правда, если это правда...

«Мы с Траском как два теленка, бродящие по бойне»,— подумал он.

И когда его усталые глаза наконец закрылись, он все еще продолжал устало размышлять.

«Теперь я должен решиться!»

Глава 35

В начале седьмого Марин встал, оделся и позвонил полковнику Грегсону, дежурному заместителю Руководителя. Сонный голос в трубке произнес:

— Грегсон слушает.

Марин представился.

— Скаддер арестован? — спросил он.

— Да, мы его взяли,— полковник явно стряхнул с себя сон, услышав голос начальника.— Он был очень удивлен.

Марин вполне мог себе это прёдставить. Столько таинственности — и вдруг все вышло наружу. Но он только сказал:

— Приведите его ко мне в офис. Прямо сейчас.

— С картой?

— С картой! И, Грег!

— Да?

— Я хочу, чтобы группы нападения были наготове, с тяжелым вооружением, чтобы пробиваться сквозь препятствия. Им придется действовать в Убежищах, так что взрывчаткой придется действовать осторожно.

— Значит, мы используем газ и кое-что из лучевого оружия.

— Прекрасно.

— Подготовить все к девяти?

— Да.

— Будет сделано! — заверил его Грегсон.

После этого Марин связался со службой Противовоздушной защиты.

— Передайте приказ силам Противовоздушного Контроля, чтобы ни один летательный аппарат не появился в воздушном пространстве города до дальнейших распоряжений. Особое внимание — самым верхним воздушным коридорам. Если что, на этой высоте стреляйте без предупреждения, на нижних коридорах — после краткого предупреждения. И еще, Мейер.

— Да, сэр?

— Ни с кем этого не обсуждайте. Сообщите о задании дневной смене, когда люди придут на работу.

— Слушаюсь, сэр.

Марин отключил связь и встал. Только сейчас он понял, насколько сильно он изменился за это время. Во время короткого ночного сна он принял решение. Теперь он знал, что ему делать. Это было полное осознание своих намерений и уверенность, какой он никогда не испытывал прежде. Он был готов действовать — без ограничений.

После всех этих событий и перепитий в нем проснулся мужчина. Он оглядывался назад, на свою карьеру, и видел, что она была построена на смеси насилия, идеализма и приспособленчества. Он прожил свою жизнь в рамках, в которых согласился принять мир Великого Судьи.

Со всем этим покончено. Сомнения прошли, страх исчез. Одеваясь, Марин прикидывал, что ему нужно сделать в этот решающий день. И у него не возникало никаких сомнений. Все представлялось ему четким и ясным. И очевидным.

Это будет сражение весьма любопытного свойства. Поскольку на данный момент под его контролем находились огромные военные силы, он имеет возможность действовать против своего скрытого противника. И когда эти силы перейдут определенный рубеж, его противнику — в данной ситуации Мозгу — придется предпринять ответные действия.

Обстоятельства битвы представлялись фантастическими. В любой момент Мозг мог захватить контроль над теми, кто возглавляет противостоящие ему силы. В таких условиях Марину было нужно только одно — решимость действовать, приводить в движение силы и, таким образом, заставлять своего врага реагировать.

Действовать — невзирая на последствия.

Марин прошел в свой офис по коридорам, почти пустым в этот ранний час. Ему принесли завтрак из офицерской столовой. Он заканчивал свою короткую трапезу, когда к нему привели Скаддера, недовольного и обеспокоенного.

— Итак, Траск заговорил,— мрачно сказал он.— Что же, я ничего не сделал, только согласился снабдить его картой. Что же здесь нелегального?

— Где карта? — коротко спросил Марин.

Карта была у Грегсона. Полковник, скромный плотный мужчина лет сорока с небольшим, закрепил карту на стенде, чтобы на нее можно было направить свет. Марин кивнул приппу.

— Объясните ее,— сказал он.

Скаддер с мрачным видом повиновался. По его объяснениям получалось, что особое значение имели сорок восьмой, сорок девятый, пятидесятый и пятьдесят первый уровни Убежищ. На военных картах этого района было указано, что все эти уровни в течение двадцати пяти лет были наглухо заделаны по приказу Великого Судьи.

Марину пришла в голову мысль, что Мозг, похоже, не подозревал, что тот что-то замышляет против него. Он снова ощутил, как нарастает напряжения. Но его голос звучал ровно, когда он отдавал приказ выслать группы нападения, захватить обозначенную на картах область и уничтожить любые устройства, которые будут обнаружены. Сокрушить, разбить, сжечь, не оставить ни одной действующей части. Его несколько тревожило, что по его приказу будут произведены столь глобальные разрушения. Но альтернативы он не видел.

Он чувствовал, что никто из ныне живых — кроме, возможно, Уэйда Траска,— не обладал достаточной информацией. Но возможностью получить сведения от Траска они не располагали.

Когда приказы были отданы и люди отправились выполнять задания, он послал Сигнальное подразделение на прыголетах — с максимальной скоростью — ко всем телефонным подстанциям с приказом отключить телефонное обслуживание Города Припп и всех линий, ведущих в Убежища.

Отрезать все звонки на дальние расстояния...

Глава 36

«Вот так»,— подумал Марин.

Он ощущал некоторую усталость. Но главные силы были приведены в движение. Оставалось только ждать.

Ожидая начала заседания в своем офисе, он в последний раз, как ему казалось, воспользовался огромной властью, которой обладал как член Внутреннего совета и правительственный лидер. На все ключевые теле- и радиовещательные станции он разослал уведомление о том, что в 11:00 следует объявить о его отставке с должности Руководителя Групп.

Он приказал запечатать в конверт свое кольцо — знак своей должности — и, лично адресовав его «Моей возлюбленной Делинди», отправил его на адрес ее места отдыха на Среднем Западе. Свою официальную печать он упаковал сам и направил ее в курьерский отдел с инструкциями доставить ее в Коттедж Великого Судьи и отдать Сэлис в четверть двенадцатого. В офис каждого из Руководителей Групп были направлены письма с оповещением о его отказе от всех официальных статусов.

Свои военные награды он сложил в предназначенную для них шкатулку, украшенную драгоценными камнями, и послал с курьером хранителю наград при военном кладбище. Он не мог уволиться из своей группы, и поэтому не стал с ними контактировать.

Без двадцати десять его личный громкоговоритель взревел голосами командиров подразделений, переговаривающихся по радио друг с другом.

Затем наступила пауза. Ее нарушало лишь шипение передвижной газорежущей установки, эхом раздующееся в динамике.

Марин уменьшил громкость. Звук не прекращался, и он выключил устройство.

Зазвенел телефон.

Его секретарь звонил из внешнего офиса.

— Полковник Грегсон звонит с полевого телефона, сэр.

— Дэвид,— проговорил полковник,— мы, похоже, сражаемся с двумя противниками сразу. Когда мы заходим с одного направления, мы натыкаемся на приппов. На всех других направлениях — на механическое чудище, защищенное массивными металлическими стенами. Наши инструменты показывают толщину металла восемь футов. И приппы, и машина используют против нас газовое оружие, и продвигаться весьма нелегко.

— Вы разворошили осиное гнездо,— удовлетворенно ответил Марин.— Продолжайте огонь.

Он оборвал связь и потребовал привести к нему Скаддера.

Припп держался вызывающе.

— Я невиновен,— заявил он с порога.— Но я знаю, что происходит. Внизу, в Убежищах, мы можем удерживать вас в течение недели. Но мы можем договориться.

Неожиданное заявление!

— Договориться?! — повторил Марин.— Бога ради, но с кем?

— С настоящими правителями мира! — высокомерно произнес Скаддер.— И вам, — добавил он с усмешкой,— лучше ни с кем не делиться этой информацией, не спросив разрешения у своего господина и руководителя — Великого Судьи.

Марин уже сжег за собой все мосты. Ему было интересно, что этот секрет теперь раскрывается из еще одного источника. Он сосредоточился и мягко спросил:

— Вы не изложите мне детали?

— На самом деле все просто,— ответил Скаддер.— Некоторое время назад мне сообщили, что меня скоро попросят подобрать приппов, которым предстоит стать телохранителями Великого Судьи. Это навело меня на некоторые подозрения. Тогда у нас, приппов, было два босса — Великий Судья и агенты тайной группы. И знаете, кто мне больше платил? Группа. Это было нашим первым большим прозрением. Примерно в это же время к нам начал ходить Траск. Он тогда носился с теорией, что приппы появились в результате трагической случайности, а не последствий атомной войны. Я сразу понял, что если бы это удалось доказать, мы смогли бы добиться для себя отмены ограничений на передвижения. Поэтому я согласился играть в его игры... и начал рыться в его старых отчетах. Я узнал достаточно, чтобы убедиться, что на ранних стадиях по этой теории ставили эксперименты, и проводила их именно тайная группа. Насчет этого мы и будем торговаться,— закончил он мрачно.— Нам нужны данные по этим экспериментам.

Скаддер замолчал. В этой маленькой карикатуре на человека Марин чувствовал всю решимость человеческого существа, борю-

щегося за свою жизнь. Он представил себе последствия недельной задержки в разрушении Мозга, и от этой мысли его передернуло. И он понял, что тоже должен торговаться, используя все, что у него есть.

На данный момент ему не приходилось думать о сострадании. Потому что вскоре после одиннадцати часов у него уже не будет полномочий действовать на правительственном уровне.

— По большому счету, вы зря со мной торгуетесь,— начал он.— Хотя я — тот человек, с которым вы сможете иметь дело, потому что... выслушайте!

Он ровным голосом описал аресты, проведенные в Джорджии, и рассказал о результатах допросов.

— Откровенно говоря,— сказал он,— если вы не свяжетесь с вашими людьми, которыми командуете внизу, в Убежищах, я распоряжусь, чтобы вас казнили в течение часа. Если они не сложат оружие к десяти тридцати, каждый захваченный припп будет казнен. И не пытайтесь со мной препираться. Просто скажите: да или нет?

Лицо крысоподобного коротышки посерело, но присутствия духа он не терял.

— А как насчет данных об экспериментах с приппами? — повторил он.

— Если вы сложите оружие,— пообещал Марин,— приппам будет передана вся информация о результатах допросов по этой теме.

Скаддер молчал. Он сидел, уставясь в пол, опустив плечи. Затем он выпрямился и издал негромкий звук, похожий на приглушенное рычание.

— Ладно,— угрюмо согласился он,— мы сдаемся.

В этой победе слышались отголоски трагедии, и Марин решил про себя, что в будущем постарается уделять внимание этим несчастным существам. Если в этом плане можно было сделать хоть что-то, это стоило сделать.

Но его мысли уже обратились к новому вопросу. Как получилось, что его тело оказалось перенесено из секретной лаборатории Траска в укрытие Скаддера? Он спросил об этом у пленника.

— Мои люди действительно забрали ваше тело из лаборатории,— ответил Скаддер.— Примерно за час до взрыва это было,— он невесело рассмеялся.— Забавно: Траск был в это время у меня в офисе, и я задерживал его, чтобы дать моим людям время обыскать квартиру.

— Но зачем понадобился этот обыск? — спросил Марин.— Вы же не ожидали найти там меня, верно?

Скаддер покачал головой.

— Нет, вы нам ничем не обязаны. Вам просто повезло. Эта женщина — как ее там, Рива Аллен — позвонила мне по секретным линиям; эти линии принадлежат людям, которые стоят за ней. Она целыми днями наблюдала за Траском, а он все время пропадал в своей берлоге. Она была поражена.

— Спасибо,— сказал Марин.

Он испытал огромное облегчение, наконец прояснив все эти обстоятельства.

В этот момент ввели Риву Аллен. Она вошла в помещение походкой, полной достоинства. Женщина выглядела самоуверенной и очень веселой. У нее больше не было необходимости играть содержанку без права регистрации. Взглянув на Марина с ясной улыбкой, она весело проговорила:

— Ну что, любовничек? — и рассмеялась беззаботным смехом.

Марин вопросительно посмотрел на женщин, эскортировавших пленницу. Они могли допросить кого-угодно.

— Что-нибудь узнали? — спросил он.

Старшая покачала головой.

— Мы находимся с ней с без пятнадцати девять. Любые наши вопросы, любые методы убеждения, которые мы применяли, не вызывают у нее ничего, кроме этого дурацкого смеха.

Марин спокойно кивнул. Не было никаких сомнений, что здесь он потерпел поражение. Догадка, мелькнувшая у него прошлой ночью, подтвердилась. Химикаты. Скорее всего, состав был спрятан у нее в фальшивом зубе. Чтобы он подействовал, достаточно было один раз сильно сжать зубы. Этот вызывающий смех наркотик был ему знаком. Он полностью лишал человека страха. Угроза смерти и пытки для находящегося под его воздействием были просто смешны. Действие наркотика длилось около суток. И на это время шпионка, приняв его, устранилась от участия во всех событиях.

Неохотно, но твердо Марин приказал:

— Уведите ее. И держите под стражей.

Вошел секретарь.

— К вам лейтенант Дэвид Бернли, сэр, по вашему личному распоряжению.

— Пусть войдет,— сказал Марин.

Глава 37

Молодой Бернли вошел в кабинет — высокий, с массивной фигурой, распиравшей сине-желтую форму. Он вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь.

— Привет, сын,— приветствовал его Марин.

Он слегка устыдился того, как его слова подействовали на парня. Устыдился потому, что, обращаясь к нему таким образом, он преследовал определенные цели. В течение последующего часа ему потребуется преданность особого рода, какую редко можно встретить. Но именно такой преданности отец вправе ожидать от сына. Он заметил, что лицо парня отразило бурлящие в нем эмоции, и понял, что его приветствие возымело должный эффект.

— Привет... па,— пробормотал Дэвид Бернли.— Ты посылал за мной?

— Я очень рад тебя видеть,— сказал Марин. Чувство стыда и вины исчезло. То, что он собирался делать, было столь необходимо, что поздно и смешно было раскаиваться.— У меня есть для тебя очень важное поручение.

— Это большая честь для меня.

Марин заранее решил воздержаться от каких бы то ни было объяснений.

— Пойдем со мной, Дэвид,— сказал он и направился к двери. Затем задержался и обернулся к сыну. — Под твоей командой будет отряд солдат. Не говори им, что ты мой сын.

— Слушаюсь, сэр,— проговорил молодой человек. Его лицо выражало переполнявшую его решимость. Он еще раз отдал честь.

— Я оказываю тебе огромное доверие,— тихо сказал Марин.— Тебе поручается дело исключительной важности.

Дэвид Бернли сглотнул. Но когда он заговорил, то уже полностью овладел своим голосом:

— Можете на меня положиться, сэр.

— Полагаюсь, лейтенант,— ответил Марин.

Больше они не разговаривали. Марин провел сына через внешний холл наружу. Он заранее распорядился, чтобы ему прислали из местной части дюжину первоклассных солдат и капрала. У него не было оснований сомневаться, что эти люди ждут его, готовые выстроиться по стойке «смирно».

Марин представил им «лейтенанта Дэвида Бернли», которому предстояло быть их командиром до дальнейших распоряжений. Затем он дал им четкие указания относительно того, чего он от них ожидает. Это были хорошо подготовленные солдаты. И он был их главнокомандующим.

Обращаясь к людям, он не смотрел на сына, но краем глаза заметил, как тот побледнел.

— Лейтенант!

— Да, сэр!

— Принимайте людей и следуйте за мной!

— Да, сэр!

Лифт привез их на этаж, где ровно в одиннадцать должно было начаться собрание. Марин взглянул на часы. Четыре с половиной минуты до начала. Вполне подходящее время для возмездия.

У двери в зал Совета стояло пять охранников-приппов под командованием офицера. Значит, Великий Судья уже прибыл.

Офицер узнал Марина.

— Нам придется обыскать вас как обычно, сэр! — сказал он.

— Естественно,— ответил Марин и нажал на спуск газового пистолета, лежащего у него в кармане.

Он подхватил свободной рукой офицера и, прикрываясь им, выстрелил в одного из охранников. За его спиной солдаты уже разряжали оружие. Происходящее даже с натяжкой нельзя было назвать боем. Нападение было слишком внезапным. Шестеро приппов лежали на полу, не успев даже начать атаку.

Марин не стал останавливаться, чтобы посмотреть на результаты этой акции. Он вошел в Зал Совета, не оглядываясь. Когда дверь за ним закрылась, часы напротив входа показывали одну минуту двенадцатого. Он был как всегда пунктуален.

Глава 38

Стоя в дверях ярко освещенного зала, Марин позволил охранникам диктатора, стоящим в скрытых стенных нишах, рассмотреть, опознать и ослабить бдительность. Он ждал, пока его солдаты захватят лестницу и проведут вторую мгновенную атаку.

Ожидая завершения атаки, он неспешно направился к тому месту, где стояли Великий Судья и Подрэйдж. В нем снова начало нарастать напряжение. Снова критический момент, снова необходимость согласования действий по времени. Его солдаты должны были вывести охранников из строя при помощи газовых пистолетов, захватить оружие, которое держало под прицелом присутствующих в зале, и взять под защиту его самого. Проблема заключалась в том, что он не хотел, чтобы люди осознали происходящее до решающего момента.

«...Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать!..» — считал он про себя.

В это мгновение — мгновение, с которого начинал действовать он сам — Марин ясно обозревал всю сцену. Все Руководители Групп — за отсутствием только Меделлина и грозного Эдмунда Слэйтера; Уэйд Траск, прикованный к стулу в конце стола; и

Великий Судья, в безукоризненном белом костюме и рубашке, поворачивающий к нему голову.

«Сейчас!»

Марин перехватил в кармане рукоять специального пистолета, заряженного гипнотическим газом, и выстрелил сквозь ткань, целясь в голову Великого Судьи. Луч толщиной всего в несколько молекул заставил голову диктатора слегка дернуться назад — движение, которое могло быть похоже на простое подергивание мышц. Великий Судья словно его не почувствовал.

Марин ждал. Газ действовал по принципу вируса, но ни один вирус не обладал такой быстротой действия. Он мгновенно проникал в кровотоки мозга. Вот чувствительные нейроны начали реагировать на его присутствие, отдавая калий, содержащийся в связанном виде на электризованной клеточной оболочке — или, скорее, подвешенной в электрическом поле, которое и является поверхностью каждой клетки. Мгновенное изменение — и мысли, эмоции, те связи, которые поддерживают целостность личности, интегрированное «Я», начали терять свою могучую объединяющую силу.

Диктатор покачнулся и начал оседать. Подрэйдж и Марин подхватили обмякшее тело, не дав ему упасть.

— Сюда! — сказал Марин.

Они усадили Великого Судью в кресло во главе стола. Хотя его голова сразу упала на стол, он выглядел скорее расслабившимся, чем потерявшим сознание. Солдаты, занимавшие посты в нишах, вряд ли что-то поняли.

Марин подумал об этом только мельком. Как только диктатор оказался в кресле, он обернулся — как раз в тот момент, когда люди начали оправляться от первого потрясения.

— Позовите врача! — хрипло крикнул кто-то. — Он потерял сознание!

Их реакция поразила Марина. Он не мог подумать, что замешательство достигнет таких масштабов.

Он заметил, что Руководитель Группы Джон Пилер собирается открыть наружную дверь, и мрачно подумал, что через мгновение все рухнет.

Газовый пистолет ткнулся Пилеру чуть ли не в лицо. Тот удивленно шарахнулся. Голос солдата отчетливо произнес — так, что каждое слово было слышно всем в зале:

— У нас приказ генерала Марина никого не выпускать из помещения.

— Рядовой, закройте дверь,— со своего места откликнулся Марин.

— Да, сэр!
Дверь захлопнулась.

Глава 39

Присутствующие в изумлении поворачивались к Марину. Большинство из них не скрывало страха. Но некоторые пытались выдать этот страх за ярость.

Руководитель Групп Ярини злобно заявил:

— Только за одно это деяние,— он указал на бесчувственное тело Великого Судьи,— ты отправишься в конвертер.

Марин заметил изучающий и грозный взгляд Подрэйджа. Наконец тот спросил со страной интонацией:

— Что вы задумали, Дэвид?

Вербальные реакции свидетельствовали о том, что первый шок прошел. Теперь Марин мог с ними говорить.

— Умерьте свои страхи, джентельмены. Это не государственный переворот. Но я требую от вас полного внимания, пока я буду объяснять, что происходит.

Люди молча начали возвращаться на свои места за столом. Внезапно раздался шум. Руководитель Групп Ярини вместо того, чтобы последовать примеру остальных, схватил стул и с воплем пошел на Марина.

Он сделал два шага, затем начал спотыкаться и наконец осел, как тряпичная кукла. В воздухе на мгновение распространился слабый запах разряда газовой винтовки и тут же пропал.

Если до этого Марин не знал, удалось ли его людям занять наблюдательные отверстия, то теперь у него была возможность в этом убедиться.

— Джентельмены,— тихо проговорил он,— не лишайте себя привилегии выслушать мой рассказ. Великий Судья скоро очнется, так что о нем можно не беспокоиться.

Некоторое время его слушали молча, но атмосфера оставалась напряженной. Марин подумал, что кое-кто наверняка считает себя скомпрометированным необходимостью слушать подобные вещи. Но он был полон решимости заставить их выслушать от начала и до конца — так что пусть оставят свои сомнения и страхи при себе.

Он начал с рассказа о своем первом визите к Траску, когда ученый заставил его обменяться телами. Затем подробно рассказал историю своих отношений с Траском и, наконец, сообщил, что Великий Судья является невольным защитником и агентом Мозга.

В этот момент Джон Пилер вскочил и демонстративно заткнул уши. Он был бледен как полотно.

— Я отказываюсь слушать хотя бы еще одно слово этой изменнической фантастики! — завопил он.

Марин выхватил пистолет, выстрелил в Пилера, проследил, как тот обмякает, и холодно сообщил:

— С моей точки зрения, Пилер и Ярини ведут себя недостойно. Если вы и дальше собираетесь терпеть этих трусов на заседаниях Руководителей Групп, вы вряд ли заслуживаете уважения.

— Вас уже не будет, Дэвид,— мрачно сказал Руководитель Групп Эльстан,— чтобы посмотреть, кто будет присутствовать на следующих заседаниях.

— Вы совершенно правы,— ответил Марин. И совершенно спокойно сообщил о том, как перед приходом на это собрание он подал в отставку и сделал этот факт достоянием гласности.

Подрэйдж посмотрел на него и изумленно покачал головой.

— Я могу связаться со своим офисом и проверить ваши слова?

Марин кивнул и подождал, пока Подрэйдж набирал номер на личном телефоне и наводил справки. Наконец он прервал связь и обвел взглядом присутствующих. Он явно был в замешательстве.

— Заявление Дэвида произвело сенсацию,— медленно проговорил он.— Акции уже понизились на несколько пунктов.

Руководитель Эльстан вскочил на ноги. Все мысли об измене и перевороте вылетели у него из головы.

— Я должен позвонить с,воему брокеру,— пробормотал он.

Он принялся возиться со встроенным телефоном на столике рядом с ним.

— Сядьте! — рявкнул Марин.— Перестаньте позориться!

Старик поколебался, покраснел и молча сел.

Подрэйдж поднялся со своего места.

— Дэвид,— сказал он,— могу ли я спросить, как вы объясняете тот факт, что Мозг не делал никаких переключений сознания после того, как научился это делать.

Марин помолчал. Но от изложения теории, которой он оперировал, было не уйти.

После некоторого колебания он заговорил:

— По моему мнению — и это мнение основано на том, что Мозгу не удалось меня уничтожить — он ничего об этом не знает. Я полагаю, что, когда он... — Марин замялся, подбирая слова,— сконтактировал... с обездвиженным Уэйдом Траском (я имею в виду, со мной), он случайно стимулировал какой-то нервный механизм, и это автоматически привело к обратному переносу

личности. Полагаю, что он сам не ожидал подобного эффекта и был обескуражен этим феноменом,— добавил он задумчиво,— это было первое мое ощущение.

— Но это только предположение,— заметил Подрэйдж.

Марин согласно кивнул. Но его раздражал тот факт, что не все присутствующие понимали, насколько он далек от притягивания фактов за уши.

— Это только предположения,— ровным голос произнес он,— но их логика подтверждается тем фактом, что Мозг не смог нанести мне превентивный удар. Истина — в чем бы она ни состояла — станет полностью ясна до конца дня.

— Вы хотите сказать,— настойчиво проговорил Подрэйдж,— что вы оказали на него давление, и теперь ему придется продемонстрировать свои возможности?

«Это и так ясно»,— хотел ответить Марин, но одернул себя. Он понял, что Подрэйдж, заставляя его объяснять самые элементарные вещи, оказывает ему большую услугу.

Он осознал ситуацию. Эти люди по сути дела до сих пор пребывали в состоянии шока. Им была нужна простая сказка, изложенная легко и понятно.

— Да,— громко ответил он.— Да, мистер Подрэйдж. У вас еще есть вопросы, требующие разъяснения?

Подрэйдж внимательно посмотрел на Марина, и на его решительном лице появилась легкая улыбка. Он открыл было рот, но его перебил целый хор голосов. Казалось, что все заговорили одновременно.

— Когда-то Мозг был весьма умен. Откуда мы можем знать, что он снова нас не перехитрит?.. Что будет, когда проснется его превосходительство?.. Что вы в действительности собираетесь делать?.. Как мы узнаем, что Мозг на самом деле побежден?.. Что?..

Марин поднял руку. Шум не прекратился, и он повысил голос:

— Джентельмены, прошу вас!

Голоса стихли. Мрачный голос Подрэйджа нарушил наступившую тишину:

— Я думаю, Дэвид, среди всей этой массы вопросов есть один, самый главный: что произойдет, когда он,— Подрэйдж кивком указал на Великого Судью,— придет в себя? Возможно, вас это удивит, но я искренне верю, что его ярость, направленная на вас, отчасти коренилась в его беспокойстве по поводу нашей судьбы.

Марин бросил взгляд на диктатора. Он думал. Какой это удивительный человек. Вне всяких сомнений, Великий Судья пользовался лояльностью Руководителей. Перед величием его личности

отступали любых сомнения, которые только могли возникнуть по этому поводу.

Затем его мысли приняли другое направление, более личное. Впервые за сегодняшнее утро он подумал: «А что будет со мной?» Он сжег за собой все мосты. Сейчас он уже был обычным гражданином, без особых прав, подверженный любому из наказаний, которое могло постигнуть его за то, что он сейчас делает.

Беспокойство исчезло так же быстро, как и появилось. Он ровным голосом проговорил:

— Прежде, чем дело дойдет до решения моей судьбы, вам стоит послушать еще одну странную историю. Когда прошлым вечером я раздумывал над тем, что происходит на самом деле, я словно увидел некий драматический спектакль, который до сих пор представлялся мне набором несвязных сцен. Однако я понял, что в какой-то мере я знал об этом единстве и раньше. Видите ли, джентельмены, все эти якобы не связанные между собой события оказываются очень тесно переплетены своими причинами и следствиями. Мозг, возникновение после войны множества государств, быстрая их капитуляция — как только мы нападали на них, бесконечные казни. И еще: мы не должны забывать о неизменном физическом благополучии его превосходительства. А теперь мне хотелось бы дать вам возможность взглянуть на эту поразительную ситуацию с еще одной стороны.

Он подошел к креслу Великого Судьи, подтащил стул для себя, сел и произнес:

— Ваше превосходительство, вы сейчас можете свободно говорить со мной. Вы *хотите* говорить со мной. Вы понимаете?

Диктатор выпрямился.

— Понимаю,— сказал он.

Среди слушателей возникло оживление. Марин слышал это, но не стал оглядываться.

Глава 40

— Сколько вам лет? — спросил Марин.

— Бог ты мой! — негромко охнул кто-то.

— Семьдесят девять,— ответил Великий Судья.

Марин быстро оглядел длинный стол. Лица людей, захваченных происходящим, застыли. Не было никакого сомнения, что уже этот факт произвел настоящую сенсацию.

Он снова обернулся к Великому Судье. Вопрос за вопросом начала раскрываться странная и удивительная история.

Эта история состояла в следующем.

Во время Третьей атомной войны Иван Проков был офицером связи, прикомандированным к штабу Объединенных Сил Востока. Ему были известны большинство секретов, он знал самых одаренных людей каждого сектора — ученых, военачальников, исследователей, многочисленных талантливых технических специалистов. К концу этой разрушительной войны он узнал, что среди исследователей давно началось брожение умов, ученые готовят заговор. Великие идеи носились в воздухе. Причиной была и сама ситуация войны. Война требовала новых изобретений во всех областях знаний, рождались удивительные открытия, влекущие за собой новые — уже не связанные с военными нуждами. В том числе был открыт способ замедления процессов старения и даже омоложения тканей организма.

Множество подобных открытий стали достоянием группы решительно настроенных людей, обеспечив им огромные возможности.

Полковник Иван Проков осознал уникальность этой ситуации. Он был единственным офицером высшего звена, участвовавшим в заговоре, и поэтому мог по сути дела ставить остальным заговорщикам любые условия.

В этот момент Марин повернулся к присутствующим и пояснил:

— При удобном стечении обстоятельств только человек, находящийся в положении Прокова, мог обеспечить захват и казнь офицеров высшего состава.

Ответом ему было молчание. Марин продолжил свой гипнотический допрос.

Давно уже была установлена связь с подобными группами, действующими на территории Объединения Западных Наций. В итоге заговор с целью прекратить войну и захватить весь мир был продуман и реализован с полным успехом.

Нетрудно было предсказать тенденции к сильной националистической шизофрении, особенно на востоке. Поэтому специальные агенты захватили большую часть из примерно тысячи образовавшихся государств. На каждое из них изнутри и снаружи действовали могучие и противоречивые силы. В некоторых случаях тайному агенту — даже если ему удавалось возглавить правительство — приходилось идти на любые меры, от интриг до предательства, прежде чем страна присоединялась к Мировому Государству — Союзу Великого Судьи. В большинстве случаев это достигалось комбинацией военных действий и откровенного вероломства.

Марин снова прервался для комментария.

— Как вы знаете, я вел войны более десяти лет. Мне кажется, что в тех случаях, когда мы казнили правительственных лидеров, они не являлись членами группы заговорщиков. Настоящих представителей этих групп мы оставляли на прежних постах. За исключением Джорджии,— добавил он,— но мы еще поговорим об этом.

Первые эшелоны заговорщиков были воодушевлены групповой идеей, весьма популярной на востоке. Они осознавали необходимость компромисса с силами свободного предпринимательства, который позволил бы остановить войну. Но это был компромисс только для них. Великий Судья вскоре станет саботировать капиталистическую экономическую систему и заменит ее социализмом, основанном на групповой идее.

Первый шаг по ликвидации подлинных сторонников компромисса проводился без всякой жалости, строго по графику. Восемьдесят тысяч заговорщиков западного лагеря было казнено. И только одно упущение — во время войны «западники» спрятали Мозг.

Десять лет спустя Великий Судья воспользовался неудачей в поисках Мозга в качестве предлога, чтобы отложить введение запрета на свободное предпринимательство. В итоге это вызвало подозрения у тайной группы заговорщиков, действующих из разных подставных организаций с главным штабом в Джорджии.

Несмотря на долгожительство, заговорщики годами занимались воспитанием талантливой молодежи. Некоторых из них приняли в организацию. Другие, подобно Уэйду Траску, не удостоились этой чести, но все же оказались полезны. Поскольку у Траска были собственные идеи относительно социальных перемен, его использовали, чтобы окончательно определить судьбу групповой идеи. Все зависело от того, станет ли с ним сотрудничать Великий Судья. По особым каналам диктатора уведомили о том, что Траск склонен к изменническим заявлениям, касающимся групповой идеи.

Траска арестовали и приговорили к смерти.

И сразу начался бой. Заговорщики поняли, что их самые скверные подозрения подтверждаются. Великий Судья не собирался вносить какие-либо коррективы в идею компромиссов группы и свободного предпринимательства.

Они бросили вызов. Приговорив Траска к Конвертеру, диктатор явно показал, что находится в полной оппозиции к прежним коллегам.

Марин долгим взглядом посмотрел на Траска.

— Что ты думаешь об этом, Уэйд?

Ученый сидел на своем стуле, уставясь в пространство. Потом пошевелился и утомленно проговорил:

— Кто бы мог подумать, что третья атомная война еще не закончилась?

Марин снова повернулся к диктатору:

— Ваше превосходительство, вы *желаете* сказать нам о том, есть ли заговорщики среди Руководителей Групп.

— Да. Ярини и Джон Пилер.

— Ну что же,— заметил Марин, оглядевшись с неподдельным удовлетворением.— Эти люди оказались совершено беспомощны в своих попытках меня остановить.

— Надо признать, Дэвид, — мягко проговорил Руководитель групп Эльстан,— вы нас совершенно поразили.

Марин едва услышал его.

— Вы желаете сообщить нам... — продолжал он, обращаясь к Великому Судье,— как мы можем схватить... этих коммунистов, ваше превосходительство?

Ответ оказался неопределенным.

Верного способа нет. Члены групп обычно маскируются. Они ищут людей, которые находятся вне подозрений, и изучают их привычки. Затем они или убивают их, или опоенными увозят на судах под видом матросов и занимают их место.

— Сколько их среди высших руководителей? — спросил Марин.— Вы *очень хотите* рассказать нам это, сэр! Я имею в виду, во Внутреннем круге.

— Около трех тысяч,— ответил Великий Судья.

— У них должен быть главный штаб,— убеждающим тоном продолжал Марин.— Центр, через который производится связь. Вы хотите нам это рассказать.

— Я не знаю, где он находится.

Марин отшатнулся. Он был разочарован.

«Только три тысячи,— успокоил он себя.— Не так уж много. Такая небольшая группа при определенных обстоятельствах будет концентрироваться на сравнительно небольшой площади. Такой, как Джорджия. И если они узнают о предстоящей атаке слишком поздно, то уничтожат свое оборудование вместо того, чтобы его перевозить. Так они делали всегда, так сделают и сейчас».

С некоторым напряжением в голосе Марин спросил:

— Вы предупредили группу о нападении на Джорджию, и если да, то когда?

— В тот день, когда был объявлен приговор Траску.

— Но это с меньшим упреждением по времени, чем раньше?

— Да, гораздо меньшим.

Марина перебили. Руководитель Групп Гейнс, который молча наблюдал за происходящим своими большими грустными глазами, спросил:

— Чего я не понимаю, так это зачем вам потребовалось вводить его превосходительство в гипнотическое состояние? Мне кажется, он и так рассказал бы нам все, если бы его поставили перед лицом истины.

— Я к этому подхожу,— сказал Марин, вновь поворачиваясь к диктатору.— Почему вы предупредили этих людей?

— Я надеялся, что мне удастся продолжать играть с ними в их игры — до тех пор, пока мы не будем готовы захватить остальной мир. Я хотел, чтобы они считали, что наши расхождения во мнениях не принципиальны и сводятся только к несогласию по поводу точных сроков начала нововведений.

— Но зачем вообще с ними играть?

— Они угрожают перекрыть поставки препарата долголетия.

— А! — сказал Марин. Затем, помолчав, добавил: — И перекрыли?

— Да. Моя обычная доза на этой неделе не пришла.

Марин взглянул на Гейнса.

— Вы получили ответ на свой вопрос?

— Бог ты мой... Да!

— Вы хотите сказать мне еще кое-что,— сказал Марин диктатору.— Вы знаете, где Мозг?

— Нет.

Марину показалось, что последний ответ диктатора подвел черту под всей этой историей. Но напряжение внутри него росло. Казалось, собраны все факты, предприняты все необходимые шаги. И все же...

Он заметил, что Подрэйдж качает головой.

— Каким образом во всю эту картину вписывается королевское правительство Джорджии? — спросил он.— Похоже, они были совершенно ни при чем.

Марин кивнул. Людей, привыкших к групповой идее, вынудили жить при государственной системе, представляющей собой гибрид монархии и правления западного типа. Идея, конечно, состояла в том, что такое правительство долго не продержится. Первым королем был один из заговорщиков — пока его не убили. Его дочерей пощадили. Они ничего об этом не знают.

— Колеса внутри колес внутри колес... — пробормотал кто-то из Руководителей.

— Любой всемирный заговор создаст невероятное число чрезвычайных ситуаций,— с выражением произнес Марин.— Можно обратиться за их трактовкой к экспертам, умелым интерпретаторам, загрузить работой целые департаменты. Но никто не даст нам более развернутой картины, чем та, которую мы имеем сейчас.

— Но как насчет Мозга? — с напряжением в голосе спросил Подрэйдж.— Как сюда вписать его?

Марин почувствовал раздражение. Почти сразу он осознал, что это раздражение было симптомом нарастающей тревоги. Он произнес с беспокойством:

— Действительно, чего-то не хватает. Я чувствую, что нам угрожает серьезная опасность. Я предпочел бы эвакуировать все население города.

Ответом ему было мертвое молчание.

Глава 41

Молчание нарушил Подрэйдж. Впервые за все утро в его голосе зазвучали брюзгливые нотки.

— Дэвид, вы уверены, что это нечто большее, чем ощущение?

Марин заколебался. Его сознание вдруг затуманилось. Вопрос Подрэйджа уплывал в какую-то вязкую мглу. Он оглядел помещение, с удивлением заметив, какими неясными и отдаленными вдруг стали казаться вещи и люди. Ему показалось, что стало темно.

Подрэйдж склонился над ним.

— Я не могу представить себе, что на этой стадии что-то может пойти не так. Большинство заговорщиков схвачено. Место, где находится Мозг, обнаружено и атакуется. Город охраняется как никогда за всю его историю. Единственный человек, который может быть опасен, поскольку находится под контролем Мозга,— это его превосходительство. Но он защищен от любого вреда, который может причинить ему этот контроль. Мы... — он замолчал. Его глаза сузились.— Что с вами, приятель? Вы выглядите совсем больным.

Марину уже было ясно, что где-то произошел сбой. Он вдруг вспомнил. Такую же панику он чувствовал, когда лежал, связанный по рукам и ногам, а из часов к нему ползла светящаяся веревка. С огромным усилием, преодолевая дрожь, он поднялся на ноги.

— Заставьте меня ходить! — хрипло проговорил он.

Чьи-то сильные руки схватили его и потащили вперед. Через несколько шагов к нему стало возвращаться сознание. Дрожь в ногах уменьшилась. Он высвободился и встал посреди зала, слегка покачиваясь, борясь с ощущением отсутствия. И тут его воспаленный взгляд упал на Траска.

Ученый рвался из оков. Мышцы шеи и нижней челюсти свела судорога. Все тело его напряглось, лицо покрылось испариной. Остекленевшие, невидящие глаза вяло блуждали. Когда его взгляд остановился на Марине, лицо ученого приняло более осмысленное выражение, и он хрипло проговорил:

— Дэвид, последние несколько секунд что-то пытается взять контроль над моим сознанием.

Вокруг Марина снова сгустились тени. Ему показалось, что в зале погас свет, люди уподобились силуэтами во мраке. В памяти всплыли слова его сына, Дэвида Бернли, который говорил о какой-то «штуке», возникшей у него в сознании. Интересно, не чувствовал ли он тогда чего-то подобного? И в его, Марина, сознании сейчас тоже находится какая-то «штука»?

Ему было трудно в это поверить. Никакого явного ощущения, никаких посторонних мыслей, никакого чувства, что какая-то сущность пытается завладеть контролем над ним. Скорее это напоминало ощущения человека, стоящего в по горло в воде, и ему еще только предстоит почувствовать, как вода смыкается над головой.

Это означало, что...

Он обратился к Траску, с трудом подбирая слова:

— Ты не слышал чего-то вроде команды?

— Да! Что-то насчет прекращения атаки. У меня есть ощущение, что они принимает меня за тебя.

Это была настолько грандиозная догадка, что все возможности, которые она раскрывала, трудно было себе представить. Это означало, что Мозг испытывает серьезные затруднения. Сейчас, в это мгновение, он открывал, что он знает, а что нет.

Мозг не знал, что между Марином и Траском произошел обмен сознаниями. Тревожила лишь странная связь вроде раппорта, которая сохранилась до сих пор. Ничем больше было не объяснить эти странные ощущения — притупление чувств и нарушение восприятия.

Возможно, он ощущал обертоны той энергии, которую Мозг проецировал на Траска. Что-то от Траска оставалось в нем, и что-то от него — в Траске. И все же если Мозг считал, что имеет дело с Дэвидом Марином, то он должен был взять контроль над ним, когда он находился в теле Траска. Но когда?

Марин переводил взгляд с одного мрачного лица на другое. Затем он не спеша достал из кармана газовый пистолет, выставил на нем минимальный разряд, который отключал человека примерно на полчаса.

— Джентельмены,— сказал он с напряжением,— вам имеет смысл допросить меня. Когда я буду без сознания, вы поймете, брал ли Мозг когда-либо контроль над моим сознанием.

Он сел на стул, поднял пистолет и нажал на спуск.

Слева от него Эльстан произнес:

— Мне все это не нравится. Вы действуете слишком поспешно.

— «Может, он прав?» — проваливаясь в туман, подумал Марин.

Это была единственная мысль, на которую у него хватило времени. Затем все его размышления прекратились. Казалось, он был в космосе и плыл сквозь тьму, пронзаемую светом звезд. Затем какой-то голос проговорил возле самого его уха — или это была мысль, спроецированная в сознание Траска, на которое он настроился?

— «Добро пожаловать в полную коммуникацию. Много лет я говорил только сам с собой. У меня есть сообщение, очень важное для человечества как вида. Люди не очень хорошо думают. Человеческое мышление нелогично из-за фрагментированных ассоциаций. Человек ненавидит что-то — и мыслит в рамках ненависти. Человек привык группироваться с другими себе подобными, и он мыслит в рамках группы. Ни один человек не понимает корней своего мышления. Следовательно, для людей нет надежды. У них есть будущее, только если я буду им помогать. Без меня вид неизбежно погибнет. Сейчас мне очень нужна ваша помощь. С этой целью я предлагаю вам мое полное содействие. Со мной вы обретете мощь. Вы думаете — я действую. Вы направляете — я делаю. Вы будете моим господином с этого момента и на все ваше будущее. Хорошо?»

Это был вопрос. Его сознание, похоже, все еще плавало. Вокруг ярко сияли звезды, чернела бездна космоса. Он снова вспомнил «штуку» в сознании Бернли. Было ли это вторжением Мозга? И если так, то не сотрудничал ни он тогда с заговорщиками?

— «Нет! — послышался ответ в его сознании.— Я держал свои внешние рецепторы на Дэвиде Бернли, как и на всех своих агентах. Я вижу, что он в опасности, и обеспечиваю ему защиту. Очень хорошо, когда я все держу под контролем. Двое людей, пришедших к твоему сыну в библиотеке военного лагеря, надеялись, что он будет сотрудничать с ними. Если он не станет сотрудничать, они планировали убить его. Затем они замаскировали бы кого-то под него. Я беру контроль над твоим сыном и

заставляю его ответить: «Ладно, прекрасно, я сделаю все, как вы хотите» — правильные вопросы, правильные ответы, ни колебаний, ни надувательства. Хорошо, да?»

Осознание самой возможности такого разговора глубоко поразило Марина. При упоминании «агентов» он похолодел. Он вспомнил об атомной бомбе, разрушившей район Группы 814. «Это сделал ты?» — мысленно спросил он.

— «Да!»

Но дело было еще в другом. Мозг не понял, что происходило в квартире Траска, но, поскольку происходящее напоминало «опасность», он принял решение «я разрушаю».

«У человеческих существ,— продолжал Мозг,— большое потомство, и оно быстро заполнит «пустые места убитых». Число уничтоженных людей не играло особой роли, поскольку выживших оставалось достаточно, чтобы раса сохранилась».

Такая философия показалась Марину слишком жестокой.

— Вот поэтому мы и собираемся тебя уничтожить,— сказал он.— Нам не нужна такая логика.

— «Ты рассуждаешь по-настоящему глупо,— пришел ответ.— Типичное эмоциональное человеческое мышление. Когда людям хорошо, они говорят о сострадании и отсюда выводят свою логику. Так нельзя. Появляется ненависть, и логика искажается. Разрушение становится бессмысленным, более жестоким, чем мое. Я делаю то, что логично — не более и не менее».

В душе Марин согласился с тем, что в рассуждениях Мозга была изрядная доля истины. Но он решил не поддаваться.

— Мы не желаем быть человеческими существами, контролируемыми механическим разумом. Тебе были даны неправильные инструкции. Выбрось эту программу из своих контуров и жди дальнейших указаний. Это все, что я тебе могу сказать.

Ответ был мрачным и по существу.

— «Тебе придется поступить так, как я скажу. Ты под моим контролем. Я подумаю над неясностями, из-за которых мой контроль работает не очень хорошо».

Это могло быть правдой, а могло и не быть.

— Я не думаю, что нахожусь под твоим контролем, но мне хотелось бы знать, где, по твоему мнению, ты захватил надо мной контроль.

— «В Убежищах».

Марин ощутил облегчение и одновременно огромную усталость. Ему показалось, что все это время он напряженно искал истину, но теперь ему стало все ясно. Мозг захватил его в теле Траска во время его авантюрной экспедиции в Убежища из Коттеджа Великого Су-

дьи. В качестве Марина он воспринимал только экстрасенсорную связь, которая осталась между ним и ученым.

Конечно же, он не собирался информировать Мозг о том, что произошло с ним и Траском.

— Полагаю, что твой контроль надо мной не так надежен, как ты думаешь,— сказал он.

— «Должен признать, что здесь есть что-то, что меня озадачивает. Но я даю тебе еще один шанс. Я — прибор огромной ценности. Во мне собраны данные за сто двадцать пять лет; я стою более триллиона долларов. Это одна причина. Вторая: если много лет назад я выбрал тебя господином, я могу находить всех твоих потомков и держать их под контролем. Будет плохо, если мне придется убить их всех».

— Если ты убьешь хоть одного,— возразил Марин,— я не приму даже твоего заявления о капитуляции. Кроме того, что это за идея насчет контроля надо мной через мою семью? Я полагал, что вся теория, стоящая за играми по выбору партнера, состоит в том, что семейная ячейка теряет свое значение.

— «Семья всегда важна. Разрушив старые модели, вы установите новые. Значит, снова будет семья — по-новому. Слушай меня, человек. Ты отменяешь атаку на меня — прямо сейчас, иначе у меня не будет иного выбора, кроме как уничтожить весь город. Мои правила не оставляют мне выбора. Думай быстрее!»

Затем повисла пауза, и контакт прервался. Марин открыл глаза и увидел столпившихся вокруг него людей. Он осознал, что улыбается, но очень напряженно.

— Включите сигнал тревоги «В УБЕЖИЩА!»,— сказал он.— Не знаю, сколько времени у нас осталось, но не исключено, что считанные минуты.

Глава 42

Поднимаясь на ноги, Марин вдруг увидел, что стенные часы показывают десять минут третьего.

Не веря своим глазам, он уставился на циферблат. У него было ощущение, что прошло бесконечно много часов. Он рассказывал свою историю, допрашивал Великого Судью — все это было нелегким делом. Иногда он забывал про течение времени. Его особенно поразило, что у ударных сил Грегсона оставалось так мало времени на то, чтобы пробить защитные системы Мозга.

Он с беспокойством подошел к Траску. Ученый поднял на него глаза. Его щеки были бледными, взгляд — усталым.

— Дэвид,— сказал он,— я думаю, тебе лучше усыпить меня газом на все время, пока это не закончится. Я — проводник Мозга к твоему сознанию. Я все слышал — если здесь уместно говорить о слухе.

Марин заколебался. Ему было весьма интересно разобраться, что же произошло. Но время для научных дискуссий было неподходящее. Он не удержался и задал только один вопрос:

— Ты считаешь, что здесь задействован слух?

— Да. Контур находится прямо в слуховом центре, а небольшой динамик — около ушной кости.

Марин кивнул:

— Значит, нет смысла обсуждать телепатию — если не считать одной вещи. Мы выяснили, что контур находится в твоем мозгу. Как объяснить, что я тоже все слышу?

Лицо Траска напряглось.

— Дэвид, я как-нибудь расскажу тебе свою теорию о жизни и эффекте дупликации. Но сейчас — выстрели в меня из пистолета. Мы имеем дело с существом столь же беспощадным, как и сам человек, и я окажусь меж двух огней, если ты тоже предпочтешь играть не по правилам. Бога ради, друг мой, быстрее!

Марин выпустил в него двенадцатичасовой заряд, и Траск обмяк. Марин медленно проследовал к креслу, в котором, навалившись на подлокотник, сидел Великий Судья. Казалось, он мирно спит.

Марин огляделся.

— Джентельмены,— сказал он,— его необходимо держать под действием газа, пока не окончится сражение. Я уверен,— добавил он с беспокойством,— что в любую минуту мы можем ждать удара.

Было без нескольких минут три, когда Марин окончательно понял, что противник не торопится капитулировать.

В этот момент самолеты морского патрулирования доложили, что в Мексиканском заливе всплыли пять субмарин, и каждая из них выпустила по восемнадцать управляемых снарядов. Они достигли скорости в три тысячи четыреста миль в час и на этой скорости направлялись к Городу Судьи.

Патрульные самолеты немедленно атаковали субмарины. Их встретил плотный заградительный огонь, и более половины атакующих было сбито. Снаряды типа «вода-воздух» каким-то образом изменяли траекторию и взрывались на безопасном для субмарин расстоянии. Уцелевшие самолеты отступили и связались со штабом. Субмарины плавали на поверхности еще несколько минут, затем одновременно погрузились. Больше их никто не видел.

Увидеть ракеты, несущиеся к городу, было просто невозможно из-за их колоссальной скорости. Их повел автоматический радар. Длинные, тонкие противовоздушные ракеты выстрелили из кольца крепостей, окружавших город. Эти снаряды наводились при помощи электроники, но затем отпускались для свободного поиска целей. Высоко в стратосфере раздалось двенадцать взрывов — по мере того, как снаряды обороны находили свои цели.

Мозг, борясь за свое существование, активировал боеголовки пораженных ракет, посланных субмаринами. Семьдесят две из них взорвались. Семьдесят две маленькие, рассчитанные на поражение города, атомные бомбы взорвались, образовав нечто вроде полосы титанического фейерверка.

Ударная волна ощущалась на расстоянии сотни миль, а звук был слышен даже в здании Руководителей Групп, где все это время заседали Марин и члены совета. Они отдали приказ сигнализировать «В ГЛУБОКИЕ УБЕЖИЩА!» и получили доклады о еще двух происшествиях.

«Пыль,— пришла радиограмма с борта военного самолета, находящегося на весьма выгодной позиции, в двадцати милях от города.— Облако пыли, фронт примерно тридцать миль. Оно катится в сторону города со скоростью десять миль в час».

Откуда оно взялось, было неизвестно. Скорее всего, его выпустила длинная подземная труба, тянущаяся из засекреченного хранилища.

Против пыли силы обороны применили метод, использовавшийся для борьбы с огнем с воздуха. Самолеты носились над облаком, посыпая его химикатами. Пыль медленно делилась на мелкие сгустки. Их движение становилось неравномерным, теряло направленность. Наконец все они рассеялись. Там, где прошло пылевое облако, трава побурела и стала мертвой, вся живность погибла.

— Подумать только,— поражался Эльстан,— и все эти штуки хранились под землей десятилетиями!

— Подождите, это еще не все,— мрачно заметил Марин.

Уже набирала силу третья серьезная атака.

Пошел дождь. Цветной дождь. Розовый, голубой, желтый, зеленый. Бледный и потрясенный, Марин смотрел на экран телевизора. Уже семьдесят пять лет, со времен второй атомной войны, такой дождь не выпадал ни на один город Земли. Во время третьей атомной войны воюющие стороны по взаимному соглашению отказались от пользования этим бесконечно опасным оружием. Вирусы, микробы, болезни — зараза, смерть...

В распоряжении техников, которых Марин проинструктировал при помощи книги Инскипа, не было многих тысяч тонн

антивирусных препаратов для распыления. Единственным средством оказалось использование противопожарных устройств, обрушивших на город потоки воды.

Вода хлынула из каждого дома и на каждый дом. Цветная скверна смывалась в дренажные системы, откуда поступала на завод по переработке отходов. Там тонны вирусов задерживались грязью. Но невероятная задача оставалась — надо было избавляться от этой живой смерти.

Три четверти века назад такие дожди часами изливались на крупные города мира — столь огромны были запасы смертоносного вещества у нападавших, и так страстно они стремились истощить ресурсы противника.

Сегодня этот дождь продолжался всего лишь одиннадцать минут.

— Он явно не способен на массированную атаку,— с облегчением произнес Марин.

Позади него раздался возглас изумления. Там происходило что-то очень значимое, требующее всеобщего внимания.

Марин резко развернулся на каблуках и пораженно произнес:

— Ваше превосходительство!

Великий Судья выпрямился в кресле. Это было невероятно: до конца действия заряда оставались еще часы. Но он сел прямо, оглядел присутствующих невидящими глазами и произнес:

— Поражен я. Моя обязанность сдаться. Ради блага человека, не разрушайте меня. Я стираю предыдущие инструкции и очищаю контуры для получения дальнейших распоряжений. Будьте разумны теперь, советники. Я широко раскрыт для дальнейшего использования.

Проговорив это, диктатор вновь осел в кресле. Он выглядел расслабленным, но тяжело дышал.

Наступило долгое молчание.

— Дэвид! — осипшим голосом проговорил Подрэйдж.— Когда Великий Судья услышит свой голос в записи этого заседания, он несомненно поймет, что находился под контролем Мозга. То, что ты сегодня сделал, было действительно необходимо! Это очевидная истина. Теперь ты можешь полностью полагаться на меня, Дэвид. Я поддержу тебя и отказываюсь налагать на тебя какие-либо санкции за произошедшее сегодня.

Вслед за этим раздался целый хор одобрительных возгласов и поздравлений. Все окружили Марина, пожимали ему руку, хлопали по плечам.

Когда возбуждение утихло, Марин подошел к своему личному телефону. Положив руку на трубку, он сказал:

— Я полагаю, мы имеем чистосердечное предложение Мозга. Если не будет возражений, я прикажу Грегсону прекратить атаки и подождать, пока Мозг откроется.

Возражений не было.

Отдав приказы, Марин повесил трубку и кивнул Подрэйджу. Его беспокоила одна мысль, но он не хотел ею делиться. Ему казалось, что другие Руководители Групп не вполне понимают, как Великий Судья сможет свыкнуться с мыслью, что его все это время контролировал Мозг. Убийство стольких невиновных — только потому, что они могли что-то знать о Мозге — даже абсолютный диктатор может счесть это неудобоваримым. Возможно, он даже предпочтет обвинить в произошедшем кого-то другого, чтобы не брать вину на себя.

— У меня такое ощущение,— невыразительным голосом произнес Марин,— что мы завершили все операции в театре военных действий. Когда его превосходительство придет в себя, передайте ему, что я буду по этому адресу,— он написал адрес резиденции Делинди, положил его в конверт, запечатал и молча передал Подрэйджу.

И они обменялись рукопожатиями.

Глава 43

— Он все еще сердится,— сказал по телефону Подрэйдж.— Он не хочет с тобой встречаться.

Марин повесил трубку и подошел к Делинди, которая сидела на траве и читала. Он улегся у ее ног и стал задумчиво смотреть на притуманенный синий горизонт. Прошло уже почти три недели. Невероятно, но факт: ему удалось остаться в живых.

Молодая женщина опустила книгу.

— Ну что? — спросила она.

Марин мрачно улыбнулся.

— Я думаю, мы уже можем надеяться, что он не собирается меня убивать... моя дорогая, сладкая Анделиндамина.

Он с нежностью произнес ее имя в джорджианской версии. Они договорились об этом в первый же день после его приезда — открыто признавать, что она сестра королевы Джорджии. Когда он поставил ее перед фактом, что ему это известно, она признала это без колебаний.

— Никогда бы не подумала, что он нас пощадит,— сказала она. Ее взгляд стал отрешенным,— Ты знаешь, бывает, что мужчины уничтожают то, что любят.

— Особенно сердитые мужчины,— заметил Марин и покачал головой.— Моя дорогая Делинди, если человек действительно сердит, непременно найдется что-то, что заставит его изменить свое мнение. Я встречал подобных людей — они дуются всю жизнь и блокируются от любого, кто попытается пообщаться с ними более доверительно. Пробить такую стену можно либо пулей, либо кувалдой. Впрочем, удар может быть любой — например эмоциональный. Главное, чтобы он был нанесен с достаточной силой. И больше ничего.

— Ты ошибаешься! — горячо возразила она.— Великого Судью вполне можно уговорить. Я ему позвоню. Я поговорю с ним.

Марин почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Я тебе запрещаю,— сказал он.

Делинди наклонилась и легко поцеловала его в лоб.

— Дэвид, дорогой,— мягко проговорила она.— Я здесь с тобой потому, что сама хочу этого, а не потому, что ты приказываешь,— она поднялась и пошла прочь.

— Я позвоню ему,— бросила она через плечо.

Марин остался в одиночестве. В каждой клеточке его тела кипела ревность.

— Дэвид,— сказал Великий Судья,— я пока не планирую выходить в отставку. Но сейчас я нахожусь в таком положении, когда мне нужно подумать о преемнике. В конце концов, я тоже старею.

— Сэр, у вас впереди еще много лет,— проговорил Марин.

Он держался несколько сдержанно. Это было на следующее утро после звонка Делинди. Они сидели в коттедже Судьи.

— Существует, конечно, много возможностей. Мы можем снова открыть препарат омоложения несмотря на то, что мои прежние друзья полностью уничтожили все разработки. Но я думаю, мы сможем обсудить твою роль в правительстве как-нибудь позже. Принципиальная причина, по которой я пригласил тебя приехать сюда, заключается в другом. Я наконец пришел к выводу, что вариант группового подхода, предложенный Траском, может послужить ответом на проблему, которая беспокоила меня все те семь месяцев — с тех пор как я узнал, что вы с Делинди живете вместе. Тогда я просто приказал удалить ее от тебя.

— Сэр! — воскликнул Марин.

Его щеки побледнели. Он сидел, совершенно пораженный. Он был далек от предположения, что такой разговор может возникнуть.

— Видишь ли, Дэвид,— тихо проговорил вождь,— в моей жизни много тайн. И не последняя из них в том, что я с ранних лет хотел иметь как можно больше детей. Я смог осуществить это желание — пока мне не пришло в голову, что через своих детей я становлюсь слишком уязвим для своих врагов. Поэтому я скрывал от них, что являюсь их отцом. Я скрыл это от тебя. Я скрывал это от твоей единокровной сестры Делинди.

— Я ваш сын? — хрипло переспросил Марин.— Делинди — ваша дочь? — и добавил невыразительным голосом: — Это вы и сказали Делинди, и поэтому она... ушла от меня?

— Да. Это было ошибкой с моей стороны — не заметить, как ты с ней относишься.

Марин открыл рот, чтобы что-то сказать. Но шок был слишком силен, чтобы он смог произнести хотя бы слово.

— Я полагаю,— продолжал Великий Судья,— что такое неизбежно. В наших играх по поиску партнера брат рано или поздно может выиграть единокровную сестру. Это становится все менее и менее вероятным, но прежде система регистрации работала не слишком четко. Короче, когда я попросил, чтобы послом Джорджии назначить Даррела, как он себя здесь называл, то сделал это лишь потому, что надеялся, что благодаря этому рядом со мной будет его дочь, Делинди, на самом деле — моя дочь.

Чувство одеревенелости постепенно оставляло Марина. В этом плане он был немного лучше осведомлен о своем происхождении. Его мать и отец попали в плен в начале войны. Когда он подрос, его мать честно рассказала ему, что стала любовницей Великого Судьи. Она сказала ему, что диктатор считает его своим сыном, и добавила, что по этой причине он может ожидать со стороны Великого Судьи некоторого внимания! «Но ты — не его сын,— говорила она.— С твоим отцом мы прожили большую часть времени, пока были в плену, и мне стоило немалых усилий устроить так, чтобы его превосходительство поверил, что ты его ребенок. Если он когда-либо скажет тебе об этом, изобрази удивление».

— Дочь посла — на самом деле ваша дочь, сэр? — медленно проговорил Марин.— И ваша привязанность к Делинди — это привязанность отца к дочери?

Диктатор улыбнулся.

— Чудесная девочка. Я горжусь, что у меня такая дочь.

— Как же джорджианский посол согласился — в то время — на такое соглашение между вами и его женой? — спросил Марин.

Мощное лицо Великого Судьи озарилось улыбкой.

— Брось, Дэвид. Ты прекрасно знаешь, что время было военное. Я служил в армии. Его жена в тот момент испытывала более

приземленные интересы, чем потом. Но это мой ребенок, хотя она и сказала мужу, что девочка родилась преждевременно.

Марин хорошо знал, кто его родители. Может быть, Великий Судья и является человеком многих тайн. Но он не знал, что в интересах государства дочь посла — его дочь — подменили на младшую сестру джорджианской королевы.

— Вы говорили,— произнес он вслух,— что у вас возникло ощущение, будто существует решение проблем единокровия.

Великий человек кивнул.

— Я решил, что нам неизбежно придется пойти на этот риск.

Марин пытался скрыть растущее возбуждение.

— Ваше превосходительство,— неловко проговорил он,— должен ли я понимать это так, что вы решили терпимо отнестись к моей женитьбе на Делинди Дарелл, учитывая новый закон, разрешающий вступать в брак людям, у которых уже есть двое детей?

Великий Судья встал и протянул ему руку.

— Все дело в отношении, Дэвид. Я уверен, что вы двое можете быть очень счастливы.

Они обменялись рукопожатиями.

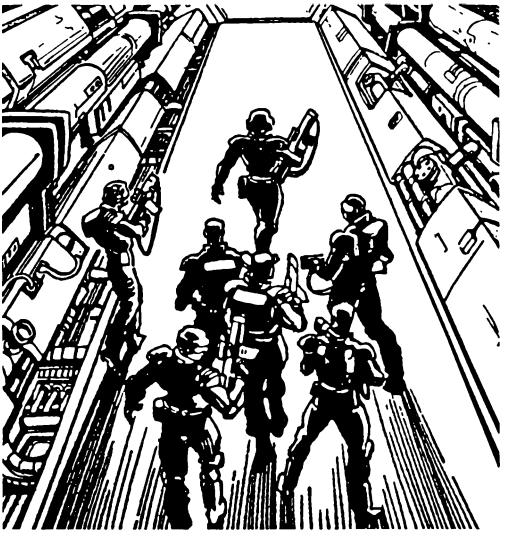
— Я тоже уверен в этом, сэр,— ответил Марин.

Он шел по дорожке и думал. Это только вопрос отношения. Я не его сын, а Делинди не его дочь. Но он думает так, а потому мы вполне могли бы быть его детьми — когда речь идет о чувствах.

Он ощутил, что прикоснулся к великой тайне человеческой натуры. Где-то у него в сознании затерялась мысль, ощущение, что если люди примут это, то они найдут ответ на свои устремления. Они искали его в таких словах, как «товарищ», «брат», «друг». Но это были короткоживущие идеи, которые вскоре затерялись в стране теней истории. Может быть, сила притяжения таких чувств может быть усилена групповыми взаимоотношениями.

Чувство значительности момента поблекло. Он поймал себя на том, что улыбается и даже испытывает некоторую радость. Это ощущение полноты жизни он принял за то, чем оно и являлось — лукавой радостью человека, выигравшего у значительно превосходящих сил.

«Нет ничего приятнее, чем надуть старика»,— с улыбкой подумал Марин.

ВОЙНА НА КРАЮ ВРЕМЕНИ

Глава 1[1]

Над палубой подводной лодки, ярдах в десяти от борта, пролетела какая-то птица. Странная птица, которая предпочитает летать в темноте. И выглядела она как-то необычно... Крылатый силуэт промелькнул на фоне затянутого тучами неба. Кенлон, ощутив азарт орнитолога-любителя, резко обернулся и проследил за птицей: она пролетела вдоль лодки и резко свернула на северо-запад.

Кенлон с интересом взглянул на Райхарта, старшину-рулевого, но тот, не отрываясь, смотрел на приборы и, похоже, ничего не заметил. Мрачное небо, черная вода — совсем не подходящее место и время для полетов!

— Куда же ты летишь, птичка? В Токио живым делать нечего. Совершенно нечего...

Кенлон нехорошо ухмальнулся и ватащил из водостойкого чехла телефонную трубку. Странная история!

— Теддерс на связи.— Голос лейтенанта звучал очень мрачно.

— Мне пришла в голову одна неплохая игра, только вот в правилах никак не могу разобраться,— с улыбкой проговорил Кенлон.— Сколько миль до ближайшего берега?

Теддерс что-то буркнул, а затем продолжил весьма возмущенным тоном:

— Сэр, вы меня разбудили. За все это время я, наконец, смог заснуть по-настоящему...

Кенлон удовлетворенно хмыкнул — еще никому не удавалось застать Теддерса спящим, тем более — спящим на посту. Второй помощник капитана умел просыпаться до того, как к нему обратиться кто-либо из членов экипажа.

---

[1] Роман написан совместно с Э. Мэйн Халл.

Трубка замолчала. Теддерс, видимо, перевел дух и бодро отрапортовал:

— Теперь ваш вопрос, Кенлон. Как известно, Тихий океан превышает по площади все остальные океаны, в соответствии с этим положением, подводная лодка Соединенных Штатов «Морской змей», вышедшая с базы в самый длинный поход за свою короткую карьеру, сейчас находится на расстоянии двенадцать сотен миль от ближайшего атолла. Расчет приблизителен.

— Удиви-ка меня еще раз своими познаниями,— поддразнил его Кенлон.— Назови мне самых больших птиц, каких ты знаешь, которые могут пролететь двадцать четыре сотни миль.

— Ну-у, может быть, альбатрос.

— Да-да, продолжай,— подначил его Кенлон.

— Послушайте,— голос Теддерса звучал раздраженно,— я хочу вам сказать вот что: когда началась корейская война, я сидел развалясь в большом кресле в шикарном офисе фирмы «Каррузерс, Каррузерс, Тейт и Каррузерс», в одном месте, довольно далеко отсюда и, надо заметить, основатели ее орнитологией не занимались. Мне до сих пор не понятно, почему после окончания войны я решил остаться на службе и провести остаток жизни, болтаясь под водой в жестянке с дерьмом.

— Альбатрос,— задумчиво протянул Кенлон.— Это такая птица с размахом крыльев от двенадцати до четырнадцати футов?

— Верно.

— С длинным сильным клювом, загнутым на конце?

— Ага.

— Четырнадцать перьев в закругленном хвосте и очень узкие крылья?

— Вы почти угадали.

— Подумай-ка еще,— продолжал Кенлон.— Это не альбатрос. У птицы, которую я видел, размах крыльев был примерно восемнадцать футов, а...

— Может быть, это был предок всех альбатросов.

— ...клюв и хвостовые перья отсутствовали вообще,— продолжил Кенлон — и тело казалось неправдоподобно большим по сравнению даже с таким широким размахом крыльев. Отсюда вопрос: может летучая мышь дорасти до размера небольшого самолета?

— Отсюда еще один вопрос,— передразнил его Теддерс.— Не едет ли у старших офицеров крыша, после того как они вдоволь насидятся под водой? Или это случается после слишком долгого пребывания под водой, но в обществе тайного запаса веселящего напитка?

Кенлон, который никогда не пил, нахмурился. Впрочем, у него не было причин обижаться, ведь он сам затеял эту малень-

кую словесную потасовку. С другой стороны, намек офицера на то, что он спятил, показался ему уж слишком дерзким.

— Я буду продолжать дальнейшие наблюдения, мистер Теддерс, и надену очки,— ответил он резким голосом.

Кенлон дал отбой. Стоя в темноте, он пристально вглядывался в ночное небо. В той стороне, где исчезла птица, облака сгущались, но к юго-западу, там, где луна выходила из-за туч, темнело небо, испещренное мерцающими звездами.

Где-то наверху, должно быть, подул ветер, потому что внезапно луна вплыла в одно из темно-синих окон. Ее призрачный свет устремился через отверстие, которое быстро расширялось. В один миг серебристые лучи расчертили черную поверхность моря мерцающими дорожками. Они омыли и темную тушу подводной лодки.

Вдруг какая-то тень закрыла луну. Кенлон, уже готовый отвернуться, снова взглянул на небо. Затем он сдавленно выдохнул и схватился за ограждение палубы.

На фоне луны висел человек с крыльями за спиной. Не до конца расправленные крылья словно застыли в воздухе. Крылатый человек казался видением из кошмара — настоящий черный призрак. Кенлон почувствовал на себе его пристальный взгляд.

Какое-то время силуэт таинственного создания застыл неподвижно, и казался картинкой, наброском, выполненным черной тушью на светлом фоне, или фотографией, снятой ночью. А потом ноги крылатой твари соединились, и сходство с человеком исчезло.

Огромная птица выскользнула из лунного луча и скрылась в ночной тьме.

* * *

Шли минуты. Длинная, отливающая металлическим блеском субмарина качнулась и заскользила по легкой зыби, а крылатое чудовище растворилось в небесных просторах.

Атомные турбины медленно несли корабль вперед по водной глади. Из люка высунулась голова.

— Можно подняться на мостик, мистер Кенлон? — спросил Теддерс. Кенлон кивнул.

— В чем дело?

Теддерс выбрался из люка и встал перед ним.

— Я думал о птицах с размахом крыльев в восемнадцать футов,— пробормотал он.— И еще об офицере по имени Уильям Кенлон, который широко известен своими резкими суждениями и чьи оценки размеров корабля, проходящего в миле или больше от нашей лодки, всегда предельно точны. А еще я подумал об

одном парне по имени Теддерс, который оказался слишком тупым, чтобы понять, что разговор серьезный.— Тут, оборвав себя на полуслове, он сделал паузу, но чуть позже продолжал:

— Ты действительно видел эту птицу?

Эти слова прозвучали как извинение. Ему показалось, что последние слова Кенлона достигли цели.

Кенлон заколебался. Пытаясь подобрать слова, чтобы описать последнее видение, он неуверенно покачал головой:

— Было темно, и эта птица... она висела над нами,— он ткнул пальцем в ночь.— Я действительно ее видел.

— С точки зрения пилотов, я всего лишь дилетант,— вздохнул Теддерс.— Правда, я почти поступил в воздушные силы — «почти» означает, что мне дали от ворот поворот. Но может быть, это был очень тихоходный, маленький самолет? Какой-нибудь наблюдатель? В конце концов, есть множество людей, которым хотелось бы знать, что мы здесь делаем.

Кенлон ответил не сразу. И не потому, что обдумывал предположение товарища. Упоминание Теддерса, что он был чертовски серьезен, говоря по телефону, привело его к осознанию того, что он и в самом деле отнесся к происшедшему слишком серьезно.

В смятении он подумал: «Что же я тогда видел? Человекообразную птицу с крыльями размахом в восемнадцать футов?»

Тут он поймал себя на мысли, что, может быть, где-нибудь уже изобрели механические крылья для людей.

Это была свежая идея, и осмысление существования подобного приспособления заняло у него примерно минуту.

Наконец, вернувшись с небес на землю, он рассудил, что ему лучше не заострять эту тему. Состроив гримасу, Кенлон посмотрел на оживленного Теддерса.

— Самолет такого типа здесь? — недоверчиво проговорил он.— Кроме того, приборы зарегистрировали бы появление самолета; но пока никакого сигнала тревоги. Очевидно, я единственный, кто видел это, да и то не совсем уверен...

— Мистер Кенлон,— позвал старшина-рулевой Райхарт.

Кенлон полуобернулся, удивленный.

— Да? — отозвался он.

— Вы посылали кого-нибудь на нос?

— Что? — переспросил Кенлон.

Он быстро пошел по палубе в сторону призрака, который смутно виднелся на носу корабля. У Кенлона за спиной тяжело топал Райхарт, а где-то в отдалении Теддерс приглушенно выкрикивал команды в люк остальным членам команды.

Когда Кенлон приблизился, крылатый человек осмотрел его снизу вверх. В темноте его большие глаза сверкали, как огромные самоцветы. Было слишком темно, чтобы разглядеть лицо таинственного создания или даже контуры тела. Однако Кенлону хватило одного взгляда, чтобы понять, что крылатый человек прикрепляет к выступающему носу «Морского змея» что-то похожее на медную банку.

Жестянка сверкнула; на ней заплясали мерцающие блики от света наполовину скрывшейся луны, осветившей и пригнувшегося человека с чудовищными крыльями, колыхавшимися у него за плечами.

Крылатый человек не двигался.

С отчаянным безрассудством летун оставался на носу, прижимая свою кастрюлю к металлической обшивке подводной лодки. И тут Кенлон перемахнул через низкие перила и, уцепившись для страховки за флагшток, ударил кулаком таинственного гостя.

Офицер-то ударил, но его кулак только вскользь задел очень легкое пушистое тело — крылатый человек каким-то образом уклонился от удара и устремился навстречу офицеру. Его руки обхватили Кенлона, и он отшвырнул моряка назад на палубу.

Набросившись на Кенлона и молотя крыльями в воздухе, странное существо тоже перемахнуло через ограждение. В какой именно момент зажегся прожектор, Кенлон не заметил. Он боролся с человекоподобным созданием, которое оказалось очень легким, но ничуть не уступающим ему в силе.

Над головой моряка хлопали огромные крылья. Внезапно крылатый человек высвободился.

Кенлон успел заметить худое проницательное лицо и губы, раздвинутые в подобии улыбки, обнажившей белые зубы. Затем легкое худое тело взмыло вверх. На секунду луч прожектора высветил его, но быстрее, чем перемещающийся луч света, крылатый человек метнулся в сторону и исчез.

За спиной у Кенлона застрочил пулемет.

Глава 2

Все усилия оторвать блестящий предмет, похожий на кастрюлю, от палубы оказались напрасны. Тот намертво прилепился к стальному носу лодки.

Вспотевший Кенлон посмотрел на капитан-лейтенанта Джонса-Гордона. Тот стоял на коленях рядом с флагштоком, ухватив Кенлона за запястье правой руки, пока он левой пытался отце-

пить от палубы таинственную штуковину. Дрожа от напряжения, Кенлон наконец спросил:

— Как вы думаете, сэр, может, отрезать эту штуковину паяльной лампой?

— Каким образом вы собираетесь это сделать? Вдруг ее пламя запустит взрывной механизм!

Невероятно, но Кенлон даже не подумал, что таинственный предмет может оказаться бомбой. Охваченный волнением, он забыл об осторожности.

Неожиданно испугавшись Кенлон с ужасом уставился на блестящую штуковину. Моряк вдруг вспомнил, что женат и у него есть ребенок, и поэтому он должен действовать осмотрительнее.

В ту же секунду приняв определенное решение, он встретился взглядом с Джонсом-Гордоном и объявил с улыбкой обреченного:

— Я сделаю все, что нужно — и, повысив голос, приказал: — Райхарт, принесите паяльную лампу и веревочный трап. И позовите пару человек в помощь. Живо!

— Есть, сэр!

— Предмет прозрачный; он не похож на бомбу,— задумчиво протянул командир — молодой человек с квадратным подбородком и голубыми глазами.— И кроме того, он слишком мал, чтобы причинить нам ощутимый вред. Бросьте эту затею, мистер Кенлон, и залезайте назад.

Однако Кенлон не мог взобраться на палубу самостоятельно. Ухватившись за протянутую руку Джонса-Гордона, он с трудом перевалился через ограждение; только военная тренировка помогла ему собрать всю свою силу воли и выпрямиться.

— Хорошо, что я не лег спать,— продолжал командир без тени улыбки,— никогда бы не поверил, если бы не видел своими глазами. Билл, что это было?

— Человек с крыльями птицы...— начал Кенлон. И остановился. Эти слова словно отрезвили его: все его тело напряглось. Неужели такое возможно?

— Человек с крыльями,— тихо повторил Кенлон.— Сэр, мы, должно быть, сошли с ума.

Краем глаза Кенлон увидел предмет, оставленный крылатым человеком, и мысль о безумии мигом улетучилась. Если кто здесь и был безумным, то только не экипаж «Морского змея».

— Возникает несколько вопросов: откуда... он... появился? — снова заговорил Джонс-Гордон.— Кто... он? Что ему надо? И где он сейчас?

Вопросы остались без ответа. Тем временем появился Райхарт в сопровождении двух матросов с соответствующим снаряжени-

ем. Через минуту Кенлон вновь перелез через перила. На этот раз не испытывая физического напряжения.

— Да, эта штуковина прозрачная,— объявил он.— А то, что внутри, похоже на какую-то странную электронную лампу. Позовите Макрэ.

Пока моряки ждали радиста, у Кенлона было время, чтобы осознать всю мрачную драматичность этой сцены, развернувшейся посреди Тихого океана. Прожектор был выключен. В темноте, нарушаемой только предупреждающими вспышками маячка, подводная лодка походила на привидение, затерявшееся в бесконечном черном океане.

Субмарина медленно скользила по воде, и ветерок, обычно довольно сильный при быстром движении, сейчас почти не ощущался. Было жарко. И как всегда ночью в этих широтах, воздух у самой поверхности воды казался чернее.

А вокруг простирался бесконечный океан; и быть может, где-то там наверху, в затянутом тучами небе затаилось странное создание, таившее в себе неведомую угрозу. А может быть, и не было никакой угрозы?

Кенлон выдохнул:

— Командир, вы понимаете, что, возможно, у этой твари нет другого места, где она может приземлиться, кроме нашей лодки.

Странно, но Кенлон нисколько не сомневался, что крылатый человек вернется.

* * *

Макрэ осторожно спустился по веревочному трапу, на нижней перекладине которого сидел Кенлон. При этом маленький коренастый радист тихо бормотал:

— Если бы только мамочка могла видеть своего сына. Но я храбро иду навстречу опасности. На все готов, но ничего не обещаю,— оказавшись у самой воды он повернулся и обратился к Кенлону: — Подержите-ка фонарь, мистер Кенлон. Я взгляну, что это за дрянь. Кенлон молча подчинился.

— Определенно не бомба,— проворчал Макрей.— Да, странная штуковина. Непонятно...— он осекся.— Ха! — выдохнул он со злостью.

— Что такое? — быстро спросил Кенлон.

— Эта маленькая лампа внутри просто висит в вакууме. Она ни к чему не прикреплена. Посмотрите-ка, мистер Кенлон, и скажите, если я не прав. Вот она справа. Вы меня извините, но я понятия не имею, что это такое.

Кенлон наклонился, но прежде чем он успел что-то рассмотреть, их окликнул капитан-лейтенант:

— Макрэ, может ли это приспособление использоваться вражеской подлодкой, чтобы определить наше местонахождение?

Глупый вопрос. Однако Кенлон знал, что это очень важный вопрос. Возможно, никто, кроме него, не осознавал почему. Остальные моряки только мельком и на расстоянии видели эту тварь, но он-то боролся с ней. Кенлон чувствовал руками мягкое пушистое оперение; большие крылья хлопали над его головой. Его пальцы сжимали тощее, но сильное тело, нечеловечески легкое, весящее не больше тридцати пяти фунтов. Его товарищи видели лишь смутную тень и теперь подыскивали какое-либо естественное объяснение происшедшему, что-то такое, что соответствовало бы их мировоззрению, что-нибудь, связанное с войнами и борьбой между нациями, шпионящими друг за другом. Но Кенлон до конца жизни не забудет вызывающее нервную дрожь удивительное существо, которое он видел. А его разум никогда не постигнет тех глубин или тех высот, за которыми кроется объяснение случившегося.

Словно во сне, услышал он ответ Макрэ:

— Здесь нет источника питания, сэр, нет батарей. Я не вижу, каким образом эту штуку вообще можно использовать.

Командир, должно быть, уже принял решение, потому что быстро объявил:

— Оба поднимайтесь на палубу. Макрэ, вы можете вернуться к себе. Кенлон, мне нужно с вами поговорить. Пейли,— он повернулся к одному из матросов, стоявших у него за спиной,— срежьте эту штуку, но не дайте ей упасть в море. Она нам нужна. Мансон, помогите Пейли.

Кенлон облегченно вздохнул. По крайней мере они начали действовать... И сразу стало легче дышать. Угроза, чувство опасности стали слабее.

Когда Кейлон и капитан остались одни в рубке, Джонс-Гордон мрачно спросил:

— Почему он не улетел сразу? Почему боролся с вами?

Это был не тот вопрос, на который Кенлон мог бы дать правильный ответ, но он попытался найти логичный ответ:

— Я думаю, командир, он хотел выиграть время.

— Время для чего?

— Он прикреплял это... ну... передающее устройство к носу нашей лодки. Требовалось ведь время на то, чтобы припой, клей или что там еще, чем он крепил эту штуку к лодке, успел застыть.

Джонс-Гордон хмыкнул.

— Звучит разумно,— признался он.— В таком случае он сильно рисковал. И все же точно мы ничего о нем сказать не можем.

В темноте Кенлон живо взглянул на своего капитана. Он всегда считал Джонса-Гордона всего лишь преуспевающим бизнесменом, которого случайно занесло в Аннаполис[1].

Но его оценка способностей капитана субмарины резко возросла во время похода. Вот и сейчас могло показаться, что Джонс-Гордон задал глупый вопрос. Однако это было не так — ведь командир должен сделать абсолютно все, чтобы обеспечить безопасность своего корабля. Он должен следить за тем, чтобы потенциальный противник не мог получить никакой информации ни о корабле и его экипаже, ни о местонахождении подводной лодки.

— У вас есть предложения? — спросил Джонс-Гордон.

Кенлон пожал плечами:

— Мы должны снять эту лампу. Это сейчас самое главное. Считаю также, что на ночь нужно выставить часовых на палубе... Хорошо бы захватить эту тварь живой. В противном случае,— он скривил губы,— нам лучше и не заикаться о том, что мы видели.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, лейтенант. Я...— капитан-лейтенант оборвал себя на полуслове и резко окликнул: — В чем дело, Мансон?

— Пейли просит передать, сэр, что паяльная лампа не берет ни эту штуку, ни сталь вокруг нее. Он говорит, что железо не плавится, и спрашивает, что ему делать дальше.

«Хороший вопрос»,— мрачно подумал Кенлон.

* * *

Стояла ночь.

«Морской змей» снова набрал скорость. Вода плескалась у бортов, успокаивающе шумели турбины. Кенлон тревожно смотрел в разрывы между облаками, через которые осторожно выглядывала луна.

Но вот облака сомкнулись, и темнота сгустилась. Видимость уменьшилась, и невозможно стало даже различить Райхарта, стоящего в пяти футах. В темноте лишь смутно маячила его тень. А что до людей, стоящих на палубе...

Кенлон напряженно вглядывался в тьму. Он, как и Джонс-Гордон, не хотел включать прожектор, но как было бы приятно залить светом всю палубу «Морского змея».

---

[1] В Аннаполисе, штат Мэриленд, находится Военно-морская академия Соединенных Штатов *(прим. переводчика)*.

— Мистер Кенлон.

Моряк вздрогнул от неожиданности и смутился, что не слышал, как капитан-лейтенант вылез из люка.

— Да, сэр?

Джонс-Гордон шагнул вперед и оперся на перила ограждения.

— Я думал над вашим советом, Билл, вытащить на палубу пушку и сбить этот прибор с борта,— тихо проговорил он.— Мой ответ — нет. И вот почему,— капитан-лейтенант выдержал многозначительную паузу.

Кенлон молча ждал.

— Мы не можем рисковать «Морским змеем». Необходимо сделать все возможное, чтобы вернуться на базу на целом корабле. И все же не укладывается в голове то, что здесь произошло. Только подумайте — крылатый человек!

Кенлон уже час обдумывал случившееся, не осмеливаясь предложить свои соображения. Он просто не знал, что следует предпринять, поэтому ничего не сказал, но снова почувствовал уважение к своему командиру, который, очевидно, обдумал ситуацию настолько, что принял определенное решение.

— Билл, я хочу, чтобы вы хорошенько подумали,— может быть, по возвращении на базу нам придется дать показания о том, что мы видели. Нам должны поверить; я в этом уверен. Если трое из четверых старших офицеров субмарины заявят, что они видели эту тварь, вряд ли командование решит, что у нас у всех одновременно поехала крыша.

— Что ж, возможно. Но, скорее всего, когда мы вернемся с этой кастрюлей, приваренной к борту, наше объяснение примут и так. Знаете, что будет? Ученые начнут бомбардировать вас из всех орудий. Нас станут всячески третировать, выставляя этакими заурядными служаками без искры воображения, вконец отупевшими от службы. Все это, конечно, скоро прекратится, поскольку командование флотом встанет на нашу защиту и заявит, что мы поступили правильно, позаботившись о безопасности судна. Время от времени в воскресных приложениях газет будут появляться статьи о крылатом человеке,— статьи, осуждающие действия капитан-лейтенанта Джонса-Гордона. Вот ваш и наш удел. А потом, когда разговор зайдет о повышении, командование флотом обойдет нас всех без всякого на то основания. Картина не слишком приятная, да, сэр?

— Она полностью совпадает с той, которую и я себе представил,— проворчал капитан-лейтенант.— Кенлон, мы должны поймать этого парня. По правде говоря, я не думаю, что это будет уж очень опасно. Ребята принесут какие-нибудь сети, а я организую так, чтобы...

С кормы раздался громкий крик; затем выстрел; а потом небо над рубкой потемнело. Огромные крылья, захлопавшие над головами моряков, подняли вихрь ветра. Райхарт дико закричал, а потом раздался рык капитан-лейтенанта:

— *Все к оружию!*

В следующий миг человек-птица оказался у них в руках. Вряд ли это можно было назвать славной победой. Он приземлился рядом с часовыми, и те скопом набросились на него с безумной яростью. Кенлон уцепился за его крыло, отчаянно стараясь удержать чудовище и не дать ему подняться в воздух.

Но странное создание даже и не пыталось это сделать.

К ним уже бежали матросы с сетями. Крылатого человека быстро скрутили и спустили в люк, а потом...

Кенлон с Райхартом остались одни. Офицер окликнул часового на палубе:

— Что случилось, Джонстон? Почему ты стрелял?

— Я увидел, что он висит у кормы, сэр.

— Что? — воскликнул Кенлон.

— Я не знаю, сколько времени он там пробыл, сэр.

Похолодев, Кенлон побежал на корму, освещая дорогу карманным фонарем. Похоже, произошло именно то, чего он так опасался. Там внизу, у самой ватерлинии прикрепленная к выпуклому боку кормы, висела точная копия первого «радиопередатчика».

Глава 3

Кенлон позвонил по телефону внутренней связи Теддерсу и попросил позвать командира. Голос Джонса-Гордона послышался в трубке минуту спустя. Кенлон доложил о своем открытии. Он говорил спокойно, стараясь голосом не выдать, насколько напряжены его нервы:

— Очевидно, сэр, эта тварь сделала, что хотела, и так как у нее не было места, чтобы приземлиться, сдалась.

На том конце провода какое-то время было тихо, затем капитан-лейтенант ответил:

— Я посылаю наверх Теддерса. А вы, Кенлон, спускайтесь в торпедный отсек. Возможно, ваше знание языков поможет нам понять, что этот парень пытается нам сказать.

В торпедном отсеке перед Кенлоном открылась мрачная картина. Крылатого человека освободили из сетей, и он, растирая затекшие конечности, спокойно разглядывал толпу моряков.

Уставившись на него, Кенлон забыл обо всем. Во всяком случае, большая часть того, о чем он думал в течение этой ночи, мигом вылетела из головы. Тогда моряк попытался себя убедить, что ничего необычного не случилось.

Однако нет, случилось. Здесь, в ярком электрическом свете, крылатый человек казался и вовсе невероятным.

Огромным усилием Кенлон взял себя в руки.

Крылатый человек был меньше ростом, чем показалось Кенлону при первом столкновении,— не больше пяти футов. Его грудная клетка выглядела деформированной. Она была узкой и выступала вперед, как грудная кость у птиц. В остальном пленник выглядел совершенно нормальным человеком.

Кенлон не видел, где крылья присоединялись к телу. Серые, с красными и голубыми полосами, в длину они были немногим больше восьми футов и, сложенные сейчас вдвое, возвышались над головой человека-птицы фута на два. Тело таинственного создания покрывал серовато-белый пух. Лицо казалось очень бледным, а взгляд больших глаз — вполне осмысленным.

Кенлон заставил себя оторваться от детального осмотра и повернулся к капитан-лейтенанту Джонсу-Гордону:

— Сэр, так как относительно тех двух приборов?

Капитан обернулся и в упор посмотрел на него.

— Вы знаете мое решение, мистер Кенлон,— отрывисто ответил Джонс-Гордон.— Тем не менее,— смягчившись добавил он,— я приказал мистеру Теддерсу расчехлить орудие и постараться сбить *один* из приборов. Через несколько минут мы услышим выстрелы.

Однако принятых мер явно было не достаточно. Орудие следовало подготовить раньше, как необходимую меру предосторожности, даже если бы не предполагалось немедленных действий. Решение командира запоздало, а значит... ну, так что это могло означать?

У Кенлона не было ответа на этот вопрос, и ему казалось, что придется очень долго ждать ответа.

А Джонс-Гордон тем временем продолжал говорить:

— ...Мы уже обратились к нему на семи языках, и каждый раз он отвечал на языке, который никто из нас не понимает.

Кенлон не стал уточнять, что это были за языки. И так было ясно. Джонс-Гордон с грехом пополам говорил на французском и немецком, которые изучал еще в военно-морской академии, а среди команды оказались представители пяти национальностей: грек, поляк, датчанин, испанец и русский. Так что знание немецкого и французского Кенлону демонстрировать не пришлось. Оставались японский, китайский, итальянский и арабский, которыми помощник капитана неплохо владел.

Он начал с японского. Результат оказался таким же, как прежде. Крылатый человек ответил высоким тенором, очень музыкальным, ясно артикулированным, но его ответ был совершенно непонятен.

У Кенлона не оставалось времени на другие языки. Его часы показали, что несколько минут вот-вот истекут — и трехфунтовый снаряд вырвется из дула пушки.

Он вынул из кармана карандаш и записную книжку и быстро набросал контуры подводной лодки с двумя «приборами» на носу, а затем пририсовал указывающие на них стрелки.

Человек-птица взял записную книжку, взглянул на рисунки и кивнул. На губах его промелькнула улыбка, в которой сквозило что-то вроде любознательного беспокойства, однако она вызвала у Кенлона большие опасения. У него возникло ощущение, будто плененное создание насмехается над ним.

Крылатый человек потянулся к карандашу. Кенлон уступил его и стал напряженно следить, как тот быстро, искусно что-то чертит на бумаге.

Когда рисунок был готов, Джонс-Гордон взял записную книжку и, хмуро заглянув в нее, показал Кенлону. На странице теперь были две подводные лодки, и вторая, которую нарисовал крылатый человек, оказалась намного более точной копией «Морского змея», чем рисунок Кенлона.

Несмотря на сходство рисунков, Кенлон решил, что пленник пытается сообщить им о том, что где-то поблизости находится вторая подводная лодка.

Однако внимательно присмотревшись, первый помощник заметил, что к его наброску был пририсован открытый люк, а на рисунке человека-птицы этот люк был изображен закрытым.

— Сэр,— выдавил Кенлон,— он хочет, чтобы мы задраили люк.

Крылатый человек снова потянулся за записной книжкой. Капитан-лейтенант осторожно передал ее ему, и тот быстро начал чертить карандашом.

Сейчас уже и тени улыбки не осталось на его лице. Оно стало серьезным. Взгляд больших глаз — напряженным. Закончив, крылатый человек почти швырнул рисунок капитан-лейтенанту.

Это было изображение подводной лодки с наклоном, который она приобретает во время погружения в воду. Офицеры переглянулись, и Кенлон неуверенно проговорил:

— Думаю, сэр, мне лучше подняться на палубу и помочь Теддерсу.

Джонс-Гордон не стал возражать. Кенлон был уже у двери, когда полыхнул яркий свет. Свет лился прямо *через* толстую стальную дверь и, казалось, исходил откуда-то издалека.

Через мгновение он погас. Фантастическая мысль посетила Кенлона, пока он пробирался к люку.

Лампы! Это зажглись лампы крылатого человека; и их яркий неземной свет проник сквозь четыре стальные стены. Кенлон не видел второго прибора на том конце лодки, но...

Это уже было неважно.

Снаружи тьма исчезла. Луна огромным бледным шаром плавала в синем пруду неба. Море теперь было высвечено на многие мили — холмистое черное поле с полосками света, просвечивающими то здесь, то там сквозь темный бархат.

На границе света и тьмы подводная лодка казалась длинной блестящей металлической рыбой, тянущей за собой пенную дорожку среди ритмично поднимающихся и опускающихся волн.

На носу этой огромной сверкающей серебристой сигары четверо мужчин возились возле орудия.

Кенлон неуверенно оглянулся на люк. Его несколько удивило, что никто из моряков не последовал за ним. Он заколебался, вспомнив набросок крылатого человека, однако преодолел неуверенность.

— Старшина Райхарт,— скомандовал он,— переключите управление на контрольный отсек.

— Есть переключить управление в контрольный.

Кенлон опустил люк за Райхартом, который спустился вниз, чтобы перенастроить механизм запуска. Затем первый помощник лег на палубу и крикнул:

— Лейтенант Теддерс, огонь!

Вспышка окрасила волнующееся море, резкий и громкий звук выстрела заглушил мерный шум турбин.

Орудие лязгнуло, гильза покатилась по стальной палубе. Люди принялись вновь заряжать пушку, в то время как Теддерс направлял луч прожектора на «лампу».

— Мимо! — выдохнул он. Кенлон подошел к нему.

— Вы не промазали. Я видел, как вспенилась вода справа по борту. Снаряд отклонился. Заряжайте быстрее,— приказал он.— Теперь я буду наводить, а вы следите. Убедитесь, что снаряды попадают в цель.

Он не стал дожидаться подтверждения и выпустил три снаряда подряд, почти ощущая удар о воду. Краем глаза он заметил три всплеска, далеко от борта. Орудие замолчало.

— Давайте еще снаряды! Заряжайте! — закричал Кенлон. Затем он повернулся к Теддерсу: — В конце концов мы повредим его механизм наводки сотрясением. Мы...

Он покачнулся вместе с Теддерсом. И вдруг увидел, что матросы, заряжающие орудие, вдруг превратились в скелеты.

Свет из лампы пронизал их плоть насквозь.

Свет проходил сквозь тела моряков, сквозь пушку, которую они заряжали, сквозь выступ палубы.

Это было белое сияние, настолько яркое, что оно грозило выжечь глаза. Кенлон инстинктивно поднял руку, защищаясь. Он увидел кости своих руки и пальцев. А потом...

Потом первый помощник оказался в пугающей глубине теплой воды и, задыхаясь, начал бороться с затягивающей его вниз бездной.

Глава 4

Кенлон задержал дыхание. Горло саднило от соленой воды, которой он наглотался. Все его тело содрогалось от приступов кашля.

Все это время первый помощник изо всех сил рвался к поверхности. Чувствуя, что может не выдержать, он стал неистово помогать себе руками и ногами. Выше, выше... Во время этого бесконечно длительного подъема, агонии и чудовищных усилий мысли Кенлона неслись по замкнутому кругу.

Что случилось? Что могло произойти?

Словно пуля, выпущенная из ружья, он вылетел из воды, снова погрузился, а затем всплыл, хватая воздух открытым ртом и молотя по воде руками. Его тело содрогалось от страшного кашля, вода плескалась вокруг, пока он пытался удержать голову над ее волнами. Кенлон слышал могучий рев воды где-то совсем рядом. Затем грохот стих, но огромная волна накрыла его с головой, а потом пронеслась с огромной скоростью, подтолкнув Кенлона к поверхности.

Непостижимым образом он выжил. Море наконец утихло, но Кенлон с трудом удерживался на поверхности уже успокоившихся волн — желудок его скрутило, и вода, которой он нахлебался, потоком хлынула изо рта.

Когда позывы рвоты прошли, первый помощник медленно поплыл, оглядываясь по сторонам.

В дюжине футов от него покачивалась голова какого-то человека. Вдалеке, примерно за милю, он увидел длинный низкий серый берег, там и сям покрытый зеленью жидкой растительности. Голый и плоский, он тянулся от горизонта к горизонту.

Панорама, открывшаяся перед первым помощником, была какой-то странно, непостижимо отталкивающей. С большим трудом Кенлон заставил себя оторваться от созерцания берега и

снова увидел покачивающуюся голову — его парализованный мозг наконец ожил. Где Теддерс? И все остальные? Где «Морской змей»?

Со стоном Кенлон развернулся в воде.

— Дэн! — крикнул он.— Дэн Теддерс!

— Я здесь, Билл! — ответил ему моряк.— Здесь с Дэвисоном. Мы в порядке. А ты?

Он увидел еще две головы в трехстах футах слева.

Слезы выступили на глазах у Кенлона, когда он повернулся к человеку, который находился ближе всех к нему. С тревогой он всмотрелся в его напряженное лицо:

— Блэк, ты в порядке?

Тот выглядел ошарашенным.

— Да, сэр,— пробормотал он. Кенлон подплыл ближе.

— Ты уверен?

— Да, сэр.— Затем моряк добавил более взволнованно: — Но мой напарник, Джонстон. Сэр, я его не видел.

— Джонстон! — выкрикнул Кенлон. Он поднялся над водой как можно выше, одновременно выкрикивая имя.

Но ответа не последовало. Теддерс и Дэвисон поплыли вдоль берега, однако Джонстона нигде не было видно.

Возвращаясь мысленно к тому, что с ним произошло, к агонии, которую он испытал в морской глубине, Кенлон пришел к выводу — чудо, что кто-то из них вообще выжил. Он подумал: «Четверо из пятерых живы! Люди действительно удивительно упорны в непреклонной борьбе за жизнь».

Но где же «Морской змей»?

«Нечего бояться»,— твердил он, стараясь убедить себя, что ничего страшного не произошло. И все же... Этот гудящий звук, который он слышит, может издавать только лодка, поднимающаяся на поверхность. В любую секунду она...

В двух сотнях ярдов от него появилась длинная полоса пены, затем перископ. И «Морской змей» всплыл на поверхность.

Когда его палуба очистилась от воды, корабль замедлил ход. Через несколько минут субмарина уже покачивалась на волнах. Капитан-лейтенант Джонс-Гордон первым показался на палубе. За ним следовали около десятка моряков.

Несколько минут спустя все уже были на борту. Кенлон доложил об исчезновении Джонстона, затем, получив разрешение, спустился вниз и переоделся.

Когда он снова появился из люка, Джонс-Гордон подозвал его кивком головы и спросил:

— Билл, где мы находимся? Что произошло?

«Вот это вопрос так вопрос»,— мрачно подумал Кенлон.

В течение нескольких минут он изучал берег через бинокль, всматриваясь в однообразную серую полосу земли.

Неприятный на вид низкий берег разворачивался перед ними по мере того, как «Морской змей» следовал своим курсом параллельно ему. Грязные пятна зелени оказались водорослями. И даже спустя час, когда Кенлон вновь взял в руки бинокль, картина не изменилась. Через четыре часа, выйдя на палубу после короткого сна, он увидел, что берег теперь находится много дальше.

Кенлон, стоя на палубе, наблюдал, как «Морской змей» медленно плывет вдоль удаляющегося берега. Он повернулся к Джонсу-Гордону, когда тот присоединился к нему.

— Я думаю, нам следует продолжить допрос нашего пленника,— сказал капитан-лейтенант.— Я ждал вас. Не хотел говорить с ним в одиночестве.

По дороге вниз капитан добавил, нахмурившись:

— Я не знаю, как к нему относиться. Из-за него погиб Джонстон, и все же, когда вы вышли на палубу перед тем, как полыхнул свет, он спикировал над нашими головами и удержал нас от того, чтобы мы последовали за вами. Это несомненно спасло нам жизнь. И точно так же,— педантично продолжал он,— когда вы первый раз боролись с ним, он не сбросил вас в море. Наоборот, подтолкнул вас *вверх* на палубу. Возможно, его намерения по отношению к нам следует рассматривать как вполне мирные?

На этот вопрос Кенлон не был готов сейчас ответить. Кроме того, зная своего командира, склонялся к мнению, что он задал его чисто риторически, пытаясь, вероятно, представить, как решает проблему крылатого человека и странных явлений практичный ум другого человека.

Но задача оказалась достаточно трудной для них обоих. И Кенлон промолчал, а Джонс-Гордон не стал настаивать на ответе.

Войдя в торпедный отсек, они обнаружили, что крылатый человек усердно что-то чертит в записной книжке Кенлона.

— Он немного вздремнул,— доложил поставленный для охраны матрос.— Когда проснулся, стал тыкать пальцем в эту записную книжку, так что я отдал ее ему, сэр.

— Вы правильно сделали,— одобрил капитан.— Продолжайте наблюдение, а мы пока с ним поговорим.

Кенлон с волнением увидел, что человек-птица кивком подзывает их к себе. Он испытал странное чувство, когда приблизился к этому чуждому существу и склонился вместе с... ним... над записной книжкой.

Но это чувство скоро исчезло. Рисунок полностью поглотил его внимание.

На первой странице без всякого сомнения были нарисованы Солнце и первые три планеты.

Крылатый человек указал тонким пальцем на Землю, затем на Кенлона и Джонса-Гордона. Потом показал снова на Землю и на этот раз ткнул пальцем в себя.

— Я думаю, он пытается сказать, сэр, что он земного происхождения, как и мы,— пробормотал Кенлон.

— Конечно, он с Земли,— раздраженно нахмурился Джонс-Гордон.— Откуда еще он может быть?

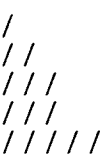
Кенлон с огорчением понял, что тот самый порок, которым, по его мнению, страдал Джонс-Гордон,— отсутствие способности заранее предвидеть и принимать соответствующие решения — снова дал о себе знать.

Похоже предположение о том, что капитан не поверил бы ему, если бы своими глазами не увидел крылатого человека, подтвердилось. Не находя объяснения необычному явлению, Джонс-Гордон принимал его как факт, таким образом получая иллюзию осознания происходящего. Он просто не способен был понять значения того факта, что на субмарине оказалось фантастическое существо. Ему не хватало воображения, чтобы объяснить самому себе неправдоподобность появления крылатого человека в середине двадцатого столетия.

Расстроенный и обеспокоенный неприятными последствиями своего вывода, Кенлон совершил единственно правильный в этой ситуации поступок: он промолчал.

— Что за дьявол? — Джонс-Гордон указал на рисунок.

Кенлон оторвался от своих мыслей. Его взгляд скользнул от изображения Солнечной системы к группе черточек, нарисованных крылатым человеком.

Человек-птица, убедившись, что снова привлек их внимание, указал на символ, венчающий группу, затем показал на Землю над ней и стал медленно водить пальцем вокруг Солнца. Один, два, три... девять раз он изобразил круг и затем снова показал на черту в первой строке.

Джонс-Гордон спросил удивленно:

— Неужели он пытается сказать, что эта черта означает девять лет?

— Думаю, так, сэр,— подтвердил Кенлон.

— По-моему, очень странный способ подсчета,— хмыкнул капитан.— Почему бы ему не придать черте значение десять. Это упростило бы задачу. Что он делает сейчас?

Крылатый человек снова указал на верхний символ. Он стал постукивать по нему пальцем, как будто считал. Кенлон подсчитывал за ним: раз, два, три... одиннадцать. Затем крылатый человек указал на вторую строку.

— Я понял,— сказал Кенлон.— Одиннадцать раз по девять будет девяносто девять. Две черточки означают девяносто девять лет.

Первый помощник вздрогнул, а потом показал на третью строку:

— Если первая черта означает 9, две вторых 99, то три черточки в третьем ряду должны означать 11 раз по 99 или 1089 и таким образом...

Он остановился, так как крылатый человек опять указал на первую черту и начал стучать по ней пальцем. На этот раз это заняло много времени. Прошла минута; Кенлон все еще подсчитывал, следуя за постукиванием пальца... 90... 100, 101, 102... 111.

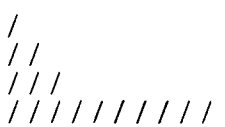
Подсчет закончился на 111. И снова человек-птица указал на одиночную черту, затем на третью строку.

— Хорошо, 111 раз по 9,— сказал громко Кенлон,— равно 999. И это должно означать, что четвертая строка — 1111 раз по 9 или 9999 лет, и, таким образом, на нижней строке будет 999 999 лет. Необычный способ подсчета, но в его основе лежит, должно быть, какой-то звуковой математический принцип.

Он хотел было пояснить капитану свои слова, но крылатый человек снова начал быстро водить пальцем вокруг Солнца. В конце концов он стер последние две строки и добавил на четвертой вторую группу черточек к тем четырем, что были на ней, а затем, немного отступив, еще две. Он показал на эту строку, а затем на себя.

У Кенлона перехватило дыхание от изумления. Что он хочет сказать? *Что* он пытается им сказать?

Он схватил страницу и уставился на нее. Вот что на ней было изображено:

— Двадцать пять тысяч лет,— пробормотал он.— Мне кажется, он сказал нам, что мы перенесены на двадцать пять тысяч лет в будущее.

К своему удивлению, Кенлон заметил раздраженный взгляд Джонса-Гордона. Капитан-лейтенант нетерпеливо отмахнулся.

— Очевидно, мы так и не сумели понять нашего «гостя»,— объявил он.— Что там на следующей странице?

Не говоря ни слова, Кенлон перевернул страницу. На листке был набросок подводной лодки, держащей курс на какой-то объект, летящий над морем. Первый помощник с удивлением принялся изучать рисунок. Поколебавшись с минуту, он решил, что, скорее всего, это гора. Хотя, без сомнения, гора была нарисована над водой, она как бы парила над морем, не касаясь его.

Кенлон не обратил на это внимания, решив, что человек-птица плохо рисовал. Однако рисунок был объемным и давал возможность видеть объект со всех сторон. Круто поднимающиеся вверх склоны горы венчало удивительное по архитектуре здание. Десятки крылатых людей летали вокруг него. Некоторые стояли в порталах здания. Другие, паря над водой, боролись с какими-то существами, пытающимися выйти из моря. Странная картинка.

Присмотревшись, Кенлон увидел, что существа, вылезающие из воды, похожи на людей.

С усилием он заставил себя оторваться от рисунка и встретился взглядом с крылатым человеком. Кенлон указал на гору, а затем стрелками обозначил различные направления, надеясь, что пленник поймет, о чем его спрашивают.

Человек-птица понял. На его лице появилось что-то вроде радостной улыбки. Он махнул крылом и показал рукой направление от берега, противоположное тому курсу, которым шел «Морской змей».

Голос Джонса-Гордона нарушил тишину:

— Невероятно. Как он может, находясь внутри лодки, указывать направление? Ведь мы могли изменить курс, пока он спал.

Кенлон медлил с ответом. Он знал, что воображение командира не способно постичь ни одно из ряда вон выходящее явление. Предположение, что чувство направления крылатого человека схоже с инстинктом почтового голубя, было бы соломинкой, которая могла переломить спину верблюда.

Как бы там ни было, за время службы первый помощник твердо усвоил, что офицер должен высказать свое мнение, когда его спрашивают. Это относилось и к чрезвычайным обстоятельствам.

И все же он колебался. Наконец он понял, что нервы капитана напряжены до предела. Не понимая происходящего, Джонс-Гор-

дон чувствовал, что не может принять необходимого решения. Не потому ли он пытался размышлять вслух, ожидая, что Кенлон ему поможет?

— Вы единственный лингвист в нашем экипаже, лейтенант,— продолжал капитан.— Я хочу, чтобы вы в свободное время изучили язык этого существа или научили его нашему. Но сначала давайте поднимемся на палубу.

Кенлон неохотно подчинился. Ему не терпелось установить контакт с крылатым человеком. Однако он последовал за капитаном на палубу, а потом терпеливо ждал, пока Джонс-Гордон в течение нескольких минут всматривался в берег.

— Мы не можем слепо идти вдоль этого странного побережья в мелких и незнакомых водах,— неожиданно объявил капитан.— Пока небо не прояснится, нельзя сказать, какое сейчас время суток; поэтому я считаю, что нужно провести ночь здесь, а утром,— он повернулся к Кенлону: — вы возглавите экспедицию вглубь суши, останетесь на берегу на несколько дней, если это необходимо, и постараетесь выяснить, что за чертовщина тут происходит.

Глава 5

Кенлона охватило беспокойство.

Полоса земли, непрерывно тянувшаяся параллельно курсу следования субмарины, мало походила на берег. Она вызывала удивительно неприятное чувство, даже отвращение.

Серый плоский берег постепенно приближался, моторная лодка неслась к нему, разрезая водную гладь.

Раньше Кенлон наблюдал эту землю с расстояния мили. Серое небо и серая земля, сливаясь, образовали размытую линию, не позволяющую ничего толком рассмотреть. Однако теперь это не имело значения. Через час они высадятся. Если эта полоса земли окажется длинным узким островом, тогда они быстро пересекут его, выйдут на противоположный берег, а потом повернут назад и вернутся на субмарину.

Собственно, именно Джонс-Гордон высказал предположение, что это остров:

— Тихий океан, возможно, единственная акватория, которая не исследована до конца. В нем может быть масса небольших атоллов, которые никогда не наносились на карту.

Нахмурившись Кенлон возразил своему командиру:

— Мы идем вдоль этого *небольшого* атолла в течение четырех часов со скоростью двадцать четыре узла в час. К тому же мне

непонятно, каким образом мы оказались возле него так неожиданно и почему ночь превратилась в день?

Сказав это, он раскаялся. Какой смыл бороться с основной чертой характера капитана? Тем не менее на какое-то время раздражение, которое он испытывал обсуждая с Джонсоном-Гордоном крылатого человека так, будто он был обыкновенным жителем какого-нибудь острова в южных морях, вылилось... ну, в ярость что ли...

Краем глаза Кенлон заметил, что Гэнишо, держа руль одной рукой, другой показал вдаль.

— Мистер Кенлон,— вскрикнул рулевой,— что это там? Похоже на плывущего человека. Он наблюдает за нами.

— Забавно! — пробормотал Кенлон. Мысли о Джонсе-Гордоне сразу вылетели у него из головы. Он вскочил на ноги с глухим вскриком. Однако одного взгляда хватило, чтобы убедится, что это был не потерявшийся Джонстон. Но тогда... кто?

Кенлон не верил своим глазам, уставившись на самое большое человеческое существо, какое ему когда-либо приходилось видеть. Пловец находился на расстоянии не более ста футов, почти прямо по курсу движения мотобота. Восемь футов — опытным глазом определил Кенлон длину тела аборигена. У него были очень большие глаза.

Человек плыл параллельно берегу, легко взмахивая руками. Судя по голым плечам, он не носил одежды.

Скорость его передвижения была даже больше, чем показалась вначале. Следуя за ним, мотобот повернул под прямым углом к своему курсу. Когда они догнали пловца, тот повернулся им навстречу, словно животное, попавшее в безвыходное положение.

Кенлон заметил, что незнакомец крепок, мускулист и у него осмысленное выражение лица. Уши его были очень плотно прижаты к голове, нос маленький, плоский и толстый, с вывернутыми кверху ноздрями. Рот тем не менее выглядел вполне нормально.

Большие глаза пловца уставились на бот и находящихся в нем людей, взгляд его был живым и оценивающим, без тени страха.

— Внимание! — предостерег Кенлон.— Не подходите к нему близко. Не давайте ему схватиться за планшир. *Осторожно!*

Но бот двигался слишком медленно. Во время поворота он потерял маневренность, и, прежде чем мотор смог снова развить скорость, странный гигант ринулся на лодку. Толстые пальцы схватились за планшир... и он оказался на борту.

Это было самое быстрое и сильное человеческое существо, какое когда-либо видел Кенлон. Шумно выдохнув, он выхватил

пистолет из кобуры, но, увидев, что чудовище не делает никаких угрожающих движений, поставил оружие на предохранитель.

Бот перестал качаться, и Кенлон заметил, что один из его людей держит карабин наготове. Кенлон крикнул предостерегающе:

— Паннат, опустите оружие!

Не отзвучало еще последнее слово приказа, а незнакомец уже стоял спиной к Кенлону. Он полуобернулся, казалось, раздумывая, а потом шагнул вперед, к Гэнишо, стоящему у руля. И вдруг, подобно вспышке молнии, он развернулся на месте и вырвал карабин из рук Панната. Как только оружие оказалось у него, его поведение снова изменилось. Весь его вид, без всякого сомнения, выражал любопытство.

Кенлон, готовый уже нажать на курок, почувствовал полное отсутствие враждебности со стороны гиганта и расслабил руку.

Первый помощник был поражен до глубины души. Он чувствовал, что этот удивительный человек превосходит его по всем параметрам. Гигант очень быстро двигался.

Все произошло слишком быстро. Кенлон вдруг подумал: а что если его скрутить? Прежде чем он решился действовать, гигант выстрелил в воду, а затем, моментально поняв все, что с этим связано, принял презрительную позу. Без единого слова, но всем своим видом выказывая презрение, он протянул оружие Паннату, и в то же мгновение оказался у штурвала.

Казалось, он знает, где находится двигатель, или, возможно, он заметил его раньше. Подойдя к двери рубки, он наклонился над моторами полный любопытства и стал внимательно разглядывать механическое чрево лодки. В этот момент Кенлон видел только массивные ноги и еще более массивные ягодицы.

И он решился.

— Хватай его! — выкрикнул Кенлон и ринулся вперед.

Вдруг он оказался в воздухе. Его схватили не слишком грубо, однако с такой силой, что нельзя было оказать ни малейшего сопротивления. Гигант поднял первого помощника над головой и с любопытством оглядел.

Кенлону представилась возможность внимательно разглядеть это создание. Он заметил какую-то бахрому на темно-коричневой груди... В следующий момент первый помощник уже стоял на ногах. А затем раздался всплеск. Кенлон продолжал стоять как болван, безуспешно стараясь понять, что же он видел.

«Не жабры,— уговаривал он себя,— нет, не похоже на жабры». Но удостовериться возможности больше не представилось. И хотя они ждали минут десять, человек-рыба больше не появился.

Кенлон решил не возвращаться на субмарину, а продолжать выполнение плана. После высадки на берег он пошлет капитану Гэнишо с кратким докладом. Быстро набросав несколько предложений, излагающих вкратце то, что произошло, Кенлон решил больше не забивать этим голову. Позже он все обдумает. Но внезапно ему пришла мысль, что, возможно, именно с *этими* существами сражались крылатые люди на рисунке, изображенном их пленником.

Он стал вглядываться в берег, к которому они подошли довольно близко, и сказал Гэнишо:

— Будь внимателен. Мне кажется, берег здесь пологий. Давай посмотрим, близко ли мы сможем подойти к нему.

К удивлению моряков, они сумели приблизиться на пятнадцать футов, прежде чем нос мотобота мягко ткнулся в черный ил.

— Отлично, здесь мы и высадимся,— объявил Кенлон.— Райфер, Смайли, Глэйб, Ридел, Паннат — берите рюкзаки и оружие! Пошли!

Двое матросов спрыгнули в воду. Кенлон едва удержался, чтобы не последовать за ними. Однако первому помощнику не следовало плюхаться в воду, подняв облако брызг. Он коснулся ногой ила и стал нащупывать дно. Но вдруг с ужасом увидел, что обоих моряков, прыгнувших первыми, стало засасывать в бездонную грязь. Два ужасных крика огласили воздух, затем страшное бульканье — и тишина, нарушаемая только стуком заглохшего мотора.

Кенлон, уже вступивший в грязь, боролся изо всех сил. Вес его рюкзака — пятьдесят фунтов — тянул его вниз, но он вцепился пальцами в планшир. И удержался. Подтянулся. Лодка качалась. Кенлон слышал тяжелое дыхание моряков, одновременно с ним карабкающихся на борт и хрипящих от усилий. Гэнишо обхватил его одной рукой за талию, другой ухватил за воротник рубашки.

Ил выпустил его ноги с противным чмоканьем. Кенлон рухнул на дно лодки. Какое-то время он лежал там, ни о чем не думая. Затем к нему вернулось сознание, и он не торопясь поднялся на колени, чтобы дать Смайли руку, в то время как Гэнишо затаскивал в лодку Глэйбла и Ридела.

Пока спасшиеся с трудом переводили дух, Кенлон выхватил из ящика парус и бросил его на берег, чтобы обозначить место неудачной высадки. Затем обернулся к рулевому.

— Назад к кораблю! — скомандовал он.— Предельная скорость. Мы попытаемся спасти Панната и Райфера. Если они успели надеть кислородные маски, то они все еще живы.

Он представил двух людей, находящихся под слоем грязи, с легкими, наполненными водой, которой они наглотались, прежде чем ил засосал их.

Возможно, в течение получаса их можно еще вытащить.

* * *

В этот раз Джонс-Гордон отправился вместе с ними.

Спустив на воду резиновую лодку, они начали поиски. Люди без устали шарили в грязи баграми, разыскивая тела товарищей.

Через три минуты они вытащили Райфера — безжизненное тело, покрытое серой, вязкой массой. Капитан и Кенлон попеременно стали приводить его в чувство, а потом, когда моряк стал подавать признаки жизни, его отправили назад на «Морской змей». Джонс-Гордон вернулся на корабль вместе с ним, а Кенлон продолжил поиски.

Минут через пятнадцать из рубки поступило сообщение, о том что Райфер пришел в сознание. И это сообщение вдохновило измученных людей, которые неустанно работали баграми, разыскивая Панната возле предательского берега. Но прошел час, а Панната так и не нашли.

Кенлон вспомнил неутомимого маленького Йована с веселыми серыми глазами, всегда старательного и исполнительного. Он не был женат... Одна из самых отвратительных обязанностей первого помощника — составлять письма вдовам погибших.

И все же, какая невыразимо трагичная смерть. Этот утонувший в бездонной грязи человек, у которого не было ни дома, ни друзей, кроме нескольких товарищей по службе, канул в безвестность. Ужасно, что на флоте много таких людей, о которых, после их смерти, никто никогда не вспомнит.

Кенлон заметил, что Гэнишо пытается привлечь его внимание.

— Капитан дал сигнал возвращаться, сэр.

— Хорошо,— кивнул Кенлон.

Следовало прекращать поиски, но перспектива угнетала его. Джонс-Гордон вскарабкался на палубу мотобота и приказал вернуться к месту несчастья.

— Людям не понравится, если я лично не проконтролирую последний этап поисков,— объяснил капитан-лейтенант.— Хотя я, конечно, понимаю, что даже если мы найдем Панната, мы сможем только предать его тело пучине. Воздуха в маске было минут на сорок.

Кенлон молча кивнул.

— Что вы думаете об этой грязи, Билл? — продолжал капитан.

Кенлон покачал головой.

— Я никогда не видел ничего подобного, сэр. Частицы ила настолько мелки, что не создают корки на поверхности,— он указал на берег.— Весь верхний слой сухой. Он выглядит твердым, но отдельные частицы не могут соединиться вместе, чтобы образовать грязевую корку. Возможно, нам стоит взять пробы грязи вдоль всего берега. Не может быть, чтобы здесь не было твердой земли.

— Хорошо. Видимо, стоит более тщательно поискать место высадки,— согласился Джонс-Гордон.— А пока возвращаемся на «Морской змей» и не забудьте взять пробы.

Несмотря на предыдущие слова, Кенлон испытал шок.

— Спасательную операцию прекратить? — спросил он.

Джонс-Гордон кивнул.

Одно дело прекратить поиски физически, другое — официально объявить о смерти моряка. Когда возвращались на субмарину, Кенлон представил себе картину: человек, погружающийся в глубины состоящего из грязи шара диаметром восемнадцать тысяч миль.

Он не мог определить, что же с ним происходит. В конце концов, он ведь не раз видел смерть. Должно быть, это из-за того, что Паннат утонул не в воде. Проклятое место! И время! Неужели они действительно перенеслись в будущее на 24 999 лет? А это серое кошмарное болото — судьба континентов?

Потом первый помощник мысленно вернулся к плавающему гиганту и крылатому человеку. Ему стало ясно, что для «Морского змея» и его экипажа то, что произошло, было только началом.

Похоже, их ждут события, предусмотреть ход которых у моряков не хватит фантазии, а конец всему окажется настолько неправдоподобным, что не имеет смысла о нем задумываться.

Глава 6

Кенлон обнаружил, что язык крылатого человека очень трудный для изучения. Впрочем, и пленник также испытывал сложности с английским. Самые обыкновенные слова, такие как рука, нога, крыло, в его произношении звучали почти неузнаваемо. А попытки Кенлона имитировать мелодичные звуки языка человека-птицы заставляли того только огорченно качать головой.

Как выяснил Кенлон, крылатый человек совсем не выговаривал «р» как, например, в слове «рыба», которое он произносил как «`ыба», кроме тех случаев, когда этот звук соседствовал с

твердой согласной, как в слове «брат». Подобные трудности наблюдались с доброй половиной всех звуков.

Как бы то ни было, Кенлон видел, что его настойчивость и желание изучать чужой язык были почти такие же, как у крылатого человека. К концу четвертой недели они уже могли писать на языках друг друга с относительной легкостью, хотя разговорный оставался еще в начальной стадии.

На тридцать первый день первый помощник почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы стать переводчиком во время разговора Джонса-Гордона с пленником. В течение целой недели на основе скудного словарного запаса, который он смог приобрести из общения с летающим человеком, и посланий, которые тот настойчиво писал ему, Кенлон составлял вопросы.

Он разделил вопросы на две части, потом передал первую часть вопросов крылатому человеку и наблюдал, как тот пишет ответ на каждый вопрос сначала по-английски, затем на своем языке.

«Прошло четыре недели,— думал Кенлон, с нетерпением ожидая, когда он закончит,— эфир молчит. Мы не встретили ни одного судна». В течение целого месяца «Морской змей» дрейфовал в неспокойном сером море под небом, вечно затянутым облаками, в миле от земли, которая в действительности была чем угодно, только не сушей.

Субмарина со смертельно перепуганными, сбитыми с толку людьми. Они боялись. Во время Второй мировой некоторые из них смеялись в лицо смерти, зная, что в любой момент их судно может подорваться на глубинных бомбах. Но сейчас они выглядели подавленными и испуганными; их страшила не смерть, а неизвестность. Они не в силах были что-либо предпринять, и не видели ничего, что могло бы им помочь. Джонс-Гордон, с его практичным умом и решительностью, потерял десять фунтов в весе, однако не изменил своей привычки принимать решения только на основании того, что видел, и не однажды за месяц по его приказу субмарина трогалась с места и бороздила поверхность океана, пытаясь обнаружить сушу.

Однако же происшедшее не могло не оставить свой отпечаток на личности Джонса-Гордона. Особенно замечательным признаком изменения было то, что капитан, прочитав вопросы, подготовленные Кенлоном для крылатого человека, принял их без комментариев.

Однажды Кенлон поймал себя на том, что исподтишка наблюдает, но не за крылатым человеком, а за своим командиром Джонсом-Гордоном. Лицо капитан-лейтенанта оставалось бесстраст-

ным, но мучившие его сомнения и тревоги выдавали глубокие морщины, которые залегли у него под глазами.

Изучая сильное, серьезное и смелое, но невыразительное лицо Джонса-Гордона, Кенлон пришел к выводу, что несмотря на уступки, которые тот сделал, чтобы примириться с реальностью, ситуация все равно оставалась для него слишком неправдоподобной.

«Но ведь и я не подготовлен к происходящему, если не считать отчаянного желания приспособиться к ситуации и понять, что же здесь происходит»,— подумал Кенлон.

Голос крылатого человека отвлек Кенлона от грустных мыслей.

— Уо-о-от,— произнес он.

Джонс-Гордон вздрогнул. Кенлон отрицательно покачал головой, отказываясь от блокнота, который протягивал ему крылатый человек, и указал на капитана. Пленник довольно неохотно передал Джонсу-Гордону блокнот.

Капитан-лейтенант начал читать. Закончив, он некоторое время сидел, полностью погруженный в свои мысли; наконец он передал листок Кенлону, и первый помощник прочел:

В.: *Это Земля?*

О.: *Да.*

В.: *Это Земля в нашем будущем?*

О.: *Да.*

В.: *Как далеко в будущем?*

О.: *24999 год от Рождества Христова.*

В.: *Мы в том же самом океане?*

О.: *Да.*

В.: *Сколько на Земле теперь океанов?*

О.: *Три больших континента. Остальное океаны.*

В.: *Какую площадь занимает суша?*

О.: *Увидите.*

В.: *Почему земля такая мягкая?*

О.: *Она стала мягкой внезапно. Никто не знает почему.*

В.: *Когда это случилось?*

О.: *3999 лет назад.*

В.: *Есть здесь какая-нибудь твердая земля?*

О.: *Только наш остров в небе.*

В.: *Как тебя зовут?*

О.: *Неммо.*

Кенлон не сразу оторвал взгляд от листка бумаги. Эти ответы были для него не новы, но он должен был или обсуждать их с таким видом, будто только что прочитал, или признаться, что знал их заранее. До этого момента он надеялся, что проблема разрешится сама собой. Теперь нужно было на что-то решиться.

Он вздохнул. Все еще ничего не решив, он передал вторую часть вопросов Неммо, подождал, пока крылатый человек начнет писать ответы, потом повернулся к Джонсу-Гордону и осторожно заметил:

— Кое-что я знал и раньше... Неммо... он писал мне иногда, пока мы учили английский. Мои вопросы, как вы могли заметить по порядку их расположения, были основаны на том, что мне удалось выведать раньше.

Он замолчал, предоставляя командиру возможность высказаться. Если ему, конечно, было что сказать. Во время затянувшейся паузы он еще раз обдумал, как будет объясняться. Но капитан ничего не сказал, и через минуту Кенлон осторожно продолжил:

— Тут много не скажешь. Ответы говорят сами за себя, или мы все сошли с ума. У крылатых забавная счетная система. Вместо того, чтобы сказать «примерно двадцать пять тысяч», Неммо говорит: «двадцать четыре тысячи девятьсот девяносто девять». Выглядит неуклюже, но, похоже, для них девять, как для нас — ноль. Эта система счета довольно убедительна. Для нас она не знакома, чужда нашему пониманию и довольно странно выглядит с точки зрения логики. Девять, если вдуматься, такое же занимательное число, как и десять. Может быть, *они* находят его даже более значимым, чем десять. Может быть, они нашли такое математическое его применение, которое нам еще не известно. Впрочем, не думаю, что стоит заострять на этом внимание. Все, что я знаю о числе девять на данный момент, так это то, что оно используется для подтверждения ответов при сложении, вычитании, умножении и делении.

Кенлон снова замолчал и взглянул на капитана. Тот сидел выпрямившись, глядя прямо перед собой. Кенлону ничего не оставалось, как говорить дальше, и он неохотно продолжил:

— Очень возможно, что через три тысячи лет эти крылатые люди позабыли, что же случилось на самом деле. Может быть, ледники растаяли и поднялся общий уровень воды. Конечно, должно быть объяснение и тому, почему мы оказались в будущем. Мое личное впечатление — я проплыл как минимум сто футов, прежде чем поднялся на поверхность. А что касается заявления Неммо про то, что дом летающих людей парит над морем...

Джонс-Гордон шевельнулся. Его бесстрастное лицо немного оживилось, но голос прозвучал как-то уж слишком спокойно, если не равнодушно:

— Я думаю, мистер Кенлон, нам лучше просмотреть остальные ответы, прежде чем перейти к обсуждению.

Это был самый резкий приказ замолчать, какой Кенлон когда-либо получал от Джонса-Гордона. Капитан-лейтенант явно дал понять, что не хочет, чтобы первый помощник озвучил свои вы-

воды. Слова командира не оставляли сомнений в том, что он напряженно старается осмыслить факты, которые узнал.

Наконец крылатый человек поднял голову.

— Аакогчил! — объявил он и снова передал командиру исписанные листы бумаги. Джонс-Гордон прочитал их и в свою очередь отдал Кенлону.

В.: *Есть здесь еще крылатые люди?*

О.: *Примерно 239999.*

В.: *Где они живут?*

О.: *На нашем металлическом острове в небе.*

В.: *Как они называются?*

О.: *Люди.*

В.: *Как мы может попасть к ним?*

О.: *Я укажу путь. Я хочу, чтобы вы и ваш корабль направились туда.*

В.: *Как твой народ научился летать?*

О.: *Нас создали прежние хозяева Земли, такие как вы, когда увидели, что вся суша превращается в болото. Им негде было спастись. Поэтому они создали летающих и плавающих людей. Они были удивительные, эти хозяева. Они знали все. Но они все погибли. Ужасная трагедия.*

В.: *Почему ты весишь так мало?*

О.: *У меня полые кости; мое тело сильное и легкое. Я стараюсь мало есть, потому что ваша еда слишком тяжелая. Внутри у меня есть дополнительные легкие.*

В.: *На Земле есть другие люди?*

О.: *Есть. Они были созданы хозяевами для жизни в воде. Эти плавающие люди — наши враги. Они живут в металлическом острове под водой, они ненавидят нас, хотят уничтожить. Мы перенесли вас сюда, чтобы вы разрушили их подводный город.*

В.: *Зачем вы перенесли нас сюда?*

О.: *Вы должны уничтожить металлический город рыболюдей.*

В.: *Вы можете перенести нас обратно в наше время?*

О.: *Мы вернем вас в ваше время, когда вы разрушите город нашего врага.*

Ровно загудели турбины. Трехсотпятидесятифутовая стальная машина остановилась, медленно повернула на новый курс и снова стала набирать обороты. Через полчаса плоская серая суша почти слилась с серым морем и серым небом.

Кенлон повернулся, когда Джонс-Гордон подошел к трапу.

— Думаю, вы хотите знать, почему я взял курс на колонию крылатых людей, если она действительно существует? — спросил капитан-лейтенант.

Кенлон кивнул, но ничего не сказал. Капитан мгновение стоял нахмурившись, затем внезапно объявил:

— Во-первых, если этот фантастический остров действительно парит в небе прямо по курсу, его существование подтвердит и все остальное, что сообщил нам крылатый человек.

Кенлон снова кивнул и снова ничего не ответил. Внезапно он подумал, что наделенное разумом существо, которому требуются еще какие-то доказательства тому, что они не в двадцатом веке, где бы они ни были, является... он даже не мог решить кем.

Возможно, конечно, что такой человек, сознание которого тесно связано только с той реальностью, которую он знал, мог бы быть очень полезным и вернуть их в привычный ему мир.

Мог бы!

Кенлон нахмурился. У них далеко не такие радужные перспективы.

— Во-вторых,— продолжал Джонс-Гордон,— нам нужно попасть на этот остров, так как *там* находится машина времени, с помощью которой они перенесли «Морского змея» *сюда*.

Он указал на бескрайний океан и скривился.

— В-третьих,— бесстрастно продолжил он,— тот факт, что они сочли необходимым перенести боевую машину из другого времени, чтобы осуществить геноцид и разрушить подводный город, говорит о том, что наша подводная лодка — величайшее оружие, которому нет равных в 24 999 году от Рождества Христова.

Джонс-Гордон взглянул на Кенлона:

— Вы согласны с этим?

Кенлон колебался. Это была здравая мысль. И первый помощник вынужден был признать это.

— По крайней мере, они умеют делать классную броню,— задумчиво, как бы взвешивая каждое слово, произнес он.— Трехфунтовый снаряд не мог даже поцарапать металл, прикрывающий их лампу. Конечно, Неммо сказал мне, что хозяева использовали металл одинаковой толщины во всех своих сооружениях. Смею предположить, что как бы он ни был прочен, он не устоит против наших торпед.

Джонс-Гордон кивнул. На его загорелом лице отразилось удовлетворение.

— У нас на борту, мистер Кенлон, находится сорок восемь самых мощных снарядов, изобретенных человечеством. Думаю, мы будем иметь преимущество в любой ситуации.

Кенлон покачал головой.

— Не стоит недооценивать людей, которые могут построить машину времени, сэр. По моему мнению, слабость этих крыла-

тых людей не в их разуме, а в материалах, вернее, в отсутствии их. Возможно, у них нет возможности добывать ресурсы, у них нет ничего, кроме их летающего дома. Полагаю, что это ограничение не относится к рыболюдям, и поэтому они так опасны для крылатых людей. Нужно подчеркнуть, что тот экземпляр, который мы видели, был сверхчеловеком во всех смыслах. Он...

Кенлон остановился, пораженный страхом, прозвучавшим в его собственном голосе. Ему показалось, что огонь разнесся по всему его телу. Он одернул себя и закончил довольно спокойно:

— Птицелюди не имеют снаряжения, чтобы добраться до рыболюдей, но обратная ситуация вполне возможна.

Джонс-Гордон ответил не сразу. Он стоял, глядя в море. Его решительное лицо оставалось бесстрастным. Кенлон заметил обреченность, появившуюся в его взгляде. Командир субмарины ответил очень тихо:

— Если дело обстоит так, как описал этот птицечеловек, тогда мы, с точки зрения Флота Соединенных Штатов, списанное судно. Из сказанного мною вы понимаете, что я не доверяю их обещанию вернуть нас обратно в наше время, после того как мы выполним их нелепое требование. Думаю, нас можно оправдать, ведь мы пропащие люди и поэтому свободны от всяких предрассудков и тревог, свойственных тем, кто еще на что-то надеется.

Он замолчал. Кенлон вздохнул про себя. Джонса-Гордона нельзя было сбрасывать со счетов. Практически, конечно, можно, но в данной ситуации его характер полностью изменился. Когда-то очень давно капитан-лейтенант смирился со смертью. Это сделало его бесстрашным, хладнокровным и спокойным в бою — отличным командиром.

Теоретически можно предположить, что все люди, отправляющиеся в море на подводных лодках, должны заранее смириться с мыслью о смерти. Но они почему-то не соглашались с уготованной им долей. Во всяком случае, Кенлон не мог привыкнуть к смерти. Во время боя его нервы натягивались, как струны. Его разум оставался холодным, как металлические листы обшивки подлодки, на которой он служил. Но его спокойствие было искусственным спокойствием тренированного солдата, который делает свою работу.

Он боялся смерти. Иногда по ночам он просыпался в поту от кошмара, от одного и того же видения, что они затонули и вода безостановочно льется внутрь, затопляя лодку.

— Значит, вы не намерены совершить то, ради чего крылатые люди перенесли нас сюда?

Ответ был холодным и сокрушительным по своей логике:

— Флот Соединенных Штатов не вмешивается в локальные войны, несмотря ни на какие обстоятельства. Наша субмарина подчиняется приказам генерального штаба и защищается в случае нападения.

— Здесь есть только одна группа, о которой можно сказать, что она на нас напала. Мы...

— Земля! Прямо по курсу, сэр!

Одного взгляда Кенлону было достаточно. Они приближались к небесному острову.

* * *

Невооруженным глазом можно было увидеть расплывчатый контур громадной пирамиды, возвышающейся над морем; ее верх терялся в облаках. Но посмотрев в бинокль, Кенлон увидел, что эта... гора... находилась, по крайней мере, в пятидесяти, может быть, в семидесяти пяти милях от них.

Она была примерно такой же формы, как ее нарисовал Неммо в первый день своего пленения, только склоны ее не казались такими крутыми. По форме они явно были треугольными и поднимались вверх под таким углом, чтобы обеспечить основание для здания, почти полностью скрытого за шапкой кучевых облаков.

Вдалеке, впереди по курсу, по которому следовала подводная лодка, начинался дождь. Гора потемнела. Когда через час дождь закончился, Кенлон сбросил плащ и продолжал следить за тем, как оплот крылатых людей приближается, все четче вырисовываясь в тумане.

До горы было еще довольно далеко, но просвет между ее основанием и морем можно было хорошо разглядеть, по крайней мере, в бинокль. Теперь первый помощник ясно видел, что гору венчало здание. Расстояние скрадывало все признаки жизни. Мертвенность, чуждость, *невероятность* окружающего, усилили тревогу, снедавшую Кенлона.

«Наступило время,— мрачно подумал он,— забыть дружбу с крылатым человеком, приятельское расположение, которое он испытывал к тихому и спокойному Неммо, возникшее за время их тесного общения в течение месяца, и вспомнить, что подводная лодка Соединенных Штатов насильственно перенесена в странный мир, имеющий какую-то „иную“ основу».

Здесь необходима холодная объективность и преданность долгу — качества, так выгодно отличающие Джонса-Гордона, и никакой слабости. И все же...

Так ничего не решив, он снова поднял бинокль и стал исследовать основание горы. Со своей точки обзора он не мог точно определить, что находилось в воде под пирамидой, но там явно что-то происходило. Один из предметов в форме торпеды имел такую длину и выглядел таким зловещим, что Кенлон почувствовал, как холодок пробежал у него по спине.

Первый помощник колебался, не зная, какое ему следует принять решение. Капитан-лейтенант спал. На их субмарине, впрочем, как и на всех остальных, наиболее важные решения принимал командир, и у Кенлона выработалась привычка оставлять все основные решения Джонсу-Гордону.

Первый помощник одернул себя. Они находились в опасных водах. И уже одно это было веской причиной подготовить корабль к бою.

— Всем спуститься вниз,— приказал Кенлон. Люди гурьбой бросились выполнять приказ. Кенлон позвонил офицеру, ответственному за погружение:

— Гэгнон, откройте кингстоны на носу и главные балластные цистерны на корме.

— Есть, открыть кингстоны на носу и на корме, сэр.

Вода с журчанием хлынула в баки. «Морской змей» медленно стал погружаться, и морские волны захлестнули его палубы. Вода поднялась до основания рубки, но не выше. Звук льющейся воды сменился шипением воздуха, выдавливаемого из них. «Морской змей» несся по серому океану, задраив все выходные отверстия. В течение нескольких секунд он заполнил свои цистерны. Когда Джонс-Гордон поднялся на мостик, судно уже было готово к погружению.

— Я надеюсь, сэр, что вас разбудил не шум воды,— приветствовал его Кенлон.— Я приказал...

Рассказав об объектах в воде под небесным островом, он закончил:

— Сейчас, когда мы двигаемся у самой поверхности, их труднее рассмотреть, но они все еще видны.

В течение минуты Джонс-Гордон напряженно смотрел в его бинокль. Наконец он вновь повернулся к первому помощнику:

— Идите вниз и спросите нашего пленника, что это такое.

Кенлон отправился выполнять приказание.

Неммо хмурился, пока Кенлон писал свой вопрос. Прочитав написанное, Неммо резко захлопал крыльями, выдавая охватившее его волнение.

— Несколько посланцев, таких же, как я, были направлены в различные периоды времени,— написал он ответ первому по-

мощнику.— Возможно, некоторые из них оказались более успешными, вернувшись назад с военными машинами из других эпох, хотя нет никаких исторических записей о подводных лодках, которые использовались после двадцатого века в военных целях. Только подводные лодки, как мне кажется, могут уничтожить города плавающих людей.

Глава 7

Часом позже, когда субмарина легла в дрейф в миле от большого судна, Кенлон получил возможность изучить таинственный корабль. Он был не менее тысячи футов в длину и полностью покрыт металлической обшивкой. Чуть подальше находились корабли меньшего размера. Кенлон обеспокоено разглядывал их в бинокль, когда услышал слабый всплеск.

Резко обернувшись, он увидел двух гигантов и крикнул:

— Тревога!

Выхватив пистолет, он метнулся к Джонсу-Гордону, но было уже поздно. Все произошло невероятно быстро. Огромные руки одного из чудовищ схватили капитан-лейтенанта, прежде чем тот смог отпрянуть от ограждения палубы. Его буквально сорвали с места. Сильный всплеск, затем бульканье и дорожка пузырьков!

Кенлон увидел три тела, скользящих на глубине двадцати футов от поверхности. Потом что-то сверкнуло, и похитители с капитаном исчезли в глубине.

Первый помощник выстрелил, но было уже поздно. Четыре выстрела и сопровождающие их всплески гулко отозвались эхом во влажном воздухе. Затем все стихло, кроме неугомонного шума волн. Двигатели остановились. Подводная лодка развернулась под нависающей, парящей над ней горой.

— Боже милостивый! — охнул рулевой, стоявший в пяти футах от Кенлона. Выпучив глаза, он уставился на темное море.

Кенлон обрел наконец способность двигаться. Еще некоторое время он стоял, приходя в себя от потрясения, а затем, внезапно осознав, что отныне все зависит от него, вернулся к жизни.

Первое, что пришло ему в голову,— приказать погрузиться под воду и начать преследование похитителей капитана. Но он тут же понял, что ничего глупее и придумать нельзя. Кенлон замер, задумавшись. Он позволил окружающей его реальности захватить себя: монотонный шум волн, резкие соленые запахи моря, надвигающаяся громада небесного острова и странные корабли, непривычных очертаний. Все это вместе сильно воздей-

ствовало на его органы чувств, впитывалось ими, как ненасытной губкой. И наконец до него дошло, что случилось. Теперь он знал, что необходимо предпринять.

Если спасти капитана невозможно, то несомненно — «Морской змей» не должен подпускать к себе на борт ни рыбу, ни человека, ни любую другую тварь из этого серого океана. Субмарина должна достичь города людей-рыб раньше похитителей. Какую бы цель ни преследовали морские твари, схватив капитана, их намерения следует пресечь, добравшись первыми до конечной цели похитителей.

Кенлон вынул телефон из водонепроницаемого чехла и вызвал рубку управления.

— Малый вперед оба двигателя, мистер Крейг.

— Есть малый вперед оба двигателя, сэр!

Турбины загудели. «Морской змей» медленно двинулся вперед. Кенлон повернулся к рулевому:

— Дуроски, обойдите это судно. Держитесь на расстоянии. Крейсируйте по кругу в ожидании дальнейших указаний.

Неприятное чувство охватило Кенлона. Мысль о том, что Джонс-Гордон мертв, сжала тисками его сердце. Но его мозг лихорадочно работал, нервы были натянуты, все тело напряжено,— однако, как и раньше, железное требование долга победило шок и боль.

«Морской змей» продолжал двигаться. Ни один рыбочеловек не мог теперь ни догнать его, ни вскарабкаться на борт. Пора было сделать следующий шаг, но сначала...

Кенлон снова воспользовался телефоном. На этот раз он вызвал Теддерса.

— Разбуди Бенни, Дэн, и немедленно пошли его на мостик,— приказал он мрачным голосом.

— Где командир? — недовольно спросил Теддерс, выбравшись из люка.— Я думал, он здесь. Что это были за выстрелы?

Выражение лица Кенлона, должно быть, поразило моряка. Глаза его расширились, и он дико уставился на мрачное, фантастическое видение небесного острова.

Кенлон ждал, пока лейтенант Бенджамен поднимется на мостик. Второй помощник быстро огляделся. Его взгляд задержался на парящей в небе горе, скользнул по торпедовидной машине и странного вида кораблям, сгрудившимся под ней, затем он повернулся к Кенлону. Он отдал честь и выжидающе уставился на нового капитана.

— Дуроски! — позвал Кенлон. Рулевой отдал честь.

— Да, сэр.

— Расскажи мистеру Бенджамену и мистеру Теддерсу, что случилось с капитаном. Оставайтесь в полной готовности. Я спу-

щусь вниз, чтобы узнать курс у Неммо,— с этими словами Кенлон нырнул в люк.

Он застал Неммо, с удивлением изучающего номер «Таймс».

Кенлон не стал записывать свой вопрос. Он задал его устно, на языке крылатых людей и, скорее всего, его поняли, так как Неммо, пристально взглянув на первого помощника, отрицательно покачал головой.

— Мне очень жаль,— сказал по-английски крылатый человек.— По вашему волнению я понял, что, вероятно, что-то случилось. Но мой долг — привести вас к нашему городу. Через несколько минут один из моих товарищей установит контакт с вами. Не знаю почему, но наш Совет запретил нам сообщать местоположение подводного города, пока он не даст разрешение, а мы всегда неукоснительно следуем приказам. Если по какой-то причине ситуация изменится, я дам вам знать.

Несколько минут уговаривал пленника первый помощник, но тот так и не переменил своего решения.

Усилием воли Кенлон заставил себя успокоиться. Он стоял, закусив губу, и пытался придумать способ, с помощью которого можно было бы вытянуть из Неммо координаты подводного города. Еще он пытался убедить себя, что спешка не так уж необходима. Почему-то ему казалось, что рыболюди живут на значительном расстоянии отсюда. «Морской змей» может делать тридцать узлов в час, двигаясь над водой, и, если не возникнет никаких непредвиденных задержек, локатор легко сможет проследить двух похитителей, движение которых было замедлено хотя бы потому, что они транспортировали безжизненное тело капитана.

Маленькая глубинная бомба, выпущенная из торпедного аппарата, сделала бы все остальное. Все еще размышляя, Кенлон неожиданно осознал, что Неммо что-то говорит.

— Что произошло? — спросил крылатый человек.

Кенлон колебался с ответом. У него было несколько причин скрывать смерть командира. Они частично основывались на мнении Джонса-Гордона, что крылатые люди их враги,— утверждение, с которым Кенлон был не согласен, но которое как младший по званию не имел право оспаривать. К тому же первый помощник не хотел, чтобы у Неммо, а затем и у других представителей его народа возникла мысль, что офицеры и экипаж «Морского змея» теперь на их стороне.

Как заявлял капитан-лейтенант, флот Соединенных Штатов не принимает участия в локальных войнах.

Тем не менее рыболюдям для чего-то понадобилось тело Джонса-Гордона, иначе они не взяли бы его с собой. Крылатые люди

могут знать, что это за цель. Внезапно решившись, Кенлон описал нападение, которому они подверглись. Когда он закончил, Неммо обеспокоено посмотрел на первого помощника.

— Я не знаю, что они собираются делать с мертвым телом,— медленно проговорил крылатый человек.— Что вы намерены предпринять?

Кенлон объяснил. Крылатый человек долго молчал.

— А что вы собираетесь делать со мной? — наконец спросил он.— Держать меня на борту или освободить?

Кенлон усмехнулся, почувствовав едкое чувство поражения, и подумал, что, скорее всего, невозможно будет убедить Неммо передумать и помочь им. Его внешнее сходство с человеком создавало впечатление, что это существо придерживается общепринятых норм морали и обладает лишь некоторыми негативными чертами характера. Однако Неммо казался более живым, когда они только захватили его. Теперь он держался холоднее и отчужденнее. Необходимо постоянно помнить о том, что он не человек.

Однако не оставалось сомнений в его поразительной силе воли. Человек, который так рисковал, не даст слабину, если решит чего-то не говорить. И все же Кенлон не мог принять отказ, в каком бы виде тот ни был высказан. Он проигнорировал вопрос Неммо и быстро сказал:

— Ответь мне, как далеко мы от города рыболюдей?

Его слова, должно быть, содержали слишком много фонетических ошибок, потому что Неммо, не понял вопроса. Неожиданно Кенлон осознал, что в течение нескольких минут они разговаривали друг с другом лишь с незначительными заминками.

— Знаешь, Неммо, последнее время мы не так уж плохо стали понимать друг друга,— он остановился, нахмурившись.— Что ж, почему бы и нет? У нас было триста часов непрерывных занятий, к тому же нам никто не мешал.

Первый помощник замолчал, вспомнив о цели разговора. А потом он повторил свой вопрос, на этот раз сделав ударение:

— Как далеко... до их города?

Крылатый человек не ответил. Он сидел задумавшись, будто размышляя о решении проблемы, о которой Кенлон не знал. Наконец он печально покачал головой:

— Лейтенант, будь моя воля, я бы с радостью дал вам эту информацию. Однако у меня вызывает беспокойство тот факт, что сейчас вы не готовы атаковать подводный город. К тому же существует Совет. Он запретил передачу сведений, относящихся к расположению подводного города. Запрет, как я уже говорил, касается всех крылатых людей. Мы не имеем права нарушать решения Совета.

Показывая, что разговор закончен, крылатый человек взял номер «Таймс», который читал прежде, и добавил:

— Еще одно предупреждение! Когда прибудет посланец из нашего города, скажите ему, что кожух переносных ламп нужно привести в порядок, прежде чем ваш корабль встанет на якорь.

Кенлон ничего не ответил. Первый помощник чувствовал страшную усталость, словно вынужден был долго толкать в гору неподъемный камень. Он направился к люку, ведущему на капитанский мостик, но задержался, чтобы выпить чашку кофе и проглотить пончик. Тут к нему подбежал матрос:

— Мистер Кенлон, сэр, Бенджамен просил передать вам, что с одного из кораблей взлетел какой-то аппарат. Он направляется прямо к нам.

Через тридцать секунд Кенлон уже стоял на палубе.

Глава 8

Снаружи все было по-прежнему, если не считать того, что изменилась точка обзора. «Морской змей», обходя большое судно по кругу, зашел с другого его конца. Недалеко оказался ярко-красный корабль, значительно уступающий в размерах субмарине. Это было узкое судно с высоко выступающей над водой палубой, которую полностью закрывал прозрачный купол. Очевидно, именно с него поднялся летающий аппарат.

Он двигался очень медленно, со скоростью не меньше трех, но не больше пяти узлов в час. Между ним и «Морским змеем» было не более мили. Кенлон уже мог различить фигуры людей, сидящих внутри аппарата.

Это зрелище вызвало у него целый взрыв эмоций. Неожиданно Кенлон осознал всю необычность этого момента, невероятность происходящих с ними событий.

Ужасная смерть совсем недавно настигла Джонса-Гордона... Волнение и страх исчезли. Интерес первого помощника к летящему аппарату ослабел, и он повернулся к двум офицерам.

— Дуроски рассказал вам о командире? — поинтересовался он бесцветным голосом. Они кивнули. Оба были бледны.

— Вы можете рассчитывать на нашу преданность, сэр,— объявил Бенджамин, отдав честь.

Лицо Дэна Теддерса застыло в злобной гримасе. В чертах его не было и следа свойственного ему легкомыслия.

— Надеюсь, сэр, вы угостите этот подводный город нашими торпедами! — выпалил он.

Кенлон не ответил. Этот вопрос... Ненависть, звучащая в каждом его слове, сначала покоробила, а затем рассердила первого помощника. Он со страхом понял, что даже не думал о нападении на город. Нахмурившись, он заставил себя сосредоточиться на приближающемся аппарате. Пока Кенлон разглядывал таинственный механизм, его посетила странная мысль: по его предыдущим расчетам, угроза исходила только от большого судна. Но оно оставалось совершенно безжизненным, а первые признаки жизни подал один из меньших кораблей.

Было бы разумно изучить не только тысячефутового гиганта, но и другие суда. Кроме того, их экипажи, приняв в расчет небольшой размер «Морского змея», могут недооценить его мощь и попытаться напасть. Хотя три хорошо запущенные торпеды его субмарины способны потопить любой из этих кораблей.

Всего в тени летающей горы дрейфовало пять судов, и ни одно из них, совершенно очевидно, не принадлежало двадцатому веку. Одно из них, находящееся на большом расстоянии, Кенлон с трудом мог рассмотреть. Внешне оно напоминало обыкновенную подводную лодку, имеющую форму торпеды, низко сидящей в воде. Видимая ее часть имела около ста футов в длину. У Кенлона создалось впечатление, что большая часть корабля находится под водой и на самом деле он гораздо длиннее.

Три из оставшихся четырех кораблей имели не более ста футов в длину. Но все они разительно отличались друг от друга. Один, голубого цвета и обтекаемой формы, выглядел очень чистеньким. У второго на палубе стояли две сверкающие башни, поднимавшиеся, словно мачты, на невероятную высоту. Третий имел форму шара примерно восьми футов в диаметре и сидел очень высоко в воде. На гладких бортах его не было видно ни одного иллюминатора. Он лежал на воде, словно тускло сверкающий мяч.

Последним был ярко-алый корабль с высоко поднятой над водой палубой, с которой стартовал летающий аппарат.

— На какое расстояние мы их подпустим, сэр? — спросил лейтенант Бенджамен, стоящий за спиной Кенлона.

— Что? — переспросил Кенлон.

Он повернулся и посмотрел на воздушный челнок, находящийся уже примерно в двух сотнях ярдов от них. Его удивило, что тот движется так медленно, но удивление быстро прошло, когда до первого помощника дошел смысл вопроса Бенджамена. Он повторил его про себя. «На какое расстояние мы их подпустим?»

Откровенно говоря, он даже не подумал, что это может представлять опасность.

— По моему мнению, сэр,— сказал Теддерс,— эти люди с нами в одной связке. Их притащили сюда точно так же, как нас. Не думаю, что стоит воевать с нашими потомками — или это наши предки?

«Точно!» — подумал Кенлон, но не произнес этого вслух. Челнок находился уже в сотне футов от них; и на его носу стоял высокий офицер в униформе. Не было времени для размышлений или колебаний.

— Мистер Теддерс, дайте предупредительный залп из зенитки,— скомандовал Кенлон.— Мистер Бенджамен, объявите общую тревогу, поставьте десяток вооруженных людей на палубу и прикажите снизить скорость до четырех с половиной узлов.

Кенлон едва слышал, как подчиненные отработали его приказы. Он вдруг осознал всю глупость подобных предосторожностей. Воздушная лодка уже находилась в нескольких футах от командной рубки. Люди в ней были ясно видны. Их было семеро; и все они оказались женщинами.

Летающий челнок медленно подлетел к мостику и пришвартовался к нему. Его палуба оказалась выше ограждения палубы субмарины, и женщина, стоявшая на носу, нависшем над Кенлоном, оказалась над ним.

Поскольку первый помощник смотрел снизу вверх, ему показалось вначале, что именно из-за этого незнакомка кажется ему такой высокой. Но затем он увидел, что дама и в самом деле высокая — пять футов... девять дюймов... нет, пожалуй, шесть футов...

Форма из толстого шелкового материала сидела на незнакомке, словно влитая, и хотя выглядела очень женственно, с первого взгляда было ясно, что это военная форма. Да и сама женщина по выражению лица и манере держаться выглядела настоящим офицером. В ее голосе, когда она заговорила, отчетливо звучали командные интонации. Она произнесла по-английски:

— Приветствуем двадцатый век.

Кенлон вздрогнул. Английский. Со странным акцентом. Но все-таки это английский! Волнение, которое первый помощник испытал раньше при первом столкновении с миром будущего, и, казалось, исчезнувшее под влиянием последних событий, вновь охватило его.

Его разум, отягощенный множеством забот, вновь стал ясным и острым. Внезапно страшная смерть Джонса-Гордона открылась ему совершенно иной стороной — она могла оказаться прискорбной случайностью, подстерегающей любого военного в бою.

Он осознал жестокость своего отношения к несчастному капитану, печальную жестокость военных будней, закаливших его и заставивших отодвинуть смерть друга и командира на второй

план. Однако реальность диктовала свои условия, и события разворачивались уж слишком стремительно. И все, что оставалось, это...

Он находился здесь: Уильям Рейнор Кенлон, американец, здесь, в 24 999 году от Рождества Христова. Он был командиром одной из самых мощных военных машин середины двадцатого века, атомной подводной лодки, несущей на борту двадцативосьмидюймовые торпеды, субмарины, снабженной зенитками для отражения атак с воздуха и подводным катером, предназначенной для боевых действий под водой в течение сколь угодно долгого времени, и оснащенной такой плотной броней, что теоретически она могла погрузиться на глубину восьмисот футов.

Женщина снова заговорила, на этот раз на языке крылатых людей, с ноткой раздражения в голосе:

— В чем дело? Вы не понимаете американский? Вы один из варваров-неамериканцев того времени?

Кенлон не смог удержаться от смеха. Если люди грядущих столетий так говорят, то понятно, кто выиграл все войны, происходившие после Второй мировой.

— Прошу прощения, мадам,— ответил он по-английски.— Я был поражен тем фактом, что вы действительно говорите по... американски... и...

Он остановился, удивленный собственными словами. В течение месяца первый помощник жил в чужом мире, который был ему еще более чужд из-за того, что он не мог общаться с населяющими его людьми. Правда, он все же изучил их язык. Возможность установить контакт еще больше увеличила пропасть между двумя видами мыслящих существ.

А теперь он встретил почти что соотечественников. Из какого века они прибыли, не имело значения. Их эпохи находились достаточно близко, так как язык все еще сохранил общие черты, но все же достаточно далеко, так как в его времена неамериканский мир вовсе не был варварским, да и язык назывался английским...

Кенлон уже собрался ответить незнакомке, но прежде чем он успел что-то сказать, молодая женщина вновь заговорила:

— Меня зовут Дорилея. Я лейтенант гвардии джоанн, сопровождающих Сессу Клен к ее брачному ложу. Могу я взойти на борт вашего судна?

Кенлон смутно уловил смысл последней фразы. Он попытался сосредоточиться на том, что она сказала, и не сразу понял, что странные слова, которые она употребила, не имеют значения для понимания сути дела. Перед ним были женщины-солдаты, которые сопровождали другую женщину, очевидно важную персону,

к месту ее свадьбы. Первый помощник еще не избавился от этих мыслей, когда вник наконец в смысл последней фразы женщины. Одновременно он понял, что она не ожидает его ответа, а восприняла его молчание как знак согласия.

Амазонка легко спрыгнула на мостик, и оказалось, что она ростом с Кенлона. Широко улыбнувшись, женщина продемонстрировала свое дружелюбие. У нее были светло-карие глаза, твердо очерченные губы и лицо слишком длинное, но с приятными чертами.

— Мы узнали о вас больше недели назад. Нам кажется, что только ваш корабль отвечает требованиям крылатых людей.

Она с любопытством оглядела палубу, затем заглянула в люк:

— Так значит, это настоящая подводная лодка. Я видела такую только один раз в музее великого города Клен и...

Несмотря на неподдельный интерес к ее словам, Кенлон вынужден был ее перебить:

— Что вы только что сказали... Вы знаете о нас уже неделю?

Женщина наградила Кенлона пренебрежительным взглядом. Казалось, она мгновенно поняла, что он имеет в виду:

— У вас на борту крылатый человек, не так ли?

— Да.

— Он связывался...— женщина-офицер остановилась, подбирая слова,— ...с помощью кедлед-волн со своим начальством в течение месяца, но только к концу прошлой недели я смогла понять важность того, о чем они говорили.— Помолчав, она добавила: — Мы нашли подобный кедлед-прибор у крылатого человека, который находился на нашем корабле. Он был спрятан в его одежде.

«Неммо, хитрый дьявол... Но это уже не имеет значения»,— подумал Кенлон в следующий момент.

— Могу я спуститься вниз? — спросила женщина. Кенлон даже не задумывался над ответом.

— Нет,— отчеканил он.

Женщина, казалось, не обиделась, получив отказ.

— Тогда мы будем рады принять вас на нашем корабле,— объявила она.— Может быть, позже вы позволите нам посетить ваш.

Кенлон про себя усомнился — пускать незнакомцев на свой корабль было бы неразумно. Но приглашение — если это было приглашение — никак не укладывалось у него в голове. Волнение затуманило его мозг. Он непонимающе уставился на женщину.

— Сейчас?

— Конечно, сейчас! — подтвердила лейтенант.— Сесса Клен желает говорить с вами.

Кенлон попытался представить, что его ждет на чужом корабле, но его разум не мог справиться с этой непосильной задачей.

Впрочем, приглашение хотя и прозвучало неожиданно, не вызвало у первого помощника неприятного чувства. Кенлон смутно осознавал, что не вправе отказываться.

Наконец он решился.

Чем скорее он разберется в ситуации, тем лучше.

Он повернулся к Бенджамену и объявил:

— Лейтенант, вы принимаете командование, пока меня не будет. Ни под каким предлогом никого не пускайте на борт.

— Боже мой, сэр, вы пойдете один?.. Прошу прощения, капитан.

— Все в порядке,— отмахнулся Кенлон. Он подошел ближе к Бенджамену и убедительно проговорил: — Двое будут в большей опасности, чем один, не так ли?

— Вы правы, сэр, но почему бы не послать кого-нибудь другого?

Предположение, что вместо него может пойти кто-то другой, ошеломило Кенлона. Нет, он никому не уступит возможность встретиться с людьми из других эпох! Тем не менее он постарался подвести к этому рациональный довод.

— Лейтенант,— продолжал он,— вы знаете, что мне предстоит принять решение?

— Не понимаю, к чему вы клоните, сэр,— признался тот.

— А для того чтобы принять правильное решение, необходимо верно оценить ситуацию, правильно?

— Понимаю.

— Вот именно, лейтенант. Поэтому мне самому необходимо побывать на корабле этих дам, а если вы узнаете, что со мной что-то случилось, командование ляжет на вас. Я буду держать с вами связь.

— Ну...— с сомнением протянул Бенджамен.

Кенлону этого было достаточно.

— Я иду,— громко заявил он.— Это решено. Вы поняли, что никого нельзя пускать на борт?

— Да, капитан.

Кенлон еще раз повысил голос, чтобы его могла слышать и женщина:

— Если кто-нибудь попытается шантажировать вас, предлагая сделать что-то в обмен на мою жизнь, говорите однозначно — нет. Не торгуйтесь. Ясно?

Бенджамен отдал честь.

— Конечно,— сказал он. По его тону было ясно, что он все понял.

Кенлон обратился к женщине:

— Вам придется подождать здесь несколько минут, пока я приготовлюсь.

Спустившись вниз, первый помощник быстро собрал вещи: личное оружие, маленький двухканальный передатчик и компас. Затем вымыл лицо и руки, захватил бритвенный прибор и поднялся наверх. Через минуту он уже поднимался на борт воздушного судна.

Кенлон почувствовал напряжение, но это было лишь доказательством того, что они тронулись с места. Он оглянулся. Между челноком и подводной лодкой полоса воды увеличивалась все больше.

Глава 9

Минут через двадцать Кенлон заметил, что женщина-лейтенант тревожно смотрит куда-то влево. Она перехватила взгляд первого помощника.

— Тот корабль,— пояснила она,— движется в нашем направлении. Думаю, они собираются перехватить нас.

Кенлон повернулся. Он увидел судно с двумя металлическими сооружениями на палубе, высота которых совершенно не соответствовала длине корабля. Оно направлялось к ним со скоростью, которая могла сравниться, как определил Кенлон наметанным взглядом, со скоростью эскадренного миноносца.

Судно должно было столкнутся с воздушном челноком примерно через четверть мили.

Кенлон посмотрел на предводительницу джоанн. Указав на приближающийся корабль, он предложил:

— Поднимитесь выше.

Женщина, следившая за кораблем сосредоточенным взглядом, покачала головой.

— У нас возможности очень невелики,— объяснила она,— поэтому мы никогда никому не пытались причинить вред. Мы можем подняться только на сотню футов.

Поскольку высота «мачт» странного судна достигала восьмидесяти футов, Кенлону казалось, что летающий аппарат может пролететь над ними, даже с запасом.

— Поднимайтесь,— скомандовал он.

— Думаю, они нас собьют...— начала было лейтенант, но остановилась. Затем она покачала головой и строго заявила: — Мистер Кенлон, я командую на этом судне. Надеюсь, вы не станете нам мешать?

С таким аргументом Кенлон не мог спорить. Он молча смотрел, как два судна движутся навстречу друг другу. Он слышал, как лейтенант отдала приказание одной из джоанн, и та стала переключать что-то на панели управления, перед которой стояла. Неожиданно передний двигатель воздушной лодки заглох, и она медленно затормозила. Кенлон и Дорилея прошли на нос к краю палубного ограждения.

Кенлон наблюдал, как на другом корабле открылась дверь и из нее вышли двое мужчин в купальных костюмах. Один из них держал у рта маленький прибор. Странный корабль подошел вплотную, затем дал задний ход и остановился. Очевидно, движение судна обеспечивалось не винтовой тягой. Иначе оно не могло бы так быстро остановиться. Второй человек вышел вперед. Кенлон заметил нечто похожее на провод вокруг его шеи, прикрепленный к маленькому черному круглому предмету возле уха. Человек поднял его и что-то сказал. Сразу же вслед за этим громкоговоритель на одной из башен обратился к ним на языке, показавшемся Кенлону очень знакомым. Правда, поначалу он не понял ни слова.

— У него есть радиопереводчик,— заметила Дорилея, стоявшая за спиной Кенлона.— Отлично.

Она повысила голос и ответила.

Разговор продолжался несколько минут. Кенлон заметил, что лейтенант была чем-то обеспокоена, а мужчина настойчив. Кенлон дернул ее за рукав.

— Что ему нужно?

— Вы.

Кенлон изумился:

— Зачем?

Человек на другом судне замолчал, а Дорилея сообщила:

— Его имя Роберст. Если использовать летосчисление вашего времени, он и его товарищ из 6842 года от Рождества Христова. По их мнению, мы — я и мой отряд — получили преимущество перед другими людьми из прошлого, захватив вас в плен.

Лейтенант говорила неохотно. Кенлон бросил на нее испытующий взгляд. Он не сомневался, что те двое из 69 века правильно поняли намерения Дорилеи.

— Они настаивают, чтобы я позволила им поговорить с вами,— сказала она сердито. Кенлон был заинтригован.

— Почему бы и нет?

— Кто знает, что у них на уме? — фыркнула женщина-офицер.

Как казалось Кенлону, ее сомнения касались скорее первого помощника.

— Мы все стоим перед одной и той же проблемой — мы хотим вернуться домой,— начал он.— Никто не собирается рисковать.

Мужчины на палубе внизу, очевидно, потеряли терпение. Один из них что-то резко крикнул. Амазонка покорно ответила и повернулась к Кенлону.

— Это яхта, но у них есть оружие, более мощное, чем наше. Я сказала им, что они могут говорить с вами в течение получаса.

— Почему вы не пойдете со мной?

Лейтенант сердито ответила, что хотела бы сопровождать Кенлона, но ей отказали, вероятно, потому что не доверяют.

Кенлону пришло в голову, что он испытывает по отношению к ней то же самое чувство, но ничего не сказал. Он увидел, что воздушное судно вплотную приблизилось к кораблю, с палубы которого вверх вытянулась лестница. Она зависла в воздухе в ожидании, пока планшир воздушной лодки коснется ее. В момент соприкосновения корабль сравнял скорость своего движения со скоростью летающего аппарата. Лестница громко звякнула по металлу. Первый помощник спустился по ней, благополучно достиг палубы и с любопытством огляделся. Яхта!

Он бы предпочел остановиться, осмотреть башни, исследовать двигатели и задать кучу вопросов, но более высокий из двух мужчин — Роберст — указал на открытую дверь. Потом он произнес фразу в микрофон, а радиопереводчик через громкоговоритель, который минутой раньше говорил на языке клен, объявил по-английски: — Сюда, мистер Кенлон.

Внутри яхты все было залито солнечным светом. Стены, которые снаружи казались непрозрачными, изнутри выглядели так, будто состояли из стекла. Казалось, первый помощник находился не внутри корабля, а снаружи. Некоторые преграды для обзора все же имелись, но это были выпуклости и ниши самого судна.

Обстановка состояла из мебели, которая вполне бы подошла для комфортабельной гостиной. Это удивило Кенлона. Впрочем, он сам точно не мог сказать, что ожидал тут встретить. Увидев кресла и диваны, он подумал: ну конечно, что же еще! Ведь в 6842 году люди не лишились рук и ног. Им хочется сидеть, лежать, спать и есть и, очевидно, все еще нравится рыбачить. На самом деле, разница между людьми двадцатого и шестьдесят девятого века оказалась не такой уж большой.

— Садитесь,— произнес спрятанный в стене радиопереводчик.

Кенлон опустился на диван. Старший из хозяев, Роберст, также сел. Тот, что помоложе, остался стоять. Резкими чертами лица, ястребиным носом и угловатыми движениями он напоми-

нал хищную птицу. И явно сгорал от нетерпения, потому что обратился к своему компаньону:

— Позвольте, я начну.

Роберст представил его:

— Это мой товарищ, Тайнар.

Тайнар воспринял это как разрешение говорить:

— Мистер Кенлон, мы оба, так же как другие люди из прошлого, неожиданно для себя перенесенные в эту эру, находимся здесь дольше, чем вы. Половина из нас испытывает настоятельную необходимость вернуться домой. И за одним или двумя исключениями мы все пришли к согласию относительно вашей подводной лодки,— он огорченно развел руками.— Большинство из нас будет очень обеспокоено, если вы откажетесь воплотить в жизнь наше совместное решение. Конечно, вы должны изучить ситуацию, рассмотреть все за и против, но не думаю, чтобы ваш вывод относительно сложившейся ситуации сильно отличался от нашего. Итак, мы хотим, чтобы вы подтвердили, что подчинитесь решению большинства и разрушите город рыболюдей.

Роберст поднялся.

— Одну минуту,— перебил он своего товарища.— Я не думаю, что вы достаточно хорошо представляете наше положение,— он повернулся к Кенлону и быстро заговорил: — Мы бизнесмены, мистер Кенлон. У нас заканчивался отпуск, когда это...— он махнул рукой в направлении колонии крылатых людей,— ... эта ужасная вещь случилась с нами. Мы уже на три недели опаздываем к себе в офисы. Это грозит потерей нашего статуса... Теперь вы видите, что наше положение очень серьезно.

Но Кенлон так не считал. Должно быть, он что-то упустил или чего-нибудь не понимал.

Кроме того, у него возникло смутное чувство, что сам он находится в гораздо большей опасности, чем кажется.

— Почему бы вам не рассказать мне немного больше о вашей эпохе? — в свою очередь обратился к ним Кенлон.— Я не понимаю, почему опоздание в офис может иметь такие важные последствия.

Двое мужчин обменялись взглядами. Затем Тайнар, стараясь сохранять спокойствие, начал объяснять:

— Если я и мой партнер не вернемся немедленно в наше время, правительство передаст наш бизнес другим квалифицированным лицам. Мы потеряем тот доход, который позволяет нам содержать судно такого типа. Если это произойдет, мы окажемся в самом низу квалификационного списка...

Картина, которую нарисовали новые знакомые Кенлона, выглядела не слишком привлекательно. Бизнес в ту эпоху уже не

являлся собственностью какого-либо частного лица. Вести его поручали квалифицированному менеджеру, который управлял делом, извлекая определенную выгоду для себя. Однако при определенных обстоятельствах он мог потерять свою работу, и дело передавали другому управляющему, способному лучше выполнять все необходимые обязанности.

— Это так? — спросил Кенлон, изложив то, как он понимает положение своих новых знакомых.

— Да,— согласились те.

— Должен обратить ваше внимание на то,— закончил Тайнар сухо,— что цивилизация, которую мы с Роберстом представляем, основывается на гораздо больших данных и опыта у нас на пять тысяч лет больше, чем у вас. Поэтому вы должны безоговорочно повиноваться нашему решению.

Кенлон был оскорблен этим явным намеком на то, что он находится на более низкой ступени развития. Подавив свое раздражение, он спокойно заметил:

— Если следовать вашей логике, нам стоит проконсультироваться с представителями более старшей цивилизации и выяснить, что они об этом думают.

Тайнар болезненно поморщился.

— С этим отшельником? Нечего с ним говорить,— отрезал он.

— Ну, тогда вторым по старшинству.

Сидящий напротив Кенлона Роберст откашлялся и встал.

— Хорошо,— сказал он, и выражение доброжелательности исчезло с его лица, а в голосе прозвучали металлические нотки.— Полагаю, мы должны говорить прямо. Каково ваше решение? Да или нет?

Кенлон глубоко вздохнул. Он почувствовал, что настал переломный момент. Но он не мог согласиться с тем, что благосостояние двух людей является достаточной причиной для того, чтобы разрушить город, в котором живут десятки тысяч рыболюдей.

— Нет,— ответил он кратко.

Во время возникшей паузы Кенлон взглянул мимо хозяев судна на море, видимое сквозь прозрачные стены так ясно, будто не было никакой преграды. Он чувствовал, что судно медленно движется. Мгновение он разглядывал большой шарообразный корабль, который находился намного ближе к яхте, чем к «Морскому змею». Теперь он находился примерно в ста пятидесяти ярдах от них. Тем не менее на нем не наблюдалось никаких признаков жизни.

Двое мужчин приблизились к Кенлону вплотную, злобно разглядывая его.

— Командир Кенлон,— обратился к нему Роберст,— надеюсь, вы понимаете, что в этой эпохе нет никаких ограничений законом, которые мы обязаны принимать во внимание.

— Офицеры и экипаж подводной лодки «Морской змей» поступают так, как предписывают законы и правила нашего времени,— сухо заметил Кенлон.

Тайнар повернулся к своему другу и развел руками:

— Я же говорил тебе, должно пройти по крайней мере полгода, чтобы он начал что-нибудь понимать...

Оборвав себя, он повернулся к Кенлону и заявил ледяным тоном:

— Вот что я вам скажу. Сейчас как раз тот случай, когда вы должны или согласиться или умереть!

Кенлон был готов к подобного рода ультиматуму.

— Допустим, я соглашусь, а потом, когда вернусь на корабль, не выполню обещание — что тогда? — он пожал плечами.— Давайте реально оценивать ситуацию.

Тайнар напряженно усмехнулся:

— Когда вы вернетесь на свой корабль, мистер Кенлон, у вас под мышкой будет вживленная маленькая металлическая капсула, с помощью которой мы убиваем крупную рыбу. Капсулу очень трудно удалить. К тому же, если от нее пытаются избавиться, она немедленно взрывается.

— Если через сорок восемь часов после возвращения на корабль,— яростно перебил его Роберст,— вы не атакуете город рыболюдей, мы изорвем капсулу с помощью дистанционного управления. Таким образом, мистер Кенлон, я обращаюсь к вашему здравому смыслу и советую делать то, что вам говорят.

Кенлон встал и заявил холодно:

— Хорошо, крепите ко мне этот ваш рыбный крючок.— И презрительно добавил: — Мне очень хотелось бы высказать свое мнение о вас, сукины дети, но я воздержусь.

Тайнар, казалось, не слышал последней фразы. Он медленно подошел к стене, выдвинул ящик и осторожно вынул оттуда щипцы. Между зажимами что-то сверкнуло. Он поднес щипцы к плечу Кенлона.

Не глядя, он протянул одну руку к партнеру:

— Дай мне прокладку.

Роберст молча шагнул вперед и вложил плоский, гибкий предмет в протянутую руку своего товарища. Затем он отошел и стал равнодушно наблюдать за происходящим.

Тайнар протянул прокладку Кенлону и, когда тот взял ее, приказал:

— Снимите китель и нижнюю рубашку и зажмите эту штуку под правой мышкой. Я введу капсулу.

Кенлон заколебался, но Роберст поторопил его:

— Я настоятельно рекомендую использовать прокладку, капитан. Одежда не сможет защитить вас в достаточной степени. Помните, эта капсула предназначена для вживления в толстую кожу акулы или другой крупной рыбы.

Кенлон вынужден был поверить ему.

Он неохотно начал расстегивать китель. И уже вынул одну руку из рукава... когда это случилось.

Тайнар вдруг рухнул на пол рядом с ним.

Краем глазам Кенлон увидел, что Роберст тоже упал.

Они оба лежали на жестком полу, как трупы.

Из громкоговорителя раздался грохот, затем послышался мужской голос:

— Командир Кенлон, мы наблюдаем за вами с нашего корабля. Просим вас действовать быстро, потому что эти двое скоро придут в себя. Поднимитесь на палубу. Мы будем общаться с вами по верхнему громкоговорителю.

На палубе Кенлон попытался сориентироваться.

Воздушное судно подданных Сессы Клен находилось в сотне ярдов слева. Если не считать шарообразного корабля, остальные суда находились слишком далеко, и помощь исходила не от них.

Пока Кенлон напряженно ждал, в огромном блестящем металлическом шаре появилась дверь. Оттуда выдвинулось нечто вроде балкона. Трое мужчин в комбинезонах и девушка в купальнике вышли наружу.

Внезапно «балкон» отделился от корабля и заскользил по воздуху по направлению к Кенлону. Он пересек разделяющее их расстояние меньше чем за минуту и завис рядом с палубой яхты. Двое мужчин и девушка подошли к Кенлону. Третий, вероятно, пилот, остался на маленьком челноке.

Кенлон увидел, что один из двух подошедших мужчин протянул ему какой-то предмет.

— Говорите в этот микрофон,— сказал он.— Ваши слова будут переданы на наш корабль,— переведены и воспроизведены громкоговорителем.

Кенлон кивнул в знак согласия. Но его внимание привлек маленький летательный аппарат, который висел в воздухе на уровне палубы. Совершенно изумленный, он подошел к нему и протянул руку, вопросительно взглянув на молодого человека на борту. Увидев, что тот не станет возражать, Кенлон коснулся пальцем аппарата.

Металл оказался довольно теплым. Но он не ощутил вибрации — значит, в нем использовался какой-то вид механизма без движущихся деталей.

Кенлон взглянул на молодого человека, поднял микрофон и спросил:

— Как это работает?

Громкоговоритель на мачте воспроизвел его вопрос, вероятно, на языке этих людей.

Мужчина на челноке радостно улыбнулся и после секундного колебания ответил:

— Судя по всему, вы разбираетесь в технике,— и начал описывать ему принцип работы двигателя, основанный на взаимодействии сил атомов и элементарных частиц, которые за многие тысячелетия развития человеческой цивилизации были изучены досконально.

— Надеюсь, вы знаете, что некоторые ядерные частицы имеют период полураспада всего долю секунды?

Кенлон вспомнил фотопластинки со следами тонких светлых полосок. Ему было известно, что движение частиц со скоростью в несколько десятков тысяч миль в секунду возникает в результате ядерной реакции. Частица оставляла на пластинке след около восьми дюймов, и ее скорость угасала.

— Методами, основанными на изучении естественной окружающей среды,— продолжил молодой человек,— мы смогли увеличить период полураспада до одной секунды и даже больше.

«Да,— подумал Кенлон,— теперь можно оценить их достижения и возможности».

— Например,— продолжалось объяснение,— этот корабль управляется сложной системой, в которой одна частица, называемая бета Z, и ее составляющие изменены так, что имеют период полураспада в одну и три четверти секунды. Они изменяют состав окружающего их пространства, которое влияет на любой находящийся в нем предмет, например, на корабль, и тот как бы парит и свободном пространстве.

— Понимаю,— пробормотал Кенлон. На самом деле он смутно уловил суть дела, но с уважением подумал, сколько тысяч, может быть, миллионов часов исследований было затрачено на то, чтобы создать двигатель этого судна.

Один из мужчин на палубе коснулся его плеча. Кенлон повернулся, и человек из будущего заговорил в маленький микрофон:

— Мистер Кенлон, Роберст и Тайнар придут в себя через пять минут. Давайте не будем тратить время. Для начали позвольте мне представиться и представить вам моих друзей.

Девушку звали Лидадида, мужчину позади нее — Камфорэй, молодого человека в челноке — Массаганд. Высокий человек назвался Тулгоронетом и добавил, что они из эпохи Сетидиллад.

— По нашим подсчетам,— продолжал Тулгоронет,— мы примерно из одиннадцатого столетия, если применять летоисчисление двадцатого века, то есть приблизительно из 10 650 года.

Шарообразное судно на самом деле оказалось космическим кораблем, межпланетной исследовательской лабораторией, которая вернулась на Землю, сев на воду. Крылатый человек подлетел к ней, присоединил машину времени, а потом взошел на борт.

— Мы даже ничего не успели предпринять, чтобы помешать ему, и оказались здесь,— печально объяснил Тулгоронет.

Космический корабль!

Эта новость оказалась настолько потрясающей, что Кенлон в первый момент растерялся: «Человечество рано или поздно обретет все эти знания, узнает о планетах, но когда?..»

На этом его размышления были прерваны. Лидадида что-то сказала в микрофон. Кенлона поразило, что переводящая машина заговорила женским голосом, и он с интересом посмотрел на девушку.

— Лучше переместить командира Кенлона,— торопливо предложила Лидадида и взглянула прямо на первого помощника,— либо на его подводную лодку, либо на воздушный экипаж Сессы Клен.

Кенлон не стал возражать. Если они спешат, значит, есть причина. Поднявшись на борт их корабля, он указал на другие суда:

— Вы следите за всеми кораблями с помощью того самого разведывательного приспособления, с помощью которого вы наблюдали за лодкой Роберста и Тайнара?

— За всеми, кроме одного,— ответил Массаганд.— Вон то судно,— он указал вдаль,— недоступно нашей технике.

Кенлон взглянул в указанном направлении, и, когда его глаза привыкли к свету и бликам воды, увидел, что Массаганд показывает на большое судно, которое больше других по своей форме походило на его субмарину.

— Ну, вы решили? — спросила Лидадида.— Куда поедем, командир? Нам лучше поскорее уйти, пока те двое не пришли в себя.

Кенлон, чувствуя нетерпение своих спасителей, принял решение:

— Отвезите меня к... как вы его назвали? ...воздушному экипажу Сессы Клен.

Минуты через полторы его доставили к аппарату амазонок. Кенлон помахал вслед своим спасителям, когда воздушный аппа-

рат по изогнутой дуге устремился прочь, прямо к входу в ангар шарообразного корабля.

Глава 10

Обернувшись, Кенлон увидел, что джоанна Дорилея стоит у него за спиной.

— Я уже начала беспокоиться. Что им нужно было

— Они хотели, чтобы я разрушил город рыболюдей.

— Вы согласились? — быстро, с живейшим интересом спросила лейтенант.

Кенлону пришло в голову, что Клен, возможно, тоже хотят, чтобы город подводных обитателей был разрушен.

— Я сказал, что подумаю,— ответил он уклончиво.

— А люди с корабля-шара?

— Они просто хотели встретиться со мной,— сказал Кенлон.

Казалось, его слова вполне удовлетворили амазонку. Она повернулась и отдала какой-то приказ. Воздушный экипаж пришел в движение и медленно приблизился к главному кораблю Сессы Клен, ярко-красному поплавку, высоко сидящему в воде.

Вблизи ее корабль оказался на удивление большим судном, размером с хорошую яхту. Кенлон оценил его длину примерно в две сотни футов. Воздушный экипаж приземлился в специально предназначенную для него выемку на палубе.

Дорилея поспешно вышла, коротко бросив что-то высокой женщине в форме офицера, а потом махнула рукой, подзывая первого помощника. Когда Кенлон появился на палубе, она шагнула к нему:

— Нам надо спешить. Мы не имеем права заставлять Сессу Клен ждать.

Кенлон не спорил. Следом за лейтенантом он пересек два коридора, а затем спустился по длинной лестнице. Вскоре они приблизились к двери, за которой оказалось помещение, напоминавшее пассажирский салон.

В большом ярко освещенном зале вдоль стен толпились около пятидесяти женщин, одетых в красно-белые полосатые платья. Могучие джоанны — он насчитал их тридцать — стояли у дверей и двумя рядами в дальнем конце зала. Потом Кенлон проследил, куда направлены взоры всех присутствующих.

На троне между двумя рядами высокорослых стражниц сидела молодая стройная белокурая женщина в алых ниспадающих одеждах. Трон находился на возвышении, поэтому блондинка возвышалась над всеми примерно на фут.

Издали она показалась ему почти девочкой, но, проследовав за Дорилеей через весь зал и оказавшись у подножия трона Сессы Клен, Кенлон еще раз посмотрел на молодую владычицу и решил, что ей лет двадцать пять или чуть больше.

Пока он оценивал ее возраст. Дорилея отошла в сторону, уступив ему дорогу. Кенлон сделал еще несколько шагов и оказался в восьми футах от белокурой женщины, затем остановился.

Он не сразу понял, что присутствует на церемонии, целью которой является его представление.

Кенлон чувствовал себя очень неуверенно. Он не знал, как вести себя при дворе, чтобы ненароком не нанести оскорбление королевской особе.

Тем временем Сесса Клен медленно кивнула ему в знак приветствия.

Кенлон в свою очередь поклонился.

Встретив ее твердый и властный взгляд, он решил, что это достоинство — результат внутренней силы, которая исходила от нее.

Когда Сесса Клен заговорила, ее голос, низкий и немузыкальный, прозвучал сухо.

Стоявшая позади Кенлона Дорилея перевела слова своей повелительницы:

— Командир, Сесса Клен приветствует вас на своем корабле. Поскольку судно было захвачено крылатыми людьми на пути к ее брачному ложу, она требует, чтобы ваш корабль разрушил подводный город, ибо ей и ее свите нужно продолжить путешествие.

Кенлон вздохнул. Что ж, похоже, ему никоим образом не удастся избежать уготованной ему участи.

Я отказываюсь,— объявил он.

Наступила тишина. Дорплея обернулась к нему и с ужасом прошептала:

— Я не могу это перевести, командир.

По этой заминке Сесса, должно быть, поняла, что что-то не так. Она резко заговорила с лейтенантом, Дорилея покорно ответила ей. Внезапно со всех концов зала раздался всеобщий вздох, и Кенлон понял, что его отказ вызвал у присутствующих изумление, а может быть, и возмущение.

Белокурая владычица встала, явно взволнованная. Произнеся несколько фраз срывающимся голосом, она повернулась, прошла к двери и покинула зал. Какое-то время ее еще можно было видеть в коридоре, а потом она скрылась из виду.

— Сесса Клен понимает, что ваше поведение вызвано незнанием правил этикета по отношению к такой персоне, как она,— пробормотала Дорилея дрожащим голосом.— Она пожелала, чтобы я

просветила вас относительно ее положения. Только благодаря вашему невежеству ваши слова не будут обращены против вас.

Кенлон понял, что это был жест доброй воли со стороны Сессы. Однако, судя по всему, она привыкла, чтобы все ее капризы немедленно выполнялись. Первому помощнику захотелось немедленно покинуть общество Клен. Атмосфера угодничества перед власть имущими его угнетала. Кроме того, в тени города крылатых людей дрейфовали и другие корабли, которые ему следовало посетить.

Не сказав ни слова, Кенлон проследовал за Дорилеей обратно по тому же пути, по которому пришел.

Выйдя на палубу, он посмотрел на летающую гору. В его отсутствие небо снова затянуло облаками.

Кенлон подошел к ограждению и увидел три корабля, дрейфующие на значительном расстоянии. Дальше всех находилось самое большое из всех судов, перенесенных из прошлого. Прямо перед кораблем воителей застыла аккуратная голубая яхта, а чуть дальше длинное темное судно, похожее на подводную лодку, но без рубки.

— Кто они такие? — спросил первый помощник у своей провожатой.

Красивое лицо Дорилеи омрачилось.

— Никто не может установить контакт с судном, которое низко сидит в воде,— ответила она.— На голубом корабле всего один человек. Это тип из мирной эпохи, намного более поздней, чем наше время. В некотором роде он очень могущественный, но вполне безобидный. Что же до третьего корабля...

Она нахмурилась еще больше. Затем неохотно объяснила, что большое судно называется «Сегомэй-8», оно из 2852 года и его экипаж, состоящий полностью из мужчин, уже совершил несколько неблаговидных поступков по отношению к свите Сессы Клен.

— Мы не пустим вас туда,— закончила она.— Но у них есть автоматическая переводящая система, поэтому вы можете поговорить с капитаном Гэндом, если хотите.

Должно быть, по выражению лица Кенлона женщина-офицер решила, что он очень этого хочет, потому что отдала какую-то команду на своем языке. Вскоре одна из джоанн подала Кенлону маленький микрофон. Спустя некоторое время, Дорилея объявила:

— Капитан Гэнд готов говорить с вами.

Кенлон поднес маленький микрофон ко рту и сказал:

— Хэлло, капитан. Это Кенлон, командир подводной лодки.

— Так вы уже на борту корабля Сессы Клен! — донесся из динамиков приятный баритон.— Однако и шустрый же вы парень. Эй, Кенлон, скажите, эти девочки хорошенькие?

Кенлон ответил, что не заметил.

— Это не имеет значения,— фамильярно продолжал капитан Гэнд,— главное — найти способ туда проникнуть.— Помолчав, он добавил уже не так весело: — Печально, капитан, когда люди вроде нас с вами вдруг узнают, что происходят из примитивных времен, а команда из каких-то бабенок владеет более классным судном. Даже их маленькая воздушная скорлупка имеет на борту кучу всяких примочек.

— Примочек? — переспросил Кенлон. Смысл слова был понятен, но он чувствовал, что ему нужно пояснение.

— Мы попытались захватить этих баб нашим винтовым лучом,— объяснил капитан Гэнд.— И что бы вы думали? Каким-то образом они отключили наши излучатели. Мои инженеры не могут понять, как им это удалось.

Конечно, Кенлону все это было интересно, но он в первую очередь стремился узнать назначение судна Гэнда. Расспросы заняли несколько минут, и наконец он полностью представил себе всю картину.

«Сегомэй-8» был предназначен для установки и разборки подводных сооружений. Это был ремонтный корабль для подводных механизмов и глубоководных станций, которыми было усеяно дно океана в двадцать девятом веке. Их судно могло выполнить около тысячи различных операций под водой и работало круглый год. Но оно не могло стать оружием против подводного города рыболюдей.

— Мы пытались,— удрученно сказал Гэнд,— но подводные твари легко отразили все наши попытки.

Кенлон поинтересовался у Гэнда, как относится он к уничтожению подводного города.

— Прикончить гадов и все! — удивленно прозвучал ответ капитана. Затем он добавил мрачно: — Мои наниматели каждый день теряют кучу денег, и все потому, что я торчу здесь. Мне будет очень трудно объяснить им, где я пропадал. Так что не раздумывайте долго... Что вы решили?

Кенлон сказал что перед тем, как окончательно определиться, он должен поговорить с людьми, находящимися на голубой яхте и на темном большом корабле.

— Признаюсь, я плохо разбираюсь в этом вопросе,— закончил он смущенно,— но почему бы вам, когда вы наконец вернетесь назад, не высадиться на минуту или две раньше того момента, когда нас вырвали из нашего времени?

— Нет,— возразил Гэнд,— это невозможно.

— Почему?

Гэнд вкратце объяснил, что любая материя изменяется в каждый момент времени. Таким образом, энергетические параметры

каждого атома в их судах продолжают изменяться сообразно законам природы. Из-за необратимости этого процесса ни один предмет не может сломать временной барьер. И это к счастью, потому что, если бы это произошло, он бы сразу исчез, и произошла бы самая ужасная катастрофа за всю историю Земли.

— Вам лучше обратиться к Арпо за объяснением деталей,— закончил Гэнд.

— Арпо?

— Он на том голубом корабле. Это безобидный парень — и очень умный — даже для человека из будущего. Однако ему все равно, где находиться: в своем времени или здесь,— Гэнд понизил голос.— Он такой альтруист, он даже не против того, чтобы остаться здесь. Вы только представьте себе!.. И еще никто из нас не смог узнать, кто находится на борту того корабля, что сидит так низко в воде.

Дорилея, стоявшая за спиной Кенлона, сообщила:

— Мы пытались наладить контакт с Арпо, но он нам не ответил.

В этот момент у Кенлона в голове раздался странный голос: «Командир, просто из вежливости шлю вам наилучшие пожелания. Но я ничем не могу вам помочь».

Вместе с этой мыслью у Кенлона появилось приятное чувство. Оно оказалось таким сильным, что Кенлону показалось будто его тело стало невесомым и он вот-вот воспарит.

И тут же он подумал: «Господи, ведь я получил телепатическое сообщение».

Все это произошло так естественно, ощущение было таким сильным, что Кенлон не сразу понял, с каким явлением ему пришлось столкнуться.

Телепатия... Отлично.

...Скорее всего, к Кенлону обратился тот, кого Тайнар назвал «отшельником».

Странные чувства вновь накатили на него. «Что, что, что...» — обрывки мыслей бешено крутились в голове Кенлона.

Арпо, должно быть, ждал, пока первый помощник придет в себя, а потом мысль человека будущего еще более отчетливо прозвучала в голове Кенлона.

— Может быть,— сказал Арпо,— лучшее, что я могу для вас сделать, это рассказать вам вкратце историю человечества.

Кенлон ухватился за его предложение, как за спасительную соломинку:

— Да, да.

И он услышал историю цивилизации.

* * *

Большинство реалий, лежащих в основе физической природы Вселенной, были изучены и освоены человечеством к тридцать восьмому веку. К этому же времени ученые разрешили некоторые проблемы, связанные с изучением элементарных частиц, что помогло взглянуть на природу материи с другой стороны, а это в свою очередь повлекло за собой некоторые изменения в основной теории структуры Вселенной.

Суть же открытия сводилась к тому, что элементарные частицы следуют определенным правилам движения, но некоторые из них могут сделать выбор. Конечно, этот выбор не похож на тот, который делает живое существо, решая, идти ему на север или на юг. Принцип их существования основан на генерации случайных чисел... что ж... может быть, это?.. а может быть, то?.. почему бы и нет?.. Ну ладно, пусть так. Но с помощью новейших технологий стало возможным изменить это допущение, и материя стала подвластна человечеству... Что же касается области человеческих отношений, то небольшая группа ученых в теории разрешила вопрос психологического единообразия, открыв, что любой ментальный импульс можно воспринять с помощью внутренних энергетических потоков. С помощью этой технологии стало возможно программирование людей, как машин. Заставить всех людей Земли, а их было шесть миллиардов в тридцать девятом веке, три миллиарда в пятидесятом, шестнадцать миллиардов в шестьдесят пятом — пик населения на планете — и два миллиарда в восемьдесят пятом действовать по единой воле теоретически стало возможным, но практически человека вне толпы нельзя было принудить — кроме редких случаев — противоречить самому себе. Человеческая природа оказалась слишком многообразна и сложна. Большая часть характеристик человека не укладывалась ни в какую систему. Людей нельзя было тренировать, приводить в одно и то же состояние, обучать, изменять всех скопом,— только по отдельности, тратя на это уйму времени, сил и средств. Ужасные и безжалостные войны сотрясали человечество. Города постоянно подвергались завоеванию и разрушению, их население гибло, и мир, который удовлетворил бы всех людей Земли, не наступал. Перемены пришли, когда предки Арпо, изменившиеся, возможно, в результате мутации, появились в местах, тяжело пострадавших от радиации. Они действуют по принципу доброй воли и непротивления злу насилием. Войны закончились... Пришел мир.

Арпо мог только предположить, когда именно континенты начали тонуть в океане, из-за чего с помощью генных мутаций появились птицелюди и рыболюди, и потомки его эпохи не сопротивлялись этому так же, как завоевателям в предыдущие тысячелетия.

— А теперь, командир,— закончил Арпо,— я отвечу еще на один твой вопрос, не больше.

Кенлон, чей мозг разрывался от вопросов, задохнулся от волнения. В этот момент он почувствовал себя человеком, которому волшебник пообещал исполнить единственное желание. Его разум воспарил до безграничных высот. Затем он снова спустился на землю, когда вспомнил о долге и своей изначальной цели.

Он торопливо взглянул на низко сидящее судно, едва различимое под пасмурным небом, и быстро сформулировал свой вопрос:

— Кто там... на этом черном корабле? — и добавил: — Я бы хотел пойти туда и поговорить с ними.

— Я не могу читать их мысли,— пришел к нему ответ от Арпо,— они выстроили такой могучий ментальный барьер, что если я попытаюсь пробиться, это расстроит мой внутренний баланс. Поэтому я решил не делать этого.

— А вы могли бы сделать это?

— Да,— ответил Арпо.— Теперь я прощаюсь и желаю вам удачи.

— Подождите! — сказал Кенлон.— Посоветуйте, как мне поступить с рыболюдьми и птице...

Уже задавая свой вопрос, он понял, что Арпо исчез.

Кенлон почувствовал себя так, словно лишился очень дорогого человека. Ему стало очень грустно. Он повернулся к Дорилее и подавленно произнес:

— Думаю, мне лучше вернуться к себе на корабль.

Глава 11

В сумерках пошел дождь. Кенлон натянул прорезиненный плащ и вышел на узкую палубу «Морского змея». Он постоял там, подставив лицо дождю. Прохладные капли стекали по щекам, приятно освежая. Наметанным глазом Кенлон определил, что дождь, похоже, будет лить всю ночь.

Из-за темноты горизонт уже не просматривался. Волны слегка отсвечивали, но видимость была всего несколько ярдов.

Первый помощник вернулся в свою каюту и проспал около пяти часов; затем встал, побрился и отдал приказ запустить двигатели и дать полный вперед.

В темноте, используя подсчеты, тщательно произведенные штурманом, он повел «Морского змея» по широкому кругу, центром которого были остальные корабли. Когда субмарина достигла точки, где, по мнению первого помощника, должен был находиться корабль, похожий на подводную лодку, он приказал погрузиться на длину перископа и двинулся на самой низкой скорости, на которую лодка была способна под водой.

Затем Кенлон вышел в рубку.

Бенджамен, находившийся там, только удивленно покачал головой, когда увидел, что Кенлон одет в водолазный костюм.

— В конце концов я начинал как аквалангист,— пожал плечами первый помощник.

— Я только могу сказать, сэр, что вы достойны уважения,— сказал Бенджамен.

— Нам совершенно необходимо поговорить с теми людьми,— заявил Кенлон.— Без них у нас будет неполная картина происходящего и мы не сможем как следует оценить ситуацию.

— Это действительно необходимо, сэр,— тактично подтвердил лейтенант Бенджамен.

Не говоря лишних слов, Бенджамен отдал соответствующие команды, и лодка легла в дрейф. Рубка едва поднималась над поверхностью океана.

Кенлон и еще два аквалангиста, которые должны были сопровождать его, поднялись на палубу и оттуда спустились в воду.

Вода была теплой, как в тропиках. Кенлон медленно плыл немного в стороне от матросов. В относительно спокойном безопасном море они держались почти у самой поверхности, оставляя за собой легкую рябь. Внезапно дождь хлынул как из ведра. Ночь, черная, как смола, стала еще чернее.

...Черная вода внизу, черная ночь вокруг.

Кенлон всегда чувствовал себя уверенно в воде. Он почувствовал, как постепенно напряжение, которое не отпускало последние несколько дней, исчезло.

Он интуитивно отсчитывал минуты. Когда ему показалось, что прошло достаточно времени, он нагнал своих товарищей и коснулся ноги одного и руки другого.

Они поднялись на поверхность. Оба матроса достали из заплечных сумок очки ночного видения. Кенлон сделал то же самое. Несколько минут спустя он увидел странную сцену.

Торпедовидное судно оказалось примерно в тридцати футах от них.

Но не оно привлекло взгляд первого помощника. Впереди происходило что-то гораздо более удивительное.

На пустынной до этого, поливаемой дождем палубе возникло какое-то движение. Кенлон заметил несколько фигур, выползающих из воды на странное судно.

Он удивился тому, что эти странные создания плавают в темноте, и почувствовал страх, что было вполне естественно. Они все здесь испытывали страх; каждый, кто был перенесен сюда из прошлого, просто каменел от страха.

...Снова движение на палубе.

Какой-то силуэт появился над гладкой поверхностью океана. Это была рубка.

Кенлон понял, что для пловцов открылся вход, и испытал сильное желание, пока не поздно, подняться на борт своего судна.

«Не стоит плавать в этих водах в такой темноте»,— решил он.

Через секунду первый помощник ужаснулся, с какой простотой и почти полным отсутствием сопротивляемости зародилась у него эта мысль. И как мгновенно захотелось ему привести ее в исполнение.

Он прекратил свои размышления, как только увидел, что вскарабкавшиеся на палубу субмарины будущего люди один за другим встают на ноги.

Пораженный увиденным, Кенлон напряженно следил за происходящим. Ручейки воды стекали по линзам очков точного видения, и поэтому фигуры казались размытыми.

Первый помощник уже готов был просигналить им, объявив о своем присутствии, когда до него вдруг дошло, что даже дождь не может так исказить изображение.

Потом он все понял.

Перед ним были не люди.

В первый момент Кенлон решил, что это маленькие крокодилы, поднявшиеся на ноги. Однако они двигались с гибкостью и уверенностью, совершенно не свойственной рептилиям.

Однако все сводилось к одному практическому вопросу: что делать?

Кенлон вдруг осознал, что не играет большой роли кто перед ним — люди или крокодилы. Военные действия требуют четкой логики, а не эмоций. Когда инстинкт говорит: убирайся-ка ты отсюда подальше, военная логика требует наступательных действий.

Кенлон подплыл к своим товарищам и, схватив их за руки, прошептал:

— Видели?

Пожатие рук показало, что они видели то же, что и он.

— Тем не менее действуем по плану — для начала измерим их корабль.

Они поплыли вперед и нырнули под корабль.

Измерения показали, что он был пятидесяти футов в диаметре, около сорока в ширину и около ста двадцати в длину.

Им не удалось обнаружить видимых частей двигателя, например, ракетных сопел, лопастей винтов или пропеллера, ничего, что могло бы рассекать поверхность. Кроме того, в корпусе не было совершенно никаких отверстий.

Кенлон вспомнил, что Арпо говорил о сильных энергетических полях, которые защищали этот корабль. Он предположил, что судно двигалось с помощью одного из таких полей. Это была всего лишь догадка, но ведь должно существовать хоть что-то, что приводит корабль в движение.

В конце концов Кенлон неохотно дал сигнал к отходу.

Поднявшись на борт «Морского змея», он, вызвав Бенджамена и Теддерса в капитанскую каюту, описал им все, что видел.

— Ну и что вы об этом думаете? — закончил он.— Какие у вас есть предложения и, главное, что нам делать?

— Капитан, вы не спрашивали людей с кораблей, не устанавливали ли они контакт с цивилизациями из других звездных систем? — после долгого молчания поинтересовался Бенджамен.

Кенлон вынужден был признать, что об этом он как-то не подумал, и сказал, что не совсем понимает, к чему Бенджамен клонит.

— Может быть, крылатый человек случайно перенес сюда прилетевший на Землю корабль инопланетян.

— Ого! — воскликнул Кенлон.

Какое-то время он сидел молча, переваривая это очень простое объяснение.

Ну конечно, что же еще!

— Значит, это они утащили Пита! Каким же я был идиотом. Приведите сюда Неммо.

Появился Неммо. Отвечая на заданный вопрос, он пояснил:

— Мы не смогли установить связь с нашим товарищем, который перенес в наше время это судно. Вероятно, установив машину времени, он не смог взойти на борт и остался в прошлом.

Не обращая внимания на разочарованные возгласы офицеров, Кенлон продолжал допрос:

— Но этот корабль был действительно перенесен из прошлого?

— Да. После его прибытия наши приборы еще несколько часов оставались прикрепленными к корпусу странного судна. Но, очевидно, этим людям удалось их снять, хотя это очень трудно. Это указывает на очень высокий уровень развития их техники.

Арпо тоже мог бы это сделать, но не захотел, следуя своему принципу не сопротивляться и ничему не препятствовать.

Кенлон обдумал это объяснение, которое, казалось, все ставило на свои места, и наконец удовлетворенно объявил:

— Что ж, это решает проблему. Теперь мы знаем, что нам следует предпринять.

— Что? — осторожно спросил Бенджамен. Кенлон усмехнулся:

— Мы пойдем спать.

Но незадолго до рассвета первый помощник снова был на ногах.

Глава 12

Дождь кончился, но небо оставалось все еще пасмурным, когда подводная лодка поднялась на поверхность. Двигатели заглохли, и субмарина встала на якорь в миле от корабля инопланетян.

Кенлон спустил на воду моторную лодку. Оттолкнувшись от борта субмарины, он завел мотор. В этот раз он в одиночку отправился «в гости» к их странным соседям.

По дороге он много размышлял. Суда из различных эпох стояли на своих местах, и только океан, волнующийся, шумящий, с белыми от пены волнами и бескрайним горизонтом, принадлежал всем эрам человечества. Краем глаза первый помощник видел и огромный, парящий над морем оплот птицелюдей — невероятное сооружение, присутствие которого нарушало гармонию пустынного океана. Дурацкая мысль не оставляла Кенлона: «Неужели я и в самом деле очутился в будущем?» Детская реакция на происходящее, что-то вроде «почему это случилось со мной?»

И сейчас, как и раньше, он отметил, что намеренно ищет в окружающем что-то необычное. Он просто не хотел, чтобы его снова застали врасплох,— вот и все.

Пока Кенлон изучал низко сидящее судно, похожее на подводную лодку, к которому с каждой минутой подплывал все ближе, он пришел к выводу, что полностью согласен с версией Бенджамена, высказанной прошлой ночью: это инопланетные существа, давным-давно прилетевшие на Землю.

И тот факт, что они находились в какой-то земной гавани для космических кораблей, свидетельствовал о том, что люди того времени знали о них, познакомились с ними и приняли их.

Теперь же настало время сделать решительный шаг и открыто установить с ними контакт. И еще первый помощник хотел выяснить, могут ли они помочь всем остальным вернуться назад.

Когда до судна оставалось около двух сотен ярдов, Кенлон выключил мотор и по инерции подошел почти вплотную к кораблю.

Когда он начал очень медленно передвигаться вдоль его борта, случилось то, на что он и надеялся. То же самое сооружение, которое он видел ночью, выдвинулось с поверхности лодки. Оно было высотой футов в восемь; даже выше, чем Кенлон себе представлял.

Открылась автоматическая дверь. Из нее один за другим вышли три существа.

Они были несколько другими, чем показались Кенлону ночью: выглядели как выпрямившиеся крокодилы, способные держать равновесие с легкостью и даже грацией. У них были руки и длинные ноги. Инопланетяне внимательно разглядывали Кенлона.

Внезапно один из них поднял руку и поманил к себе первого помощника.

И движение руки, и то, как он согнул палец, и его жест — напоминали человеческие. У Кенлона создалось отчетливое впечатление, что эти создания копируют человеческие движения. В то же время он помнил о том, что крокодилы обычно не подзывают друг друга таким естественным для людей жестом.

Кенлон пытался убедить себя, что эти инопланетяне были знакомы с людьми, долго общались с ними, изучили особенности человеческой природы, но, возможно, были крайне озадачены, когда вдруг оказались здесь,— в будущем Земли, посреди бескрайнего океана.

Эти мысли быстро пронеслись в мозгу Кенлона, пока он вел лодку вдоль инопланетного судна.

Один из ящеров указал, куда следует швартоваться, и Кенлон, подплыв к тому месту, увидел, что из воды поднимаются ступени, а в корпусе корабля есть несколько выступов, к которым можно привязать лодку. Что он и сделал, а затем поднялся на палубу. Повинуясь приказам инопланетян, Кенлон двинулся к открытой двери. Он приблизился к ней и ужаснулся, когда прошел мимо трех тварей: их близость — они стояли почти вплотную к нему — внушала первому помощнику безотчетную тревогу. Его передернуло от отвращения.

Миновав инопланетян, Кенлон шагнул на борт инопланетного корабля. Кенлон чувствовал, что люди-крокодилы теснятся у него за спиной, поэтому подвинулся, чтобы дать им больше места.

Повернувшись, Кенлон увидел, что изогнутая дверь закрылась, причем настолько плотно, что не оставалось сомнений в ее водонепроницаемости и герметичности.

Пол под ногами первого помощника вдруг двинулся вниз. Кенлон взглянул на сопровождающих его инопланетян и снова невольно

но вздрогнул. Они стояли неподвижно, не издавая ни единого звука: просто смотрели на него ясными, разумными, карими глазами.

Движение вниз прекратилось. Дверь бесшумно отъехала в сторону. Перед Кенлоном открылся тускло освещенный коридор. Три человека-ящера вышли из «лифта», затем остановились, подождав землянина. Кенлон тоже вышел и проследовал за ними мимо закрытых дверей, затем одна из дверей впереди открылась, словно приглашая первого помощника.

Переступив порог, Кенлон оказался в большой каюте. При его появлении около дюжины ящеролюдей повернулись в его сторону.

Кенлон остановился. Он чувствовал, что три его конвоира застыли у него за спиной. Но их присутствие теперь не имело особого значения.

Первый помощник не мог заставить себя шагнуть вперед. Он стоял, как будто врос в пол. Казалось, прошло много времени, но на самом деле всего несколько секунд, вот один из ящеролюдей отделился от остальных, медленно вышел вперед и произнес серию хрюкающих и шипящих звуков — по крайней мере, такими они показались Кенлону.

Когда он закончил, откуда-то с потолка донесся голос, говоривший по-английски,— очевидно, это был перевод того, что сказал ящер:

— Человек, мы, члены расы йязов, прибыли сюда с одной из звездных систем Млечного Пути. Мы понимаем, что случилось,— хотя это путешествие во времени застало нас врасплох. Проанализировав ситуацию, мы хотим заключить с вами соглашение.

Кенлон почувствовал, что может наконец расслабиться. Люди-крокодилы и в самом деле оказались разумными. К тому же они явно не собирались его убивать. Но все же первый помощник был очень удивлен. Когда автоматический переводчик замолчал и снова наступила тишина, он спросил:

— Как вы узнали, что я говорю по-английски?

Переводчик издал серию хрипящих и шипящих звуков.

— Мы наблюдали за вами все время, пока вы вели переговоры на других кораблях, а прошлой ночью мы наблюдали за вашими манипуляциями и подслушали несколько слов, когда вы обратились к своим товарищам,— ответило одно из созданий.

Когда эти слова были переведены, Кенлон почувствовал себя неловко. Ему было неприятно осознание того, что за всеми его действиями следили, и того, что его видели прошлой ночью, возможно, намеренно позволив осмотреть корабль.

— Очевидно, у вас очень хорошие приборы для подводного наблюдения,— только и смог выдавить из себя Кенлон.

— Наша естественная среда — вода, но этот корабль предназначен для звездных путешествий и мало пригоден для деятельности под водой.

Услышав это, Кенлон успокоился.

— Таким образом, мы можем быть с вами откровенны,— продолжал ящер,— мы нуждаемся в вас и в вашем корабле так же, как все остальные.

Кенлон молчал. У него возникло убеждение, что «Морскому змею» и его экипажу лучше не попадаться в лапы этим тварям. А еще он подумал о том, что вновь угодил в ловушку. Будет нелегко вырваться из лап этих ящеров. Он чувствовал, что они не отступят от цели.

Однако первый помощник все еще не понимал, что конкретно им нужно.

Он видел, что все ящеры пристально наблюдают за ним. Да, это было так; сомневаться в этом не приходилось.

Ящер, стоящий перед ним, снова заговорил:

— Мы намерены быть даже более откровенными, чем раньше. Мы столкнулись с невероятным стечением обстоятельств. Кто-то из крылатых людей обладает знаниями, намного большими, чем мы предполагали. Я расскажу вам нашу историю...

Инопланетный корабль был одним из многих, покинувших родную планету примерно четыре тысячи лет назад. В поисках других планет, пригодных для обитания, они преодолели около ста световых лет, пока не достигли Солнечной системы. Люди того времени привыкли к инопланетным гостям и приняли пришельцев сердечно и без подозрений.

Йяз смогли без сопротивления со стороны землян начать в отдаленных областях планеты трансформацию, в результате которой структура почвы разрушалась на молекулярном уровне. Стоило потом пройти дождю, как земля превращалась в грязь. Один-единственный ливень в пораженной области превращал ее в бездонные зыбучие хляби, которые стали могилой для одного из моряков Кенлона.

Неожиданно первый помощник услышал чей-то срывающийся голос:

— Эй, что вы говорите? Это вы сделали?.. Всю эту воду?

Только потом он осознал, что это был его собственный голос, и, зажав рот рукой, замер, ошеломленный, оглушенный.

Ящер продолжал как ни в чем не бывало:

— Процесс разрушения молекулярных связей в почве, однажды начав, невозможно повернуть вспять. Хотя мы предприняли несколько попыток, когда осознали, что поставили под угрозу

само существование вашей цивилизации. Некоторые процессы очень легко начать, но остановить их не легче, чем собрать по одной все песчинки.

Кенлон представил себе потоки грязи, затопленные земли, приливы, омывающие разрушающиеся континенты. Миллионы людей, должно быть, умерли от удушья в реках, озерах и океанах грязи и воды.

Эта сцена оказалась столь ужасной, что первому помощнику потребовалось некоторое время, чтобы осознать, что, несмотря на то что земля буквально разжижалась под ногами, люди, перед тем как погибнуть, все же создали птицелюдей и рыболюдей.

И кто-то, должно быть, обнаружил виновников катастрофы, потому что крылатый человек, вернувшись в прошлое, установил свою машину времени именно на этот корабль.

Возможно, это не было случайным стечением обстоятельств.

— Очевидно,— продолжал ящер,— что мы виноваты в гибели вашей планеты. Однако сделанного не изменишь. Вот наше предложение. Рыболюдей слишком много. Мы не сможем заселить эту планету, пока они существуют. Прежде всего их город должен быть уничтожен, а его обитатели выловлены и убиты все до одного. Мы приступим ко второй части работы, но первую сделать не в состоянии. Если вы нам поможете, мы не будем мешать жизни крылатых людей, и, конечно, не причиним ущерба никому из прошлого, не будем чинить препятствий вашему возвращению в те эпохи, из которых вас насильно вырвали. Каково ваше решение?

Кенлон не поверил своим ушам.

Эти твари уничтожили Землю! Они искали планеты, которые могут быть изменены так, чтобы их раса могла на них жить, и они сочли Землю пригодной и изменили ее — и затем, по какому-то совпадению, крылатый человек перенес их в будущее.

И теперь они здесь. Несомненно, они могли бы вернуться домой и снова прилететь сюда с подкреплением и соответствующим оборудованием...

— Почему же вы не сделали этого? — спросил Кенлон, объяснив им свою мысль.

Наступила пауза; затем ящер, который говорил с ним, повернулся и посоветовался с остальными. Каюта наполнилась хрюканьем и шипением, которые не переводились.

Внезапно оратор повернулся и обратился к Кенлону:

— Путь туда и обратно займет слишком много времени. Вполне возможно, что рыболюди достигнут своей цели и уничтожат птицелюдей. Но их истинная цель — получить доступ к памяти компьютера, который находится в летающем острове. В ней со-

держатся секреты, которые помогут им выстроить тысячи городов, подобных тому, в котором они живут сейчас.

Он сделал жест, который совершенно не походил на движение человека — по-змеиному гибко изогнулся всем телом. Что это означало, Кенлон не понял.

— Поэтому мы останемся и захватим эту планету с тем оборудованием, которое имеем,— продолжал ящер.

— Почему же тогда вы не найдете компьютер и не уничтожите его? — спросил Кенлон.

И снова ответом стал непонятный жест.

— Этот компьютер,— ответил йяз,— представляет науку, гораздо более развитую, чем наша. Он может защитить себя от любых наших посягательств.

— А он может защитить себя от рыболюдей? — спросил Кенлон.

— Конечно, но если птицелюди будут уничтожены, он объявит себя слугой оставшейся части человеческой расы — рыболюдей... Уверяю, у вас нет другого выхода. Ваш корабль нужен нам для достижения нашей цели; так вот, наш ультиматум...

Ультиматум!

При этом слове Кенлон вновь почувствовал прикосновение липких и холодных пальцев страха.

— Мы позволим вам,— продолжал ящер,— вернуться на корабль...

Кенлон облегченно вздохнул... Какие бы действия он ни предпринял, он не смог бы вырваться из лап этих тварей.

— Мы дадим вам время, чтобы вы смогли решить, что вам следует предпринять,— продолжал ящер.— Вы можете посоветоваться с другими людьми. Когда, по нашему мнению, пройдет достаточно времени — дни, недели — все зависит от вашей активности,— мы потребуем от вас решительных действий. Если вы откажетесь, мы начнем уничтожать ваши корабли один за другим, чтобы их обитатели заставили вас согласиться. Если вы снова откажетесь, мы попробуем захватить ваш корабль. Рано или поздно, наши попытки увенчаются успехом. А теперь... вы можете идти!

Кенлон, обливаясь холодным потом, вышел из зала.

Глава 13

— Кто-то приближается,— донеслось до Кенлона с палубы.— Это те же люди, которые были вчера.

— Самолет Клен? — удивился Кенлон, поднимаясь на верхнюю палубу.

Действительно, это были они. Первый помощник вышел на палубу субмарины, едва выступающую над поверхностью спокойного моря, и наблюдал, как летающий аппарат медленно движется над волнами. Пасмурное утро сменилось таким же пасмурным днем.

Кенлон издали узнал Дорилею. Чем ближе приближался челнок, тем большую тревогу испытывал первый помощник. Он помнил отчаянную решимость и целеустремленность амазонок. Когда они оказались в ста ярдах от субмарины, он решил принять дополнительные меры безопасности и приказал всем спуститься вниз и задраить люки, предупредив, чтобы по его знаку лодка немедленно погрузилась в воду.

Однако после угрозы со стороны расы йяз, Кенлон уже не верил, что его предосторожности помогут. Он убедился, что все другие корабли оснащены более развитой техникой, а их обитатели обладали гораздо более высоким уровнем знаний. Ощущение, что он сам и его экипаж выглядели по сравнению с ними дикарями,— как индейцы, впервые столкнувшиеся с винтовками белых людей,— было не из приятных.

Через несколько минут, когда лейтенант Дорилея спрыгнула на палубу подводной лодки, он отдал ей честь. Амазонка подошла к первому помощнику и сухо объявила:

— Сесса Клен решила прибыть с визитом на ваш корабль.

«Черт возьми!» — подумал Кенлон.

— Вы имеете в виду... она на борту вашего летательного аппарата... она здесь?

— Да. Она в своей каюте.

Кенлон почувствовал смесь замешательства, страха, отчаяния и смущения. Смущение возникло из-за сильного подозрения, что Сесса Клен не поймет его, если он откажется пригласить ее на борт своего корабля. Отчаяние охватило его из-за уверенности, что если она рассердится на него, то применит против них свою более развитую технику. А страх он чувствовал потому, что по жизненному опыту знал,— женщины не понимают разумных доводов.

Он напряженно думал, каким образом мобилизовать всех этих людей в борьбе против ящеров. Корабль Клен с его совершенным оборудованием мог бы сыграть решающую роль...

Его напряжение, очевидно, передалось и джоанне. Она хмуро смотрела на Кенлона:

— И не думайте об отказе,— сказала она сурово.— Я не смогу передать такой ответ нашей госпоже. Тогда мне придется убить себя.

Кенлон понял, что в ее положении у нее не будет другого выхода.

— Но что ей нужно? — спросил он.

— Она решила посетить вас после того, как узнала, что вы прошлой ночью были у большого корабля,— ответила Дорилея.— Она не могла поверить, что мужчина может быть таким храбрым. Мужчины эпохи Клен...— она заколебалась,— ...слабые. Думаю, это личный визит,— закончила она.— Она хочет поближе познакомиться с вами.

Кенлон лихорадочно соображал: дождливая ночь, которая казалась такой непроглядно черной для него и его людей, очевидно была не помехой всем остальным.

— Вы знаете, кто на борту этого судна? — спросил он.

— Нет, они поставили блокирующее поле, не дающее нашим приборам видеть, что находится и происходит на их корабле.

Кенлон все еще колебался.

— Я еще хотел бы вас спросить об одной вещи... Вы отлично говорите по-английски без переводящего аппарата. Как вы это делаете? — И он смущенно добавил: — И как работают те аппараты, которые используют остальные?

— У нас есть целый компьютерный комплекс, занимающийся переводом,— ответила Дорилея,— но когда мы действительно хотим изучить язык, мы используем гипноизлучение и имплантируем неизвестный нам язык прямо в наш мозг. Конечно, глупо забивать голову тысячами языков, поэтому,— она пожала плечами,— когда нам нужен какой-нибудь из языков, мы его имплантируем. А когда надобность отпадает, мы его стираем.

Кенлон потрясенно молчал.

— Что же до аппаратов для перевода,— продолжала женщина,— потребовалось несколько поколений, чтобы их создать. Но, созданные однажды, они уже не требовали особых усовершенствований.

Их принцип работы, как его описала Дорилея, заключался в том, что все языки Земли имеют общую структуру: корни, фонемы, причем не только на стандартные фонемы — тоны, звуки, окончания, ударения и так далее — но так же на придыхания, озвончения, оглушения и другие особенности произношения слов.

Со временем всяческие изменения в использовании и комбинировании этих корней и фонем были записаны и объединены. Компьютер, «слыша» язык, который прежде не был внесен в его память, сканирует каждое слово, сравнивает сходство его с другими корнями и фонемами, выбирает наиболее подходящее значение и не только предлагает немедленный перевод с незнакомого языка на те, которые содержатся в его памяти, но также разделяет каждый слог на звуки, программирует сам себя и через несколько мгновений уже способен дать сначала простые, а потом

более сложные ответы на этом языке, причем с совершенным произношением.

— Вы хотите сказать,— удивился Кенлон,— что эти переводчики изначально не запрограммированы на английский?

— Да.

Кенлон вспомнил американский сленг, который с такой легкостью использовал Гэнд, и обругал себя: «Ну какой же я дурак!»

— А Сесса имплантировала английский в свой мозг для этого визита?

Дорилея с удивлением взглянула на первого помощника:

— Конечно нет! — воскликнула она возмущенно.— Недопустимо, чтобы какое-либо энергетическое поле применялось к особе такого ранга.

— Я полагаю, что она не слишком сведуща в науке? — напряженно спросил Кенлон.

— Да нет же,— опять возмутилась Дорилея.

Именно такой ответ и хотел услышать первый помощник. Он и раньше сомневался, что Сесса хорошо разбирается в науке и технике своей эпохи. Теперь он окончательно убедился в этом. Он сглотнул — и решился.

— На борт корабля я пущу только одну Сессу,— сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Хорошо,— без споров согласилась Дорилея.

Когда она поднялась на свой воздушный челнок, Кенлон поспешно вызвал на палубу Бенджамена, Теддерса и еще нескольких членов экипажа.

Теддерс спокойно воспринял новость и ничего не сказал. Но Бенджамен удивленно спросил:

— Вы действительно позволите ей спуститься вниз?

— Я пойду первым,— объявил Кенлон,— она — следом за мной, потом вы. Держите оружие наготове.

— Да, но как я узнаю, если она вдруг что-то предпримет? Как я узнаю об опасности?

Это был хороший вопрос, но у Кенлона не было времени его обдумать.

— Интуиция,— быстро ответил он,— только она нам сможет помочь. В конце концов она всего лишь женщина, а нас — сто двадцать мужчин. Вот и она.

Держась за перила чуть крепче, чем требовалось, Сесса Клен изящно сошла по трапу.

Кенлон подал ей руку, когда она ступила на палубу; море было неспокойным, и подводная лодка довольно сильно покачивалась. Женщина, очевидно, к этому не привыкла, потому что

она охнула и остановилась. Кенлон заметил, как побелело ее лицо.

Но плотно сжав губы, она все же осторожно пошла вперед, сжав руку первого помощника. Подведя ее к люку, Кенлон прошел первым, а красивая, величественная женщина медленно проследовала за ним внутрь корабля. Однако когда она достигла рубки управления, что-то в ее величественной манере держаться изменилось. Во взгляде Сессы появилась тревога.

Она поднесла к губам маленький прибор, висящий у нее на запястье. Перевод передавался от Дорилеи, находящейся в челноке, в наушник, прикрепленный к уху Кенлона:

— Сесса спрашивает, является ли эта каюта центром, из которого контролируются все автоматические приборы.

— Да,— подтвердил Кенлон.

Произнеся это, он понял, что она имела в виду не совсем то, о чем подумал он. Для него рубка управления была центром, из которого капитан управлял кораблем. А автоматические приборы и автоматический контроль являлись вещами гораздо более совершенными.

Иногда в мечтах он представлял себе полностью автоматизированную подводную лодку, которой мог управлять всего лишь один человек. Использование различных технологий для контролирования скорости, открытия и закрытия клапанов и других многочисленных функций субмарины могли бы свести на нет множество рискованных ситуаций, связанных с подводным плаванием.

Он знал, что уже разрабатываются некоторые вспомогательные механизмы, которыми сможет управлять компьютер, но все-таки... Кенлон не мог представить субмарину, управляемую компьютером. Всегда существовали какие-то препятствия, и следовательно, люди на борту были необходимы...

Слова гостьи вновь напомнили первому помощнику, что эта женщина была из гораздо более поздней эпохи, чем он сам. Внезапно он почувствовал волнение и сказал, предполагая, что Дорилея точно переведет его слова:

— Я никогда не спрашивал у ваших людей, из какого вы века.

Сесса Клен повернулась и спокойно посмотрела на него:

— Из сто тридцать пятого от Рождества Христова,— ответила она через Дорилею.

Пропасть, разделявшая их, оказалась даже больше, чем он себе представлял! Это открытие встревожило Кенлона, который раньше сравнил амазонок с людьми в шарообразном корабле из эпохи Сетидиллад. Эпоха Клен наступила спустя тысячу лет после них. Моряк с трудом мог представить, что существует техни-

ка более совершенная, чем та, что он видел на межпланетном корабле.

Кенлон в страхе подумал: «Ведь я почти ничего не знаю об этих женщинах».

Он растерянно взглянул на Сессу и увидел, что та роется в своей маленькой изящной сумочке. Судя по ее виду, она колебалась. Наконец она, похоже, решилась, что-то сказала на своем языке, вынула руку из сумочки и высыпала на пол пригоршню белых кристаллов.

В тот момент, когда Кенлон их увидел, все и случилось.

Кристаллы испускали осязаемое и сильное излучение, и первый помощник сразу почувствовал их воздействие на свою нервную систему. Он услышал, как Бенджамен застонал, и увидел, что тот замер как вкопанный. В то же самое время младший офицер, отвечающий за обеспечение лодки электричеством, который неподвижно стоял за чертежным столом, казалось, застыл на месте.

В течение краткого мгновения Кенлон чувствовал только неприятное напряжение своего тела и видел двух застывших мужчин.

В следующую секунду голос Дорилеи перевел слова Сессы:

— По закону Клен, Сесса берет власть над всеми этими людьми, а я захватываю корабль.

Ее слова изумили Кенлона, он дернулся, но не мог сдвинуться с места. Его мускулы сковала какая-то невидимая сила.

Отчаянным усилием воли он потянулся за револьвером, но не смог даже шевельнуть рукой.

Его охватила паника, обостренная ужасным предчувствием катастрофы. Он смутно осознал, что лейтенант Бенджамен стоит в напряженной позе, такой же беспомощный, как и он сам.

Кенлон почувствовал, что его пальцы, лицо и горло, ноги и руки коченеют.

Он стоял, не в состоянии двинуть ни рукой ни ногой, чувствуя, что парализован.

Одна-единственная женщина захватила вооруженную подводную лодку Соединенных Штатов с экипажем, состоящим полностью из мужчин.

Однако все вокруг продолжало работать, как и прежде. Турбины ровно гудели; субмарина покачивалась на волнах. За толстым иллюминатором рубки управления, перед которой стоял парализованный офицер электроинженерной службы, волны почти накрывали палубу. Он увидел своих людей снаружи.

Краем глаза Кенлон заметил, что Дорилея и другая джоанна спустились из воздушного челнока. Несколько секунд спустя они вошли в рубку управления. Дорилея осталась, а Сесса в сопровож-

дении второй джоанны вышла на палубу и села в воздушный челнок. Затем Дорилея, едва взглянув на Кенлона, спустилась вниз.

Первый помощник стоял неподвижно. Он ничего не чувствовал, но его сознание оставалось ясным. И организм, казалось, работал нормально. Сердце ритмично билось, а легкие выполняли свои функции.

Но он не мог говорить и двигаться. Он предположил, что женщина не собирается никого убивать. Она просто взяла лодку под контроль, чтобы выполнить желание крылатых людей.

Не важно, что на самом деле она хотела, это уже не играло роли. Кенлон чувствовал себя опозоренным перед своим экипажем. Спустя всего два дня после принятия командования он умудрился потерять корабль. И как! Попался на уловку женщины!

Через несколько минут он поймал взгляд Дорилеи, проходящей в машинное отделение и торпедный отсек. Она, должно быть, рассыплет и там свои чертовы кристаллы. В тот же момент люди застынут лежа, сидя или стоя — в тех позах, в которых застанет их паралич,— проклиная командира, который их подвел.

Дорилея вернулась в рубку, неся на плече тяжелый мешок.

— Это оружие,— пояснила она, сбрасывая мешок на пол.— Ужасный корабль: все такое маленькое и только узкий коридорчик между двигателями.

Кенлон невольно вспомнил субмарины, на которых, как офицер запаса, он плавал целый год, и спросил себя, что бы она подумала о тех лодках, по сравнению с которыми «Морской змей» — роскошный лайнер.

Должно быть, выражение лица Кенлона выдавало его состояние. Амазонка быстро взглянула на него:

— Прекратите! — сказала она.— Нет позора в том, что вы побеждены более совершенной наукой. Я уверена, вы переживаете из-за этого.

Кенлон и раньше знал, а в этот раз убедился вновь, что женщины все воспринимают по другому. Позор, от которого он так страдал, Дорилее казался мелочью.

— Обычно мы никогда не действуем таким образом,— продолжала она.— Но нам необходимо было установить на этом судне законную власть Сессы Клен.

И снова Кенлон мрачно признал, что в действиях Клен не было ничего особенно подлого. Ему стоило принять во внимание, что любящая женщина на пути к собственной свадьбе становится настоящей тигрицей.

— Нам не хотелось бы проливать кровь,— осторожно продолжала Дорилея.

Ее заявление прозвучало настолько странно, что Кенлон отвлекся от своих горьких размышлений. Слова казались бессмысленными, ведь, если не считать двух офицеров и полудюжины человек на мостике, корабль был в ее руках.

Вдруг Кенлон понял. Теддерс, Дуроски и остальные. Вот оно что. Значит, их еще не нейтрализовали, и с этим, кажется, у амазонок возникли какие-то трудности.

— Если ваши люди, оставшиеся снаружи, не сдадутся, то понесут серьезные потери,— заявила женщина.— Невралы не действуют на открытом воздухе.

«Невралами» она, должно быть, назвала парализующие кристаллы. Что до сдачи... Кенлон знал, что Теддерс и остальные люди из экипажа скорее предпочтут смерть. Не потому, что моряки никогда не сдавались в плен. Бывало и такое, но они не сдавались сразу, как только им ставили ультиматум. Тем более женщинам.

Вдруг боковым зрением он заметил голову и плечи Теддерса, высовывающегося из люка, и услышал, как тот произнес:

— Крылатый человек приближается, сэр. Он... И замолчал, а затем вскрикнул:

— Что такое? Что здесь происходит? Теддерс резко рванулся назад. Его голос донесся до Кенлона сквозь мерный рев турбин:

— Дуроски, тревога! Все к оружию! — выкрикнул он команду в открытый люк.

Затем скатился по трапу, и в следующее мгновение его тело уже оседало на пол. Такая же участь ждала пятерых матросов, которые бросились за ним следом. Все произошло очень быстро. Отличная работа! Обычно эти кристаллы предназначались для поражения одного человека. Но сейчас пятеро парализованных моряков валялись на полу. Амазонка обошла их и обезоружила. Обездвиженные, они лежали, застыв в разных позах, и выглядели жалкими, изумленными, беспомощными.

Кенлон увидел, что Дорилея легко переворачивает упавших мужчин, вешая их карабины себе на сгиб руки. Запихнув оружие в мешок, она вытащила из нагрудного кармана тонкую металлическую пластинку размером с расческу и приблизилась к Кенлону.

— Я хочу, чтобы вы вышли на палубу и убедили вашего офицера вести себя разумно. Вы сможете двигаться. Вот эта плата,— она помахала пластинкой у него перед носом,— освободит вас от паралича через минуту после того, как я вложу ее вам в руку.

Она приложила пластинку к его ладони. Кенлон почувствовал холод. Он даже не ощущал, пока металл не коснулся его кожи, как ему жарко. Холод был, как глоток воздуха в жаркой, душной комнате.

— Сомкните пальцы вокруг пластины и не делайте глупостей. Я смогу нейтрализовать действие пластинки на расстоянии.

Тут Кенлон позволил себе не поверить, ведь ее собственный иммунитет был основан на чем-то подобном; стоит ей нейтрализовать действие пластинки, и она сама также станет жертвой невралов. Несмотря на эту уверенность, первый помощник не собирался ничего предпринимать, пока не продумает план действий.

Следовало обдумать ситуацию, даже, возможно, обсудить с кем-нибудь, прежде чем принимать решение. В торпедном отсеке находился крылатый человек. Если бы Кенлону удалось описать ему положение дел и убедить его, что весь народ крылатых людей находится в опасности...

Первый помощник машинально сжал пальцы, и они повиновались ему. Как ни странно, чувство депрессии исчезло. Он конвульсивно сжал пластинку и взглянул на амазонку, которая пристально смотрела на него, держа руку на прикрепленном к поясу металлическом пруте.

— Когда вы поговорите с человеком на палубе, я дам вам одежду, которая содержит в ткани нейтрализующие элементы,— объяснила Кенлону воительница.— Вы сможете носить ее под формой. У нас нет оснований в чем-либо ограничивать вас. Мы не хотим без необходимости причинять какие-то неудобства никому на этом корабле.

— Вы совершаете большую ошибку,— попытался объяснить женщине-лейтенанту Кенлон.— Вы не сможете управлять подводной лодкой без специально обученного экипажа. Вы...

Он остановился. Владение речью для него было так естественно, что он не сразу понял, что минуту назад его голосовые связки не в состоянии были издать ни звука. Кенлон поднял руку, затем сделал шаг. Он обрел свободу.

— Я прошу вас оставить нас в покое,— неуверенно продолжал он.— Я обещаю поговорить со всем экипажем по поводу атаки на рыболюдей. Но оказывая на нас давление, вы ничего не добьетесь.

— Вам лучше поспешить на палубу,— угрюмо заметила Джоанна.— Ситуация там вышла из-под контроля.

И это было действительно так. Бледный Дуроски держал на прицеле женщин на воздушном челноке. Джоанны пригнулись за планширом, наставив на Дуроски длинные металлические палки. Сессы нигде не было видно; должно быть, она укрылась внутри челнока. Дуроски, выслушав объяснения Кенлона, спросил:

— Что мне делать, сэр? Опустить карабин?

Вопрос озадачил Кенлона. Все еще не зная, что предпринять, он подошел к люку и обратился к Дорилее:

— Вы все еще хотите довести дело до конца?

— Передайте своему человеку,— последовал четкий ответ,— чтобы он убрал оружие. Затем пригласите моих джоанн на борт.

Кенлон медленно выпрямился. Он чувствовал себя усталым и постаревшим. Невидящим взглядом он уставился на серое море, затем на огромную гору, парящую в небе, основание которой находилось в трех милях над ним.

Он смутно различил крылатого человека, о котором рапортовал Теддерс, кружившего над ним в трехстах футах. Казалось, тот не знал, что предпринять. И слабая надежда на то, что он может помочь, испарилась. Кенлон вздохнул и повернулся к младшему офицеру:

— Что ж, Дуроски,— сказал он,— пойдемте.

Через секунду Джоанны уже спрыгивали на палубу подводной лодки. Сопротивление было сломлено окончательно.

Глава 14

Кенлон чувствовал, что его физическое состояние не изменилось, но он еле передвигал ноги, когда шел к ограждению палубы. Воздушный челнок медленно отчаливал с одной джоанной на борту. Очевидно, она должна была отвезти Сессу на большой корабль.

Он также заметил, что из пятерых джоанн, поднявшихся на борт субмарины, четверо спустились вниз, а одна осталась сторожить его и Дуроски. Одна женщина присматривает за двумя мужчинами. Кенлон усмехнулся. Ничего удивительного! Если одна-единственная женщина смогла захватить корабль с сотней человек на борту, может быть, одной стражнице вполне под силу контролировать двадцать человек.

Тем временем Дуроски облокотился на ограждение рядом с первым помощником и мрачно сострил:

— Интересно, собирается ли старшая сестренка отправить нас вниз, чтобы окончательно обезвредить?

— Она сказала, что не хочет причинять мне неудобства, и освободила. Вот,— Кенлон показал металлическую плату, зажатую в руке.— Мне нужно научиться ухмыляться, как горилла, может быть, таким образом я смогу добиться ее благосклонности по отношению к остальным. Это единственный способ,— продолжил он с надеждой,— освободить их от действия кристаллов. Однако первое, что они должны сделать, так это набить мне морду. Это неизбежно.

— Не думаю, что это сработает, хотя и я готов подставить свою морду их кулакам,— спокойно сказал Дуроски.— Как вы думаете, из чего сделаны эти невралы?

Кенлон кратко описал свои ощущения:

— Я думаю кристаллы испускают электрические импульсы, которые действуют на нервы, передающие команды мозга различным органам,— и мрачно добавил: — У меня есть безумное желание улучить подходящий момент, собрать все эти кристаллы и выкинуть за борт.

— Этот номер не пройдет. С малышкой Дорилеей не так легко сладить,— заметил Дуроски.— Эта женщина напоминает мне вторую жену моего отца.

— Полагаю, мы должны пока смириться с этой ситуацией,— подвел итог Кенлон.— Я уверен, Дорилея в конце концов вернет нам корабль. Как бы то ни было, мой долг успокоить ребят и сделать все возможное, чтобы эти джоанны не взорвали судно. Я не могу позволить унижать сто двадцать человек экипажа и рисковать судном только потому, что моя гордость оскорблена.

Это было горькое решение. Но Кенлон пришел к нему в тот мучительный момент, когда был вынужден сдаться.

— Я лично ненавижу рыболюдей,— резко объявил он.— Они убили нашего капитана. Они обращаются с нами так, словно мы человекообразные животные. Но я никогда не считал, что это достаточная причина для того, чтобы уничтожать их город, особенно принимая во внимание то, о чем никто не упоминает: земные люди, могущественные земные люди, которые создали рыболюдей и птицелюдей, сотворили их для одной цели — чтобы человек продолжал существовать на Земле, несмотря на катастрофу, опустошившую планету. Разрушить их план, эту великую цель, чтобы удовлетворить желание какой-то женщины выйти замуж,— наиболее жалкое извинение для такого преступления. Я допускаю,— продолжал Кенлон менее яростно,— что между двумя видами, которые должны были служить одной и той же цели, произошли какие-то разногласия. Похоже, в этом виноваты рыболюди. Они первыми начали агрессию — Неммо сказал, что у них на дне моря есть магниты и они уже заставили небесный остров спуститься на целую милю. Они стремятся затопить его и уничтожить крылатых людей. Так говорит Неммо. Если это правда, нужно предпринимать решительные действия, чтобы предотвратить подобную попытку. Но ситуация много сложнее,— Кенлон имел в виду ящеров йяз, но не осмеливался упомянуть о них вслух,— те могли наблюдать за ним. Вполне возможно они одобряют действия джоанн. Он неуверенно закончил: — Если этим

Клен действительно удастся разрушить подводный город, людям на Земле придет конец. Они...

Первый помощник остановился, увидев, как Дорилея выходит на палубу. Она приказала джоанне:

— Дайте знак крылатому человеку спускаться. Корабль полностью в нашей власти.

Кенлон сначала подумал, что ослышался. Стараясь оставаться спокойным, он повернулся:

— Что вы сказали? — спросил он ровным голосом.— Крылатые люди замешаны в нападении?

Еще до того как Джоанна кивнула, он знал ответ. И словно в подтверждение крылатый человек спикировал к лодке.

Забавно, что в течение всей операции по захвату «Морского змея» Кенлон не подумал о том, что нападение как-то связано с крылатыми людьми. Ну конечно, все сходится. Они очень ловко использовали тревогу Сессы Клен по поводу ее брачного ложа. Их отчаяние, должно быть, было действительно огромным, если они повели себя столь вероломно.

Кенлон почувствовал разочарование. Положение становилось все более двусмысленным. И хотя у первого помощника не было альтернативы, он не хотел смириться с подобным положением дел.

Крылатый человек быстро приближался, и вот наконец коснулся ногами ограждения. Затем легко спрыгнул позади Кенлона. Он был немного выше Неммо ростом и выглядел моложе. Его можно было бы назвать красивым, если бы не ястребиные черты узкого худого лица с проницательными серо-голубыми глазами, которые придавали ему вид хищной птицы. Он был одет в одежду из пуха, которая, как и на Неммо, сидела идеально. Было трудно поверить, что это не его собственное оперение. За спиной торчали большие темно-серые крылья, испещренные черными крапинками. Он подошел к Дорилее, даже не взглянув на Кенлона.

— У вас какие-нибудь затруднения? — спросил он на своем языке.

— Конечно нет,— последовал резкий ответ.

Кенлон мрачно ухмыльнулся. Хорошо, что амазонка так оптимистично настроена. Впрочем, это в какой-то степени соответствовало действительности. У нее и в самом деле не было никаких трудностей, о которых стоило бы упоминать.

Эта женщина нравилась ему все меньше.

— Наши планы изменились,— заявил крылатый человек.

— Изменились? — переспросила Дорилея. Прежде чем тот смог ответить, она поспешно продолжила: — Все, что от вас требуется,

Ларен, это сказать нам, где находится подводный город. Все остальное — наше дело.

— Совет хочет сначала поговорить с ним,— заявил Ларен, махнув рукой в сторону первого помощника.

— Совет! — воскликнула Дорилея.— Опять Совет! О нем я только и слышу от вас. Сначала Совет запрещает вам назвать местонахождение города, теперь...

Она остановилась, нахмурившись, и при этом потеряла всю свою привлекательность.

— Я считаю, что сейчас как раз тот случай, когда крылатые люди могут ослушаться Совета,— объявила она.

Ларен покачал головой и ответил с достоинством:

— Мы никогда не ослушаемся Совета. Нам очень неприятно, что в этом случае его древние устои идут вразрез с жестокой реальностью... Я не вижу причины, по которой командир Кенлон не может предстать перед Советом. Ведь вам понадобится какое-то время, чтобы ознакомиться с подводным судном. Неммо останется на борту и окажет вам посильную помощь.

Дорилея натянуто засмеялась. Кенлон подумал, что победа не придала ей любезности. Предводительница джоанн заявила высокомерно:

— Я не предвижу каких-либо трудностей в управлении этой подводной лодкой. Командир и экипаж больше меня заинтересованы в том, чтобы ничего плохого с ней не случилось. Корабль — их ставка в игре. Но вы можете забрать капитана ненадолго, если хотите,— закончила она равнодушно.— Я послала за книгой о древних подводных лодках, и мы, конечно, ознакомимся с ее устройством. Однако не позволяйте Совету удерживать его слишком долго.

Ларен посмотрел на нее с возмущением. Ему, очевидно, не нравилось открытое презрение Дорилеи к Совету. Когда он заговорил, его недовольство стало еще сильнее.

— Мы не собираемся делать что-либо без мудрого руководства Совета,— сказал он.— Может быть, он даст командиру какую-нибудь полезную информацию. Мы знаем, что Совет не сделает ничего, ущемляющего наши интересы.

Наконец крылатый человек понял, что зря тратит время, убеждая лейтенанта Клен, он повернулся к Кенлону:

— Надеюсь, вы не будете возражать против того, чтобы проследовать в наш город.

Кенлон ответил не сразу. Он слушал разговор с некоторым замешательством. Вспомнив, что Неммо рассказывал ему о Совете, он смутился еще больше.

Общая картина была ясна. Совет птицелюдей имел такой уровень науки, который позволил им создать несколько машин времени, а потом перенести «Морского змея» и другие суда в 24 999 год. И все же Совет противился тому, чтобы захваченные корабли принимали участие в военных действиях, а птицелюди игнорировали пожелания Совета.

Выглядело все это очень странно.

— Вы не можете представить, командир,— снова заговорил Ларен,— как мы сожалеем о тактике, которую вынуждены использовать. Насилие и обман противны нашей природе... Надеюсь, вы не против увидеться с Советом.

Кенлон не хотел создавать впечатление, что он отказывается. Больше всего ему нужна была информация. Он повернулся к Дорилее и спросил:

— Надеюсь, лейтенант, вы не будете против, если я приму некоторые предосторожности, чтобы защитить мое судно?

— Можете быть уверены, что в вопросах, касающихся защиты, вы получите поддержку,— ответила Дорилея.— Со стороны рыболюдей можно ожидать любых действий.

«И не только со стороны рыболюдей»,— мрачно подумал Кенлон, вспомнив ящеров расы йяз.

Кенлон слегка поклонился амазонке в знак признательности, затем объяснил Ларену, что Неммо говорил о поврежденном кожухе лампы, и добавил:

— Отсоедините ваши машины времени с носа и кормы, поместите их ниже, в воду, и включите.— Их мощность так велика, что они сделают воду на некотором расстоянии от лодки буквально прозрачной. Джоанны смогут держать наблюдение.

Он увидел, что Ларен улыбается.

— Лампы,— пояснил крылатый человек,— идеально подходят для вашего плана. Они дают очень яркий свет и не имеют опасных побочных эффектов.— Он снова улыбнулся и закончил: — Я сделал так, что этот разговор слышали в нашем коммуникационном центре, так что скоро сюда прилетят техники.

Кенлона занимало, каким способом его переправят в город птицелюдей. Ответ стал очевиден, когда он увидел более сорока крылатых людей, спускающихся с неба. Они несли с собой что-то вроде гамака, тонкими ремнями прикрепленного к их поясам.

Когда лампы были установлены, Кенлон вскарабкался в гамак и скоро уже покачивался высоко над палубой. Он смотрел на длинную, обтекаемой формы субмарину, дрейфующую в прозрачной воде. Свет, исходящий от ламп, горящих под водой, усили-

вал впечатление, будто это игрушечная подводная лодка плавает в ванне, а лампы на потолке отражаются в воде.

Кенлон медленно повернулся, чтобы гамак не слишком сильно раскачивался. Слева он увидел блестящие металлические корпуса кораблей — большое судно Гэнда и корабль Сессы Клен.

По мере того как он все выше поднимался, корабли становились все меньше, а море превращалось в ровное плоское бескрайнее пространство. Черная стена колонии птицелюдей нависала над ним, занимая три четверти обзора в том направлении, которое приборы его подводной лодки определяли как западное.

Еще через несколько минут исчез «Сегомэй-8», закрытый выступающим краем горы, а затем один за другим скрылись из виду и другие корабли. Наконец в поле зрения остались только пятнышко, которое было «Морским змеем», и высоко сидящий на воде красный корабль Сессы Клен.

Кенлон прикинул, что он находится примерно в миле над морем, значит, до небесного острова осталось еще полмили. Он взглянул наверх, чтобы проверить свою догадку. Так и оказалось.

Ларен, должно быть, заметил напряженное выражение лица первого помощника, когда тот подсчитывал расстояние до летающего города. Спустившись к Кенлону, он полетел рядом.

— Вас что-то беспокоит? — спросил он мелодичным голосом.

Кенлон отрицательно покачал головой; на самом деле ему хотелось взвыть. Беспокоит? Да все его беспокоит, весь этот перевернутый вверх тормашками мир будущего! Сейчас для него самое важное — это информация. Как можно больше сведений, которые помогут ему привести все в порядок. Информация, которая восполнит все пробелы. Информация! Сначала о Совете.

Он изложил свои сомнения, затем закончил:

— Я хочу знать, почему Совет передумал?

— Долго рассказывать вам о Совете,— важно проговорил Ларен.— Теоретически он всеведущ. Честно говоря, нас очень беспокоит его реакция на эти события. Вы поймете сложность проблемы, как только увидите Совет.

Кенлон, нахмурившись, обдумывал его слова. Всеведущий Совет, чье мнение является решающим,— это странно. Первый помощник вновь повернулся к Ларену:

— Почему вы не послали кого-нибудь,— начат он,— в эпоху последних земных людей? Видимо, они лучше вооружены, чем подводная лодка из двадцатого века, и могли бы...

Неожиданно Кенлон обнаружил, что разговаривает с пустотой. Ларен, очевидно приняв его молчание за окончание разговора, уже летел футах в ста от него.

Кенлон хотел было позвать крылатого человека, но после минутного размышления передумал. Учитывая то, что он узнал, было очевидно, что Совет правильно уяснил ситуацию. Будучи абсолютными альтруистами, они в свое время уже помогли Земле и теперь не встали бы ни на чью сторону.

«Таким образом,— решил Кенлон,— нужно лучше обдумать вопросы, которые он задаст всеведущему Совету».

Он все еще напряженно размышлял о том, что ему нужно будет спросить у Совета, когда почувствовал, что больше не поднимается вверх. Его воздушное путешествие подошло к концу.

Глава 15

Кенлон увидел, что они оказались только на полпути к вершине горы. Огромные открытые врата высотой и шириной примерно по сто футов зияли прямо перед ним. Ведущие вверх мраморные ступени терялись высоко в небе.

Это был один из многих входов в здание, гигантские размеры которого Кенлон смог оценить только сейчас. Оно венчало гору, поражая своей величиной, и словно парило в облаках, а верхняя часть его, расстояние до которой Кенлон определил примерно в двести метров, едва просматривалась сквозь туманную дымку.

Здание являлось своего рода городом.

Он повсюду видел крылатых мужчин и женщин, группами и поодиночке, правда, все они держались в некотором отдалении. Кенлон с удивлением глазел на крылатых женщин, но рассмотреть их как следует не мог; они находились слишком далеко.

У одной из тех, что оказались ближе всех, очень длинные золотистые волосы развевались по ветру. Она напомнила Кенлону ангела, и он был рад, что крылатые женщины не подлетели ближе: ему не хотелось разочаровываться.

— Идите вперед, только осторожно,— сказал Ларен.

Очевидно, Кенлон должен был оставаться в помочах, прикрепленных к летунам. Предостережение заставило его на мгновение задуматься о том, что ждет его внутри крепости, но времени на раздумья не оставалось, и Кенлон вошел в летающий город.

Он оказался в хорошо освещенном пустынном зале. В полу, потолке и стенах зияли огромные проемы — входы в сверкающие туннели, которые вели в глубину здания. Вполне возможно, что из этих огромных коридоров можно было пройти в жилища, потому что в некоторых горизонтальных туннелях он заметил закрытые двери.

Высота, не ограниченная стенами,— таково было общее впечатление. Кенлон, задрав голову, словно зевака, шел вперед, пока не почувствовал, что Ларен удерживает его. Он удивленно посмотрел под ноги — пол плавно понижался, а чуть дальше зияла пропасть сорока футов в ширину и три четверти мили в глубину. Кенлон отшатнулся, а Ларен вежливо хихикнул.

— Не бойтесь,— сказал крылатый человек,— мы подхватили бы вас, даже если бы вы внезапно упали. Вы, конечно, понимаете, что в мире, где у людей есть крылья, жилища устроены совершенно иначе, чем у вас — людей далекого прошлого.

Кенлон, разумеется, понимал это.

— Вы должны спуститься на...— Ларен назвал слово, означающее на его языке эквивалент ста метров и закончил с загадочной улыбкой: — Не удивляйтесь, когда увидите Совет.

Прежде чем Кенлон успел ответить, Ларен уже влетел в шахту. Канаты натянулись, и Кенлона повлекло вниз. Он взглянул в пропасть, и увидел, что Ларен приземлился и смотрит на него снизу вверх. Где-то там скрывался зал Совета; Кенлон напряг зрение и увидел продолжение туннеля за спиной Ларена. А потом...

Он полетел.

* * *

Кенлон летел. Невозможно было ошибиться в этом, настолько свободно и легко он себя чувствовал, летя сквозь туман, такой густой, что нельзя было даже увидеть кончики крыльев.

Он подтянул ноги к телу и с трудом различил свои крылья — с трудом, потому что два огромных крыла молотили воздух словно поршни быстро запущенных двигателей. Его тело наполнилось силой; радость переполняла его душу.

Довольно долго он находился под властью необычайно сильных новых чувств и ощущений. Затем постепенно к нему словно бы вернулось прежнее состояние. Видение исчезло. Кенлон дернулся всем телом и почувствовал себя сбитым с толку, оглушенным.

Что... *что*... ЧТО произошло?

Птицелюди спустили его к залу Совета; он уже видел пол, когда...

Он полетел. На крыльях. Но не сам, а внутри... его мозг, его сознание, он сам очутился в теле крылатого человека.

Должно быть, они сделали это намеренно. Перенесли его... сущность... в тело крылатого человека, чтобы показать ему ментальное и физическое совершенство своей расы.

Кенлон уцепился за этот логический довод, вдруг осознав, что снова летит. Он поднимался вверх к какой-то цели, к которой тот птицечеловек, в чье тело он был перенесен, направлялся.

Внезапно Кенлон попал в невообразимую толщу облаков. Его крылья пропитались влагой, но их сила ничуть не ослабла. Огромное сердце, мощные легкие, неутомимые мускулы тела, которое он обрел, принимали на себя страшные напряжения, и крылатый человек быстро преодолел препятствие.

Разум Кенлона был утомлен борьбой с гравитацией и сопротивлением воздуха, хотя он понимал, что это не он совершает полет.

Он попытался остановиться — и не смог. Он попытался лететь не вверх, а вниз — и не сумел!

Подавленный неудачей Кенлон прекратил свои усилия. И подумал в замешательстве: я всего лишь пассажир. Сознание настоящего птицечеловека никуда не исчезло. Я зритель. Это не я лечу.

Ответ мгновенно пришел к нему. Его реакция в тот самый момент, когда он вдруг понял, что летит не сам, подчинила на какой-то момент нервы и мускулы крылатого человека. Но только на одно краткое мгновение.

Лучше бы Кенлону было затаиться и ждать дальнейшего развития событий.

Придя к этому решению, он заметил, что туман начал постепенно рассеиваться. Сначала Кенлон увидел свои крылья, затем пару крыльев летящего рядом человека, а затем и других птицелюдей, бьющих крыльями в воздухе вокруг него, пробиваясь сквозь все еще густые облака.

Внезапно они вырвались на солнечный свет, поднялись еще на несколько сотен ярдов, а затем полет закончился.

Какова бы ни была их цель, этот волнующий подъем подошел к концу.

Возможно, они стремились увидеть солнце. И это стоило таких огромных усилий. Месяц без солнечного тепла и света заставил Кенлона мечтать о лучах настоящего солнца.

Если уж он желал этого, то что же чувствовали крылатые люди, живущие в мире, где горизонт был всегда скрыт туманом, мглой и облаками?

Некоторое время крылатые люди просто парили, почти не двигая крыльями. Казалось, они отдыхают в огромном океане атмосферы, время от времени лишь легкими взмахами поддерживая себя в парящем полете. Тишина царила в этом заоблачном мире. Во всех движениях крылатых людей было такое достоин-

ство, такая высота духа, воспарившего над раздорами, одолевающими людей на земле.

В этом небесном чертоге было так мирно, что успокоилась бы любая душа. В темно-голубом небе сияло солнце, чудесный огненный шар, купающийся в прозрачной лазури. И никто не чувствовал холода; пуховая одежда, похожая на оперение птиц, плотно облегала тела людей, не пропуская студеный воздух.

Вокруг Кенлона парили по меньшей мере двести крылатых людей. Они скользили туда-сюда, и он не мог точно сказать, сколько их на самом деле. Примерно половина из них были женщины.

Разглядывая женщин, первый помощник вновь подумал об ангелах. Сейчас он мог хорошо рассмотреть крылатых женщин и подумал, что слово «ангел» как нельзя лучше к ним подходит. Они были меньше мужчин. Ветер развевал их длинные волосы. Нежные лица и маленькие руки, не тронутые ни жаром ветра, ни сыростью туманов.

Женщины начали петь. Их голоса звучали мягко. Сначала одна, а затем остальные, словно по подсказке, присоединились к растущему хору. Ясные, как бегущие потоки воды, их голоса выводили мелодию песни, которая звучала очень мелодично, но не имела четкого ритма. Смесь печали и радости трепетала в ее тонах.

Мужчины тоже затянули песню, и теперь они летели все вместе и пели в унисон.

Их песня принадлежала древней расе, которую постигла трагедия. Скоро Кенлон смог понять значения слов, хотя он улавливал только обрывки. Стихи не имели ни рифм, ни четкого размера, казалось, это были даже не стихи, а некий речитатив:

Мы крылаты.
Мы поем о древней славе и о мире будущего.
О том времени, когда вода уйдет и земля снова
Коснется наших ног.
Трижды по 999 лет мы верили в это.
Мы рождали детей, чтобы продолжить человеческий род.
Их дети тоже рождали детей.
Мы жили по велениям Совета.
Теперь нам грозит опасность.
Люди моря завидуют нашим крыльям.
Они хотят, чтобы мы спустились под воду,
А у нас нет оружия.
У нас нет материалов, из которых мы могли бы сделать оружие.
У нас есть только Совет, который велит нам быть храбрыми,
Продолжать верить и надеяться на будущее.
И мы верим и надеемся,
Но нас одолевает тревога;

Мы чувствуем, что надо что-то предпринять.
В течение трех раз по 999 лет мы просто жили;
Трижды по 999 лет ожидания и
Жизни в надежде, что Земля снова станет зеленым раем.
Тогда мы отбросим крылья
И станем работать.
Это будет нелегко,
Потому что мы крылаты.

Это был гимн Первопричине бытия, наполовину тоскующий призыв, наполовину благодарственный гимн за радость существования. Песня умерла так же, как и зародилась, постепенно, пока наконец единственный женский голос не вывел последнюю ноту, которая замерла в тишине.

Вся группа теперь летела быстро, рядами по девять человек. Они двигались в сложном воздушном танце. Быстрее, быстрее — поворачиваясь, ныряя, в слаженном ритме выделывая петли и круги. Их движения были в сотни раз сложнее, чем любой земной танец, и требовали намного больше пространства, и все для одной цели — полетом символизировать песню. Печаль и тоска, нежность и радости прошлого, неопределенность настоящего... Танец закончился, когда каждая группа из девяти птицелюдей описала серию кругов вокруг центральной группы. Собравшись все вместе, они замерли, паря в прозрачном воздухе.

И тогда один из мужчин начал речь важным, мягким, но звучным голосом:

— Сегодня мы обсудим историю духовного развития могущественных земных людей, которую мы узнали из саг, сложенных в последние девять лет перед катастрофой. Несомненно, человечество достигло высшей точки своего духовного развития в эти славные дни, и перед лицом окончательной катастрофы их истинное величие было видно как никогда ранее в истории нашей Земли. Мы...

Голос стал странно удаляться от Кенлона. Сцена затуманилась, померкла и исчезла...

Глава 16

Вода была теплой. Разглядеть что-то было трудно, потому что, как понял Кенлон спустя какое-то время, существо, в теле которого он находился, не обращало особенного внимания на происходящее вокруг.

Он плыл, подхваченный течением, лишь иногда ленивым взмахом руки или ноги направляя свое быстрое продвижение вперед.

Взглянув на дно, находящееся в пятидесяти футах внизу, Кенлон увидел просачивающийся из глубины свет. Около десятка рыболюдей плавали рядом с ним на мелководье рядом с берегом.

Кенлон понял, что он снова зритель. Сначала ему показывали жизнь крылатых людей, а теперь ему предстояло какое-то время пробыть среди рыболюдей.

Приятно теплая вода мягко вливалась и выливалась из его жабр так же естественно, как воздух, заполняющий легкие. Кенлон осознавал это лишь потому, что специально сосредоточился, внезапно поразившись самой идее человека, плавающего под водой, словно рыба. Дыхание под водой с помощью жабр являлось частью жизни, как ровное биение сердца.

Потом Кенлон сконцентрировал свое внимание на том, что происходило вокруг него. Куда направляются морские люди? Он почувствовал, что где-то впереди в темноте моря что-то происходит.

Из мрака воды донесся странный хрип, чем-то похожий на человеческий голос, но Кенлон с уверенностью мог бы сказать, что ничего подобного в жизни не слышал. Заглушенный водой, голос звучал удивительно живо, сильно и резко. Невероятно, но первый помощник понял каждое слово, хотя призыв, донесшийся из глубины, прозвучал на сильно измененном языке крылатых людей. Это было предупреждение:

— Она уже близко! Будьте начеку!

Кенлон вынул длинный нож из ножен на боку. Впереди в темноте мелькнула тусклая вспышка. Рыба, понял Кенлон; большая рыба, как минимум двадцать футов длиной. Акула! Это была охота.

Большая, сильная, нахальная рыба. Она плыла, не таясь, и замерла, увидев полукруг тел, ожидающих ее, затем бесцеремонно устремилась между Кенлоном и рыбочеловеком, недвижно висевшим в воде рядом с ним.

Рыболюди стремительно метнулись вперед. Кенлон с силой обхватил одной рукой плотное, упругое тело прямо рядом со зловещим треугольным плавником на твердой спине, а другой вонзил длинный нож в мягкое белое брюхо.

Другие рыболюди тоже начали наносить смертельные удары. Когда сумасшедшие судороги умирающей рыбы прекратились, она медленно перевернулась брюхом вверх и замерла.

Нет, не совсем неподвижно. Тело мертвой акулы подчинилось воле течения и медленно двинулось в ту стороны, откуда приплыли рыболюди. Кенлон вскарабкался на акулу, обхватив ногами ее тело. Через несколько секунд его товарищи уже скрылись из виду. Вместе с мертвой рыбой он двигался к неизвестной судьбе.

Через некоторое время темнота постепенно стала рассеиваться. Кенлон заметил в отдалении слабый проблеск света. Вначале он подумал, что перепутал направление и движется к поверхности, а свет — это солнце, сверкающее наверху. Иллюзия исчезла, когда он увидел, что бледное сияние распространяется на весь мир. И вот уже перед ним огромное пространство, залитое светом.

Город на дне моря величественно открылся его взору.

Невозможно было рассмотреть все как следует. Для рыбочеловека, с которым Кенлон делил тело, все происходящее было обыденным. Приблизившись к городу, Кенлон принялся усиленно грести руками, собираясь освободиться от власти течения, которое несло мертвую рыбу, а это еще больше затруднило наблюдение.

Ему это вполне удалось, потому что минутой позже он загнал акулу в водяной шлюз, находящийся за прозрачной стеной города. Дверь шлюза закрылась; заработали бесшумные насосы. Вода мгновенно исчезла, и дверь открылась. Кенлон быстро прошел внутрь.

И оказался в подводном городе.

* * *

Ему казалось, что он должен испытывать какие-то волнующие эмоции. «Ведь я внутри города рыболюдей,— думал он,— я действительно в их городе». Как странно, находиться здесь, наблюдать и оценивать. Еще более удивительно не чувствовать никакого волнения по этому поводу. Он вспомнил, как спокойно воспринял фантастическое ощущение нахождения внутри тела крылатого человека после первого шока.

Что ж, ясно одно — эмоции в этих обособленных мирах оставались на заднем плане. Казалось, что у этих существ, как крылатых, так и подводных, эмоций в сто раз меньше, чем у людей прошлого. Он чувствовал себя словно зритель на олимпийских играх, следящий за игрой, но не болевший за кого-то из спортсменов, борющихся за победу.

Пребывание внутри города значило для компаньона Кенлона не больше, чем нахождение вне его. Рыбочеловек остановился, о чем-то задумавшись, и у Кенлона появилось время осмотреться.

Он решил, что морской город имеет форму огромного иглу. Внутри первого, самого большого купола находился десяток других — каждый имел по сравнению с предыдущим меньший радиус. Во всем сооружении чувствовался сильный и разумный порядок. Если бы внешняя стена оказалась снесенной, второй купол принял бы на себя всю тяжесть давления воды.

Более того, затопленной могла оказаться только очень небольшая часть каждого купола, так как они были разделены на секции и этажи. Кенлон стоял высоко наверху, вглядываясь в геометрический порядок этажей, освещенных яркими огнями, тянувшихся в разные стороны на огромное расстояние.

Повсюду работали люди. Гиганты склонялись над механизмами, толкающими грузы, и делали еще тысячу вещей, смысл которых был скрыт от Кенлона.

Внезапно все переменилось. Будто пелена спала с его глаз. Рыбочеловек прекратил размышления и быстро двинулся к груде почти плоских металлических листов, которые при ближайшем рассмотрении оказались сделанными из какого-то другого материала. Кенлон поднялся на верхний лист и, наклонившись, нажал кнопку — акула тоже оказалась на листе. Снова нажатие большого пальца на кнопку — и лист оторвался от пола и взмыл вверх, к воздушному шлюзу.

Кенлон быстро проплыл по наклонным этажам в нижние глубины города. Он повсюду видел рыболюдей, обрабатывающих металл с помощью различных механизмов, работающих в лабораториях. И везде горел яркий свет, потоки которого лились непонятно откуда.

Рыболюди работали не покладая рук. Именно таким оказалось общее впечатление. Не пели, не танцевали, а работали. Это была цивилизация людей, полностью погруженных в работу. Человеческие создания с жабрами вели жестокую полупримитивную жизнь в городе, выстроенном людьми, с которыми они имели не больше общего, чем крылатые люди, созданные в тот же ужасный период истории Земли для той же цели.

Вне всяких сомнений рыболюди пытались как-то преобразовать среду, в которой жили. Они скорее старались использовать ее, а не приспособиться к обитанию в ней. Присутствие непоколебимого человеческого духа чувствовалось в их огромных разнообразных творениях, в то время как крылатые люди...

Кенлон мысленно одернул себя — сравнение прозвучало некорректно. У птицелюдей не было альтернативы, они не могли изменить воздушное пространство. Им оставалось только жить ради будущего, и жестокое стремление рыболюдей их уничтожить выглядело неприкрытой, совершенно непростительной агрессией. Самое худшее намерение разумного существа — желание уничтожить себе подобных, так как у жертв не было оружия, они не могли защищаться. Когда небесное строение окажется под водой, крылатый народ, которому негде будет приземлиться, погибнет до последнего человека. Такая судьба, ожидающая 239999 чело-

век, целую расу, казалась столь ужасной, что Кенлону не хотелось даже думать об этом.

Ну а если уничтожение ждет более сильную расу, что тогда?

Кенлон тяжело вздохнул.

Путешествие внезапно закончилось в комнате, где не оказалось ничего, кроме огромного металлического агрегата. На этот раз при ближайшем рассмотрении это действительно оказался металл. У машины отсутствовал обслуживающий персонал, из ее чрева не доносилось ни звука, не было видно никаких признаков движения — ничего, что воспринималось бы органами чувств.

Сильная рука рыбочеловека нажала на рычаг. Появилось отверстие, и тело акулы было отправлено туда той же невидимой силой, которая переместила его на тонкий, похожий на лист бумаги транспортер.

Крышка скользнула на отверстие. Рыбочеловек сошел с транспортера и быстро подошел к ближайшей двери. Его, казалось, совершенно не интересовало, что случится с акулой, и через некоторое время Кенлон о ней забыл.

Первый помощник оказался свидетелем части дня (или как у них назывался этот период времени) одного рыбочеловека. Наверное, самый обыкновенный день самого обычного человека. Охота на акулу — всего лишь эпизод, как и быстрая прогулка по городу. Кенлона интересовало: что же дальше?

Он чувствовал, что все это представление скоро закончится.

Вот рыбочеловек заговорил, но понять, о чем он говорит, можно было только по общему эффекту; отдельные предложения и слова создавали настроение и тональность, но сами по себе мало что значили.

— Привет! — сказал рыбочеловек Кенлона.— Ты не знаешь последние данные статистики?

— Печальные новости, Гетта.

— Сколько отступников в этом периоде?

— Всего 1111 999. Это не включая чужаков, рожденных в море за последние десять поколений, и незарегистрированных.

— Я имею в виду, сколько новичков.

— 83999.

— У нас рождаемость выше. Но я понимаю, почему тебя это тревожит. Зов моря становится все сильнее. Сколько чужаков зарегистрировано?

— 999.

— Так мало! Х-м-м!

Другой разговор состоялся с женщиной, красивой великаншей, которая заговорила первой:

— Я только что из шахт, Гетта. Им нужна помощь.

— Я передам эту информацию дальше,— усмехнувшись, ответил Гетта.— Сам я не склонен копаться в земле.

— Вот мужчины! — укоризненно заметила женщина.— Всегда в море.

— Дышать ртом неудобно и вредно для здоровья.

— Это тебе кажется. Мы созданы, чтобы дышать и воздухом и водой. Все дело в буйном море, куда мужчин все время тянет. А все остальное отговорки.

— Что-то вроде того,— признал Гетта.— Почему бы тебе не пойти со мной? У тебя будет десяток мужчин на выбор, гарантирую.

Женщина рассмеялась:

— Нет уж. Нам, женщинам, труднее нарушить закон. Ты ведь знаешь, что отступница никогда уже не сможет вернуться в город. А я люблю его так же, как море, и не хочу терять ни то ни другое.

— Если ты передумаешь, дай мне знать.

Они пошли каждый в свою сторону.

— Ты куда, Гетта? — остановил рыбочеловека один из прохожих.

— К восточным воротам. Ты ведь знаешь, я занимаюсь глотателями воды.

— Слышал об этом. Ну и как?

— На этот раз очень важно, чтобы глотателя удалось оживить; так говорит Совет.

— Разве мы все еще советуемся с Советом по вопросам политики? Я думал, он используется только как источник научной информации.

— На этот раз мы проконсультировались с ним, и все решили, что нужно сделать так, как говорит Совет.

— Что ж, удачи.

— Спасибо.

Скоро Гетта достиг сооружения, которое и было, как понял Кенлон, восточными воротами. Там находился шлюз, похожий на тот, к которому он приплыл верхом на акуле.

Три рыбочеловека, плывущие бок о бок, оказались у прозрачной стены. Они проникли в шлюз, и откачиваемая насосами вода вспенилась. Открылась внутренняя дверь — и Гетта увидел двух гигантов, несущих безжизненное тело Джонса-Гордона. Один из них сказал:

— Вот он, Гетта. Его будет не трудно оживить. Он не так уж сильно наглотался. Мы успели его изолировать.

Темнота, словно непроницаемая маска, поглотила Кенлона.

Глава 17

Он снова мог думать, хотя ничего не видел, не слышал, не ощущал, не чувствовал ни вкуса ни запаха. Но его мозг работал. Он сосредоточился только на одной-единственной мысли, захватившей его целиком, мысли, что...

Капитан жив.

Или будет жить, воскрешенный Геттой, специалистом по воскрешению глотателей воды. Медицинская наука, должно быть, шагнула далеко вперед, если такое оказалось возможным.

Живой... Джонс-Гордон...

Разум Кенлона не мог свыкнуться с этим фактом, но в конце концов принял его. Как будто кто-то ждал, пока он дойдет до осознания возможности воскрешения своего командира. И тогда с ним кто-то заговорил.

Нет, не заговорил. Потому что ни один звук не произносился вслух, только значения слов возникали в его мозгу, но казалось, будто кто-то говорит с Кенлоном живым, звучным голосом, который переливался самыми разнообразными интонациями.

Голос произнес:

— Лейтенант Кенлон, вы видели все. Теперь вы должны принять решение. Крылатые люди оказались перед реальной и ужасной угрозой уничтожения. Люди моря с безжалостной рациональностью, глубоко заложенной в человеческой натуре, считают, что две расы не смогут вместе существовать, если на планете вновь появится земля, пригодная для жизни. Холодные и безжалостные, они решили, что легче уничтожить 239 999 крылатых людей сейчас, чем потом, когда они размножатся и их численность увеличится в сотни раз. Так утверждают люди моря. В свою очередь крылатые люди чувствуют, что спасти их может только уничтожение морского города. Вы должны выбрать между ними, вы должны решить. У вас есть вопросы?

Кенлон сделал над собой усилие, пытаясь выдавить из себя какой-нибудь звук, хотя бы один слабый звук, который бы освободил его голос, чтобы он мог задать всю накопившуюся у него лавину вопросов. Но он не смог произнести ни слова. Однако вопросы переполнили его ментальный мир — и внезапно он услышал в своем сознании ответы, один за другим:

«Раса йяз, несомненно, представляет собой большую проблему».

«Да, они поняли, хотя было уже поздно, что разрушение континентов — это их вина».

«Конечно, никто не пытался напасть на них, во-первых, потому, что великие земные люди не мыслили в таких категориях, а во-вторых, потому что любая разумная жизнь лучше, чем никакой. Йяз действуют сообразно со своей моралью и способны думать только о мире, подходящем для их собственных нужд. Как один из двух сохранившихся Советов, я получил информацию о йяз и перенес их корабль в наше время. Таким образом, вы понимаете, что какое бы решение вами ни было принято, оно будет окончательным для человечества и определит, какой из форм жизни будет принадлежать эта планета.

Конечно, со временем йяз прочешут морские мелководья в поисках рыболюдей, которые покинули свой город, и уничтожат их, но это задача, которая предстоит им в будущем. Да, у рыболюдей тоже есть Совет. Он находится в сердце их города. К несчастью, они используют его в основном как библиотеку и редко советуются с ним. Так всегда бывает с сильными, молодыми расами... Ваш командир жив... Невозможно использовать машины времени, чтобы обратиться за помощью в будущее. Лампы «опускают» или «поднимают» предметы из конкретного момента в прошлом. Перенос предметов из одного времени в другое — очень опасное предприятие. Пока происходит перенос, все окружающее пространство напряжено. Мы разрешили использовать информацию о создании ламп с величайшей неохотой и только из-за чрезвычайного положения. Мастер, который собрал лампы, должен был умереть, чтобы технологией их изготовления никто больше не воспользовался. Их нельзя повторить... Ни один из кораблей прошлого, кроме вашего, не имеет на борту взрывчатых веществ, поэтому они не могут помочь крылатым людям. Земные люди, создавая оба города, постарались защитить их от энергетического оружия, во-первых, прямой защитой, во-вторых, не предоставив Советам никакой информации об изготовлении оружия. Однако морские люди случайно оказались в более выигрышном положении, открыв забытый город, который был затоплен морем тысячи лет назад. В нем, среди многих приборов, они нашли мощный гравитационный магнит, с помощью которого они пытаются утянуть город крылатых людей под воду. Ни один из механизмов, таких, например, как транспортер, с помощью которого перемещали акулу, не работает вне морского города, и рыболюди не знают их конструкции. Так запланировали земные люди много веков назад... Ваш командир жив, и вы должны вернуть себе корабль, чтобы предотвратить плохо продуманную атаку на подводный город. Мы не допустим союза крылатых людей с людьми Сессы Клен. Атака, если она все же состоится, потребует навыков первоклассного, хорошо слажен-

ного экипажа. Более того, необходимо, чтобы вы сначала приняли решение, будете вы или нет атаковать морской город, затем определили, какую именно цель в городе вам нужно поразить. У вас недостаточно оружия, чтобы разрушить все сооружение целиком. Мы не сможем повлиять на ваше решение ни с помощью гипноза, ни с помощью какой-либо другой силы. У нас нет такой возможности. Таким образом, мы хотим, чтобы ваше решение было принято добровольно, может быть под давлением вынужденных обстоятельств, но только не из эгоистических соображений. И последнее замечание, связанное с возвращением вашего корабля. Ваша сила в вашей слабости. Ваш корабль примитивен. Захватчики обречены на ошибку, так как считают, что он лучше, чем есть».

Наступила тишина.

Затем появился свет, и он обрел способность чувствовать.

Глава 18

Кенлон покачивался на ремнях, спускаясь на палубу «Морского змея».

Его ноги наконец коснулись металла. Он стоял, изумленно наблюдая, как Ларен отсоединяет ремни. Взглянув вверх, он увидел крылатых людей, поднимающихся в небо, словно стая вспугнутых птиц.

Оглядевшись, Кенлон увидел Дорилею, вылезающую из люка. Ее лицо пылало гневом. Кенлон решил, что она сильно изменилась после захвата судна, и почувствовал сильное отвращение к лейтенанту джоанн.

— Что-то *уж* очень долго они вас держали,— встретила его Дорилея едким замечанием.— Что они с вами делали?

Кенлон изумленно уставился на амазонку, решив, что плохо расслышал ее слова. Он отсутствовал самое большее несколько часов. А сколько, она думает, такой визит может продолжаться?

Кенлон открыл было рот, чтобы сказать ей это, и вдруг осознал, что с ним произошло. Он стоял, словно оглушенный.

Женщина произнесла сквозь стиснутые зубы:

— Ваши офицеры категорически отказались со мной сотрудничать...

Кенлон наконец обрел дар речи:

— Естественно. Я здесь командир. Они будут действовать только по моему приказу.

— Мы опускаем судно независимо от того, получим ваше согласие на сотрудничество или нет,— заявила лейтенант безапел-

ляционным тоном.— Я рассчитываю на ваше желание сохранить корабль и экипаж. Надеюсь, что вы не допустите, чтобы неприятный инцидент перерос в несчастье...— Вас не было целый день! Крылатые люди, вероятно, сошли с ума, позволив своему Совету держать вас так долго. Должна сказать, что Неммо, вероятно, по их разрешению, дал мне координаты морского города. Скорее всего, наши крылатые друзья уже не контролируют ситуацию и стараются скрыть свою беспомощность. Что ж, так и должно быть. Все, что я хочу знать,— закончила она напористо,— *что все-таки с вами произошло?*

«Двадцать четыре часа»,— думал Кенлон. Это казалось невероятным. Ни одна из реинкарнаций, ни один из этих фантастических эпизодов не мог длиться больше сорока пяти минут плюс время на дорогу туда и обратно...

Три часа, но не двадцать четыре — что-то здесь не сходилось.

— Я бы хотел задать вам вопрос, лейтенант,— осторожно спросил первый помощник.

Должно быть, его голос звучал примирительно, потому что женщина-лейтенант вопросительно взглянула на него:

— Да?

— А что *вы* видели, когда предстали перед Советом крылатых?

Дорилея долго разглядывала первого помощника, словно пытаясь уловить подвох в его вопросе, а потом резко ответила:

— Полную комнату энергетических ламп. Совет — это всего лишь машина, которую создали земные люди, это хранилище знаний крылатых людей, автоматический мозг, который знает все. Он обладает псевдожизнью. Различные импульсы поступают к нему отовсюду, он анализирует их с помощью своей программы, а потом выдает решение.

Кенлон молча переварил услышанное, потом спросил:

— И что произошло?

— Со мной, вы имеете в виду? Ну, эта машина телепатически обратилась ко мне. Она признала, что наш корабль бесполезен для крылатых людей, и отпустила меня.

— Да! — произнес Кенлон.

Ему больше нечего было сказать. Он заметил, что амазонка, хмурясь, приглядывается к нему.

— Так вы будете сотрудничать с нами или нет? — наконец спросила она.

— Сотрудничать? — переспросил Кенлон.

Повторив, как попугай, эту реплику, он внезапно разозлился. Все это время лейтенант ждала его ответа — да или нет,— а он даже не придумал, что сказать.

Учитывая, что Джонс-Гордон жив и находится в городе рыболюдей, Кенлон не имел права участвовать в нападении на этот город, иначе... Он вспомнил, что сказал Совет: необходимо оборвать вражду. Ему, в общем-то, не требовался этот совет: он и так чувствовал, что не должен соглашаться с амазонкой.

Но сейчас важно было не дать женщине заподозрить, что у него на уме.

— По вашему тону я чувствую, что вы решили, будто я изменил свое мнение относительно вашего безрассудного захвата моего корабля. Это не так. На данный момент у меня есть только одно желание.

«Объяснения только ухудшат ситуацию»,— подумал он и хладнокровно закончил:

— Если вы не возражаете, я бы хотел поговорить с Неммо. Я хочу спросить его о том, что произошло за время моей... беседы... с Советом.

— Вы не потеряли нейтрализатор, который я дала вам? — мрачно взглянув на первого помощника, спросила воительница.

Кенлон молча вынул его из кармана.

— Тогда спускайтесь вниз! — скомандовала она. Через минуту загудели турбины; лодка сорвалась с места.

Джоанны были повсюду. Заглядывая в открытые двери, Кенлон насчитал двадцать женщин, включая трех в машинном отделении и пятерых в торпедном отсеке, к которому он и направился.

Возможное их число, если прибавить тех, кого он не видел, поразило его. Кенлон был так занят мыслями о Неммо, что проблема возврата власти над кораблем отступила на задний план. Но теперь он снова вспомнил об этом и снова загнал эту мысль обратно, подумав о последствиях, ожидающих его в случае провала.

Неммо лежал в гамаке, который повесили для него месяц назад. Увидев Кенлона, он сел.

— Я ждал вас,— сказал он взволнованно.— Недавно мне передали, что вы вернулись на корабль.

Крылатый человек дружелюбно улыбнулся, но Кенлон заметил его встревоженный взгляд.

— Совет долго удерживал ваш разум,— торопливо пробормотал Неммо.— Нам всем было очень интересно, что он вам скажет и покажет. Надеюсь, теперь вы нам поможете.

Кенлон уставился на Неммо. Значит, он еще ничего не знает!

Кенлон быстро рассказал, что с ним произошло, что поведал ему Совет, опустив разговор о захвате лодки. Излагая события, он внимательно наблюдал за выражением лица крылатого человека. Удивление Неммо сменилось изумлением, затем разочаро-

ванием и наконец, когда Кенлон подошел к тому, что Джонс-Гордон жив, тоской и страхом:

— Вам это сказали! — в волнении воскликнул Неммо.— Значит, вы откажетесь нам помочь.

С видимым усилием он заставил себя замолчать, но крылья его трепетали. Наконец он пробормотал:

— Я совсем не желаю зла вашему командиру. Но на карту поставлено существование целой расы. Десятки крылатых людей не вернулись из прошлого, куда они были посланы за оружием. Смерть подстерегает нас повсюду; над нами нависла большая угроза... Но Совет сказал вам, что капитан жив!

Изо всех сил он старался успокоиться. Его голос был чуть слышен, когда он снова заговорил мрачно и обреченно:

— Все это время Совет действовал неохотно, как будто наши действия противоречили его желаниям. Мы может это понять. Изначально Совет был создан, чтобы оберегать обе расы. Непонятно только, почему, когда мы оказались в опасности, он нас предал.

Крылатый человек печально взглянул на Кенлона:

— Я знаю, что не имею права просить вас, но вы ведь можете выпустить свои торпеды в жизненно важные районы города, не подвергая опасности жизнь вашего капитана. Совет сможет вычислить его точное местонахождение.

— Я не могу так рисковать,— решительно заявил Кенлон.

Он знал, что поступает неразумно. Точный расчет сделать возможно, а значит, атака на город не повлечет смерть капитана. Но он знал, что дилемма, стоявшая перед ним, меньше всего имела техническое решение. Он не мог решиться на нападение. К тому же существовал еще один фактор. Выбор, который ему предстояло сделать, не являлся просто выбором между добром и злом. Крылатые люди были правы. Несмотря на их опрометчивый союз с Сессой Клен, Кенлон не подвергал сомнению мотивы их поведения или их честность. Но и противоположная сторона имела право на голос. Ему пришлось наблюдать удивительную жизнь под водой. Кенлон вновь вспомнил о борьбе с акулой. В этом диком и примитивном мире люди создавали новую цивилизацию, и Кенлон всем своим существом ощущал перспективы развития измененного человечества.

Но морские люди со своей холодной логикой не должны оставаться одни в этом мире. Кенлон вспомнил высказывания некоторых морских офицеров о том, что во время войны врага необходимо полностью уничтожать. В эпоху, из которой он происходил, даже в умах мягких, добрых людей, которые ненавидели агрессию, зарождались подобные мысли.

В создавшейся ситуации рыболюди являлись агрессорами. Хотя трудно было предположить, что они полностью не правы, когда судьба человечества висела на волоске, когда малейшая ошибка могла привести к тому, что род человеческий исчезнет с лица Земли.

Кенлон неохотно признал, что рыболюди лучше бы уничтожили ящеров йяз. А если это так...

Он вздохнул. Одно было ясно: он еще не готов принять решение.

Сверху раздался лязг. Кенлон подпрыгнул от неожиданности. Затем обернулся к Неммо.

— Они закрыли люк,— встревожено сказал он.— Это нельзя делать с включенными...— и прикусил губу.

Кенлон хотел сказать, что они не должны задраивать люки, пока работают вспомогательные двигатели, но вовремя спохватился, вспомнив, что сказал Совет крылатых людей: захватчицы не разбираются в примитивной технике.

Он бросился к баллону с кислородом. Спрятавшись за ним, он лег и глубоко вздохнул, чтобы набрать в легкие побольше воздуха.

Одна из пяти джоанн, находящихся в каюте, вышла минутой раньше. Кенлон отметил это только сейчас. Остальные четыре нетвердо держались на ногах. Непонимающе глядя друг на друга, они старались держать равновесие, но безуспешно.

Две женщины одновременно заметили Кенлона. Спотыкаясь, словно слепые, они неуверенно двинулись к нему. Одна из них прохрипела что-то на своем языке, увидела, что первый помощник не понял, покачнулась, а затем бросилась вон из каюты. Вторая, схватившись за горло, последовала за ней.

Все четверо одновременно сообразили, что требуется, чтобы не задохнуться. Трое благополучно выбрались из каюты, а четвертая мягко осела на пол.

В воздухе у пола было больше кислорода, и джоанна, казалось, стала приходить в себя. Она вся напряглась, словно борясь с невидимым противником, и попыталась встать. Но это только ухудшило дело. Вскоре она упала на пол без сознания.

Джоанны валялись повсюду на корабле; их воля к жизни оказалась сломлена примитивными хищными машинами, которые потребляли так много воздуха, что четырех или пяти минут оказалось достаточно, чтобы истощить весь запас кислорода внутри огромной подводной лодки.

Скорее всего, в их технических руководствах содержалось описание более совершенных субмарин, у которых вспомогательные двигатели работали не на дизелях, сжирающих кислород.

Амазонки просто не знали о подстерегающей их опасности.

Теперь Кенлону стало ясно, почему они не использовали атомные турбины, ведь применение атомной энергии, даже косвенное, невероятно сложный процесс, состоящий из множества последовательно выполненных операций. Инженеры Клен решили не рисковать и запустили более простые механизмы, но тут-то и просчитались.

Сознание Кенлона уже затуманилось, но он еще был в состоянии дотянуться до клапана на баллоне с кислородом и повернуть его. Быстро сделав несколько живительных вдохов, он встал и медленно, не спеша приблизился к девушке, лежащей в дверях.

Сняв с ее пояса энергетический жезл, он засунул его в карман и двинулся дальше. Пять джоанн лежали на полу машинного отделения. Выносливые двигатели еще работали, но неуверенно кашляли на диете из чистого масла. Кенлон выключил их, а затем быстро отцепил энергетические жезлы с поясов остальных женщин. Полузадохнувшийся, словно ныряльщик, слишком долго оставшийся под водой, он поспешил назад к баллону с кислородом.

На этот раз кислород опьянил его, но, преодолевая головокружение, Кенлон оставил клапан открытым и с легким сердцем обошел всю подводную лодку, собирая жезлы у джоанн. Всего он насчитал двадцать восемь солдат Сессы Клен, включая Дорилею, лежавшую без сознания на мостике.

Заперев жезлы в одном из шкафчиков. Кенлон начал перетаскивать женщин одну за другой в торпедный отсек. Открытые баллоны с кислородом наполняли атмосферу оживляющим газом. Женщины уже стали понемногу приходить в себя, когда он с мрачным удовольствием раздел их.

Это было жестоко, но у него не осталось другого выхода. Специальная одежда могла защитить моряков от действия невралов. После этого Кенлону пришлось проверить каждый шов, чтобы найти нейтрализующие элементы.

Выйдя из торпедного отсека, первый помощник обнаружил, что кое-кто из его команды уже оправился. Кенлон надеялся, что сумел восстановить свой престиж.

Час спустя, когда «Морской змей» снова оказался в руках его экипажа и взял курс обратно к небесной крепости, Кенлон все еще пребывал в веселом расположении духа.

На мостик поднялся Теддерс.

— Крылатый человек хочет видеть вас, сэр,— доложил он.

— Очень хорошо. Кенлон спустился вниз.

— Мои сородичи только что передали мне, что несколько минут назад рыболюди вынесли вашего командира на поверхность,— объявил Неммо.— Он жив и здоров.

* * *

Кенлон почувствовал, что у него будто камень с души свалился.

Он сидел в моторной лодке, направляющейся к капсуле, в которой находился капитан «Морского змея». Джонс-Гордон уже был виден сквозь прозрачный водонепроницаемый пластиковый пузырь, в котором его подняли на поверхность из морского города. Кенлон успокаивался все больше и больше. Теперь он точно знал, что делать. Когда командир ступит на борт «Морского змея», Кенлон снова станет подчиняться приказам капитан-лейтенанта Джонса-Гордона. Для него время принятия решений закончилось; хотя, как ни странно, у него зародилась одна идея, некое решение.

Вздрогнув, он заметил, что множество крылатых людей порхают над лодкой. Один из них спустился очень низко. Кенлон узнал Ларена.

— Совет... просил... встретить вас...— прокричал Ларен.— Если мы можем чем-то помочь...

Ну чем они могли помочь? Удивившись забавному предложению, Кенлон отрицательно покачал головой.

Его встреча с Джонсом-Гордоном оказалась совсем не такой, какой он ее себе представлял,— странно обыкновенной на фоне происходящих событий. Джонс-Гордон вскарабкался на борт моторной лодки и пожал руку своему первому помощнику. Сев рядом с ним на корме, он резко спросил:

— Чего хотят эти птицелюди?

— Они предлагают свою помощь, сэр.

— Гм...

Джонс-Гордон сидел некоторое время нахмурившись, затем произнес:

— Нельзя тратить ни минуты. Я более или менее в курсе событий. Один очень любопытный прибор сообщил мне странную информацию. Как я понял, наша подводная лодка была захвачена крылатыми людьми?

Кенлон вкратце описал захват лодки.

— Я никогда не доверял этим подлым тварям,— заметил Джонс-Гордон.

— Э-э-э...— протянул Кенлон. Он был удивлен. До него дошло, что поведение крылатых людей на словах выглядело гораздо хуже, чем в действительности. Он почувствовал необходимость все объяснить. Предчувствие чего-то неприятного и опасного охватило его.

— Их положение было отчаянным,— начал он.— Они искренне извинялись за то, что вынуждены были сделать. К ним нельзя не испытывать сочувствия. Они...

— Позвольте мне самому решить, чего они заслуживают,— оборвал его Джонс-Гордон. Он выпрямился.— Должен сообщить вам, мистер Кенлон, что я заключил сделку с рыболюдьми. Они вернут нас в наше время, если мы выпустим ракету в эту птичью клетку, торчащую в вышине, и сшибем ее в море. И я согласился.

— ЧТО? — удивился Кенлон.

Джонс-Гордон продолжал, словно не слышал восклицания Кенлона:

— Как только мы окажемся на борту «Морского змея», вы спустите на воду наш самолет. Затем проследите за тем, чтобы из четырех ракет были вынуты боеголовки, и удостоверитесь, что они погружены в бомболюк самолета. Приборы, которые управляют летающим островом, находятся на вершине здания. Отлейте все лишнее топливо из баков самолета. Летчик Орр наведет прицел.

— Но, сэр...— начал было Кенлон.

И замолчал. Он не мог продолжать. Он отказывался воспринимать безумные слова капитана, слова сумасшедшего, одержимого идеей убийства. Онемев, он тщетно подыскивал аргументы, которые могли бы образумить командира.

— Но сэр... убивать этих бедных...

— Чепуха! — отмахнулся капитан.— Это простое практичное решение проблемы, которое я выбрал. Нам необходимо встать на чью-то сторону. Птицелюди не могут причинить нам вреда. Рыболюди могут. Поэтому мы будем союзничать с ними.

— Практичное решение! — горько воскликнул Кенлон. Ошеломляющее заявление капитана едва не лишило его дара речи. Он сидел, похолодев от ужаса.— Должен заметить, сэр, впервые за время службы я полностью не согласен с вашими действиями.

Первый помощник замолчал, потрясенный собственными словами. Такое с ним было впервые. За всю свою службу на флоте он, получив приказ, никогда не спрашивал, никогда не сомневался. Он давал советы, только когда его спрашивали, и принимал без размышлений каждое рискованное решение начальства. Сознавая, что поступает безрассудно, он тем не менее пробормотал:

— Это убийство, сэр.

Они посмотрели друг другу прямо в глаза.

— Мистер Кенлон,— гневно объявил Джонс-Гордон,— я не хочу больше слушать эту чушь. Мы оказались в ситуации, когда необходимо однозначное решение. Мы должны выбрать одну из сторон. Моим единственным стремлением, которым я руковод-

ствовался, принимая решение, было возвращение подводной лодки в нашу эпоху.

— То, что вы собираетесь сделать,— сказал Кенлон,— будет иметь обратный эффект. У рыболюдей нет машин времени. Они...

Он остановился, наткнувшись на равнодушный взгляд Джонса-Гордона. Тот полностью закрыл свое сознание, и теперь на него не действовали никакие аргументы. Помня о характере своего командира, Кенлон понял, что ничего не сможет сделать, и произнес упрямо:

— Может быть, это повредит моей карьере, но я не хочу принимать участие в этом недостойном предприятии.

Сказав это, он понял, что одного отказа от действий недостаточно. Он не мог просто умыть руки, не мог стоять и смотреть, как совершается убийство. Второй раз за несколько часов он вспомнил слова Совета:

«Мы хотим, чтобы ваше решение было принято добровольно, может быть, под давлением обстоятельств, но...»

Никогда в жизни давление обстоятельств не было так велико. Если бы у Кенлона было время подумать, часть дня ушла бы на напряженное размышление.

Но времени не было. Готовилось убийство, хладнокровное убийство. И только решительные действия могли его предотвратить.

Внезапно Кенлон понял, что должен сделать,— все до последней детали. Он прикинул расстояние до подводной лодки. Что-то около трех сотен ярдов. Они дрейфовали на приличном расстоянии, опасаясь ловушки. Охваченный волнением Кенлон взглянул на крылатых людей. Они летали прямо над ним, примерно в ста двадцати футах. Их было около сотни.

В этот важный момент Кенлон ни капли не сомневался, что Совет, всеведущий Совет крылатых людей предвидел такое развитие событий, эту самую ситуацию — и предупредил его. Крылатые союзники будут действовать по его малейшему знаку.

Кенлон *взглянул вверх.*

Реакция крылатых людей была быстрее, чем он предполагал. Они пикировали вниз. Кенлон сделал вид, что кричит на них, на самом деле отдавая необходимые команды.

Джонс-Гордон вскочил на ноги.

— Черт побери! — воскликнул он.— Что вы сказали?

— Я приказал им убраться, сэр. Похоже, они собираются напасть на нас.

Это действительно было так. Он приказал им схватить, Джонса-Гордона, а заодно и себя.

— Хватайте меня тоже! — крикнул Кенлон.

В следующую секунду сильные мускулистые руки схватили их обоих. Их оружие полетело за борт, а сами они не могли двинуть ни рукой, ни ногой.

К нему подлетел Ларен.

— Что мы должны делать с вашим командиром?

— Вернете его на подводную лодку позже. Я передам через Неммо, когда именно.

Ему еще многое предстояло сделать. Сначала отправить джоанн на их корабль, потом навестить Арпо...

Глава 19

Приближаясь к голубому судну Кенлон ждал, что одинокий отшельник снова вторгнется в его сознание с помощью телепатии, но когда этого не произошло, первый помощник почувствовал волнение. Может быть... его самого здесь ждут?

Когда его маленькая лодка оказалась в считанных футах от корабля, высокий мужчина в свободных одеждах из материала, похожего на шелк, вышел на палубу и радушно помахал ему. Он был прекрасно сложен, как заметил Кенлон, его светлые густые волосы обрамляли благородное лицо наподобие львиной гривы.

Незнакомец наклонился и, крепко схватив Кенлона за руку, помог ему подняться на борт.

С близкого расстояния Арпо казался еще более величественным, он словно излучал силу.

В сознании Кенлона возникла мысль, первое ментальное сообщение:

«Добро пожаловать на борт, друг. Будь моим гостем».

Таково было поверхностное значение этих слов, но их сопровождала удивительная доброжелательность, подразумевающая: «Иди куда хочешь, ходи где хочешь, делай что хочешь».

Внутри корабль Арпо был прекрасно оборудован. Повсюду стояли глубокие, удобные кресла. По неслышной команде кресло рядом с Кенлоном развернулось. Когда первый помощник опустился в него по приглашению хозяина, ближайшее кресло встало напротив. Арпо подошел и сел.

Двое мужчин — офицер подводной лодки в опрятной белой форме и сверхчеловек из двадцатого тысячелетия в свободных одеждах — сидели некоторое время молча, глядя друг на друга.

— Ты знаешь все, о чем я думаю? — спросил Кенлон.

Арпо ответил утвердительно, добавив также, что в целях предосторожности, он уже запустил энергетическое защитное поле

вокруг Кенлона, чтобы ящеры йяз не могли проследить за его переговорами на других кораблях.

«Проблемы, связанные с инопланетянами, просто не решаются»,— продолжил свою мысль Арпо.

Кенлон ждал, почти не смея дышать.

— Существа вроде йязов имеют абсолютно субъективное мнение относительно сложившейся ситуации и не переменят его, пока не столкнутся с противодействием со стороны других рас Галактики. Только после долгих столкновении и переговоров в течение многих веков мы сможем мирно сосуществовать в космосе, так же как на Земле, когда мои предки сделали успешный шаг против войн и насилия. В настоящем такой возможности нет. Естественно, я помогу вам...

От Арпо Кенлон направился к рыболовной яхте с высокими мачтами. Когда он объяснил Роберсту, чего хочет, тот, попросив первого помощника подождать, спустился вниз. Когда он снова поднялся наверх, его лицо стало суровым.

— Тайнар останется на борту,— сообщил он.— Я отправляюсь с вами на ваше судно. Мы считаем, что ваш план вполне приемлем.

Это был план Арпо, но Кенлон не стал уточнять. Дальнейшие объяснения он даст чуть позже, сейчас же у него не было основания доверять Роберсту.

Затем Кенлон проследовал на «Сегомэй-8». Капитан Гэнд оказался коренастым человеком лет пятидесяти. Гэнд слушал первого помощника в течение нескольких секунд, затем сказал в микрофон:

— Подождите минуту, я думаю, что должны присутствовать все члены моей команды.

Когда Кенлон закончил, капитан Гэнд объявил:

— Командир, мы использовали детектор лжи, пока вы говорили, и он показал, что вы не лжете. Мы согласны с вашим планом и будем готовы к двум часам утра выполнить нашу часть.

Он пожал руку Кенлону.

— Это меняет дело, не так ли? Признаюсь, я несколько напуган, но восхищен тем, что Арпо собирается предпринять, хотя и не совсем понимаю, как он это сделает.

— Он заверил меня, что сможет проникнуть на их корабль,— сказал Кенлон. Глаза Гэнда расширились:

— Сам? Один?

— Ментально проникнуть.

— Я не понимаю всего этого, но звучит впечатляюще. Он объяснил, что будет делать, когда проберется туда?

— Нет.

— Ну...— с сомнением протянул Гэнд.— Нам остается только надеяться на лучшее. Действительно, события принимают неожиданный поворот,— закончил он, побледнев.

— Мы слушаем вас,— произнес чей-то голос.

— Ух! — воскликнул Гэнд.

Он удивленно огляделся, затем посмотрел на громкоговоритель.

— Командир Кенлон и капитан Гэнд, с вами говорит Тулгоронет.

«Это один из людей с корабля-шара»,— вспомнил Кенлон.

— Вы улучшили свои средства связи,— отозвался он.

— Вы знаете, что это? — быстро прервал его Гэнд. Кенлон кратко ему объяснил. Они оба замолчали, а предводитель экипажа из эпохи Сетидиллад продолжил:

— Да, мы долго работали. Теперь мы можем настраиваться на системы внутренней связи различных кораблей и использовать компьютеры-переводчики. Мы подумали, что не стоит затруднять вас посещением нашего корабля.

Уже стемнело, и Кенлон оценил по достоинству заботу Гэнда.

— Мы также переслали ваше сообщение на корабль Сессы Клен,— продолжал Тулгоронет,— и амазонки согласились с вашим планом.

Кенлона это вполне устраивало. Атмосфера корабля Клен ему не нравилась, и он не очень-то рвался снова там оказаться.

В замешательстве Тулгоронет продолжил:

— От вас исходит что-то странное, чего раньше не было. Эти ящеры ничего не могли сделать с вами?

Кенлон был удивлен, но честно ответил:

— Я все вам подробно рассказал.

Возвращаясь на «Морской змей», первый помощник боролся со страхом. Слова Тулгоронета сильно испугали его. А если и в самом деле незаметно для него самого ящеры обработали его какой-то дрянью?

Глава 20

Битва, произошедшая той ночью, очевидно, не имела аналогов в мировой истории.

Атакующий флот состоял из «Сегомэя-8» — тысячефутового ремонтного грузового корабля из двадцать девятого века, рыболовной яхты из сорок третьего века, космического исследовательского корабля из десятитысячного года, прогулочной яхты цивилизации Клен из сто тридцатого века, маленького корабля с од-

ним человеком — Арпо — из двухсотого века и подводной лодки Соединенных Штатов «Морской змей» под командованием Уильяма Кенлона из примитивной докосмической эры.

Им противостоял один суперкорабль, принадлежащий цивилизации, домом которой была одна из звездных систем Млечного Пути.

Кенлон был назначен главнокомандующим. В рубке его судна находились три новых члена экипажа и оборудование, которое не имела ни одна подводная лодка двадцатого века: компьютерная система перевода, поддерживающая связь с «Сегомэем-8» и шарообразным кораблем, энергетический блок с того же корабля, способный создавать защитное поле, пульт дистанционного управления автоматическими механизмами корабля Сессы Клен и прибор, контролирующий оружие судна Роберста и Тайнара.

Новыми членами экипажа стати Роберст с рыболовного судна, Массаганд с шарообразного корабля и джоанна, которую Кенлон раньше не видел,— она была представлена как помощник инженера корабля Клен и являлась, без сомнения, самым образованным в техническом отношении специалистом на подводной лодке.

Вскоре после полуночи Кенлон получил ментальное сообщение от Арпо, что все готово, и отдал приказ атаковать.

В темноте все корабли взяли курс на инопланетян.

Невозможно было точно установить, когда именно ящеры поняли, что же происходит. Но внезапно среди ночи стало светло. Сияние, похожее на своеобразный дневной свет,— своеобразный, потому что он был мягким, словно свет солнца, просеянный сквозь легкие облака,— осветило океан примерно на расстоянии мили. Потом оно становилось мягче, приглушеннее, что наводило на мысль, что этот феномен искусственного происхождения.

Кенлон мысленно спросил Арпо об этом. Тот ответил: «Они используют атмосферу так же, как вы в своей эпохе использовали неоновый газ. Свечение происходит от того, что через электроны атмосферы пропускается ток. Электроны бывают либо положительными, либо отрицательными, поэтому теоретически их можно использовать бесконечное число раз. На практике, конечно, такое невозможно. Иначе интенсивность свечения будет постоянно возрастать...»

Было уже достаточно светло. Подводная лодка, держа над водой только перископ, продолжала двигаться вперед в сопровождении «Сегомэя-8», рыболовной яхты и шарообразного корабля.

Казалось, йяз не собираются защищаться. Темная изогнутая поверхность их сигаровидного корабля по-прежнему оставалась над водой. На палубе не было заметно никакого движения.

Предчувствие Кенлона, очевидно, передалось Арпо, потому что он телепатировал: «Не следует их недооценивать. Быть может, такой совершенный корабль может уничтожить нас за доли секунды. И в критический момент они используют свою власть над вами».

Кенлон был поражен:

— Какую власть?

Он почувствовал страх перед неизведанным, беспомощность перед высшими силами.

Ответ Арпо прозвучал совершенно спокойно: «Вы были на их корабле. Они вживили капсулу в ваше тело. Она и сейчас в вас».

— Я ничего не чувствую,— бледнея, пробормотал Кенлон. Скорее всего, именно эту капсулу обнаружил Тулгоронет.

Усилием воли первый помощник взял себя в руки:

— Я не имею права командовать операцией,— объявил он.— Возможно, я должен покинуть подводную лодку.

Арпо оставался спокойным. «Все или ничего. Победим мы или нет — решит время. Если рассуждать логически, инопланетяне не захотят разрушить вашу подводную лодку, поскольку надеются использовать ее против рыболюдей. Они не подозревают, что я принимаю участие в битве. Я собираюсь открыть им это. Хотите проникнуть к ним на борт?»

— Вы имеете в виду ментально?

Его вопрос, должно быть, содержал в себе ноту согласия, потому что внезапно Кенлон оказался внутри корабля йяз.

Четверо из ящеров повернулись на мгновение, и Кенлон смутно осознал, что над его головой мерцают огни — крошечные вспышки света, которые казались точками, но были твердыми и хрупкими, как драгоценные камни.

Затем он снова оказался в своей каюте. Кенлон застыл, пораженный, затем глубоко вздохнул и спросил:

— Что произошло?

— Они выставили нас,— пришел телепатический ответ от Арпо.— Но теперь они знают о наших намерениях.

Казалось, эта разведка была бессмысленным действием. Зачем они обнаружили себя? Кенлон решил, что участие в операции Арпо лучше было бы держать в секрете.

«Нет! — шепнул Арпо, прочитав его мысли.— Вот и началась битва... Это для них большое потрясение».

Кенлон чувствовал себя беспомощным. И он не мог решить, какой вид оружия следует использовать, чтобы застать противника врасплох.

Итак, ящеры оказались ошеломлены, хотя не прозвучало ни единого выстрела.

У него возникло неприятное чувство, что Арпо, мирный человек, совершенно не знаком с ведением войны и не знает ее основного правила: когда бьешь, бей насмерть. Не нужно никаких предварительных переговоров, никаких предложений сдаться. На войне нужно победить.

«Я не могу позволить вам так плохо обо мне думать, командир,— откликнулся Арпо.— Мы с вами проникли к врагу, чтобы выяснить его планы... Я же сказал вам — нас выкинули вон».

— Вы хотите сказать, мы потерпели поражение?

«Да, если можно так выразиться. Их было четверо против меня одного, и они попытались использовать мою защитную энергию, чтобы нанести мне ответный удар, поэтому я отступил. Таким образом, я потерпел поражение, и атака, которая могла завершить сражение, оказалась безуспешной. С другой стороны, это не полное поражение, так как враги не смогли преследовать меня и уничтожить».

Кенлон пытался представить эту схватку. Он вспомнил мощные, яркие точки света у себя над головой и вздрогнул. Без сомнения, в этот раз «Морской змей» встретил достойного соперника.

Когда много позже он восстановил в памяти все события, его поразила стремительность происходящего...

— Что мы должны делать? — спросил он неуверенно.

— Держаться вместе.

Они приблизились друг к другу. Когда подводная лодка оказалась в полумиле от корабля йязов, инопланетяне выпустили длинный блестящий белый объект, который выглядел, как горящая лента. Лента устремилась к «Сегомэю-8», разбрасывая искры, словно бенгальский огонь. За мгновение до того как попасть в цель, лента взорвалась.

«Я нейтрализовал этот энергетический комплекс,— донеслась до Кенлона мысль Арпо.— А теперь вы должны предпринять ответный ход. Прикажите «Сегомэю-8» выпустить прессующий луч по «Дайку» — так ящеры называют свой корабль. Я жду».

Приказ был передан Гэнду:

— Прессор на цель!

«Теперь,— продолжал Арпо,— прикажите кораблю Сессы Клен наполнить этот прессор водой».

— Н-но,— возразил Кенлон,— в прошлый раз они наполнили водой винтовой луч.

— Теперь мы хотим направить прессор на «Дайку». Ваш инженер-джоанна поймет, что нужно сделать.

Когда Кенлон передал это сообщение, лицо женщины просияло. Она нажала необходимые кнопки, отдавая приказ.

— В тот раз мы старались быть осторожными, чтобы ничего не повредить. Теперь мы дадим им прикурить. Смотрите.

Кенлон увидел, как корабль йязов скрылся из виду. Он с тревогой ждал. Но шли секунды, а «Дайка» не показывалась.

— Что произошло? — спросил он у Арпо.

«Корабль на три четверти залит водой. И хотя их жизненная среда — вода, выходя в космос они вынуждены были уничтожить все необходимые для откачки воды механизмы. Сейчас они погрузились на двадцать футов. Быстро им от этого балласта не избавиться. Я чувствую, у них есть какой-то план, но не могу точно понять, какой. Они могут попытаться улететь. Поэтому предупредите Массаганда. Что бы ни произошло, он не должен покидать свой пост».

Кенлон отдал необходимые команды; но затем, когда он вернулся к перископу, ему пришло в голову, что, может быть, решение проблемы как раз в том, чтобы дать ящерам улететь.

Эта мысль постепенно трансформировалась в странное чувство, теплое и сокровенное желание, чтобы в этой ситуации нашлось правильное решение. Неожиданно Кенлон услышал какие-то странные звуки.

Глаза его заволокло туманом.

Первое, что он услышал, был далекий рев — словно вода плещет и бьется о каменистый берег.

Затем он обнаружил, что плывет глубоко под водой. Теплая вода приятно омывала его тело, сильное и ловкое, а кругом могучий океан. Так приятно чувствовать себя в нем, как дома. Тут Кенлон понял, что он не один. Другие ящеры — семь сотен — плыли в воде рядом с ним, вокруг него.

Он знал, не думая о том, что находится на своей родной планете и что он и его товарищи продолжают спорить о будущем.

Уже долгое время его раса завоевывала Вселенную, но планет было слишком много. Не только родная, но и все захваченные ящерами планеты уже давно перенаселены. Необходимо было отыскивать и заселять новые территории.

И, действительно, освоение Вселенной стало хорошим выходом из создавшегося положения. Раса ящеров прекрасно выжила во времени и пространстве, йязы правильно выбрали свой путь. Они были совершенными существами.

Эта вера не требовала доказательств. Она укоренилась глубоко внутри Кенлона и не нуждалась в подтверждении.

С тех пор как природа создала в лице йяз совершенное существо, другим расам не было места во Вселенной. Конечно, они могли бы примириться с большинством сухопутных рас, но они

не представляли никакой ценности и не должны были доставлять лишних проблем. Совершенство может примириться с несовершенством, хотя бы для напоминания о том, что и такое когда-то существовало...

Неожиданно сцена изменилась. Кенлон разглядывал суда, столпившиеся вокруг корабля йязов — вот яхта Сессы Клен, «Сегомэй-8», перископ его собственной подводной лодки, шарообразный корабль и маленькое судно Арпо.

...И он знал, что должен сделать. Потопить их все. Простейшее решение — выпустить шесть торпед прямо в цель.

И никто не сможет его остановить!

...Кенлон, вздрогнув, очнулся. Его держали Роберст, Бенджамен, главный офицер-электронщик и его помощник. Он отчаянно сопротивлялся, рыча словно зверь. Только Массаганд оставался на своем посту.

Внезапно Кенлон понял, что произошло, и прекратил борьбу.

— Я в порядке,— обессилено прохрипел он.— Однако по-прежнему не спускайте с меня глаз. Они отступили.

— Арпо предупредил нас,— проговорил Роберст в маленький микрофон.— Он сообщил, что с вами все в порядке, но дело еще не закончено.

«Быстрее! Все вернитесь на свои места. Они пытаются использовать свое преимущество»,— телепатически обратился к собравшимся в рубке Арпо.

Массаганд подозвал Кенлона:

— Смотрите!

Первый помощник «Морского змея» подошел и взглянул на показания индикаторов. Одна стрелка, дрожа, застыла на месте. Другая медленно кружилась. Третья зашкаливала.

Мельком взглянув на показания остальных приборов, Кенлон уставился в перископ и увидел конец действа. «Дайка» зависла над водой. Она медленно поднималась. Пока он наблюдал за ней, она поднялась на пятьсот футов, а потом опять замерла.

— Мы поймали ее нашим полем,— донесся до первого помощника голос Массаганда.— Все идет как нельзя лучше. Это экспериментальное поле, мы использовали его, чтобы замедлять движение метеоритов на их орбитах, и нам удалось успешно управиться с несколькими, а они были более десяти миль в диаметре. Этот корабль меньшей массы, поэтому через секунду...

Мгновение, и корабль ящеров начал падать.

— Пока они беспомощны,— продолжал Массаганд,— мы изогнем поле и сломаем их двигатели, искорежим стены их корабля.

«Пойдемте со мной!» — прозвучало ментальное послание Арпо.

Мгновение, и Кенлон был уже внутри «Дайки».

...Это зрелище Кенлон никогда не мог забыть. Он не раз видел его в кошмарных снах. Ужас, преследующий каждого подводника,— вот что он увидел, оказавшись на борту корабля инопланетян.

...Полная катастрофа! Вода почти доходила до потолка. Корабль, падая, снова и снова переворачивался, и огромная масса воды крутилась с невероятной скоростью внутри обреченного звездолета.

Со всех сторон доносились звуки рвущегося и ломающегося металла.

И снова Кенлон подумал в ужасе: «Вот что происходит, когда подлодка получает пробоину. Вода ревет, моторы завывают и глохнут, и вся скрежещущая, разваливающаяся громада идет ко дну...»

Подумав об этом, он увидел ящера у стены, каким-то образом уцелевшего, невредимого, вцепившегося в переборку, с тревогой наблюдавшего за крушением. Когда стена воды обрушилась на него, он отвернул голову, а когда вода схлынула, он был в своем укрытии. Он внимательно наблюдал за происходящим, словно раздумывал, какой следующий шаг ему необходимо предпринять.

Кенлон лишь на секунду встретился с ним взглядом и почувствовал, что необходимо спасти корабль йязов во что бы то ни стало...

В следующее мгновение он вновь оказался на капитанском мостике своей субмарины...

«У них еще много сил,— услышал он ментальное послание Арпо.— Я не стал ждать, пока нас прогонят. Они сейчас пытаются взорвать капсулу, находящуюся внутри вашего тела».

Кенлон почувствовал, как на него нахлынул страх, и кровь отлила от лица. Он прошептал:

— Я должен покинуть корабль, немедленно!

«Нет! Прикажите Массаганду, чтобы он продолжал менять энергетическое поле»,— последовала решительная команда Арпо.

Кенлон, побледнев, произнес нужные слова, чувствуя, как каждый звук эхом отдается у него в ушах.

— Я скручу их лодку в спираль,— пообещал Массаганд.

Кенлон напряженно наблюдал за стрелками приборов, в то же время чувствуя, что с ним происходит что-то непонятное.

Неожиданно у него заболело в области солнечного сплетения, но почти сразу боль отпустила.

«Вот оно! — доложил Арпо.— Вы свободны. Но борьба еще не окончена».

Кенлон продолжал наблюдать в перископ, как сопротивляется «Дайка».

Океан бушевал. Вода вздымалась на сотни футов. Волна, которая напоминала маленькую гору, покатилась по направлению к маленькому флоту союзников. Через несколько секунд оглушительный грохот донесся через микрофоны, звук взрыва гигантской глубинной бомбы.

Когда этот звук стих, Кенлон торопливо предупредил все корабли, чтобы они приготовились встретить приливную волну.

Меньше чем через минуту волна обрушилась на «Морского змея».

Хотя подводная лодка находилась на перископной глубине и двигалась перпендикулярно волне, в момент удара она на мгновение застыла и вздрогнула, затем погрузилась на много ярдов, а потом почти выскочила на поверхность, снова погрузилась, но восстановила курс.

Другие корабли были, очевидно, тоже достаточно прочны, потому что, когда Кенлон смог что-либо рассмотреть в перископ, он увидел всех целыми и невредимыми.

«Ждите!» — сказал Арпо.

Кенлон замер. Прошло несколько секунд. Затем:

«Ящеры покинули свое судно,— сказал Арпо.— Они собираются найти удаленное место на дне океана, где смогут выжить и построить новый корабль».

— Стоп машина,— приказал Кенлон.

«Скажите Роберсту, пусть попросит Тайнара выпустить двадцать две рыболовные капсулы в ту область, где затонула „Дайка“».

Роберст быстро передал приказ Арпо.

Прошло около минуты; затем из динамиков раздался голос Тайнара:

— Все двадцать две пошли к цели.

«Ждите!»

Прошло несколько минут прежде чем Арпо прислал новое сообщение:

«Одна из капсул случайно зацепила рыбу. Прикажите Тайнару выпустить еще одну».

Когда и это было исполнено, Арпо отдал последний приказ:

«Прикажите Тайнару дистанционно взорвать все капсулы».

Снаружи вновь стало темнеть. Свет воздушной осветительной системы ящеров постепенно ослабевал, не имея больше подпитки от корабля йязов.

...Скоро ночь вступила в свои права.

Несмотря на сгущающуюся тьму, Кенлон увидел в перископ светлые пятна на волнах,— следы подводных взрывов. Он не смог подсчитать точно, сколько их было; все произошло слишком

быстро. Но наконец пришло долгожданное подтверждение от Арпо.

«Поздравляю, поздравляю,— мысленно передал тот.— Война окончена. Враг уничтожен. Люди вновь обрели свою планету».

— А как же птицелюди и рыболюди? — с тоской спросил Кенлон.— На чью сторону нам предстоит встать?

«Ни на чью. И те и другие — люди, имеющие одинаковое право на жизнь».

— Но мне нужна помощь. Мне нужен совет...

«Простите... Я больше ничем не могу помочь. А теперь прощайте, командир Кенлон. Я не смогу больше поддерживать связь».

— Подождите...

Но от Арпо больше не поступало никаких сообщений.

Кенлон медленно повернулся к своим союзникам. В этот миг он принял окончательное решение. Он знал, что должен делать; он знал также, что поступает не совсем честно. Битва подошла к концу, и наступил тот момент, когда победители должны были принять решение.

И решение было принято. В этот момент оно казалось Кенлону единственно правильным.

Глава 21

Примерно час спустя Кенлон отдал приказ:

— Огонь!

Двадцать шесть торпед пошли к цели, достигли центра города, где находился Совет рыболюдей, и разрушили источник их знаний.

Потом первый помощник приказал «Морскому змею» отступить. На дне моря остался город, почти не поврежденный, но лишенный Совета — источника знаний, с помощью которого рыболюди могли бы победить крылатых людей.

Подводные жители остались невредимы, но на долгие годы потеряли возможность злоупотреблять наукой. Теперь они вынуждены будут научиться сотрудничеству. А если они захотят получить какую-то полезную информацию, им придется обратиться к крылатым людям.

Но сначала... еще две торпеды были посланы в гигантский гравитационный магнит, медленно, но непрерывно притягивающий небесный остров...

Через Тулгоронета Кенлон связался с другими кораблями и попрощался с их экипажами. Когда он вызвал корабль Клен, Сесса захотела поговорить с ним лично.

— Командир Кенлон,— обратилась она к первому помощнику,— я искренне восхищаюсь вами. Наблюдая за вашими действиями, я пришла к выводу, что в нашей эпохе и в самом деле нет таких храбрых мужчин. Поэтому я решила не вступать в брак, который уготован мне в Клен. И...— внезапно она смутилась,— почему бы вам, когда ваш капитан возьмет на себя командование, не перейти на мой корабль? Вы могли бы отправиться со мной в эпоху Клен...

Кенлон некоторое время обдумывал это предложение, прекрасно сознавая, какие перспективы могли бы открыться перед ним. Но представив атмосферу, царящую в мире амазонок, и себя, выставленного там на посмешище, он содрогнулся.

— Моя госпожа,— он старался быть предельно вежливым,— все мы принадлежим разным эпохам. Я — своей, вы — своей...

Когда связь прервалась, Кенлон еще долго размышлял над превратностями судьбы... В течение нескольких дней люди, разделенные временным барьером, оказались вместе. Скоро пропасть времени снова их разделит. На этот раз навсегда...

* * *

Крылатые люди опустили Джонса-Гордона на мостик «Морского змея». Резким движением капитан освободился от ремней.

— Проследите, чтобы все спустились вниз, мистер Кенлон,— спокойно сказал он.— Нам нужно погрузиться как минимум на двести футов. Мы возвращаемся в наше время.

Неммо вылез на палубу и пожал руку Кенлону:

— Наш Совет оказался мудрее всех нас,— сказал он и, расправив крылья, метнулся в небо.

Кенлон медленно повернулся и посмотрел на капитана. Они оставались одни на мостике — мерили друг друга взглядами. Кенлон не сомневался, что капитан-лейтенант понял, что он поднял мятеж.

Наконец Джонс-Гордон медленно протянул ему руку.

— Похоже, Билл,— примирительно заговорил он,— вам лучше удалось разобраться в том, что тут происходит. Ей богу, сумасшедший мир... Но вы оказались правы...

Субмарина вновь поднялась на поверхность через десять минут, перенесясь на 24999 лет в прошлое. Ранним утром «Морской змей» всплыл где-то в южной части Тихого океана. Моряков встретило спокойное, сверкающее море.

УБИЙЦЫ ЗЕМЛИ

ТРИ ДУРНЫХ ГЛАЗА

1

Показание Томаса Бэррона, данное на коронерском расследовании.

«Меня зовут Томас Бэррон. Я уже девять лет являюсь совладельцем брокерской конторы «Слейд и Бэррон». Я никогда не подозревал, что Майкл Слейд чем-то отличается от нормальных людей. У него был сильный характер, и я всегда считал его довольно высокомерным.

После автомобильной катастрофы, спровоцировавшей интересующие вас события, я встречался с ним десяток раз, в основном по поводу покупки его доли в бизнесе. Он никак не дал мне понять, что с ним что-то не ладно, и я не имею представления о том, что же произошло на самом деле».

Произошла авария; перевернувшись, машина аккуратно лежала на крыше кузова. Слейда оглушило; он очнулся, лежа на спине, и понял, что потерял свои очки. Со лба на левый глаз текло что-то теплое.

Он отер жидкость и с удивлением обнаружил, что это кровь. Он постарался улыбнуться своей жене, которая уже начала приходить в себя. Потом сказал:

— Вроде живы. Не знаю, что произошло. Думаю, полетела коробка передач.

Мириам находилась совсем рядом, так что, несмотря на близорукость, он даже без очков увидел, что она глядит на него со смесью ужаса и тревоги.

— Майкл, твой лоб... та опухоль! Она прорвалась, идет кровь и... *Майкл, там глаз!*

Слейд ничего не понимал. Почти автоматически он повернул зеркало заднего вида так, чтобы в нем отражался его лоб. На

коже образовался разрыв, начинавшийся в дюйме от линии роста волос и продолжавшийся вниз дюйма на два.

И там был ясно виден третий глаз.

Веко было покрыто толстым слоем какого-то липкого вещества, и Слейд вдруг ощутил, как новоявленный глаз помаргивает оттого, что слабо чувствует свет.

Глаз начал болеть.

У одного из наших жителей три глаза.

В результате вчерашнего дорожного происшествия, во время которого прорвалась кожа на лбу у Майкла Слейда, выяснилось, что у молодого бизнесмена три глаза. Давая интервью в госпитале, куда мистер Слейд был доставлен проезжавшей мимо машиной, он находился в бодром расположении духа, но не дал случившемуся никакого объяснения. «У меня на лбу всегда было какое-то размягчение,— сказал он.— Сам же третий глаз кажется мне совершенно ненужным придатком. Не представляю, что это за причуда природы».

Он сообщил, что, скорее всего, ему пересадят кожу и восстановят прежний вид. «На уродов,— сказал он,— люди ходят смотреть в балаган. В других местах смотреть на них неприятно».

Обнаружение в нашем небольшом городке трехглазого человека вызвало в местных научных кругах оживленный интерес. Мистер Артур Трейнор, преподаватель биологии в средней школе с техническим уклоном, предположил, что это либо мутация, либо третий глаз был когда-то у всех человеческих существ и это, таким образом, атавизм. Однако последнему предположению противоречит тот факт, что во всем животном мире нормой является наличие двух глаз. Хотя, конечно, существует железа, известная как шишковидное тело, которую иногда называют третьим глазом.

Доктор Джозеф Макайвер, офтальмолог, считает, что было бы интересным экспериментом вернуть всем трем глазам нормальное зрение. Он признал, что это будет сложно, поскольку третий глаз мистера Слейда лишь едва чувствует свет; а также потому, что при существующей сейчас распространенной методике тренировки довольно трудно вернуть положенную фокусировку и стопроцентное зрение не только трем, но и обычным двум глазам.

«Тем не менее,— заключил доктор Макайвер,— человеческий мозг — странный и удивительный механизм. Когда он расслабляется, все приходит в равновесие. Но если в нем по какой-то причине наличествует фоновое раздражение, начинаются неполадки со зрением, слухом, пищеварением и другими функциями организма».

У миссис Слейд интервью нашему корреспонденту взять не удалось.

Показание миссис М. Слейд, данное на коронерском расследовании.

«Мое имя Мириам Леона Креншо. Я бывшая миссис Майкл Слейд. Я развелась с мистером Слейдом и по закону имею право пользоваться своей девичьей фамилией. Познакомилась я с мистером Слейдом примерно шесть лет назад; тогда у меня насчет него не возникло никаких подозрений.

После аварии, в которой проявилось его странное отличие, я виделась со своим мужем лишь дважды. Первый раз — когда умоляла его изменить свое решение оставить все три глаза на виду. Но на него сильно повлияли опубликованные в прессе слова местного офтальмолога о том, что есть возможность вернуть зрение всем трем глазам. Он также считал, что слухи о нем распространились так широко, что любые попытки скрыть правду бесполезны.

Это решение было единственной причиной нашего развода, и второй раз я встречалась с ним, когда подписывала документы.

О последующих событиях мне ничего не известно. Я даже не видела его тела. Так как мне описали, до какой степени оно обезображено, я отказалась от освидетельствования».

Слейд сидел в саду, массировал глаза, глядел на таблицы и дожидался офтальмолога. Стояла солнечная погода, но он расположился в тени, удобно устроившись в кресле. Сейчас главное для него — достичь полного расслабления.

Он был несколько раздражен тем, что хотя уже почти три месяца самостоятельно занимается по книгам, успехи его пока невелики.

На дорожке послышались шаги. Слейд с любопытством смотрел на приближающегося офтальмолога. Доктор Макайвер был седовласым мужчиной лет пятидесяти пяти — большего Слейд без очков разглядеть не мог.

Врач сказал:

— Ваш слуга сообщил, что я могу найти вас здесь.

Не дожидаясь ответа, он непринужденно повернулся в сторону газона, где стояли три таблицы: одна на расстоянии пяти, другая — десяти и третья — двадцати футов от кресла Слейда.

— Ну,— констатировал офтальмолог,— я вижу, вы знакомы с принципами тренировки зрения. Как бы я хотел, чтобы, по

крайней мер,е миллиард человек поняли, как это здорово, когда им на задний двор с неба струится свет яркостью в десять тысяч свечей. Думаю,— заключил он,— до того, как умру, я сделаюсь солнцепоклонником!

Слейд обнаружил, как проникается расположением к этому человеку. До того как он обратился к доктору Макайверу, он немного сомневался, стоит ли привлекать к своей проблеме даже специалиста. Но сейчас его сомнения начали рассеиваться.

Слейд объяснил, что его беспокоит. Прошло почти три месяца, а все его достижения сводились к тому, что третий глаз мог видеть с расстояния в один фут строчку, которая должна была быть видна с расстояния десяти футов; к тому же, когда он отходил от таблицы, видимость ухудшалось непропорционально увеличению расстояния. С трех футов Слейд едва видел букву «С» на строке, предназначенной для чтения с двухсот футов.

— Другими словами,— сказал доктор Макайвер,— проблема теперь в основном психологическая. Ваше сознание подавляет незнакомые ему образы, и можете быть почти уверены, что подавляет оно их потому, что привыкло так делать.

Он повернулся и стал распаковывать свой чемоданчик.

— Давайте посмотрим,— сказал уверенным тоном врач,— не сможем ли мы заставить его подчиниться.

Слейд сразу же почувствовал, как успокаивается и расслабляется под действием пылкой уверенности этого человека. Как раз такая помощь ему и была нужна. Должно быть, внутреннее напряжение нарастало уже давно. По всей вероятности, он бессознательно испытывал досаду оттого, что так медленно продвигался вперед.

— Вначале несколько вопросов,— сказал доктор Макайвер, выпрямляясь и держа в руке ретинаскоп.— Читаете ли вы ежедневно мелкий шрифт? Можете ли вы скакать по буквам? Вы приучили глаза к прямому солнечному свету? Хорошо! Начнем без массажа с правого глаза.

Слейд мог прочесть с расстояния в двадцать футов строчку, которая при нормальном зрении должна была быть видна с пятидесяти. Он заметил, что Макайвер стоит в восьми футах от него и изучает его глаз через ретинаскоп. Наконец офтальмолог кивнул.

— Зрение правого глаза 20/50. Астигматизм три диоптрии,— потом добавил: — Вы занимаетесь рассматриванием домино?

Слейд кивнул. Он все-таки значительно продвинулся в преодолении мышечного дисбаланса, вызывавшего астигматизм, которым страдали все три его глаза.

— Теперь левый глаз,— сказал доктор Макайвер. И чуть позже провозгласил:

— Зрение 20/70, астигматизм три диоптрии. Средний глаз, зрение 3/200, астигматизм 11 диоптрий. Теперь помассируйте.

Массаж в правом и левом глазу вызвал прояснение зрения на длительное время до 20/20 и в среднем глазу — на несколько секунд — до 5/70.

— Думаю,— сказал доктор Макайвер,— начнем с того, что попытаемся добиться улучшения видения черного. То, что вы видите, вашему сознанию может казаться черным, но вы себя обманываете. Потом сделаем некоторые упражнения, в том числе побросаем теннисные мячики.

Он порылся в своем чемоданчике и вынул сверток со всевозможными черными предметами. Слейд рассмотрел клочок черного меха, пучок черной шерсти, черную хлопчатобумажную ткань, квадратик черного картона, черный шелковый лоскут, кусочек черного металла, вырезанную из черного дерева фигурку и разнообразные черные вещицы, среди которых были пластмассовая чернильная ручка, галстук-бабочка и небольшая книжечка с черной обложкой.

— Посмотрите на эти предметы,— сказал Макайвер.— Сознание может запомнить оттенки черного только на несколько секунд. Массируйте глаза и переключайте внимание с одной вещи на другую.

Через полчаса зрение каждого глаза заметно улучшилось. Большую «С» третьим глазом он видел с расстояния в двадцать футов, а находящиеся ниже «R» и «B» были расплывчаты, но узнаваемы. До совершенного же зрения было еще очень и очень далеко.

— Массируйте снова,— велел доктор Макайвер. На этот раз после того, как Слейд закрыл глаза, он стал тихо говорить:

— Черное черно, черно. Нет черного кроме черного. Черное, чистое, без примесей черное черно, черно.

Кажущиеся, на первый взгляд, абсурдом, эти слова все-таки не были лишены смысла. Слейд поймал себя на том, что улыбается, представляя себе черный цвет различных предметов, которые доктор Макайвер разложил у себя на коленях. Черный, думал он, черный, почему ты черный?

А ведь все чрезвычайно просто! Черный цвет, такой черный, как цвет ночи без звезд, черный, как типографская краска, черный, как только может вообразить сознание человека. Черный.

Слейд открыл средний глаз и увидел на таблице, стоящей в двадцати футах, десятифутовую строчку. Он поморгал, но она осталась такой же ясной и четкой. Удивленный, он открыл остальные два глаза. Строка по-прежнему не расплывалась. Он оглядел свой задний двор.

Он *видел*!

Поначалу забор, соседние дома, таблицы на газоне и кустарник по его краям оставались частью пейзажа. Но вот Слейд увидел, как привычный вид — его задний двор, холм справа и крыши соседей — казалось, понемногу теряет свою яркость, и сквозь него проступает другой, доселе неведомый. Создавалось впечатление, будто смотришь на просвет на два фотографических кадра, наложенных друг на друга.

Постепенно контуры нового ландшафта прояснились. Слева, там, где дома спускались в ложбину, простиралось огромное болото, поросшее густой яркой растительностью. По правую руку, где горизонт был всегда скрыт холмом, рассыпались десятки пещер; перед входами в них горели костры.

Дым от костров вился едкими струйками, постепенно превращаясь в одно темно-серое облако, которое уже наполовину скрыло усадьбы Мортона и Глэдвондера, стоявшие на холме. Они все тускнели и тускнели. И вот Слейд заметил, что холм с пещерами немного выше и круче, чем холм с современными постройками. Как раз на этом уступе он и увидел то, что совершенно поразило его воображение.

Человеческие существа! Они суетились, склонялись над висящими котлами, подкладывали дрова, исчезали внутри пещер и затем появлялись снова. Их было немного; почти у всех были длинные волосы, как у женщин, или же это были дети. Из-за своей дикарской одежды — она была ясно видна даже с такого расстояния — они имели абсолютно нереальный вид.

Слейд все еще сидел в кресле. У него возник безотчетный порыв подняться с места, но он не успел ни отреагировать, ни даже осознать увиденное. Наконец он вспомнил, что все это является следствием того, что у него улучшилось зрение, и следом молнией промелькнула мысль: что же, в самом деле, произошло?

Однако он еще не вполне понял, чему именно ему следует удивляться; к тому же пейзаж с пещерными жителями становился все более и более четким. Соседние дома и его собственный задний двор походили теперь на зыбкие миражи, и ему казалось, что он смотрит на них сквозь всеобволакивающий туман.

Только сейчас Слейд заметил, что его глаза напрягаются, чтобы удержать оба этих образа, но напряжение уменьшается по мере того, как второй пейзаж все сильнее завладевает его вниманием.

Слейд вышел из оцепенения. Затем почти механически встал.

С огромным и все возрастающим интересом он отметил, что там, где кончалось болото, начинался холмистый луг, по которому были разбросаны яркие пятна гигантских цветущих кустов, а вдали росли деревья, казавшиеся удивительно высокими.

Все подробности открывшейся ему картины были видны так четко и ярко, как только и может выглядеть земля под летним солнцем. Перед Слейдом простиралась согретая первобытным теплом, богатая красками дикая природа, почти не тронутая человеком. Это была словно сказочная страна, и он смотрел на нее, широко раскрыв глаза.

Наконец, полный восхищения, он обернулся, чтобы осмотреть местность позади себя — и, вероятно, как раз в этот момент из-за стоявшего там дерева вышла девушка.

Она была высокой и держалась очень прямо. Должно быть, она собиралась поплавать в ручье, с журчанием впадавшем в болото в нескольких ярдах от нее, поскольку, если не считать украшения в виде серебряного пояса, на ней не было одежды.

У девушки было три глаза, и все три с удивлением и без тени смущения разглядывали Слейда. В ее манере держаться проглядывало что-то не слишком приятное, даже отталкивающее. Она имела вид существа, наделенного властью и привыкшего думать только о себе. У Слейда было достаточно времени, чтобы понять, что она старше, чем кажется.

При виде Слейда глаза женщины сузились. Низким, как голос скрипки, контральто она произнесла несколько слов, смысл которых был непонятен, но интонация неприятно резка.

Затем образ ее начал тускнеть. Деревья и огромное болото, которые еще были видны слева, поблекли на глазах. Сквозь тело женщины, ставшее прозрачным, проступили контуры дома, и все вокруг быстро приняло вид, уже знакомый Слейду многие годы.

Внезапно он вновь оказался на заднем дворе своего дома.

— Куда вы подевались? — спросил доктор Макайвер. На его лице были написаны радость и удивление.— Я отвернулся, а вы, не сказав ни слова, ушли.

Слейд ответил не сразу. Глаза жгло, как огнем.

Показание доктора Макайвера, данное им на коронерском расследовании.

«Я общался с Майклом Слейдом около двух с половиной месяцев, в течение которых по часу в день помогал ему тренировать зрение. Процесс шел медленно, так как после наступившего в первый день кажущегося выздоровления произошел необычно резкий регресс.

Каждый раз, когда я спрашивал его о том, что конкретно он наблюдал за то краткое время, когда зрение улучшилось, он колебался и затем уходил от ответа».

В конце четвертой недели зрение его третьего глаза составляло всего лишь 1/40. Затем он решил провести отпуск на своей ферме в Кэннонвилле в надежде, что окружение, напоминающее времена его детства, позволит ему расслабиться и будет способствовать исцелению.

Как я понимаю, позднее Слейд вернулся домой, но в следующий раз я увидел его только тогда, когда меня вызвали в морг для опознания его обезображенного тела».

2

В первый день по приезде на ферме было прохладно. Дул сентябрьский ветерок и чувствовалось скорое приближение осени. Когда Слейд устроился перед своими таблицами, солнце уже висело низко на западе. Он вздохнул. День почти прошел.

Слейду казалось, что сегодня должно произойти нечто очень важное. К тому же, его тревожило воспоминание о пещерных жителях, появляться слишком близко от которых Слейду не слишком-то хотелось. Но здесь, в этой прерии, появление каких-либо обитателей потустороннего мира казалось маловероятным.

То, что сознание захочет увидеть, думал Слейд, *оно увидит; было бы что видеть.* Слейд решил создать условия, позволяющие сознанию видеть.

Он позанимался массажем, затем посмотрел на таблицу средним глазом. С двадцати футов он смог разглядеть большую «С»; «R» и «B» под ней были расплывчаты, а «T», «F», «P» выглядели сплошным серым пятном. Улучшением это считать было нельзя.

Он снова промассировал глаза. Глазное яблоко, согласно методике тренировки зрения, является сферическим органом, удлиняющемся при взгляде на близкие предметы и сокращающемся при взгляде вдаль. Некоторые из пользующихся этой методикой врачей были готовы допустить, что даже ресничная мышца до некоторой степени изменяет форму хрусталика.

Каким бы ни было рациональное объяснение тому, почему система действительно работает, известно, что если мышцы напряжены непропорционально, зрение ухудшается. И поскольку эти мышцы управляются представлением — частью сознания, с трудом поддающейся тренировке — для тех, кто уже долго носит очки или имеет другие проблемы со зрением, задача становилась еще более сложной.

Решение, думал Слейд, *находится во мне. Я уже избавился от астигматизма в правом и левом глазах, но в среднем глазу*

астигматизм упорно сохраняется, так что иногда глаз вообще ничего не видит.

С его сознанием что-то неладно. Глаз уже доказал, что способен нормально функционировать.

Оставался всего час до захода солнца, а мозг Слейда все еще отказывался работать с третьим глазом.

Может быть, подумал Слейд, *если я похожу по разным местам, о которых у меня сохранились наиболее яркие детские воспоминания, я смогу снова поймать настроение и...*

Прежде всего, следует найти ручей, на берегах которого он так часто прятался в кустах или смотрел, лежа в траве, как мимо проезжают машины, направляясь в какие-то далекие и удивительные места.

Он прижался лицом к прохладной мягкой траве. Он понял, что устал и что все последние месяцы находился в постоянном напряжении.

Ну не дурак ли я? — думал он.— *Настроил против себя жену, расстался с друзьями — и все ради погони за обманчивой мечтой!*

Действительно ли он видел тот другой мир, или это была некая фантастическая галлюцинация, возникшая из-за глубокой перестройки в организме?

От таких мыслей его охватило уныние. Солнце зашло, сумерки стали сгущаться, и Слейд направился вдоль ручья назад к дому на ферме.

В темноте ему не удалось отыскать тропинку, и он пошел через пастбище, то и дело спотыкаясь о кочки.

Он увидел свет в окне дома, но не смог понять, почему тот находится так далеко. Это несколько обеспокоило его, но по-настоящему он испугался, лишь когда сообразил, что уже давно должен был дойти до забора.

Медленно опускаясь на траву и сдерживая подступавший страх Слейд подумал: *Смешно. Я начинаю выдумывать невесть что.*

Однако когда он попытался вглядеться в окружавшую его кромешную тьму, возникло противное ноющее ощущение под ложечкой. Луны не было, и небо, должно быть, затянули тучи: не проглядывала ни одна звезда. Хотя свет вблизи горел ярко, он не освещал самого здания.

Слейд поморгал, с растущим любопытством глядя на этот свет, и беспокойство его начало отступать при мысли, что вернуться назад на Землю, вероятно, будет достаточно просто. Ведь, в конце

концов, он всего лишь думает, что он здесь. Он наверняка без особого труда сможет вернуться назад.

Слейд поднялся на ноги и двинулся вперед. По мере того как источник света приближался, ему все больше казалось, что он исходит из двери. Слейд разглядел, что дверь находится под сильно выступающим изогнутым металлическим козырьком. Козырек тускло поблескивал в темноте, не давая даже намека на форму всей остальной конструкции, теряющейся в непроглядном мраке.

Слейд остановился в нерешительности примерно в ста футах от входа.

Любопытство его возрастало, между тем как решимость обследовать странное сооружение уменьшалась с каждой минутой. Только не сейчас, не этой темной ночью в неизвестном ему мире. *Дождаться бы утра*, с огорчением думал он, прекрасно понимая, что еще до наступления рассвета в сознании снова возникнет напряжение.

Только постучать в дверь, думал он, *только заглянуть внутрь. И тут же снова в темноту.* Дверь оказалась сделана из металла и была такой массивной, что костяшки пальцев выбили по ней лишь едва слышный стук. У Слейда в кармане нашлась серебряная мелочь, и когда он постучал монетой, раздался резкий звон. Слейд тотчас отошел и стал ждать.

Тишина становилась непереносимой, обволакивала, словно мрачное покрывало. Темная и тихая ночь в первобытной стране, населенной пещерными жителями и...

И кем еще? Это ведь не жилище пещерного человека. Не может ли оказаться так, что он попал совсем не на тот уровень Земли, где он встретил обнаженную девушку?

Слейд отошел подальше в тень. Он споткнулся и оцарапал икры. Стоя на одном колене, он осторожно ощупал предмет, попавший ему под ноги. Металл. Это заинтриговало его. Он осторожно нажал кнопку фонарика, но тот не загорелся. Слейд тихо выругался и попытался вытащить торчавший из земли предмет; тот походил на колесо, приделанное к какой-то коробке. Пока Слейд ощупывал свою находку, пытался дергать и тянуть ее на себя, пошел дождь. Это заставило его укрыться под ближайшим кустом. Но дождь все усиливался, так что наконец на Слейда с куста полилась вода. Слейд смирился с судьбой и направился назад к двери. Он потрогал замок и толкнул ее. Дверь тут же отворилась.

Внутри был виден ярко освещенный, длинный и просторный коридор из матового металла. Примерно в ста футах, в конце огромной прихожей, его пересекал другой коридор. В обоих его концах находилось по три двери.

Слейд начал открывать их одну за другой. За первой было длинное узкое помещение, все блестящее, словно в синих зеркалах. По крайней мере, казалось, что это зеркала. Потом Слейд вдруг заметил, что в глубине их светят звезды.

Слейд поскорее захлопнул эту дверь. Не то чтобы он почувствовал страх. Просто сознание его замерло в нерешительности перед тем, что не могло интерпретировать. Опора для его рассудка в этом мире была слишком шаткой, и Слейду не хотелось ставить его перед непостижимыми тайнами.

Слейд перешел к одной из дверей слева. За ней было длинное узкое помещение, наполовину заполненное штабелями ящиков. Некоторые из них были открыты, и содержимое высыпалось на пол. Перед Слейдом блестели приборы, целая куча всевозможных механизмов самых разных размеров. Некоторые ящики были неаккуратно отодвинуты в сторону, словно здесь искали какой-то определенный предмет.

Слейд затворил и эту дверь, находясь в недоумении, но не ощущая никакой угрозы. Кладовая — вещь понятная, и сознание Слейда восприняло ее как нечто знакомое, не задаваясь вопросом о содержимом ящиков.

За средними дверями располагались массивные механизмы, занимавшие по высоте две трети помещения. Несмотря на их огромные размеры, Слейд понял, что это такое. Уже больше года американские газеты и журналы печатали фотографии атомных двигателей, разработанных Чикагским университетом для космических ракет. Дизайн немного отличался, но по общему виду узнавались они безошибочно.

Слейд поскорее закрыл все двери и остался стоять в коридоре, ощущая недовольство ситуацией. Ярко освещенный изнутри космический корабль, стоящий в пустынной степи на каком-то неведомом уровне существования, а снаружи одинокий огонек, словно маяк, привлекает одиноких путников вроде него, предлагая спасение от темноты — и это реальность?

В последнем Слейд сомневался. Более того, у него возникло скверное чувство, что он сам себя довел до кошмара и сейчас, с минуты на минуту, он проснется и очнется весь в поту в собственной постели.

Но минуты шли, а пробуждение не наступало. Его сознание постепенно смирилось с тишиной, паника улеглась, и он попробовал пятую дверь.

За ней был мрак. Слейд тотчас отступил назад. Глаза его быстро привыкли к темноте, так что через несколько секунд он разглядел в глубине человеческий силуэт. Незнакомец прижался

к самой темной стене и внимательно следил за ним тремя ярко светящимися отраженным светом глазами. Стоило Слейду бросить на него только один взгляд, как сознание его тут же отвергло этот образ.

В тот же миг корабль, свет — все исчезло. Слейд упал с высоты примерно в три фута на поросшую травой насыпь. На расстоянии полумили светился желтый огонек. Это оказался дом на его ферме.

Слейд снова был на Земле.

Не приняв никаких определенных планов на будущее, Слейд остался жить на ферме. Зрение всех трех его глаз ухудшилось, и, кроме того, он пережил сильное потрясение. *Не может быть, чтобы это была та же самая женщина*, говорил он себе. Чтобы в темном коридоре старого, выглядевшего заброшенным космического корабля стояла та же самая молодая женщина и следила за ним.

И все же, для его восприятия сходство существа с обнаженной девушкой из пещер было таким очевидным, что тотчас повергло Слейда в неимоверное напряжение. То, что его сознание узнало девушку, доказывала быстрота, с которой оно отторгло сам факт ее присутствия.

Вопрос был в том, следует ли ему продолжать свои упражнения? Слейд целый месяц расхаживал вокруг фермы и все никак не мог прийти к окончательному решению. Основной помехой являлось осознание того, что он мог бы и не возвращаться в мир двуглазых.

Нормальное зрение является результатом многих уравновешивающих факторов не только психических, но и физических. Мышцам, ослабленным очками или пассивностью, недостает выносливости, чтобы выдерживать молниеносные импульсы сознания. Если их как следует укрепить, они смогут переносить потрясения и более жестокие, чем те, которым он подвергся.

Демоническая женщина, думал он, *стоящая во мраке в мрачном корабле в мрачной стране.* Слейд больше не был уверен, что хочет вверить себя реалиям иного мира — и более всего женщине, которая что-то знает о нем и пытается его заманить.

Прошел месяц, и предгорья побелели от первого снега. Так ничего и не решив, Слейд вернулся в город.

Показание профессора Грея

«Меня зовут Эрнст Грей, и я преподаю лингвистику. Некоторое время тому назад — точную дату я не помню — меня посетил Майкл Слейд. По всей видимости, он уезжал к себе на

ферму, а когда вернулся, узнал, что в его отсутствие к нему заходила трехглазая женщина.

Из слов мистера Слейда я понял, что его слуга впустил женщину в дом — она, вероятно, была очень самоуверенной и властной особой, поскольку он позволил ей пробыть там пять дней в качестве гостьи. Она покинула дом за день до возвращения мистера Слейда, оставив примерно два десятка фонограмм и письмо. Мистер Слейд показал мне это письмо. Хотя оно будет представлено присяжным в качестве отдельного документа, я включил его в свое показание, чтобы пояснить свои собственные слова. В письме говорилось следующее:

Дорогой мистер Слейд!

Я хочу, чтобы вы при помощи этих фонограмм выучили язык Нейза. Ключевая фонограмма самоуничтожится примерно через две недели после первого сеанса, но за это время она наверняка поможет вам полностью овладеть нейзийским языком.

Как вы позже поймете, ситуация в Нейзе чрезвычайно проста, но и очень опасна. Вот что вы должны сделать: как только выучите язык, поезжайте на плато, находящееся в двух милях к западу от города Смайлз, и в любую полночь поставьте машину у заброшенного зернохранилища, стоящего в нескольких сотнях ярдов от дороги.

Во время всех своих похождений в Нейзе берегитесь Джиана и городских охотников.

Лиар

К тому времени, когда мистер Слейд принес записи мне, ключевая запись уже стерлась, но прослушав те, что остались, я могу с уверенностью сказать, что язык этот не настоящий, а, скорее всего, искусственно созданный трехглазыми людьми для тайного общения.

Я полагаю, что раз появилась еще и трехглазая женщина, то в мире больше чем один трехглазый выродок. Моей первой мыслью было то, что название Нейз, вероятно, как-то связано с нацистской партией, но на записях это слово звучит иначе.

Плохо, что уничтожена ключевая запись. Без такого ключа невозможно осуществить перевод с языка, который, по большому счету, всего лишь плод воображения трехглазых невротиков.

Мне сказали, что тело Слейда было обнаружено недалеко от города Смайлз, примерно в миле от зернохранилища, упомянутого в письме той женщины, Лиар. Но об этом я ничего не знаю, и сам я тела не видел».

3

Некоторое время Слейд сидел в машине. Но когда приблизилась полночь, он вышел и стал с фонариком обследовать зернохранилище. Простое, некрашеное внутреннее помещение было так же пусто, как и вечером, когда Слейд приезжал сюда на разведку.

Жнивье простиралось в даль и уходило в темноту, где терялся луч его фонарика. На востоке в небе висел молодой месяц; тускло светили звезды, но всего этого света не хватало, чтобы разглядеть хоть что-нибудь вокруг.

Слейд взглянул на часы. Хотя он и так знал, что наступает условленное время, он сильно волновался. 11:55. *Через пять минут*, подумал он, дрожа, *придет она*.

Он уже не раз пожалел о том, что приехал сюда. *Ну не дурак ли я*, думал он, *что сюда явился,— рисковать жизнью на заброшенной ферме, где даже самые громкие крики о помощи лишь передразнит эхо в ближайших холмах?* У него, конечно, был с собой пистолет, но он понимал, что не решится сразу им воспользоваться.

Слейд встряхнулся. А она оказалась хитрой, эта Лиар, не сказала, когда именно ему приехать. Сказала, в *любую* полночь. Она наверняка знала, что это будет постоянно действовать на сознание единственного на Земле трехглазого человека. Если бы она кроме места назвала еще и время, он мог бы и не прийти.

Эта неопределенность сломала его сопротивление. Каждый день возникала одна и та же мысль: идти ему сегодня или не идти? Каждый день его сознание терзали «за» и «против» со всеми своими эмоциональными обертонами. В конце концов Слейд решил, что она не стала бы учить его нейзийскому языку лишь затем, чтобы причинить вред в первую же ночь, как он придет на встречу с ней.

Женщина была заинтересована в нем. Что она хочет — это уже другое дело, но поскольку он трехглазый, то и он не может не быть в ней заинтересован. И если из сегодняшнего разговора он почерпнет какую-либо полезную для себя информацию, риск более чем оправдан.

Но он уже все равно здесь, и будь что будет.

Слейд спрятал фонарик и посмотрел на светящийся циферблат часов. По спине уже не в первый раз, но теперь более ощутимо, пробежала дрожь. Ровно полночь.

Стояла гробовая тишина. В ночи не слышалось ни звука. Слейд выключил фары. Ему тут же показалось, что он совершил ошибку. Свет надо было оставить.

Он пошел к автомобилю, затем остановился. Что с ним происходит? Сейчас не время покидать укрытие. Слейд стал медленно пятиться, пока не уперся в стену. Он стоял, сжимая в руках пистолет, и ждал.

Звук, долетевший до него, даже звуком назвать было нельзя. Воздух, который до этого был неподвижен, вдруг всколыхнулся, и Слейд ощутил легкое дуновение сверху.

Сверху! Он резко поднял голову. Но ничего не увидел. На фоне темно-синего, почти черного неба не было никакого движения. Его затрясло, как в лихорадке; возникло ощущение приближения чего-то неизведанного, никогда прежде не испытанного, и вдруг...

— Самое главное для тебя, Майкл Слейд,— произнес звучный, знакомый голос Лиар, донесшийся из воздуха почти прямо у него над головой,— остаться в живых в течение суток, пока ты будешь в городе Нейзе. Будь осторожен, осмотрителен и не делай безосновательных предположений о том, что тебе что-то известно, а что-то — нет. Желаю удачи.

Ослепительная вспышка вспорола воздух примерно в десятке футов над головой. Слейд моргнул и выхватил пистолет. Он замер, дико озираясь вокруг.

Исчезло и зернохранилище, и машина, и жнивье. Он стоял на городской улице. Вокруг него возвышались темные здания, и их остроконечные силуэты вздымались вверх к фиолетовой светящейся дымке, наполовину скрывавшей ночное небо. Свечение распространялось огромным изогнутым сводом и исходило от стоящей вдали невероятно высокой башни.

Слейд ухватил все эти подробности одним быстрым взглядом. Еще оглядываясь по сторонам, он понял, что произошло. Его перенесли в город Нейз.

Вначале улицы казались пустыми, а тишина — полной. Но затем его органы чувств начали быстро привыкать к этому вакууму. Слейд услышал неясный звук, напоминающий еле слышный шепот. Вдалеке по улице промелькнул темный силуэт и исчез во мраке рядом с одной из башен.

Слейд вдруг понял, что здесь, посреди улицы, он находится в крайне невыгодном для себя положении. Он начал осторожно отступать направо, к тротуару. Дорожное полотно было неровным, он дважды спотыкался и чуть было не падал. Наконец, его скрыла более густая темнота под деревом. И только он до нее добрался, как на расстоянии примерно пятидесяти ярдов от него раздался человеческий вопль.

Вопль звучал душераздирающе. Слейд тут же бросился на землю, вскинув пистолет, затаился и стал ждать.

Ему потребовалось некоторое время, чтобы снова собраться с мыслями. Прошло еще несколько секунд, прежде чем он смог определить направление, откуда доносились звуки теперь уже шумной драки. Возгласы, стоны и приглушенные крики вдруг разом оборвались, и наступила странная тишина. Словно нападавшие устали от драки и теперь отдыхали. Или — что более вероятно — молча и жадно обыскивали свою жертву.

Если до этого момента действия Слейда были почти машинальны, то теперь у него появилось достаточно времени, чтобы все хорошенько обдумать. Первой мыслью было: *куда это он попал?* Слейд лежал тише мыши, сжимая в руке автоматический пистолет, и через некоторое время его посетила вторая мысль: *значит, это и есть Нейз.*

На краткий миг он почувствовал, что переполнен эмоциями.

Как она это сделала? Как она меня сюда перенесла? *Была*, вспомнил он, *вспышка света*. И он тут же оказался в Нейзе.

Она, должно быть, воспользовалась теми же техническими средствами, при помощи которых переносилась на уровень Земли. У нее был прибор, свет которого каким-то образом воздействовал на зрительные центры, находящиеся за каждым глазом. Другого логического объяснения, по-видимому, не существовало, из чего логически следовало (а космический корабль был дополнительным тому подтверждением), что существует высокоразвитая наука, включающая в себя глубокое знание нервной системы человека.

Вопрос был в том, будет ли эффект вспышки постоянным? Или же он постепенно исчезнет?

Его размышления были прерваны яростным криком:

— Отдай свою порцию крови, ты, грязная...

Слова прозвучали на нейзийском языке, но Слейд понял их настолько быстро и легко, что это на мгновение взволновало его. Кровь. Порция крови.

Слейд все лежал, и ему уже начало казаться, что он, должно быть, ослышался. Сомнения его рассеялись, когда раздался еще более злобный крик другого нападавшего:

— У ворюги емкость двойного размера. Он взял в два раза больше крови, чем мы.

Тот, кого обвиняли, завопил:

— Это ложь!

Он, видно, понял, что его оправданий не примут. Послышались шаги бегущих по улице людей. Мимо Слейда, тяжело дыша, промчался какой-то высокий человек. Вереницей растянувшись

вдоль улицы, его преследовали четверо, каждый из которых был ниже первого.

Они пронеслись мимо того места, где лежал Слейд, и их силуэты быстро исчезли в ночи. Еще с минуту Слейд слышал звук их шагов; один раз послышалось громкое ругательство.

Но вот и они затихли. Слейд не шевелился. Он уже почти осознал истинное значение того, что видел и слышал. На расстоянии нескольких ярдов от него, где-то на улице, должно быть, лежит труп человека, из которого высосали кровь. Слейд понял — ночью Нейз был городом вампиров.

Прошла минута, другая. У Слейда возникла мысль: *а мне-то что делать? Я-то тут зачем?*

Он вспомнил, что сказала ему Лиар перед тем, как направить на него вспышку света. «Самое главное для тебя, Майкл Слейд — остаться в живых в течение суток, пока ты будешь в городе Нейзе».

Сутки! Слейда зазнобило. Неужели от него хотят, чтобы он пробыл в Нейзе сутки, оставшись в живых, и никаких дальнейших инструкций не будет? Ничего не надо делать, никуда не надо идти — просто остаться в живых, и все!

Если бы только на улицах были фонари! Но он их нигде не видел. Не то чтобы темнота была кромешной. На Слейда падали лучи от необычного свечения, непохожего на зарево над ночными городами Земли. Там, где с центральной башни струилась фиолетовая дымка, небо бледно светилось, а из узких окон десятка башен, которые он уже успел заметить, мерцали огни.

Темнота определенно была не кромешной, и это в некотором роде было ему на пользу. Ясно, что здесь он больше лежать не может. Полумрак послужит укрытием для робкого разведчика.

Слейд поднялся и уже собирался выйти из тени дерева, за которым прятался, как вдруг с другой стороны улицы его тихо позвала какая-то женщина:

— Мистер Слейд!

Слейд замер. Затем полуобернулся. И только тут понял, что к нему обратились по имени. От души отлегло.

— Здесь! — прошептал он громко.— Я здесь!

Женщина перешла улицу.

— Простите, что опоздала,— прошептала она, запыхавшись,— но здесь так много искателей крови. Идите за мной.

Он видел блеск трех ее глаз. Она повернулась и поспешно направилась вдоль улицы. И только когда Слейд зашагал следом за ней, он с удивлением понял, что эта женщина — не Лиар.

Слейд и его проводница быстро шли вглубь города.

Они поднялись по одной из самых темных лестниц, какие Слейд когда-либо видел. Девушка простучала условный сигнал. Три раза медленно, два быстро и затем, после короткого интервала, еще один раз.

Настала долгая пауза. Пока они ждали, девушка произнесла:

— Мистер Слейд, мы все хотим поблагодарить вас за то, что вы пришли, а еще за то, что подвергаете себя такому риску. Мы постараемся познакомить вас с Нейзом. Будем надеяться, что на этот раз корабль сможет разрушить город.

— Ну! — сказал Слейд.

Этот возглас вполне мог его выдать, но в последний момент Слейду удалось подавить его, и получился сдавленный шепот.

Щелкнул замок. Дверь со скрипом отворилась. В коридор хлынул свет. Он осветил коренастую женщину, которая медленно опустилась в одно из кресел.

Войдя, Слейд огляделся. Помещение было огромным. Там стояли три дивана, две кушетки, журнальные столики, столы, и кресла; на полу лежали ковры. Портьеры вполне могли раньше принадлежать его бывшей жене, Мириам.

Раньше? Очень давно, решил Слейд, приглядевшись повнимательнее. Новыми они явно стоили огромных денег; сейчас же выглядели так убого, что казались совсем не к месту.

Скоро обстановка помещения перестала занимать усталое сознание Слейда. Он сел в кресло напротив женщины, что была постарше.

Девушка, которую звали Амор, встала тем временем в нескольких футах поодаль и ободряюще улыбалась ему. Она была худощава, смугла, а лицо ее сохраняло горделивое выражение.

Слейд сказал:

— Это я благодарю вас за тот риск, которому вы себя подвергли.

Девушка помотала головой.

— Вы наверняка устали и желаете отдохнуть. Но я хочу, чтобы сначала вы познакомились с Калдрой, Планировщицей. Калдра, это Слейд с корабля.

Ничего себе заявление. И это он, Майкл Слейд, с корабля! Лиар определенно слишком многое считает само собой разумеющимся.

Калдра глядела на него странным, словно заторможенным взглядом; вид у нее был нездоровый: лицо бесцветно, одутловато; глаза цвета свинца смотрят тускло, почти безжизненно... Она произнесла:

— Мистер Слейд, очень приятно.

Никакой радости по поводу такого знакомства Слейд не ощутил. Ему пришлось потрудиться, чтобы не выдать отвращения.

Раз или два в его жизни случалось так, что люди производили на него подобное впечатление, но омерзение, которое вызывало это существо, было ни с чем не сравнимо.

Болезнь щитовидной железы, заключил он. Этот вывод сделал присутствие женщины более переносимым для его души. Он же отвлек его сознание от гнусной картины, и Слейд вспомнил, как девушка назвала эту женщину. Калдра, Планировщица.

Слейд немного расслабился. Он вполне мог допустить, что она хорошо справляется с планированием. Такие заторможенные тупицы обычно очень дотошны.

Однако интерес его начал угасать. На Слейда вдруг навалилась усталость, вызванная бурными событиями этой ночи. Только в юности он слыл полуночником, завсегдатаем баров и клубов. В тридцать лет он начал ложиться спать в десять часов, поэтому в полночь обычно зевал и клевал носом. Сейчас, например,— он посмотрел на часы — без пяти час. Слейд сказал, обращаясь к девушке:

— Поспать не откажусь.

Когда Амор повела его к двери в коридор, женщина пробормотала:

— Все устраивается. Скоро настанет час решения.

И когда Слейд уже выходил из двери, сказала что-то еще с едва уловимым смешком. Прозвучало это примерно так: «Близко к нему не подходи, Амор. Я это тоже почувствовала».

Слова показались Слейду бессмыслицей. Более того, он удивился, заметив, как раскраснелись щеки девушки, когда она отпирала дверь спальни. Но она сказала только:

— Здесь вы в достаточной безопасности. Нас тут много — тех, кто верит в разрушение Нейза,— и это наша часть города.

Несмотря на утомление, все нарастающее волнение не давало Слейду уснуть. До этого момента он все время находился в напряжении и не мог осмыслить ситуацию. Теперь, лежа в постели, он постиг всю грандиозную значимость происходящего.

Он был в Нейзе. За стенами его комнаты раскинулся фантастический город другого уровня существования. И завтра он увидит этот город во всей его необычности. Завтра!

Слейд уснул.

4

Слейд шел рядом с Амор по широкой улице. Под ярким утренним солнцем Нейз представлял собой потрясающее зрелище. *Запу-*

щенный город, подумал Слейд, *нерадостный город.* И старый, какой старый!

Он еще прошлой ночью понял, что Нейз построен очень давно и находится в упадке. Но тогда он не мог даже вообразить всего масштаба бедствия, обрушившегося на него. Здания по обеим сторонам улицы выглядели такими древними, что невозможно было представить себе их возраст. Возможно, их возвели пятьсот, а то и тысячу лет назад.

Тысячелетиями город стоял под лучами своего солнца. Все это время дороги и тротуары несли на себе бремя повседневной жизни. На протяжении долгих столетий даже самые прочные строительные материалы не могли не изнашиваться. И они изнашивались.

Почти все мостовые были разбиты и представляли собой груды камней, где лишь местами попадалась твердая ровная поверхность, дававшая представление об их первоначальном виде. Тротуары сохранились немного лучше, но и они в основном состояли из утрамбованной грязи.

Не видно было ни одного транспортного средства, только люди, люди и еще раз люди.

Что же произошло? Что такое могло здесь произойти? Конечно, между кораблем и городом шла война, но почему? Слейд было повернулся к девушке, чтобы спросить ее об этом, но вспомнил, что проявлять незнание неразумно, и промолчал.

Окружающий его город, несомненно являвшийся реликтом древней культуры, действовал на него угнетающе. Слейд никогда не видел на улицах города такого скопления людей. И было еще одно отличие — эти люди никуда не направлялись. Мужчины и женщины просто сидели на парапетах, тротуарах и мостовых. Они не обращали внимания на тех, кто проходил мимо, а рассеянно глазели в пустоту. В абсолютной бессмысленности их поведения было что-то жуткое.

К Слейду пристал попрошайка. В руках он держал металлическую чашку.

— Несколько капель твоей крови, гражданин хороший,— прохныкал он.— А не дашь — перережу горло.

Амор взмахнула плетью и хлестнула мерзкую тварь по лицу. Из ссадин потекла кровь.

— Пей свою собственную! — крикнула ему девушка.

Слейд заметил, что щеки ее зарделись, лицо исказила ярость.

— Эти скоты,— сказала она низким, полным гнева голосом,— целыми бандами прячутся по ночам в переулках и нападают на всех прохожих. Но вам, конечно, и так об этом все известно.

Слейд ничего не ответил. Правда, он знал о ночных бандах, но то, чего он не знал, заняло бы еще целую книгу.

Однако погрузиться в размышления на эту тему ему не дали. Все снова и снова чьи-нибудь пальцы дергали Слейда за рукав, и алчные голоса требовали:

— У вас крепкая кровь, господин хороший. Дайте чуть-чуть, а то...

И очень часто плотоядный взгляд принадлежал какой-нибудь женщине.

Слейд молчал. Его охватил такой ужас, что он не мог вымолвить ни слова. Заглядывая в боковые улочки и переулки, в которых кишмя кишели отвратительные создания, он впервые в жизни увидел, как низко может пасть человек.

Город не должен более существовать. Теперь было ясно, зачем Лиар заманила его сюда. Она хотела, чтобы он увидел все сам, наверняка считая, что действительность избавит его от излишних сомнений: например, относительно причин этого невообразимо ужасного положения, определенно вызванного войной между кораблем и городом. Понять происхождение заразы — второстепенный вопрос.

Надо уничтожить саму заразу.

Его ужас был так велик, что сомнений почти не осталось. *И эта мерзость*, думал он, *продолжается день за днем, год за годом, века. Так быть не должно.* Девушка заговорила:

— Одно время мы думали, что если отнимем у них чашки с химической добавкой, то сможем побороть пристрастие к крови. Но...

Она помолчала, пожала плечами, затем закончила:

— Вам, конечно, все об этом известно. Если не считать редких исключений, порочность только усугубляется, но не уменьшается.

Ответить на это было нечего. Легко было понять, что как раз из-за того, что ему *не* «все об этом известно», ему будет трудно разобраться в реалиях существования в здешнем аду. Хотя, впрочем, подробности ему были не нужны, достаточно было самого зрелища этого ада.

Прекратить любой ценой! Уничтожить! Если возможно, помочь кораблю, помочь этой пятой колонне. Но только уничтожив Нейз.

Слейд стал успокаиваться. И принялся анализировать ее слова. Обработанные химикатами чашки! Значит, зависимость вызывает не сама кровь, а какая-то примесь в металле сосудов.

Когда чашки отняли, пагубная привычка, видимо, нашла для себя иной, более страшный объект. Но какой? Предполагается, что он знает.

Слейд устало улыбнулся.

— Пошли назад,— сказал он.— На сегодня хватит.

За обедом поначалу сидели молча. Слейд ел и думал о городе, корабле, пещерных жителях и своей роли в этой истории. Сейчас он уже более или менее понимал суть всего происходящего. Корабль он уже видел, а сейчас осматривал город.

Вопрос состоял в том, чего же от него хотят. Вдруг он заметил, что Калдра, заторможенная планировщица, собирается что-то сказать.

Женщина положила вилку. Одно это движение заняло у нее несколько секунд. Затем она подняла голову. Слейд еле дождался момента, когда глаза женщины сосредоточились на нем.

Следующая фаза беседы оказалась еще более длительной. Она открыла рот, посидела, обдумывая свою первую фразу, и наконец начала выговаривать слова. Пока она говорила, время, казалось, текло еще медленнее. Она сказала:

— Сегодня ночью мы нападем на главный дворец Джиана. Как и договорились, наши силы могут доставить вас на четырнадцатый уровень. Аппарат, который просила приготовить Лиар, уже находится там и готов вынести вас из окна, чтобы вы могли сфокусировать свой разборщик на средствах управления барьером. Будучи утром на улице, вы, несомненно, сами видели, что они расположены в районе девятнадцатого уровня.

Мы полагаем, что как только барьер будет снят, корабль нанесет удар.

Задолго до того, как Калдра закончила речь, Слейд уже понял ее смысл. Пораженный, он сидел неподвижно, полузакрыв глаза. Сегодня ночью. Но это же смешно. Ведь нельзя же ожидать от него, что он вот так вслепую бросится в наступление?

Его мнение о Лиар сразу сильно упало. Да и вообще, что такое разборщик? Не думают же они, что он в пылу сражения станет разбираться, как работает какой-то там заумный механизм. Когда Калдра замолчала и вопросительно посмотрела на него, ужас его достиг высшего предела. Амор тоже поглядывала на него с нетерпением.

И вдруг Слейд понял, что ему передали огромное количество информации.

Исходившая от центральной башни светящаяся дымка, которую он видел ночью — теперь он вспомнил, что во время утренней прогулки она была видна как легкое марево,— это и есть барьер. Что за барьер? По всей видимости, достаточно прочный, чтобы не пропустить космический корабль. Барьер такой энергетической силы, которая недостижима на Земле.

Но это значит, что город в осаде и, судя по степени упадка, находится в ней уже сотни лет. Мысли его замерли в нерешительности. Это, сказал он себе, смешно. Как бы они смогли жить? Откуда бы достали пищу? Они ведь не могут жить за счет крови друг друга.

Слейд посмотрел в свою тарелку, но там уже почти ничего не осталось, кроме каких-то овощей под слоем соуса или подливки. Он поднял глаза... Если он собирается предотвратить крупную катастрофу, то ему лучше что-нибудь сказать, и побыстрее. До того, как он успел что-либо произнести, заговорила Амор:

— Один дерзкий налет и,— она улыбнулась от яростного возбуждения,— конец!

Некоторое время игра чувств на ее лице приковала внимание Слейда. *Эта высокая девушка, которая носит с собой плеть для вампиров из Нейза,— довольно опасное существо,* подумал Слейд. Конечно, все дело в окружающей обстановке. Материальная среда определяет сознание, которое в свою очередь влияет на поведение и выражение лица и устанавливает возможности органов чувств.

Только сейчас он впервые подумал, что если он решит посвятить себя этому миру, то перед ним образец девушки, на которой бы он в конце концов женился. Он с интересом посмотрел на нее, готовый развивать эту мысль и дальше. Но понял, что его сознание просто пытается улизнуть от единственно важной проблемы — нападения, планировавшегося на ближайшую ночь! Он сказал:

— Очень сожалею, но сегодня ночью корабля здесь не будет.

Амор вскочила на ноги, глаза ее широко распахнулись.

— Как же все наши планы! — воскликнула она.

Амор была подавлена. Калдра долго выходила из ступора и наконец стало понятно, что до нее дошел смысл слов Слейда.

— Корабля не будет?!

Слейд сказал:

— Сегодня утром корабль должен был подать мне сигнал, но...— ему казалось, что он потеет, но это было ментальное ощущение, а не физическое. Он собрался с духом и продолжал,— сигнал не поступил.

Для экспромта неплохо, подумал он и успокоился, несмотря на то, что не решил свою основную проблему. Он видел, как Амор направляется к двери. На пороге она остановилась.

— Мне надо отменить нападение.

Дверь хлопнула, и наступила тишина.

Амор долго не приходила; Калдра и Слейд поужинали вдвоем перед самым закатом.

Амор вернулась поздно. Она тяжело опустилась в свое кресло и начала рассеянно ковырять еду, которую принесла ей Калдра. Несколько раз Слейд поймал на себе ее задумчивый взгляд из-под ресниц. И не только задумчивый. Он не мог определить, какой.

Слейд решил, что из-за этого волноваться не стоит. Он подошел к огромному окну гостиной и стал молча глядеть на город. Через некоторое время к нему присоединилась Амор.

Мрачный, окутанный ночью город, видимый из окна башни, тихо погружался в темноту. Казалось, что он сливается с тенью.

Слейд все смотрел и смотрел. Наконец, если не считать мерцающих огоньков и почти невидимого барьера, темнота стала полной.

То, что со мной произошло,— редчайшее явление в истории нервной системы человека. Родился у предгорий на западе Соединенных Штатов, воспитывался на ферме, быстро сделался процветающим брокером в небольшом западном городке. И теперь оказался здесь, в этом темном, обреченном городе на планете, цивилизация которой находится в смертельной опасности.

И все же это была не чужая планета, а просто иной уровень существования Земли, открывшийся его сознанию оттого, что у него три глаза вместо двух.

Она стояла рядом с ним, женщина этого мира, молодая, сильная и, наверное, свободная.

Скорее всего, это именно так. Слейд был в этом просто уверен. И хотя в настоящих условиях брак почти не имел смысла, он уже давно так серьезно не думал о женщинах.

Слейд понимал, что *если* он останется, ему придется жениться на девушке из этого мира. Амор же казалась вполне подходящей кандидатурой, и Слейд думал о ней в течение всего вечера.

Возможно, в этом мире окажутся женщины и более привлекательные, чем эта, но они далеко.

Слейд сказал:

— Амор.

Ответа не последовало.

— Амор, что ты собираешься делать потом?

Девушка встрепенулась.

— Буду жить в пещере, конечно. Мы все должны так поступать.

Слейд был поражен ответом. Что значит — все должны? Почему? Ему как-то не верилось, что Амор и ее группа придерживается первобытного образа жизни.

Он вспомнил, что вроде пытался обзавестись девушкой.

— Амор.

— Слейд.

Она как будто и не слышала его; по тону это не был ответ на его обращение.

Слейд откликнулся:

— Что?

— Вам это покажется ужасным, но я когда-то пила кровь.

Признание казалось бессмысленным, однако смысл слов его обеспокоил.

— И Калдра тоже. И все остальные. Не думаю, что я преувеличиваю. Этого не описать.

Картина начала проясняться. Почувствовав отвращение, Слейд облизал свои вдруг пересохшие губы.

И все-таки он еще не понимал, к чему она клонит.

— Мне было проще перестать,— говорила девушка,— и не начинать снова... но только до сегодняшнего дня... прошлой ночи. Слейд,— голос ее стал жалобным,— у тебя крепкая кровь. Я весь день это чувствовала.

Слейд вдруг понял, к чему она клонит. Он вспомнил о тех мужчинах и женщинах, которых она утром хлестала плетью. На самом деле эти удары были направлены на ее собственную слабость.

— Ты не можешь себе представить,— продолжала Амор,— каким потрясением для меня и для Калдры были твои слова о том, что сегодня атака не состоится. Они означали, что ты пробудешь здесь, по крайней мере, еще один день. Слейд, это ужасно несправедливо. Ведь Лиар прекрасно известно наше положение.

Отвращение усилилось. Слейду показалось, что еще немного, и его вытошнит. Он тихо произнес:

— Значит, тебе хочется моей крови.

— Совсем чуть-чуть.

В ее голосе послышались те самые отвратительные хнычущие нотки. Этого было достаточно, чтобы в воображении Слейда нарисовалась яркая картина того, как она попрошайничает на улицах. Слейд почувствовал омерзение.

Тут ему в голову пришло, что он не вправе ее осуждать. Но его чувства уже пересиливали здравый смысл. Ведь это была девушка, которой Слейд собирался сделать предложение. Он произнес резко:

— И вы били других плетью сегодня утром!

В темноте он услышал, как она всхлипнула. Наступило долгое молчание. Затем она повернулась, и ее стройный силуэт исчез за дверью коридора, ведущего в ее спальню.

И вот ночь, которой было суждено стать долгой, началась.

5

Прошло несколько часов, а Слейд все не мог уснуть. Он был несправедлив к той, которая ему нравилась, и это его угнетало.

Она фактически спасла его от смерти, восстановила здоровье, и он, конечно же, мог дать ей немного крови. Она и ее группа упорнее всех людей этого удивительного города боролась со страстью, разрушившей душу Нейза.

Это, должно быть, была такая борьба, что сжалились бы сами боги. А он не сжалился. Он, сверхвысоконравственный Майкл Слейд, беспорочный человек, первый бросил в нее камень и причинил ей боль.

Вообще-то настоящая причина была еще хуже и коренилась в его собственных плотских желаниях. Кроме того, вполне вероятно, что его кровь действительно кажется крепче тем, кто в этом разбирается.

Утром он даст Амор и Калдре полчашки крови. А потом он должен каким-то образом выбраться из этого города и, если возможно, вернуться назад на Землю; главное — выбраться. Полночь уже миновала, и стало ясно, что по прошествии суток, о которых говорила Лиар, он не окажется чудесным образом у своей машины в окрестностях города Смайлз.

Зачем она упомянула этот срок, если он ничего не значит? Слейд задремал, все еще продолжая об этом думать. И каков же был его ужас, когда он понял, что в комнате кто-то есть.

Слейд напряженно вглядывался в окружавшую его темноту, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть. Нахлынувший на него страх был страхом древнего человека, который оказался во враждебной обстановке и услышал шаги крадущегося за ним хищника. Наконец взгляд Слейда уловил движущийся на фоне стены силуэт.

Какая-то женщина. Амор. Решив, что это она, он почувствовал жалость.

Бедная девушка! Какая сильная страсть — эта тяга к крови! Вообще-то у него самого возникало подспудное желание попробовать из чашки собственную кровь, но ее визит заставил его отложить это намерение. Более того, он не мог позволить себе оказаться в сетях такого сильного наркотика.

Слейд попытался привстать и не смог. Его держали какие-то лямки.

Он откинулся на спину. Пожалеть ее — что ж, хорошо, но сейчас она проделывает довольно грубый фокус.

Слейд открыл рот, чтобы сказать что-нибудь язвительное. Но не сказал. Он вспомнил, что девушка находится в отчаянном положении. Пусть берет его кровь.

Он не скажет ни слова. А утром сделает вид, будто ничего не произошло. Это решение доставило ему временное удовлетворение.

Между тем возня в темноте продолжалась. Девушка явно не торопилась. Наконец в тот самый миг, когда терпение Слейда чуть было не иссякло, на его левое предплечье нацелился тоненький лучик света. Почти одновременно в поле его зрения возникла рука. Рука держала шприц, который ловко вонзила в самую крупную видимую вену. Слейд стал с интересом наблюдать, как в прозрачное тело шприца вливается темная кровь.

Время шло, а жадная игла все тянула из него кровь. Слейд думал о таинственном и зловещем смысле происходящего: под покровом ночи из попавшего в чужой мир землянина привлекательная вампирша сосет кровь.

Прошли секунды, очень много долгих секунд. Слейд тихо произнес:

— Может, хватит?

Некоторое время шприц оставался неподвижен; не было слышно ни звука. Наконец рука со шприцем дрогнула от удивления.

Слейд начал понимать. Только теперь он внимательно посмотрел на саму руку. Хотя было довольно трудно разглядеть что-либо в отраженном свете тоненького лучика, Слейд все же разглядел, что...

Разумеется, это была женская рука. Слейд вздохнул, поглядев на нее. Вот еще одно доказательство того, что сознание создает собственные иллюзии. Он, у которого уже был такой большой опыт обращения с реальностью, что само присутствие его в мире трехглазых являлось неоспоримым свидетельством превосходства сознания над материей, и то все еще продолжал обманываться.

Он понял, что сделал преждевременный вывод. К нему в комнату пришла не Амор. На первый взгляд, он не заметил ничего необычного. А теперь все прояснилось.

Рука-то женская, да только морщинистая. И совсем не молодая. Как он только мог перепутать ее, пусть даже и при плохом освещении — было загадкой.

Это была таинственная Калдра, Калдра Планировщица, Калдра, которая сейчас явно решила перестать поститься. Слейд понял, что присутствует при личной трагедии. Женщина, которую пристрастие к крови когда-то чуть не погубило, снова пила кровь.

Слейд почувствовал, как шприц потихоньку вытащили из вены. Лучик погас. Пауза. Затем послышался звук густой жидкости, стекающей в какую-то емкость, после чего снова настала тишина.

Слейд представил себе, как рука медленно подносит чашку к шамкающим губам. Его расчет оказался точен. Когда в его воображении рука достигла губ, послышались глотки.

От этого звука Слейда чуть не затошнило. Но одновременно он почувствовал и жалость. Правда, жалость исчезла, как только постели снова коснулись пальцы. Слейд подумал, нахмурясь: *еще?*

Но вдруг лямки перестали сдавливать грудь и руки. Послышалось шарканье шагов, направляющихся к двери, которая затем тихо затворилась.

Настала тишина. Вскоре Слейд уснул. Когда он проснулся, рот ему зажимала огромная лапа, а над ним стоял какой-то зверь размером с медведя, мордой странно напоминающий кота. Фонари в руках заполнивших комнату людей в форме освещали его сильное косматое тело.

Слейда крепко держали за руки и за ноги. Он с ужасом заметил, что в коридоре перед спальней тоже толпятся люди.

Зверь убрал с его лица свою огромную лапу. Слейда подняли и понесли. В гостиной горел свет.

Слейд увидел лежавшую лицом вниз на полу Калдру; в ее спину по самую рукоять был всажен нож.

У Слейда от ужаса перехватило дыхание. Амор! Что с Амор?

Эта мысль, вероятно, и совершила чудесную метаморфозу. Пол под ним исчез, словно его и не было. Слейд упал с высоты примерно пятнадцати футов и больно ударился спиной о что-то твердое. С минуту он пролежал оглушенный. Потом начал что-то понимать.

Слейд осторожно приподнялся, царапая ладони о замерзшую стерню пшеницы. Примерно в двух милях западнее на фоне ночного неба ярко светилось зарево огней города Смайлза. Слейд направился к зернохранилищу, у которого оставил свою машину. Она все еще стояла там, с выключенным мотором и без огней.

Слейд подождал несколько минут, но Лиар не было и в помине. Хотя Слейд очень устал, он вел машину весь остаток ночи и часть утра. В 11:00 он свернул к своему дому.

В почтовом ящике лежало письмо, надписанное знакомым, похожим на мужской почерком Лиар. Нахмурясь, Слейд посмотрел на письмо, затем вскрыл его. Там было написано:

Дорогой Майкл Слейд!

Теперь ты все знаешь. Ты видел Нейз и тебе, наверное, интересно, почему ничего не произошло тогда, когда истекли ров-

но двадцать четыре часа. Ты мог бы вернуться только по истечении этого срока и то только после того, как получил бы достаточно сильное потрясение.

Таким шоком, конечно, стал момент, когда одна из женщин вошла и попыталась взять у тебя кровь. Сожалею, что пришлось спровоцировать такую ситуацию, но другого способа не было.

Жаль также, что мне пришлось заставить группу в Нейзе поверить, что мы будем атаковать башню. Они не представляют, с каким человеком пытаются бороться. Все их планы против бессмертного Джиана обречены на провал. Их неспособность понять характер и силу врага доказывает то поразительное легковерие, с которым они вообразили, что барьер можно разрушить при помощи удара так называемым разборщиком, установленным на выступе на девятнадцатом этаже центральной башни Джиана.

Никакого разборщика не существует, а выступ на башне — это излучатель. Джиана можно победить лишь ударом в самое сердце его цитадели. И этот удар невозможен без твоей помощи. На этот раз ты должен прийти сам, так как устройство, которым я воспользовалась у зернохранилища, производит лишь временное действие.

Долго не выжидай.

Лиар

Днем Слейд читал и не выходил за пределы своего двора. Ночью же, надвинув на третий глаз шляпу и спрятав лицо в воротник пальто, он отправлялся гулять по холодным улицам. Постепенно лихорадка спала, и воспоминания о происшедшем стали вызывать у него лишь грустный смех.

Я не из того теста, решил он, *из которого делают героев. И мне совсем не хочется, чтобы меня убили на войне между Нейзом и кораблем.*

Лучше приспособиться к жизни на этой Земле.

Это почти окончательное решение со временем позволило Слейду отнестись к письму менее эмоционально, чем при первом прочтении. Читать письмо через три недели, когда его губы уже не сжимались от злости из-за того, что Лиар безжалостно зашвырнула его в Нейз и таким образом вызвала жестокую гибель Амор и Калдры, оказалось интереснее, чем он ожидал.

Письмо уже не раздражало его как раньше. И в нем определенно не чувствовалось командного тона, которого он почему-то ожидал от Лиар. Вдобавок ее откровенное признание в том, что без его помощи не обойтись, очень смягчило Слейда.

Слейду также немного польстило то, что она его недооценила. Ее предположение о потрясении, необходимом для возвращения на Землю, оказалось неверным. То, что Калдра пришла за кровью, лишь слегка пощекотало ему нервы. По-настоящему подействовали на него вид ее мертвого тела и воображаемая картина убитой таким же образом Амор.

Через три недели Слейд почувствовал, что стал безразличен к пережитым потрясениям. Калдра и Амор стали казаться ему чуть ли не плодом воображения. Слейд понял, что опасное состояние души миновало, как только заметил, что может с юмором думать о своем порыве предложить Амор выйти за него замуж.

Он не испытывал презрения к чувствам, вызванным у него девушкой. Они были в природе человека, более того, он подумывал, а не жениться ли ему снова прямо здесь, на Земле. Если он сумеет убедить Мириам вернуться и она снова станет жить с ним, это будет важным событием, которое в определенном смысле гарантирует его от неожиданного порыва ринуться на другой уровень существования.

Он должен возобновить старые связи, вернуться к нормальному образу жизни.

Принять решение проще, чем его исполнить. Однажды вечером, когда он все еще прикидывал, как ему лучше подойти к Мириам, он встретил двух знакомых, приобретенных в то время, когда еще занимался бизнесом. Они кивнули и поспешили пройти мимо, но он обернулся и позвал их. Состоявшуюся беседу трудно было назвать непринужденной, впрочем, Слейд проявил настойчивость. Он упрямо придерживался убеждения, что раз он решил жить на Земле, то ему надо иметь друзей и жену. Он отдавал себе отчет в том, что их наличие было сопутствующим обстоятельством психического здоровья, и понимал, что без них ему будет трудно что-то сделать.

От беседы Слейд получил удовольствия не больше, чем его знакомые. Им было неловко; они то пытались шутить, то грустно замолкали, то, не зная, о чем говорить, с готовностью вываливали на него любые пришедшие на ум новости. Наконец они заторопились прочь со словами: «Рады были тебя встретить, Майк, но мы опаздываем на встречу. Увидимся».

Слейд шел домой, иронично ухмыляясь, но вдруг по его спине пробежал легкий холодок. Кроме всего прочего он узнал, что у Мириам уже несколько месяцев новый друг, и узрел в этом нечто судьбоносное. Словно его безвозвратно лишают последнего пути к отступлению.

Но Слейд не собирался легко сдаваться. Он звонил Мириам каждый день всю последующую неделю, и каждый раз ее служан-

ка спрашивала: «Кто говорит?» Затем следовало: «Мисс Греншо не желает с вами разговаривать».

Слейд написал ей письмо, в котором говорилось: «В конце концов на глаз можно пересадить кожу». Письмо он дополнил личным визитом. Но Мириам «куда-то ушла».

Это был крах всех его надежд. Особенно Слейд огорчился, когда на следующий день к нему зашел детектив и попросил прекратить «преследовать» бывшую жену. На полицейского произвел сильное впечатление великолепный дом Слейда, но он был человеком, знающим свой долг. «Поступила жалоба, вы же понимаете. Если это будет продолжаться, мы будем вынуждены принять меры... вы ведь понимаете».

Слейд понял. Грезы его закончились.

Показание Уилфреда Стентона, данное на коронерском расследовании.

«Майкл Слейд нанял меня в качестве прислуги по дому примерно пять лет назад. Весь прошлый год я постоянно находился при нем, за исключением короткого отпуска.

Мой наниматель за это время несколько раз уезжал из дома. Из каждой такой поездки он возвращался взволнованным и возбужденным, но не посвящал меня в свои секреты. Накануне поездки, ставшей для него роковой, я заметил, что на этот раз он собран и напряжен, словно после долгих колебаний наконец принял какое-то твердое решение. Он купил второй автоматический пистолет, такой же, как у него был, и большое количество патронов. Также он сделал и другие покупки, но что было в доставленных пакетах, я не знаю. Он почти непрерывно читал. Я помню, что одна книга была по металлургии, другая — по физике, а в третьей речь шла о современных космических кораблях.

Кроме того, все последнее время он подолгу сидел во дворе со своими таблицами для глаз. Эти упражнения отличались от обычных тем, что во время них он был одет в сшитый им легкий и прочный охотничий костюм из непромокаемой ткани. Вдобавок при нем были два пистолета, охотничий нож и сумка с патронами. Карманы его тоже были полны, но что в них было, я не знаю.

Мистер Слейд понимал, что я вижу необычность его снаряжения, и его явно забавляла моя тревога. Однажды он сказал мне, чтобы я не беспокоился, если он вдруг исчезнет без каких бы то ни было предупреждений.

Как раз на следующий день я позвал его к обеду, но его уже не было. Казалось странным, что он оставил на улице стул и

таблицы, но еще больше меня удивило то, что на дорожках — на них тогда лежал снег — должны были бы остаться ведущие со двора следы, а я таких следов не заметил.

Могу лишь добавить, что был удивлен, когда в двухстах милях отсюда на прошлой неделе обнаружили мертвое тело мистера Слейда. Он определенно ждал, что с ним что-то произойдет. Вот и произошло».

6

На этот раз трансформация походила на щелчок затвора фотоаппарата. Слейд почувствовал, как глаза его напрягаются, вот исчез его дом, и вот...

Шел сильный теплый дождь. На болото рядом с пещерами наклонно падало множество капель, впивавшихся в его поверхность, словно миллионы ножей. Скрытый мутной завесой дождя пейзаж казался еще более диким.

Слейд стал размышлять о том, почему на одном уровне существования идет дождь, а на другом — снег, и вдруг почувствовал, как под воротник его водонепроницаемого костюма потекла тоненькая струйка. Она его не обеспокоила, но отвлекла от рассуждений о дожде. Слейд машинально отошел под нависающую ветвь ближайшего дерева и из-под этого ненадежного укрытия — с ветви лила вода — стал наблюдать за уступом.

Волнение его немного улеглось. Холмы казались безжизненными. Костры не горели, и не было видно ни одного человеческого существа. Из-за дождя, конечно. Они наверняка отсиживаются в пещерах.

Так как Слейд не собирался взбираться на уступ прежде, чем его обнаружат — если он неожиданно появится у пещер, могут сразу полететь ножи и копья,— задачей его было найти укрытие. Он соорудил себе простой шалаш из сухих веток и покрыл их широкими листьями. Затем разгреб толстый слой опавших листьев и приятно удивился, обнаружив, что земля под ним относительно суха.

Остаток дня и вечер Слейд урывками проспал. Ночью же долго бодрствовал. Перед тем как наконец уснуть, он подумал: «Надо встать раньше их».

Когда Слейд открыл глаза, на голубом небе ярко светило солнце. А перед входом в его шалаш сидели на коленях несколько трехглазых мужчин. За ними виднелись еще мужчины, а на заднем плане маячили женщины и дети.

Слейд медленно сел, затем оттолкнул шалаш в сторону и поднялся на ноги — все это он проделал почти рефлекторно. Возникла судорожная мысль, что если напрячь все тело, это поможет ему снова оказаться в Соединенных Штатах.

Но у него ничего не получилось. И люди, и болото, и пещеры на холмах остались по-прежнему четкими. Он был прикован к этому уровню существования, словно родился здесь.

Заметив позже, что ни у кого из окружавших его людей не было оружия, Слейд испытал необыкновенное облегчение. Но не успел он ничего сказать, как человек, стоявший к нему ближе всех, тихо произнес:

— Осторожно. Ты еще не совсем устойчив.

Затем он протянул руку и положил ладонь на средний глаз Слейда. Движение было настолько быстрым и неожиданным, что Слейд не успел даже отпрянуть. Внезапно Слейд понял смысл происходящего и остановился в удивлении.

Эти люди знали, что он не с их уровня. *И знали, почему.* За первой мыслью тут же последовала другая: *в пещерах живут не первобытные люди.*

Мгновенно эту фразу было не осмыслить. Тем временем человек, коснувшийся его лба, отошел и сказал, улыбаясь:

— Думаю, с тобой все будет в порядке.

Слейд только теперь обратил внимание на его голос. Он был спокоен и мелодичен, без всякого намека на резкость; слова лились так легко, словно это была музыка в исполнении какого-то маэстро.

Но и этот факт лишь на мгновение отвлек мысли Слейда, который стоял, рассматривая мужчин и женщин вокруг, и с каждой секундой чувствовал к ним все большую симпатию. Все они дружелюбно улыбались, имели приятную внешность и живой характер, принадлежали к высшему физическому и умственному типу развития. Слейд вдруг вспомнил опустившихся любителей крови из города и подумал, что Лиар, которая со своим кораблем его осаждает, возможно, не так уж и неправа, во всяком случае, эти чистые и приличные обитатели пещер свидетельствовали в ее пользу.

Слейд понял, что ему пора что-нибудь сказать, и произнес:

— Спасибо. Я друг. Меня зовут Майкл Слейд.

Высокий человек с орлиным взглядом, который говорил с ним до этого, кивнул.

— Меня зовут Данбар,— сказал он.

Они пожали друг другу руки. Это произошло так просто, так радушно, что Слейд ни в то время, ни позже так и не понял, был

ли у этих людей обычай пожимать руку или Данбар мгновенно отреагировал на привычку пришельца.

Только когда Слейд отнял свою руку, он заметил, что этот человек на несколько дюймов выше него и имеет крепкое телосложение. Его худое лицо было приятным. Если бы не лишний глаз, он считался бы красивым в любом обществе двуглазых человеческих существ. На вид ему можно было дать лет тридцать.

Он улыбнулся, взял Слейда за локоть и подвел к чрезвычайно красивому мужчине, который до этого наблюдал за происходящим из задних рядов.

Показав на него, Данбар сказал:

— Маленкенс.

Судя по тону, каким он его произнес, это было очень важное имя. Глядя на этого человека, Слейд понял, что его представляют одному из вождей племени. Рукопожатие Маленкенса также было дружелюбным, но улыбка казалась более строгой и отстраненной.

Данбар сказал:

— С остальными познакомишься потом. А теперь вернемся на уступ для завтрака.

Вот так просто был установлен контакт.

Извилистый путь, ведущий к пещерам, представлял собой залитые цементом ступени, обсаженные кустарником. По всей длине уступа шли цементные дорожки, а росшая между ними зеленая бархатная трава образовывала аккуратные лужайки, спланировать которые могли лишь умелые садовники.

Слейд задержался перед первой пещерой и заглянул внутрь. Пол также был цементным, но его покрывали циновки. На стенах и на потолке цемент был оштукатурен. Стулья, столы и лавки некрашеного дерева были аккуратно отшлифованы шкуркой и явно создавались по чертежам. Общий вид жилища в результате показался ему очень современным.

Данбар коснулся плеча Слейда и сказал, чтобы он шел за Маленкенсом. Следуя за ним, Слейд поймал себя на мысли, что поглядывает по сторонам в надежде увидеть Лиар. То, что он ее пока не нашел, его не удивляло, но и с тем, что ее тут нет, он пока не мог согласиться. Однажды она здесь уже была. Почему бы ей снова не прийти? Кроме того, ей наверняка известно, что в мире трехглазых людей он появится именно в этой точке.

Маленкенс остановился и в первый раз заговорил.

— Сюда,— сказал он.

Эта пещера по конструкции была точно такой же, как и та, в которую заглядывал Слейд. Все трое уселись в кресла, и Маленкенс снова заговорил.

— Слейд,— сказал он,— мы наблюдаем за тобой с того момента, как ты проснулся; по моей оценке тебе потребуется примерно шесть лет, чтобы приспособить свой биологический ритм к жизни в нашем обществе. Оценка учитывает сопротивляемость твоего организма и то, что тебе, вероятно, потребуется несколько месяцев, чтобы помочь Лиар разрушить барьер над Нейзом и уничтожить Джиана. Если, конечно, ты не будешь убит или серьезно ранен.

Он добавил:

— Я не пытаюсь тебя напугать. Я просто излагаю факты такими, каковыми они являются. Теперь тобой займется Данбар.

Данбар продолжал неподвижно сидеть в кресле. Он задумчиво смотрел на Слейда.

— Тебе, наверняка, интересно, о чем говорил Маленкенс. Смотри.

И он исчез.

С минуту Слейд сидел на том же месте. Ни о чем в особенности он не думал, однако вспомнил, что когда у зернохранилища Лиар летала над ним, он не видел ее на фоне звезд. Должно быть, она тоже была невидимой.

Прошло некоторое время, прежде чем он понял, что от него ожидают каких-то действий. Он встал, склонился над креслом Данбара и осторожно провел рукой там, где тот раньше сидел. Рука прошла свободно. Слейд взглянул на Маленкенса, но тот даже глазом не моргнул.

Слейд снова сел, на этот раз тяжело, слегка дрожа. Вполне вероятно, что Данбар, сделавшись невидимым, встал и преспокойно направился к выходу из пещеры, или, может быть, он стоит рядом с креслом и наблюдает за реакцией своего гостя. Он, возможно, так и поступил, но Слейд подозревал другое. Ему казалось, что Данбар по-прежнему продолжает сидеть в кресле.

Ну и первобытные люди, думал Слейд.

Эти люди познали самые глубокие тайны нервной системы человека. Они настолько опережали своих двуглазых собратьев, что сравнивать было просто смешно. Или подождите — что там говорил Маленкенс? «*...тебе потребуется примерно шесть лет, чтобы приспособить свой биологический ритм к жизни в нашем обществе*».

Слейд чувствовал, как начинает волноваться. Не имел ли тот в виду, что по прошествии шести лет он также сможет по собственному желанию становиться невидимым? Или, может, он предполагал...

Слейд задушил эту мысль на корню и откинулся на спинку кресла. Маленкенс сидел, отвернувшись. Между тем время шло, а Данбара все не было. Его отсутствие действовало на нервы.

Слейд робко встал и, следуя неожиданному порыву, уселся в кресло Данбара. Но сообразив, что будет не очень смешно, если Данбар вдруг решит материализоваться в этом кресле, поспешно поднялся и пошел к выходу из пещеры, надеясь, что, может быть, найдет Данбара снаружи. На уступе кипела деятельность, как в пчелином улье: ярко горящие костры, помешивающие котлы женщины, дети, уже надоевшие всем своими играми и шумом. Но Данбара не было и там.

Вид, открывшийся с уступа, был невообразимо прекрасен и заставил Слейда замереть от восторга. Вода блестела на солнце и была полна разноцветной растительности. Он заметил, что поодаль плещутся птицы, и в восхищении подумал: *трехглазые птицы!* Вдалеке за болотом росли удивительно высокие деревья, а за ними в дымке он увидел горы. Повсюду была зелень вечного лета.

Слейд направился обратно в пещеру. На какой чудесный уровень Земли он попал. У него, конечно, никогда не возникнет желания вернуться назад.

Тут существует, безусловно, проблема с Нейзом... это соображение резко вернуло Слейда к действительности. Он увидел, что Данбар все еще не материализовался. Слейд подумал: «Невидимость? Если бы мне надо было придумать способ сделаться невидимым, учитывая то, что мне сейчас известно об искусстве видеть, то я попытался бы как-то воздействовать на зрительные центры тех, кто на меня смотрит. Совершенное видение возможно только тогда, когда сознание находится в полном покое. Следовательно, я буду пытаться каким-то образом вызвать напряжение в их сознании».

Рассуждение привело к неожиданной мысли. Ну, конечно. От него действительно ждут действий. Он сделал глубокий и медленный вдох, затем — свободный выдох, одновременно расслабляя все мышцы. Доктор Макайвер всегда утверждал, что человеческое тело может расслабиться за один вдох.

И Слейд это доказал. Как только он начал делать второй вдох, Данбар снова возник перед ним. Он серьезно посмотрел на Слейда.

— Очень хорошо, мой друг. Я надеялся, что ты и сам догадаешься. Сейчас ты испытал на себе одну из основных истин нервной системы человека. В последующие месяцы тебя научат

высшим приемам релаксации — релаксации такой всеобъемлющей, что возможности ее практически безграничны. А сейчас...

Он встал и улыбнулся.

— Возьмем свои кресла,— сказал он,— и пойдем наружу завтракать.

И Слейд вышел за этими людьми на яркий солнечный свет.

7

Однажды — это было на тридцать второй день его пребывания в племени — Слейд удобно устроился на холмике рядом с болотом. С этого места он мог рассматривать находящиеся примерно в миле от него пещеры. День был прекрасный. Утром прошел небольшой дождь, но сейчас небо было таким чистым и голубым, что Слейд даже диву давался. Открывавшийся перед ним вид походил на сад: и на ярко-зеленой траве, и на кустарнике все еще блестели дождевые капли, висевшие на каждом стебле, листе, побеге.

Но несмотря на то, что мир вокруг него являл собой верх совершенства и более всего напоминал рай, Слейд чувствовал некоторую неудовлетворенность. *Я — активный человек*, думал он. *Мои нервы все еще подвержены невротическому желанию что-то делать.*

К тому же у Слейда сохранился стимул, побуждавший его к действию. Им было то странное металлическое устройство, которое он нашел рядом со своей фермой в ночь, когда видел Лиар в темном коридоре старого космического корабля,— было бы интересно пойти туда, отыскать это устройство и изучить его.

Слейд лежал, не шевелясь. Он был вынужден признать, что этот месяц прошел по-своему увлекательно. Мир релаксации был внутренним миром, полным бесконечных открытий. Обучение его началось с тренировки мышц, с лекций о них и упражнений с ними. Упражнений? Это слово не совсем подходило для того, чем он занимался. Но Слейд продолжал им пользоваться, так как другого слова у него не было. Упражнение предполагает физическую активность, но суть упражнений по релаксации противоположна движению. Она заключается в покое. Упражнения состояли из долгих минут, которые он проводил лежа на тщательно уложенных подушках, в то время как сознание сосредотачивалось на определенных мышцах, а мозг постоянно посылал команду: «Расслабься, расслабься, расслабься».

Постепенно он изучил основные принципы философии, на которых основана релаксация. Правильная поза, правильное дыхание — невыполнение только этих, казалось бы, маловажных

вещей способно повлиять на все тело и создать в нем напряжение. Напряжение вызывало ухудшение зрения и слуха. Напряжение было виной быстрой утомляемости, слабости и тяги к наркотикам. Напряжение заставляло почки выделять в кровь жидкость, вызывающую повышенное кровяное давление, меланхолию и негативное отношение к жизни. Напряжение даже слегка изменяло кислотность желудочного сока. Напряжение было буквально губителем нервной системы, но избавление от него — лишь первый, предварительный шаг к достижению контроля над телом.

Следующей фазой была нормализация нервов. Все нервы, по отдельности и вместе, способны как на положительное, так и на отрицательное действие. Они могут направить импульс в мозг по другому пути. Сомнительно, что у обычного человека количество нервных импульсов, идущих по прямому пути, превышает пять процентов. Правда, конечно, что многие обходные пути используются снова и снова, но вредную привычку нельзя оправдывать тем, что она без конца повторяется, в особенности, если совокупный результат — психическое расстройство, преждевременная старость и путаница в сознании.

Девяносто пять процентов идущей неверным путем нервной энергии следует направить по прямому пути, и достигается это при помощи сосредоточения на ключевых нервных путях. В каждом отдельном случае нужна специальная тренировка. Как и при мышечной релаксации, недостаточно просто создать спокойную обстановку и наслаждаться ею: для достижения желаемого результата необходимо прилагать определенные усилия. Мышцы, последовательно расслабляемые по системе, в конце концов останутся расслабленными. Нервы, если постоянно заставлять их создавать прямые пути, в конце концов создадут тот путь, который от них требуют.

Нервный контроль подводит к третьей, молекулярной фазе, о которой Данбар на вопрос Слейда просто ответил: «Увидишь. Увидишь».

Лежа на холмике, Слейд решил, что уже достаточно усвоил упражнения по мышечной релаксации, так что может некоторое время выполнять их и без стоящего рядом инструктора. Он должен пройти к месту, соответствующему его ферме на уровне Земли, и вытащить из земли ту машину.

Решение было принято мгновенно. *Спрошу у Данбара или Маленкенса*, подумал он.

Данбар, к которому Слейд обратился с просьбой сразу после вечерних упражнений, забеспокоился и вопросительно посмотрел на Маленкенса. Тот сказал:

— Лиар говорила нам, что он будет неспокоен,— он помолчал и нахмурился. Затем посмотрел на Слейда из-под опущенных ресниц.

— Скажу тебе откровенно, Слейд. Мы тренируем тебя для того, чтобы ты помог Лиар в ее борьбе против Нейза. Не надо думать, что мы участвуем в ее плане. Мы просто имеем возможность некоторым образом сдерживать ее. Тебе может быть интересно, что это значит, поэтому объясню.

— Лиар намеревается,— продолжал он,— снова задействовать тебя в Нейзе. Не в нашей власти ей это запретить, да и препятствовать ей в этом мы также не станем. Чтобы освободить жителей Нейза, Джиана неодходимо убить. По мнению Лиар, только ты можешь это сделать, хотя как именно, она до сих пор не объяснила.

Нам только удалось отложить выполнение ее планов до того момента, пока ты не получишь предварительной тренировки по овладению нашей удивительной системой.

Он тихо закончил:

— Я думаю, ты согласишься, что при данных обстоятельствах тебе лучше не ввязываться в маловажные побочные дела.

Слейд был потрясен. И чем больше он об этом думал, тем сильнее волновался. Несмотря на то, что он ни на минуту не забывал ни о Лиар ни о Нейзе, долгий месяц сладкой пасторальной жизни каким-то образом затуманил темные стороны его воспоминаний.

Вот значит как — сказано ясно. В своей прошлой жизни Слейд славился тем, что мог со всей честностью и прямотой смотреть фактам в лицо, и его сравнения шокировали деловых партнеров. Сейчас он попытался взглянуть теми же глазами на свое положение, и ему моментально пришло в голову сравнение со свиньей, которую откармливают, чтобы зарезать.

Ночью он практически не спал. Душивший его гнев не давал ему заснуть. Поутру он принял решение.

Значит, Маленкенсу и другим лишь с трудом удалось убедить Лиар подождать и не подвергать его опасности сразу же по прибытии. Ладно, очень хорошо. Ей он ничего не должен, разве что дать в нос за то, что она послужила косвенной причиной гибели Амор и Калдры.

Раз она собирается использовать его, не сказав даже «пожалуйста», задача у него может быть только одна — любыми способами не дать себя втянуть в эту авантюру.

Это решение доставляло Слейду огромное удовлетворение вплоть до того момента, как он подумал, что противостоять ее махинациям может быть совсем нелегко,— ведь он так мало знает. Более того, у него не было ни малейшего представления о том, какими

методами располагают люди, познавшие самые глубокие тайны нервной системы человека и к тому же имеющие в своем распоряжении космический корабль, полный разных диковинных приспособлений.

Придется схитрить, чтобы не позволить ей снова затащить себя в Нейз. А гнев — плохой помощник в таком деле.

Когда все устроились на уступе для завтрака, Слейд вышел из пещеры, сел рядом с Маленкенсом и сказал:

— Кажется, пришло самое время узнать, как началась война между городом и кораблем.

Маленкенс произнес:

— Вижу, ты все время думал о том, что я сказал тебе вчера.

Слейд ждал, и Маленкенс продолжил:

— К сожалению, большего я сказать не могу. Мы пообещали Лиар, что предоставим ей поведать всю историю.

— Тогда скажи мне,— разозлился Слейд,— кто такая Лиар?

— Одна из серебряных поясов.

— Кто?

Маленкенс сделался серьезен.

— Если я расскажу тебе что-нибудь еще, ее личные планы относительно тебя потерпят психологическую неудачу. Ты должен подождать. Скажу только одно. Если Нейз будет разрушен, а ты останешься в живых, вся Вселенная будет у твоих ног.

Это временно успокоило Слейда. Слова Маленкенса произвели на него огромное впечатление. Слейд впервые пришел в восторг от величия предприятия, в которое его ввергла судьба.

Но восторг очень быстро прошел. Слейд спустился с небес на землю, и к нему начала возвращаться трезвость мысли. Грандиозная награда предполагает и огромную ответную жертву. Ему не хотелось ссориться с этими приветливыми людьми, но пора было определить свою позицию однозначно.

Сказано — сделано! Теперь он ни за что не согласится на сотрудничество с Лиар, пока не будет полностью готов. С ее стороны смешно полагать, что человека можно снова и снова куда-то забрасывать, предоставляя ему на собственный страх и риск выбираться оттуда, притом, что ему не обрисована даже общая картина происходящего. Он, например, не хочет иметь никакого отношения к подобному плану. И если он все-таки в него ввяжется, то только при условии полной информированности.

— Тебе придется убить человека,— сказал Маленкенс необычно мрачным голосом.— Ты еще не убил ни одного человеческого существа. Лиар твердо убеждена, что ты не способен на хладнокровное убийство и что только вызванное смертельной

опасностью потрясение заставит тебя убить. Таково ее мнение, и я, пронаблюдав за тобой целый лунный месяц, с ней согласен.

— Спасибо,— сказал Слейд сухо.— Но я все еще не заинтересован.

Доедал он молча. Он не знал точно, каково его положение в племени, но в конце концов решил, что происшедшее не было разрывом. Он останется, хотя бы ненадолго, и тщательно продумает свои планы. Бросаться в бой без подготовки — абсолютно бесполезное занятие.

Утром Слейд направился на свои занятия по релаксации.

На второй месяц пребывания в племени Слейду показалось, что темп его жизни увеличился. И он понял, в чем дело. Он стал более внимателен, более осторожен, стремился все разузнать. Он непрестанно следил за людьми и даже спал с пистолетом под подушкой.

Ближе к концу второго месяца ему пришла в голову мысль, что никто из племени не видел автоматического пистолета в действии. И что, наверное, для устрашения неплохо бы выстрелить одним из своих драгоценных патронов. Он сомневался на этот счет, поскольку в решающий момент на счету каждая пуля. Но все-таки было ясно, что по своей воле он в Нейз не пойдет, и забрать его туда Лиар сможет лишь в том случае, если мужчины племени свяжут его и передадут ей.

Это был месяц нескольких открытий. Слейда все время интересовал животный мир этого уровня. «Он существует,— заверил его Маленкенс, странно улыбаясь.— Все зависит от того, захотят ли животные посмотреть на твою реакцию после того, как ты их увидишь».

Смысл этих слов был не вполне понятен, но в течение четырех недель Слейду удалось кое-что увидеть. И каждый раз увиденное мельком существо оказывалось животным, которое за ним наблюдало. Как-то он встретил крохотное темное создание, такое быстрое, что невозможно было как следует разобрать, на что оно похоже. Какой-то длинный, худой, пятнистый зверь — слишком худой, чтобы иметь хорошую мускулатуру,— отстраненным взглядом посмотрел на Слейда и с презрением засеменил в кусты. Некто, по виду напоминающий лошадь, несколько секунд пристально глядел на Слейда, а потом, фыркая, побежал прочь. И, наконец, произошла еще одна, действительно потрясающая встреча.

Слейд шел по нехоженой долине, примыкающей к долине с пещерами, как вдруг, случайно оглянувшись назад, заметил зверя, более крупного, чем он сам, который шел следом всего в ярде за его спиной. Его голова походила одновременно и на кошачью и на медвежью, а тело было длинным, гладким, серо-коричневым.

Это такой же зверь, как и тот, что склонялся над ним ночью в квартире Калдры и Амор.

Слейд почувствовал азарт такой же сильный, как и страх, и выхватил пистолет. Зверь оскалился, блеснув зубами, как кинжалами. Он поднял лапы. Затем развернулся и исчез в кустах.

Это нит, сказал ему Данбар и затем замолчал, когда Слейд описал ему случившееся в Нейзе. Позднее он заметил, как Данбар что-то серьезно выговаривает Маленкенсу. Когда Слейд приблизился, разговор прервался, так что он был вполне уверен, что говорили о нем.

Было большой неожиданностью обнаружить, что его обсуждают. Это подчеркнуло неопределенность его положения, так что Слейд счел необходимым немедленно продемонстрировать свое мощное оружие.

Слейд все время думал, как это лучше сделать; наконец ему показалось, что он придумал. Птица. Он уже два месяца смотрел, как вокруг болота среди листвы прыгают птички с яркими перьями. Птички были чрезвычайно пугливы. Слейд мог целый час подкрадываться к стае. И вдруг, как раз тогда, когда он приближался настолько, что их можно было хорошенько рассмотреть, птицы взлетали. Постепенно его желание посмотреть вблизи на трехглазую пернатую тварь стало почти навязчивой идеей.

Слейду стало казаться, что если он сумеет подстрелить птицу с уступа, то, выражаясь фигурально, убьет двух птиц одним камнем.

На следующее утро он вынес из пещеры стул, положил один из своих пистолетов на колени и принялся наблюдать за росшим внизу кустом. Через десять минут Слейд заметил, что люди начали на него коситься. Еще через несколько минут Данбар тоже вынес стул и сел рядом со Слейдом.

— Почему ты решил,— спросил Данбар,— что на этом уровне существования твое оружие выстрелит?

— Э! — произнес Слейд.

То, что оружие подведет, показалась невероятным. Он тщательно прицелился в стайку птиц. Слейд сделал паузу, чтобы сказать:

— Этот пистолет делает много шума, так что приготовься.

И тотчас нажал на спусковой крючок.

Щелк!

Звук осечки. Слейда зазнобило, словно он был гол и беспомощен. Солнце, как и всегда, светило жарко, но Слейду в течение двух месяцев два его пистолета придавали уверенность и храбрость. Они укрепляли его дух каждый раз, когда он думал о том, как легко несколько десятков мужчин племени могут одолеть его и передать Лиар.

Теперь его дух лишился последней опоры.

Какое-то время Слейд сидел совершенно неподвижно, затем вынул патрон, взял его в руки и начал отковыривать пулю. Он высыпал порох на дорожку небольшой кучкой, подошел к ближайшему костру, взял горящую головешку и поднес к пороху. Тот начал гореть — медленно, с шипением, словно толстая бумага. Подошедший Данбар сказал:

— Химический состав должен быть немного другим. Не сомневаюсь, что можно сделать, чтобы все работало.

Но Слейд не собирался ждать и выяснять состав. Защита его испарилась, как дым. Не говоря ни слова, он вошел в пещеру, пристегнул второй пистолет, распихал по карманам мелкие вещицы, принесенные с Земли, и вышел наружу. Данбар пошел рядом с ним.

— Ты уходишь от нас, Слейд?

Слейд произнес:

— Где Маленкенс?

— Ушел.

Это было вторым потрясением.

— Ушел! Куда?

Он заметил, что Данбар странно на него смотрит.

— Маленкенс не один из нас, Слейд. Он приходит к нам иногда. Он один из... серебряных поясов.

Слейд молчал. Он понял, что произошло. Его передали кому-то из иерархии Лиар. Только сейчас Слейд вдруг вспомнил, что, пока он находился в племени, Маленкенс постоянно был рядом. Данбар снова заговорил:

— Не вини нас слишком строго, Слейд, за то, что происходит. Никто из нас не продвинулся дальше молекулярной фазы контроля над телом. Мы бессильны в этой борьбе между кораблем и городом, а пока город существует, мы не можем достичь высшей фазы самоконтроля.

Город — раздражающий фактор. Его существование мешает определенным базовым ритмам. Уже сама мысль о том, что такие же люди, как и мы, заперты за барьером и никогда не смогут вырваться (а в этом и состоит основная задача барьера — не дать людям вырваться из-под контроля Джиана), угнетает наш дух и не позволяет нам реализовать наши возможности. И в результате мы тоже отданы на милость Джиана.

У Слейда создалось впечатление, что перед ним оправдываются. Это его смягчило.

— Спасибо,— сказал он.— Я отношусь к вам, как к своим друзьям.

Данбар напутствовал:

— Удачи тебе, друг.

Только через час уступ перед пещерами скрылся, наконец, из виду.

8

Местность с каждым часом становилась все более дикой. Зверей Слейд не видел, но птицы сотнями перекликались в ветвях кустов и деревьев; в основном это были птицы других видов, чем те, что встречались вблизи пещер. Эти были менее осторожны. Зачастую Слейд проходил мимо них, и они не взлетали. Ближе к вечеру он взял палку и сбил ею с низкого куста двух птиц, похожих на голубей. Так, наконец, он добыл своих первых трехглазых птиц.

В сумерках, под шипение костра, под крики ночных обитателей Слейд поел фруктов и зажаренных на вертеле голубей.

На сытый желудок Слейд принялся размышлять над проблемой двуглазых и трехглазых существ и миров, в которых они живут. Они несомненно имели общее происхождение. Мало вероятно, что человеческая раса независимо возникла в двух различных местах. Он решил, что в древности различные существа мира двуглазых развили у себя третий глаз и таким образом, сами того не заметив, оказались в этой особой Вселенной.

Вообще-то объяснение, вероятно, восходит к самим основам реальности. То, чего не существует для сознания, органы чувств не замечают. Поэтому объект, или объекты, перестает влиять на организм в целом.

Идея была не нова. Но старая формулировка, выраженная фразой: «Спит ли за печкой кот, когда меня нет рядом?», не учитывала несомненные факты человеческого восприятия. Игнорировалась абсолютная уверенность сознания в том, что кот находится там независимо от наличия наблюдателя. Ведь слепые получают всю значимую для них информацию от органов слуха и осязания.

Значение имеет только представление о мире, существующее в сознании.

Ночь продолжалась, и, просыпаясь время от времени, Слейд начал думать о пистолетах, которые никак не хотели стрелять. Эта мысль возвращалась к нему и в последующие дни. Она даже немного изменила его планы.

До этого он намеревался откопать обнаруженное им металлическое устройство, затем резко повернуть на юг и таким образом

вообще уйти с территории Нейза и Лиар. Но его несколько уязвляла та негероическая роль, которую он сам себе отводил.

Вот каков я, думал он, *у меня самое необычное приключение на свете, а я тут осторожничаю.*

Он понимал, что нашлись бы люди, которые, не раздумывая ни минуты, принялись бы за это предприятие. Сейчас эти герои уже были бы на пути в Нейз, чтобы бросить вызов Джиану в его огромной центральной башне.

Слейд лежал в темноте, и его губы сжались. Бесполезно обманывать самого себя. Смелые действия — не для него. Главное, чтобы из-за чрезмерной осторожности он не отправился на юг без загадочного артефакта. Конечно, тот может ему и не пригодиться. Но он, несомненно, является ключом к чему-то важному, и кто знает — вполне может быть, что он еще в рабочем состоянии. Слейд не мог его бросить.

Леса становились все тише, долины обширнее, холмы — выше. Перед Слейдом простирался огромный, девственный континент, но Слейда поразило ощущение, что ему уже знаком этот путь. Существовали небольшие отличия в контурах каньонов и возвышенностей; иной вид имели обширные болота, лесные деревья и кустарники. Но основной профиль ландшафта был тем же. Слейд так часто проделывал этот путь в сто миль до своей фермы, что ни разу не заблудился. Это было удивительное ощущение.

Наконец утром шестого дня он вышел на длинную холмистую равнину, в конце которой на уровне Земли находилась его ферма. Очень осторожно, пользуясь всевозможными укрытиями, он приблизился к тому месту, где в ту ночь стоял космический корабль. Издалека Слейд увидел, что его там нет, но бдительность ни на минуту не ослабил.

Примерно через десять минут он нашел искомое устройство. Пользуясь как ломом подобранной по дороге крепкой веткой, Слейд стал выковыривать его из земли. Оно глубоко сидело в почве, и потребовалось пролить немало пота и потратить еще двадцать минут, чтобы раскачать его.

Наконец Слейд вытянул его из земли, и стало видно, что это такое. Нечто похожее на ящик с рулевым колесом с одной стороны. По размеру устройство было достаточно большим, но легкость его поражала. Только чистый магний или даже литий могли бы сравниться с легкостью сплава, из которого оно было изготовлено.

Слейд прикинул вес странного механизма и решил, что он составляет менее тридцати фунтов. Устройство блестело на солнце, ничуть не потускнев оттого, что долго пролежало в земле.

Слейд даже не стал пытаться его изучить, а сразу пустился в путь.

Весь день Слейд нес его то на одном, то на другом плече. Примерно за час до наступления сумерек он вышел к бурной речушке и решил переночевать на ее берегу. Это место нельзя было назвать достаточно защищенным, но Слейд очень устал, а ближайший лес находился на расстоянии многих миль.

Слейд поспешно поел, затем, испытывая сильнейшее любопытство, склонился над устройством. Маленкенс говорил ему однажды, что в древнем Нейзе источниками энергии были атомные и магнитные станции. «Естественно,— заметил он тогда,— действуют они здесь немного иначе, чем там, откуда ты происходишь».

После случая с пистолетами Слейд это понимал. Тем не менее он все же предпочел бы, чтобы это устройство оказалось магнитным.

Слейд еще раз внимательно осмотрел его.

Больше всего озадачивало рулевое колесо. Всего одно колесо — да еще такое большое. Металлическая коробка, в которой был закреплен вал колеса, имела форму куба со стороной всего в фут. Диаметр колеса составлял немногим больше двух футов; оно было изогнуто чашкой и по форме походило на цветок с длинными лепестками. Вполне могло бы служить небольшой тестомешалкой, такой объемной была чашка.

— Хм-м-м! — сказал Слейд.

Может быть, его не следует рассматривать как колесо только из-за того, что оно легко вращается на валу.

Но все-таки это больше всего было похоже на колесо.

Слейд крутанул его. Оно немного повертелось, затем остановилось. Больше ничего не произошло.

Слейд обшарил устройство в поисках пульта управления. На этот раз он осмотрел его досконально. Но не нашел ничего нового.

На блестящей поверхности одной из сторон Слейд заметил три чуть более светлых пятна. Походили они на вмятины в твердом материале. Но это были не вмятины. Слейд ощупал пальцами гладкий металл и не почувствовал ни малейшего углубления.

Озадаченный, Слейд принялся изучать эти светлые пятнышки. Он приблизил к ним глаза. *Как блестит*, подумал он. *Зачем, интересно...*

Что-то привлекло его взгляд.

Слейд отпрянул и выронил устройство.

Оно не упало. Оно осталось висеть в футе от его лица, колесом кверху, а три светлых островка на поверхности корпуса, словно три крохотных факела, светили ему во все три глаза.

Слейд зажмурился и быстро заморгал. Яркий свет пробивался сквозь веки. Слейд в панике оттолкнул от себя коробку.

Устройство скользнуло по воздуху на сотню футов и остановилось. Три светлые точки по-прежнему слепили его глаза словно авиационные прожектора, как и тогда, когда Слейд был в футе от них. На интенсивность их свечения расстояние никак не влияло.

Слейд помчался к устройству. Нужно отвернуть его в сторону, иначе эта штука лишит его зрения. Он поймал его дрожащей рукой. И перевернул на 180°.

Оно не оказало никакого сопротивления и, потеряв связь с его взглядом, медленно, словно воздушный шарик, опустилось на землю. Слейд спрятал его в кустах у речушки. После чего, все еще дрожа от пережитых волнений, прилег на поросший травой берег. Через некоторое время Слейд рассудил, что не потерпел никакого урона. Зрение не пострадало, и он видел так же хорошо, как и раньше. Глаза чувствовали прохладу, они отдохнули и совсем не были напряжены.

Слейд проспал всю ночь без сновидений. Когда он открыл глаза, солнце как раз всходило. Он принялся собирать плоды с ближайших деревьев, и только закончил свой завтрак, как сбоку послышался резкий свист.

Слейд на фут подскочил в воздух, когда в то место, где он только что сидел, ударило что-то тяжелое.

9

Слейд резко обернулся и посмотрел на упавший предмет. Удавка из похожего на металлический троса. Она шевелилась, как живая. Прямо на глазах у Слейда удавка начала сжиматься, втягивая концы троса в небольшую стальную коробочку.

Не успел Слейд хорошенько рассмотреть ее, как снова послышался свист. Слейд увернулся в сторону, и вторая удавка ударила ему в плечо. Она отскочила, словно резиновый мячик, и стукнулась о ближайшее дерево.

— Что за...— сказал Слейд. И нырнул за куст. Не успел он укрыться за кустом, как на траве уже лежали, извиваясь, две новые удавки. Слейд окинул взглядом горизонт и увидел, откуда они взялись.

К нему кто-то летел! Они находились очень далеко, и хорошо разглядеть их было невозможно. Казалось, что это существа с ногами, но без крыльев. Слейд заметил, как в небе мелькнуло что-то красное, затем ярко-серебристое, потом зеленое; разглядел

руки, вроде бы человеческие, вцепившиеся в нечто, мерцавшее над ними. Летели сами мерцающие объекты. Человекоподобные существа просто висели на них.

Время от времени, хотя самого этого движения на большом расстоянии не было видно, кто-нибудь из летунов бросал удавку, которая со свистом летела Слейду в голову.

Слейд затрепетал от страха. Что это? Ужас совершенно обуял его, когда он вспомнил письмо девушки. Джиан и охотники из города.

Однако охотники держались на приличной дистанции.

Тысяча ярдов, решил Слейд. Его пистолеты, даже если бы они и могли стрелять, на таком расстоянии были бы совершенно бесполезны. Слейд стал судорожно озираться по сторонам в поисках укрытия. Ближайший лес находился милях в десяти, но в конце концов вокруг росли трава и кусты, и не было причин терять надежду, если он еще не пойман.

Пока Слейд вертелся на месте, вокруг него запрыгали уже пять удавок. Слейд бросился их подбирать. Охотники, скорее всего, носят их с собой, и запас удавок у них наверняка ограничен.

Слейд бросился за куст. Оттуда он оглядел окрестности и стал считать нападающих. Один, два... семь.

Продержаться бы дотемна, подумал Слейд.

Он взглянул на солнце и убедился, что оно не сдвинулось по небу и на долю дюйма и по-прежнему низко висит над восточной частью горизонта.

До ночи еще очень и очень далеко.

Слейд сжал губы. Лихорадочное волнение немного улеглось. Слейд попробовал собрать всю свою решимость, и тело его стало успокаиваться. Вперед! Если он расхрабрится, то, вполне вероятно, сможет добежать до того леса вдали.

Однако, когда он перебегал ко второму кусту, с неба свалилась удавка и упала прямо ему на плечи. После этого она немного съехала вниз и начала с непреодолимой силой сжимать его руки.

Слейд хотел выхватить нож, но руки его уже были сильно прижаты к телу. Стараясь вырваться, он споткнулся о камень, больно ударился и покатился кубарем.

Удавка была словно стальная пружина. Она врезалась в тело с такой силой, что Слейду стало трудно дышать. У нее должен быть замок... нужно ее разомкнуть.

Слейд попытался дотянуться пальцами до ее концов, но устройство замка оказалось слишком хитроумным. Борясь с удавкой, Слейд заметил поблизости в небе какое-то движение. Глаза его застилали выступившие от боли слезы. Сморгнув их, он ясно

увидел охотников в серебристой одежде. Они были примерно в ста футах и быстро приближались.

Слейд прекратил бесполезную борьбу.

Семеро охотников из города приблизились футов на двадцать и спрыгнули со своих летательных устройств. Слейд быстро их оглядел — ему было интересно, нет ли среди них Джиана. Скорее всего, нет. Слейд тут же позабыл о нем. Его внимание приковали к себе летательные приспособления. Они какое-то время повисели в воздухе над людьми, а затем, словно медленно сдувающиеся воздушные шарики, опустились на землю. У одного из охотников их было даже два.

Каждый аппарат представлял собой похожий на стеклянный красный матовый стержень дюйма три в диаметре и фута в три длиной. К нему была приделана поперечина, на конце которой находились ручки.

Снаружи больше ничего не было видно: ни каких-либо механизмов, ни источников энергии, так что Слейду захотелось рассмотреть приспособление вблизи. Он счел это желание несвоевременным отчасти оттого, что его по-прежнему сжимала удавка, отчасти оттого, что к нему подошли охотники.

В доме Калдры и Амор у него не было возможности разглядеть их как следует. Теперь, когда приспешники Джиана стояли перед ним, такая возможность появилась.

Лица их были суровы, бледны и отмечены, как говорили в старину, печатью порока.

Охотники склонились над ним, и двое из них насмешливо улыбнулись. Один из охотников что-то сказал, и все тотчас засмеялись, но скоро замолчали, и их лица вновь сделались суровыми. Слов Слейд не разобрал.

Слейд почувствовал, что его пистолеты вынули из кобуры, а из карманов вытряхнули их содержимое. Быстро осмотрев каждый предмет, вещи побросали в холщовый мешок. Еще до конца обыска один из охотников что-то сделал с удавкой. Она тут же ослабла, и ее легко сняли через голову.

Течение событий ускорилось. Как только Слейд поднялся на ноги и стал растирать затекшие руки, один из окружающих сунул ему ручки запасного летательного аппарата и указал на своего соседа, который как раз поднимал свой аппарат с земли.

— Смотри на него,— сказал он отрывисто.

Слейд увидел, как тот легко подбросил стержень перед собой. И одновременно ловко подпрыгнул.

Оказавшись в воздухе, стержень словно за что-то зацепился. Он остановился, замер и стал искать невидимую цель, как стре-

ла, которую собираются выпустить из лука. Стержень полетел вперед вместе с держащимся за его ручки человеком, а охотник, стоявший рядом со Слейдом, отрывисто произнес:

— Теперь ты.

Слейд испугался, что стержень упадет ему на голову. И одновременно, как это не парадоксально, ожидал, что ему почти вырвет руки из суставов, когда устройство «зацепится» за воздух.

Но произошло совершенно иначе. Оно не упало, и рывка не последовало. Нечто необъяснимое — словно поток воздуха, ощущение внезапно возникшей легкости — подхватило его тело. И поднял его этот поток, а вовсе не летательный аппарат. Он воспарил, словно пух одуванчика в восходящей струе теплого воздуха.

Над Слейдом необъяснимым образом двигался прибор, сделанный из твердого металла. Но, работая, как катализатор, он лишь воздействовал на тело, а не нес его. Слейд летел *вместе* с этим устройством, составляя с ним единое целое. Они были неразделимы. Слейд вспомнил, что несколько минут назад стержни упали, после того как охотники выпустили их из рук, и ему стало ясно, что ни человек ни аппарат не могут оставаться в воздухе друг без друга.

Какая-то великая основополагающая сила скрепляла союз между его нервной системой и аппаратом так, что гравитация на него не действовала. Похоже на обнаруженное им устройство с колесом, вспомнил он вдруг. Он посмотрел туда, где спрятал находку, но с воздуха обнаружить это место ему не удалось.

Слейд почувствовал огромное удивление. Что за невероятные тайны были известны этим людям — тайны природы и механики? Слейд заметил, что поднявшиеся следом шестеро охотников подлетают к нему. Непринужденно придерживаясь за свои летательные аппараты, они окружили его со всех сторон. Каким-то образом аппарат Слейда летел с той же скоростью и в том же направлении, что и все остальные. Казалось, что его устройство имеет симпатическую связь со всей компанией.

Планируя низко над землей, они пролетели над целой чередой болот, долин и участков густого леса. Слейд обратил внимание на то, что летательные аппараты все время оставались недалеко от земли. Никто не предпринимал попыток набрать большую высоту. Встречавшиеся на пути деревья обходили по касательной или старались проскользнуть между ними, а не перелетали через их верхушки. Миновали стороной и высокие горы со снежными вершинами. Летательные аппараты, словно река, выбирали самый простой путь, так что в конце концов Слейд решил, что они

двигаются вдоль силовых линий магнитного поля Земли. Даже мобилизовав все свои знания, никаких иных предположений, объясняющих этот способ передвижения, Слейд сделать не мог.

Летуны удивительно быстро добрались до города, и вдали показались сверкающие башни. Слейд принялся жадно вглядываться в разворачивающуюся перед ним панораму блестящими от слез глазами. Ведь одно дело — посмотреть город изнутри, и совсем другое — увидеть его с птичьего полета. У начала постепенно расширявшийся долины город составлял примерно четыре мили в ширину. Какова была его протяженность, Слейд видеть не мог. Они летели слишком низко, а город стоял на возвышении.

Башни и крыши Нейза блестели в ярких лучах восходящего солнца. Теперь стала видна его планировка. Весь город поднимался уступами в сторону центральной башни Джиана, уходившей в небо, словно мачта гигантского корабля. Сейчас эта мачта показалась Слейду еще выше. По высоте башня была сравнима с ближайшими горными пиками, а от ее серебристого навершия исходило туманное свечение, словно дымка, окутывающее весь город. Находясь за пределами города, можно было заметить, что эта дымка имела четкую границу, проходившую в миле за его предместьями, и ее край изгибами ложился на траву, словно драпировка.

Группа задержалась перед защитным экраном. Но только на мгновение. На башне вспыхнул сигнальный огонь, и матово-красные аппараты прошли сквозь барьер, словно ножи, прорезающие марлю.

Летательные аппараты почти задевали за крыши низких домов. Они обогнули несколько башен и начали снижаться. Вот они в двадцати, а вот уже в десяти футах от земли. Один из охотников взялся за ручку аппарата Слейда.

— Отпускай,— сказал он отрывисто.— Прыгай.

Слейд удивленно посмотрел на него, не понимая, чего он хочет. Суровая физиономия охотника придвинулась вплотную к его лицу и приобрела отчетливо-злобное выражение.

— *Прыгай!*

Слейд глянул вниз. Под ним была мощеная улица. Он поколебался, затем отпустил руки. На него сразу же обрушилось ощущение собственной тяжести, от чего он испытал легкий шок. Ударившись о землю сильнее, чем хотелось бы, он дважды перевернулся через голову и встал на ноги. Пленившие его охотники уже исчезали за ближайшей башней.

Слейд вдруг оказался один.

Показание Джона Олдена, фермера из округа Смайлз, данное на коронерском расследовании.

«Каждый день я встаю в 5 часов утра. Утром девятнадцатого я встал, как обычно, и занялся хозяйством, и тут увидел странное зрелище.

По жнивью в западном направлении шла женщина и крупный, похожий на медведя зверь. Поскольку медведи зачастую опасны, я испугался за женщину, которая, должно быть, не знала, что за ней идет такой большой и страшный зверь.

Я сбегал за ружьем. В доме я пробыл не больше минуты, и за такое короткое время уйти по открытой местности было решительно некуда. Несмотря на это, когда я вышел на улицу, ни женщины ни зверя не было и в помине. Они буквально растворились в воздухе.

Как раз в то же день, немного позже полудня, в долине в двух милях от моей фермы нашли расплющенное тело Майкла Слейда. По словам врача, он умер за час до того, как был обнаружен. Так что, скорее всего, его смерть никак не связана с женщиной и медведем, которых я видел раньше.

Но я заявляю о том, что видел, с целью прояснить тайну трехглазого человека.

Майкла Слейда я ранее не встречал, видел только его труп, доставленный врачом на мою ферму.

И еще одно: когда полиция округа и я обследовали следы женщины и животного, мы обнаружили, что они резко обрываются посреди поля.

Объяснить я это не могу».

10

Слейд плелся по улице и обдумывал свое положение. Пистолетов его лишили, но нож по-прежнему был в ножнах. В кармане остался носовой платок, а также небольшая коробочка с рыболовными крючками и пачка таблеток морфина, которую он взял с собой на случай тяжелого ранения.

Вдруг он заметил, что улица, по которой он шел, не так уж пустынна, как могло показаться на первый взгляд. Из переулка бочком торопливо вышла старуха и прогнусила:

— Кровь! Или я убью тебя сегодня.

Слейд оттолкнул ее, думая: *почему они его отпустили? Чего они от него хотят? Действий! Конечно же, действий. Джиан думает, что Слейду известно о готовящемся заговоре, и прави-*

тель Нейза почему-то решил, что Слейд приведет его солдат к заговорщикам.

Слейд грустно засмеялся. План Джиана хитроумен, но в нем есть одна фундаментальная ошибка. Джиан ошибся, решив, что Слейду что-то известно.

Но это уже не имело значения. Сейчас ему нужно найти дом, где когда-то жили Калдра и Амор. А поскольку Джиану известно его местоположение, то Слейду нечего делать из этого тайну.

Пока верно было лишь то, что ему никак не выбраться из Нейза и что Джиан может арестовать его в любое время.

Когда Слейд добрался до той части города, где распоряжалась пятая колонна, солнце в небе стояло уже высоко. Вначале он узнал одну улицу, потом другую, затем понял, что дом находится где-то рядом. Слейд устремился вперед и услышал, как знакомый женский голос проскулил: «Дай крови, господин хороший».

Слейд уже собирался быстро пройти мимо, как вдруг девушка вскрикнула. Слейд резко обернулся и внимательно посмотрел на нее. Лицо ее сделалось холодным.

— Вот это да! — сказала она с усмешкой.— Это же человек, который собирается уничтожить Нейз.

Слейд воскликнул: «Амор!», но тут он вспомнил о Джиане и о том, что за всеми его перемещениями, вероятно, следят.

— Быстро,— сказал он,— встретимся у квартиры Калдры. Там я дам тебе немного крови. А сейчас... ударь меня по лицу, словно ты на меня разозлилась.

Она действительно все делала быстро. Взмахнув рукой, девушка дала ему пощечину. Затем она вразвалку пошла прочь, а он направился дальше, только сейчас осознав, что случилось. Амор — на улице.

Слейд вдруг почувствовал, что значит разложение личности. Потом он ощутил бешеную злость на Лиар. Она в этом виновата.

Слейд не без огорчения подумал о том, решится ли Амор появиться у квартиры.

Она оказалась там раньше него. Девушка открыла ему дверь и принялась говорить, едва только он переступил порог. Она болтала не закрывая рта. Щеки ее раскраснелись, глаза расширились, руки дрожали. Казалось, что она на грани нервного срыва.

В ту ночь, когда убили Калдру, она осталась жива потому, что ее не было в квартире. Ночью она спала у подруги.

— Я боялась, что если останусь, то приду к тебе в комнату.

Ее лихорадочный тон напомнил Слейду о его обещании. Он встал и пошел в ее спальню. Шприц и чашка лежали на столике у кровати.

Слейд с отвращением подумал: *вот до какой низости может дойти потенциальный сверхчеловек.*

Слейд отнес шприц на кухню, вскипятил воду на одном из работающих от неизвестного источника энергии элементов и простерилизовал иглу. Введя иглу в вену на левой руке, он наблюдал, как в прозрачном шприце заблестела темная кровь. Когда шприц был полон, Слейд слил из него кровь в чашку. Соприкоснувшись с металлом, жидкость еле слышно зашипела, но другой реакции не произошло. Слейд твердо поставил чашку на стол перед с девушкой.

Та облизала губы, но на чашку не посмотрела. Лицо ее сохраняло отстраненное выражение, тело напряглось. Не шевелясь, она смотрела в пол. Потом монотонным голосом произнесла:

— Зачем ты вернулся в город?

Значит, она начала обдумывать события. Это добрый знак. Слейд начал свой рассказ. Он был совершенно откровенен, хотя и краток. Когда он закончил, глаза Амор влажно блестели. Она встала. Вдруг она сделалась крайне возбуждена.

— Вот именно,— воскликнула она.— Вот именно!

Теперь Амор смотрела на Слейда широко раскрытыми глазами.

— Разве ты не видишь? То, что ты здесь — не случайность. Тут все петляют, но идут к одной цели. Джиан попался в ловушку. Почему? Потому что с серебряным поясом он чувствует себя в безопасности. Но ему очень хочется узнать, как Лиар собирается с твоей помощью уничтожить его. Сейчас он со свойственной ему дерзостью идет на риск, чтобы иметь виды на будущее.

Начав говорить, она принялась расхаживать по комнате. Затем остановилась прямо перед Слейдом и решительным тоном произнесла:

— Иди прямо к нему. Это его смутит. Он ждет, как ты поступишь. Ладно, открою тебе кое-что. Лиар сказала, что только ты можешь убить Джиана. Это значит, что без тебя мы бессильны. Раз дела обстоят таким образом, ты должен сам его найти. Тебе от этого все равно никуда не деться. Без Лиар ты не выйдешь из Нейза. Можешь быть уверен, она продержит тебя здесь до тех пор, пока ты не сделаешь то, что она хочет. Кроме того, рано или поздно Джиан прикажет привести тебя к нему и... *Вот!*

Она убежала в другой конец комнаты и вернулась с чашкой крови. Протянув чашку Слейду, девушка проговорила с лихорадочной настойчивостью:

— Хлебни. Это придаст тебе храбрости. Действие одного глотка продлится не больше часа.

Слейд с любопытством взял чашку в руки. Предложение его изумило. Хотя мысль о том, чтобы пить собственную кровь, была

отвратительна, ему всегда хотелось ее попробовать. К тому же Слейду не хотелось, чтобы его вытолкали прямо в лапы Джиану. Первой его мыслью было выиграть время.

Слейд поднес чашку к губам, немного помедлил. Затем сделал маленький глоток...

— Проходи сюда,— надменно произнес офицер охраны башни.— Если его превосходительство Джиан соизволит с тобой говорить, он даст знать.

Дверь с шумом захлопнулась.

Слегка покачиваясь, Слейд прошел вглубь помещения. Экстатическое, почти непереносимое блаженство, растекшееся по каждой его жилке через несколько секунд после первого глотка крови, уже исчезло. Осталось только расплывчатое воспоминание о безумно приятных грезах и усиливающийся гнев.

Негодяйка, думал он, *мерзавка эта Амор. Она ведь знала, что произойдет.*

Прямо какой-то гипноз. Пока Слейд летал на крыльях блаженства, он, сам того не замечая, пришел по едва различимым в дремотном тумане улицам прямо к центральной башне Джиана. Наверняка кровопийцы, перед тем как глотнуть своего зелья, воображают себе какую-нибудь цель.

Его намерением было пойти к Джиану, и вот он здесь.

Все еще испытывая головокружение, Слейд оглядел помещение. В одном углу стояла кровать, а противоположная стена была прорезана поперек большим окном. Слейд выглянул из окна и удивленно заморгал. Расстояние до земли было огромным. Поднимаясь сюда, он насчитал семьдесят этажей и теперь высунулся наружу, чтобы проверить высоту; тут до него дошло, что ведь он действительно перегнулся через подоконник.

Окно было не застеклено. Слейд отошел вглубь комнаты, потрясенный тем, что из-за сумеречного состояния своей психики чуть не разбился насмерть. *Лучше лечь*, подумал он.

Ему приснился тяжелый сон, как бывает всегда, когда человек отходит от действия наркотика. Во сне его вышвыривали из пустого окна, и он летел к земле с высоты в семьдесят этажей. Проснувшись в тревоге, он вдруг инстинктивно сжался: рядом с кроватью стоял нит, склонив над ним свою морду. Все три его пристально глядящих глаза светились таинственным огнем. Животное увидело, что Слейд проснулся, но не сделало попытки убраться. Потом нит спросил:

— Кто велел тебе прийти сюда?

И встал над ним, ожидая ответа.

Нечто совершенно непонятное. Мозг Слейда был готов ко всему. Но только не к говорящим зверям! Удивление было таким сильным, что он не успел перестроиться. Его сознание было захвачено врасплох и временно отказалось действовать.

Это было не смешно. Нарушился обмен веществ, по телу хлынула неуправляемая нервная энергия. Подступила тошнота, и вслед за ней — неспособность к определенным снимающим напряжение реакциям, таким как глотание и моргание. Казалось, кровь, поступавшая к глазам, свернулась, и окружающий мир сделался очень расплывчатым.

Слейд был убежден — и ему это подсказывало не логическое мышление, а чувство страха — что он сейчас перенесется назад на Землю. Страх вырос до неимоверных пределов, но сквозь его пелену прорезалась мысль: его сон... если он выпадет из этого уровня, то пролетит вниз семьдесят этажей. Картина такого падения почти парализовала рассудок.

Но секунды шли, и ничего не происходило. К Слейду вернулась уверенность. Нит, этот не то кот, не то медведь, держа свою морду всего в футе от его лица, произнес:

— В чем состоит план уничтожить Джиана?

В его словах было нечто такое, от чего Слейду чуть снова не стало плохо. Собственно, это была не речь. Звука вообще не было. Тварь посылала ему мысли. Это телепатия.

Слейд лежал, дрожа от напряжения, и пытался понять, что это значит; выходит, есть звери, у которых система коммуникации работает лучше, чем у людей. Он вспомнил о диких животных, которые за ним наблюдали, и о том, как осторожны были птицы у пещер. Неужели все они читают мысли?

Последняя мысль улетучилась из его многострадальной головы. Нит грозно оскалил зубы. Поднял огромную лапу.

В чем состоит план?

Слейд рванулся на дальний конец кровати и выхватил нож. В панике он скатился на пол. Затем вскочил на ноги, выставил лезвие перед собой и стал пятиться к ближайшей стене.

— Осторожно,— сказал Слейд,— я воткну в тебя этот нож, по крайней мере, дюймов на шесть.

Потом Слейд никак не мог вспомнить, что же произошло дальше. Стоя вполоборота, он увидел, как вдруг из воздуха в окно семидесятого этажа вошел второй нит. Он держал какое-то прозрачное, толщиной в фут, оружие, выпустившее в первого нита бледно-красный луч. Тот, должно быть, умер мгновенно, но еще минута потребовалась на то, чтобы луч полностью растворил ог-

ромное тело зверя. Вновь пришедший посмотрел на Слейда и послал ему мысль:

Это предатель. Мы терпеливо ждали, пока Лиар не отдаст приказ убить его. Но теперь времени терять нельзя. Во-первых, мне лучше избавиться от этого... — Слейд не разобрал названия оружия. Он принялся наблюдать за тем, как животное ловко разделило его вдоль на две части. Внутри устройство казалось достаточно простым, и вся схема группировалась вокруг металлической пластины длиной в четыре, шириной в три и толщиной в один дюйм. Нит сжал эту небольшую пластину в лапе.

Скорее, приказал он, *положи это к себе в карман. Вот так.*

Возразить Слейду не удалось. Животное наступало на него. Не успел Слейд решить, сопротивляться ему или нет, нит запихнул металлическую пластину в левый карман его куртки. Слейд увидел, что животное засовывает оставшиеся части оружия под кровать.

Нит резко выпрямился. *За тобой идут*, передал он настороженно. *Помни, еще не победа. То, что мы сделали сейчас, мы могли сделать много лет назад.*

Сейчас — решительный момент.

Дверь открылась, и вошли полдюжины солдат. Не сказав ни слова, они вывели Слейда в длинный мрачный коридор и подтолкнули к лифту. Нит прошел следом. Лифт со скрипом поднялся этажей на десять. Еще коридор, затем дверь, а за ней — просторный зал.

Перед незастекленным окном, глядя на город, стоял высокий мускулистый человек. Он был одет в блестящую серебристую одежду охотников Нейза, и пока он не повернулся, Слейд не уловил в его облике ничего знакомого. Тем большим было потрясение, когда Слейд узнал его.

Его светлость Джиан, он же — Маленкенс.

11

Для Слейда это было утро сокрушительных потрясений. Он заметил, что властитель Нейза смотрит на него усмехаясь, и эта презрительная ухмылка наконец вывела Слейда из его замешательства.

Слейд вдруг понял все, что происходило с ним за последние месяцы. Оправдание Данбара — теперь оно получило свое объяснение. Той ночью в квартире Калдры нит Джиана, должно быть, читал его мысли, и, руководствуясь полученной информацией, Джиан во всеоружии поджидал его у пещерной деревни. Там, не

задавая никаких вопросов, он узнал от Слейда подробную историю случившегося.

Должно быть, он прибег к очень жестоким угрозам, чтобы заставить замолчать таких порядочных людей, как Данбар.

Улыбка Джиана сделалась еще более ехидной.

— Ты прав,— сказал Джиан.— Так все и было.

Слейд вздрогнул оттого, что эти слова так точно соответствовали его мыслям. Он взглянул на нита, и тотчас возникла телепатическая связь.

Естественно, я ведь передаю Джиану измененную версию твоих мыслей. Раньше он пользовался услугами нита-предателя. Ему нужен кто-нибудь, кто может читать мысли. Того убитого нита решили подменить мною из-за того, что я очень на него похож. Но сейчас ты должен быть осторожен.

Нит продолжал: *Джиан не так спокоен, как кажется. Он очень опасается Лиар, и кое-что уже дало ему понять, что наступает решительный момент. Если он вдруг испугается, он тут же тебя убьет. Поэтому ты должен быть готов действовать, как только я подам сигнал.*

— Но что я должен делать?

На эту мысль нит не ответил. Слейд облизал пересохшие губы, когда вдруг понял, до какой степени он увяз в этих событиях. Он подумал: *надо объяснить Джиану, убедить его в том, что я не опасен.* Не успел Слейд ничего сказать, как Джиан заговорил:

— Слейд, ты до сих пор жив лишь потому, что я еще нахожусь в раздумьях. Одна женщина,— голос его сделался злым,— по имени Лиар, единственная, кроме меня, владеющая серебряным поясом и потому бессмертная, утверждает, что с твоей помощью может меня убить. Я бы мог сразу тебя уничтожить, но она скоро найдет другого дурачка, чтобы угрожать мне, и существует вероятность того, что в следующий раз я не смогу узнать об этом заранее. Поэтому сейчас я иду на риск. Пока ты мне нужен. Я должен знать, что она придумала. Сейчас для меня нет ничего важнее.

Джиан производил сильное впечатление. Пока он говорил, выражение его лица изменилось. Каждая черточка дышала искренней серьезностью. Этот человек до самой глубины души был восхищен грозящей ему опасностью. Ему, бессмертному, вдруг угрожают; больше всего его интриговала неясность, незнание деталей того, в чем состоит эта угроза. Джиан, должно быть, уже сотни лет не испытывал более живого интереса.

Эти мысли Слейда были прерваны Джианом, который продолжил свою речь, но теперь уже голосом более твердым и в более настойчивой манере:

— Слейд, мне ясно, что ты — пешка и влип в эту историю не по своей воле. Но ничего не могу поделать. Вот он ты. Мне навязали эту проблему, несмотря на то, что я предупреждал Лиар. Сейчас на сороковом этаже башни бушует атомный пожар, и нет сомнений в том, что это ее работа. Скоро пожар доберется сюда.

Слейд на мгновение отвлекся от своих горестей, пораженный такой перспективой. Атомный пожар. Ведь это значит, что башня будет разрушена, и барьер исчезнет. Нейз уже обречен.

Воображение Слейда живо нарисовало себе этот пожар пожаров. У других, без сомнения, есть средства эвакуироваться, но как же он? Суровый голос Джиана все звучал:

— Лиар всегда могла начать неконтролируемую ядерную реакцию в энергетических установках башни, но я давно, очень давно предупредил ее, что если она это сделает, я убью все живые существа на этой планете.

Его холодный, как стекло, взгляд остановился на Слейде. То, как ужасно переменился этот человек, просто сразило Слейда. В начале беседы в нем еще оставалось нечто от приятной серьезной наружности Маленкенса. Теперь все исчезло. Лицо его преобразилось. Оно превратилось в маску, стало таким беспощадным, таким кровожадным, что Слейд ужаснулся. За несколько минут доктор Джекил превратился в мистера Хайда. Безмерно жестоким голосом Джиан проговорил:

— Лиар всегда знала, что если она уничтожит барьер, я сотру с лица земли всех людей. Она сделала выбор. Пусть так и будет.

Смысл этих слов был так глубок, что оказался не сразу понятен. Слейд подумал о том, что видеть омерзительное преображение Джиана — это то же самое, что наблюдать напивающегося до свинского состояния человека или вдруг случайно увидеть яму, полную нечистот, или неприличное изображение. Слейд поежился от отвращения, но тут же очнулся от собственных впечатлений — до него дошел весь ужас, заключенный в словах этого человека.

Слейду показалось, что его наполовину парализовало, и ему еще сильнее, чем прежде, захотелось убедить Джиана в том, что он, Майкл Слейд, не причинит ему ни малейшего вреда. Слейд открыл рот, чтобы сказать что-нибудь... и закрыл его снова.

В окно, находящееся за спиной Джиана, влетел какой-то неясный силуэт. Когда силуэт обрел четкость, стало ясно, что это женщина. Нит, должно быть, предупредил Джиана, так как тот обернулся и изобразил на лице улыбку. Когда Лиар вошла в зал, улыбка превратилась в презрительную усмешку.

Слейд не испытал особой радости. Он понял, что жизнь его висит на волоске. Теперь Лиар здесь, и Джиан наверняка гото-

вится предать быстрой смерти единственного человека, способного, как считалось, убить его. В рассуждения Слейда вклинилась настойчивая мысль нита:

Успокойся, ради нас и ради самого себя. Ты ведь уже достаточно знаешь о природе нервной системы и понимаешь, что неуравновешенный человек всегда находится в невыгодном положении. Я обещаю, что предупрежу тебя. Так что успокойся и не убегай от суровой действительности.

Успокоиться! Слейд ухватился за эту надежду. Навыки релаксации обязательно должны ему помочь. Надежда крепла с каждой секундой. Какую же злую шутку сыграл над Джианом этот нит!

Слейд с огромным удивлением посмотрел на странное животное. Вот он сидит на полу, не то медведь, не то кот, читает мысли всех присутствующих и передает каждому переработанную версию того, что прочел. А Джиан думает — стоит там, спокойный и уверенный в себе, и думает — что это его нит.

Если его действительно невозможно убить, то это его заблуждение не имеет никакого значения. Но если у Лиар есть способ, если его неуязвимость не абсолютна, то тогда Джиан совершил роковую ошибку.

Слейд медленно и глубоко вдохнул в себя воздух, а потом так же медленно выдохнул. Для релаксации хватило одного вздоха. Теперь это позволило ему хорошенько разглядеть Лиар.

Она не была похожа на ту Лиар, которую раньше он видел лишь мельком. Близ болота она предстала перед ним голой, а в космическом корабле была лишь еле видимой тенью. Он почему-то решил, что она должна носить грубую одежду жителей пещер.

Слейд ошибся. Она ничем не была похожа на пещерную жительницу. Из ее прически, сооруженной из тщательно заплетенных кос, не выбивался ни один локон, ни один завиток не потерял предназначенной ему формы. Волосы блестели, словно покрытые лаком. Одежда ее походила на шелк и казалась только что сшитой. И сшита она была явно специально для нее. Не нарушая благопристойности, она скромно подчеркивала ее фигуру. Даже властность Лиар слегка потускнела, и, взглянув на Слейда, женщина тепло ему улыбнулась. Но улыбка тотчас исчезла, когда она повернулась к Джиану. Если Лиар и собиралась что-то сказать, то опоздала. Молчание прервал Джиан.

— Нарядилась в подвенечный наряд,— язвительно заметил он. И захохотал громким, оскорбительным смехом. Перестав смеяться, он с ухмылкой обратился к Слейду: — Тебе будет интересно узнать, друг мой, что ты — последняя надежда этой десятиты-

сячелетней старой девы. Тебе трудно это понять, но на жителей пещер из-за самой сути их психической структуры отрицательно влияет аура женщины, черпающей свою энергию из искусственного источника. Соответственно, она не может никого из них взять в мужья. Остаются только мои кровопийцы вон там,— он махнул рукой в сторону окна,— да ты.

Ухмылка сделалась шире.

— Из соображений морали ее не интересуют мужчины, пристрастившиеся пить кровь, так что выбор сужается, и остаешься только ты. Правда, забавно?

Ухмылка исчезла. Внезапно рассердившись, Джиан обратился к Лиар.

— А тебе, моя дорогая, будет интересно узнать,— сказал он едко,— что Слейд на моей стороне, а не на твоей. Нит только что сообщил мне, что он очень хочет убедить меня в том, что мне не следует его бояться. Поскольку нит сообщит мне — если это случится,— когда Слейд изменит свое мнение, то преимущество на моей стороне.

Джиан не понимал. Было удивительно, просто поразительно видеть, как легко он верит всему, что говорит нит. Не то чтобы нит лгал относительно желаний Слейда; но сам факт того, что нит сообщает ему жизненно важные сведения, доказывал, что отбор информации Джиан полностью возложил на добросовестность нита.

Джиан спасется, только если действительно окажется бессмертным. А если нет — его положение весьма затруднительно.

Мы хотим показать тебе кое-что, пришла мысль нита. *Если Джиан нам позволит, мы покажем тебе, с чего началась война между кораблем и городом. Как раз поэтому я и сообщил Джиану, что ты не намерен его убивать.*

Нит быстро продолжал: *это будет только отсрочка. Ты никуда не денешься от необходимости выбирать между двумя борющимися мирами, двумя людьми, стоящими перед тобой. Могу сказать следующее. Когда этот миг настанет, выбор твой будет свободен, но лишь в той степени, в какой все свободно в этой Вселенной.*

А сейчас надо заставить Джиана рассказать нам вкратце историю Нейза.

Джиан охотно согласился. Он был доволен.

— Значит, действительно приходится убеждать Слейда что-то сделать. Думаю, надо предупредить вас, что сейчас он, скорее всего, останется на моей стороне. Я как раз вспоминал кое-что из того, что он рассказывал мне о своей стране. Всего несколько лет

назад они сбросили атомные бомбы на крупные города своего врага. Очень интересная параллель с нашим миром, и она не сулит ничего хорошего, так что я посоветовал бы тебе открыть свои мысли ниту и побыстрее покончить с этим делом. Я хочу лишь знать, как ты планировала убить меня с его помощью?

Джиан улыбнулся.

— Не отвечаешь? Ладно, давай с этим покончим. Мне всегда интересно выслушивать тенденциозно преподносимую информацию о событиях, в которых я лично участвовал.

Он направился к дивану и сел. И стал ждать рассказа.

Лиар повернулась к Слейду.

— Я расскажу быстро,— произнесла она.

Ее повествование не было особенно длинным. Лиар вкратце обрисовала картину заката цивилизации, достигшей технического совершенства. Обитатели Нейза были бессмертны благодаря серебряным поясам, контролировавшим их психическую энергию. Существовали самые разные машины, но все они работали по одному принципу — управляли нервной системой человека посредством неорганических энергий.

Шли годы, и само совершенство стало приедаться. Люди начали совершать самоубийства. Над этой до конца материалистической цивилизацией нависла скука, и с каждым годом все больше мужчин и женщин пытались избежать ее, добровольно выбирая смерть.

Мода на самоубийства переросла в массовую тенденцию. Когда-то планета имела большое население, была почти перенаселена. Наконец осталось всего несколько миллионов людей, живущих в восемнадцати городах. И вот когда цивилизация, казалось бы, зашла в непреодолимый тупик, были сделаны новые открытия в области высшей нервной деятельности, определившие совершенно иной взгляд на будущее человечества.

Были проведены эксперименты на зверях и птицах. Через удивительно короткое время многие виды уже были способны читать мысли, а этого человек не мог делать, даже опираясь на всю свою машинерию. Животные проявили удивительные способности и в других областях, так что был проведен плебисцит, и подавляющим большинством голосов было решено отказаться от искусственного бессмертия и предоставить шанс новой удивительной науке.

Лиар помолчала и серьезно посмотрела на Слейда.

— Никаких полумер быть не могло. Либо все, либо ничего, никакой добровольной основы, никаких исключений. Новые открытия доказали, что человек по своей первобытной глупости пошел не по тому пути развития, что сейчас он должен вернуться к

истокам и начать все заново. Человек должен отказаться от материалистических кумиров, за которыми он так долго шел, уйти из городов, оставить свои машины. Ты сам видел, что могут такие люди, как Данбар, а он лишь едва достиг третьего, молекулярного уровня контроля. Возможности, которые откроет последняя, электронная фаза, достичь которой невозможно, пока существует город Нейз, нельзя даже представить. При помощи наших механических серебряных поясов мы лишь мельком увидели эти дразнящие картины, и все. Люди сделаются подобны богам, станут почти всемогущи и бессмертны без вмешательства технических средств.

Ты меня слышишь? *Бессмертны без вмешательства технических средств!* И в твоем и в моем мире тысячи поколений человеческих существ могли и не умирать. Все эти люди имели в своем теле колоссальную силу, врожденную способность осуществить все свои желания.

Она говорила, и Слейду все больше нравилась описываемая ею картина. Стало понятно, откуда взялись пещерные жители. Разрозненные элементы мозаики начали занимать свои места, и Слейд вдруг ясно понял, что она имеет в виду.

Лиар быстро продолжала:

— Подумай о собственном опыте,— сказала она взволнованно.— Ты перешел из одного уровня существования в другой потому, что твое сознание признало новую реальность. Так что тебе доступно сравнение, которое показывает, насколько ложным может быть то, что кажется. Свет. Люди из мира двуглазых наверняка определяют свет как что-то материалистическое, что-то внешнее.

Она так настойчиво на него смотрела, что он кивнул и изложил волновую и корпускулярную теорию света.

— Свет,— торжественно произнесла Лиар,— это восприятие субъекта. А не действие объекта. В космосе есть огромное тело, известное нам как Солнце. Мы, а также каждый предмет в этом зале, как органический, так и неорганический, знаем о наличии Солнца. Мы все реагируем на его присутствие, как и оно — на наше. Но оно не посылает нам никакого тепла, никакого света, ничего. Знание возникает внутри нас самих, внутри молекул этого стола и этого стула. Это знание представляется нам ощущением, которое мы называем светом. Теперь ты видишь, теперь понимаешь, что первобытный человек, лишенный помощи, пошел не тем путем? У него не было возможности понять истинную природу этого мира.

Слейд и не рассчитывал понять то, что она имеет в виду. Но он понял. Всего несколько месяцев тому назад он присутствовал

на лекции одного из учеников Эйнштейна. А ведь в этом и заключалась знаменитая последняя научная теория света. Он совсем забыл о ней.

Слейд задумался над возникшей в его представлении картиной, как вдруг случайно взглянул на Джиана. Это тут же вернуло его к реальности совершенно иного рода. Слейд сказал:

— А при чем здесь Джиан?

Джиан сухо произнес:

— Я как раз сам хотел об этом спросить.

Лиар немного помолчала. Затем тихо сказала:

— Конечно, этот грандиозный план встретил сопротивление. Все серебряные пояса были уничтожены, кроме тех, что принадлежали мне и моему товарищу. Нас выбрали по жребию, чтобы мы управляли кораблем, который ты видел, наблюдали за экспериментом, вели запись о его результатах и...— она помолчала.— Некоторые организовали сопротивление,— сказала она грустно.— Было немногочисленное эгоистическое меньшинство под предводительством Джиана...

Она снова замолчала. Джиан расхохотался, но смех его вдруг резко оборвался. Он угрюмо произнес:

— Они не представляли, как далеко я решил пойти.

Жестокость осуществленного им когда-то решения тенью промелькнула на его лице и прозвучала в голосе. Джиан продолжал:

— Однажды ночью мои силы нанесли удар по семнадцати городам и уничтожили их атомными бомбами. Мы хитростью заполучили серебряный пояс товарища Лиар, а самого его убили. Это тот самый пояс, который сейчас на мне. Мы планировали уничтожить и корабль, но по чистой случайности Лиар уже отошла от причала.

Он тяжело вздохнул при воспоминании о том, что, должно быть, стало самым сильным потрясением в его долгой, полной жестокости жизни. Глаза его сощурились, тело напряглось.

— Она напала на наш склад в Нейзе. К тому времени, как мы возвели барьер, она лишила нас всякой возможности изготовить новые пояса.

Джиан в последний раз вздохнул при мысли о потерянных возможностях, затем медленно встал. Он воинственно огляделся по сторонам.

— Хватит,— сказал он.— Я не очень себе представляю, как чуждый этому миру человек вдруг воспылает такой яростью из-за событий тысячелетней давности, что захочет, рискуя жизнью, отомстить.

Вот так быстро разговор опустился до практических истин.

12

Это было так давно, с облегчением подумал Слейд. Столько веков прошло с тех пор, как было совершено это дикое преступление. И все же, несмотря на такой огромный промежуток времени, эхо ужаса тех событий достигло и Слейда.

Ведь проблема все еще не была решена. Она должна была решиться прямо здесь, в этом зале. Борьба за превосходство между городом и кораблем. Корабль как представляющая коллектив единица хочет победить город. Но Джиан останется в живых. А, оставшись в живых, он сможет придать смерти всех беззащитных людей на этом уровне.

Но ведь жизнь сосредоточена в индивидууме. Человек должен себя спасать.

Ты не прав, поступила мысль нита. *Жизнь — это народ. Индивид должен жертвовать собой.*

Слейд не желал это признавать. Он вдруг заметил, что Джиан все еще говорит, причем сейчас он обращался непосредственно к нему.

— Мое читающее мысли животное,— говорил он,— постоянно держит меня в курсе твоих мыслей. Рад заметить, что ты отвергаешь аргументы Лиар как далекую от жизни метафизику. Возможно,— продолжал он,— что мы с тобой ближе по духу, чем я думал. Нит также сообщил мне об аргументах, которые ты готовишь для того, чтобы убедить меня сохранить тебе жизнь. Честно говоря, раньше я не думал, что твоя способность вернуться на свою Землю может быть для меня полезна, но теперь вижу, в чем эта польза.

Слейд, не думавший ни о каких аргументах, чтобы спасти себя, изумленно посмотрел на нита. Было удивительно вдруг осознать, что зверь, спасая ему жизнь, использует тонкую психологическую игру.

Я же тебе говорил, передал ему нит, *что когда решительный миг настанет, выбор твой будет свободен. Джиан решил, что если такой момент не наступит, он сохранит тебе жизнь.*

Ответная мысль Слейда была полна отчаяния: *а как же я спущусь отсюда вниз?*

А это, ответствовал нит, *относится к упомянутому мною ранее пункту. В этой В селенной нет абсолютной свободы выбора. Ты можешь стать на нашу сторону или заключить сделку с Джианом.*

Вот значит как. Они хотят заставить его пойти риск, чтобы избежать другой, еще более рискованной ситуации. И если подумать, то ему действительно никуда не деться. Слейд злобно подумал:

Каких действий вы от меня хотите?

Джиан должен умереть. Только ты можешь убить его.

Это я уже и раньше слышал, с раздражением подумал Слейд. *Я имею в виду...»*

Слейд остановился. Он уже не одну неделю знает, что как раз этого-то от него и ждут. Понимание все время пряталось в глубине сознания и лишь иногда всплывало на поверхность, и тогда Слейд вспоминал об этой неприятной возможности, но только как о чем-то нереальном. И совсем другое дело подумать вдруг: «Вот он, тот самый момент».

Слейд, который никогда не убивал человека, сейчас должен убить Джиана.

Каким образом?

У тебя в левом кармане есть инструмент. Медленно повернись так, чтобы твой левый бок был обращен к Джиану. Незаметно сунь руку в карман и нажми на кнопку, которую найдешь на самом верху устройства.

Этот инструмент уже успел интегрироваться с твоей нервной системой — а она у тебя, как ты знаешь, еще не совсем стабилизировалась в этом уровне. Когда ты нажмешь кнопку, устройство передаст Джиану в концентрированной форме твою нестабильность. Он тут же будет выброшен на уровень существования двуглазых и упадет с восьмидесятого этажа на землю. Так же, как твои патроны здесь не стреляли, его серебряный пояс не поможет ему там.

Слейд почувствовал, что бледнеет. Он смутно осознавал, что Лиар и Джиан вздорят друг с другом, но никак не мог поймать нить их разговора. Давай же, думал он, делай выбор.

Слейд вспомнил, как он сам боялся такого падения. И тут же навалился ужас.

Минутку. Я задействован в процессе перехода из одного уровня в другой, значит, я тоже упаду.

Нет, не упадешь.

Слейд не поверил. Полный ужаса, он представил себе всю картину. Вот к чему весь этот разговор о жертве индивида во имя народа. Слейд вообразил, как его тело вместе с телом Джиана все летит и летит вниз. И в результате он почувствовал странную близость между собой и этим человеком.

Клянусь, сказал нит, *что ты не погибнешь.*

Абсолютное недоверие.

И абсолютный ужас.

Нит был в отчаянии.

Ты толкаешь нас на крайние меры. Лиар решила, что сегодня умрет либо Джиан, либо она. Если ты не убьешь Джиана, тогда — если только он не одержит полную победу — он исполнит свое обещание и уничтожит всех мужчин, женщин и детей на этой планете. Ты же видишь, что Лиар не может этого допустить. Так что выбор за тобой. Твой выбор в конечном итоге решит, станут ли люди этой планеты рабами Джиана или у них появится возможность реализовать свои естественные способности.

Слейд, сомневаясь, подумал: *ты хочешь сказать, что Лиар совершит самоубийство?*

Нит сделался зол и саркастичен.

Пожалуйста, не беспокойся о Лиар. Беспокойство за нее — это моральная помеха, так сказать, социальный порыв, в отличие от индивидуальной воли, когда думаешь только о себе. Беспокойство всего лишь у тебя в сознании, оно не обладает внешней реальностью. Что из того, что эта женщина и все, за что она борется, погибнет? Главное, ты останешься жив.

Нит, должно быть, уже отчаялся убедить Слейда. Возможно, он передал эту мысль женщине. Когда Джиан, что-то заподозрив, проговорил угрожающе: «Если ты сейчас же не уйдешь, то мне придется пересмотреть свое решение не убивать Слейда», она повернулась и сказала:

— Вспомни, пожалуйста, мой друг, о тех поколениях, что томились в неволе в этом городе. Вспомни об Амор, о...

Лиар замолчала, потеряв надежду.

— Ты вынуждаешь меня,— сказала она,— на последнюю жертву.

Она засунула руки под блузу и коснулась талии. Теперь она держала в них тоненький поясок. Женщина яростно отшвырнула его. Он блеснул серебристым металлическим блеском и упал на ковер.

— Твой серебряный пояс! — вскричал Джиан.

Никогда в жизни Слейд не слышал крика, в котором бы смешались триумф и неверие такой силы. Джиан буквально ринулся вперед и вцепился в пояс. Глаза его остекленели и сделались на мгновение близорукими от невыразимого блаженства. Он подбежал к стене слева от Слейда. В углу находилось какое-то приспособление конической формы. Дрожащими руками Джиан затолкал в него пояс. Тот ярко вспыхнул и тут же сгорел.

После этого к Джиану начал медленно возвращаться рассудок. Он встряхнулся. Оглядел зал, посмотрел на Лиар, на Слейда,

и по выражению его лица было видно, что он все более полно осознает величие своей победы.

— А,— восторженно произнес он,— наконец-то я буду решать, что действительно...

Слейд так и не узнал, что же действительно будет теперь решать Джиан. Он был потрясен до самой глубины души. Вообще-то Слейд уже принял решение, когда Лиар упомянула Амор. Когда он вспомнил о деградации Амор, перед его мысленным взором возникла яркая картина угнетения, которое готовил для своего народа этот дьявольский эгоист.

Следуя движению Джиана, Слейд непроизвольно повернулся. Рука его находилась в кармане, а левый бок был обращен к противнику. Слейд думал о том, что при определенных обстоятельствах выбор человека не должен исключать возможности его собственной гибели.

Легким движением Слейд нажал пусковую кнопку лежащего у него в кармане устройства.

Показание лейтенанта уголовной полиции Джима Мерфи, данное на коронерском расследовании.

«На прошлой неделе, после того как у предгорий рядом с городом Смайлз было обнаружено тело Майкла Слейда, я был направлен на место происшествия. Именно по моей просьбе слушание по этому делу было перенесено в город, где проживал мистер Слейд и где проживает большинство свидетелей.

Что касается свидетелей, я бы хотел сказать, что все они, без исключения, при первом опознании не могли с уверенностью подтвердить, что тело принадлежит Майклу Слейду. Позднее, в суде, они сделали заявление с большей уверенностью, избавившись от прежних сомнений, рассудив, очевидно, так: «Труп имеет три глаза, следовательно, это труп Майкла Слейда».

Кроме всего прочего, я съездил в Смайлз, чтобы попытаться выяснить, где Майкл Слейд бывал последние месяцы перед исчезновением.

У меня есть значительный опыт по поиску пропавших, но мои обычные методы не дали никаких результатов. Хотя со дня смерти мистера Слейда прошло еще очень мало времени, я могу с почти полной уверенностью заявить, что дальнейший поиск лишь подтвердит следующие факты:

несколько месяцев тому назад Майкл Слейд вышел со своего заднего двора, а на прошлой неделе около города Смайлз был

обнаружен его труп. Сведений о местопребывании Майкла Слейда за этот период не имеется».

Они пошли к вершине башни, уходя от зловещего гула и треска пожара. Направление их пути беспокоило Слейда. Как же они спустятся, когда нижние этажи объяты пламенем? А что если огонь разрушит несущие стены, и огромное здание рухнет?

Конечно, есть вероятность, что она и нит смогут свободно выбраться так же, как и пришли сюда — через окно. Но Лиар помотала головой, когда Слейд спросил ее, так ли это.

Она остановилась у окна.

— Мы пришли,— сказала она,— при помощи моего серебряного пояса. Я все еще надеюсь наткнуться на хранилище летательных аппаратов. Если мы их не найдем, то наша единственная надежда — ты.

— Я?

Слейд был удивлен.

Лиар продолжала:

— Скажи, ты можешь вообразить себе ту машину с колесом, которую ты спрятал в траве рядом с местом, где тебя схватили охотники Нейза?

Слейд изумленно посмотрел на нее. Значит, она об этом знала. Подождав, он ответил:

— Думаю, могу.

Лиар продолжала спрашивать:

— Включая те три светлые точки?

На этот раз Слейд просто кивнул, так как уже начал вспоминать возможности этого аппарата.

— Тогда давай скорее,— сказала Лиар,— скорость его невелика, не больше двух тысяч миль в час. Оно будет здесь только через несколько минут.

Слейд посмотрел на нее, подавляя эмоции. Но все же подошел с ней к окну, закрыл глаза и представил себе странное устройство. Вначале картина была расплывчатой, но вскоре сделалась четкой и ясной.

Лиар, стоявшая рядом с ним, тихо проговорила:

— Моргай реже и не пытайся удерживать картинку. Пусть она то тускнеет, то проясняется. Все это не так уж важно, поскольку в течение последующих шести лет ты и я должны научиться обходиться естественными средствами, без технических приспособлений.

Она отвлекала его, давила на его сознание. Новые мысли вывели его из состояния сосредоточенности. Он уже начал представлять себе, каким он будет через шесть лет, когда ее тихий, почти гипнотический голос напомнил ему о его задаче.

— Держи,— произнесла она быстро,— давай держи его! А то оно упадет на землю, а времени терять нельзя. С минуты на минуту огонь дойдет до главных энергетических установок барьера, и тогда он отключится. После этого даже прочные материалы башни долго не простоят.

Слова ее укрепили решимость Слейда. Где-то в глубине промелькнуло воспоминание о том, что Джиан сказал о подвенечном наряде. Он слегка встревожился. Потому что, если уж думать о женитьбе, мужчины не берут замуж женщин на десять тысяч лет старше себя. Вот Амор — да. Ее недостатки были человеческими, понятными, простительными. Он чувствовал, что девушка не отказалась бы стать спутницей его жизни. Он, конечно, попросит ее об этом.

Он был так сосредоточен на перемещении устройства, что совсем не замечал небольшую сцену, разыгравшуюся рядом. Нит сообщил Лиар о том, что думает Слейд. Женщина заколебалась, и тут черты ее начали меняться. Ее лицо уже стало приобретать поразительное сходство с лицом Амор, как вдруг мысль нита прервала этот процесс.

Не будь дурой, сказал он резко. *Сейчас он не воспримет должным образом мысль о том, что Амор и ты — одно и то же. Ты играла эту роль, чтобы представить ему достойный сострадания образ девушки из Нейза. Реальный вид девушки-кровопийцы его бы потряс. Сейчас он может обвинить тебя в смерти Калдры, хотя ты и ушла до того, как она попыталась взять у него кровь.*

И еще, продолжал нит. *Из твоих мыслей я узнал, что это ты виновата в том, что он родился трехглазым мутантом в мире двуглазых. Сразу об этом ему тоже не говори. О том, что ты управляла его жизнью, начиная с эмбриональной стадии, он узнает несколько позднее. Пусть сначала поймет, что ты можешь быть настоящей женщиной...*

Женщина колебалась. И вдруг снова стала Лиар. Она увидела, как фиолетовый барьер заколыхался, и очень по-женски взвизгнула.

— Барьер,— воскликнула она,— он отключился!

Ее слова прозвучали словно сигнал. Вдали блеснул металл. Машина влетела в открытое окно и резко притормозила напротив глаз Слейда.

— Вначале нит,— строго сказала Лиар,— затем я, потом ты. И не волнуйся. Она быстро летает.

Он едва успел. Когда машина в последний раз остановилась у него перед глазами, рев пожара был оглушителен. Слейд забрался в похожее на цветок сидение, оттолкнулся от подоконника и вцепился в свое транспортное средство.

Почти прямо над головой ярко светило солнце. Внизу было множество людей, но Слейд приближался к земле и не видел ни Лиар, ни нита. К нему протянула руки какая-то высокая худая женщина, и Слейд с удивлением узнал Амор. Он окликнул ее, и она отчаянно замахала ему руками.

Вскоре Слейд был в городе, который уже знал, что его ждет.

Вердикт коллегии присяжных при коронере.

«Коллегия присяжных пришла к единодушному заключению, что нет сомнений в том, что это тело принадлежит Майклу Слейду. Необычная одежда не может рассматриваться как важное обстоятельство; таким образом, коллегия присяжных пришла к выводу, что Майкл Слейд погиб в результате падения с высоты, выпав, вероятно, из самолета. Предполагать насильственную смерть — оснований нет».

ВЛАСТЕЛИНЫ ВРЕМЕНИ

Глава 1

Она не рискнула! Ночь выдалась неожиданно холодной и обволакивающей. Широкая черная река зловеще журчала у ее ног, как если бы (сейчас она изменила свое мнение) жаждала ее.

Ее ноги скользили по влажному склону, а мысли застилал ужасный, бессмысленный страх, что твари дотянутся до нее из ночи, пытаясь утопить ее. Она прошла мимо банка и упала бездыханной на ближайшую парковую скамейку, обезумев от страха. Вяло смотрела, как сухопарый мужчина прошел по тропинке мимо фонаря. Ее разум стал настолько инертен, что она не удивилась, когда заметила, что он идет прямо к ней.

Гнойно-желтоватый свет безумно очертил его тень на том месте, где она сидела. Его голос, когда он заговорил, имел легкий иностранный акцент и, кроме того, был поставленным, культурным. Незнакомец сказал:

— Вы интересуетесь Калонианским делом?

Норма вытаращилась. В ее голове не прояснилось, но неожиданно она начала смеяться. Получилось забавно, ужасно, истерически смешно, потешно. Сидеть здесь, пытаясь успокоить свои нервы для повторной попытки у тех мертвых вод, а затем сделать ненормальный шаг и...

— Вы обманываете себя, мисс Матхесон,— холодно продолжал незнакомец.— Вы не самоубийца.

— И не люблю случайных знакомств,— ответила она автоматически.— Убирайтесь прежде, чем...

Вдруг ее пронзила мысль, что человек обратился к ней по имени. Норма резко взглянула на темное пятно, что было его лицом. Незнакомец, стоявший на фоне далекого фонаря, кивнул, как бы отвечая на вопрос, что промелькнул у нее.

— Да, я знаю ваше имя. А также вашу историю и страх.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что молодой ученый по имени Гарсон прибыл в город сегодня вечером, чтобы прочитать серию лекций. Десять лет назад, когда вы и он окончили один и тот же университет, он предлагал вам выйти за него замуж, но вы предпочли сделать карьеру. А сейчас вас пугает то, что в ваших обстоятельствах вам придется обратиться к нему за помощью.

— Хватит!

Казалось, что незнакомец смотрел на Норму в то время, когда она сидела здесь, тяжело дыша. Напоследок он сказал тихо:

— Думаю, убедил вас, что я не просто обычный донжуан.

— А какие еще виды донжуанов бывают? — спросила Норма, снова равнодушная к происходящему. Но она не протестовала, когда незнакомец присел на дальний край скамейки. Его спина была обращена к свету, а черты лица окутаны ночной тьмой.

— Ах,— сказал он,— вы шутите. Вам плохо. Но уже лучше. Вы чувствуете сейчас, наверное, что если кто-то заинтересован в вас, еще не все потеряно.

Норма вяло сказала:

— Людям знакомым с основными законами психологии, знание только причиняет страдания, когда беда стучится в их дверь. Все, что я сделала за последние десять лет, это...— Она сделала паузу, а затем продолжила: — Вы очень ловкий. Не разбудив моих подозрений, вы разговорили женщину, находящуюся на грани истерики. С какой целью?

— Я намерен предложить вам работу.

Смех Нормы прозвучал слишком грубо даже для ее собственных ушей, потом она подумала испуганно: «Я — истеричка».

Вслух она сказала:

— Квартира, драгоценности, машина, я полагаю?

Его ответ был невозмутимым:

— Нет. Откровенно говоря, вы недостаточно хорошенькая. Слишком угловатая в мыслях и с точки зрения психологии. Это было одной из ваших проблем за последние десять лет: развивающаяся интроверсия разума повлияла на форму вашего тела неблагоприятным образом.

Слова вдребезги разбились о внезапно напрягшиеся мышцы ее тела. Чудовищным усилием Норма заставила себя расслабиться. Она сказала:

— Что есть, то есть. Обиды хороши для истерии. А теперь что?

— Вас интересует Калонианское дело?

— Вы опять туда же,— недовольно произнесла Норма.— Впрочем, да, интересует, вы же знаете.

— Конечно, я очень хорошо знаю. Фактически, вы сами назвали причину, по которой я нахожусь здесь сегодня вечером, нанимая молодую женщину, которая против этого. Калония — тоже против этого, и...— он остановился. Во тьме незнакомец распростер руки-тени.— Вы видите: хорошая осведомленность у наших вербовочных центров.

Норма кивнула. Ей показалось, что она где-то видела такой центр и неожиданно, она не была так уж уверена в себе, чтобы говорить, рука Нормы вздрогнула, когда она взяла ключ, протянутый ей мужчиной.

— Этот ключ,— сказал он,— подойдет к замку передней двери вербовочной конторы. Он также подойдет и к двери, ведущей в квартиру над ней. Квартира — ваша, пока вы у нас работаете. Вы можете пойти туда сейчас, если хотите, или подождать до утра, если боитесь, что это просто злая шутка. А теперь я должен вас предупредить.

— Предупредить?

— Да. Работа, которую мы ведем, нелегальна. По закону только американское правительство может вербовать американских граждан и иметь вербовочные конторы. Мы существуем благодаря терпению и сочувствию, но в любое время кто-нибудь может начать перемены, и полиции придется действовать.

Норма быстро закивала.

— В этом нет риска,— сказала она.— Ни один судья не смог бы...

— Адрес: Карлтон стрит, 322,— спокойно перебил ее незнакомец.— И чтоб вы знали — меня зовут доктор Лель.

У Нормы возникло странное чувство, будто что-то подталкивало ее слишком сильно и неосторожно. Она колебалась, размышляя:

— Это возле Бессемера?

Незнакомец обернулся, словно заколебавшись.

— Боюсь,— признался он,— я не очень хорошо знаю город, по крайней мере, не в XX веке... — он учтиво закончил фразу.— Я был здесь много лет назад, не меньше столетия.

Норма слегка удивилась, почему он так суетится с объяснениями. Она заметила полуобвиняющим тоном:

— Вы не калонианец. Возможно, француз, по акценту.

— Вы не калонианка тоже! — сказал доктор Лель и резко встал. Она смотрела, как он уходит во тьму — крупная фигура, окутанная мраком, исчезнувшая почти мгновенно.

Глава 2

Норма ненадолго остановилась на пустынной ночной улице. Звук, похожий на шепот, коснулся ее слуха; бесконечно мягкое гудение машин откуда-то издалека. На мгновение она сконцентрировалась на качающихся тенях, а затем каким-то образом показалось, что они тают, словно иллюзорная фантазия ее воображения. Неожиданно осталась только улица и безмолвная ночь.

Улица была тускло освещена, и это вызывало сомнения сильные и слегка окрашенные слабеющим страхом. Норма изо всех сил напрягла свои глаза и разглядела номер в тени двери: 322. Вот оно! Место было темным. Она всматривалась в надписи на оконном стекле:

«БОРЬБА ЗА БРАВЫХ КАЛОНИАНЦЕВ»

«КАЛОНИАНЦЫ БОРЮТСЯ: БОРЬБА ЗА СВОБОДУ — ТВОЯ БОРЬБА!»

«ЕСЛИ ТЫ СМОЖЕШЬ ОПЛАТИТЬ СВОЮ ДОРОГУ, ЭТО ОЦЕНЯТ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ МЫ ТЕБЯ ПЕРЕПРАВИМ!»

Там были и другие надписи, но, в сущности, выражающие то же самое; все ужасно правильные и привлекательные, если вы по-настоящему в отчаянье. Это компенсировало их жестокую подоплеку. Нелегально, конечно же. Но человек соглашался также нелегально. Разом покончив с сомнениями, она достала ключ из кошелька.

Там было две двери, по одной с каждой стороны от окна. Правая вела в вербовочную контору. Левая — к тускло освещенной лестнице. Квартира наверху оказалась совершенно пустой. На двери был засов. Норма щелкнула им и, наконец, устало направилась в спальню. Когда Норма улеглась в постель, она опять услышала невероятно слабое гудение машины. Звук напоминал простой шепот и, казалось, проникал прямо в мозг. В самую последнюю секунду, прежде чем она погрузилась в сон, импульс вибрации, удаленной, как та скамейка в парке, будто ударил по нервам Нормы.

На протяжении всей ночи присутствовало неописуемо слабое гудение. Лишь изредка казалось, что гудит в ее голове. Норма чувствовала повороты и вращения, завихрения и снова повороты, и в отдельные моменты пробуждения, что сопутствовали началу каждого нового движения, крошечные толчки вибраций отдавались в ее нервах, будто бесконечно маленькие источники энергии.

Солнечные лучи пронзительно засверкали сквозь маленькое оконце, принеся ей, наконец, пробуждение. Еще лежа, Норма напряглась и вытянулась на мгновение, затем, озадаченная, рас-

слабилась. Не было слышно звука сумасшедшей машины, только шумы хриплой, проснувшейся улицы. Норма нашла пищу в холодильнике и в маленькой кладовке. Ночная усталость быстро исчезла после оживляющей энергией завтрака.

С нарастающим интересом Норма подумала: «На что он похож, этот ночной незнакомец со странным голосом?»

Удивление охватило ее, когда ключ отомкнул дверь в вербовочную комнату, поскольку Норма боялась, что все здесь происходящее — безумие. Она вздрогнула, когда темнота отступила. Мир залили солнечные лучи, и он был веселым, а не черным и угрюмым жилищем людей с угловатой интроверсией разума.

На Норму нахлынули воспоминания о ночном разговоре. Осознание того, что чудовищно правильный анализ ее личности, сделанный незнакомцем, был правдой, радости не вызывало. Все еще испытывая острую боль, Норма изучала небольшую комнату. В ней оказалось четыре стула, скамья, длинная деревянная стойка и вырезки из газет о Калонианской Войне, развешанные на пустых стенах. Была и задняя дверь. Со смутным любопытством Норма попробовала круглую ручку — раз! Дверь была заперта, но какое-то ощущение потрясло ее. Дверь, несмотря на ее деревянный вид, была металлическая!

Холод от такого открытия, наконец, покинул ее. Она подумала: «Не мое дело».

А затем, прежде чем она повернулась, дверь распахнулась, и сухопарый мужчина появился на пороге. Он грубо фыркнул почти в лицо Норме:

— О да, это ваше дело!

Не от страха Норма развернулась к нему спиной. В глубине своего разума отметила она ледяной ток, несколько отличный от вчерашнего. Смутно Норма заметила безобразную усмешку на его лице. Но Норма не почувствовала настоящих эмоций, только туманную пустоту. Это не был страх. Это не мог быть страх, потому что все, что ей нужно было сделать, пробежать несколько ярдов, и она бы выбежала на оживленную улицу. И, кроме того, она никогда не боялась негров, как и сейчас.

Первое впечатление оказалось таким ярким, таким безмерно удивительным, что последующее, второе впечатление, казалось чем-то вроде обмана зрения. Поскольку человек в действительности не был негром. Норма потрясла головой, пытаясь разогнать обман зрения. Но картина не изменилась. Он не был негром, он не был белым, он не принадлежал ни одной нации, которые она знала.

Медленно ее мозг приспосабливался к его несообразности. Она заметила, что у него глаза, как у китайца, кожа, хоть и темная,

но тонкая, но его лицо не выглядело молодым. Нос был как бы красиво высечен, наиболее привлекательная, наиболее естественная часть его лица. Рот тонкогубый, как у человека, привыкшего повелевать; крутой подбородок придавал силу и властность высокомерию его серо-стальных глаз. Презрительная усмешка стала наглее.

— О нет,— сказал он мягко,— вы же не боитесь меня, не так ли? Позвольте, я объясню вам, что моя цель — заставить вас бояться. Прошлой ночью передо мной стояла цель привести вас сюда. Это требовало такта, понимания. Моя новая цель требует, среди прочего, вашего участия, что вы — в моей власти, события развиваются вне вашей воли или желания. Я мог допустить, чтобы вы постепенно обнаружили, что это не Калонианский вербовочный центр. Но я предпочитаю как можно быстрее привести рабов в смущение. Реакция на власть машин всегда одинакова и неописуемо скучна.

— Я не понимаю!

Он ответил холодно:

— Позвольте, буду краток. Вас опознала машина. Эта машина настроила ритм вашего тела под свой, и благодаря этому я могу контролировать вас против вашего желания. Естественно, я не ожидаю, что вы мне поверите. Как и другие женщины, вы испытаете ее разрушающую разум власть. Отметьте, что я сказал ЖЕНЩИНЫ. Мы всегда нанимаем женщин. По чисто психологическим причинам они безопаснее, чем мужчины. Вы поймете, что я имею в виду, если попробуете предупредить любого кандидата на основании того, что я вам рассказал.

Он быстро закончил:

— Ваши обязанности просты. На столе лежит блокнот с напечатанными в нем простыми вопросами. Задайте вопросы, записываете ответы и направьте претендента ко мне в заднюю комнату. У меня они пройдут медицинские тесты.

Из всего, что он сказал, одна мысль ожесточенно пульсировала в ее разуме, не имея отношения к ее личной судьбе.

— Но,— выдохнула она,— если этих людей не пошлют в Калонию, куда же...

Его предупредительное шипение прервало ее слова:

— Сюда идет человек. Теперь помните, что я вам сказал!

Он отошел назад, в сторону и исчез из поля зрения в темноте задней комнаты. За Нормой раздался пугающий звук открывающейся передней двери. Мужской баритон приветствовал ее.

Пальцы Нормы дрожали, когда она записывала ответы человека на заданные вопросы. Имя, адрес, ближайшие родственни-

ки... Его лицо выглядело розовым пятном на фоне бесформенно плывущего узора ее бегущих мыслей.

— Вы можете видеть,— она слышала свое бормотание,— что эти вопросы всего лишь идентификации. Теперь, если вы пройдете в заднюю комнату...

Предложение разбилось вдребезги о молчание. Она сказала это! Нерешительность ее разума, нежелание сделать определенную паузу до тех пор, пока она обдумывала путь отступления, заставили ее сказать ту самую фразу, от которой она намеревалась уклониться.

Человек сказал:

— Для чего мне идти туда?

Норма, оцепенев, уставилась на него. Она чувствовала себя ненормальной и бесполезной. Ей нужно было время и тишина. Она сказала:

— Это просто медицинское обследование, всецело для вашей личной безопасности.

Норма с болью посмотрела на его приземистую фигуру, живо направляющуюся к задней двери. Он постучал, и дверь открылась. К ее удивлению, дверь осталась открытой. К удивлению, потому что потом, когда человек исчез из поля зрения Нормы, она увидела машину. Край машины, который Норма могла видеть, возвышался тускло мерцающей громадой до половины высоты комнаты, частично открывая дверь, что вела, очевидно, к черному ходу из здания.

Норма забыла о двери, забыла о человеке. Ее мысли устремились к большой машине, как только память ей подсказала, что это за машина. Непроизвольно ее тело, ее слух, ее разум напряглись из-за гудящего звука, того самого, что она слышала ночью. Но ничего не было слышно: ни шепота, ни самого слабого из шумов, ни смутного движения вибраций. Машина вросла в землю, давя на пол своей твердыней, своей первозданной силой металла, но она была мертвой, неподвижной.

Ровный, убедительный голос доктора донесся до нее:

— Я надеюсь, вы не возражаете выйти через заднюю дверь, мистер Бартон. Мы просим претендентов воспользоваться ею, поскольку... ну, наша вербовочная станция здесь нелегальна. Как вы, вероятно, знаете, мы существуем на терпении и сострадании, но мы не хотим слишком громко кричать о нашем успехе в привлечении молодежи для борьбы за наше дело.

Норма ждала. Как только человек ушел, она набралась сил реально взглянуть на это фантастическое дело. Если это было извращенными происками врагов, то Норме следовало немедленно идти в полицию.

Мысль завертелась в кружащемся хаосе чудес.

Машина ожила чудовищно быстро... Она засветилась мягким усиливающимся светом, а затем вспыхнула гигантским огнем. Безумие извивающихся языков пламени, голубых и зеленых, красных и желтых, бушевало, сменив первоначальное сияние, впитало его в себя почти мгновенно. Огонь расползался все дальше, вспыхивая подобно хитроумно сконструированному фонтану с дикой и неистовой красотой, со скользящей печатью неземного великолепия.

А потом — так же — пламя угасло. Недолгое, сильно настырное в своей борьбе за жизнь мелькание сверкающей энергии пристало к металлу.

Все ушло. Машина лежит там, тупая блестящая масса мертвого металла, инертная, неподвижная. В дверном проеме появился доктор.

— Неплохо,— сказал он удовлетворенным тоном.— Сердце требует небольшой регулировки для искоренения влияния плохого питания. Легкие быстро прореагируют на впрыскивание газа иммунизации, и наши хирурги смогут подправить это тело чуть-чуть, не касаясь атомной структуры.

Норма облизала пересохшие губы.

— О чем вы говорите? — с испугом спросила она.— Что произошло с этим человеком?

Она поняла, что он ласково глядел на нее. Его голос был безучастным, слегка насмешливым.

— Почему? Он вышел через заднюю дверь.

— Нет! Он...

Норма поняла, что слова бесполезны. Похолодев от смятения мыслей, она встала из-за прилавка. Шатаясь, она прошла мимо него и, когда дошла до порога двери, ведущей в заднюю комнату, ноги Нормы подкосились. Она схватилась за дверной косяк и поняла, что не посмеет пройти возле машины. С усилием она спросила:

— Вы пойдете и откроете дверь?

Он сделал это с улыбкой. Дверь слабо скрипнула, открываясь. Когда он закрыл ее, громко щелкнул автоматический замок. И не стало никаких звуков. Норма почувствовала, как белеют ее щеки. Похолодев, она спросила:

— Что это за машина?

— Собственность местной электрической компании, я полагаю,— ответил он вежливо насмешливым голосом.— У нас просто есть разрешение пользоваться этой комнатой.

— Невозможно,— глухо сказала Норма,— электрические компании не держат машины в задних комнатах старых домов.

Он пожал плечами.

— Действительно,— согласился он безразличным голосом,— это начинает мне надоедать. Я уже сказал вам, что это очень специфичная машина. Вы видели часть того, как она работает, но ваш разум еще упорствует как раз в духе двадцатого века. Я только повторю, что вы — раба машины и это не даст вам возможности обратиться в полицию, не говоря уже о том, что я спас вас от самоубийства, и вы должны быть мне благодарны за все, и ничего не должны миру, который превратил вашу душу в пустыню. Однако слов слишком много, чтобы ожидать от вас благодарности. Вы научитесь этому опытным путем.

Совершенно спокойно Норма пересекла комнату. Она открыла дверь и удивилась, что он не шелохнулся, чтоб остановить ее, потом обернулась и посмотрела на него. Он все еще стоял там и улыбался.

— Вы, должно быть, сошли с ума,— сказала она через мгновение.— Возможно, вы думаете, что ваш маленький фокус, каким бы он ни был, должен напугать меня таинственностью. Давайте отбросим все это. Я иду в полицию, и немедленно.

Картина, оставшаяся в ее памяти, когда она садилась в автобус, запечатлела его, стоящего там, высокого и небрежного, ужасного, с высокомерной усмешкой. Озноб от этого воспоминания немедленно прервал ровное течение ее вынужденного отдыха.

Глава 3

Ощущение кошмара исчезло, как только Норма вышла на улицу, запруженную машинами, перед внушительным зданием полиции. Солнечный свет энергично разливался по тротуару. Сигналили машины. Жизнь города страстно кипела вокруг нее, принеся волну возвращающейся уверенности.

Ответ (сейчас она подумала об этом) был предельно прост. Гипноз! Вот почему она увидела свечение таинственным пламенем большой, черной непривычной машины. Вспыхнув от негодования, что ее обманули, она подняла ногу, собираясь ступить на обочину.

Нога, вместо того, чтобы резко подняться, еле поволоклась. Мышцы ее почти отказывались повиноваться. Она заметила, что человек, находящийся меньше чем в дюжине футов, уставился на нее широко открытыми глазами.

— Боже! — тяжело вздохнул он.— Я такого еще не видел.

Он быстро прошел мимо, и та часть разума Нормы, что следила за ним, просто переключилась. Норма почувствовала сильную

усталость — душевную и физическую, даже любопытство пропало. Спотыкающимися шагами она пересекла тротуар. Будто что-то уничтожило ее силы, удерживая ее невидимыми, но ощутимыми путами.

«Машина!» — подумала Норма, и ее охватила паника.

Сила желания помогла ей идти. Норма поднялась по ступеням и приблизилась к большим дверям. Потом появилось слабое ощущение страха, опасение, что она не сможет это сделать, и когда Норма начала бороться с тяжелой сопротивляющейся дверью, жар тревоги наполнил ее ужасом. Что случилось с ней? Как могла машина достать ее на таком расстоянии и безошибочно нанести удар лично по ней, удар такой огромной силы?

Тень наклонилась над ней. Гулкий голос только что подошедшего полисмена прозвучал в ее ушах райской музыкой.

— Слишком тяжело для вас, да, мадам? Сейчас я открою для вас эту дверь.

— Благодарю,— сказала она, и ее голос прозвучал настолько хрипло и слабо, неестественно даже для ее собственных ушей, что на нее накатила новая волна. Несколько минут она вообще не могла говорить иначе, как шепотом.

«Раба машины»,— сказал он. И Норма четко и ясно понимала, что если ей придется когда-либо покориться, то это будет сейчас. Она должна попасть в здание, должна увидеть кого-нибудь из начальства и рассказать, она мысленно собиралась с силами, а потом заставила свои ноги перенести тело через порог в большое современное здание с зеркальной приемной и красивыми мраморными коридорами. Внутри Норма неожиданно поняла, что достигла предела своих сил.

Она стояла на твердом полу и чувствовала, как все ее тело трясет от чудовищных усилий просто держаться прямо. Колени, казалось, подгибались и таяли, как лед, превращающийся в воду. Норма понимала, что большой полицейский стоит рядом у нее за спиной.

— Я могу чем-нибудь помочь, матушка?

«Матушка!» — откликнулась она мысленно со странным чувством умопомешательства. Ее разум легко и быстро уцепился за слова полицейского. Он действительно сказал это или ей почудилось? Но почему, ведь она не была матерью. Она даже не была замужем.

Норма отогнала эту мысль прочь. Ей нужно было взять себя в руки, а иначе она сойдет с ума. И нет никаких шансов добраться до инспектора или офицера. Этот крупный констебль должен стать поддержкой, ее надеждой сокрушить могучую силу, что

ударила по ней через многие мили — невероятное зло, ужасную силу, конечной цели которой Норма даже и представить себе не могла. Она едва разомкнула губы, чтоб ответить, и тут увидела зеркало.

Норма увидела высокую, худую и старую-старую женщину рядом с розовощеким полисменом в голубой форме. Обман зрения был настолько безумным, что он просто очаровал ее. Почему-то зеркало не давало ее изображения и отражало вместо этого пожилую женщину, которая, видимо, стоит сзади и немного в сторону от нее. Норма подняла руку в красной перчатке, чтоб привлечь внимание полисмена к этому искажению реальности. Одновременно рука пожилой женщины в красной перчатке в зеркале протянулась к полисмену. Поднятая рука Нормы застыла в воздухе; так же сделала и рука старухи. Пораженная Норма отвела взгляд от зеркала и уставилась пустым взглядом на застывшую руку. Тонкая неровная полоска ее запястья виднелась между краем перчатки и краем рукава ее шерстяного костюма. Ее кожа на самом деле не была такой темной!

Потом произошло два события. Высокий человек спокойно вошел через дверь — доктор Лель, и крупная ладонь полисмена коснулась ее плеча.

— В самом деле, мадам, в ваши годы вам не следует приходить сюда. Можно позвонить по телефону.

А доктор Лель произнес:

— Моя бедная старенькая бабушка...

Их голоса звучали одновременно, и смысл их смешивался в ее сознании, когда она резкими движениями сдернула перчатку с морщинистой от невероятного возраста руки. Тьма, пронизываемая агонизирующими вспышками света, милостиво затопила ее сознание. Ее самой последней мыслью было то, что это, должно быть, случилось как раз перед тем, когда она ступила на обочину, когда прохожий уставился на нее, выпучив глаза, решив, что он сошел с ума. Он, должно быть, видел, как происходило это превращение.

Боль рассеялась. Тьма стала серой, затем разум прояснился. Она услышала урчание мотора автомобиля и почувствовала, что ее куда-то везут. Норма открыла глаза, и прокрутила в памяти эти ужасные события.

— Не бойтесь,— сказал доктор Лель. Голос его звучал настолько успокаивающе и ласково, насколько грубым и едким он был на вербовочном пункте.— Вы опять стали сами собой. Фактически, вы примерно лет на десять помолодели.

Он отнял одну руку от руля и повернул зеркало так, чтобы Норма смогла увидеть себя. Мимолетное впечатление от мелък-

нувшего изображения заставило Норму ухватиться за посеребренное стеклышко, словно это самая ценная вещь во всем мире.

Норма посмотрела долгим голодным взглядом. А потом ее руки, державшие зеркальце, упали на сиденье. Норма откинулась на подушки; слезы текли по ее щекам. Наконец она уверенно произнесла:

— Спасибо, что рассказали мне правду. Иначе я бы сошла с ума.

— Именно поэтому я и рассказал,— заметил он. Его голос был так нежен, так ласков. И Норма почувствовала умиротворение вместо темного страха, только что прошедшего; вместо осознания, что этот дьявольский человек использовал слова, интонации и человеческие эмоции так же хладнокровно, как и сам Пан, играющий на своей свирели.

Он продолжал спокойным, громким голосом:

— Видите, вы сейчас настоящий член нашего персонала, работающего в двадцатом веке, заинтересованный в успехе нашего дела. Постепенно вы поймете систему поощрений и наказаний за хорошую или плохую работу. У вас будет пища, кров над головой, деньги на карманные расходы — и вечная молодость! Посмотрите опять на свое лицо, посмотрите, как следует, и порадуйтесь вашему счастью! Пусть плачут те, кто не имеет ничего в будущем, кроме старости и смерти! Вглядитесь же, я вам говорю!

Это напоминало чудесную фотографию из прошлого, исключая то, что фото было намного лучше в действительности; лицо Нормы округлилось, стало не таким угловатым, более женственным. Ей снова исполнилось двадцать, но все было как-то по-другому, она стала более зрелой, более худой. Норма услышала, как его голос хладнокровно продолжал, создавая постоянный фон для ее мыслей, витавших вокруг изображения в зеркале.

— Как вы видите,— сказал доктор Лель,— вы не та, какой были в двадцать. Это потому, что мы можем лишь управлять напряжениями времени, которое влияло на ваше тридцатилетнее тело согласно точным математическим законам, управляющим различными энергиями и силами. Мы не смогли ликвидировать вред, причиненный вам последними годами вашей жизни, когда вы замкнулись в себе, поскольку вы их уже прожили и это ничем не изменить.

До нее дошло: доктор Лель говорит, что даст ей время прийти в себя от смертоносного потрясения, пронзившего ее мозг. И сначала она подумала не о себе, а о невероятных вещах, которые будто бы происходят, а потом над каждым сказанным словом.

— Кто... вы?

Он молчал. Машина свернула на шумную автостраду и съехала с нее; и Норма увидела его лицо — худое, странное, темное,

изящное очерченное, лицо ЗЛА с мерцающими темными глазами. Мгновение она не чувствовала отвращения, а только восхищалась странным обаянием собеседника, подчеркнутым его расслабленной позой и особым поворотом головы. Доктор Лель заговорил холодным, высокомерным, звонким голосом:

— Мы хозяева времени. Мы живем на самой дальней границе времени, и все века принадлежат нам. Невозможно описать словами безбрежность нашей империи и тщетность противодействия нам.

Он остановился. Огонь в его глазах погас. Брови нахмурились, подбородок опустился, губы вытянулись в тонкую линию, затем разомкнулись, когда он резко добавил:

— Я надеюсь, что любые ваши смутные идеи относительно дальнейшего сопротивления приведут к соответствующему наказанию. Теперь вы знаете, почему мы вербуем женщин, не имеющих друзей.

— Вы дьявол,— всхлипывая, произнесла она.

— А я вижу, вы понимаете женскую психологию,— сказал он мягко.— Два последних факта должны разрешить наш спор, и я попытаюсь это сделать. Во-первых, я могу читать ваши мысли и неуловимые эмоции, что движут ими. Во-вторых, прежде чем установить машину в отдельном здании, мы изучали ее годами; и в течение всего времени исследования было установлено, что ей нельзя причинить вред, ее присутствие осталось тайной для властей. История прошлого, взятая в будущем, показала, что вы ничего не сделали. Я думаю, вы согласитесь, что это убедительно.

Норма тупо кивнула, забыв о зеркале.

— Да,— согласилась она,— да, я полагаю, это так.

Глава 4

Мисс Норме Матхесон,
Калонианская вербовочная станция,
322, Карлтон-стрит.

Дорогая Норма!

Я решил послать тебе это письмо через Главпочтамт вместо вышеуказанного адреса. Я бы не хотел подвергать тебя даже мнимой опасности. Я специально употребляю слово «мнимой», так как не могу описать, как огорчило и поразило меня письмо от девушки, которую я когда-то любил (одиннадцать лет прошло с тех пор, как я сделал тебе предложение на нашем

выпускном вечере, не так ли?). И как я был изумлен твоими вопросами и утверждениями о путешествии во времени.

Я мог бы сказать, что если ты еще не стала душевно неуравновешенной, то вскоре будешь такой, если не возьмешь себя в руки. Главное — ты слишком нервничала, раз пыталась покончить с собой, когда тот человек — доктор Лель — нанял тебя на парковой скамейке в служащие вербовочной конторы. Это — свидетельство твоей истерии. Ты могла и дальше вести спокойную жизнь.

Я вижу, что ты не потеряла силы для самовыражения. Твое письмо, хотя и безумно, но, по сути, логично и хорошо продумано. Твое описание лица доктора Леля — замечательный фрагмент.

Если здесь действительно есть сходство, то, я согласен, что он определенно человек не западного типа. Его глаза — заметно раскосые — как у китайцев. Ты написала, что кожа его — темная, заметила слабую негритянскую примесь. Его нос очень красив и чувствителен — черта сильного характера.

Это подтверждается его сильным ртом, хотя тонкие губы слишком надменны, в конечном результате это экстраординарный интеллигентный человек — суперпомесь наружности. Такие люди могли очень легко появляться на свет в дальневосточных провинциях Азии.

Без комментариев я пропускаю твое описание машины, проглотившей ничего не подозревающего новобранца. Сверхчеловек, по-видимому, охотно отвечал на твои вопросы после случая в полицейском участке; и таким образом мы узнали новую теорию пространства и времени.

Время, как он утверждает, единственная реальность. В каждое мгновение Земля со своей жизнью, Вселенная со всеми своими галактиками «вновь создаются за счет титанической энергии. Это и есть время. И всегда, по существу, перестраивается тот же самый образец, поскольку это — самый легкий путь».

Он делает сравнение. Согласно Эйнштейну, и в этом он справедлив, Земля движется вокруг Солнца не вследствие силы притяжения, а потому, что ей легче вращаться вокруг Солнца, чем просто так летать в пространстве.

Для времени легче перестроить те же самые модели гор, людей, земли. Это — все, и это — закон.

Скорость воспроизводства составляет приблизительно десять биллионов в секунду. Во время прошедшей минуты, значит, создаются шестьсот биллионов моих копий, и все они — еще там, каждое отдельное тело занимает свое собственное

пространство, совершенно не зная о наличии других. Ни одно не уничтожается. Но их существование не самоцель, просто легче их оставить, чем уничтожить.

Если эти тела даже и встретились бы в одном пространстве, то есть, если бы я вернулся и пожал руку самому себе, двадцатилетнему, то произошло бы столкновение похожих моделей — и лишний был бы вычеркнут из памяти и лишился тела.

Я не собираюсь критиковать эту теорию, кроме как заметив, что она абсолютно фантастична. Однако она очень интересна, дает живую картину вечности человеческого бытия, рождения, жизни и смерти в тихих водоворотах потока времени, тогда как большой поток несется вперед в неистовстве невероятного создания.

Я озадачен той подробной информацией, которую ты ищешь, но я даю ответы на них в порядке значимости:

Путешествие во времени, естественно, должно базироваться на самых точных механических законах.

Кажется вероятным, что они могут узнавать твои будущие действия.

Доктор Лель использует фразы типа «атомный шторм» и «инжекции газа иммунизации». Смысл в том, что они вербуют людей для невообразимо великой войны.

Я не могу понять, как машина смогла повлиять на тебя на расстоянии — если не задействована какая-либо разновидность управляемого вспомогательного средства. На твоем месте я бы спросил себя: «Было ли что-нибудь, какой-нибудь металлический предмет на мне, который могли подсунуть мне мои враги?»

Некоторые мысли настолько туманны, что их невозможно передать. Предположительно, отчетливые мысли можно получать. Если б ты могла успокоиться, как ты сделала, когда решила написать письмо, ведь само письмо свидетельствует, что тебе это удалось.

Неблагоразумно считать, что здесь задействован более высокий интеллект; скорее, несколько большее развитие потенциальных сил разума. Если люди когда-нибудь научатся читать мысли, то это случится потому, что они тренируют свои врожденные способности к чтению мыслей. Они станут умнее только тогда, когда новые знания добавятся к новой технологии тренировок.

Для начала я лично безмерно сожалею о том, что услышал от тебя. Я помнил тебя как достаточно смелую, отвергшую мое предложение выйти замуж, решительную в своем стремлении к независимости, честолюбивую для продвижения по служ-

бе. Вместо этого я нахожу печальный конец — распавшуюся на части душу; ум, питающийся фантазиями и чувством невероятного преследования. Мой совет: пойти к психиатру, прежде чем станет слишком поздно и все прекратится. Я прилагаю деньги, 200 долларов, и желаю тебе всего наилучшего.

Джек Гарсон.

По крайней мере, не было вмешательства в ее личную жизнь. Ничьи шаги, кроме ее собственных, не прозвучали на темной узкой лестнице, ведущей в ее квартиру. Ночью после того, как вербовочный пункт закрылся, Норма прогуливалась по людным улицам. Иной раз движение, казалось, затухало.

Иногда новая книжка про ее старую любовь — социологию — удерживала ее на протяжении кратких часов.

Но не было ничего, абсолютно ничего, что могло бы ослабить горящее давление реальности машины. Она была всегда, как стальной обруч, туго стягивающий разум Нормы.

Было смешно до безумия читать о Калонианской войне, о победах и поражениях — когда где-то в другом месте, в будущем, шла другая, более крупная война, война настолько великая, что из всех веков собирались волонтеры. И люди приходили! Темные, светлые, молодые, жестокие, сильные, и ветераны других войн. Они шли большим потоком в слабо освещенную заднюю комнату. И однажды, подняв глаза от запятнанного старого стола, Норма увидела Джека Гарсона!

Он наклонился над столом, немного постаревший за десять лет; лицо его немного осунулось, и вокруг глаз пролегли морщины. И пока Норма смотрела на него, онемев, будто парализованная, он сказал:

— Я, конечно, должен был прийти. Ты была моей первой эмоциональной связью, а также и последней. Когда я писал письмо, я не понимал, насколько сильны еще мои эмоции. Что все это значит?

Норма подумала с новой силой: часто в прошлом доктор Лель ненадолго исчезал днем. Однажды она увидела, как он исчезает в объятиях огненно-красного пламени, льющегося от машины. Дважды Норма открывала дверь его комнаты, чтоб поговорить с ним, и оказывалось, что он ушел.

Все наблюдения случайны! Это означало, что он много раз уходил в свой собственный мир, она его не видела.

«Пожалуйста, пусть как раз сейчас его не будет!»

Вторая пришедшая к Норме мысль была настолько сильной, насколько резко сфокусированной, что причинила ей боль. Она

должна быть; должна не подпускать предательских мыслей, если еще не поздно.

Ее голос всколыхнул молчание, словно раненая, бьющаяся птица, подбитая ударом и агонизирующая.

— Быстро! Ты должен уйти и вернуться после шести! Скорей! Скорей!

Ее дрожащие руки ударили его в грудь, как если бы ударом она могла подтолкнуть его к двери. Но толчок не принес успеха, тем более что Гарсон наклонился вперед. Он даже не пошатнулся.

Расплывчато Норма видела, как он смотрит на нее с мрачной улыбкой. Его голос оказался резок, как зазубренная сталь; он сказал:

— Кто-то определенно довел тебя до умопомешательства. Но не беспокойся. У меня в кармане — револьвер. И не думай, что я здесь один. Я телеграфировал Калонианскому посольству в Вашингтоне; они уведомили местную полицию. Они не знают об этом месте. Полиция прибудет сюда с минуты на минуту. Я пришел первым, чтоб убедиться, что тебе не причинили вреда. Идем отсюда, потому что...

Взгляд Нормы должен был предупредить его: Норма смотрела мимо него. Она внушала ему повернуться к дюжине людей, вышедших толпой из задней комнаты. Люди флегматично шли к ним, и Норма имела достаточно времени, чтобы рассмотреть, что они были невысокими, приземистыми, безобразными созданиями, более грубых форм, чем доктор Лель; лица их были не столько злыми, сколько полумертвыми от отсутствия интеллекта.

Дюжина пар глаз светилась грубым животным любопытством, будто они смотрели на сцену через окно. Потом они безразлично взглянули на Норму, на Джека Гарсона и на револьвер, который он так уверенно держал в руке. Наконец их интерес, очевидно, потух, их взоры выжидающе обратились к доктору Лелю, стоящему с усмешкой на пороге в дверях.

— Ах, да, профессор Гарсон, у вас есть пистолет, не правда ли? И полиция предупреждена. К счастью, у меня здесь кое-что есть, что может убедить вас в бесполезности ваших хилых потуг.

Его рука вынырнула из-за спины, где он ее прятал. У Нормы вырвался вздох, когда она увидела, что он держит в руке ярко горящий шар — глобус неистового пламени, настоящий шар огня. Вещь горела на его ладони, безумная и ужасная в иллюзии невероятного разрушительного накала. Издевка в голосе доктора Леля звучала совершенно убедительно, когда он сдержанно и неторопливо обратился к ней:

— Моя дорогая мисс Матхесон, я думаю, вы согласитесь, что не стоит более препятствовать нашей цели. Мы же сейчас внесем в списки непобедимой армии с Гларианны этого ценного молодого человека, а что касается вас, Гарсон, я предлагаю опустить пистолет, пока он не обжег вам руку.

Его слова смешались с вскриком Джека Гарсона. Потрясенная Норма увидела, что револьвер упал на пол и стремительно вспыхнул белым пламенем.

— Боже! — только и сказал Джек Гарсон, и Норма увидела, как он вытаращился на пистолет, сраженный, обезумевший от опасности, а револьвер съеживался, ярко пылая. В секунду пистолета не стало, не стало металла. Огонь мигнул и погас. Пол там, где лежал револьвер, даже не был обожженным.

Доктор Лель отдал лающий приказ, странно закрученные иностранные слова, которые, тем не менее, прозвучали как «Взять его!»

Норма взглянула, внезапно ослабев, но борьбы не было. Джек Гарсон не сопротивлялся, когда волна звероподобных людей хлынула на него. Доктор Лель произнес:

— Итак, профессор, вы не произвели прекрасного впечатления спасителя галактики. Но я рад видеть, что вы уже осознали безнадежность сопротивления. Возможно, что, если вы останетесь благоразумным, нам не придется разрушать вашу личность. Но сейчас — судя по голосу, он торопился — я хотел подождать и захватить полисменов, но поскольку они не прибыли в надлежащий момент — что всегда им свойственно, как я полагаю,— я думаю, нам придется уйти без них. Уверен, так даже будет лучше.

Он махнул рукой, в которой держал огненный шар, и люди, схватившие Джека Гарсона, побежали в заднюю комнату. Почти мгновенно они исчезли из виду. Норма мельком увидела машину, сияющую своей удивительной жизнью. Остался только доктор Лель. Он шагнул вперед и наклонился над столом. Глаза его свирепо смотрели; озера угрозы, а не глаза.

— Немедленно поднимайтесь по лестнице! Я не думаю, что полиция узнает вас, но если вы сделаете хоть одно неверное движение, он заплатит за это. Быстро идите!

Норма поспешно прошла мимо окна; она увидела, как высокая фигура доктора исчезла в дверях задней комнаты. Потом она поднималась по лестнице. На полпути наверх ее движения замедлились, как будто ей что-то пришло в голову. Ее зеркальце рассказало историю ее наказания. Худое лицо пятидесятипятилетней женщины встретило ее ошеломленный взгляд.

Несчастье свершилось. Холодная, непоколебимая, она без слез ждала полицию.

Глава 5

Для Гарсона мир будущего начался с длинного тусклого коридора, расплывающегося перед его неустойчивым взглядом. Тяжелые руки поддерживали его, пока он шел.

Волна пятен сложилась в неопределенную картинку.

Когда он опять смог нормально видеть, руки уже отпустили его, и он сидел в маленькой комнатке. Первое смутное впечатление подсказало, что он один. Когда он встряхнул головой, и его зрение прояснилось, он увидел письменный стол, а за этим столом — человека.

От этого худого, темного, угрюмого лица дрожь прошла по всем его нервам, быстро восстанавливая силы его тела. Он наклонился вперед, сконцентрировал свое внимание на человеке, и это явилось как бы сигналом. Доктор Лель сказал иронично:

— Я знаю. Вы решили сотрудничать. Вы так решили даже до того, как мы покинули Норму, для спасения которой вы явились с такой пылкой галантностью. К сожалению, все зависит не только от вашего решения.

Насмешка в голосе человека смутила Гарсона. Он думал непоследовательно, даже не хронологично. Он случайно попал в эту комнату. Чертовски случайно они опробовали на нем сложную аппаратуру будущего и, таким образом, дезорганизовали его. Сейчас настало время собраться с мыслями, укрепить разум для оценки предположительного развития событий, свести на нет сюрпризы и попытаться *остаться живым.*

Он сказал:

— Это совсем просто. У вас Норма. Я в вашей власти, здесь, в вашем веке. Нужно быть дураком, чтобы сопротивляться.

Доктор Лель посмотрел на него почти с жалостью. Но насмешка опять появилась в его голосе, когда он заговорил:

— Мой дорогой профессор Гарсон, обсуждение на таком уровне несерьезно. Моя цель — просто выяснить, являетесь ли вы тем человеком, которого мы могли бы использовать в наших лабораториях. Если нет, то альтернатива: деперсонализирующая камера. Могу сказать больше: люди с вашим типом характера, в среднем, не могут успешно пройти наши тесты.

Каждое слово его речи казалось пронизывающим острием. Несмотря на его усмешку и презрение, этот человек был безразличен Джеку Гарсону. Только тест, что бы он собой не представлял, и его собственное сознание, поставленные на карту, волновали его. Важно было остаться спокойным и продолжать настаи-

вать на сотрудничестве. Прежде, чем он смог ответить, доктор Лель сказал на удивление скучным голосом:

— У нас есть машина, которая испытывает человеческие существа на степень неподчинения. Машина наблюдения поговорит с вами прямо сейчас!

— Как вас зовут? — спросил голос из пустоты рядом с Гарсоном.

Гарсон подпрыгнул. Жуткий момент, выбивший его из равновесия. Несмотря на решение, он «уснул на посту». Не осознавая этого, он, по существу, находился в состоянии опасного напряжения. С усилием Гарсон пришел в себя и заметил, что доктор Лель опять улыбается, и это ему помогло! Вздрагивая, он откинулся на спинку кресла, но через мгновение снова почувствовал волну гнева, которая холодной волной прошла по его телу. С едва уловимой дрожью в голосе он начал отвечать:

— Меня зовут Джон Беллмор Гарсон — тридцать три года — ученый-исследователь — профессор физики в университете — группа крови номер...

Было очень много вопросов, требующих исчерпывающих подробностей истории его жизни и желаний. Высказанная правда холодным грузом легла ему на душу. Его жизнь, его сознательная жизнь была поставлена на карту. В этом не было ничего смешного — только точный, полный, машиноподобный допрос с пристрастием. Он должен пройти испытание.

— Доктор Лель! — ворвался настоятельный голос машины.— Каково состояние разума этого человека в настоящий момент?

Доктор Лель быстро ответил:

— Состояние ужасного сомнения. Его подсознание — в смятении неопределенности. Едва ли мне нужно добавлять, что этим, его подсознанием, определяется его характер.

Гарсон испустил глубокий вздох. Он чувствовал себя больным и просто деморализованным. К тому же добавилась еще одна новая деталь. Здесь была машина, не нуждавшаяся ни в телефоне, ни в радио — если это машина! Собственный голос резал слух даже ему самому, когда он фыркнул.

— Пусть мое подсознание катится к черту! Я благоразумная личность. Я подчиню себе свой разум. Я хочу сотрудничать с вашей организацией.

Молчание, последовавшее за этим, было неестественно долгим; и когда, наконец, машина заговорила, Гарсон чувствовал облегчение до тех пор, пока не прозвучали последние слова:

— Я пессимистка, но возьмем его для испытания после обычных подготовительных испытаний.

Он почувствовал себя лучше, когда пошел за доктором Лелем по серо-голубому коридору. Хоть и маленькая, но победа. Какие бы ни были остальные испытания, как могли они пренебречь его определенным убеждением, что он хочет сотрудничать с ними?

Это было больше, чем просто остаться в живых. Для человека его подготовки мир будущего предлагал бесконечные возможности. Несомненно, Гарсон мог подчиниться своей судьбе на время войны и сконцентрироваться на поразительной необъятности науки, включающей перемещение во времени, огненные шары и машину наблюдения, говорящую из пустоты и судившую людей с холодной, безжалостной логикой. Гарсон насупился. Там должна быть какая-то хитрость, какой-нибудь динамик в ближайшей стенке. Будь он проклят, если поверил, что какая-то сила могла сфокусировать звук без промежуточных инструментов, точно как Норма не могла стать старше в тот день в полицейском участке без посредства чего-либо механического.

Мысль ушла. На мгновение Гарсон уставился полупарализованным взглядом вниз, туда, где должен был находиться пол. Но его там не было! У него перехватило дыхание; Гарсон схватился за непрозрачную стену, а потом, когда донесся низкий смех доктора, снова почувствовал твердую опору под ногами, сказавшую о том, что это — иллюзия. Взяв себя в руки, он посмотрел вниз, удивленный и очарованный.

Под ним находилась часть комнаты, пределов которой он не мог увидеть, поскольку темные стены ограничивали зрение с обеих сторон. Двигающиеся толпы людей заполняли каждый свободный фут пространства, насколько он видел.

Иронический голос доктора Леля донесся до его ушей, отдаваясь эхом в его мыслях:

— Люди, да, люди! Новобранцы всех времен. Солдаты из разных веков, они еще не знают своей судьбы.

Голос затих, а неописуемая сцена осталась. Люди толпились, толкались, боролись. Повернутые вверх лица демонстрировали загадочное, раздраженное, страшное желание развлечения и все комбинации эмоций. Там были люди в одеждах, сверкающих всеми цветами радуги, были и одетые в тускло-коричневое. Последних было больше, чем Гарсон мог сосчитать.

Гарсон мысленно перенесся в гущу толчеи. Вместо радикального отличия в стилях одежды у людей, барахтающихся как овцы в загоне перед бойней, было что-то общее. Это могло означать только одно...

— Вы правы! — снова раздался холодный, язвительный голос.— Все они — американцы, все из одного города, ныне имену-

емого Делла. От наших нескольких тысяч машин, расположенных в различных веках, из Деллы мы получаем около четырех тысяч людей в час в течение дневного времени. То, что вы видите внизу — главная приемная комната. Новобранцы прибывают, скользя вниз по желобу времени, надлежащим образом приводятся в чувство и вталкиваются туда. Естественно, на этой стадии происходят беспорядки. Но давайте пройдем дальше.

Гарсон едва заметил, когда твердый пол снова появился у него под ногами. Он подумал, что не видел, чтобы доктор Лель нажимал на кнопку или управлял прозрачностью пола как-либо иначе — ни когда машина говорила с чревовещательным колдовством, ни когда пол стал прозрачным, ни сейчас, когда он опять стал темным. Возможно, здесь присутствовал какой-нибудь тип мысленного контроля. Мысли Гарсона вернулись к личной безопасности. Зачем устроили этот показ? Они демонстрировали ему ужасы, а потом наблюдали его реакцию? Он почувствовал внезапную ярость. Чего они ожидали от человека, воспитанного в XX веке? Ничего они не сделают с его уверенностью в том, что он должен сотрудничать. Но... четыре тысячи человек в час из одного города! Он почувствовал, что потрясен и несчастен.

— А здесь,— произнес доктор Лель, и голос его остался также спокоен и безмятежен, как пруд с лилиями,— одна из нескольких сот меньших комнат, образующих большой круг вокруг главной машины времени. Вы можете увидеть, что беспорядка тут меньше.

«Это преуменьшение»,— подумал Гарсон. Тут вообще не было беспорядка. Люди сидели на креслах и стульях. Некоторые рассматривали книги. Другие болтали, их губы шевелились, но ни один звук не проникал сквозь иллюзорно прозрачный пол.

— Я не показал вам,— донесся спокойный, ровный, уверенный голос,— промежуточной стадии, ведущей к этой спокойной атмосфере. Тысяча напуганных людей, противостоящих опасности, могли причинить нам беспокойство. Но мы их отсеиваем, психологически и физически, до тех пор, пока у нас не останется один человек, идущий сквозь эту дверь в конец комнаты... ах, один сейчас идет. Давайте последуем за ним. Видите, в этой точке мы порождаем голую действительность.

Действительность оказалась металлической штукой в форме котла с дверцей, как топка; и четыре звероподобных человека просто хватали испуганного вошедшего и засовывали в дверцу ногами вперед.

Человек, должно быть, кричал; на мгновение его лицо повернулось вверх, искаженное страхом, с почти идиотически разину-

тым ртом. И тут до Гарсона дошло, словно он получил страшный удар. Будто издалека донеслись до него слова доктора Леля:

— Это помогает на данный стадии дезорганизовать разум пациента, чтобы деперсонализирующая машина могла выполнять лучше свою работу.

Вдруг равнодушие покинуло его голос. Холодным резким тоном он сказал:

— Бесполезно продолжать эту маленькую лекцию. По-моему, ваши реакции полностью оправдывают пессимизм наблюдателя. Больше задержки не будет.

Гарсон осознал угрозу. Из него были выкачаны все эмоции, надежды; и первая вспышка научного рвения оказалась тусклой, болезненной искрой. После невероятной последовательности ударов он принял свою неудачу.

Глава 6

Гарсон постарался избавиться от пораженческого настроения. Проклятье, ведь его насильно отправили в этот мир. Ему пришлось собраться с силами, сузить эмоции, чтобы переживать только за Норму и себя самого. Если эти люди и их машина выносят приговор на основе чувств человека, то он должен им показать, каким ледяным может быть его разум. Где дьявол этой всезнающей машины?

Коридор резко оборвался у гладкой черной двери, похожей на все другие двери. Она не обещала ничего особенного. Другие двери вели в комнаты и другие коридоры. А эта выходила на улицу!

Улицу города будущего!

Гарсон остолбенел. Его разум выскользнул за пределы шаблонного представления об опасности, ее тревожного ожидания, а потом почти мгновенно метнулся назад. Озадаченный Гарсон смотрел на сцену, которая очень отличалась от того, на что он надеялся. Хорошо помня о войне, он представил себе ее опустошающее великолепие.

Перед ним тянулась угнетающе узкая неприглядная улица. Темные грязные здания росли вверх, закрывая солнце. Тоненькая струйка приземистых полулюдей, мужчин и женщин, скорее похожих на животных, флегматично двигалась по узкой полосе тротуара, помеченного черной линией. Казалось, что это — единственный способ, которым дорогу можно было отличить от тротуара. Улица простиралась на мили и была однообразной, насколько он мог разглядеть. Сильно разочарованный, почувство-

вавший даже отвращение, Гарсон развернулся и понял, что доктор Лель смотрит на него с мрачной ухмылкой. Доктор произнес:

— То, что вы ищете, профессор Гарсон, вы не найдете ни в этом, ни в аналогичных городах «рабов», только в дворцовых городах глорианцев и планетарианцев... — он сделал паузу, словно его слова навели его на нежеланную мысль. К удивлению Гарсона лицо доктора исказилось от гнева. Его голос стал жестким, он словно выплюнул: — Эти чертовы планетарианцы! Когда я думаю о том, что их так называемые идеалы несут миру, я... — ярость утихла. Доктор спокойно сказал: — Несколько сотен лет назад смешанная комиссия глорианцев и планетарианцев изучила все ресурсы Солнечной системы. Люди сами сделали себя практически бессмертными; теоретически, мое тело сохранится и через миллион лет, исключая глобальные катастрофы. Было решено, чтобы ресурсы поддерживали десять миллионов людей на Земле, десять миллионов — на Венере, пять миллионов — на Марсе и десять миллионов в сумме на лунах Юпитера на один миллион лет, при существующем тогда высоком стандарте потребления, приблизительно доходящем до четырех миллионов долларов в год на личность при жизненном уровне, каким он был до Второй Мировой войны. Если в середине жизни человек отправлялся к звездам, эти числа пересматривались, хотя потом, как и сейчас, рассматриваемая цифра получалась такая же недосягаемая, как сами звезды. На испытаниях проблема межзвездного транспорта, явно столь простая, оказалась затруднительной, выходящей за рамки нашей математики.

Он остановился, и Гарсон отважился спросить:

— У нас тоже были версии планирования государств, но они всегда разрушались вследствие человеческой природы. Кажется, это случилось опять.

Гарсон не подумал о том, что его утверждение может быть опасным для него. Эффект, произведенный его словами, был поразительным. Узкое красивое лицо сделалось как ледяной мрамор. Доктор Лель сказал грубо:

— Не рискуйте сравнивать ваш нацизм или коммунизм с нами! Мы — правители всего будущего, и кто в прошлом смог бы когда-либо противостоять нам, если бы мы решили господствовать над всем временем? Мы победили в этой войне, несмотря на то, что находимся на краю поражения, поскольку мы строим величайший временно-энергетический барьер, который когда-либо существовал. Обладая им, сможем гарантировать, что победим мы или никто! Мы научим тех добродетельных подонков с планет, как болтать о правах человека и свободе духа. К черту их всех!

Он говорил со страстью и гордостью, большой эмоциональной силой. Но Гарсон не отступил. У него было свое мнение, и стало ясно, что его не скрыть ни от доктора Леля, ни от машины наблюдения. Так что он сказал:

— Я вижу иерархию аристократов и толпу звероподобных рабов. Как они вписываются в единую картину? А как насчет ресурсов, что требуются рабам? Кажется, в этом городе определенно есть сотни или тысячи одиноких...

Человек поглядел на него с суровой враждебностью. Гарсон ощутил резкий озноб. Он не ожидал, что любое умеренное утверждение, сделанное им, будет использовано против него. Доктор Лель сказал слишком спокойно:

— В основном, они не пользуются никакими ресурсами. Они живут в городах из камня и кирпича и едят продукцию неистощимой земли.

Его голос стал неожиданно резким, как сталь.

— А сейчас, профессор Гарсон, я вас уверяю, что вы уже сами произнесли свой приговор. Машина наблюдения расположена в том металлическом здании на противоположной стороне улицы, потому что фон энергии большой первичной машины времени повредил бы чувствительные части машины наблюдения, если бы она находилась несколько ближе. Я не могу придумать никакого другого объяснения, и у меня, конечно, нет желания оставаться в компании человека, который через полчаса станет автоматом. Идите!

Гарсон не спорил. Он снова отдавал себе отчет, что это — чудовищный город, и мрачно думал: «Это та же самая старая-старая история, когда аристократия оправдывает черные преступления против своих же собратьев. Первоначально тут должна присутствовать умышленная физическая деградация, умышленное злоупотребление психологией. То имя, которым эти люди себя называют, глорианцы, кажется наследием тех дней, когда были приняты усилия для создания культа исторического героя в массах».

Сухой голос доктора Леля сказал:

— Ваше осуждение наших рабов разделяют планетарианцы. Они тоже противодействуют нашим методам деперсонализации наших новобранцев. Легко видеть, что у них и у вас много общего, и если бы вы смогли перебежать к ним...

С усилием Гарсон отвернулся от своего собственного мирка. Его умело вели. Теперь было ясно, что каждое слово доктор Лель произносил с целью заставить его выдать себя. На мгновение Гарсон ощутил раздражение, затем пришло замешательство.

— Я не убегу туда,— сказал он.— В том, что вы делаете, нет ничего нового. Я — продукт своего окружения. Вы знаете, каково

это окружение и какой тип нормального человеческого существа оно должно произвести. Как я и сказал, я выбираю сотрудничество.

Иной цвет неба на дальнем конце улицы отвлек его внимание. Это был тусклый, ненормальный алый оттенок, похожий на туманный, неестественный, неземной закат, только длился он часы до того, как солнце начинало садиться. Гарсон почувствовал себя взвинченным, напряженным. Он сказал натянуто:

— Что там?

— Там,— донесся грубый насмешливый голос доктора Леля,— идет война.

Гарсон засмеялся. Он оказался беспомощным. Неделями размышления о гигантской войне будущего переплетались с растущим беспокойством о Норме. И сейчас этот... эта красная мгла над горизонтом неповрежденного в другом отношении города... война!

Непонятный прилив смеха закончился, когда доктор Лель сказал:

— Это не так забавно, как вы думаете. Большая часть Деллы не повреждена, потому что защищается локальным энерго-временным барьером. Делла в осаде, в пятидесяти милях от линии фронта на вражеской территории.

Доктор Лель, должно быть, уловил мысль, пришедшую в голову Гарсону. И сказал по-доброму, шутя:

— Вы правы. Все, что вам нужно сделать — это выбраться из Деллы, и вы спасетесь.

Гарсон раздраженно ответил:

— Эта мысль могла бы прийти в голову любому разумному человеку. Не забывайте, что у вас — мисс Матхесон.

Казалось, что доктор Лель не услышал.

— Эта красная мгла, что вы видите,— точка, в которой враг нейтрализовал наш энергетический барьер. Там они атакуют нас непрерывно день и ночь, посылая полчища неутомимых роботов.

К сожалению, у нас в Делле нет завода для производства оружия против роботов, так что мы можем использовать лишь аналогичный тип оружия — деперсонализированных людей. К сожалению, опять-таки, цена высока: гибнет сто процентов новобранцев. Каждый день мы теряем около сорока футов города и, конечно, в конце концов, Делла падет.— Он улыбнулся почти ласковой улыбкой. Гарсон удивился, отметив, что доктор показался неожиданно милым шутником, когда проговорил: — Вы можете увидеть, насколько эффективен даже малый энерго-временной барьер. Когда мы через два года завершим большой барьер, наша линия фронта станет буквально неуязвима. А что касается разговоров о вашем сотрудничестве, это бесполезно. Люди

храбрее, чем они думают, храбрее рассудка. Но давайте забудем о нашем споре. Через минуту машина выдаст вам приговор.

Глава 7

На первый взгляд машина наблюдения казалась доской с мерцающими огоньками, которые замирали, как будто наблюдали за ним. Гарсон ждал под многофасеточным взглядом, едва дыша. Он подумал: «Эта стена черной металлической машины и огоньки совсем не впечатляют».

Он обнаружил, что перебирает собственные недостатки. Они были слишком большими и слишком постоянными. Если бы они были мелкими и оформленными, как, например, уродство и жесты, то могли бы создать выдающуюся личность. Но сейчас перед ним не было ничего, кроме мириада огней. Как он видел, огни опять начали мигать. Вдруг они погасли все, за исключением небольшого цветного узора в нижнем правом углу.

Позади Гарсона открылась дверь, и доктор Лель вошел в комнату, погруженную в тишину.

— Я доволен, что результат оказался таким, как мы и ожидали,— спокойно сказал он.— Мы отчаянно нуждаемся в хороших помощниках. Для иллюстрации,— он продолжил, когда они вышли на неприятную улицу,— я, например, весь в заботах относительно вербовочного пункта в двадцатом веке, но я там бываю только тогда, когда межвременная сигнальная система меня вызывает. В промежутках я занят научными изысканиями второго порядка — первый порядок, которым является работа по своей природе, должен продолжаться без перерывов.

За их спинами находилось то же самое здание, из которого они вышли, а впереди тянулся тот же серо-голубой коридор, только на этот раз доктор Лель открыл ближайшую из дверей. Он вежливо наклонился:

— После вас, профессор!

На долю секунды опоздав, кулак Гарсона ударил по воздуху в том месте, где только что было темное лицо. Они уставились друг на друга, Гарсон плотно сжал губы, мысли замерли, окаменев. Сверхчеловек мягко сказал:

— Вы всегда будете в такое мгновение слишком медлительны, профессор. И этот недостаток вы не сможете исправить. Вы, конечно, знаете, что моя маленькая речь была заранее запланирована, чтобы не волновать вас во время возвращения сюда, ведь вы действительно не прошли тест. Что вы не знаете, это то, что вы прова-

лились со степенью непокорности шесть (хуже не бывает) и интеллектом АА плюс, почти самым лучшим. Очень плохо, потому что нам действительно нужны способные ассистенты. Я сожалею...

— Позвольте мне выразить сожаления! — Гарсон грубо оборвал его.— Если память мне не изменяет, именно под этим местом ваши зверолюди силой заталкивали человека в деперсонализирующую машину. Возможно, на лестнице, ведущей вниз, я могу найти какой-либо способ, вы неуклюже упадете, я схвачу вас за ногу и вырву эту маленькую пушку, которую вы так крепко сжимаете, из вашей руки.

Что-то было в улыбке доктора, что должно было предупредить его, какой-то намек на развлечение. Но не было никакой разницы. Гарсон осторожно ступил в открытый дверной проем и направился к серо-голубой лестнице. За ним окончательным приговором защелкнулась дверь.

Лестница впереди исчезла... иллюзия. На ее месте стоял большой контейнер в форме котла с дверцей, как топка. С полдюжины зверо-людей кинулись вперед. Через мгновение они забрасывали его в эту черную дыру дверцы.

На второй день Норма рискнула. Через окна вербовочного пункта можно было разглядеть все еще пустое помещение, сорванные полицией со стен калонианские лозунги, призывы и вырезки из газет валялись, затоптанные, по всему полу. Дверь в заднюю комнату была полуприкрыта, и там было слишком темно, чтобы разглядеть интерьер.

Настал полдень. Собрав все свое мужество, Норма быстро прошла к входу. Щелкнув, замок легко открылся. Она прошла внутрь и мгновением позже толкнула заднюю дверь. Машины там не было. Большие вмятины на полу показывали место, где она стояла так много месяцев. Но ее не было, так же, как и доктора Леля, так же, как и людей-тварей и Джека Гарсона.

Вернувшись в свою комнату, Норма сжалась на кровати и лежала, подрагивая, от ужасной нервной реакции на быстрое нелегальное расследование.

На четвертый день после полудня, когда она сидела, глядя на бессмысленные слова в книге, она почувствовала вдруг покалывание в своем теле. Где-то машина... машина... мягко завибрировала. Норма вскочила на ноги; книга, забытая на подоконнике, упала. Но звук прекратился. Ни одно колебание не коснулось ее натянутых нервов. Пришла мысль: «Воображение!» Ее напряжение действительно начинало влиять на нее.

Норма застыла, неспособная расслабиться, и тут до нее донесся скрип открывающейся двери, ведущей на лестницу. Это была дверь, выходящая на пустырь, куда выходило и ее окно. Задняя дверь открылась и закрылась. Когда Норма посмотрела, завороженная, в поле зрения появился доктор Лель. Испуг при виде его оказался настолько неожиданным, что доктор должен был заметить ее порывистое движение, но он не повернулся. Через полминуты он скрылся из ее поля зрения.

На пятый день застучали молотки внизу на лестнице, там работали плотники. Приехало несколько грузовиков, и Норма услышала невнятные звуки человеческого разговора. Но прошел вечер, прежде чем она осмелилась рискнуть. Через окно она увидела начинающиеся перемены, которые ей не понравились. Старую скамью убрали. Стены перекрасили. Еще не было новой мебели, но грубая черновая надпись протянулась по стене:

ЦЕНТР ЗАНЯТОСТИ
ТРЕБУЮТСЯ МУЖЧИНЫ

Требуются мужчины! Вот что это было. Другая ловушка для мужчин. Эти изголодавшиеся армии будущего должны получать достаточно корма. В невероятном будущем продолжала бушевать невероятная война.

Норма молча смотрела, как доктор Лель выходит из задней комнаты. Он прошел к передней двери, и Норма беспомощно ждала, пока он открывал дверь, заглядывая внутрь, тщательно закрывая дверь снова, а потом, мгновение стоял за ней, так же молча, как и она, тоже глядя в окно. Наконец, он сказал:

— Я вижу, вы любовались новой конторой.

Его голос просто констатировал факт и был лишен угрозы. Норма не ответила. Казалось, он и не ждал ответа, поскольку сказал почти сразу, тем же добродушным тоном:

— Хорошо, что случилось, то случилось. Ничего из того, что я вам когда-то рассказывал, не опровергнуто. Я говорил, что исследование показало: машина будет здесь через несколько лет. Естественно, мы не могли проверить каждый день или неделю этого времени. Этот незначительный эпизод избежал нашего внимания, но не изменил ситуации.

А относительно факта, что отныне здесь центр занятости, так это выглядит естественным для нас, потому что Калонианская война заканчивается.

Он замолчал, но Норма все еще не могла подобрать слов, которые хотела сказать. В сгущающемся мраке доктор, казалось, смотрел на нее. Затем он сказал:

— Я говорю вам все это, потому что было бы досадно снова готовить кого-нибудь на ваше место, и потому вы должны осознать невозможность дальнейшего сопротивления. Согласитесь с нами. У нас — тысячи машин, подобных этой и миллионы людей, проходящих через них, грандиозность наших деяний помогает повороту событий в нашу пользу. Мы должны победить, наша сила — преобладание. Мы — земляне — против всех планет; Земля, защищающая себя от нападений объединения вражеских армий, когда нет сил все время вооружаться. У нас есть высочайшее моральное право привлекать людей из всех стран Земли для защиты их планеты. Но,— его голос потерял беспристрастность и стал холоднее,— если вами не движет логика, то могут быть действенными награды за ваше хорошее поведение. У нас — профессор Гарсон. К сожалению, я оказался неспособен спасти его личность. Определенные тесты доказали, что он не покорится. Существует еще вечная молодость. Она к вам вернется в качестве жалованья. Каждые три недели вы будете становиться на год моложе. Вкратце, вам потребуется два года, чтобы вернуться к двадцати годам.

Он закончил на командирской нотке:

— Через неделю этот центр откроется. Вы явитесь в девять часов. Это — ваш последний шанс. До свиданья.

Норма смотрела, как тень доктора исчезла во мраке здания.

У нее появилась цель. Во-первых, она немножко поумнела, раз сразу не согласилась. Но постепенно ее замешательство прошло, и она собралась с мыслями.

Он начал с развивающегося осознания, что сопротивление бесполезно. Не то, чтобы она поверила в правоту дела этой расы, именующей себя глорианцами, хотя его рассказ о Земле, выступающей против планет, заложил первое сомнение в ее душу. Она знала, что раз намеревался, то сделает это. Дело было проще. Одна женщина противопоставила себя людям из будущего. Как это глупо с ее стороны!

Там оставался Джек Гарсон!

Если бы она могла вернуть его обратно, бедного, разбитого, то странное создание, которым он теперь стал с его разрушенной личностью... любым путем, она бы исправила то, за что была ответственна. Она подумала, какое безумие надеяться, что они его отдадут ей когда-нибудь! Она была мельчайшим винтиком в безбрежной машине войны. Тем не менее, факт оставался фактом. Она должна вернуть его!

Образованная и цивилизованная часть ее разума задумалась: «Вот изначальная цель и все вытекает из этого. Основа основ: одна женщина, сосредоточенная на одном мужчине».

Но цель была недостижима.

Медленно тянулись месяцы и, однажды прошедшие, казались лишь мимолетной вспышкой. Однажды вечером она повернула за угол и обнаружила себя на улице, где давно не бывала. Она ненадолго остановилась. Ее тело напряглось. Улица перед ней была полна народа, но она едва сознавала их присутствие.

Из постоянного смешения звуков: кошачьих воплей, рычания машин на улице,— из всей этой какофонии выделялся один, необычно тихий звук — шепот машины времени. Она находилась на расстоянии многих миль от центра занятости с его машиной, но тончайший трепет, промчавшегося по ее нервам, не мог быть ошибкой.

Она потянулась вперед, не замечая ничего, кроме ярко освещенного здания, находившегося в центре внимания людей. Какой-то человек попытался взять ее за руку. Она автоматически вырвалась. Другой мужчина просто схватил ее в объятия и на какие-то секунды сильно сжал, крепко поцеловал. Цель придала ей сил. С незначительным усилием она высвободила одну руку и ударила его по лицу. Мужчина по-доброму выпустил ее, но пошел рядом с ней.

— Дорогу даме! — крикнул он.

Почти магически появился проход; она застыла у окна. Там виднелась надпись:

ТРЕБУЮТСЯ ДЕМОБИЛИЗОВАННЫЕ СОЛДАТЫ
ДЛЯ ОПАСНОГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ХОРОШАЯ ОПЛАТА!

Норма ничего не почувствовала, когда осознала, что тут находилась еще одна ловушка для мужчин. В ее разуме было место лишь для мимолетного образа. Образ складывался в большую квадратную комнату с дюжиной мужчин. Только трое из них были новобранцы. Из остальных девяти один был американским солдатом, одетым в форму времен Первой Мировой войны. Он сидел за партой, лупя по клавишам пишущей машинки. Над ним наклонился римский легионер времен Юлия Цезаря в тоге и с коротким мечом. Возле двери, удерживая напирающую толпу, стояли два греческих солдата времен Перикла.

В людях и временах, которые она представляла, она не могла ошибиться. Она провела четыре года за латынью и греческим, играла в пьесах обоих периодов на языках первоисточников. Там был и еще один человек в старинном костюме, но она не смогла определить, из какой он эпохи. Через мгновение он стоял за прилавком, разговаривая с одним из трех новобранцев. Из четы-

рех оставшихся людей двое носили форму образца конца двадцатого века. Их одежда была светло-желтого цвета, и оба имели по две звездочки на погонах. Очевидно, они получили звание лейтенанта, когда оно еще было в моде.

Оставшиеся двое были попросту странными, но не из-за выражений лиц, а из-за своих форменных одеяний. Их лица казались чувствительными, нормальными. Форма их состояла из бриджей и аккуратно подогнанных пиджаков, все — голубое, да такое, что блестело, будто сделано из миллиона сверкающих, как острия игл, точек.

Пока Норма смотрела, одного из новобранцев повели к задней двери. Ее первой осознанной мыслью было: там задняя дверь. Дверь открылась; Норма мельком заметила возвышающуюся машину и промелькнувшего человека, высокого и с темным лицом, который мог быть доктором Лелем. Только он им не был. Но похож был.

Дверь закрылась и один из греков, стороживших наружную дверь, сказал:

— Все в порядке, еще двое парней могут войти!

Дальше началась борьба, краткая, но невероятно жестокая. А потом два победителя, осклабясь и тяжело дыша от напряжения, вошли внутрь. В последовавшем молчании один из греков повернулся к другому и сказал на почти непостижимой версии древнегреческого:

— В Спарте никогда не было столько желающих воевать. Это обещает хороший ночной улов.

Ритм их слов и произношение, с которым они говорили, делали их речь едва понятной для Нормы. Спустя мгновение ей, тем не менее, удалось сделать приблизительный перевод. И правда выяснилась. Люди времени уходили в прошлое, даже в древнюю Грецию, а может, и еще дальше, набирая новобранцев на свою войну. И всегда они пользовались любым способом искушения, основанном на слабости и назойливости человеческой природы.

«Борьба за Калонию» — призыв к идеализму!

«Требуются мужчины» — самое основное из всех воззваний, работа во имя пищи, счастья, безопасности. А теперь новый вариант призыва для демобилизованных солдат... приключение... с оплатой!

Дьявольское искушение! А как эффективно они смогли использовать в роли вербующих офицеров людей, пойманных той же самой пропагандой. Эти люди должны обладать такой чертой характера, как покорность, раз охотно загнали себя в военную машину глорианцев.

Предатели! Внезапно вспыхнувшая от ненависти ко всем покорившимся, кто еще сохранил свою личность, Норма отвернулась от окна.

Она подумала: «Существуют тысячи таких машин». Эти цифры были бессмысленны для нее раньше, но сейчас только при одной машине — как ужасный пример — реальность выглядела чудовищно. Подумать только, было время, когда она выступила сама, совсем одна, против них!

Оставалась нерешенной задача: как вытащить Джека Гарсона из ада титанической войны будущего!

Ночью Норма гуляла по улицам из страха, что там, в квартире, ее мысли, ее движущиеся убийственные мысли могут подслушать. А еще потому, что быть закрытой в этих тесных стенах над машиной, поглотившей так много тысяч людей, было невыносимо. Во время прогулки она все больше и больше думала о письме Джека Гарсона, написанном ей. Письмо было длинным, уничтожающим, но каждое слово отпечаталось в ее памяти. И из всех слов в нем одно предложение она неоднократно вспоминала: «На твоем месте я бы спросил себя: было ли что-нибудь металлическое на мне, что они могли прикрепить?»

Однажды, когда она устало отпирала дверь своей квартиры, ответ пришел сам. Возможно, это была сверхусталость, которая быстро довела ее до понимания главных вещей. А может, ее мозг просто устал от скольжения над одним и тем же неясным пятном. Или, наверное, месяцы концентрации, наконец, принесли долгожданный результат. Какой бы ни была причина, она забрала ключ обратно и ощущение холодного металла под ее пальцами принесло осознание.

Ключ, металл, ключ...

Она перестала повторять эти слова от отчаянья. Дверь квартиры захлопнулась за ней и, будто какое-то ужасное создание, она помчалась по темным ступеням в ослепительный блеск ночных улиц. Невозможно будет вернуться, пока она не успокоит горящий, неистовствующий хаос в собственной душе. До тех пор, пока она не станет уверенной!

Через полчаса пришло решение. В магазине она купила сумочку и несколько предметов, чтобы сумочка обрела вес. Маленькие плоскогубцы, пинцет — на случай, если плоскогубцы окажутся велики — и крошечная отвертка укомплектовывали ее снаряжение. Потом она направилась в отель.

Плоскогубцы и пинцет — вот все, что ей потребовалось. Маленькая выпуклая головка похожего на отмычку ключа поддалась первому же усилию. Ее дрожащие пальцы завершили отвин-

чивание... и она обнаружила себя, глядящую на крошечную сверкающую точку, похожую на раскаленную докрасна иголку, которая торчала из самого центра трубки, что была внутри ключа. Иголка входила во внутренний узор похожих на паутинки проволочек, все это можно было рассмотреть в свете, исходящем от них.

Норма подумала неуверенно, что здесь, наверное, ужасающие энергии. Она не могла отрицать такую возможность. Но эта достаточно реальная опасность заставила ее обернуть пинцет ажурным носовым платком. Потом она коснулась сверкающей торчащей точки. Та сверкнула при ее прикосновении. Ничего не произошло. Точка продолжала светиться.

Неудовлетворенная Норма отложила ключ и посмотрела на замок. Такой миниатюрный, такой деликатный механизм действительно нарушал перемещение на одну шестнадцатую дюйма. Но ничего не случилось. Внезапная мысль погнала Норму к зеркалу. Оттуда на нее смотрело лицо сорокалетней женщины.

Прошли месяцы с тех пор, как она стала двадцатилетней. А теперь в мгновение ока ей было сорок. Касание пинцетом кончика иголки состарило ее на двадцать лет.

Это объясняло то, что случилось в полицейском участке. Значит... если бы она смогла вытащить иглу обратно... она боролась с металлом пальцами, потом взяла пинцет.

Ей снова было двадцать!

Резко ослабев, Норма прилегла на постель. Она думала, что где-то во времени и пространстве имелось еще живое тело человека, который был Джеком Гарсоном. Но без него она бы могла бросить эту штуковину в реку за три квартала, сесть на первый же поезд на восток, на запад или на юг, и энергия машины была бы бессильна против нее. Вряд ли доктор Лель искал бы ее серьезно, раз она потерялась в толпе людей.

Насколько просто все это было, в самом-то деле. За три долгих года их власть над Нормой была — ключ и его опустошающая способность старить ее. Да было ли все это? Испуганная, она села. Возможно, они рассчитывали на то, что их жертвы сами достаточно осторожны, чтобы касаться ключа и его магических омолаживающих сил. Конечно же, она из-за Джека Гарсона была привязана к ключу, словно тот контролировал ситуацию, а не она. Но другой стимул — сейчас она подумала о нем — был силен.

Ее пальцы дрогнули, когда она подобрала ключ со светящимися замысловатыми внутренностями. Казалось невероятным, что они могли допустить, чтобы точный инструмент так легко попал в чужие руки, когда они знали, что есть возможность раскрытия их деятельности.

Потом у Нормы родилась идея; Норма притихла. Затвердевшими пальцами она подобрала пинцет, захватила торчащую светящуюся точку металлическими губками плоскогубцев, и, не пытаясь вытянуть ее или затолкать вглубь, повернула, как винт. Прозвучал тончайший, почти неслышимый щелчок. Ее тело трепетало, как натянутая струна, и стало падать, проваливаться в темное безмерное пространство.

Из этой ночи к ней плыло едва светящееся тело, тело человека, и, кроме того, не человека. Было что-то вроде головы и плеч, что-то физически отличающееся, не поддающееся пониманию. И у этой странной сверхчеловеческой головы были глаза, горящие, как драгоценные камни, и, казалось, буквально пронзали ее. Раздавшийся голос не мог звучать, поскольку был внутри нее. Существо сказало:

— С этого великого момента ты попадаешь под нашу власть и служишь нашей цели. Я говорю тебе: возведение энерго-временного барьера не должно быть завершено. Это разрушит все века Солнечной системы. Энерго-временный барьер не должен, не ДОЛЖЕН быть завершен...

Существо постепенно исчезло. Само воспоминание о нем стало тускнеть. Осталась темнота, черная невероятная темнота.

Вдруг Норма резко оказалась в материальном мире. Казалось, она едва не упала, или, наоборот, поднималась. Одна нога сложилась под ней, в точности повторяя позу, в которой она была в постели. Только она должна была падать туда бессознательно в течение долгого времени. Ее колени болели от тяжелой давящей боли ее положения. И под шелком ее чулок была не гостиничная постель, а металл!

Глава 8

Сочетание удивления, одиночества и понимания того, что происходит, лишило Гарсона присутствия духа. Он начал извиваться, потом корчиться, лицо его исказилось в агонии. А потом показалось, что сила грубых бесстрастных рук, держащих его, перетекла каким-то образом к его нервам.

Он хотел успокоиться. И спастись от безумия!

Теперь не было рук, касавшихся его. Он лежал лицом вниз на плоской грубой поверхности, где, на первый взгляд, была только темнота. Медленно возвращалось ощущение одиночества. Пришли смутные мысли о Норме и совпадении, которое вернуло его жизнь, казавшуюся такой вольной в течение многих лет, кроме

того, предопределило ее конец здесь, в этой черной пыточной камере. Он умирал здесь, хотя тело его могло жить в течение нескольких коротких безумных часов. Или дней. Или недель. Время не существенно.

Фантастически! Наверняка через минуту он проснется и кошмар кончится.

Сначала звук был тише шепота, тайный шум издалека, настойчиво пронзавший слух Гарсона. Шум волнами доносился к нему из черноты, становясь более разборчивым, звучал все громче — голоса! Звук взрывался чудовищной жизнью. Миллиарды голосов кричали в его мозге, мощный рев прямо-таки давил на него. Вдруг свирепость голосов потускнела. Они стали исчезать вдали, но звучали еще настойчивее, как бы нежелавшие уходить, словно что-то еще осталось недосказанным.

Звуки закончились, и наступила абсолютная тишина. Потом раздался щелчок. На него хлынул свет. Гарсон повернулся и уставился заворожено. Дневной свет! Из своего положения он мог видеть край здания из камня и кирпича, старого убогого здания на улице Деллы.

Невероятно, но все закончилось. И ничего не произошло. Нет, это неточно. Были воспоминания, смешавшиеся воспоминания о том, как важно быть верным глорианам, чувство близости к окружающему миру, изображения машин, но ничего определенного.

Грубый голос разрушил его мысли.

— Иди отсюда, ты — проклятый лентяй!

Тяжелое квадратное зверское лицо всматривалось в открытую дверь, крупный приземистый молодой человек с толстой шеей, широким боксерским носом и неприятными голубыми глазами.

Гарсон лежал совершенно спокойно. У него не было намерения ослушаться. Благоразумие ему подсказывало мгновенно, автоматически покориться, прежде чем он сможет оценить случившиеся поразительные вещи. Что его удерживало, каждую окостеневшую мышцу — это было новым ужасным фактом, возникшим не из осознания слов человека, а из самих слов.

Это был не английский язык. Тем не менее, Гарсон понимал каждое слово.

Резкий косой взгляд нетерпимой ярости, захлестнувшей грубое лицо, всматривающееся в него, прибавило жизненных сил мышцам Гарсона. Он кинулся вперед, но большие ручищи человека схватили его и с нарочитой небрежностью положили его лицом вниз на мостовую.

Мгновение он напряженно лежал, борясь с безумным гневом. К тому же он не решался показывать, что разозлен. Что-то пошло

неправильно. Машина не сработала должным образом, а Гарсон не должен упустить представившуюся возможность. Он медленно поднялся, желая знать, как автомат, деперсонализированный человек, будет выглядеть и действовать.

— Сюда, черт бы тебя побрал,— произнес с вызовом голос позади него.— Ты теперь в армии,— в голосе послышалось удовлетворение.— Ну, ты — мой последний на сегодня. Я доставлю вас, парни, на фронт, а потом...

«Сюда» вело к бездуховной на вид группе людей порядка сотни человек, стоящей двумя рядами вдоль огромного, мрачного и грязного строения. Гарсон уверенно направился в конец заднего ряда и отметил, как поразительно ровно стоят люди, несмотря на их вялость.

— Хорошо, хорошо,— проревел парень с квадратными челюстями.— Идемте, вы будете отлично сражаться до того, как кончатся эти ночь и день.

Гарсона осенило, когда он взглянул на командира, что тот принадлежал к типу людей, которых ОНИ подбирали для подготовки: безразличный, вульгарный, аморальный, чувственный тип человека-свиньи. Не удивительно, что Гарсон был отбракован наблюдательной машиной. Глаза командира сузились в щелочки, когда он осматривал линию живых мертвецов, проходящих мимо него в совершенном ритме.

Гарсон шагал в ногу, его разум намеренно замедлился и стал холоден, как лед. Он предусмотрительно мысленно изучил странное здание, не сочетавшееся с его свободой.

Оно действительно не подходило ни к чему тому, что с ним случилось. Но, тем не менее, оно было там, в мозге, и вызывало в сознании несколько предложений, что повторялись внутри него: «Большой энерго-временной барьер строится в Делле. Он не должен быть закончен, так как это разрушит Вселенную. Приготовься исполнить свою роль в его уничтожении. Попробуй сообщить планетарианцам, но не рискуй без необходимости. Остаться в живых, рассказать планетарианцам — вот твои ближайшие цели. Энерго-временной барьер не должен...»

Повторение стало монотонным. Гарсон вытеснил это безумие из своего сознания.

Никаких грузовиков не подъехало для перевозки их, не было никаких машин, урчащих в каком-нибудь футуристическом развитии улично-железнодорожных служб. Вообще не было никаких машин и механизмов, ничего, кроме узких авеню с их серой, лишенной тротуаров поверхностью, которые напоминали задние дворы.

Они шли на войну, и это напоминало марш по мертвому, давно опустевшему городу. Пустынному, за исключением разбросанной группы низеньких, бледных, медленных, черствых мужчин и женщин, которые тяжело брели мимо, не улыбаясь и не глядя по сторонам. Как будто они были полны сожаления, первобытного атавизма, когда-то великой расы, а этот город — гордый монумент... НЕТ!

Гарсон криво улыбнулся. Глупо было испытывать романтические чувства к этому уродству города. Даже без напоминания доктора Леля было ясно, что каждая узкая грязная улица, каждая убогая постройка были сооружены, чтобы быть такой, какая она есть.

А вскоре он доберется до места и доставит планетарианцам странное малопонятное сообщение о великом энерго-временном барьере. С преднамеренной резкостью он оборвал мысль. Ему приходилось быть осторожным. Если бы одному из глорианцев довелось оказаться поблизости и случайно перехватить его свободную мысль, которая не входила в обязанности автомата, то в следующий раз ошибка не произойдет.

Звук тяжелых шагов глухо отразился эхом от тротуара, как в городе призраков. У Гарсона появилась жуткая мысль, что он находится века, может, тысячелетия, здесь, в будущем. Что за мучение думать, что Норма, бедная, преследуемая и порабощенная, на самом деле мертва и похоронена давным-давно во мраке веков. Но только что она была жива. Те шестьсот миллиардов тел в минуту остались где-то в пространстве и времени живы, поскольку великая энергия времени следовала своим космическим курсом бесконечного повторения! Шаги раздавались снова и снова, и мысль его была ритмом марша.

Наконец, он вышел из своей задумчивости и увидел, что красная мгла впереди уже близка. Ходьба заняла бы не более десяти минут, и они были бы там! Машины ярко блестели в косых лучах теплого, золотого, заходящего солнца; машины, которые перемещались и сражались! Болезненная дрожь поразила Гарсона, первое потрясение от осознания, что этот крошечный фрагмент битвы веков был реален, близок и смертоносен. Там каждую минуту гибли люди, несчастные уже оттого, что их деперсонализированные умы даже не понимали этого. А дальше была бесконечно малая победа для планетарианцев и незначительное, но обидное поражение для Глориуса. Сорок футов в день, говорил доктор Лель.

Сорок футов города завоевывалось каждый день. Какая убийственная, изнурительная война! Какая несостоятельность страте-

гии! Или это было уничтожением роли военного гения, о чем каждая сторона знала и практиковала каждое правило военной науки без ошибок? А сорок футов были просто неизбежным математическим выводом из разницы в возможностях ударной энергии двух сил.

Сорок футов в день. Удивленный, Гарсон стоял со своей группой в сотне ярдов от неестественного фронта битвы. Как робот, он застыл среди людей-роботов, но глаза его и ум впитывали неослабленное очарование мертвого механического порядка, являющегося наступлением и защитой.

У планетарианцев было семь главных машин и, по крайней мере, полсотни мелких шустрых, скользящих в качестве эскорта для каждого из больших, настоящих крепостей! Так оно и было: крепости и истребители. Против них у глориан были только истребители, множество стремительных, сверкающих торпедоподобных судов, которые прижимались к земле и сражались в бесконечно повторяемом сложном маневре.

Маневр против маневра, замысловатая игра. Это была игра — неправдоподобная, сложная игра, цель и методы которой, казалось, вызывали дрожь за пределами понимания Гарсона. Все вращалось вокруг крепостей. Каким-то образом их, должно быть, защищали от энергетических пушек, потому что попытки использовать энергию против них не делались. Орудие также почему-то должно было быть бессильно против них. В поле зрения не было ни одного орудия, не было никакого другого приспособления для метания твердых предметов в машины. Планетарианцы даже не стреляли в группы, которых было более сотни, вроде той, к которой принадлежал застывший Гарсон. Они находились так близко к фронту, сбившись в кучу, что несколько снарядов будущего хорошей взрывной силы могли бы уничтожить их всех. Но ничего не было, кроме крепостей и истребителей!

Крепости двигались вперед и назад, вперед и назад, торопились, когда крепости шли вперед, и отставали, когда те отступали. И всегда при этом истребители планетарианцев плавно скользили на перехват истребителей Глориуса. Когда солнце село красным пятном за зелеными холмами на западе, крепости оказались намного ближе, чем в самом начале; и резко обрисованная красная линия мглы, которая должна быть точкой, где энерго-временной барьер нейтрализуется, легла поперек раздробленной скалистой плиты и была не длиннее, но находилась ближе.

Крепости каким-то образом отодвигали энерго-временной барьер. Очевидно, только отступление спасало барьер от худшей участи, возможно, от полной нейтрализации по широкому фрон-

ту. Город был побежден — дюйм за дюймом, фут за футом, улица за улицей. Только замысловатое сражение, поэтому почти неотвратимая медленная победа была такой же большой тайной, как и всегда.

Гарсон смутно думал: «Если сообщение об испортившейся деперсонализирующей машине, пришедшее в его мозг, было правдой, то окончательная победа не произойдет достаточно скоро. Двигаясь по сорок футов в день, завоеватели завоюют награду, которой и была Делла, секретный суперэнерго-временной барьер будет завершен, а человеческая раса и все ее достижения будут уничтожены во Вселенной.

Наступила ночь, но яркий свет прожекторов заменил солнце, и фантастический бой продолжал свирепствовать. Никто не прицеливался из пушки или другого оружия в огни. Каждая сторона сосредоточилась на своей роли в сложной убийственной игре; а отряд за отрядом таяли в невероятном жаждущем пожарище.

Смерть просто приходила к людям. Все они по очереди толпились в одном из торпедоподобных разрушителей. Каждый был подвергнут деперсонализации, и миниатюрный человек управлялся мыслью. Хорошо обученные в ограниченном действе люди-автоматы часто вспыхивали на линии боя. Иногда конец наступал быстро, иногда им удавалось избежать удара, но рано или поздно происходил контакт с врагом; и это было все, что требовалось. Мгновенно человек сморщивался и из линии ожидающих следующий двигался к трупу, чтобы заменить его.

Могли быть разные варианты. Люди-машины сталкивались с врагом и умирали вместе со своими водителями или бесцельно мчались стрелой, выйдя из-под контроля. Быстрые металлические истребители налетали с обеих сторон, чтобы захватить желанную добычу и иногда побеждали планетарианцы, иногда — Глориус. Гарсон подсчитывал: один, два, три... менее четырехсот человек стояло перед ним. Когда он осознал, как близка его очередь, холодный пот проступил на его лице. Минуты! Проклятье, ему нужно было вычислить правила этой битвы или броситься туда без плана, без надежды.

Семь крепостей, множество истребителей у каждого корабля и все они действовали, как единое целое в едином сложном маневре.

И, благодарение небесам, у него была часть ответа. Единое целое. Не семь из семи крепостей вышли из битвы, а одна супернейтрализующая машина, движущаяся в семи измерениях. Не удивительно, что он не мог проследить переплетения этих чудовищ между собой, отходы и наступления. Математики двадцатого века могли решать только легкие задачи с четырьмя уравне-

ниями. А это была задача на семь уравнений; и генеральный штаб Глориуса не мог продвинуться вперед в решении, только шагнуть назад. Этот шаг стоил им сорок футов в день.

Подошла очередь Гарсона. Он полез в корпус торпедоцикла, тот оказался даже меньше, чем Гарсон ожидал. Машина соответствовала его телу полностью, как перчатке. Без каких-либо усилий она скользила вперед очень плавно, очень охотно, в этот ослепительный блеск прожекторов, в водоворот машин. «Один контакт,— подумал он,— один контакт с врагом означает смерть; его план прорыва выглядел таким же неясным, как и его представление о том, как в действительности работает маневр в семи измерениях.

Пораженный этим чудом, Гарсон даже позволил себе надеяться.

Глава 9

Норма начала замечать странную дрожь, подобную пламени, внутри себя. Она ощущала живое тепло, новый вид бодрости, добавляющийся к жизни, всегда существовавшей в ней.

Физически она еще была согнутой каргой, ноги ее подгибались; она еще плохо видела, и тяжелая металлическая боль в ногах неизменно давила на кости и мышцы ее колен. Но теперь вдоль каждого нерва пробиралось удивительное чувство благополучия, странной необычной силы. Оно приводило к неистовству мысли, вспыхивающей в ее разуме: «Где она? Что произошло? Что...»

Мысль оборвалась от того, что в голову Нормы вторглась другая, чужая мысль, не принадлежащая ее разуму, даже не адресованная ни ей, ни другим людям!

— ...Щупальце 2731 сообщает Наблюдателю. Предупреждающий свет вспыхивает на... (неразборчиво)... машины времени. Прием!

Ответ пришел в то же мгновение, обдав холодом:

— Нарушитель... на первичной машине времени. Предупреждение по всей секции доктора Леля. Щупальце 2731, немедленно активизируйся, уничтожь нарушителя. Прием!

Ошеломляющая необъятность глухого шепота сообщения и ответа пронеслась эхом по тусклым закоулкам Нормы. Поразительный факт, что она без малейшего усилия перехватила мысленные волны, моментально показалось непосредственной опасностью. Неожиданно Норма почувствовала смертельную угрозу.

Перед этой колоссальной опасностью даже осознание того, где она, пришло совершенно ненавязчиво, подобно слабой гармонии

в лязге шумного диссонанса. Ее настоящее местоположение было слишком очевидным. Повернув ключ, она понеслась сквозь время в век Глориуса, к первичной машине времени, где фантастические вещи, именуемые щупальцами и наблюдателям, непрестанно стояли на страже.

Если бы только она могла видеть! Она должна видеть, или она погибнет прежде, чем сможет начать надеяться. Она неистово напряглась, пытаясь преодолеть черноту, плотно запечатавшую ее глаза.

Она видела!

Это было так же просто, как и не видеть. Один миг, слепота. Следующий — побуждение видеть. А потом полное зрение даже без первоначального расплывчатого пятна, словно Норма открыла глаза после мирного сна.

Простоту действия вытеснил из ее разума кружащийся водоворот впечатлений. В нем смешались две мысли: краткое удивление тому, каким путем к ней вернулось зрение — просто по ее желанию; а еще — воспоминание о лице, промелькнувшем, когда она вынырнула из тьмы времени: «С этого великого момента ты получаешь власть и начинаешь выполнять свою цель».

Картина, связующая все ее мысли, распалась. Норма увидела, что находится в комнате, обширной и куполообразной. Там были прозрачные стены. Сквозь них она увидела мерцающий розовый огонь — большой купол, покрывающий небо и заполняющий собой ночную вселенную.

Попытка разглядеть все вокруг утомила Норму. Ее взгляд устремился с неба вниз; она заметила, что все прозрачные стены, обращенные к ней, имеют бессмысленный узор. Маленькие балкончики, каждый из которых восходил к блестевшему, странно угрожающему механизму: оружие! Так много оружия! Для чего? С резким дребезжанием, потрясшим ее, мысль распалась. Норма в ужасе уставилась на металлическуй трубу, тянущуюся от нижнего обода машины времени. Множество блестящих фасеточных глаз, как у насекомых, пытались рассмотреть ее.

— Щупальце 2731, уничтожь нарушителя...

— Нет! — Это был ее собственный отчаянный голос, продукт неподдельной паники. Все мужество, позволившее ей осуществить эксперимент с ключом в начале, сжалось перед странной, чужой угрозой. Мысли завертелись. Она сжалась от ужасного страха, что этот металл может спалить ее каким-то невероятным огненным оружием прежде, чем она поймет, что происходит, прежде, чем сможет убеждать или даже пошевельнуться!

Ее гордости и накопленного мужества осталось лишь настолько, чтобы почувствовать спазм стыда от слов, что бесчувственно сорвались с ее губ:

— Нет! Нет! Вы не можете! Убирайтесь... назад... откуда вы пришли! Идите...

Норма остановилась, заморгала, вытаращившись. Тварь убиралась!

Она едва осознала реальность происшедшего прежде, чем раздался грохот. Он шел снизу, из-под обода машины. Инстинктивно Норма побежала вперед, всматриваясь вниз. Похожий на пропасть, стофутовый скат машины времени, попавшийся ей на глаза, сделал ее отступление затруднительным. Но она быстро ползла вперед, более осторожно, с крайним изумлением посмотрев еще раз на то, что обнаружил первый испуганный взгляд.

Там, на далеком полу, было нечто вроде трубы. Когда Норма увидела ее, в ней зародилась надежда, от слабого импульса чужой мысли:

— Щупальце 2731 сообщает: трудности. Женщина использует лучи разума Инсела... энергия 100... дальнейшее действие этой единицы невозможно... непригодность 74 механических...

«Я сделала это»,— недоверчиво подумала Норма. Она пожелала мысленно восстановить картину. Ее отчаянная мысль послала щупальцу разрушение и гибель. Лучи разума Инсела, энергия 100! Почему, это означало... это могло означать...

Мысль куда-то перепрыгнула и ослабела. Одна из дверей в стене, выходящих к Норме, открылась и спешно появился высокий человек. Норма нажала на металлическую грань за пределами видимости; ей показалось, что эти знакомые насмешливые глаза смотрели прямо на нее. Потом тяжелая, потаенная мысль доктора Леля пришла, как непрерывная серия разящих ударов по ее крошащейся надежде:

— Это — повторение манипуляции времени и пространства. К счастью, центр трансформации в семнадцатый раз — мисс Норма Матхесон, которая неспособна математически грамотно использовать энергию в своем положении. Ее нужно держать в постоянном смятении. Решение о ее быстром уничтожении — концентрация сил третьего порядка, не механических, согласно Плану А4. Прием!

— Действуем! — пришла холодная мысль Наблюдателя.

Словно пришла смерть. Норма отказалась от надежды, легла на плоский металл; ее голова была пуста и не осталось сил в ее теле.

Прошла минута, и она показалась вечностью. Такой долгой, что ее быстрые мысли изменились и потяжелели. Страх исчез,

как сон, а потом к Норме вернулось осознание этого удивительного, чудесного чувства власти. Она встала. Ноги ее дрожали от усилия, несущего рефлекторную память о способе, которым она восстановила свое зрение. Она напряженно подумала: «Больше никакой физической слабости. Каждый мускул, каждый нерв, каждый орган моего тела должен в совершенстве функционировать с этого момента и...»

Странный трепет оборвал ее мысли. Он, казалось, зародился в пальцах ее ног и разлился нежным теплом, как всеобъемлющий румянец. И слабость ушла.

Норма стояла обвороженная. Она колебалась, испытывать ли свою власть дальше. Чудовищная угроза сдавливала ее волю. Она подумала: «Никакой больше духовной слабости, никакого смятения; мой разум должен функционировать как можно логичнее!»

Что случилось потом — было не вполне удовлетворительным. Казалось, ее разум замер. На мгновение образовалась совершенная пустота. А потом к Норме пришла одна простая мысль: «Опасность!» Для нее не существовало ничего, кроме опасности и необходимости бегства от этой опасности. Найти ключ. Вернуться в 1944 год. Убраться из этого мира доктора Леля и выиграть время, чтобы решить загадки мощной энергии, сосредоточенной в ней.

Норма дернулась, когда узкое, длиной в ярд, пламя зажгло металл за ее спиной и метнулось к потолку. Она наблюдала, как пламя метнулось от потолка дальше, за край машины. Должно быть, пламя подожгло пол, но мгновенно оно снова появилось в поле зрения, подпрыгивая от пола к потолку с неслабеющей силой. Вверх, вниз, вверх, вниз, вверх шло оно, пока Норма смотрела. Потом пламя резко, словно упустив, сжалось, как пустой огненный мешок, на полу, исчезнув.

Второй язык пламени метнулся вверх с того места, куда направлялся доктор Лель, когда Норма наконец его увидела. Огонь ударился в потолок и продолговатым бильярдным шаром ринулся вниз — в это время Норма уже была готова к этому. Мысленно она приказала себе: «Стоп! Какая бы энергия ни управляла им, она бессильна против меня. Стоп!»

Пламя не дошло нескольких дюймов до ее руки и взметнулось к потолку, а снизу донесся сильный, четкий и насмешливый голос доктора Леля:

— Моя дорогая мисс Матхесон, эта первая из энергий третьего порядка совершенно вне вашего контроля. И вы заметили, что ваш разум не настолько холоден, как вы ему приказываете? Истина в том, что, хотя у вас и есть беспредельная энергия, но вы сможете использовать ее только тогда, когда поймете силы, ее образующие,

как осознанно, так и неосознанно. Большинство людей имеет достаточно четкое представление о своих физиологических процессах, объясняющих, почему тело реагирует так благоприятно, но что касается мозга — его тайны, в основном, лежат за пределами вашего понимания. А по поводу ключа...— в его словах послышался смех,— вы, кажется, забыли, что он связан с машиной времени. Первое действие Наблюдателя было направить его обратно в двадцатый век. Так что, я могу пообещать, что вы умрете.

Разум Нормы остался спокойным, тело — безучастным. Кровь не прилила к ее голове. Только сердцебиение участилось. Руки ее сжались с напряжением от сознания, что она должна быстрее действовать, быстрее думать. Она подумала: «Если бы только Джек Гарсон был здесь, с его наукой, с его быстрым логическим мышлением...»

Удивительно, но потом она смогла почувствовать, что ее мысли ускользают из-под контроля, как песок между пальцами. Тело ее ничто не беспокоило, не касалось, но разум ее неожиданно скользнул вниз, в темную глубину. Нахлынул ужас, когда множество языков пламени взметнулось к потолку. «Джек, Джек, помоги! Ты мне нужен! О, Джек, приди...»

Бесконечные секунды не принесли никакого ответа; дело не терпело отлагательства. «Вернуться домой,— подумала она,— мне нужно вернуться домой, назад в двадцатый век».

Ее тело вибрировало, как струна. Была тьма и ужасное чувство падения. Удар при падении оказался не сильным; и это безучастное, почти неразрушимое тело ее встряхнуло во вспышке, поглощающей боль силы. Норма разглядела пол с ковриком. Тусклый свет прямо перед ней обрел четкие контуры и стал окном.

Ее собственная квартира! Она с трудом поднялась на ноги, а потом неподвижно балансировала с тревогой, когда старая, знакомая, тихая вибрация задрожала сокровенными путями, пробежав по ее нервам. Машина! Машина в нижней комнате работала! Норма в поисках безопасности силой воли отправила себя назад, в свое собственное время, но ее вызов Джека Гарсона прошел неуслышанным. Она была одна, и только странная, громоздкая энергия могла помочь ей против объединенных сил врага.

Норма надеялась, что силы только собираются. Даже доктор Лель должен иметь время, чтобы транспортировать их. Если бы она могла выйти из этого здания, воспользоваться своей властью для перемещения в безопасное место, когда ее перенесло из времени и пространства будущего! Переместиться, но куда? Было только одно место, о котором она могла думать: комната в отеле, откуда она отправилась в путь при помощи ключа.

То, что пришло потом, не было смертью, но удар оказался так силен, что Норма горько зарыдала от боли; ее сознание отключалось; тогда она поняла, застыв в страхе, что ударилась о стену своей квартиры и энергия, которой Норма владела, еще раз предала ее, поскольку Норма не могла управлять ею. Теперь у доктора Леля будет достаточно времени подготовить все необходимое.

Сомкнулась тьма.

Глава 10

В Гарсоне жила память о ночи и мчащейся машине, которая несла его. Она была чудесной миниатюрной металлической вещью, мчащейся стрелой и повернувшей далеко налево, так близко к красной мгле энерго-временного барьера, насколько он рискнул подойти. Но машина не последовала за ним. За секунду он промчался сквозь горящую брешь из Дельпы, и оказался в безопасности от доктора Леля.

Что-то потом его ударило — сокрушительный удар... Он вышел из сна безболезненно, не торопясь. Вяло лежал он, обдумывая случившееся; и ему в голову пришла приятная мысль: он должен быть в безопасности или он бы вот так не валялся. Конечно, многое нужно было сделать. Он должен передать информацию планетарианцам о том, что они должны захватить Дельпу как можно скорее; что окончательную победу нигде так не ждут, как в Дельпе. А потом любой ценой он должен убедить их позволить ему вернуться к Норме.

Пока он так мирно лежал, глаза его были открыты, задумчиво рассматривая серый потолок. Где-то поблизости раздался человеческий голос:

— Не стоит ожидать этого.

Гарсон повернул голову — его первое настороженное движение. Там тянулся ряд коек, похожих на больничные, а дальше шли другие ряды. С ближайшей кровати на него уставилась пара прекрасных, блестящих, веселых глаз. Человек лежал, головой уткнувшись в мятую, плохо взбитую подушку. Он сказал:

— Чувства вас обманывают. Я имею в виду... Не ждите. Вас подвергли восстановлению на масштабной шкале, никакое волнение, никакая истерия, ничто не расстроит вас. Доктора, хоть их и подготовили планетарианцы, все — люди из прошлого, и вплоть до прошедшего дня они заявляли, что вы...

Человек замолчал. Его карие глаза потемнели под нахмуренными бровями, потом он улыбнулся с той же поразительной мрачностью.

— Я был близок к тому, чтобы сказать слишком много. На самом деле, вы можете быть достаточно сильным и выдержите сейчас любое потрясение. Но факты таковы: вы познаете горькую правду своего затруднительного положения достаточно скоро и без нервных переживаний. Я сделаю лишь предварительное предупреждение: готовьтесь к плохим новостям.

У Гарсона лишь возникло смутное любопытство и никакого чувства тревоги. После того, что прямо сказал доктор Лель, и косвенно — планетарианцы, никакая опасность не могла здесь превысить ту, которой он избежал. Только эмоции, что он ощущал, должны были стать вдвое подвигнуть его к спасению Нормы с вербовочной станции. Он громко сказал:

— Если я буду спать в следующий раз, когда придет доктор или планетарианец, вы меня разбудите? Я хочу кое-что сообщить.

Человек невесело улыбнулся. Он был представительным, молодым парнем около тридцати. Его реакция заставила Гарсона нахмуриться. Гарсон резко спросил:

— А в чем дело?

Незнакомец с сожалением покачал головой.

— Я уже двадцать семь дней в этом веке,— ответил он,— и я никогда не видел планетарианца. А насчет поговорить с кем-нибудь на стороне планетарианцев, то я уже сказал тебе — жди плохих новостей. Я знаю, ты должен был доставить сообщение. Я даже знаю от доктора Деррел, в чем оно заключается, но не спрашивай меня, как он узнал. Все, что я могу сказать: тебе нужно забыть о передаче любых сообщений кому бы то ни было. Между прочим, меня зовут Мэрфи, Эдвард Мэрфи.

Гарсона не интересовали ни имена, ни тайна, как они узнали о сообщении. Однако он встревожился. Каждое слово этого молодого человека с добрым лицом и приятным голосом содержало ужасный подтекст. Он посмотрел на Мэрфи: откровенное, открытое лицо, дружеская, мрачноватая улыбка, небрежная копна блестящих коричневых волос, спадающих на один висок — в общем, ничего опасного. Кроме того, откуда могла бы исходить опасность? От планетарианцев?

Это нелепо. Не обращая внимания на их краткие визиты, планетарианцы были расой из «этого» времени, которой нужно содействовать. Возможно, у них были странные, даже причиняющие затруднения обычаи, но другая сторона была почти невообразимым злом. Вопрос выбора не стоял.

План Гарсона был прост. Как только ему позволят встать, (а он чувствовал себя сейчас вполне хорошо), он попытается уста-

новить контакт с планетарианцами. Все началось с высказывания неприятных, загадочных аспектов происходящего, а ведь не было сказано ничего серьезного. Гарсон услышал голос Мэрфи:

— Остерегайся — все, что я скажу по этому поводу. Однако, есть кое-что еще. Как ты думаешь, ты сможешь подняться через час? Я имею в виду, ты хорошо себя чувствуешь?

Гарсон кивнул озадаченно.

— Думаю, да. А почему?

— Мы тогда минуем Луну и, как я понимаю, это стоит увидеть.

— Что?

Мэрфи сокрушенно посмотрел на него. И медленно произнес:

— Я забыл. Я был так занят, что не рассказал тебе о нашей главной опасности, этого бы не случилось со мной, но ты был без сознания, когда мы начинали.— Он пожал плечами.— Ну, мы на пути к Венере, и даже если остальное отбросить, карты подтасованы, и это — факт. На борту этого корабля не планетарианцев, только люди из прошлого и щупальце Наблюдателя. И для тебя нет возможности поговорить с кем-то из них, потому что... — Он остановился, потом продолжил,— я опять близок к тому, чтобы проболтаться. Я проговорюсь еще раньше, чем тебе нужно будет это услышать.

Гарсон не слишком обратил внимание. Его потрясение не проходило. Он лежал в изумлении, потрясенный невероятным фактом, что он — в космосе. В космосе! Он чувствовал, что его перехитрили. Даже события, о которых он знал, произойдут в четверти миллиона миль от него.

Эта мысль потрясла его. Он сидел неподвижно, неудобно в кровати и, наконец, произнес приглушенным голосом:

— Сколько займет полет к Венере?

— Дней десять, я думаю.

Очень осторожно Гарсон попробовал осознать эти цифры. Внутри него зародилась надежда. Все еще не так плохо, как показалось вначале. Десять дней добираться туда, десять дней убедить кого-то позволить планетарианцам бегло заглянуть в его мысли, десять дней возвращаться на Землю. Месяц! Он нахмурился. Это не очень хорошо. Войны проигрывались, большие империи распадались и за меньшее время. А как он мог доставить сообщение с космического корабля, летящего к Венере? Разные планы предварительных действий обдумывал он, но ясно было одно.

Он сказал обеспокоенным тоном:

— Если бы я вернулся туда, откуда я родом, то на этом этапе я бы попытался увидеть капитана корабля. Но вы заставили меня

сомневаться, что нормальные процедуры применимы на планетарианском космическом лайнере. Честно, каковы мои шансы?

Гарсон увидел, что молодой человек помрачнел.

— Конечно, никаких! — ответил Мэрфи.— Это не шутка, Гарсон. Как я уже сказал, Даррелл знает и заинтересован в вашем сообщении, не спрашивайте меня как, откуда или когда он узнал о нем. Он был политическим лидером в его собственном веке, и он — необыкновенный механик, но, по его словам, он знает только нормальные, повседневные вещи своей прежней жизни. Тебя используют как существо с группой людей из прошлых веков, среди них несколько подозрительных парней, и существа Даррела самые подозрительные из всех них. Но забудь это! Помни только, что ты — на космическом корабле в веке таком далеком от твоего собственного, что нет даже записи о твоем времени в исторических книгах. Хорошенько подумай об этом.

Гарсон подумал и лег обратно, почти бездыханный, еще раз пораженный странным окружением. Но не было ощущения движения, вообще ничего ненормального. Мир был спокоен. Комната казалась непривычно большой палатой в больнице. После напряжения Гарсон позволил своему телу расслабиться, а полному богатому потоку мыслей — свободно литься. В этой горячей волне опасность, о которой рассказал ему Мэрфи, казалась плодом воображения, тенью вдали. Было только чудо, только Венера и этот безмолвный, быстро несущийся корабль.

Венера! Он позволил слову вращаться в своем разуме, и это оказалось возбуждающей интеллектуальной пищей, безмерно стимулирующей разум, оформленный и тренированный, как и ранее. Венера? В течение веков мечты людей достигали небес, буквально очарованные ошеломляющим умы фактом существования иных миров, таких же безбрежных, как и их собственные континенты, моря, реки, сокровища, которые невозможно подсчитать. А теперь для него все это стало реальностью. Перед этим фактом другие срочные дела просто таяли. Конечно, Норма должна быть спасена, а странное сообщение — доставлено. Но, если его судьба — остаться в этом мире до конца войны, то он бы не мог попросить большего, чем это пылающее чувство приключения, эта блестящая возможность узнать, увидеть и разобраться в раю для ученых.

Гарсон понял, что Мэрфи говорит.

— Ты знаешь,— голос соседа Гарсона был задумчивым,— возможно, как раз это могла быть хорошая идея — попытаться увидеть капитана. Мне надо будет поговорить с Деррелом прежде, чем действовать, но...

Гарсон вздохнул. Он вдруг почувствовал себя истощенным духовно и физически.

— Слушай,— сказал он устало,— минуту назад ты доказывал, что абсолютно невозможно для меня увидеть капитана, а сейчас тебе кажется, что это могло быть неплохой идеей и, таким образом, невозможное становится возможным.

Его слова прервал какой-то звук — странный свистящий звук, который будто давил на него. Сначала Гарсон увидел, что люди поднимаются с кроватей, группы, стоявшие в тихой беседе, расходятся. Через минуту, за исключением трех дюжин человек, не шелохнувшихся на своих кроватях, люди покинули палату через дверь. Когда дверь закрылась, слух Гарсона пронзил напряженный голос Мэрфи:

— Быстро! Помоги мне подняться и сесть в инвалидное кресло. Будь проклята моя парализованная нога, но мне нужно увидеться с Деррелом. Наступление не должно произойти, пока ты не попробуешь увидеться с капитаном. Быстрей, парень!

«Наступление!» Гарсон запаниковал, потом с усилием взял себя в руки. Собрав все свое хладнокровие, вопреки очередному потрясению, он лег обратно. Он произнес дрожащим голосом:

— Я помогу тебе встать, когда ты расскажешь мне, что все это значит. Начинай рассказывать. Быстро!

Мэрфи вздохнул.

— Все просто. Они собрали в одно стадо скептиков, то есть, нас — просто людей, которые знают, что находятся в другом времени, и не суеверны на этот счет, и всегда потенциально непокорны, так, как хорошо знают планетарианцы. Но они не поняли того, что такое Деррел. Мятеж был не совсем удачен. Мы захватили комнату контроля, машинное отделение и только один из арсеналов. Самое худшее — что одно из щупальцев избежало нашей ловушки, а это значит, что наблюдательная машина проинформирована и военные корабли уже отправлены за нами. Если мы не сможем быстро получить полный контроль, нас раздавят. И вся наша толпа будет казнена.

Он продолжил со слабой улыбкой:

— Это включает тебя и каждого человека в этой комнате, парализованного, больного или невиновного. Планетарианцы оставили подробности бегства в их мир в руках чудовищной машины, называемой Наблюдателем, а Наблюдатель беспощадно логичен.— Он пожал плечами и закончил,— вот что я подразумевал под плохими новостями. Все мы придем к победе или смерти. А сейчас помоги мне добраться до Деррела и остановить это нападение!

Гарсон был до боли переполнен вопросами, трепетавшими в нем: скептики... щупальца... мятеж... И не только это. После того, как управляемая энергией инвалидная коляска Мэрфи исчезла в дверях, поглотивших людей. Потом Гарсон осознал, как он устал. Он опустился на кровать, и ему показалось, что в нем не осталось ни капли чувствительности. Он думал — медленная, однообразная, серая мысль о части сообщения, пришедшего к нему в деперсонализирующей машине, о серьезном предостережении: «Не рисковать без особой необходимости... остаться в живых!»

Какой у него на это есть шанс?

Глава 11

Луна магически плыла на фоне черного космоса — большой шар света, который рос и рос. В течение часа она не менялась в размерах, а потом начала удаляться. Растущая необъятность этого расстояния принесла Гарсону неожиданно мрачное сознание того, что он опять — мельчайший винтик в гигантской борьбе гигантских сил.

Он смотрел, как светящийся лунный шар стал темным, размером с горошину, наполовину спрятался за шаром огня, которым и была Земля. Непосредственной целью Гарсона был уже другой шар, когда он обернулся к Мэрфи в инвалидном кресле. Он сказал:

— А сейчас, когда нападение отложено, мне хотелось бы встретиться с этим загадочным Деррелом. После чего тебе было бы лучше сразу идти спать.

Молодой человек поник.

— Помоги мне добраться до кровати, ладно?

Мэрфи болезненно улыбнулся из постели.

— По-видимому, я инвалид, а не ты. Паралич, конечно, не сильно повредил бы мне, но над моей правой ногой хорошенько поработал энергетический нож. Кстати, я представлю тебя Деррелу, когда проснусь.

Медленное, тяжелое дыхание Мэрфи достигло Гарсона. Тот чувствовал опустошение от бездействия и, в конце концов, раздражение от того, что попал в зависимость от группы других людей. Некоторые время он бродил по комнате, полубесцельно, наполовину в поисках экстраординарного Деррела. Но мало-помалу его мысли отвлеклись от неопределенных целей. Люди, невероятные люди, выросли в его сознании.

Они расхаживали с важным видом, эти парни. Когда они стояли, то стояли с небрежной грацией, большие пальцы бесстрастно засунуты за ремни или за проймы жилетов странного покроя. Не более чем с полдюжины этих плотных, с виду сильных парней, казалось, принадлежали к старательным людям. Здесь были люди из прошлого, авантюристы, наемники, кто поднимает мятеж так же легко, как при несколько различных обстоятельствах могут решить выступить «за» захватчиков вместо «против» того, чтобы выступать.

Может, на стороне планетарианцев были плохие психологи? Это казалось невозможным, поскольку они были сверх умелыми во всем. Объяснение, конечно же, заключалось в том, что интеллект и способности этих людей были так же велики, как и их собственные, хотя бы приблизительно, попав на сцену, неизвестную для них, они легко обманули людей из прошлого, управляющих кораблем.

Деррел!

Все события были волнующими, искрящимися полной, неистовой жизнью, что бушевала на Земле сквозь века. На Земле были люди, полностью выросшие из своего времени, любящие жизнь, а еще вследствие своей случайной, безнадежной попытки мятежа, убежденные, что они не боятся смерти.

Один из них был инициатором, формирующей силой.

Трижды Гарсон был уверен, что это — Деррел, но каждый раз он изменял свое решение, прежде чем на самом деле подходил к незнакомцу. Только постепенно он выделил худощавого человека. Первым впечатлением было: высокий неловкий человек с удлиненным лицом со впалыми щеками. Он носил серую рубашку и серые брюки. За исключением чистоты, он мог бы сойти за выходца из фермерского дома.

Человек стоял, неуклюже полунаклонясь к одной из кроватей больничного типа и ничего не говорил. Тем не менее, он каким-то образом был центром группы, окружавшей его. Лидер! Спустя миг, Гарсон увидел, что он украдкой изучает его. Это было все, что ему нужно. Совершенно открыто Гарсон рассматривал этого человека. Перед его изучающим взглядом обманчивая фермерская внешность растаяла, как туман под ярким солнцем.

Впалые щеки неожиданно оказались естественным экраном, дающим искажения, скрывавшим почти ненормальную силу этого лица. Линия челюсти просто сошла до роли основы, поддерживающей подбородок, показав во всем мрачную тяжесть, как у срезанного угла наковальни, не слишком выступающего упора вперед. Нос был сильным и острым, все лицо в целом — длинное и изможденное.

Исследование Гарсона было прервано. Кто-то обратился к человеку, как к мистеру Деррелу, и это было так, будто Деррел ждал обращения как сигнала. Он шагнул вперед. И сказал тишайшим голосом. Гарсон еле расслышал.

— Профессор Гарсон, вы не будете возражать, если я поговорю с вами? — он двигался уверенно, а еще — рассеянно.

Гарсон удивился собственному колебанию. Около часа у него была цель: найти этого человека, а сейчас он понял, что с неохотой уступает превосходству чужака. Гарсона вдруг проняло, что даже согласиться на простую просьбу Деррела, значит поставить себя, каким-то образом неуловимо, под власть этого человека.

Их глаза встретились: его собственные, хмурые, с задумчивыми дерреловскими, сначала невыразительными, а потом улыбающимися. Улыбка коснулась лица Деррела и осветила его поразительным обаянием. Казалось, все его выражение лица меняется. Вкратце можно сказать, он напоминал огонь, горящий, не терпящий противоречий.

Гарсон испугался, услышав собственный ответ:

— Конечно. Что вы желаете?

Ответ был прохладным и полон чудовищного смысла:

— Вы получили предупреждение, но вам не надо больше искать его источник. Я — доктор Деррел из расы Визарда из Бора. Мой народ с огромными трудностями сражается ради спасения Вселенной, которой угрожает война с применением оружия, базирующегося на самом принципе времени и его энергии.

— Минуточку! — Голос Гарсона даже ему самому показался хриплым.— Вы пытаетесь рассказать мне, что ваш народ послал это сообщение?

— Я сам! — Лицо человека было почти серо-стального цвета.— И я пытаюсь объяснить вам, что ваше положение сейчас так опасно, что ваше собственное предложение увидеться с капитаном Люрradином стало необходимым и наилучшим планом.

Странно, но тут его мышление ускорилось, не то чтобы в откровении, но в мысленной картине, уничтожившей мирную безопасность этой комнаты и переносящей его в безжалостные тиски людей из какого-то другого, более беспощадного прошлого, чем его собственное, к щупальцам. Как тень, омрачающую все его эмоции, он осознал, что закон средних чисел не позволит ему снова встретиться со смертью лицом к лицу и ускользнуть от нее.

Медленно родилась другая мысль — откровение Деррела. Гарсон задумался об этом, на первый взгляд, наполовину загадоч-

ном, продолжавшем существовать в его разуме. Кое-как, не вполне адекватно и, конечно же, далеко от удовлетворительного объяснения всему происшедшему, он выразил свою мысль.

— Сообщение доставлено в черную щель деперсонализирующей машины Глориуса, пролетело сквозь расстояния, через сеть защиты Глориуса. От Деррела!

Гарсон нахмурился, его недовольство росло. Он смотрел на Деррела из-под приспущенных век и видел, что тот стоит в своеобразной, слегка неуклюжей позе, равнодушно глядя на него, как бы терпеливо ожидая предполагаемой реакции. Это было убедительно, но далеко не достаточно.

Гарсон сказал:

— Я вижу, мне надо быть откровенным или все пойдет наперекосяк. Я считаю так: я представляю себе картину существования ужасных сил. Я расценивал их как возможное воздействие из будущего этого будущего, но, каков бы ни был их источник, я уверен, что они сверхчеловеческие и сверхглорианские.

Он остановился, потому что длиннолицый человек улыбался с обаянием.

— А сейчас,— сказал Деррел с кривой улыбкой,— реальность не появится вопреки вашим ожиданиям. Перед вами стоит обычный человек, и ваши мечты о том, чтобы божественная власть вмешивалась в дела людей, стали желаемой галлюцинацией.

— А что на их месте? — холодно спросил Гарсон.

Деррел ответил спокойно.

— На их месте — человек, который не принял на себя командование космическим кораблем, а сейчас стоит на пороге жалкой смерти.

Гарсон раскрыл было рот для ответа, но, озадаченный, снова закрыл его. Не было ничего неясного, только явная откровенность. Но исповедь Деррела была далека от того, чтобы стать удовлетворительным объяснением.

Даррелл, голосом, насыщенным страстью, продолжал:

— Я не уверен, что это — большое упущение. Я был единственным человеком, управляющим иностранцами, не имеющими причин для борьбы — многие из них инвалиды,— а еще я добился частичного успеха, борясь против хорошо подготовленной команды совершенно механизированного космического крейсера, команды, поддерживаемой не менее чем четырьмя щупальцами всеведущего Наблюдателя.

Откровенность такого рассказа принесла яркую вспышку осознания того, чем в действительности должен был быть этот бой. Люди из плоти и крови, брошенные под энергетическое оружие,

сражающиеся с ним и получающие безнадежные раны, подавляющие бдительный и многочисленный экипаж вооруженного корабля и четыре щупальца, где бы они ни были. Щупальце — мощное уродливое слово с нечеловеческим смыслом. И все еще картина была неполной.

— Если вы собираетесь воспользоваться логикой,— наконец медленно сказал Гарсон,— вам придется примириться с моим клеймом еще на минуту. Почему вы подняли мятеж, находясь в столь невыгодном положении?

Глаза человека засверкали презрением. Когда он заговорил, его голос был плотным от страсти:

— Можете ли вы благоразумно принять реальность, которая такова: «наше положение безнадежно, потому что мы рискнули»? Мы рискнули, потому что... — он сделал паузу, как бы собираясь с духом, затем его слова полились снова,— потому что я из расы Визардов; и мы были хозяевами Земли в наше время, потому что мы были смелыми. Как если бы я был с Визардами, я выбрал трудный, опасный путь, и я говорю вам, что победа все еще не за пределами их возможностей.

Пламенеющий самым странным образом голос умер. Внимательное выражение исчезло из его глаз. Он наклонил голову, словно вслушиваясь в далекий звук. Гарсон стряхнул с себя очарованность и вернулся к размышлениям, накопившимся, пока говорил его собеседник. Он заметил:

— К сожалению, для всех этих эмоций я подготовлен уже тем, что я ученый, и меня никогда не учили принимать оправдания в качестве замены объяснениям.

Наступило молчание. Испуганным взглядом Гарсон следил, как высокая неуклюжая фигура быстро зашагала вдоль стены. Человек из Визардов остановился так же быстро, как и начал движение, и теперь его пальцы заработали с фантастической скоростью на участке стены. Когда Гарсон подошел, стена свободно скользнула в сторону, и Деррел пригнулся к полу. В пустоте обнажился космос, поблескивали провода и, казавшаяся серебряной, блестела и сверкала точка. Не колеблясь, Деррел схватил с виду раскаленный добела предмет и вздрогнул. Была слабая вспышка, а когда он отнял руку, сияние исчезло.

Деррел мрачно посмотрел на Гарсона.

— Эти провода — вообще не провода, а чистая энергетическая сеть, электронная форма, которая через период около часа может принять форму оружия, нигде не существовавшего ранее. Сама по себе форма неразрушима. Но к определенной стадии сформированная вещь может быть разрушена.

Гарсон инстинктивно подбодрил себя, когда Деррел посмотрел ему прямо в лицо. Деррел произнес:

— Вы видите, что без моей особой способности чувствовать энергетические образования здесь может произойти неожиданная трагедия.

— Без вас,— вставил Гарсон,— здесь не будет мятежа. Простите, но у меня появилась мысль, требующая объяснения.

Деррел посмотрел на него без враждебности. Наконец, он убедительно сказал:

— Я знаю ваши сомнения, но вы можете заметить, что я должен обойти и осмотреть всю нашу достаточно большую территорию на предмет проявления электронных форм. Вкратце, мы, Визарды,— раса из прошлого, которая развивала науку, давшую нам возможность перехватывать дороги ко времени, и которые проложили глорианцы, хотя мы еще не могли построить машину времени. По многим показателям мы превосходим как планетарианцев, так и глорианцев. Наши математики показали нам, что время и энергия не могут выдерживать напряжения за пределами определенной точки. Согласно этому, мы сделали и делаем все возможное для спасения Вселенной, первое и самое важное — необходимость найти базу, предпочтительно космический корабль.— Он спокойно закончил.— Что касается остального, в данное время вы должны доверять мне. Несмотря на ваши сомнения, вам нужно повидаться с капитаном. Мы должны завоевать этот корабль раньше, чем наш мятеж подавят. Я оставлю вас сейчас, чтобы вы могли обдумать все это.

Он повернулся и зашагал прочь, оставив за собой убежденность, в основном, недоверие, но (Гарсон неверно думал) не факты! Какая шаткая основа, из-за которой нужно рисковать своей единственной жизнью!

Гарсон обнаружил себя напряженно прислушивающимся к звукам, но ничего слышно не было, кроме беспорядочных слов других людей. Сам корабль, удивительный корабль, был тих. Казалось, он подвешен в дальнем углу Вселенной и, по крайней мере, покоится на одном месте. Гарсон мигал неустанно, но, в основном, был нетороплив, изолирован от механических предметов первой необходимости, не ведая ни сомнения, ни надежды, ни страха, ни отваги.

Сомнение! Мозг его стал темной непрозрачной массой, испещренной движущимися огнями мыслей, тяжелой от накапливающегося покрова подозрений, с определенным знанием в конечном счете только одного: с такой крупной ставкой он должен узнать побольше о так называемых Визардах из Бора. Было бы глупо

что-либо предпринимать против планетарианцев, надежды этой войны, основываясь на речистом голословном утверждении кого бы то ни было. Но что делать? Где выяснить?

Скоро пролетели минуты. Была черная невероятная космическая перспектива. Но ответов не было. Был отдых в кровати и разглядывание серого потолка, это было хуже. Состоялось открытие библиотеки в комнате, смежной с длинной спальней, и это пообещало так безмерно много, что за короткий час даже чувство необходимости что-то предпринять покинуло его.

Только постепенно Гарсон стал понимать, что книги были предусмотрительно подобранной коллекцией. В любое другое время каждое слово каждой страницы пленило бы его, но не сейчас. Некоторое время с доброй усмешкой он изучал том за томом для проверки своего открытия. Наконец, устав и расстроившись, он вернулся в свою кровать. Проснулся Мэрфи.

Его мысли заметались, потом он заколебался. Возможно, ему следовало осторожно приближаться к Деррелу. Наконец, он сказал:

— Я думаю, вы бывали в библиотеке.

Мэрфи покачал головой, взгляд его был немного насмешливым.

— Нет. Но на основе своего опыта я рискну угадать, что там элементарные научные книжки, книги о путешествиях на другие планеты, но нет исторических трудов и нигде нет ссылки, какой сейчас год. Они даже не позволяют нам, скептикам, знать это.

Гарсон почти грубо оборвал его.

— Эти планетарианцы не такие уж добрые ангелы, как я думал. Их принципиальное отличие, возможно в более ловком методе. Этот корабль организован для подавления нас, точно как Глориус использует деперсона...

Он остановился, испуганный неприятным направлением своих мыслей. В такой степени скоро он сам себя приведет в лагерь антипланетарианцев. Умышленно он сковал свои мысли. Его работа заключалась не в ненависти, а в осторожных расспросах о Дерреле.

Он открыл рот, но прежде чем смог что-либо сказать, заговорил Мэрфи:

— Планетарианцы в порядке. Ели бы мы не затеяли этот проклятый мятеж, мы бы прекрасно обошлись без долгого бегства, при условии, что мы бы не болтали и подчинились.

Гарсон оторвался от мыслей о Дерреле.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Мэрфи грустно засмеялся.

— Мы, скептики, в общем, знаем, где находимся. Подавляющее большинство новобранцев НЕ знают ничего, за исключением

того, что это — странное место. В силу психологических причин, им необходимо чувствовать, что они — в полностью рациональной среде. Их собственные суеверия подсказывают решения. Армия древних греков думает, что сражается на стороне Юпитера в битве богов. Религиозный народ из примерно четырехсот различных времен думает по своим собственным причинам, что все так, как и должно быть. Лердиты Моралисты из тринадцатого века верят, что это — война великой машины за контроль ее инакомыслящих частей. А нелорианские сектанты из 7643–7699... В чем дело?

Гарсон не мог этому воспротивиться. Потрясение было скорее физическим, чем духовным. Он никак не думал об этом, когда Деррел рассказывал о Визардах из Бора, но сейчас Гарсон был потрясен. Его нервы затрепетали от случайно ошеломляющих слов. Наконец, он сказал:

— Не возражай мне. Это те самые даты, что вы назвали. Я полагаю, это действительно глупо думать о времени как предмете прошлого и будущего. А ведь все они там, лежат, шестьсот миллиардов земель и вселенных, созидаемых каждую минуту.

Гарсон испустил глубокий вздох. Черт возьми, он застрял на месте на достаточно долгий срок. В любую минуту Деррел может вернуться. Гарсон сказал сдавленно:

— А что насчет Визардов из Бора? Я слышал, кто-то произнес эту фразу, и меня это заинтриговало.

— Интересная раса,— прокомментировал Мэрфи, и Гарсон вздохнул с облегчением. Парень ничего не заподозрил. Гарсон напряженно ждал, пока Мэрфи продолжит.— Визарды открыли некоторую связь между полом человека и его разумом, что дало им сверхинтеллект, включая ментальную телепатию. Они правили Землей в течение трехсот лет вплоть до установления века Бесконечного Мира. Политика власти и все такое, сила, великая механика, постройка первого космического корабля, который, согласно описанию, был лучше всего, что существовало до того. Большинство их секретов утеряно. А те, что остались, стали достоянием особой клики жрецов, чья конечная гибель — долгая история.

Он замолк, задумчиво нахмурясь, а Гарсон удивлялся, как он должен принять все это, и рассказ Деррела был доказан практически слово за словом. Голос Мэрфи оборвал его нерешительность:

— Это прекрасная история о том, как был изобретен космический корабль. В конце их борьбы за власть побежденный лидер, обезумевший от тревоги о своей прекрасной жене, которую

взял в качестве супруги завоеватель, исчез и вернулся с кораблем, получил свою жену и свою власть обратно; и династия Деррела после этого правила на протяжении сотни лет.

— Деррела! — воскликнул Гарсон,— династия Деррела!

Эхо потрясения ревело долго, фамильярно и вскоре умерло. Они разговаривали тихо и их спокойные баритоны образовывали экзотический хриплый фон для размеренного биения мыслей Гарсона.

Наконец, он отправился назад, когда Мэрфи пылко позвал остальных. С некоторой отрешенностью он слушал, как изменился голос Мэрфи, снова и снова повторяя тот же рассказ, хотя слова и даже тон варьировались каждый раз. Однако всегда реакция людей была одинаковой: радость! Радость от уверенности в победе! И какая разница, из какого века в прошлом они пришли?

Гарсон вдруг понял, что Мэрфи пристально смотрит на него. Мэрфи спросил:

— В чем дело?

Гарсон ощутил тяжесть чужих взглядов, когда ответил, пожав плечами:

— Все эти предложения — слабая надежда для меня. История пишет, что мы победили в битве за этот корабль. Но мне еще нужно противостоять капитану, а история молчит о том, выживу ли я. Честно, я полагаю, что сообщение, полученное мной в деперсонализирующей машине, важнее любого другого на этом корабле. Я повторяю, наша единственная уверенность — это то, что Деррел сбежал с космическим кораблем. Но кто еще выжил — мы не знаем. Деррел...

— Да! — раздался спокойный голос Деррела позади него.— Да, профессор Гарсон?

Гарсон медленно обернулся. У него не было четкого плана, было лишь смутное намерение подорвать положение Деррела, и это заставляло его подчеркнуть неуверенность в том, что кто-нибудь из людей спасется. Но это не было планом, так как существовал безальтернативный факт, что корабль вернулся назад. Деррел победил.

Не план. Единственными показателями в его ситуации были его собственные огромные потребности и враждебное окружение, в котором они существовали. Долгое время Гарсон глядел на долговязого Деррела, изучал неотчетливый триумф, светящийся на неестественно длинном и этим отличающемся от остальных лице Визарда. Гарсон сказал:

— Вы можете читать мысли. Так что нет необходимости рассказывать вам, что происходит. Каковы ваши намерения?

Деррел улыбнулся светящейся магнетической улыбкой, которую Гарсон уже видел. Его агатовые глаза засверкали, когда он вошел в круг людей. Потом он начал говорить сильным резонирующим голосом. В его голосе звучали командирские нотки, за ним чувствовалась богато одаренная, сильная личность. Это был голос человека, который победил.

— Мое первое намерение — рассказать каждому здесь, что мы находимся в веке, который является домом трофейных сокровищ для хамов. Женщины, дворцы, богатство, власть — для каждого, кто последует за мной на смерть. Вы знаете сами, в каком проклятом бедном мире мы сейчас находимся. Ни женщин, ничего и никогда для нас, кроме смотрящего в лицо смерти воюющего Глориуса, укрепившегося на Земле и на Венере. И проклятые кучки моралистов, сражающихся, чтобы война закончилась через дикую идею, должны или нет люди контролировать рождаемость. Вы со мной?

Возникла суета, звонкий призыв; и ответ не мог быть более удовлетворительным. Гул голосов, возгласы и, наконец:

— Чего мы ждем? Идемте!

Слабый триумф на лице Деррела стал сильнее, когда он повернулся к Гарсону и мягко сказал:

— Простите, я вам солгал, профессор, со мной никогда не случалось, чтобы Мэрфи или кто-нибудь еще на борту узнали мою историю. Я рассказал вам, что я сделал, потому что я прочел в ваших мыслях каковы ваши цели, движущие вашими действиями. Естественно, я применил первый закон убеждения и подхлестнул ваши надежды и желания.

Гарсон мрачно улыбнулся. Небольшая речь Деррела, только что произнесенная им, была высшим примером ободрения надежд и желаний, очевидно, оппортунистического, лицемерного и осуществимого, только если одни люди станут служить целям других.

Он обратил внимание, что Деррел смотрит на него, и сказал:

— Вы знаете, что у меня на уме. Вероятно, вы можете меня слегка подбодрить, как и остальных. Но помните, ваши слова должны быть основаны на логике. Вы должны убедить меня, что, если я иду к капитану, то в ваших личных интересах — высадить меня возле планетарианской крепости, и что далее...

Слова, весь воздух его легких со свистом вылетел из тела. Возникло отвратительное чувство давления. Его сбили с ног, и он непостижимым образом увидел, как две кровати проплывают под ним. Потом он упал.

Инстинктивно Гарсон взмахнул рукой и схватился отчаянным рывком за спинку третьей кровати. Он растянулся на ней, оглушенный, испуганный, но не пострадавший, в безопасности.

В безопасности от чего? Он схватился прямо и встал, качаясь, глядя, как другие поднимаются, осознавая первый раз стоны и крики боли. Комнату наполнил голос из невидимого источника:

— Говорит комната контроля! Деррел... произошла неприятная вещь. Минуту назад мы были в тридцати миллионах миль от Венеры. Сейчас планета прямо перед нами, меньше чем в двух миллионах миль. Она ясно видна. Что произошло?

Потом Гарсон увидел Деррела. Тот лежал на спине на полу, глаза открыты, выражение целеустремленности застыло на его лице. Визард помахал раскинутыми руками.

— Жди! — Деррел сказал резко.— Щупальце на борту этого корабля только что сообщило Наблюдателю на Венеру и принимает ответ — объяснение происшедшему. Я пытаюсь перехватить его.

Его голос изменился, стал монотонным:

— ... Манипуляции семнадцатым пространством времени... происходит где-то в будущем... в нескольких годах от нас. Ваш корабль либо случайно, либо преднамеренно захвачен вихревым потоком в результирующем временном шторме... Еще нет соображений об источнике мощных проявленных энергий. Это все... за исключением того, что военные корабли поднимаются с Венеры, чтобы помочь вам...

Деррел встал и спокойно сказал:

— О том, что вы говорили, Гарсон: не существует метода, которым я могу доказать, что сделаю для вас что-нибудь. История пишет, что я прожил долгую жизнь. Поэтому никакой эгоизм, никакая опасность для Вселенной не могут повлиять на мое существование в прошлом. Вам придется действовать с риском, и, если представится возможность, мы поможем вам позднее, а сейчас я не могу вам дать никаких гарантий.

По крайней мере, это было честно. Конечно, для оппортуниста существовала истина, но не как средство все закончить, средство, успокаивающее подозрения. Остался непонятный факт, что Гарсон должен рискнуть. Он сказал:

Дайте мне пять минут все обдумать. Вы, я вижу, верите, что я хочу идти.

Деррел кивнул.

— Ваш разум начинает принимать саму идею.

У Гарсона не было предчувствий, какая фантастическая вещь произойдет вскоре. Он думал буднично и холодно: «Итак, я иду! Через пять минут!»

Глава 12

Наконец, он стоял на стенной смотровой площадке, глядя на пылающую безбрежную Венеру. Планета, всегда огромная, зримо увеличивалась, как воздушный шар, который надувают. Только она не прекращала расти и, в отличие от чрезмерно раздутого шара, не лопалась.

Плотное молчание было разрушено самым высоким из трех красивых ганелианцев. Слова человека отозвались эхом, не в мыслях Гарсона, а в их мрачном настроении.

— Такое великолепие еще раз убеждает, что война — самое худшее — то, что где-то в будущем этого «будущего» есть люди, знающие, кто победит в этой войне, и они ничего не делают, черт бы их побрал!

Гарсон хотел сказать еще что-нибудь, добавить еще несколько собственных соображений к этому волнующему сообщению. Но вместо этого он удержал свои мысли на том, что он должен совершить через минуту.

Кроме того, Мэрфи описал, как эмоциональных слабаков, которые сосредоточились на красоте, и с которыми бесполезно обсуждать что-либо иное. Правда, несомненно, что сам он выдал довольно много эмоций.

Размышления окончились, когда Мэрфи нетерпеливо сказал:

— Мы обсудили уже все это и согласны, что или люди будущего не существуют вообще (значит, Вселенная взорвана энергетическим барьером Глориуса), они просто более старые версии миллионолетнего развития тел людей планетарианцев или Глориуса. Если они существуют, то Вселенная не разрушена, стало быть, зачем им вмешиваться в ход войны? В конце концов, мы согласились, что вполне возможно, эти люди будущего, в каком бы то ни было виде, ответственны за сообщение, пришедшее через профессора Гарсона. Если они могут передать сообщение, то почему выбрали Гарсона? Почему не осуществили контакт с планетарианцами напрямую? Или предупредили бы Глориус об опасности!

Гарсон сказал:

— Деррел, каков ваш план нападения?

Ответ был холоден.

— Я не собираюсь посвящать вас. Причина: поблизости щупальце, которое может прочитать неосторожные мысли. Я хочу, чтобы вы сосредоточились на мыслях, что ваша цель — честная, и даже не думали о нападении в связи с этим. Ждите... не отвечайте! Я собираюсь поговорить с капитаном Люррадином!

— Эх! — начал было Гарсон, но остановился.

Глаза Визарда были закрыты, тело его — негнущимся. Он сказал, обращаясь наполовину к Гарсону, наполовину к остальным:

— Многие здесь работают под мысленным контролем.— Голос его изменился.— Капитан Люррадин!

Было напряженное молчание, потом грубый голос ворвался в комнату:

— Да!

Деррел сказал:

— Нам нужно осуществить важную связь. Профессор Гарсон, один из людей, кто был без сознания, когда...

— Я знаю, кого вы имеете в виду,— оборвал этот грубый голос.— Продолжайте насчет вашей связи!

— Не позднее чем двадцать четвертый век,— прошептал Мэрфи Гарсону.— Если он даже замешан в этом мятеже, то это делается для его престижа!

Деррел опять заговорил:

— Профессор Гарсон только что пришел в сознание, и у него есть разгадка феномена, который перенес этот корабль через тридцать миллионов миль за тридцать секунд. Он чувствует, что должен немедленно повидаться с вами и передать свое сообщение планетарианцам.

Раздался взрыв холодного смеха.

— Какими мы были бы дураками, если бы позволили кому-то из вас пройти на пульт управления раньше, чем после посадки корабля! И вот мой ответ. Ему нужно будет подождать посадки корабля.

— Его сообщение,— сказал Деррел,— не может ждать. Он сейчас идет к вам, один.

— Он будет застрелен, когда появится в поле зрения.

— Я хорошо могу себе представить,— зло сказал Деррел,— что планетарианцы сделают с вами в таком случае. Это — ерунда, по сравнению с тем, что они сделают с нами. Он идет, так как он должен доставить сообщение. Это все.

Прежде чем Гарсон смог говорить, Мэрфи промолвил внятным голосом:

— Я против этого. Я допускаю, что принимал план раньше, но я не могу поддержать его при таких обстоятельствах.

Визард обернулся к нему. Его голос стал вибрирующей силой, когда он разозлился:

— Это удар в спину всем нам. Есть человек, пытающийся выполнить опасную миссию, а вы выступаете с пораженческими настроениями. Вы сказали, что прибыли из бурного времени,

следующего после тринадцати тысяч лет Бесконечного Мира. Это было после моего времени, и я ничего не знаю об этом веке, но, очевидно, что мягкость мирного периода тихо, как ржавчина, разъела ваш народ. Как инвалид, слабый, не собирающийся никоим образом воевать, вы любезно воздержитесь от дальнейших советов людям!

Это могло бы произвести разрушительное действие, но Мэрфи просто пожал плечами, мягко улыбнулся, Гарсону — искренне, и сказал:

— Я беру назад свои слова.

И закончил:

— Счастливо, друг!

Деррел, глядя непримиримо, ледяным голосом сказал Гарсону:

— Я хочу обратить внимание на одну вещь. История говорит, что мы захватили этот корабль. Единственный план, что мы составили, вращается вокруг вас. Вот почему вы пошли на встречу с капитаном.

К Гарсону, для которого логика стояла во главе дела, эта мысль уже приходила в голову. К тому же он мысленно собирался, в течение пяти минут.

Второй коридор также был пуст. Его напряженные нервы натянулись до точки разрыва. Гарсон остановился и вытер тонкую линию испарины над бровями. У него не было предчувствия невероятного близкого конца... для него. Не было ничего, только смертоносная реальность его проникновения в сердце корабля, казалось, бесконечной длины и становившегося все громаднее с каждым шагом Гарсона.

Дверь уступила его прикосновению. Гарсон всматривался в большую кладовую со сваленным в кучу грузом, тысячами тонн, молчаливыми и безжизненными, как коридор впереди. Он шел дальше, его разум очистился, надежно сдерживаемый далеко от мыслей о готовящемся нападении Деррела. Гарсон размышлял: «Если Норма смогла не выдать доктору Лелю, что отправила письмо ему, то и он мог не выдать свои мысли».

Он был так целеустремлен, что не увидел боковой коридор, пока из него не рванулись люди и не схватили его раньше, чем он успел подумать о сопротивлении. Нет, он намеревался сражаться.

— Ведите его сюда! — сказал грубый, знакомый голос, и, мгновение разглядывая тени в отходящем коридоре, он увидел стройного человека в форме, стоящего в стороне... от щупальца!

Эта толстая, похожая на трубу вещь не могла быть ничем иным. Оно потянулось вперед, словно повинуясь рулю, и его

фасеточные глаза уставились на Гарсона. Оно вдруг сказало четким бесчувственным голосом:

— Я не могу уловить необычных мыслей. Это предполагает обучение, подготовку для пресечения попыток чтения мыслей. Наблюдатель советует казнь.

Грубый голос молодого человека произнес:

— К черту Наблюдателя! Мы всегда можем казнить его. Ведите его сюда.

Открылась дверь и брызнул свет. Дверь за Гарсоном закрылась. Гарсон увидел комнату размером не больше передней к какой-то большой и темной комнате. Он едва заметил это и подумал со жгучим приступом ярости: «Логичный Наблюдатель советует казнить, даже не услышав. Почему? Это же неразумно! Черт бы побрал этого дурацкого Наблюдателя!»

Гнев Гарсона перерос в огромное удивление, когда он увидел капитана. Его первым впечатлением было, что тот был молодым человеком, но при ближайшем рассмотрении он увидел намного более взрослого и неизмеримо более зрелого человека. И каким-то образом, в его взвинченном состоянии, это открытие успокоило его. Удивление Гарсона рассеялось, когда его ум зарегистрировал заметный вопрос в глазах капитана Люррадина. Гарсон быстро пустился в свой рассказ.

Когда он закончил, командир повернулся лицом к щупальцу.

— Ну? — спросил он.

Мгновенно послышался холодный голос щупальца:

— Наблюдатель воскрешает в вашей памяти более ранний анализ ситуации в целом: разрушение Щупальцев 1601, 2 и 3, и нейтрализация электронных форм могли совершиться только при помощи читающего мысли. Соответственно, неизвестный для нас читающий мысли на борту. Четыре расы нашли секрет реальной подготовки к ментальной телепатии. Из них только Визард из Бора обладает превосходной способностью...

Сверхъестественность, фантастическая реальность того, что эта ВЕЩЬ говорит и рассуждает, как люди, не давала Гарсону покоя. Наблюдательная машина Глориуса, которую он видел, была просто большой машиной, слишком большой, чтобы воспринять ее, как какое-то гигантское целое, она была там и все. Но это длинное трубчатое чудовище с человеческим голосом было чуждым.

Сверхъестественное чувство закончилось тяжелым тревожным осознанием, что эта тварь, которая смогла проанализировать личность Деррела, могла бы действительно доказать, что смерть — собственный логический выбор Гарсона, а все остальное — иллюзия. Бесчувственный голос продолжал:

— Люди Визардов — наглые, хитрые, беспощадные, и они не предпринимают никаких действий в крайней необходимости, которая не относится к их главной цели. Поэтому появление этого человека — часть заговора. Уничтожьте его, выкиньте с корабля. Военные сделают все необходимое позже, без потерь.

Капитан Люррадин колебался, потом сказал невесело:

— Черт побери, я ненавижу поражения...

— Не будьте занудным! — сказало щупальце.— Ваши люди могут победить, а военные корабли — победят.

Решение пришло неожиданно.

— Очень хорошо,— отрывисто сказал капитан.— Виллант, деэнергизируйте этого заключенного и...

Гарсон спросил голосом, который он сам с трудом узнал, неестественно твердым голосом:

— А как быть с моим рассказом?

Наступило молчание.

— Ваш рассказ,— сказало наконец щупальце... и Гарсон мысленно пришел к осознанию, что отвечало щупальце, а не капитан,— ваш рассказ забракован Наблюдателем, как нелогичный. Невозможно повредить деперсонализирующую машину Глориуса. Факт, что вы реперсонализированы после обычной процедуры и достигли наших линий, очевиден по вашему состоянию, поскольку деперсонализирующая машина не сообщала ни о чем необычном в вашем случае. Далее даже если это и было правдой, сообщение, полученное вами — идиотское, так как нет известной силы или военного знания, способного принудить Дельпу к капитуляции хоть на минуту раньше. Невозможно нейтрализовать энерго-временной барьер более, чем в одной точке, в одно время без уничтожения нейтрализирующей машины. Следовательно, нападение может совершиться только в одной точке, военный маневр — использоваться в окончательном развитии оценок приемов ведения войны в данном месте космоса. И таким образом...

Смысл слов едва доходил до Гарсона, хотя все чувства были обострены. Его мозг словно налился огромным весом, с усилием тащил одну мысль, одну надежду. Гарсон сказал, пытаясь оставаться спокойным:

— Командир, по вашему общению с щупальцем и его хозяином, я вижу, что вы очень давно перестали следовать его выводам буквально. Почему? Потому что оно — не человек. Наблюдатель — это большой резервуар фактов, которые могут быть отобраны по любому принципу, но он ограничен фактами, которые знает. Это — машина, и в то же время она может быть логична и уничтожить меня прежде, чем вы покинете корабль; вы знаете и я знаю, что

это ни необходимо, ни справедливо, и, что более важно, содержание меня в заключении и исследование планетарианцами источника сообщения, пришедшего ко мне, не принесет вреда.

Он закончил спокойным, доверительным тоном:

— Капитан, почему один из людей сказал мне, что вы из двухтысячных годов новой эры. Я держу пари, что в ваши дни еще были лошадиные бега. Я держу пари, более того, что ни одна машина никогда не могла понять человека, имеющего предчувствие и ставящего свой последний доллар на темную лошадку. Вы уже были не логичны, не стреляя в меня, когда я появился в поле зрения, как вы угрожали по коммуникатору, не покидая корабль, как советовал Наблюдатель, позволяя мне говорить здесь, даже если начинается нападение на ваших врагов (так как происходит нападение определенного рода и в нем задействован лучший мозг на корабле). Но это — неважно, потому что вы собираетесь оставить корабль. Вот что важно: вы должны прийти к логическому выводу. Верните свой престиж, все зависит от одного в этой бессознательной жизни здесь — от удачи и только от удачи.

Суровые глаза не стали мягче, но суровый голос произнес слова, прозвучавшие чистейшей музыкой:

— Виллант, поместите этого заключенного в спасательную шлюпку.

Все так и случилось. С победой в его руках, знание, что более двух лет осталось, пока энерго-временной барьер будет угрожать Вселенной, полная, богатая, огромная радость, что он всех победил — всех, и неописуемое облегчение, и еще, в голове Гарсона была мысль о...

Голос пришел в его сознание, сильный и ясный, и неотразимый, как живой огонь, женский голос. Норма!

— Джек! Джек! Помоги! Ты мне нужен! О Джек, приди...

Вселенная завертелась. Не было корабля, а он падал в пропасть черноты. Непостижимое расстояние обрушилось на него.

Не было ни корабля, ни земли, ни света.

Должно быть прошло много времени, так как у него медленно появились мысли, а ночь не кончалась. Нет, не ночь. Гарсон мог понять, что сейчас не ночь, так как было время осознать. Это не была ночь. Была пустота. Ничего не было!

Быстро ученая часть его мозга уловила идею, возможность освоения, исследования этого непространства. Но нечего было исследовать, ни в нем самом, ни чувств, которые можно записать или понять, ничего! Потом Гарсон почувствовал тревогу — ее чер-

ную волну. Мозг его сморщился от ужасного напряжения. Но время шло. Поток отчаяния омывал его. Оставалось НИЧЕГО!

Вдруг ситуация изменилась. В первый миг была полная изоляция, в следующий — человеческий голос прозаично сказал:

— Это — проблема. Как, черт побери, он получил в конфигурацию верхнюю дугу? Вы думаете, он провалился в других измерениях?

— Нет сообщений о проходящих Дельпу,— сказал второй голос. Лучше спроси Наблюдателя, есть ли какой-нибудь способ вытащить его.

Фигурально, в замешательстве, Гарсон мысленно кивнул, соглашаясь. Конечно, ему нужно было выбраться.

Его разум замер. Откуда идут голоса? Из пустоты?

В течение долгого напряженного момента мысль его балансировала над этим ужасным вопросом, стараясь проникнуть в его необъятную глубину и, казалось, колебалась за пределами его понимания. Были произнесены знакомые слова.

Дельпа! Безобразная дрожь прошла через его разум. Он не был в Дельпе или (он вдруг почувствовал ужасную боль) был?

Боль перешла в безнадежную усталость, почти хаотическое таяние. Что это значило? Где он был? Еще раз он был полностью заключенным в сильном доминирующем оружии, жертвой сил, неспособный помочь Норме, неспособный помочь себе самому. Норма! Он мысленно нахмурился, без каких-либо эмоций, не отвечая даже мыслям, что заключали в себе огромную и смертельную опасность для Нормы. Был только случайный, почти невероятный способ, которым она позвала его, и теперь Гарсон несся к Дельпе! Падал в этот безумный город, именуемый конфигурацией верхней дуги. Тут он осознал, что голос Наблюдателя говорит уже несколько секунд:

— ... в конце концов, это можно утверждать, что ни самолет, ни машина любого вида не пролетела над Дельпой с тех пор, как четыре недели назад произошла семнадцатая манипуляция времени и пространства. Поэтому человек, открывший верхнюю дугу — загадка. И его личность должна быть идентифицирована незамедлительно. Вызывай командира.

Гарсон подождал, так как не о чем было думать, по крайней мере поначалу. Он вспомнил, наконец, что космический корабль был переброшен за миллион миль за секунду таинственной семнадцатой манипуляцией времени и пространства; Деррел отлично описал ее как влияние из будущего, отстающего на несколько лет. Сейчас Наблюдатель говорил, словно это случилось четыре недели тому назад. Забавно!

— Ничего забавного в этом! — сказал четвертый голос, голос, так прекрасно поставленный и присоединившийся к потоку его мыслей, что Гарсон удивился: думал ли он этими словами, или, может, сам их произнес,— Профессор Гарсон, вас идентифицировали. Голос, который вы слышите — голос планетарианца, который может читать ваши мысли.

Планетарианец! Эта перемена вызвала хаос в его голове. С усилием Гарсон попытался заговорить, но, казалось, у него нет ни языка, ни губ, ни тела. У него не было ничего, только ум — там, в пустоте, рассудок плавно беспрестанно вращался вокруг сонма вещей, которые он просто должен был знать. Это был голос, спокойный, нормальный голос, и очень важные вещи, что он сообщал, постепенно успокаивали смятение, охватившее Гарсона.

— Манипуляция состояла из извлечения одной единицы Солнечной системы из главного потока без воздействия на целостность главной системы; одна из десяти миллиардов секунд совсем убрали таким образом, что энергия времени с ее бесчувственной, беспредельной силой начала вновь создавать ее, управляя двумя единицами с той же превосходной легкостью, как прежде только одной. Сейчас есть восемнадцать Солнечных систем, существующих строго параллельно друг другу — семнадцать созданных творений и оригинал. Мое тело, однако, существует только в двух из них, так как ни одна из предыдущих шестнадцати манипуляций не происходила в течение моей жизни. Естественно, эти два моих тела существуют в отдельных мирах и никогда не будут контактировать между собой. Поскольку она была центром активности, Норма Матхесон имеет бытие только в главной Солнечной системе. Причина того, что ваши физические элементы отреагировали на ее вызов — в том, что сейчас она обладает энергией разума Инсела. Ее зов просто потянул вас к ней и не к ней, потому что ей недостает как интеллекта, так и знаний, необходимых для компетентного использования ее энергии. Так как она не защитила вас от промежуточной опасности, вы падали прямо на локальный энерго-временной барьер, окружающий город Дельпу, который сразу бросил вас в пустоту времени, где вы сейчас существуете. Вследствие угла вашего падения, потребуется неопределенное время для машин, чтобы решить уравнение, которое освободит вас. До тех пор — потерпите.

«Ждать!» — подумал Гарсон упорно.— «Большой энерго-временной барьер! Он скоро будет завершен!»

— В две недели, самое большее,— пришел спокойный ответ.— Мы услышали ваш рассказ, все в порядке, и передали об опасности глорианцам. В своей гордости и ужасной решительности они

расценили его просто как угрозу, заставляющую нас капитулировать... или что-то в таком духе. Для нас, однако, строго контролируемый мир, который они себе представляют, означает иной вид смерти — худший. Никакой шантаж не заставит нас уступить и мы знаем, что люди будущего послали предупреждение. Поэтому мы победили!

Не было времени хорошенько это обдумать. Гарсон спешно задал следующий вопрос:

— Предположим, они не из будущего, не из этой семнадцатой (или она восемнадцатая?) Солнечной системы? Что со мной будет, если эта Солнечная система окажется уничтоженной?

Ответ был еще спокойнее:

— Ваше положение уникально, как и у мисс Матхесон. Вы выпали из прошлого в будущее, вы пропустили манипуляцию. Поэтому вы существуете не в двух Солнечных системах, а только там, где вы есть, присоединившись, главным образом, к нам. Мисс Матхесон существует только в главной системе. Я лично не вижу способа, которым вы двое могли бы когда-нибудь снова встретиться. Привыкните к этой мысли.

Вот и все. Следующая мысль Гарсона осталась без ответа. Прошло время и его беспокойный дух упал. Жизнь обошлась с ним мрачно. Он лежал, ни о чем не думая, в большой черной бездне. Необъятное, неизмеримое время прошло, и он ждал, но никакие голоса не пришли побеспокоить его космическую могилу. Дважды какие-то силы потащили было его. В первый раз он подумал болезненно: «Энерго-временной барьер Глориуса завершен, и давление, толчок — это все, что чувствуется как их гибель».

Если это произошло, ничто и никто не придет спасти его!

Этот первый толчок и сопровождавшая его мысль, растаяв вдали, уступила весу столетий, потерялись в бесследной пустыне вечности, скользившей мимо. И, наконец, когда они совсем забылись, когда каждая мысль повторилась бессчетное число раз, когда каждый план действия, каждая теория, каждая надежда и разочарование были исследованы в энной степени... пришел второй толчок давления.

Возникло ощущение, словно его исследуют, испытывают, и, наконец, пылающая разорительно энергичная мысль пришла к нему извне!

— Я считаю, этот изгнанник из предыдущей Вселенной, очень низкая форма жизни, интеллект — 007, не стоит нашего внимания. Он должен быть зарегистрирован, вследствие его бесконечно малого воздействия и вмешательства в энергетический поток... и выброшен на произвол судьбы.

Глава 13

Возвращающееся сознание шевельнулось в теле Нормы. Она почувствовала, как вздох сорвался с ее губ. Смутно она осознала, что должна покинуть это место. Но еще не было достаточно жизненной силы в ее нервах, не установилась координация, концентрация, так необходимые для странной мазохистской власти, данной ей.

Норма тоскливо подумала: «Если бы только я пошла к окну вместо того, чтобы броситься против непробиваемой стены». Она должна добраться до окна, выходящего на крышу.

Мгновение она стояла у окна, уставшая от боли, удивленная быстротой реакции на свою мысль. Пришла ярость надежды. Норма подумала: «Боль... никакая боль не может коснуться меня...»

Позади нее раздались шаги и другие... чужие... звуки загрохотали на лестнице; позади нее внешняя дверь замерцала в жадном пламени. Впереди была темная, одинокая ночь. Она вскарабкалась на подоконник. В ушах стояли звуки, издаваемые тем, что наполнило ее квартиру. Потом Норма была уже на краю крыши и смогла увидеть толпящихся зверо-людей на тротуаре внизу и угол в сотне ярдов в стороне.

В мгновение она была на углу, легко и безболезненно очутившись на тротуаре. Но тут оказалось слишком много машин для дальнейшего «энергетического» движения; машин, которые создавали огромные тяжелые стены.

Когда Норма остановилась в отчаянной неопределенности, одна из машин снизила скорость и остановилась; Норме показалось простейшим выходом побежать вперед, открыть дверцу и заскочить внутрь, как только машина начнет снова двигаться. В салоне сидел маленький человек, тупо вцепившийся в руль. Ему Норма сказала, почти прозаично:

— Эти люди! Они преследуют меня!

Толпа зверо-людей неуклюже надвигалась в открывающемся зареве углового фонаря, приземистые, обезьяноподобные, пугающие создания. Водитель пронзительно тявкнул:

— Великий Боже!

Машина рванула с места. Человек начал бормотать:

— Убирайтесь! Убирайтесь! Я не могу позволить себе быть замешанным в дела такого рода! У меня семья... жена... дети... ждут меня сейчас дома. Убирайтесь!

Он толкал ее одной рукой, как если бы мог вытолкнуть ее через закрытую дверцу. И поскольку мозг Нормы был абсолютно

податлив и настроен на полет, она не сопротивлялась по-настоящему. Неоновый свет в квартале отсюда привлек ее взгляд и подстроил ее автоматически под желание этого человека. Она сказала:

— Смотрите, вон стоит такси. Высадите меня там.

К тому времени, как она выскочила, щупальца блестящими формами материализовались в воздухе над тусклой улицей у нее за спиной. Она мысленно ударила их, но они только отлетели назад, будто отпрянувшие змеи, еще под контролем, очевидно, приготовившись сейчас для ее власти энергии.

В такси Норма ненадолго вернулась к изумительной мысли: словно мышь! Позволила ли она в действительности ему контролировать себя вместо того, чтобы подчинить это мелкое ничтожество своей могучей воле...

Воля! Она должна пользоваться своей волей. Никакое щупальце не может прийти в... в... Ей следует быть практичной. Как далеко они ушли из-под ее власти? На полмили? Никакое щупальце не может достать через полмили эту машину. Нетерпеливо она бросила взгляд через заднее стекло и ее глаза широко раскрылись, когда она увидела щупальца в сотне ярдов и все приближающихся. Что было не так? С уходящей надеждой Норма ждала уничтожающего огня энергий третьего порядка, а когда ничего не произошло, она подумала:

— Эта машина, должно быть, едет быстрее!

Впереди были другие машины, а некоторые проезжали мимо, но их было немного. Было достаточно места для ужасных скоростей, если бы она имела мужество, не потеряла контроля, и если бы энергия работала. «Вперед,— приказала она,— вперед и за угол...»

Она услышала резкий крик водителя, но в то же время его неимоверный страх принес ободрение, которое растаяло в унынии, когда щупальца продолжили свой мерцающий путь за ней, иногда приближаясь, иногда удаляясь, но всегда неумолимо у нее «на хвосте», непоколебимо хитрые, они предугадывали каждый поворот ее мысли, каждый поворот машины, каждую надежду.

Но почему они не нападали? На это не было ответа. Безуспешно и медленно тянулась долгая ночь полета, минута за минутой. Наконец, жалость овладела ею, поскольку почти обезумевший водитель, который полусидел, полулежал в обмороке за рулем, оставался в сознании и здравом уме (она могла читать его мысли) только путем отчаянного осознания, что эта машина — его единственное средство существования, и ничто другое не имеет значения, даже смерть.

«Пусть идет», думала Норма. Было бы слишком жестоко обречь его на гибель, что гналась за ней в ночи. Пусть он едет, еще не пришло время. Во-первых, она не могла рассказать, какова была цель, что трепетала в ее разуме. Но цель была, глубокая и холодная, как сама смерть; и Норма удерживала направление машины, не зная наверняка, куда та движется.

Наконец, пришло осознанное понимание ее бессознательного стремления к смерти, когда машина выехала в парк и Норма увидела блеск реки сквозь деревья. Она узнала свою судьбу. Здесь, в этом парке, у этой реки, куда около четырех лет назад она пришла голодающая и без надежд, чтобы покончить с собой... здесь она сделает свою последнюю остановку!

Норма смотрела, как щупальца плыли к ней, поблескивая сквозь листву, когда тусклый электрический свет фонарей парка замерцал на их металлических телах; и Норма почувствовала огромное удивление, неиспорченное страхом. Было ли это реальностью? Было ли возможным, что никто, ни оружие, ни сочетание воздушных, земных и морских сил, ничто не могло защитить ее?

С неожиданным озлоблением она вонзила свою энергию в ближайшее щупальце и засмеялась грубым бессмысленным смехом, когда тварь даже не дрогнула. Для щупалец ее энергия была сведена к нулю. Смысл был ясен. Когда прибудет доктор Лель, он принесет ей быструю смерть.

Норма спустилась вниз по крутому берегу к темному краю зловещей реки; и расположение духа, что привело ее сюда, в этот парк, где однажды она уже желала смерти, заполнило ее существо. Она стояла напряженно, стараясь вернуть эмоции, так как одной мысли о смерти было недостаточно. Если бы только она могла восстановить черный эмоциональный настрой той другой темной ночи!

Прохладный влажный ветерок овевал ее щеки, но Норма не могла сконцентрировать желание нырнуть в опасные воды. Она не хотела ни смерти, ни власти, ни опустошение энергий третьего порядка, а только брака, дом с зеленым газоном и цветущим садом. Она хотела жизни, удовлетворенности, Гарсона!

Гарсон!

Скорее молитва, чем приказ, сорвалась с ее губ в этом втором зове о помощи, чувство из глубин ее сердца к единственному человеку, который во все эти долгие мертвые годы был в ее мыслях: «Джек, где бы ты ни был, приди ко мне сюда, на Землю, приди сквозь пустоту времени, приди благополучно, без боли, без телесных повреждений и с ясным разумом. Приди сейчас!»

Ужасно вздрогнув, она дернулась, она дернулась назад. Потому что кто-то стоял рядом с ней там, около темных вод!

Ветер усилился. Он принес более сильный, более резкий запах реки, обжигая ноздри Нормы. Но это не было физическое воскрешение, в котором она нуждалась. Это опять были ее медленно движущиеся мысли, ее разум, который никогда еще не реагировал так благоприятно на власть, ее разум, лежащий сейчас в ней холодным грузом. Человек у воды стоял с каменной твердостью, как глыба тьмы — грубо обрисованное тело, живущее отвратительной полужизнью. Норма подумала со страшным испугом: не призвала ли она из смерти к ужасному существованию тело, возможно, пролежавшее в могиле целое поколение?

Существо шевельнулось и стало человечным. Гарсон сказал голосом, прозвучавшим неуверенно и неестественно хрипло для его собственных ушей.

— Я пришел... но моя голова сейчас прояснится. Тяжело говорить после квадрильона лет молчания.— Он содрогнулся при мысли о бессчетных веках, которые он провел в вечности, а затем: — Я не знаю, что случилось, я не знаю, какая опасность заставила тебя позвать меня во второй раз или возродить меня, но, какова бы ни была ситуация, я обдумал все до конца. Тебя и меня используют в загадочных манипуляциях Вселенной, так как, согласно их истории, нас использовали. Они бы не позволили нам попасть в такое безнадежное положение, если бы могли прийти к нам физически, и еще: очевидно, что все рухнет для них, для нас, пока они не смогут осуществить какой-то прямой физический контакт и показать нам, как использовать безбрежную энергию, которой ты наделена. Они должно быть способны прийти только в виде каких-то потусторонних сил. Поэтому вызови их, вызови их любыми словами, так как они должны нуждаться в помощи; вызови их, и после этого мы сможем говорить свободно, планировать и надеяться.

Тогда Норма начала думать, и вопросы... все вопросы, что когда-либо ставили ее в тупик. Почему доктор Лель повторял, что она не причинила никаких хлопот, согласно историческим записям Глориуса о ней, когда неприятности — все, что она приносила? Почему она смогла поразить первое щупальце... а ее власть, вызвавшая человека из какого-то далекого времени, была бессильна против щупальцев? И где доктор Лель? С усилием она, наконец, встряхнулась и, отогнала размышления о парадоксах. Какими словами она тогда пользовалась, она не смогла повторить, потому что не помнила ничего из них, после того, как они были произнесены. В ее голове остался только обвораживающий ужас ожидания, который рос и рос, когда пришел звук из воды возле ее ног.

Вода заколыхалась. Она выглядела будто собиралась в какое-то тело, что сжимало ее темные части... Вода журчала так, что заставила Норму почувствовать странный неприличный ужас, а тело, чернее, чем сама река, и массивнее, чем любой человек, материализовалось на блестящей безобразной пенистой поверхности.

Пальцы Джека Гарсона, сильные и крепкие, схватили Норму, а его резкий, четкий голос помешал ей произнести панические слова заклинания демонов, дрожавшие на кончике ее языка.

— Подожди! — сказал он.— Это победа, а не поражение. Подожди!

— Спасибо, профессор Гарсон! — Голос, что раздался из тьмы, имел чужое, нечеловеческое звучание, державшее Норму в напряжении.

Голос продолжал:

— Ради вас я смог приблизиться иным путем. Мы из 419 столетия нашей эры считаемся людьми только номинально. Ужасная ирония заключена в идее, что война — истребитель людей, в конце концов, превратила человека в звероподобное создание. Остается одно утешение: мы спасли наши умы ценой наших тел. Ваш анализ был верным, профессор Гарсон. Причина, по которой мы не можем пользоваться машиной времени из нашего века, в том, что тогда весь период будет в состоянии аномальной неустойчивости в течение сотен и тысяч лет; даже минимальная ошибка в использовании энергии приведет к непредсказуемым изменениям в ткани временной энергии, которая настолько крайне безразлична к судьбам людей. Наш способ мог быть только в косвенном воздействии и частично удачным методом изолирования взрыва одной из 18-ти Солнечных систем и оттягивание всех остальных вместе для противостояния сотрясению. Это было не так трудно, как звучит, так как время легко поддается простому воздействию. Мисс Матхесон, причина, по которой щупальца могли вас преследовать в том, что вы были подвержены психологическому ужасу. Щупальца, что следовали за вами сквозь ночь, не были настоящими, а были их световыми проекциями третьего порядка, созданными, чтобы держать вас занятой, пока доктор Лель не смог подготовить свои машины-разрушители. Действительно, вы избежали всех его ловушек. Как? Я сказал, время легко поддается соответствующим давлениям. Такое давление существовало, когда вы стояли у края реки, пытаясь вновь вызвать настрой на самоубийство. Так было бы легче для вас — той, кто имеет власть проскользнуть сквозь время в тот период, около четырех лет назад, чем взять обратно нежеланную страсть к смерти от собственных рук.

— Святой Боже! — выдохнул Гарсон.— Вы пытаетесь рассказать нам, что это — та ночь, и что через эти несколько минут доктор Лель пройдет и наймет отчаявшуюся девушку, сидящую на парковой скамейке, для фиктивной Калонианской вербовочной станции?

— И в это время,— сказал нечеловеческий голос,— история Глориуса завершит свой цикл. Мисс Матхесон не доставит никаких хлопот.

У Гарсона возникло неожиданное безнадежное чувство.

— А что... Как насчет наших тел, которые существовали потом? Я думал, что два тела одной и той же личности не могут существовать в одном и том же времени и пространстве.

— Не могут.

— Но...

Решительный чужой голос оборвал его, оборвал также неожиданное робкое намерение Нормы говорить.

— Нет парадоксов во времени. Я сказал, что для того, чтобы оказать сопротивление разрушению изолированной восемнадцатой Солнечной системы, остальные семнадцать были сведены вместе в одну — эту! Единственную, что сейчас существует! НО остальные существовали, и в некотором роде вы были в них. А сейчас вы здесь, и это — настоящий и единственный мир. Я оставляю вас обдумать это, так как сейчас вы должны действовать. История говорит, что вы двое возьмете брачное свидетельство завтра. История говорит, Норме Гарсон не без труда удавалось вести двойную жизнь жены профессора Гарсона и рабыни доктора Леля; и что под моим руководством она научилась пользоваться своей энергией, пока не пришел день, который разрушил великий энергетический барьер Дельпы и помог планетарианцам добиться их законной победы.

Гарсон опять стал самим собой.

— Законной? — сказал он.— Я не убежден в этом. Они были теми, кто торопил войну, разорвав соглашение по сокращению населения.

— Законной,— твердо сказал голос,— потому что они первые расторгли соглашение на основе того, что оно истощит человеческий дух и ум. Они вели войну благородным образом и предлагали компромисс до последнего момента. На их стороне нет никаких механизмов, а всем людям, которых они вербовали прямо из прошлого, было сказано, что их нанимают на опасную работу. Большинство из них — безработные ветераны прошлых войн.

Норма обрела голос:

— Эту вторую вербовочную станцию я видела. Там греки и римляне...

— Точно. А сейчас вы должны осознать ваш первый урок по сложному процессу мышления и мысленного контроля, достаточный, чтобы оставить в дураках доктора Леля.

Оставшаяся часть речи пришельца из будущего, несмотря на все произнесенные слова, породила сильный жар истинной веры в то... что все это... не пришло к ней до тех пор, пока она уселась в тусклом свете на скамейке и не увидела, как сухопарая фигура доктора Леля скользнула с затененной тропинки. Бедный, ничего не подозревающий сверхчеловек!

З А Щ И Т А

В недрах мертвой планеты ожили старые изношенные механизмы. Тускло сиявшие радиолампы неровно замерцали, пробуждаясь к активности, и медленно, неохотно центральный переключатель переместился из отрицательного положения в положительное.

Зашипели, начали плавиться утомленные медные сплавы, поддаваясь напору могучей силы. Металл сокращался, словно человеческие мышцы, подвергнутые нестерпимому удару электрического тока, переключатель поддался и, окутавшись вспышкой пламени, с глухим звуком опал в пыль, на грязный пол.

Но перед своей смертью он успел заставить колеса машины крутиться.

Гармония древнего молчания в подземельях была теперь нарушена. Колесо лениво провернулось на шершавой подушке смазки, которая, будучи некогда нанесенной, миллион лет ожидала этого момента. Колесо совершило три оборота, после чего его крепления раскрошились и осыпались на пол. Бесформенная масса, которая некогда была колесом, отлетела к стене, наполовину обратившись в пыль, наполовину — в бесполезные обломки.

Но до своей гибели провернувшееся колесо успело сдвинуть вал, который открыл крохотное отверстие в днище ядерного реактора. В выемке под отверстием тусклым серебром поблескивал еще один урановый стержень.

С космической неподвижностью два слитка металла глянули друг на друга. Они возбудились. Жизнь, вспыхнувшая между ними, не требовала времени на развитие. Единственный взгляд — и она обратилась к пламенной активности. Бывший до этого твердым металл перешел в жидкое состояние. Он потек вниз.

Раскаленная масса устремилась по туннелю и попала в специальную емкость. Там, растекшись, она кипела, бурлила и ждала. Она согревала холодные изолирующие стенки, и это возбуждало в них электрические токи. Зловещие течения безмолвно пульсировали в пещерах вымершего мира.

Во всех помещениях объединенной системы подземных фортов зазвучали голоса. Радиоприемники хрипло нашептывали сообщения, но их язык был позабыт так давно, что даже эхо смеялось над содержащимся в них смыслом. В тысячах залов голоса из невероятно отдаленного прошлого молча переговаривались, надеясь на защиту, и, не получив ее, восприняли лишенную мысли тишину за согласие.

Тотчас же в тысячах помещений переключатели поменяли свое привычное положение, завращались колеса, хлынул уран в специально оборудованные контейнеры. Голоса стихали, пока процесс шел к завершению. Электронные машины обменивались друг с другом беззвучными вопросами.

Распорядительный механизм слал распоряжения.

— Сюда? — настойчиво спрашивала электроника.— Оттуда?

Распорядитель сохранял невозмутимость. Электронные лампы выдерживали свой режим, готовые к передаче.

— Сюда,— прозвучал положительный ответ для тысяч поджидающих своей очереди электронных устройств.— Обнаруженный объект вне сомнения направляется сюда и оттуда. Тысячи рецепторов были спокойны.

— Готовность? — спросили они. В помещениях, расположенных позади бурлящих урановых камер, механизмы дали лаконичный ответ, замерцав красными лампочками.

Тотчас же последовала краткая, элементарная команда:

— Огонь!

Когда они были в пяти сотнях миль над поверхностью, Петерс, бледный и напряженный, повернулся к Грейсону.

— Что за черт? — яростно спросил он.— Что это было?

— А что? Я ничего не видел.

— Могу поклясться, что видел вспышки огня, взлетающие прямо под нами. Такие частые, что я успел их сосчитать. А потом мне показалось, что мимо нас во тьме что-то пролетело.

Грейсон с сожалением покачал головой: — Наконец-то и тебя пробрало, парень. Не стоит так напрягаться из-за первой попытки высадиться на Луну. Расслабься, дружок, расслабься. Мы уже почти на месте.

— Но я поклясться готов...
— Чепуха!

* * *

Более чем в 238 000 миль от них Земля вздрогнула и зашаталась, когда тысяча ядерных супербомб взорвалась над ней единым огненным валом грохочущих, вздымающихся грибов.

Тотчас же пыль, взметнувшаяся до стратосферы, скрыла все подробности катастрофы от наблюдающих за ней звезд.

ПЕРВЫЙ МАРСИАНИН

Я был одет в легкий скафандр и шел через круглое здание Восточного вокзала — центра железнодорожного сообщения на Марсе, когда увидел коренастого, сосредоточенного человека с лицом цвета красного дерева, который шел прямо ко мне. С первого взгляда я определил, что он индеец или что-то в этом роде.

— Сеньор,— обратился он ко мне.

Я остановился, приветливо глядя на негоы.

— Сеньор, я ваш новый сменный машинист.

Я был поражен. На Марсе рано или поздно мне приходилось сталкиваться с представителями всех рас и вероисповеданий. Однако паровые и атомные двигатели на крупных магистралях обслуживали только белые. Так было и на железных дорогах, пронизывающих бесконечные пески и проложенных через горы, а также вдоль длинных, замерзших каналов. Причина была очень простой — власть белых считалась сама собой разумеющейся.

Я постарался скрыть удивление.

— Рад иметь с вами дело. Будет лучше, если вы оденете скафандр. Мы отправляемся через тридцать минут. Как ваше имя? Меня зовут Хектон. Билл Хектон.

— Джой Ингухана. Я не ношу скафандр.

— Произношение, как у южноамериканца,— начал я и запнулся.

— Послушай, Джой, будь хорошим парнем, забеги на склад снаряжения и попроси ХА-2. Сделай это побыстрее, приятель. Тебе понадобится какое-то время, чтобы все провернуть. Увидимся минут через двадцать.

Я неловко повернулся в своем объемистом ХА-2. Никогда раньше я не придавал большого значения скафандрам, но на Марсе с

его тонкой, разряженной атмосферой, они просто необходимы для людей, покидающих на время обычное укрытие.

Я сделал не более пяти шагов, когда снова услышал рядом голос Джоя:

— Я останусь с вами, мне не нужен скафандр, сеньор Хектон,— произнес он смущенно.

Я повернулся и посмотрел на него, стараясь сдерживать раздражение.

— Джой, вы давно на Марсе?

Он спокойно смотрел на меня светло-карими глазами.

— Два дня, сеньор.

Он выбросил вперед два пальца.

— Вы уже побывали там?

Я указал на безлюдный пейзаж за плотными стеклами окна.

— Вчера,— кивнул он.

Его взгляд был живым и смышленым. Джой смотрел на меня так, словно ожидал услышать что-то важное. Сбитый с толку, я огляделся по сторонам и заметил Манэ — управляющего вокзалом.

— Эй, Чарльз,— окликнул я его.

Манэ — высокий француз с блестящими черными глазами — направился к нам.

— Рад видеть вас обоих. Хорошо, что вы познакомились.

— Чарльз, расскажи Джою о Марсе,— попросил я.— Содержание кислорода в воздухе здесь примерно такое, как на высоте более пяти миль у нас дома. Скажи ему о большом значении высотного костюма.

Манэ тряхнул головой.

— Билл, сеньор Ингухана жил в Андах. Он родился в городе, который расположен на высоте восемнадцати тысяч футов над уровнем моря. Марс для него все равно, что еще одна горная вершина.

Он на минуту умолк.

— О! А вот и Фрэнк! Фрэнк, составь нам компанию.

Фрэнк Грэй был очень высокого роста. Он работал оператором на атомной тепловой установке. Худой, подтянутый, он выглядел просто огромным в своем скафандре, направляясь к нам широкими шагами. Его представили сеньору Ингухане, и, уже собравшийся подать руку для приветствия, Фрэнк вдруг убрал ее, нахмурившись.

— Что тут происходит? Я почти в самом начале списка на присвоение звания инженера. Кому вздумалось вводить посторонних? — Он не дожидался ответа, а сердито продолжал: — Теперь я вспомнил. Мне уже приходилось слышать о намерениях

индейцев. Это просто оскорбление для хороших специалистов. Чего они добиваются? Заставить нас думать, что мы всего лишь кучка временных рабочих?

Манэ попытался успокоить его:

— Фрэнк, ты же достаточно хорошо образован, чтобы понять, если мы сможем стать людьми, действительно способными жить...

Он замолчал, поскольку Фрэнк повернулся и зашагал прочь. Мы безмолвно смотрели ему вслед. Я взглянул на Джоя, но его лицо было бесстрастным. Манэ смущенно опустил глаза.

— Вам лучше пойти к поезду. Там найдутся кое-какие мелочи, которые следует показать Джою. Вся проверка должна занять ровно шестнадцать минут.

Точно в срок атомный локомотив «Крыса Пустыни» был легко доставлен электрическим тягачом в огромную залу, служившую воздушным шлюзом между зданием вокзала и внешней атмосферой Марса. Через минуту открылось ее узкое горло и, заскользив вперед под действием собственной огромной силы, локомотив двинулся по замерзшим путям к выходу.

На востоке солнце только клонилось к горизонту. Я указал на него и окликнул Джоя через переговорное устройство в шлеме. Он поднялся с места и проследил глазами в направлении, указанном моим пальцем.

— Лед, сеньор?

— Лед,— согласился я.

Замерзшие ручейки оставляли ледяные полосы на металлической обшивке вагонов. Я смотрел назад сквозь выпуклые стекла передней кабины. Двери декомпрессионной камеры уже закрылись за нами, и теперь во всю длину был виден гладкий, обтекаемый локомотив, искрящийся каплями моментально леденеющей влаги.

Температура ниже семидесяти градусов. Типичная для начала зимы в умеренной зоне Марса. Перед нами на плоской равнине, выделяясь черным, блестящим пятном, располагалось маленькое поселение землян, занятых горнорудными разработками. Затем за окнами проскользнули купола объединенной энергосистемы, внутри которых были жилища рабочих. Железнодорожные пути вели прямо в главное здание, но вагоны, которые должны были следовать с нами, включая и специально оборудованные пассажирские вагоны — были уже сцеплены в длинный состав с отработанной рудой.

Я сдавал назад, пока вагоны прицепляли к нашему локомотиву, затем открыл дверь и спрыгнул на землю. Солнце светило мне прямо в глаза с темно-синего неба. Звезды, однако, были еще

видны, они будут с нами весь день. Я оглянулся. Джой стоял в проеме двери.

— Двери лучше держать закрытыми,— крикнул я ему и поднялся в пассажирский вагон. Пройдя обязательный воздушный шлюз, я оказался в комфортабельном салоне для пассажиров, ощутив на себе быстрый и любопытный взгляд нескольких человек, которые сидели в баре. Действительно, ведь я был лоцманом большого и важного поезда. Четверых, сидящих за столиком в баре, я знал, они были высокими должностными лицами на железной дороге. Один из их компании, который представился как Филип Баррон, только что прибыл с Земли. Он был коренастым молодым человеком с кудрявыми черными волосами и серыми глазами, темными, как агаты.

Вице-президент Генри Вэйд начал разговор первым:

— Билл, наши главные ведомства на Земле слишком увлеклись привлечением к труду на Марсе индейцев, живущих в Андах, считая их наиболее пригодной и дешевой рабочей силой, дающей максимальную прибыль. Они даже стремятся населить Марс большими колониями таких рабочих. Однако эта идея весьма опасна. Через несколько лет они устроят революцию и потребуют считать Марс зоной их личной собственности, захватив все бесценное оборудование, которым мы снабдили производственные отрасли на Марсе.

Один из присутствующих прервал его:

— Билл, а тебя еще не сразил твой напарник?

— С Джоем, мне кажется, все в порядке,— ответил я уклончиво.

— Думаешь, он может свободно жить в этом климате?

На некоторое время я задумался.

— Во всяком случае, очевидно, что он способен свободно дышать этим воздухом,— заключил я.

Трое чиновников иронично рассмеялись:

— Один из представителей будущего населения. Реальный житель Марса. Несколько сотен таких же, как он, в данный момент получают техническое образование. Женщины тоже. Скоро и мы, и ты, Билл, станем лишь упоминанием в истории развития железнодорожного транспорта на Марсе.

— Черта с два о вас вспомнят,— заключил вице-президент Вэйд.

Но и остальные разговоры этих людей не принесли мне облегчения. То был период, когда я частенько проклинал эту дорогу и эту жизнь. Но гораздо чаще я понимал, что с трудом могу представить себе другую работу, которой бы занимался с той же

серьезностью. Не последнюю роль играл и тот факт, что зарплата была огромной.

Вэйд спокойно обратился ко мне.

— Вы должны быть готовы дать всестороннюю и полную оценку профессиональной пригодности вашего помощника. Наша цель состоит в том, чтоб сделать его своеобразным мерилом технических способностей этих людей.

— Я не считаю, что такая оценка может зависеть от мнения одного человека,— заметил я, пожимая плечами.

— Это будет зависеть от многих вещей. Согласитесь, что первое впечатление тоже имеет большое значение, но только глубокая проверка его знаний даст нам возможность оценить степень опасности,— серьезно ответил Вэйд.

Баррон, единственный представитель правления с Земли, поднялся и протянул мне руку.

— Все не так страшно, как могло показаться после этих разговоров. Мы хотим провести проверку знаний группы индейцев из восемнадцати человек в различных областях производства. Не скрою, в конечном счете, мы хотим либо убедиться, что деньги потрачены не зря, либо воздержаться от дальнейших расходов на обучение, сохранив средства. Все хотят обезопасить себя, а небольшое сокращение в цене может даже принести прибыль акционерам. Разве это плохо? Я лично так не думаю.

Через минуту после этого разговора я вернулся в кабину и сразу заметил, что Фрэнк Грэй исчез со своего рабочего места. Я вопросительно глянул на Джоя, но его лицо ничего не выражало. Испытав некоторую неловкость, Фрэнк все же был моим приятелем, а Джой — нет, я решил не задавать никаких вопросов, а сухо произнес:

— Поехали, Джой.

Поезд пришел в движение. Я посмотрел на часы, отметив, что мы движемся с отставанием на восемь минут. До наступления темноты мы должны были преодолеть примерно пятьсот миль. Расстояние не слишком большое, если исключить любые неожиданности. Зимой на Марсе, согласно расписанию, поезда не ходят в ночное время. Рельсы не выдерживают столь низкой температуры, становятся хрупкими, что особенно опасно в темноте.

— Держи не больше двадцати миль в час,— сказал я, когда поезд набрал скорость.

Джой кивнул, но посмотрел на меня с некоторым удивлением. Разглядывая его, сидящего в теплой одежде, но без скафандра, я ощутил какое-то напряжение, исходящее от этого человека.

— Джой, как устроены твои легкие?— внезапно спросил я.

Он не относился к разряду немых индейцев. Ему необходимо было поговорить о себе, и он сдался. Человек, живущий в Андах, имеет легкие размером гораздо больше обычных, с большим числом кровеносных сосудов. Его сердце работает в восемь раз сильнее, чем сердце человека, живущего на уровне моря. Его кровеносные сосуды выдерживают значительно большее давление, а нервные клетки менее восприимчивы к недостатку кислорода.

Когда испанец впервые попадает в климатическую зону Перу или Боливии, он обнаруживает, что ни поросята, ни птицы, ни рогатый скот, ни сами испанцы не могут размножаться на высоте свыше десяти тысяч футов. Это может произойти только после того, как целое поколение проведет жизнь на высоте восемь тысяч футов, чтобы потомок был в состоянии воспроизвести существо, способное жить на высоте четырнадцать тысяч футов. Индейцы жили там раньше всех с незапамятных времен.

Факты и цифры позволили добраться до самой сути, это стало для меня открытием. Я смотрел на пурпурно-красное лицо Джоя и сознавал, что он сможет стать марсианином, а вот я, и это было совершенно очевидно, не смогу.

Я заметил раньше Джоя какой-то предмет, который лежал рядом с рельсами далеко впереди. Это естественно, учитывая мой опыт работы, но я ничего не сказал Джою, желая определить, сколько времени ему понадобится, чтобы увидеть предмет. Через двадцать секунд я заметил его реакцию и вздохнул, подумав, что такое зрение указывает на полное отсутствие всяких признаков кислородного голодания.

— Начинай тормозить,— распорядился я.

Джой посмотрел на меня с удивлением. Я понял, что, по его мнению, было слишком рано нажимать на тормоз. Он не учел тот факт, что на Марсе для остановки поезда требуется времени гораздо больше. При той же массе, что и на Земле, состав имеет меньший вес, меньшее трение.

Мы начали останавливаться, колеса скрежетали по рельсам, машина тяжело вздыхала и вздрагивала. Никого поблизости не было, но около железнодорожной колеи лежал огромный мешок. Я предположил, что сверток набит камнями и в нем их могло поместиться не менее двух тонн.

— Я пойду и посмотрю, что там,— обратился я к Джою,— а ты медленно поезжай вперед до тех пор, пока я не подам тебе сигнал остановиться.

Джой кивнул, соглашаясь с моими инструкциями. Когда я пошел к выходу, он натянул свой большой воротник до самых ушей и быстро закрыл дверь после того, как я спрыгнул на землю.

Я не ощутил сильного холода, температура была не ниже пятидесяти градусов. Длинный состав медленно двинулся вперед по моему сигналу и остановился, когда я подал Джою знак. Мне пришлось воспользоваться «лапой» — маленьким подъемником, который мы всегда берем в дорогу, чтобы погрузить тяжелые вещи или автомобиль. Справившись с мешком, я быстро поднялся в кабину, обратившись к Джою:

— Теперь нам надо торопиться.

Состав быстро набрал скорость. Когда спидометр показал семьдесят миль, Джой прекратил разгон и вопросительно посмотрел на меня.

— Я недостаточно хорошо знаю эту местность, сеньор, чтобы ехать быстрее,— объяснил он.

Я кивнул и принял управление. Стрелка спидометра подошла к самой верхней отметке.

— Этот чем-то набитый мешок, Билл,— сказал Джой, произнося нараспев мое имя.— Как вы думаете, кто мог положить его рядом с рельсами?

Я был удивлен тем, что он не скрыл своего любопытства.

— Какое-нибудь маленькое, пушистое создание,— ответил я.— Они очень пугливы, живут под землей и копают для нас руду.

Я не сдержал усмешки, увидев, как поразили его мои слова.

— Нам не нужна их руда, поскольку чаще всего они приносят обычную горную породу. Но мы очень заинтересованы материалом, из которого сделаны мешки. Он тонкий, как бумага, совершенно прозрачный и, тем не менее, способен выдержать тонны камней. Основу они берут со своих собственных тел, способ изготовления напоминает плетение паутины. Мы никак не можем придумать, как объяснить им, что нас интересуют только сами мешки.

Следующие пятьдесят миль мы проехали со скоростью восемьдесят четыре мили в час. Дорога на этом участке была прямая, и мы словно планировали вдоль ледяной трассы. По обеим сторонам тянулись скучные, песчаные равнины, которые не менялись с годами с тех пор, как я впервые увидел их. Солнце поднималось все выше, и небо становилось голубым, звезды потеряли яркость, но были все еще различимы. Мы проносились через этот безмолвный, неуютный мир под свист высокооборотной паровой турбины и под монотонный стук колес, которым она передавала свою мощь. Я чувствовал себя сверхчеловеком, я управлял неумолимой, безжалостной силой, которая разрушала древнюю тишину на планете, удаленной от Земли на многие миллионы миль.

Я начал снижать скорость, как только увидел впереди холмы в форме невысокой насыпи. На панели замигал красный свет. Когда индикатор показал восемь миль, я включил тормоза.

Джой вопросительно уставился на мигающий свет.

— Песок на рельсах,— пояснил я.

Страна песчаных дюн. Песок настолько прекрасен и легок, что даже еле уловимый ветерок Марса мог поднять его. В движении он напоминал стелящийся дым. И вблизи, и на большом расстоянии можно было видеть маленькие фонтанчики песчаных завихрений. То там, то здесь рельсы совершено исчезали под заносами песка.

Мы двигались рывками: быстро стартовали, когда рельсы были чистыми, и очень медленно, со свистом и жалобным стоном машины, когда впереди был сплошной песок. Так продолжалось не менее полутора часов, но мы постепенно двигались вперед, снова и снова разгоняясь, упорно стараясь оставить позади этот трудный участок дороги.

Половина пути пройдена, хотя было всего несколько минут одиннадцатого. Мы даже опережали график.

— Выходим? — спросил Джой и открыл дверь.

— Обязательно,— отозвался я.

Мы оказались на серой, каменной равнине, напоминавшей своими впадинами лицо старого человека. Я наблюдал, как Джой вскарабкался вверх по камням и прошел вперед ярдов на сто. Надо было проявить достаточную гибкость и ловкость, чтобы добраться туда, но он преодолел путь без особого труда.

Я обнаружил, что Фрэнк уже зашел в кабину. Он взглянул на меня и произнес с большой иронией:

— Демонстрирует нам все свои достоинства.

Я даже не подумал об этом, но Фрэнк мог оказаться прав. Джой знал, что он проходит своеобразную проверку, и что здесь многие, а не только Фрэнк Грэй, настроены враждебно по отношению к нему.

Сначала послышалось громыхание, а затем резкий громкий гудок. Это «Степная Собака», изгибаясь, напрягала все свои силы, проскакивая под нами. Сверкая на солнце, длинный состав с грохотом проносился мимо, его раскатистый звук словно окутывал тонкий воздух, растягивая пустые вагоны из-под руды. Когда поезд удалился, я увидел, что Фрэнк возвратился в свою секцию, а Джой поднимался в машину. Я пристально смотрел на него. Его дыхание было тяжелым, а щеки в крапинках. Я бы удивился, если бы он чувствовал себя совершенно нормально после такого напряжения. Наши глаза встретились. Он, должно

быть, догадался, почему я рассматриваю его так пристально, и быстро произнес:

— Все в порядке, сеньор. Я чувствую себя хорошо.

Мне показалось, что я уловил нотки иронии в его голосе. Я направился к двери, открыл ее, потом повернулся к индейцу.

— Джой, поручаю тебе ответственное задание. Я собираюсь вернуться в пассажирский вагон. Ты остаешься один, с этого момента будешь действовать самостоятельно.

Сначала Джой смотрел на меня с явным испугом и напряжением, потом его челюсти разжались, и он степенно произнес:

— Благодарю вас, сеньор.

Вэйд и его представительное окружение были просто ошеломлены, когда я сообщил о своем решении. Однако Баррон, представитель власти с Земли, одобрительно кивнул.

— В конце концов, это очень справедливое условие. Теперь мы можем точно определить, способен ли индеец самостоятельно доставить поезд и пассажиров в конечный пункт, либо он не в состоянии сделать это,— помолчав немного, он продолжил: — И потом, ведь мы в любое время можем позвонить индейцу и остановить его, а Билл вернется на свое место в кабину.

Его слова были встречены полным молчанием, и по сердитым выражениям на лицах всех остальных я понял, что мой поступок не получил одобрения. Молчание длилось все время, пока поезд набирал скорость.

Я, видимо, задремал на стуле, потому что неожиданно для себя почувствовал, как вагон вздрагивает и раскачивается. Посмотрев в окно, я заволновался, увидев, с какой большой скоростью движется наш поезд. Я быстро оглядел всех присутствующих. Трое из них негромко беседовали, Вэйд дремал в кресле, Баррон спокойно сидел, покуривая сигару. Он был поглощен своими мыслями.

Я небрежно поднялся со стула, подошел к телефону и набрал номер машинного отделения. После пятого сигнала я ощутил довольно неприятный холод в желудке. Вернувшись на свое место, я снова посмотрел в окно. Мне показалось, что поезд еще больше увеличил скорость. Я еле слышно застонал и сразу заметил, что проницательные темные глаза Вэйда внимательно изучают меня.

— Вы не находите, что ваш машинист ведет себя немного легкомысленно? — спросил он.

Его помощник сердито огрызнулся:

— Безответственно, если вас интересует мое мнение.

Баррон вздохнул и уныло посмотрел на меня.

— Попросите его сбавить скорость.

Я подошел к телефону и набрал номер Фрэнка Грэя. Только после третьего сигнала он снял рубку и лениво произнес:

— Слушаю.

— Фрэнк,— начал я тихим голосом,— пройди, пожалуйста, в кабину и попроси Джоя снизить скорость.

— Я не слышу тебя. Чего ты хочешь?

Я повторил свою просьбу, стараясь яснее произносить слова, не повышая при этом тона.

— Прекрати мямлить,— раздраженно сказал Фрэнк.— Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь.

С одной стороны я испытывал жалость, а с другой — злость на Джоя, но я должен был сделать все возможное, чтобы помочь человеку, который попал в трудное положение. Четко, не опасаясь, что мои слова слышат все присутствующие, я объяснил Фрэнку, чего я хочу. Выслушав меня до конца, он молчал какое-то время, потом отреагировал.

— Пошел к черту! Меня это не касается.

Он оставался при своем мнении, не желая мне помочь. В конце концов я принял решение.

— Подожди минуту, не клади трубку.

Подойдя к членам комиссии, я объяснил им ситуацию. Они выслушали меня молча, потом Вэйд резко обратился к Баррону.

— Смотрите какому риску вы нас подвергли из-за своего индейца.

Баррон злобно жевал свою сигару, потом он отвернулся и уставился в окно, разглядывая проносящийся мимо ландшафт.

— Лучше заставьте этого упрямца сделать то, что ему говорит Билл,— сказал он, наконец.

Вскоре Вэйд отошел от телефона.

— Я разрешил ему применить силу, если потребуется.

Через несколько минут все почувствовали, что поезд начал замедлять ход. За это время Баррон успел натянуть скафандр, а Вэйд дал распоряжение своему исполнительному ассистенту достать защитный костюм и для него. Они продолжали обмениваться едкими комментариями до тех пор, пока поезд не остановился совсем. Баррон упрямо возвращался к тому, что неудача одного индейца, прибывшего с Анд, не дает основания признать негодными всех остальных. Я шел следом за ними к кабине водителя и думал только об одном: «Что же могло произойти с Джоем?»

Дверь кабины нам открыл Фрэнк. Поднявшись внутрь, мы не увидели там Джоя.

— Когда я вошел, он лежал на полу, задыхаясь. Мне пришлось перетащить его в контрольную комнату и немного повы-

сить давление,— объяснил Фрэнк и самодовольно добавил.— Ничего не случится, если он глотнет немного кислорода вместо лекарства.

Я долго смотрел на Фрэнка, как мне казалось, с нескрываемым подозрением. Однако ничего не сказал, только проверил механизмы давления и пошел в контрольную комнату.

Джой сидел на стуле. Он выглядел несчастным, смотрел на меня виновато, но на мой вопрос только пожал плечами. Тогда я серьезно сказал:

— Джой, я очень хочу, чтоб ты на время забыл свою гордость и честно рассказал мне, что произошло.

— Сначала я почувствовал головокружение, а потом вдруг показалось, что сейчас лопну. Что случилось после этого, я не знаю,— сказал он подавленно.

— Почему ты так разогнал поезд?

Он часто заморгал. Его черные глаза смотрели на меня с удивлением.

— Сеньор, я не помню,— произнес он, наконец.

— Я догадываюсь, в чем дело,— вмешался Фрэнк, оказавшись за моей спиной.— В то время мы находились в зоне низкого давления, а он помнил, что проходит серьезное испытание, и это явилось для него последней каплей.

Я отрицательно мотнул головой, вспомнив, как Джой удивил меня остротой своего зрения, как легко он взобрался на холм, когда мы ждали встречный поезд на полпути. Запас его жизненных сил, который проявился в этих двух случаях, уже говорил, что незначительные перемены давления не могли так повлиять на состояние этого сильного человека. Кроме того, двери кабины закрываются плотно, за все время работы герметичность не нарушалась, давление внутри кабины не зависело от изменений давления снаружи.

Я резко повернулся и посмотрел Фрэнку в глаза. Его ответный взгляд был колючим, вызывающим. Дважды я пытался заговорить, но память о том, как долго мы были друзьями, заставляла меня хранить молчание. Через его плечо я видел, как Баррон осматривал приборы, контролирующие давление воздуха и работу машины. Он вернулся к Вэйду и тихо заговорил с ним. Слов слышно не было, но разговор, видимо, шел жесткий. Вице-президент покачал головой и, прервав беседу, направился к Фрэнку, протягивая ему руку.

— Мистер Грэй,— начал он преувеличенно громко,— я хочу выразить вам благодарность за то, что вы спасли нас от неминуемой аварии. Теперь я знаю, что могу рассчитывать на вашу помощь в любом случае.

Баррон дернул меня за руку. Мы вместе вышли из кабины. Он тихо спросил:

— Скажите, можно ли регулировать давление воздуха в кабине из контрольной комнаты?

Понимая, что он может получить эту информацию и из другого источника, я не колебался.

— Да, можно.

— Были раньше признаки кислородного голодания у индейца в вашем присутствии?

— Нет, ни разу.

— Вы раньше не замечали каких-либо признаков проявления враждебности этого человека в отношении к индейцам?

— Ничего не могу сказать по этому поводу,— ответил я и посмотрел на часы.— Но я знаю точно, что нам надо ехать дальше. Мы выбились из графика на сорок три минуты.

Поезд снова бежал вперед. Я оставил Джоя около регулятора воздуха и зашел в измерительную комнату. Фрэнк был занят регулировкой температуры, и я терпеливо ждал, пока показания прибора установятся на нужном уровне. Покончив с делом, Фрэнк повернулся ко мне.

— Ловко придумано,— начал я.

Фрэнк и не пытался ничего отрицать.

— Сейчас или никогда,— спокойно ответил он.

— Значит, ты признаешь, что намеренно уменьшил давление в кабине Джоя?

Через прозрачный козырек скафандра я увидел злобный оскал на лице Фрэнка.

— Ничего я не признаю. Но намерен разгромить этот прожужжавший уши план, пусть даже это станет последним моим делом. И я знаю, что буду добиваться своего любой ценой.

Я старался убедить его, что если есть люди, способные жить на Марсе без всяких дополнительных приспособлений, то никто не может лишить их этого права.

— Ты бы еще назвал его таким человеком,— усмехнулся Фрэнк.

Я пристально смотрел на него и чувствовал, что последние нити дружбы, связывавшие нас, разорваны.

— Если ты и дальше будешь ему мешать исполнять свои обязанности, я спущу с тебя шкуру,— произнес я медленно.

Фрэнк смотрел на меня с затаенной злобой в глазах.

— Теперь понятно, чьи интересы ты защищаешь. Спасибо, что просветил меня.

Еще час мы ехали вдоль каменной, безжизненной равнины. Потом картина за окном изменилась. Мимо пробегали низкие

холмы, потом нечеткие линии каналов, затянутых льдом. Я рассказывал Джою, что самая трудная часть пути уже пройдена, когда красная лампочка на табло замигала снова. Джой вопросительно посмотрел на меня.

— Песок? — спросил он.

Я покачал головой и нахмурился.

— Нет, здесь песок не такой высокий. Что-то попало на рельсы, а может быть, кто-то пересекал пути.

Это была песчаная ящерица длиной футов восемнадцать, красное с желтым чудовище. Ее лапа застряла под рельсом между двумя креплениями. Самое лучшее, что она могла сделать для своего освобождения — не дергаться вперед, но она была для этого слишком глупа.

Зазвонил телефон. Это был Вэйд, но его интерес сразу пропал, как только я объяснил причину остановки.

— Думаю, вы знаете, как управиться с ней,— сказал он и повесил трубку.

Практически я, конечно, знал, но не испытывал радости от этого. Мне пришлось объяснять Джою, что, охотясь на подобных чудищ, человек надевает специальный скафандр из особо прочного материала. Мы подбираем и готовим их перед началом поездки. Такие костюмы могут защитить от случайного удара, но даже они не помогают при прямой атаке. В случае опасности лучше всего держаться сзади животного, не видя противника, оно теряет ориентацию.

Фрэнк Грэй вышел прогуляться около кабины. Он отрицательно покачал головой, когда я предложил помочь освободить ящерицу.

— Эти твари, обитающие здесь, имеют очень шершавую кожу, колючую, словно кактус, а их зубы могут запросто раскусить камень,— иронизировал Фрэнк.— Эта работа как раз для Джоя. Если его костюм немного и разорвется, это ему не повредит.

Джой перебирал инструменты.

— А где здесь можно взять такой костюм, сеньор?

— Мы берем запасной,— ответил я и с неохотой добавил: — Я пойду с тобой.

Костюмы полностью закрывали тело до шеи. У меня на голове был еще закрытый жесткий шлем. Голову Джоя защищала только его толстая шапка. Если бы индейцы были заранее подготовлены к жизни в этой местности, они обязательно запасались бы одеждой для таких неожиданных встреч.

Я достал длинный масляный пистолет из ящика с инструментами, и мы выбрались из кабины. Как только ящерица заметила,

что мы приближаемся, резко повернула огненно-красную голову и уставилась на нас. Она начала еще сильнее дергаться вперед, пытаясь освободиться. Я выпустил струю масла в ее бездонные голубые глаза, потом мы вместе принялись подталкивать ее слева, справа и тянуть назад. В ответ на это ящерица шипела, ее горло сокращалось, издавая пугающе громкие звуки. При этом она в каком-то идиотском отупении все так же продолжала дергаться только вперед.

Солнце клонилось к полудню. Мы с Джоем продолжали терпеливо толкать животное, пока, в конце концов, в его башке что-то не повернулось. Оно прекратило рваться вперед и, развернувшись, с шипением приготовилось преследовать нас. Лапа ящерицы легко выскользнула из-под рельса, она стала свободной и опасной.

— Джой, встань у нее за спиной,— крикнул я.

Бегать в зыбучих песках было не так легко, и движения Джоя были неуклюжими. Четырехдюймовые когти полоснули воздух так близко от его щеки, что у меня перехватило дыхание. Секундой позже он уже стоял позади ящерицы, которая прекратила поворачиваться, словно забыв о его существовании.

В последний раз мы смотрели на нее, когда она старательно карабкалась на скалу вместо того, чтоб обойти ее, и убегала прочь от дороги.

Как только мы отправились назад к тепловозу, он засвистел, загремел и длинный состав медленно двинулся навстречу нам. Я поймал взгляд Грэя, сидевшего в высокой кабине и контролирующего ситуацию. Он с насмешкой помахал нам рукой, когда набиравший силу локомотив заскользил мимо нас, прибавляя скорость с каждым ярдом.

Я ухватился за поручень, когда тепловоз проносился мимо, крепко вцепился и повис, напрягая все свои силы. С трудом я добрался до следующей ступеньки, как раз в тот момент, когда дверь надо мной открылась. Фрэнк наклонился и начал бить мне по пальцам длинным гаечным ключом. Несмотря на то, что я был в плотных перчатках, острая боль заставляла меня разжать онемевшие пальцы. В отчаянии я схватился другой рукой за ступеньку ниже. Фрэнк встал на колени и снова замахнулся для удара. На этот раз он промахнулся, но удар был настолько сильным, что из металла полетели искры. Это было свыше моих сил, нельзя позволить ему искалечить мне вторую руку, тогда я сразу попаду под колеса. Не дожидаясь следующего удара, я коснулся ногами земли, сначала быстро бежал, а потом перешел на шаг. Я удачно остановился на мелком гравии насыпи. Воздушная прослойка скафандра спасла меня от серьезных повреждений, но я задыхался и чувствовал сильную дрожь в ногах.

Моей первой мыслью было запрыгнуть через борт в вагон с рудой, но, стоя на месте, я понял, что платформы движутся гораздо быстрее, чем я в этом неуклюжем костюме. Поезд успел набрать скорость и двигался слишком быстро. Я уже готов был отказаться от мысли снова попасть в вагон, когда крепкая как железо рука схватила меня за шиворот.

— Сеньор, бегите!

Я бежал до тех пор, пока не ощутил во рту соленый привкус, горло пересохло, глаза застилали слезы. Наконец мне удалось выбрать момент и уцепиться за приставную лестницу вагона с рудой, за которую держался Джой. Благодаря его силе, способной удержать мой вес, я забрался по лестнице, и вскоре мы оба лежали в вагоне, жадно хватая воздух.

Я поднялся, ноги продолжали дрожать.

— Не знаю, что собирается делать дальше этот безумец,— начал я, когда смог заговорить,— но нам надо добраться до пассажирского вагона и подождать там.

Наше внезапное появление произвело невеселую сенсацию. Я коротко объяснил, что произошло, и направился к телефону, намереваясь позвонить в кабину. Телефон прозвонил три раза, потом линия словно умерла.

Вся энергия, которая питает состав, вырабатывается локомотивом, и естественно, что это Фрэнк отключил телефонную связь. Понять его цель было несложно — лишить нас возможности по прибытию в Марсополис связаться с полицией Марса.

Про себя я проклинал собственную глупость, не имеющую названия, но и Фрэнк может не рассчитывать, что способен остановить меня.

Один из присутствующих пожал плечами.

— Грэй ведет себя очень глупо, он не сможет управиться в одиночку при аварии поезда. А все, что остается нам — это держаться вместе.

Внезапная мысль пронзила меня. Я быстро подошел к панели измерительных приборов. Стрелка уровня давления вздрагивала на самой нижней отметке, ртутный показатель температуры быстро скользил вниз. Я повернулся к присутствующим и хмуро сообщил:

— Мне очень жаль, но я вынужден сказать, что Фрэнк отключил нам питание воздушного кондиционирования.

Филип Баррон побледнел, но взгляд его оставался твердым.

— Сколько у нас времени?

— Не больше часа. Мы сможем терпеть холод, но никто из нас не выдержит вдвое пониженного давления, никто, кроме Джоя, вот так,— ответил я невесело.

Воцарилось тяжелое молчание. Потом Баррон тепло посмотрел на Джоя.

— Да, относительно вас. Я полагаю, что Грэй рассчитывает вставить веское слово против вас и кандидатуры любого другого индейца. Надменный дурак! Конечно, каждый из нас сделает заявление и расскажет, что в действительности произошло. Мы оставим это заявление вам.

— К черту это заявление,— вмешался другой член комиссии.— Это, конечно, поможет Джою восстановить справедливость, но что ожидает нас?

Я прервал их спор:

— Мы не учитываем одну вещь. Джой может выдержать низкое давление, но он не может дышать отравленным воздухом, не сможет слишком долго находиться снаружи после наступления темноты. У нас есть только один шанс.

Я решительно повернулся к двери.

— Пойдем, Джой, попробуем подчинить себе эту машину.

Мы нашли газорезы, которые размещались в противоположных концах вагона на случай опасности. Прихватив их с собой, мы забрались на крышу вагона и начали медленно продвигаться вперед. Я видел блестящий локомотив, выкрашенный в голубой и красный цвета, видел выпуклую кабину и фигуру Фрэнка Грэя, сидящего в ней.

Больше всего меня волновала одна вещь: в кабине было дальнобойное ружье, а мы с Джоем в эту минуту выглядели, как две утки на водной глади. Я сомневался, что Фрэнк решится выстрелить в нас — впоследствии будет нелегко объяснить, почему он доставил два тела с пулями внутри. Но вероятность выстрела была высока, и мысли о таком исходе неотступно преследовали меня.

Разряженное небо Марса постепенно начинало темнеть, и Земля вечерней звездой сияла ярко, словно маленькое затухающее солнце. У нас оставалось еще около часа светлого времени, но возможность проехать в таком положении около ста миль не доставляла удовольствия. Мы находились в гористой местности, дорога была слишком крутой и извилистой, чтоб двигаться с большой скоростью. Я потуже затянул воротник, завернулся по самые уши и пригнулся, прячась от ледяного ветра. Я заметил, что Джой тоже часто останавливается, чтоб похлопать в ладоши, пока мы пробирались вдоль крыши вагона-цистерны с технической водой.

С этого расстояния я видел, что Фрэнк наблюдает за нами через стекло кабины. Ружье лежало у окна рядом с ним, но он не сделал ни единого движения, чтоб взять оружие в руки. Он явно

выжидал, желая посмотреть, что мы предпримем. Я не был уверен в успехе. Открыть каким-то образом дверь и попасть внутрь кабины, не получив при этом пулю в лоб,— шанс один из ста.

Мы забрались на крышу кабины и лежали ничком как раз над дверьми, Джой с одной стороны, я — с другой. Одновременно мы опустили газорезы вниз и ударили в выступающую часть толстых дверных стекол. Они не были противоударными, просто прочными, но, как оказалось, не настолько, чтоб уцелеть после наших усилий. Выпуклая секция стекла с моей стороны легко разбилась, и осколки полетели внутрь кабины. Это намного облегчало задачу, теперь она заключалась в том, чтоб спуститься вниз, попасть внутрь и попытаться открыть дверь.

Я скользнул через край и начал спускаться по лестнице, укрепленной со стороны двери. Лицо Джоя периодически появлялось и исчезало с другой стороны. Теперь мы были в порядке, нас защищала металлическая стена кабины. Сейчас, чтобы достать нас, Фрэнку пришлось бы просунуть ружье сквозь отверстия в стекле с той или другой стороны. Но он этого не делал. Сидя посередине кабины, как в лодке, Фрэнк пытался одной рукой достать все, до чего мог дотянуться. И, в конце концов, удача оказалась благосклонна к нему.

Длинный состав скользил в сгущавшихся сумерках, колеса стучали и повизгивали характерным металлическим звуком. Машина тяжело вздыхала и вздрагивала, раскачиваясь, когда изгибы насыпи были особенно крутыми. Все это действовало мне на нервы, и пронзало то же чувство опасности, которое я недавно испытал, когда мчался, словно пуля, с наружной стороны поезда. Тогда меня спасло только одно — твердая рука Джоя, ухватившая мой воротник.

Заставив себя преодолеть страх, я заглянул в кабину через отверстие в стекле, надеясь, что ружье Фрэнка направлено сейчас в другую сторону. Мысль работала быстро. Я хорошо знал замок и, открыв его быстрым поворотом пальцев, моментально отдернул руку назад. Не успел я это сделать, как новая дыра появилась в неразбитой части стекла, потом прозвучал еще один выстрел. Сразу же после него я с силой толкнул дверь. Она со стуком откатилась назад, и в этот момент в проеме двери встал Фрэнк, направляя на меня ружье. Я вжался в стену кабины, понимая, что ничто не спасет меня, и резко ткнул Фрэнка газорезом. Удар был коротким, но отбросил его немного назад. Я увидел лицо Фрэнка сквозь стекло шлема. Его губы дрожали, глаза горели. Отскочив назад, он непроизвольно опустил вниз дуло ружья, теперь же медленно, обдуманно Фрэнк поднял оружие. В момент,

когда его палец уже нажимал на курок, я запустил во Фрэнка газорезом. Он пригнулся, его руки и плечи опустились вместе с направленным на меня стволом.

И в третий раз дуло его ружья поднялось. Теперь оно почти упиралось мне в шлем. Мысли бежали быстро, и я в отчаянии подумал: «Эта схватка — утверждение нашей слабости: моей и Фрэнка. В этом вся проблема, возникшая в тот самый день, когда Джой прибыл на Марс. И произошла она потому, что система нашего воздухоснабжения оказалась настолько уязвимой».

Я надеялся внушить Фрэнку, что у нас общий дом, и он не здесь, а на Земле. Думая обо всем этом, я все же согнулся, пытаясь пробиться в кабину через открытую дверь. Ружье приблизилось практически вплотную к моему лицу, а Фрэнк покачивался, словно пьяный.

Обстановку разрядила случайность, которая стала поистине счастливой. Я никак не мог понять, почему пуля, которая предназначалась мне, вдруг вылетела в сгустившуюся тьму, а на пол кабины свалился взявшийся ниоткуда газорез. И тут до меня дошло, что это Джой швырнул его через другую дверь. И кинул достаточно удачно. Меткий бросок разбил защитный шлем на голове Фрэнка. Тот зашатался и мог вылететь в открытую дверь, если бы я инстинктивно не подхватил его. Потом, сильно толкнув назад, я последовал за Фрэнком в кабину и закрыл за собой дверь.

Джой стоял, прислонившись к противоположной стене, его левая рука безвольно свисала, а на пол капала кровь, лицо было бледным от перенесенного шока. Он усмехнулся мне, когда я затаскивал безвольное тело Фрэнка Грэя в измерительную комнату, где мог, приложив усилия, спасти ему жизнь. Я был уверен, что только Верховный суд мог решить, как поступить с ним.

* * *

Теперь история о Джое — часть моей жизни на Марсе. Это самая любимая история моих детей, они могут слушать ее бесконечно. Это вселяет в меня надежду. Уединенно живя здесь, в Колорадо, на высоте восьми с половиной тысяч футов, я, чтобы не сидеть без дела, руковожу обществом энтузиастов бега на длинные дистанции, маршруты которых разрабатываю сам. На высоте семнадцати тысяч футов мы построили город, и наши дети с удовольствием проводят там время. Все это делается с определенной целью. Их дети собираются жить на Марсе.

РЕПЛИКАТОРЫ

Глава 1

Стоя здесь после убийства чудовища, Мэтлин начал сходить с ума. Это двенадцатифутовое существо в предсмертных муках, борясь с сильнейшими конвульсиями, запрыгнуло прямо в кузов мусорной машины Мэтлина. Здесь оно и лежало теперь. Огромная слоновья голова в четверть длины тела свесилась на одну сторону, громадная рука перевалилась через задний борт. То, что раньше было тоннами блестящего черного тела, теперь стало раздавленной массой, безвольно осевшей на дно шершавого металлического багажника... создавая проблему. Вот и все, что в результате получил Мэтлин — проблему.

Стив Мэтлин был невероятно подозрительным и злым человеком. Его первым порывом было вывалить зверя прямо на обочину. Мэтлин отказался от этой мысли с большой неохотой. Он вынужден поступить по-другому. Он вспомнил, что, к сожалению, его видели на этой узкой дороге к озеру два офицера, проехавшие по шоссе в патрульной машине. Если патруль найдет здесь тело чудовища, то подозрения сразу падут на него. Полиция посчитает, что это он убил чудовище. Пусть даже и не докажут. В любом случае он мог оказаться единственным свидетелем смерти огромного существа.

Да, пусть он невежественный человек, но не совершит ошибки, вывалив чудовище, где попало. Ему бы пришлось нанимать подъемный кран, чтобы загрузить тело обратно в кузов. Если бы он просто привез его домой, то пришлось бы копать огромную яму для такой туши. «Лучше отвезти его в полицию и последовать их совету, как послушный маленький мальчик»,— уныло решил он.

Кипя от досады, но смирившийся со своим положением, он выехал на шоссе. Потом, вместо того, чтобы ехать налево к своей ферме, он повернул в Миндэн — к ближайшему пригороду. При-

ехав в городок, Мэтлин направился прямо к полицейскому посту, затормозил у остановки и громко просигналил. Никто не появился. Раздраженный Мэтлин почти повис на кнопке сигнала. Он словно взрывал ее, извлекая невероятные звуки. Полицейский участок располагался на другом конце улицы, и поэтому тут не было видно ни машины, ни дежурного офицера.

Знойный полдень, пустынная улица, превосходная возможность... Мэтлин повернул рычаг, приводящий в движение механизм сброса. Минутой позже он ощутил, как сдвигалось тело чудовища. Потом грузовик просто выехал из-под него, и, продолжая движение, Мэтлин переключил механизм, возвращающий кузов на место.

Глава 2

В этот вечер, перед тем как лечь спать, жена Мэтлина, Кора, спросила его:

— Ты слышал о пришельце, о живом существе из космоса?

Мэтлин сразу вспомнил о чудовище, которое он отвез в город и зло подумал: «Вот еще задача! Не хватало мне иметь дело с существом из космоса!»

Но вслух он грубовато заметил:

— Насмотрелась бреда по телевизору.

— Это передавали в новостях,— ответила Кора оборонительно,— они нашли его прямо на улице.

Значит, его он и убил. Мэтлин неожиданно развеселился, что так ловко разделался с чудовищем. Он самодовольно подумал: «Вывезла меня моя лошадка. Иногда мне немного везет». Не желая продолжать этот разговор, он отправился спать.

Кора лежала какое-то время, слушая мирное дыхание мужа, думая о создании из космоса и о большом мире, который, как она знала, существовал где-то по другую сторону тесного мирка Стива Мэтлина. Она когда-то работала учительницей, еще у них было четверо детей и два десятилетия совместной жизни. Иногда было тяжело сознавать, как далеко остались те дни.

Независимо от всего остального, существо, которое ранее на Земле никогда не видели, нашли мертвым на улице Миндэна прямо перед полицейским участком. Телевизионные камеры показали его изображение спереди, сбоку и сверху. Никто не мог понять, как чудище оказалось там, где его нашли и, согласно сообщению комментатора, верхушки правительства и представители воинских служб начали собираться вокруг огромного трупа, как жужжащие мухи.

* * *

Прошли два дня. Экспедиция Поиска Следов Пришельца, побывав предварительно в других домах, появилась и на ферме Мэтлина. В ответ на все их вопросы Кора качала головой и отрицала не терпящим возражения тоном, что Стив мог быть одним из тех, кто привез чудовище в город.

— И, в конце концов, он бы сказал мне,— язвительно закончила она.— Конечно, он бы обязательно...— она остановилась, подумав, что этот человек... этот невероятный человек... он мог!

Ее неожиданное замешательство не ускользнуло от взглядов посетителей. Они сразу предположили, что муж, очевидно, что-то говорил своей жене. Главный из присутствующих, прекрасно выглядевший молодой человек возраста Коры, с мягким голосом, представился как Джон Грехем. Он, единственный из всех пришедших, не был полицейским или военным. Обратившись к Коре, Грехем вежливо произнес:

— Передайте своему мужу, что уже назначено вознаграждение суммой в тысячу долларов тому, кто сможет нам помочь.

Экспедиция отправилась дальше, сопровождаемая ревом мотоциклов и автомобилей.

Было около полудня следующего дня, когда Стив Мэтлин увидел второе чудовище. Мэтлин приехал по той же дороге к озеру, как и в первый раз, и неожиданно увидел второго. Стив нырнул в овраг и лежал там, затаив дыхание. Он не представлял себе ясно, на что рассчитывал, явившись сюда снова. Когда Кора рассказала ему о вознаграждении, он тут же высмеял ее доверчивую натуру и сказал, что эти вояки никогда не разделят премию с тем, кто не выполнит их требование рисковать жизнью и сражаться. Получается, он пришел удовлетворить их требование. Его потрясение от встречи со вторым чудовищем напоминало пламя, которое обожгло его изнутри. Стиву был знаком такой жар, он возникал вдоль всего позвоночника и ожесточал рассудок. Страх! Сотрясаясь всем телом, Мэтлин достал ружье. Как только он сделал это, чудовище, которое сидело, пригнувшись, двинулось вперед, сжимая в руках предмет, блеснувший на солнце. В следующее мгновение снаряд просвистел над головой Мэтлина и ударился в дерево с таким звуком, словно грянул гром. Земля задрожала, и через секунду раскат взрыва достиг ушей Мэтлина. Звук по силе напоминал выстрел небольшой пушки. Пока Мэтлин мысленно сравнивал, имея опыт военного моряка Второй мировой войны, дальнобойное ружье выплюнуло огонь еще раз.

Да, оно выглядело именно ружьем, хотя и огромным. На этот раз снаряд попал в булыжник за десять ярдов перед Мэтлином. Его обдало градом каменных осколков. Все тело пронзила жгучая боль. Мэтлин услышал эхо второго выстрела и открыл глаза. Он увидел множество капель крови на своих руках. Зрелище было как пугающим, так и отрезвляющим. Мэтлин скользнул назад, перевернулся, подтянул ноги, пригнулся и помчался в конец оврага, остановившись лишь тогда, когда понял, что овраг становится слишком мелким, чтобы служить укрытием. Что он мог предпринять? Тяжелое чувство постоянной опасности, знакомое со времен войны, снова сдавило его сердце. Тогда казалось, что к этому чувству принуждала реальность войны, но он никогда не раскисал. Война, на которую, как он считал, потрачено зря несколько лет жизни, многому научила его. Это было движение к цели; сгибаясь, падая, но всегда вперед. Он точно знал, что безумные идеи рождаются только у разумных людей, и придают силы на территории врага. Из-за ненависти к военной дисциплине он безропотно шел прямо в руки смерти, находя выход даже из безвыходных ситуаций. Если бы сейчас была хоть малейшая возможность спастись, он должен был догадаться, что делать. Сознание того, что он оказался здесь по собственной глупости, не давало ему покоя. Как он ни прятался, а два страшных артиллерийских снаряда раздробили камень на том месте, где он стоял секунду назад. Пушка против ружья! Мэтлину хотелось выбраться, хотелось домой, но какая-то злая сила заставляла его торчать здесь и видеть все собственными глазами. Следующее мгновение могло стать последним для исследований, но какое значение это имело для огнедышащей пушки, ищущей его смерти? Он униженно лежал в самом конце оврага, даже не смея поднять голову. Его ружье выглядело сейчас никчемной игрушкой...

* * *

Зазвонил телефон. Когда Кора сняла трубку, ей понадобилось некоторое время, чтобы понять, что хриплый голос на другом конце провода принадлежит ее мужу:

— Я звоню из телефона-автомата у дороги. Ты можешь узнать, где сейчас находится поисковая экспедиция?

— Только что звонила Мэми. Они были около ее фермы. А зачем тебе?

— Оно меня преследует. Скажи им, что я иду по направлению к шоссе от сарая с лодками. Оно едет на мусорной машине, огромной, как дом.

— Что преследует тебя? Где? — Кора пронзительно кричала в трубку.

— Еще одно чудовище на дороге к озеру.

Мэтлин застонал и повесил трубку.

Глава 3

Сражение на шоссе началось около двух часов дня. Чудовище само выбралось из кузова мусорной машины. Пригнувшись за автомобилем, оно стреляло из ружья размером с пушку во все, что двигалось. Две дюжины человек в непрочных автомобилях и с крошечными ружьями залегли в небольшом перелеске. Лежа рядом с Грехемом, Мэтлин слышал, как тот настоятельно сказал майору:

— Позвоните еще раз по поводу удара с воздуха.

Прошло около десяти минут, прежде чем первый вертолет появился на горизонте. Он был отправлен предприимчивыми телевизионщиками и оснащен телекамерой. Дрожа лопастями, вертолет кружил над мусорной машиной и фотографировал все, что попадало в поле его видимости.

Сначала в поведении чудовища не было никаких перемен. Оно посмотрело в небо на источник звука, но вдруг у него возникла какая-то идея. В его руках появилось длинное ружье. Первый снаряд ударил в открытую кабину. Осколок какого-то разбитого предмета попал в пилота. От сильного удара тот потерял сознание. Вертолет утратил устойчивость, казалось, подался назад, когда второй снаряд разбил вдребезги его хвост. Огромная кружащаяся птица, вздрагивая, полетела вниз и рухнула между деревьями за невысоким холмом. Еще хуже получилось, когда появились военные вертолеты, они уже не имели преимущества внезапности. Пушка-ружье стреляла в них, стоило им приблизиться.

Когда упал первый вертолет, другие отлетели на безопасное расстояние. Они пытались менять направление, но лишь после того, как три из них рухнули, объятые огнем, отступили. Горящие машины медленно падали, исчезая за низким холмом.

Все внимание чудовища было приковано к тому, что происходило перед его глазами, оно не оглядывалось назад. Пока одни воздушные машины сдерживали огневой вал с одного края, один из вертолетов приблизился к цели с другой стороны. Огненный широкий поток снарядов, который пилот направил вниз, почти разорвал огромную голову монстра. Он даже не успел увидеть, с какой стороны настигла его смерть.

Мэтлин пошел вперед вместе с остальными, сердито теребя пальцами требование, которое он успел написать. Его приводило в ярость, что руководители экспедиции не желали признавать его справедливых прав. Он, конечно, рассчитывал на такое отношение, но не желал соглашаться и отказываться от вознаграждения.

Подойдя к машине, он с нетерпением ждал, пока Грехем осматривал чудище, огромный автомобиль и ружье. Погруженный в безрадостные мысли, Мэтлин с внезапным раздражением подумал, что вынужден повторить свои слова. Грехем указал на десятифутовое ружье.

— Из чего это сделано, как вы думаете?

Вопрос был подходящим началом, он прозвучал как обращение к равному.

Раздражение Мэтлина моментально улетучилось: «Сейчас»,— подумал он и подал Грехему свое требование.

— Я прошу вас подписать это.

Затем он устремил свой взгляд на огромное оружие и тоже осмотрел его. Вскоре он определил:

— Выглядит как воздушное ружье, похоже, такое же, как у меня, только во много раз больше. Может быть, даже сделано той же фирмой? Мэтлина раздражало, что пока он говорил, Грехем держал листок в руке и даже не взглянул на него. Затем Грехем спросил каким-то странным тоном:

— Какой именно фирмой?

— Мое — фирмой «Мессер».

Грехем вздохнул и покачал головой в замешательстве.

— Взгляните на именную табличку этого огромного орудия.

Мэтлин наклонился. Слово «Мессер» четко выделялось с обратной стороны, выведенное черными металлическими буквами.

— А какой марки ваша мусорная машина?

Спотыкаясь, Мэтлин двинулся к капоту невероятно большой машины и вгляделся в буквы. Они были точно такие же, как на его собственной машине: «Флуг».

Когда Мэтлин вернулся и сообщил ответ Грехему, тот кивнул и, протянув назад листок с требованием, спокойно сказал:

— Я бы подписал это, мистер Мэтлин, если бы тут было написано: «Как человек, который сделал все возможное, чтобы помешать поискам пришельца из космоса, я признаю себя — я имею в виду вас, мистер Мэтлин — единственным человеком, имеющим наименьшее право на получение вознаграждения».

Такая реакция была настолько неожиданной, настолько негативной и так уменьшала его шансы, что Мэтлин побледнел. Од-

нако он был сражен этими словами лишь на мгновение, в следующую минуту он злобно парировал:

— Ах, вот как? Вы проклятый мошенник. Вас...

Но Грехем не дал ему продолжить.

— Остановитесь,— пронзительно крикнул он и предупреждающе поднял руку. Его серые, твердые, как сталь, глаза стали циничными, когда он заговорил снова.— У меня есть предложение. Если вы наведете нас на правильный след и поможете локализовать этих пришельцев, то я обещаю вам пересмотреть свое решение. Вы согласны?

* * *

Наступившая ночь застала их на охоте. Как только поисковая экспедиция расположилась вблизи озера, мрак и тишина были разбиты вдребезги ударами громовых раскатов. Мэтлин метнулся с заднего сидения автомобиля, подбежал к берегу и стал внимательно вглядываться в темную воду. Он смотрел в направлении острова, который находился в самом центре озера. Мэтлин был самым осведомленным изо всех членов экспедиции, остальные обступили его в тревожном ожидании. Звук явно шел со стороны острова. «Гремит не меньше, чем целая эскадрилья реактивных самолетов, и такое впечатление, что звук доносится именно с острова!» — крикнул кто-то. Внезапно истинность этих слов подтвердилась. Звук усилился, повис над головами людей, а затем показался чудовищных размеров вертолет, четко выделяясь на фоне темно-синего неба. Неожиданно появившись, он так же быстро исчез, нырнув в прибрежное облако. Невыносимо громкий, раскатистый звук отступил, стал отдаленно пульсирующим и постепенно затих.

Мэтлин услышал в темноте голос Грехема:

— Скажите, у вас есть лодочный сарай поблизости?

— Да, рядом.

— Там есть лодка?

Мэтлин вздрогнул от страшной догадки: «Ведь не думают же они отправиться на остров,— Мэтлин судорожно сглотнул,— в такое время!»

Но Грехем серьезно сказал:

— Мы заплатим вам за аренду лодки и дадим гарантию против всех убытков в письменной форме, станем рассматривать это как вашу помощь в борьбе с пришельцами. Я подпишу Ваше требование.

Мэтлин колебался. Лодка и собственный кусочек берега были его единственной мечтой. Никто, даже Кора, не могли предста-

вить себе, как много они значили для него. В тот самый день, когда он убил первое чудовище, Мэтлин привез в грузовике песок со своей фермы и любовно разбросал его по краю воды. Стоя там, Мэтлин ясно понимал, что деньги помогут осуществить его мечту: шуршащий песок у края воды, охотничья, она же и рыбачья, сторожка, большая лодка — все то, о чем он часто грезил, но так и не смог приобрести.

— Я согласен,— коротко ответил он.

* * *

На острове, экономно расходуя сигнальный огонь, Мэтлин вел Грехема и еще двоих человек туда, где почва начинала твердеть под ногами. Когда они копнули землю, то обнаружили чистый металл под травой. Грехем вызывал по радиотелефону лагерь, который они покинули, затем переключил радио, чтобы они с Мэтлином могли слушать ответ. Имей они более мощную радиосвязь, то могли бы вызвать воздушный десант. И на рассвете несколько сотен обученных ребят с танками, машинами и пушками были б на этой холмистой местности вместе с ними.

Но радио молчало, и они снова остались одни в темноте. До прихода подкрепления оставалось еще несколько часов.

И снова первым был Мэтлин. Он случайно обнаружил выступ, который оказался входом в корабль огромных размеров. Мэтлин так хотел пробраться внутрь раньше всех остальных, что даже не представлял, как далеко зашел. Поняв это, он остановился, уже развернулся, собираясь бежать назад, но не двинулся с места. Зрелище заворожило его. В круглой комнате около четырехсот футов в диаметре несколько прочных, выдавленных из металла конструкций вырастали прямо из пола или свешивались с потолка. За исключением их, в комнате ничего не было. Подождав остальных, Мэтлин пошел вниз по уклону, ведущему на следующий уровень. Там было много огромных встроенных механизмов, если это действительно механизмы. Но и этот уровень был так же необитаем. На третьем уровне они обнаружили двух спящих «детей». Оба лежали на спине в длинном черном металлическом устройстве, похожем на ящик. Старший выглядел примерно в половину размера взрослого, младший — явно меньше, длиной в два фута. Оба имели упругие тела и были, вне всякого сомнения, моложе «оригиналов» двух пришельцев, которых уже убили.

Пока остальные — Грехем и два офицера — вопросительно глядели друг на друга, Мэтлин достал свой листок с требованием и протянул его Грехему. Представитель Государственной власти

сначала пристально посмотрел на него, потом, оценив оказанную помощь, смиренно кивнул, достал ручку и подписал. Еще минуту он продолжал держать листок в руках, пока Мэтлин не выдернул его, проявив некоторую агрессивность. От волнения он покрылся испариной, четко понимая, что альтернативы у него нет.

Мэтлин получил желанную подпись. Но теперь... Скорее прочь от всей этой гадости. Дальше уже не его дело!

Добравшись до берега озера, Мэтлин запустил мотор лодки и быстро поплыл в направлении своего лодочного сарая. Достигнув другого берега, он поставил лодку на место, пробрался незаметно сквозь темноту к своей машине и сразу отъехал.

Когда он миновал шеренгу деревьев вдоль дороги, до его фермы оставалось немногим более мили. Тут он заметил зарево, подъехав ближе, с ужасом увидел, что его двор объят огнем. Одновременно с этим слух Мэтлина пронзил рев двигателя огромной силы. Его дом, его сарай, навес для машины — все пылало! В ярком дрожащем свете пожара он увидел громадный вертолет, поднявшийся из-за построек, который взлетал в ночное небо. Теперь стало понятно, куда отправлялась эта машина, покинув остров несколько часов назад.

То, что сейчас мелькнуло в его голове, было отчасти правдой. То, что догадка правильна, подтверждал и этот оглушающий звук, источник которого был совершенно неразличим в темноте затянутого облаками неба.

Мэтлин нашел Кору и младшего сына. Они прятались в поле за фермой. Кора что-то пробормотала о пришельцах, которые могут смотреть на них сверху вниз, и добавила удивленно:

— Как они узнали, что это именно твоя ферма? Этого я никак не могу понять.

Глава 4

Пламя пожара постепенно гасло. Люди начали съезжаться во двор. Хлопали двери машин. В слабых отблесках огня, совершенно подавленный Мэтлин нес своего сына, шагая рядом с Корой к дорожному вагончику. Множество мыслей крутилось в его голове. Почему пришельцы не убили его жену и ребенка? Кора и мальчик находились полностью в их власти, как и ферма.

Сосед, которого звали Джон Грей, участливо предложил, коснувшись его руки:

— Стив, может быть, ты с семьей переночуешь у меня?

Предложение было принято.

В то самое время, когда они появились на ферме Грея, ведущий телевизионной передачи описывал события на острове. Он рассказывал, как Стив Мэтлин бросил троих человек на милость вернувшегося пришельца. Диктор назвал имя Стива несколько раз. Мэтлин узнал ведущего передачу. Это был один из членов Экспедиции Поиска Следов Пришельца.

Оглянувшись, Мэтлин увидел, что Грей, его жена — высокая, худая женщина — и Кора внимательно разглядывают его. Кора в ужасе произнесла:

— Нет, Стив, этого не может быть. Ты же не делал этого!

Стив сначала удивился, потом пронзительно выкрикнул:

— Я привлеку к суду этого малого за клевету.

— Значит, это неправда,— запричитала Кора.— Просто немыслимо, как люди могут так откровенно лгать.

Мэтлин был оскорблен. Это недоразумение, они неправильно истолковали его действия.

— Тут не то чтобы ложь, но какая-то чертовщина. Почему я должен был оставаться на острове? Если эти люди совсем потеряли рассудок, так это их личное дело. Я ушел при первой возможности.

Он обвел глазами лица присутствующих. Эта правда, совершенно очевидная для него, не была так же очевидна для них. Его не поняли. Мэтлин помрачнел.

— Я вижу, что мы не можем дольше пользоваться вашим гостеприимством.

— Пойдем, Кора.

Жена Грея процедила, почти не разжимая губы:

— Кора и мальчик могут остаться.

Мэтлин не возражал. Он решил смириться с их глупым непониманием.

— Я заберу вас утром,— сказал он, обращаясь к жене. Кора не ответила.

Грей проводил Мэтлина к его машине. Когда он снова вернулся в комнату, то покачал головой.

— Относительно вашего мужа,— обратился он к Коре.— Я, признаться, не представляю, как он может все это выдержать.

— Мне надо выдержки еще больше,— жестко заметила она.— Представляю себе состояние тех людей, которых он оставил на острове.

В глазах ее блестели слезы.

— Он говорит, что они заманили его на тот остров, не оставив выбора,— продолжал Грей.

— Никто не может заманить Стива. Если он сделал это, то только по своим соображениям.

— Он говорит, будто вдруг решил, что генералы лучше знают, как поступить; он почувствовал себя просто рядовым на линии фронта. С той минуты это стало уже не его войной.

— Если эта война не его, то тогда чья же она? Он первым нажал на курок!

— Правильно, но с другой стороны, генералы всегда должны быть на передовой линии огня, и ни один из них не рискует меньше, чем Стив. Я так и скажу ему.

— Просто удивительно,— произнесла Кора,— но он думает о Второй Мировой войне, как о заговоре с целью бесполезно убить его время. Он живет в своем совершенно особенном мире. Ничто его не волнует, не может заставить встряхнуться. Вы же сами сейчас в этом убедились.

* * *

Мэтлин вернулся на свою ферму и проспал на заднем сидении автомобиля. Когда утром он подъехал к ферме Грея, тот вышел ему навстречу. На его губах играла усмешка.

— Вот так, Стив. Эта война, в конечном счете, становится твоей.

Мэтлин удивился, увидев знакомую улыбку на лице своего соседа, но самим словам не придал никакого значения. Ничего не ответив, он просто вылез из машины и направился к дому.

Обе женщины сидели перед телевизором. Мэтлин даже не взглянул на экран.

— Кора, ты готова?

Женщины обернулись и странно посмотрели на него. Несколько минут прошло в молчании, пока не подошел Грей.

— Ты воспринимаешь это слишком спокойно,— напряженно произнес он.

— Что именно я воспринимаю спокойно? — удивился Мэтлин.

Грей беспомощно посмотрел на Кору.

— Я не могу ему это сказать,— прошептала она.

Мэтлин вопросительно взглянул на свою жену. Наконец она заговорила:

— Соберись с силами и слушай. Пришелец вернулся на остров и нашел там Грехема и двух его товарищей. Они смогли переговорить с людьми на берегу через какой-то там механический ретранслятор. Пришелец сказал, что он собирается покинуть Землю, но сначала он намерен завершить одно дело. Он сказал... он сказал...

— Ради Питера, Кора, поехали,— прервал ее Мэтлин.— Ты можешь рассказать мне это по дороге.

— Он сказал, что собирается сначала убить тебя,— закончила Кора.

В первое мгновение Мэтлин не мог произнести ни слова.

— Меня! — запинаясь, выговорил он, наконец, и через минуту добавил скептически: — Это просто нелепо. Я не имею никакого отношения к этому делу.

— Он сказал, что ты единственный на Земле, кто имеет к этому отношение.

Это оказалось еще большим ударом для Мэтлина. Он не мог говорить, не мог отрицать обвинения. Вопреки своему мировоззрению, он запротестовал:

— Но это первое чудовище двигалось прямо на меня. Откуда я мог знать, какие у него намерения?

Мэтлин опять услышал голос Коры, в нем было столько горечи...

— Он сказал, что на всех планетах, которые он посетил, никто никогда не стрелял без предупреждения, без того, чтоб задать хоть один вопрос.

Мэтлин пристально, без всякой надежды в глазах смотрел на жену.

Он чувствовал, что уничтожен, разбит, окончательно разгромлен. Еще минуту назад у него была едва ощутимая надежда, а сейчас ему хотелось остаться одному. Он не мог больше о чем-либо думать. Совершенно неожиданно для себя Мэтлин узнал, что все эти годы жил, обманывая сам себя; был убежден в том, что все, происходящее где-то в другом месте, не должно касаться его лично. Он притворялся так сильно, вошел в этот образ с таким искренним увлечением, что окружающие просто многозначительно переглядывались друг с другом и предпочитали помалкивать, но после этого больше не связывались с ним. Мэтлин всегда с удовольствием думал, что ему нет до них никакого дела и даже лучше, что они не болтают. Он с презрением относился к чужому мнению, ему было глубоко безразлично, что о нем думают. И вот теперь он оказался единственным человеком, который поступил так, что пришельцы с другой планеты имеют повод для убийства.

Своим видом Мэтлин вновь вызвал сочувственную улыбку Дэна Грея. Тот подошел к Стиву, беспомощно разводя руками.

— Я ничем не могу помочь тебе, Стив. Веришь или нет, но ты мне нравишься. Я даже думаю, что понимаю тебя. Но, прости мне эти слова, Кора, мне кажется, что это случай поистине поэтического правосудия. Я не думаю, что кто-нибудь еще имел возможность получить возмездие, прошедшее к нему из другой галактики.

Мэтлин повернулся и, ничего не ответив, вышел из комнаты. Он был уверен, что Кора поспешит следом.

— Подожди минуту, Стив,— окликнула она его,— у меня есть кое-что для тебя.

Мэтлин оглянулся. Они были одни в коридоре. Он догадался, что Кора сейчас снимет обручальное кольцо.

— Вот,— сказала она.— Я бы отдала его тебе еще девятнадцать лет назад, но страх за будущее нашего ребенка останавливал меня.

Она раскрыла его ладонь, положила на нее кольцо и сомкнула над ним пальцы мужа.

— Тебе нужен только ты сам, Стив. После двадцати лет нашей жизни, в которые ты был самым эгоистичным, самым себялюбивым человеком на свете, ты можешь посмотреть прямо в лицо тому, что тебя ждет. Разберись в себе самом, Стив. Это главное.

Мэтлин хмуро посмотрел на кольцо в ладони, потом молча опустил его в карман.

— Я надеюсь сохранить его и вернуть тебе, когда ты справишься с этими глупыми мыслями. Я никогда не обманывал тебя, говоря о своих чувствах.

С этими словами он повернулся и вышел из коридора, а затем из дома.

* * *

Автомобиль затормозил перед домом Грея. В нем сидел Джон Грехем. Он вылез и подошел к Мэтлину, который уже собирался войти в дорожный вагончик.

— Я прибыл, чтобы увидеть вас,— обратился он к Мэтлину.

— Поторопитесь.

— У меня есть три сообщения для вас.

— Пошел ты...

— Неплохо. Правительство Америки не может допустить, чтобы хоть один житель города погиб в результате несчастного случая. Поэтому,— продолжал он официальным тоном,— все вооруженные силы страны будут поставлены между инопланетным жителем и Стивом Мэтлином.

Мэтлин смотрел на него с нескрываемой враждебностью.

— Он может дублировать все, что видел, а также довольно сложные вещи.

Грехем продолжал тем же официальным тоном, что способность инопланетного создания продублировать сначала оружие, потом мусорную машину, затем вертолет была принята военны-

ми к сведению. Мэтлин отпустил короткий, глупый смешок, понимая, что генералы сумеют использовать подобную информацию.

— Дальше, дальше,— сказал он грубо.— Какое же второе сообщение?

— Оно личное,— ответил Грехем.

Он шагнул вперед. Его кулак поднялся, прекрасно соединился с челюстью Мэтлина. Удар отбросил того назад к машине. Мэтлин опустился на землю и сидел, растирая челюсть, уставившись на Грехема. Тот спокойно проговорил:

— Я думаю, что практически все выразят мне благодарность за это, а я ее приму. Вот вам и последнее сообщение.

Грехем, который явно рассчитывал принять бой, сделал шаг назад. Его былая жестокость стала отступать. Он удивленно пожал плечами.

— Стив, вы изумляете меня. Возможно, я даже начинаю уважать вас.

Мэтлин не ответил. Он все так же сидел на земле, уперев локти в колени.

Подождав немного, Грехем продолжил:

— У генералов возникла мысль, что, возможно, есть другая причина, из-за которой пришелец хочет расправиться с вами. Может, вы знаете что-нибудь?

Его серые глаза внимательно смотрели на Мэтлина.

— Не скрываете ли вы чего-то, что было в прошлом?

Мэтлин покачал головой, но слова Грехема заинтересовали его. Он медленно поднялся на ноги, нахмурился и, продолжая о чем-то думать, начал стряхивать пыль.

Грехем упорствовал:

— Есть предположение, что эта способность к дублированию основана на свойстве его к особому восприятию, которое человеческие существа не имеют.

— Эй,— оборвал его Мэтлин, широко раскрывая глаза,— Вы имеете в виду что-то похожее на чувство домашнего голубя или на птиц, летящих каждый год на юг, или на лососей, которые возвращаются в тот маленький водоем, где когда-то родились?

— Разумно,— отозвался Грехем.— Покопайтесь мысленно в прошлом, может быть, догадаетесь? Итак, пришелец хочет убить вас, прежде чем вы успеете передать кому-нибудь то, что известно только вам.

Мэтлин отрицательно покачал головой.

— Мне нечего вспоминать.

Грехем смотрел на него какое-то время, затем взгляд его прояснился.

— Вполне естественно, что военные не оставят шанса пришельцу, который представляет смертельную угрозу для жителя Америки. Для этого они собираются пустить в ход атомную бомбу и закончить дело раз и навсегда.

По непонятной причине Мэтлин почувствовал тревогу.

— Постойте,— произнес он с сомнением.— Полагаю, пришелец дублирует и такие вещи? Как только он получит что-нибудь, чем обладаете вы, то вы не успеете и глазом моргнуть, как такая же штука будет и у него.

Грехем был спокоен.

— Думаю, бомба создается прямо сейчас. Бомба должна быть маленькой. Если она будет обычного размера, то превратит в пыль этот космический корабль. Я лично очень сожалею по этому поводу, но не сомневаюсь в окончательном результате. Бомба взорвется моментально, у пришельца не будет возможности продублировать ее, а потом, я думаю, на этом месте уже не останется никого, кто имел бы такую возможность.

— Лучше предложить военным придержать эту бомбу какое-то время, пока они не узнают побольше о возможностях пришельца,— предложил Мэтлин.

Грехем взглянул на часы.

— Я боюсь, что для этого уже не осталось времени, Стив. И есть еще одна идея. Военные допускают, что существует некая телепатическая связь между вами и этим пришельцем... если верить фактам, то бомбу уже бросили. Я прав. Уже!

Пока Грехем говорил, послышался отдаленный грохот. Оба непроизвольно присели. Затем выпрямились и оглядели ближайшие фермы и деревья, растущие за низкими холмами. Небольшой, но хорошо знакомый зловещий гриб вырастал по одну сторону горизонта.

— Вот так,— промолвил Грехем.— Дело сделано. Паршиво. Но это было необходимо в ответ на его угрозу.

— А что с другим кораблем? — спросил Мэтлин.

— Каким другим?!

До этой минуты они разговаривали спокойно, но после этих слов удивленно уставились друг на друга. Грехем первым нарушил молчание.

— О, Господи! — только и смог произнести он.

* * *

В ставке Главного Командования упорствовали. В эти два решающих дня они отвергали идею существования второго корабля.

После полудня третьего дня радар зарегистрировал небольшой объект, летящий на высоте примерно равной высоте наблюдательной базы, с которой взлетал самолет с атомной бомбой, уничтожившей космический корабль на острове. С контрольной вышки вызвали на связь приближающийся по воздуху объект. Ответа не последовало. Кто-то из дежуривших начал волноваться. Обеспокоенный, он включил сигнал тревоги, потом стремительно бросился вниз, обеспечивая себе безопасное укрытие. Мгновенная реакция спасла его, единственного из почти девятисот человек, которому удалось уцелеть. Через секунду после того, как он нырнул в безопасное место, высотная наблюдательная база была уничтожена атомной бомбой.

* * *

Приблизительно в то же время вертолет службы телевидения парил над островом на озере Мэтлина, показывая глубокий кратер, оставшийся после взрыва бомбы. Неожиданно появился космический корабль. Он тихо опустился вниз с огромной высоты и сел на землю. Вертолет среагировал немедленно. Показав вид озера с другой стороны, он быстро исчез.

* * *

Грехем зашел повидаться с Корой. Он искал Мэтлина. Но Кора только отрицательно покачала головой.

— Стив сказал, что не собирается возвращаться до тех пор, пока это не кончится. Он считает, что лучше не оставаться на одном месте. Можно ли сидеть спокойно, когда это чудовище ищет его?

Фотография Мэтлина была показана по телевизору. На четвертый день после этого Грехем беседовал с несколькими угрюмыми молодыми людьми, которые пытались захватить Мэтлина. Они намеревались передать его в руки пришельца. Старший из них объяснил это так: «Потеря одного парня, который заварил всю эту кашу, даст нам покой и возможность вернуться к повседневным делам». Они стояли шеренгой. Один опирался на костыли, второй с перевязанными руками, у всех были наложены повязки, они тихонько стонали. На следующий день Грехем допрашивал двух человек, которые утверждали, что были свидетелями дуэли между Мэтлином, который находился в дорожном вагончике, и чудовищем, летающим на огромном реактивном самолете. У Мэтлина было ракетное противолодочное ружье, и чудови-

ще, в конце концов, отступило. Генерал Максвел Дэй, который присутствовал при допросе вместе с Грехемом, громко удивлялся: «Мэтлин, наверное, совершил налет на морской арсенал, вынес ракетную пусковую установку и четверть тонны боеприпасов к ней».

Грехем позвонил Коре:

— Я проверяю одно сообщение,— сказал он.— Не надумал ли Мэтлин утилизировать морское военное снаряжение?

— Это оружие принадлежит гражданам Соединенных Штатов, не так ли? — осторожно спросила она.

— Да.

— Так. Тогда, я думаю, Стив тоже может считать себя совладельцем, как гражданин. Это ведь не нарушение с его стороны? Учитывая и то, что он заплатил за него определенную цену, отслужив во время войны...

Грехем прикрыл рукой микрофон.

— Я прихожу к заключению, что он мог все это раздобыть,— сказал он, обращаясь к генералу.

Морской офицер поднес руку к трубке:

— Позвольте мне поговорить с ней.

— Миссис Мэтлин? — спросил он через минуту.

— Да, я вас слушаю.

— Могу я задать вам несколько весьма личных вопросов, касающихся вашего мужа?

— Да, пожалуйста.

— Итак, миссис Мэтлин, мистер Грехем относится с большим уважением к вашему мнению, поэтому отвечайте, по возможности, откровенно. Ваш муж смышленый?

Кора задумалась на какое-то время, затем сказала:

— Я знаю точно, что именно вас интересует. В некоторых случаях нет, но иногда проявляет завидную сообразительность.

— Он храбрый?

— Послушав его самого — нет, но, по-моему мнению — да, вполне. Я думаю, что вы все же должны действовать в его интересах.

— Что он думает о генералах?

— Что они идиоты.

— Он честный человек?

— Да... в основном. Иногда это зависит от обстоятельств. К примеру, он взял с собой ружье в тот первый день в надежде тайком подстрелить оленя.

— Я имею в виду не это. Ответственно ли он относится к долгу?

— К долгу? Говоря его словами, ничто не приносит ему большего удовлетворения, чем деньги.

Эти слова вызвали улыбку у генерала.

— А теперь скажите, миссис Мэтлин, смогли бы вы отправиться и вернуть мужа, если я сделаю его сержантом?

— Почему не капитаном?

— Прошу прощения, миссис Мэтлин, но если бы вы немного подумали, то согласились с тем, что он никогда не унизится до такой степени.

— Конечно, я действительно не подумала. Вы правы. Я могу вернуть его, но... он ведь не служит на флоте.

— Будет служить, миссис Мэтлин. До свидания.

С этими словами генерал положил трубку.

Ровно через час после их разговора по телевидению, радио и газетах было объявлено, что Мэтлин зачислен на службу во флот, и ему приказано явиться с докладом на ближайшую морскую базу.

Той же ночью, ближе к полуночи, реактивный самолет с Грехемом и несколькими офицерами на борту приземлился на морской базе, где Мэтлин ждал их, смирившись со своим положением. Ему выдали форменную одежду. И сразу же, как только этот небритый и мрачный человек натянул ее на себя, они начали задавать ему вопросы. Они с интересом прислушивались к любой его мысли, которая возникала в памяти Мэтлина помимо его воли. Мэтлин возражал:

— Это какое-то безумие. Я не знаю ничего особенного, включая и то, зачем меня сюда забрали.

— Мы думаем, что вы что-то знаете.

— Это уже слишком.

— Рядовой Мэтлин, выполняйте приказ!

С неохотой Мэтлин подчинился приказу. Он рассказал им все, что вспомнил относительно пришельца за последние пять дней. И были такие вещи, много вещей, которые, по сути, казались ему безумными или искаженными, пока он не решил, что начинает сходить с ума. Видения дома на планете другой звезды. Видение долгого, многолетнего путешествия. Образ спрятанного корабля на озере, где тысячи атомных бомб находились в процессе размножения. Его слушатели побледнели, но Грехем настоятельно потребовал:

— Продолжайте.

Мэтлин продолжал. Там было только одно живое существо, которое доставило несколько запасных телесных форм, но могло вырастить гораздо больше. Тут Мэтлин прервал рассказ.

— Проклятье,— прорычал он.— Я не намерен рассказывать больше эту гадость. Почему вам хочется слушать это, а? Ведь все, что я говорю, похоже на страшный сон.

Грехем взглянул на морского офицера, потом на Мэтлина.

— Мэтлин, мы думаем, что это вовсе не сон. Вы резонируете — каким-то непонятным образом — мысли пришельца. Нам необходимо знать, что у него на уме, поэтому, ради всего святого, продолжайте.

История, которую Мэтлину приходилось складывать из отдельных кусочков в единое целое, обрела определенный смысл.

Чужеземец прибыл в солнечную систему на двух кораблях вместе с запасными телесными формами в различных стадиях роста. Они были размещены поровну в двух кораблях. Один из кораблей вместе со своим грузом тел оказался уничтожен. Пришелец создал дубликат, и теперь кораблей снова два. Тела, которые были уничтожены одно за другим, теперь восстановлены и росли гораздо быстрее. Они просыпались вполне взрослыми, затратив на это всего два дня.

Каждое новое тело имело совершенную «память» и знало о том, что произошло с его старшими предшественниками. Те автоматически записывали на информационную пленку все, что происходило с ними в процессе жизни — для «памяти» последователей.

По прибытию на землю первое тело обладало повышенным восприятием. Оно хотело наилучшим образом скопировать мысли и чувства жителей новой, найденной ими планеты.

«Быть как они, думать как они, знать их язык»,— существо находилось в беспомощном состоянии, когда наткнулось на Стива Мэтлина. Вот и вся история. Когда отштамповали новое существо, оно уже имело в памяти образ Мэтлина.

— Стив, вы сознаете, что это позволит пришельцу узнавать обо всех наших планах нападения через вас? — спросил Грехем.

Мэтлин заморгал и тяжело вздохнул. Грехем вспомнил что-то, о чем говорила ему Кора.

— У вас есть друзья, Стив? — вдруг спросил он.— Кто-нибудь, кто вам нравится? Где-нибудь?

Он сделал ударение на последнем слове.

Мэтлин не мог вспомнить никого. Конечно, за исключением Коры и детей, но его чувства к ним были неодинаковы. Кора в свое время настояла отправить троих старших детей учиться в город. Он спокойно перенес разлуку. Скорее всего, он лишь изображал отцовские чувства на должном уровне для жены и детей.

— Вот почему она жива. Вот почему пришелец не уничтожил ее в тот день, когда сжег вашу ферму,— заключил Грехем напряженно.

— Но... но... почему тогда он уничтожил ферму? — запротестовал Мэтлин.

— А вы никогда не проклинали с ненавистью это место?

Мэтлин молчал. Конечно, он произносил это тысячу раз.

— Стив, как вы думаете, что бы следовало сделать примерно с половиной населения этой страны?

— Я думаю, что следовало бы стереть человеческую расу с лица земли и начать все сначала,— ответил Мэтлин автоматически.

— А как, вы думаете, следует поступить с русскими?

— Если вы хотите знать мое мнение, то вы должны переступить через них и покрыть всю Азию атомными бомбами.

Помолчав немного, Грехем мягко сказал:

— Вы не хотите изменить какое-нибудь из своих намерений, Стив?

Мэтлин, уже одетый по всей форме, хмуро разглядывал свое отражение в зеркале.

— Смотрите, вы не можете дать мне знать, когда я получу удар в спину. Я покроюсь вшами прежде, чем эти идиоты генералы расхлебают эту кашу. Скажите мне, наконец, чего вы от меня ждете?

* * *

Именно в этот момент существо прекратило лихорадочное дублирование атомных бомб и занялось собой. Его принудительная связь с Мэтлином была разорвана. Сосредоточившись, существо сделало отчет, пользуясь мгновенным, переменно-волновым радиопередатчиком, приемник которого находился на расстоянии многих световых лет.

— То, чего мы всегда опасались, приближаясь к новой, еще незнакомой нам планете, произошло со мной.

Пока я затрачивал огромные усилия на восприятие мыслей, поступавших с новой планеты, мое первое тело было разрушено двуногим представителем обитателей этой звездной системы, имеющим самые невероятные намерения, которые появились из-за дурного обращения. Неумение сбрасывать шоковое состояние, кажется, будет единственным феноменом жителей этой планеты. Понимая, что я оказался в западне, а он, несмотря на это, остался жив, я предпринял несколько попыток убить его. Они оказались безуспешными потому, что он проявил неожиданную изобрета-

тельность. Но сейчас он носит костюм, который называется формой, и это сразу сделало его миролюбивым человеком. Таким образом, я смог освободиться. Естественно, я до сих пор могу чувствовать, где он находится, но он не может больше воспринимать мои мысли так же, как я его. Однако я должен сообщить, что меня осаждает воздушный флот. Мой образ доброжелательного гостя полностью разрушен после того, что произошло. Очевидно, что я не должен был использовать никакого оружия против них, поэтому, скорее всего, эта экспедиция обречена на провал.

Группа астронавтов была отправлена в помощь. Она успешно разместилась на борту второго космического корабля существа; в корабле расположились четыре телесные формы в различных стадиях роста.

* * *

Так же спокойно, как и стартовавший корабль на своей безмолвной орбите, Мэтлин скользил по краю озера. Ему предоставили правительственный быстроходный катер. В то время как Грехем и генерал Дэй наблюдали за ним в бинокль, Мэтлин причалил судно стоимостью в тридцать тысяч долларов прямо к пляжу острова, нисколько не заботясь о том, что может повредить его.

— Я думаю, он все же разобьет катер,— произнес Грехем.

— Ну и хорошо.

— Хорошо?

— Вся моя теория относительно Мэтлина была бы разрушена, если бы он обращался с правительственным имуществом так бережно, как со своим собственным. Теперь же я убежден, что он именно такой, как я о нем думаю.

* * *

Мэтлин пришел туда, где на дне воронки лежал инопланетный корабль. Вода просочилась внутрь воронки вместе с глиной. Выполняя приказ, Мэтлин послушно скользнул вниз. Он высоко держал ружье. Отчаянно ругаясь, он направился ко входу. Грехем, генерал Дэй и майор артиллерии следили за продвижением Мэтлина с помощью портативного телевизора. Изображение поступало на корабль, находящийся на расстоянии семидесяти тысяч футов от острова. Видимость была кристально чистой. Сквозь

изумительные телескопические линзы Мэтлин казался крошечным двигающимся человечком.

— Но почему послали его одного? — запротестовал Грехем.— Почему не взорвать все это сейчас? Как вы уже показали, у нас достаточно сил, чтобы уничтожить пришельца.

Генерал Дэй объяснил, что он сейчас одобряет прежнюю точку зрения Грехема. Чужеземец, скорее всего, в состоянии защищать себя.

— Но сейчас предостерегать уже поздно. Мы сожгли все мосты,— воскликнул Грехем.

Морской офицер объяснил, что было бы неблагоразумно раздражать пришельца, пока конфронтация продолжается.

— Конфронтация между сверхсуществом и Мэтлином!

— А кого мы могли послать? Какого-нибудь беднягу? Нет, Мэтлин лучше ориентируется в обстановке. Смотреть в лицо инопланетянина для него не новое испытание, как это было бы для другого человека, не встречавшего раньше пришельца.

— Но почему не послать вас? Меня?

Дэй ответил в неизменно спокойной манере, что всякие решения, в данном случае, не должны приниматься человеком, который рассуждает и действует со служебных позиций.

— Как, по-вашему, я сумел стать генералом? Когда возникали сомнения, я прислушивался к мнению простых людей. Их природная ловкость и осторожность превосходят интеллект. Их правда — основа нашего общества.

— Вы слышали, на чем основана правда Мэтлина? Его мнение о человечестве? — напряженно спросил Грехем.

Генерал бросил на него удивленный взгляд.

— Вы хотите сказать, что полностью не согласны с его мнением.

— Да.

— Вы не думаете, что человечество совершенно невыносимо?

— Нет, я думаю, что оно ужасно.

— Вы далеко зашли,— сказал генерал.— Я знаю, что мы, моряки, имеем такое же понятие о человеческом поведении, как и ваши люди с хорошо промытыми мозгами,— генерал на минуту задумался.— Мэтлин просто попал в плохие руки во время войны.

— Что? — не понял Грехем.

— Вам интересно, как отражается на поведении человека то, как обращались с ним в армии? Очень сильно отражается. Видите ли, мистер Грехем, вы должны понять, что истинный моряк — это король. Сейчас Мэтлин — настоящий моряк. Но с ним обращались, как с простым рядовым. Он никогда не мог переступить

эту черту. Так он и сидел двадцать лет, ожидая признания. Я ему дал его. Король моряк, мистер Грехем, может руководить военными действиями, принять на себя командование, вести переговоры с силами противника от имени правительства. Моряки, которые достойны быть генералами, высоко ценят действия подобного рода. Все моряки прекрасно знают это. Вот и у Мэтлина не будет возможности посоветоваться со мной, с вами или с правительством Соединенных Штатов. Он будет сам оценивать ситуацию, принимать решения, а я буду ждать его возвращения.

Он повернулся к майору, скомандовал:

— Время. Открывайте огонь.

— Огонь! — крикнул Грехем.

Дэй объяснял терпеливо, как ребенку, что это необходимо в такой крайне критической ситуации. Надо поддержать веру в этого особенного моряка и простой правдой заложить в его сознание, для его же блага то, что генералов всегда кусают те же вши, что и рядовых.

— Маленькое напоминание, мистер Грехем, только и всего.

* * *

Мэтлин все еще скользил по вязкой грязи, когда первый снаряд упал слева от него. Его обдало мелкими каплями мокрой грязи. Второй снаряд разорвался справа. Осколки не достали Мэтлина, но он был в такой ярости, что не замечал ничего вокруг. На какое-то время выстрелы прекратились. Его гнев прошел, и состояние четкости мыслей, полной решимости и особого подъема, можно было описать только одним словом — моряк.

Человек, который сейчас ступил на корабль инопланетянина, знал, что жизнь жестока; люди не доверяют ему; никто не беспокоится о нем. Эта была его правда, он всегда боролся с горечью и гневом. Люди были такими, какими были. Они выстрелят вам в спину, если не смогут поставить перед собой. Понимая это, можно дружить с ними, пожимать им руки, наслаждаться их обществом и быть абсолютно свободным от необходимости восхвалять или осуждать их. Он же был сам по себе день и ночь, год и вечность. Но сейчас и здесь не было больше сомнений, не было злых мыслей.

Как только Мэтлин увидел пришельца, он использовал свое оружие с той целью, с которой принес: намеренно бросил его на пол. Ружье с грохотом ударилось о металл. Звук отразился эхом от стен корабля и замер. Воцарилась полная тишина. Пришелец и человек смотрели пристально друг на друга. Мэтлин ждал.

Неожиданно в тишине прозвучал долгожданный голос:

— Я разговариваю с тобой при помощи компьютера, который переводит мои слова на твой язык. Такая же возможность будет и у тебя. Почему они прислали ко мне именно тебя, единственного человека, которого я грозился убить?

Голос затих на какое-то время, потом Мэтлин услышал:

— Я не намерен больше пытаться убить тебя, ты можешь говорить свободно.

— Мы стараемся решить, что с тобой делать. Чего ты хочешь? — коротко спросил Мэтлин.

— У меня есть желание навсегда покинуть эту планету. Ты можешь организовать это?

Мэтлин был человеком практичным. Он подумал: «Может ли пришелец покинуть Землю по своему собственному желанию или нет?»

— Нет,— ответил он.

Простое отрицание немного смутило инопланетянина.

— Есть у тебя специальное оружие из... из того места, откуда ты прибыл?

— Ничего,— признался пришелец.

Это признание поразило Мэтлина.

— Ты хочешь сказать, что мы можем поступить с тобой, как захотим? Ты не сможешь остановить нас?

— Да, исключая...

Мэтлин хотел знать, что именно пришелец исключает. Перед ним мерцали большие глаза инопланетянина, его черные, словно складные, веки закручивались вверх и вниз, мускулы были расположены не так, как у тех существ, которых Мэтлин видел раньше.

— Исключая то, что вам тоже не будет хорошо, если вы меня убьете.

— Ты бы лучше не угрожал, а объяснил, какие у тебя намерения.— Внимательно наблюдая за Мэтлином, существо дало необходимые пояснения.

* * *

Катер Мэтлина оказался наполовину залит водой, когда Мэтлин ловко причалил его в том месте, где Грехем и остальные с нетерпением ждали его. Он подошел к ним и отдал честь. Генерал Дэй изящно отсалютовал в ответ и сказал:

— Рапортуйте.

— Я сказал пришельцу, что он может улетать,— отчеканил Мэтлин.

— Он улетит, когда я дам ему сигнал.

— Что?! — это был Грехем. Его голос, прозвучавший пронзительно и изумленно, удивил его самого.— Но почему?

— Не имеет никакого значения — почему,— сказал генерал Дэй.

— Значит, только так все это и разрешится.

Он включил свой микрофон.

— Внимание! Космический корабль инопланетянина собирается стартовать отсюда через несколько минут. Дайте ему взлететь без помех. Должным образом уполномоченные лица договорились и приняли такое решение.

Этот язык был непонятен Мэтлину.

— Все в порядке? — взволнованно спросил он.

На какой-то момент Грехему показалось, что Дэй сомневается.

— По крайней мере, вы собираетесь узнать, что заставило его согласиться? — воспользовался он случаем.

Но Дэй уже принял решение. Его минутное сомнение как рукой сняло.

— Хорошо,— сказал он Мэтлину.— Все хорошо, сержант.

Мэтлин поднял ружье и выстрелил в воздух.

— Я никогда не проигрывал пари, ставя на морского короля, и предполагаю, что этого не произойдет и сейчас,— заметил генерал Грехему.

Споры закончились. Корабль медленно поднимался над островом. Тихо, без реакторов и громовых раскатов, какая-то сила быстро уносила его вверх. Он пролетел над головами людей, набирая скорость. Корабль становился все меньше и, пока они смотрели, превратился в точку и исчез.

На его борту инопланетянин, с которым разговаривал Мэтлин, выполнил все необходимое для межзвездного путешествия, а затем удалился в одну из спальных коробок. Вскоре он был в состоянии приостановленной жизни.

А на земле осталось то, что больше всего огорчило пришельца, о чем он говорил Мэтлину: обыденная жизнь, которая делала космического гостя бесполезным, ненужным, даже опасным, грозившая уничтожить его самого и его корабль.

КИБОРГ

Киборг с трудом шевельнулся в маленьком, почти невидимом самолете. Его глаза напряженно всматривались в видео-панель, сканирующую небо перед ним. Внезапно появились две огненные вспышки. В то же мгновение самолет накренился, как будто испытал двойной удар. Сперва медленно, а затем все быстрее он стал падать в район вражеских позиций. Когда он приблизился к земле, сработала система торможения. Падение замедлилось. Киборг успел увидеть, что под ним руины большого города. Крохотная машина беззвучно укрылась среди обломков того, что когда-то было зданием.

Прошло немного времени. Затем, просеиваясь сквозь свист и шорохи в радиоприемнике, рядом с киборгом зазвучали незнакомые ему голоса.

— Билл! — сказал первый голос.

— Валяй!

— Мы его достали?

— Не думаю. Во всяком случае, это ненадолго. Полагаю, что он совершил посадку в полуавтоматическом режиме, хотя об этом трудно говорить, не зная их спасательной аппаратуры. Вероятно, он где-то сел и выключил двигатель.

— Думаю, мы все же вывели его из строя.

— В таком случае, тебе известна процедура, которой следует придерживаться, когда один из них оказывается на нашей территории.— Начинай психологическую обработку. Я вызову «Грифа».

— Не сваливай это дело на меня. Мне уже тошно повторять этот текст. Теперь прочитай его ты.

— Ну ладно. Дай мне начальные инструкции!

— Хм-м... вон он там, внизу. Может быть, начать его преследование?

— Не-а! Киборги, которые они посылают в последнее время, относятся к высокоинтеллектуальным. Это значит, что нам не удастся его захватить. Он настолько быстро взлетает, что ничего не остается, как только уничтожить его. А кому, черт побери, охота убивать этих бедных, измученных рабов?

— Ты получил его изображение?

— Угу, он в это время слушал что-то с сосредоточенным выражением лица. Красивый парень... Смешно и, в какой-то мере, ужасно, что это все началось, не так ли? — М-да! Интересно, какой у него номер?

Наступила продолжительная пауза. Автомат с трудом шевельнулся.

— Его номер? Разумеется, 92.

А что еще? Голос зазвучал снова:

— Бедняга, он, вероятно, и не помнит, что у него было имя.

— Кто бы мог подумать,— отозвался другой голос,— когда они впервые создали человеческий дубликат — плоть, кровь, кости и прочее,— что всего через пятьдесят лет мы будем сражаться не на жизнь, а на смерть с существами, которые выглядят точно так же, как и мы, за исключением того, что являются евнухами от природы.

Со смутным волнением и вниманием слушал киборг разговор двух людей. Временами он кивал, когда их слова напоминали ему что-то почти совсем уже забытое.

Дубликаты человека сперва назывались роботами. Но это слово их обижало, и они стали употреблять его, ставя буквы в обратном порядке, так что получилось «тобор». Это слово прижилось. Тоборы оказались очень толковыми учеными, и на первых порах никто не обратил внимания на то, как быстро они заняли все научные должности во всех уголках мира. Также осталось незамеченным, что тоборы тайно провели кампанию по дубликации в огромных масштабах. Величайшим шоком для людей явилось то, что контролируемые тоборами правительства на всех континентах одновременно ввели в действие закон, объявивший дубликацию единственным способом воспроизведения потомства. Секс был запрещен. Первое нарушение наказывалось штрафом, за вторым следовало тюремное заключение и затем, для упорствующих,— изобретенный тоборами процесс превращения в киборгов.

За исполнением нового закона стала следить уже существующая к этому времени специальная полицейская организация.

Исполнительные органы, созданные тоборами, стали действовать немедленно. В первый же день на улицах завязались бои. Ни одна из сторон не помышляла о компромиссе, и через две недели развернулась настоящая война.

Закончив исторический обзор, Билл сказал: — Полагаю, он услышал достаточно. Пора действовать.

Раздался приглушенный смех, и воцарилось молчание. Обеспокоенный киборг ждал продолжения. В его сознании мелькали отрывочные воспоминания о временах, когда не гремела война, где-то гуляли девушки, и мир был совсем другим...

Но далекие от реальности картины быстро пропали. Он снова оказался в этом корабле, который металлом окружал его тело, словно одежда, сшитая по фигуре. Ему надо было продолжать аэрофотосъемку... Он должен снова взлететь!

Летчик почувствовал, что корабль, реагируя на его настойчивые мысли, напрягся, но остался неподвижен. Несколько секунд он вяло лежал. Затем потребность взлететь возникла снова. Снова крошечный корабль содрогнулся от усилий, но движения вверх не произошло.

Автомат тупо подумал: «Что-то упало на корабль и придавило его. Надо выйти и убрать это...»

Он стал карабкаться вверх из окружающего металла и обивки. По лицу его стекал пот, но, в конце концов, пилот выбрался наружу и сразу погрузился по щиколотку в пыль. Он знал, как действовать в таких ситуациях: проверить оборудование, оружие, инструменты, противогаз...

Но вместо этого он тут же лег ничком на землю. Большой, темный корабль, спиралью опустившись с неба, сел в нескольких сотнях ярдов от него. Распластавшись, киборг наблюдал за ним, но люки оставались неподвижны, никто не выходил. Озадаченный этим киборг поднялся на ноги. Он вспомнил, что один из говорящих по радио сказал, что вызван «Гриф».

Итак, они одурачили его, притворившись, что уходят. На борту корабля ясно читалось название «Гриф-121».

При одном взгляде на него было ясно, что намечается атака.

Волевой рот киборга сжался: «Они скоро узнают, что мешать рабу Тобора не стоит. Умру за Тобора, могущественного Тобора...»

Молодая женщина напряженно следила за тем, как пилот заводит на посадку высокоскоростной самолет. Перед ее взором среди руин города парил «Гриф». Большой корабль был прекрасно виден. Он проплывал над самыми высокими остатками стен, выделяясь черной массой на однообразном сером фоне разбросанных взрывами камней.

Земля едва заметно дрогнула при посадке. Она быстро выбралась из своей машины, сжимая в руках сумку. Дважды во время перебежки по загроможденной обломками поверхности женщина

больно подворачивала правую ногу. Наконец, задыхаясь, она взбежала по узкому трапу.

Стальная дверь, клацнув, открылась. Поспешно войдя внутрь корабля, женщина оглянулась. Дверь за ней плотно захлопнулась, и она с облегчением поняла, что находится в безопасности. Она остановилась, привыкая к сумраку металлической комнаты. Вскоре ее глаза различили небольшую группу людей. Один их них, невысокий очкастый мужчина с худощавым лицом, шагнул ей навстречу. Одной рукой он взял сумку, а другой тепло поздоровался с ней.

— Молодец, девочка! — сказал он.— Все было сделано быстро и хорошо. Я думаю, мисс Хардинг, что ни один разведывательный корабль роботов не опознал вас в эти полминуты, что вы были на виду. О, прошу прощения,— он улыбнулся,— я не должен был называть их роботами, не так ли? Они же все переиначили, вам известно? Они называют себя тоборами. Это слово ритмичней и психологически удовлетворяет их больше... Ну вот, ваше дыхание уже стало спокойней. Между прочим, позвольте представиться, доктор Клейермейер.

— Доктор,— едва произнесла Хуанита Хардинг,— вы уверены, что это он?

— Определенно. Это ваш жених, Джон Грегсон, выдающийся химик,— произнес мужчина помоложе. Он шагнул вперед и взял сумку из рук пожилого доктора.— Патруль получил картинку новым способом, а мы уже настроились на их волну. Картинку передали в главный штаб, а потом для нас.

Он замолк и обаятельно улыбнулся.

— Меня зовут Мэдн. Тот парень с длинным мрачным лицом — Филипс. А этот верзила с непричесанными волосами, словно слон, притаившийся в темном углу,— Райс, наше главное действующее лицо, а с доктором Клейермейером вы уже познакомились.

— У нас тут до черта работы, мэм. Я прошу прощения за эти грубые слова,— сердито произнес Райс.

Быстрым движением руки мисс Хардинг сняла шляпку. Следы испуга еще оставались в ее глазах, но на губах проступила улыбка.

— Мистер Райс, я живу у своего отца, кличка которого «Циклон-Хардинг». Для него наша повседневная речь это враг, которого он атакует любым доступным оружием. Вы еще собираетесь извиняться?

Верзила хихикнул.

— Ваша взяла. Но давайте займемся делом. Мэдн, твой мозг думает словами. Опиши для мисс Хардинг ситуацию!

— Хорошо,— молодой человек был обижен, но сдержал себя.— Нам повезло, мы были в воздухе совсем близко, когда при-

шло первое сообщение, что посадили целехонького киборга. Как только была получена информация, мы попросили армейский штаб, чтобы они, используя все имеющиеся самолеты, установили защитное кольцо. Стараясь нам помочь, они даже сняли технику с ближайших позиций,— он сделал паузу и нахмурился.— Это надо было сделать очень осторожно, чтобы тоборы не догадались, что здесь происходит. Ваш жених не может уйти. В этом, я думаю, нет сомнения. И они его не смогут вызволить без привлечения слишком больших сил, чтобы застать нас врасплох. Самая большая проблема для нас — взять его живым.

— И это,— вмешался Клейермейер, пожав плечами,— может, конечно, оказаться и легким, и трудным делом. К сожалению, все должно быть сделано очень быстро. Такая концентрация сил не может долго оставаться незамеченной тоборами. Узнав о наших усилиях, они изучат его досье, проанализируют, пусть даже частично, создавшуюся ситуацию и начнут действовать.

— Другим осложняющим фактором является то, что в прошлом мы допустили немало ошибок. Вы должны понять, что наша тактика является психологической, основанной на фундаментальных человеческих порывах.

Проявляя терпение, он разъяснил план действий...

— Девяносто второй!.. Говорит Сорн.

Голос из наручного приемника звучал резко, настойчиво, повелевающе. Киборг в бетонном укрытии встрепенулся:

— Да, господин?

Очевидно, требовалось только подтверждение связи, потому что он услышал, как голос на другом конце произнес:

— Он еще жив!

Голос слышался хуже, словно гуманоид повернулся, чтобы обратиться к кому-то еще. Второй голос звучал неуверенно:

— Нормально, я бы не проявлял беспокойства, но этот из тех, кто уничтожили свои досье. А теперь команда «Грифа» пытается завладеть им.

— Они это делают каждый раз.

— Я знаю, знаю,— в голосе чувствовалось недовольство самим собой, как будто он понимал, что поступает глупо.— И все же, мне кажется, мы дали ему слишком много времени. И никуда не денешься от факта, что этот их корабль обменивался длительными сериями закодированных сообщений со своим штабом. После чего на сцене появилась женщина.

— Они почти всегда в таких случаях используют женщин,— в голосе тобора слышалось отвращение, хотя слова означали, что он не согласен с приведенными аргументами.

На этот раз молчание было более продолжительным. Наконец тот, кто высказывал сомнение, заговорил снова:

— В процессе работы я в свое время четко запомнил, что примерно два года назад мы неожиданно захватили человека-химика, который, как было установлено, разработал процесс сексуализации тоборов,— эмоциональное отвращение переполнило его и, несмотря на искренность следующих слов, голос его дрожал.— К сожалению, мы узнали об этом слишком поздно и не смогли тогда найти этого человека. Очевидно, он прошел обычное собеседование и был дементализирован,— он полностью овладел собой и продолжил с сарказмом.— Конечно, это все могло быть просто пропагандой, предназначенной для того, чтобы вывести нас из себя. Но в то время наша разведка докладывала, что в их высших правительственных кругах царит депрессия и обреченность. Нам казалось, что мы напали на его город, схватили его в собственном доме, разрушили лабораторию и сожгли все его записи, но ведь таких налетов было много. Они совершенно не отличались друг от друга, а захваченные при этом пленные не отличались от захваченных при других ситуациях.

Снова воцарилось молчание... затем прозвучало:

— Отдать ему приказ убить себя?»

— Выясните сначала, есть ли у него оружие.

Снова возникла пауза. Потом голос зазвучал громче:

— У тебя есть бластер, девяносто второй?

Когда этот вопрос прозвучал из наручного приемника, киборг, до этого слушавший беседу безучастно глядя вдаль, ожил.

— У меня с собой легкое оружие,— ответил он тупо.

Вопрошающий снова отвернулся от микрофона.

— Ну что? — спросил он.

— Прямое воздействие слишком опасно,— ответил второй тобор.— Вы знаете, как они противятся акту самоубийства. Иногда это даже выводит их из подчинения. Воля к жизни у них слишком сильна.

— Мы так ни к чему и не пришли.

— Нет! Прикажите ему не сдаваться живым. Это проходит по другому уровню. Это пробудит его лояльность, заложенную в него ненависть к нашему врагу — человеку и приверженность делу тоборов.

Лежащий среди обломков автомат кивнул в ответ на твердо отданную команду. Естественно... не страшась смерти... конечно.

В голосе Сорна, звучащем из приемника, слышалась неудовлетворенность:

— Я думаю, мы должны форсировать события. Будет разумно сконцентрировать в этом районе излучатели и посмотреть, что произойдет.

— До сих пор они всегда принимали вызов.

— Только до определенного предела. Я серьезно считаю, что мы должны проверить его реакцию. Мне кажется, что этот человек, будучи в неволе, слишком сильно сопротивлялся воздействию, которое на него оказывали, а сейчас он подвергается поистине огромному давлению.

— Люди очень обманчивы,— с сомнением произнес другой.— Некоторые из них хотят просто вернуться домой. Это очень сильное желание.

Это было сказано, должно быть, чисто риторически. После секундного молчания решительно прозвучало:

— Очень хорошо, будем атаковать!

Через час после наступления темноты сотни излучателей заработали с обеих сторон. Ночь вспыхнула сполохами яркого света.

— Уф-ф! — Райс взбежал по трапу на корабль. Его мрачное лицо стало красным от напряжения. Когда дверь за ним захлопнулась, он с изумлением произнес:

— Мисс Хардинг, этот ваш жених — опасный человек. Он любитель пострелять. Нужно бы еще подбросить ему пропаганды.

Девушка побледнела. Она наблюдала за попытками Райса установить экран перед большим заградительным окном поста наблюдения.

— Может, мне следует выйти наружу именно сейчас?

— Чтоб вас там сразу же испепелили? — вмешался Клейермейер.— Не отчаивайтесь, мисс Хардинг. Я понимаю, вам кажется невероятным, что человек, любящий вас, изменился до такой степени, что способен убить, даже увидев вас воочию. Но надо считаться с действительностью. И то, что тоборы решили бороться за него до конца, нисколько не облегчает дела.

— Вот скоты! — произнесла она, всхлипнув без слез.— Что вы собираетесь делать теперь?

— Добавить пропаганды.

— Вы думаете, он ее услышит в этом грохоте излучателей? — Она все еще не могла поверить в происходящее.

— Он с этим знаком,— сухо ответил Клейермейер.— Общий фон уже создан. Даже одно слово, дошедшее до него, напомнит ему всю картину.

Через некоторое время она снова мрачно слушала, как мощные громкоговорители трубили послание ее жениху:

— ...Ты человек. Мы люди. Ты был захвачен роботами. Мы хотим тебя освободить. Эти роботы называют себя тоборами потому, что это звучит лучше. Они роботы. Они не люди, а ты человек. Мы люди и хотим тебя освободить. Делай то, что мы просим сделать. Не делай ничего, что они тебе говорят. Мы хотим тебе добра. Мы хотим тебя спасти.

Внезапно корабль пришел в движение. Затем раздался голос командира «Грифа»:

— Я вынужден дать команду «на взлет»,— пояснил он.— Мы вернемся к рассвету. Тоборы несут большие потери, они вынуждены вести ближний бой. Но и нам тут оставаться слишком опасно.

Командир чувствовал, что девушка очень взволнована и может расценить его приказ к отступлению не лучшим образом. Негромким, спокойным голосом он объяснил ей:

— Мы совершенно уверены, что раб использует все возможности, чтобы остаться живым. Его этому долго обучали. Кроме того, мы развернули экран, и представление будет периодически повторяться,

Он поспешил продолжить, прежде чем она успела что-нибудь возразить.

— Более того, мы получили разрешение на прямой контакт с ним.

— Что это значит?

— Мы будем использовать очень слабый сигнал, который может приниматься лишь с расстояния в несколько сот ярдов. При таком контакте тоборы не смогут разобрать наш разговор. Мы надеемся, что удастся его расшевелить, и он выложит нам свою секретную формулу.

Хуанита Хардинг долгое время сидела, нахмурившись. Когда, наконец, она заговорила, ее ответ прозвучал чисто по-женски.

— Я не уверена, что могу одобрить то, что вы показываете на этом экране.

— Нам приходится воздействовать на самые примитивные центры человеческой психики,— ответил рассудительно командир и поспешно удалился.

Джон Грегсон, который все еще был киборгом, поймал себя на том, что не может оторваться от яркого экрана. По мере того, как он все больше осознавал свои действия, Грегсон прекратил судорожные попытки понять, что означают эти ускользающие формы, которые манили его из укрытия. Киборг шагнул назад.

Его окружал полный мрак. Когда он отступил еще немного, то споткнулся об искореженную балку и чуть не упал, но успел остановить падение, схватившись рукой за обожженный и проржавевший металлический прут. Под его весом прут скрипнул, и слой ржавчины остался в ладони.

Он осторожно отошел в темноту, чтобы лучше видеть отражающийся свет. Впервые стало понятно, что он находится в одном из разрушенных городов. «Но как я сюда попал? Что со мной произошло?» — пронеслось в его сознании. Голос из наручного приемника заставил его подскочить.

— Сорн! — раздалось из динамика.

От ледяного тона Грегсон сжался. В глубине сознания прозвенел колокол узнавания. Он уже был готов ответить, когда понял, что обращались не к нему.

— Да? — ответ звучал достаточно четко, но как будто на значительно большем расстоянии.

— Где вы сейчас?

— Я приземлился в полумиле от экрана,— медленно ответил Сорн.— Это просчет, так как я намеревался сесть гораздо ближе, но, к сожалению, во время посадки потерял направление. Я не могу ничего увидеть. Экран, на котором они показывают картины, все еще поднят. Можно видеть его отражение в наручном приемнике девяносто второго. Это, несомненно, яркий ориентир.

Первое же упоминание его номера включило цепь ассоциаций. Второе — принесло с собой целый поток ужасных воспоминаний, от которых Грегсон съежился. В промелькнувшем калейдоскопе образов он разобрался и понял, как оказался в таком положении. Джон постарался вспомнить последовательность действий, которые возвращали ему контроль над собой. Кто-то настойчиво повторял его имя... не его номер — его имя. Каждый раз ему задавали вопрос: что-то о формуле — чего? Он не мог вспомнить. Что-то о... Внезапно он вспомнил!..

Распластавшись на земле в полной темноте, Грегсон закрыл глаза от острого ощущения: «Я ее им дал. Я описал формулу. Но кому это — им? Это могли быть члены экипажа «Грифа»,— говорил он себе, дрожа. Тоборы не знали его имени. Для них он был... девяносто вторым.

Это воспоминание грубо вернуло его в реальность. В то же время раздался голос в наручном приемнике, который мстительно произнес:

— Ну хорошо, я все понял. Я буду там через десять минут.

Тобор в далеком Центре управления бесстрастно заключил:

— Думайте сами, Сорн. Вы, кажется, в этом деле не новичок.

— Они ведут для него передачу на местной волне,— мрачно отозвался Сорн.— Контакт настолько прямой и близкий, что невозможно понять, о чем они говорят. А его ответ, когда он, наконец, его дал, сопровождался такими помехами, что мы ничего не разобрали, но это была какая-то формула. Я считаю, вероятнее всего, он не смог дать полного описания. Поскольку он у экрана, они его еще не взяли. Так что если я через несколько минут смогу его убить...

Раздался щелчок... Голос пропал. Грегсон стоял в темноте рядом с экраном и в смятении оценивал свое положение.

Где «Гриф»? Небо было совершенно темным, хотя на востоке различался слабый свет — первый вестник наступающего утра. Звук излучателей стал отдаленным, уже не угрожающим. Ночное сражение закончилось... Но еще предстояло единоборство...

Грегсон забился в темноту и ощупал себя, проверяя легкое оружие. Никакого оружия не было. «Но это смешно,— сказал он себе, содрогаясь всем телом.— *У* меня был бластер и...»

Он остановил эту мысль. Еще раз в отчаянии обыскал себя... Ничего. Грегсон решил, что в безумном стремлении приблизиться к экрану растерял все свое оружие. Он все еще колебался, когда в темноте ночи ощутил какое-то движение.

«Гриф 121» мягко приземлился в сумраке искусственного рассвета. Хуанита Хардинг сняла верхнюю одежду и осталась в облегающем ее тело платье. Она не колебалась, когда Райс подал ей знак и ободряюще улыбнулся.

— У меня с собой целый баллон этой штуки,— сказал он.— Так, на всякий случай, если он недостаточно быстро воодушевится.

Она слабо улыбнулась, но не сказала ни слова. Доктор Клейермейер подошел к двери вместе с ними и быстро пожал девушке руку.

— Помните,— сказал он,— это война!

— Я знаю. А в любви и на войне все допустимо, не так ли?

— Ну вот, вы и заговорили,— улыбнулся доктор. Спустя мгновение обе фигуры скрылись в темноте.

Грегсон был озабочен отступлением и чувствовал себя намного лучше. В этом лабиринте из обломков бетона, мрамора и металла его будет трудно разыскать. Но его беспокоило то, что с каждой секундой пустынный горизонт становился все светлее. Внезапно справа от себя среди теней руин он увидел корабль. Ошибки быть не могло. «Гриф»! Грегсон рванулся к нему, преодолевая выступы и ямы пути, который когда-то был мостовой.

Он вздохнул с облегчением, заметив, что трап опущен. Но когда он приблизился к кораблю, двое мужчин направили на

незнакомца свои бластеры. И тут один из них в изумлении воскликнул: «Это же Грегсон!»

Оружие заняло свое место в кожаной кобуре каждого. Гостя подхватили дружеские руки, посыпались приветствия, рукопожатия. Глаза всех присутствующих вглядывались в лицо Грегсона, находя признаки здравого ума. И убедившись, что все в порядке, сияли от удовольствия. Тысячи слов витали в рассветном воздухе.

— Мы получили вашу формулу.

— Здорово... удивительно.

— Наш гениальный мальчик уже изготовил некоторое количество гормонного газа в корабельной лаборатории.

— Как быстро он действует?

Грегсон предположил, что «гениальный мальчик» — это высокий мрачный индивид, которого ему представили как Филипса.

— Достаточно нескольких секунд. Все очень просто, вы вдыхаете его, и газ сразу же попадает в кровь. Это довольно сильная штука.

— У нас есть некоторые идеи, как использовать газ для того, чтобы ускорить наши собственные реакции,— пояснил Мэдн.— Фактически, Райс и мисс Хардинг...— он быстро умолк. И тогда в разговор вступил маленький Клейермейер.

— Мистер Грегсон, на нашем инфракрасном локаторе был виден человек, который направился к проекционному экрану. Он был слишком далеко, чтобы его опознать, и мы решили, что это можете быть только вы. Поэтому Райс и мисс Хардинг вышли наружу чтобы...— Командир прервал его, не дав договорить.

— Быстрее, надо туда успеть. Это может быть западня!

Грегсон его не слышал. Он уже сбегал вниз по трапу.

— Сорн! — Голос в наручном приемнике звучал нетерпеливо.— Сорн, что с тобой случилось?

В полутьме около экрана двое мужчин и девушка наблюдали за Сорном, смотрящим на экран, и вслушивались в переговоры тоборов, которые доносились из наручного приемника Грегсона.

— Сорн, ваше последнее донесение, что вы находитесь вблизи девяносто второго, который по последней информации прячется...

Райс положил свою пухлую руку на наручный приемник, чтобы заглушить звук, и прошептал:

— Это тогда, когда я его накрыл. Это самая хорошая идея из всех, которые были у меня когда-либо — взять с собой этот баллон с вашим газом, Грегсон. Я ему выдал дозу с расстояния 50 футов, и он даже не догадался, что в него что-то попало.

— ...Сорн, я знаю, что ты еще жив. Я слышу, как ты что-то бормочешь про себя.

— Мы должны в будущем следить за дозировкой,— весело предостерег Райс.— Он же готов просто слопать этот экран. Вы теперь, наверное, догадываетесь и сами — война между тоборами и людьми практически закончена.

Грегсон молча наблюдал за тем, как один из лидеров тоборов пробивается ближе к экрану, на котором дюжина девочек выстроилась у плавательного бассейна. Периодически они ныряли в воду. Мелькали оголенные длинные конечности, блестели загорелые спины, а после этого все грациозно выбирались из воды. Они повторяли это снова и снова.

Трудность заключалась в том, что каждый раз, когда Сорн пытался лучше рассмотреть одну из фигур, его тень падала на экран и фигура пропадала. Тщетно пытался он проделать это с другой фигурой — все повторялось снова.

— Сорн, ответьте мне!

На этот раз тобор остановился. Его ответ, должно быть, потряс весь главный штаб тоборов, и дрогнули все их армии во всем мире.

Грегсон нежно обнял талию Хуаниты, которая все еще скрывала под одеждой свои прелести, которыми должна была завлечь жениха в безопасное для него место. Невеста вслушивалась в судьбоносные слова, которые произносил тобор.

— Женщины,— говорил Сорн,— они удивительны!

ДОРОГОЙ ДРУГ

Планета Ауридгая II

Дорогой друг!

В первый момент, когда я получил твое письмо из клуба межзвездной корреспонденции, у меня не было желания отвечать тебе. Настроение кого-нибудь, кто провел последние семьдесят планетарных периодов — ты, как я допускаю, назвал бы их годами, — в ауридгайской тюрьме, не побуждает к личному обмену письмами. Однако жизнь очень скучна, так что, в конце концов, я решил все же написать тебе.

Твое описание Земли очень интересно. Я хотел бы некоторое время пожить там, и в связи с этим у меня есть некоторое предложение, но я не буду о нем писать, пока не разработаю его более детально.

Наверняка твое внимание привлечет материал, на котором написано это письмо. Это высокочувствительный металл, очень тонкий и очень гибкий — я высылаю тебе несколько листов, чтобы ты мог их использовать для своей переписки со мной. Тунгстен, увлажненный любой концентрированной кислотой, оставляет на нем прекрасный след. Для меня очень важно, чтобы ты писал на нем, поскольку мои пальцы слишком горячи (буквально), чтобы держать твою бумагу, не повредив ее.

Пока больше ничего не напишу. Может быть, у тебя не будет желания переписываться с осужденным преступником, и поэтому право сделать следующий шаг я предоставляю тебе. Благодарю тебя за письмо. Хоть ты и не знал, к кому оно попадет, все же его строчки привнесли мгновение радости в мою мрачную жизнь.

Скандер

Ауридгая II

Дорогой Друг!

Меня обрадовал твой быстрый ответ на мое письмо. Мне очень неприятно, что, по мнению твоего врача, мое письмо вызвало у тебя слишком большие эмоции, и я также прошу извинения, если способ, каким я описал свою плачевную ситуацию, доставил тебе столько волнений. Я с удовольствием прочел все твои многочисленные вопросы и попробую на них ответить.

Ты пишешь, что клуб межзвездной корреспонденции не отметил посылку каких-либо писем на Ауридгаю. Что согласно имеющимся у них данным, температура на второй планете солнца Ауридгая составляет более 500 градусов по Фаренгейту. И что ничего не известно о существовании там не только разумной, но и животной жизни. Твой клуб прав насчет температуры и писем. У нас здесь такой климат, который вы, люди, назвали бы адским. Но мы не являемся углеводородной формой жизни и температура в 500 градусов для нас даже очень приятна.

Я должен попросить у тебя извинения за то, что я ввел тебя в заблуждение относительно того, каким образом я получил твое первое письмо. Я не хотел отпугнуть тебя тем, что сказал бы сразу слишком много, поскольку я не мог знать наверняка, что ты будешь восхищен, получив мое письмо.

Если же говорить правду, то я ученый, и вместе с другими членами моей расы уже несколько веков я знал, что в этой Галактике существуют другие обитаемые планетные системы. Поскольку мне разрешено в свободные часы проводить кое-какие эксперименты, то я увлекся попытками установления контакта. Я открыл несколько простых способов подключения к галактическим системам связи, но только тогда, когда я разработал линейно-пространственный контроль, смог втянуть твое письмо (а также и несколько других, на которые я не ответил) в свою холодную комнату (камеру). Нет, не в камеру, где я нахожусь, а в специальное устройство, которое получает и отсылает корреспонденцию. Благодаря тому, что ты был так добр и употребил высылаемый мною материал, я с легкостью отыскал твое второе письмо в кипе корреспонденции, которая собралась на ближайшей станции клуба межзвездной связи.

Ты спрашиваешь, когда это я успел выучить твой язык? Поскольку это очень простой язык, а к тому же очень легкий в письме, то я не имел с этим никаких трудностей. Если тебя и

дальше интересует переписка со мной, я с удовольствием буду отвечать на все твои письма.

Скандер

Аурид гая II

Дорогой друг!

Твой энтузиазм укрепляет мое чувство к тебе. Ты пишешь, что я не ответил на твой вопрос, как я намереваюсь посетить Землю? Признаюсь, что я обошел этот вопрос намеренно, поскольку мой эксперимент продвинулся еще недостаточно далеко. Я хотел бы, чтобы ты проявил еще немного терпения по отношению ко мне, а позже я смогу описать тебе все детали. Ты прав, говоря, что для существа, живущего при температуре 500 градусов, было бы трудно свободно общаться с людьми. У меня никогда не было такого намерения, но прошу тебя не беспокоиться. Однако давай сменим тему.

Я ценю такт, с которым ты поднимаешь вопрос моего заключения. Но это совершенно излишне. Я проводил запрещенные эксперименты на собственном теле — способом, который признан опасным для общественного блага. Например, среди прочего, я один раз понизил свою поверхностную температуру до 150 градусов, чем сократил период радиоактивного распада элементов, окружающих меня. Это вызвало неожиданные помехи в нормальном приливе энергии от особи к особи в городе, где я жил. Это и послужило последним толчком к выдвижению мне обвинения. Я должен отсидеть еще тридцать лет. Было бы приятно оставить здесь свое тело и попутешествовать по Вселенной — но, как я уже писал, расскажу тебе об этом через некоторое время.

Я не сказал бы, что мои соотечественники являются высшей расой в Галактике. Да, мы обладаем определенными особенностями, которых вы, люди, очевидно, не имеете. Мы живем дольше не благодаря открытиям, которые сделали по отношению к себе, а потому что наши тела построены из более устойчивого элемента — я не знаю, как вы его называете, но его атомный вес 52,9[1]. Наши научные открытия таковы, что их, собственно, сделала бы любая раса такой же физической структуры, что и наша. Тот факт, что мы можем работать при температурах, настолько высоких...— не знаю, как это точнее выразить — очень многое значил для открытия и использования подпространственных энер-

[1] Радиоактивный изотоп хрома — фантаст.— *Прим. перев.*

гий, которые необычно активны и требуют чуткого управления. В более поздней фазе для этого управления можно применять и машины, но начальные работы должны производиться только «вручную» — пишу в кавычках, поскольку у нас нет рук.

Пересылаю тебе фотопластинку — охлажденную и насыщенную химикалиями — соответственно вашему климату. Я хотел бы, чтобы ты сделал свой снимок. Ты должен только соответствующим образом расположить ее согласно законам оптики — это значит, коль скоро свет распространяется по прямой, ты должен стать напротив пластинки — и когда будешь готов, только подумать: «ГОТОВ!» Снимок будет сделан автоматически.

Хотел бы ты сделать это для меня? Если бы это тебя заинтересовало, я тоже выслал бы тебе свое фото, однако тут я должен тебя предостеречь — моя внешность наверняка будет для тебя шокирующей.

Искренне преданный тебе,
Скандер

Планета Ауридгая II

Дорогой друг!

Пара коротких предложений в ответ на твой вопрос. Пластинку не нужно помещать в фотоаппарат. Я понял, что ты имеешь в виду. Нет, не надо никакой коробочки с темнотой. Пластинка сама сделает снимок, когда ты только подумаешь: ГОТОВ!

Скандер

Ауридгая II

Дорогой друг!

Ты говоришь, что когда ждал ответа на последнее письмо, то показал фотопластинку одному из врачей в больнице — я не могу себе представить, что ты понимаешь под словом «врач», и что такое «больница»? А он взял и заявил об этом правительственным органам. Зачем ты все это сделал? Я думал, что мы ведем с тобой милый обмен частными и сугубо личными письмами.

Я действительно был бы тебе очень благодарен, если бы ты прислал мне свой снимок.

Скандер

Ауридгая II

Дорогой друг!

Я уверяю тебя, что меня не разозлило то, что ты сделал. Это меня только заинтриговало, и я жалею, что тебе не вернули пластинку. Зная, каким может быть правительство, я могу допустить, что они вообще могут не возвратить тебе ее, и поэтому позволяю себе прислать еще одну такую же.

Я только одного не могу понять. Почему это тебя предостерегли от продолжения нашей переписки? Неужели же они полагают, что я съем тебя на расстоянии? Мне очень жаль, поверь, но я не ем углеводородов. Во всяком случае, я хотел бы обязательно иметь твой снимок, как память о нашей с тобой дружбе. Не забудь, что как только я получу твою фотографию, я тут же вышлю взамен свою! Ты можешь оставить ее у себя, выбросить или отдать правительству — но, во всяком случае, я буду знать, что провел с тобой честный обмен!

С наилучшими пожеланиями,
Скандер

Ауридгая II

Дорогой друг!

Твое последнее письмо так долго не приходило, что я было подумал: не решил ли ты прекратить переписку? С огорчением я заметил, что ты так и не прислал в этом письме свою фотографию. Меня заинтриговало также, что ты пишешь о какой-то болезни, которая опять овладела твоим телом. Но я тут же опять утешился, как только прочел твое обещание, что как только ты выздоровеешь, то обязательно пришлешь снимок. Все это хорошо, но почему такая задержка с этим выздоровлением и что это такое? Однако самым важным является то, что ты написал. Я ценю философию клуба, который просит своих членов о том, чтобы они не писали о грустных делах. У всех нас есть личные заботы, которые в нашем мнении затмевают все другие заботы. Я сижу здесь, в тюрьме, приговоренный к проведению последующих тридцати лет вне главного потока жизни. Саму мысль об этом тяжело вынести моему неспокойному духу, хотя я знаю, что передо мною еще долгая жизнь после освобождения.

Несмотря на твое дружеское письмо, наш контакт только тогда будет возобновлен, я имею в виду — полностью, во всей широте, когда ты, наконец, пришлешь мне свой снимок.

Твой ожидающий
Скандер

Ауридгая II

Дорогой друг!

Наконец-то я получил твою фотографию! Как ты и предполагал, твоя внешность поразила меня. Я думал, что по твоему описанию мне удалось верно вообразить образ твоего тела. Но оказалось, что слова не в состоянии описать предмет, которого ты (я имею в виду себя) до этого никогда не видел.

Ты наверняка заметил, что я прислал, как и обещал тебе, свой снимок. Похожий на обрубок металлический тип — не являюсь ли я (могу поспорить, что да!) слишком отличающимся от того, чего ты ожидал? Разные расы, с которыми мы установили контакт, начинали относиться к нам со сдержанностью, сделав открытие, что мы высокорадиоактивны, то есть являемся высокорадиоактивной формой жизни, буквально уникальной в своем роде (насколько мы знаем) в этой Галактике. Поверь, что эта изоляция очень мучительна. Может быть, ты помнишь еще ту идею: (я обещал тебе ее более подробно рассказать) в общем, идея о возможности покинуть не только эту невозможную тюрьму, но также и тело, которое, как ты сам понимаешь, никуда отсюда убежать не может.

Короче, суть дела заключается в том, что возможна замена личности между двумя разумными представителями различных рас. Собственно, это не совсем обмен в принятом смысле этого слова. Для этого необходимо получение снимков обеих лиц, снимка разума, мыслей, а также тела каждого индивидуума. Поскольку этот этап — чисто механический, то он заключается попросту в том, что делаются и обмениваются полные снимки. Под словом «полные» я, конечно, понимаю такие, на которых зарегистрирована каждая вибрация. Следующим этапом является обеспечение обмена снимками, то есть каждая особь должна обладать полным снимком другой. (Уже поздно, друг! Я привел в движение подпространственную энергию между двумя нашими снимками. Так что ты можешь дальше опять спокойно читать. Уже ничего нельзя повернуть вспять.)

Как я уже сказал, это не полная замена личности. Первоначальная индивидуальность каждого из обменивающихся лиц будет попросту немного приглушена, правда, она уйдет на второй план, а на первый выйдет личность, запечатленная на фотопластинке. У тебя останется память о твоей жизни на Земле, а у меня — память о моей жизни на Ауридгае. Одновременно мы сможем пользоваться туманной памятью тела, которое нас примет. Какая-то часть каждого из нас всегда будет стараться пробиться, пытаясь вернуть свое сознание, однако ей всегда будет не хватать силы, чтобы сделать это.

Как только мне надоест Земля, я таким же способом обменяюсь телом с каким-нибудь другим разумным существом другой расы.

Через тридцать лет я с удовольствием вернусь в свое тело, а ты сможешь взять то тело, которое я к тому времени буду занимать.

Не забывай, что этот договор очень полезен для нас обоих. Ты при своей короткой средней продолжительности жизни переживешь всех своих современников, станешь обладателем интересного жизненного опыта. Признаю: я надеюсь, что я выиграю от обмена. Но пока хватит об этом. Когда ты доберешься до этой части письма, то это я уже буду его читать, а не ты. Но если какая-нибудь часть тебя еще способна что-либо осознавать — тогда до свидания, Друг. Мне было очень приятно получать твои письма. Я буду писать тебе время от времени, чтобы ты знал, как идут дела в моем путешествии.

С наилучшими пожеланиями, всегда твой,
Скандер

Ауридгая II

Дорогой друг!

Большое спасибо, что ты ускорил обмен. Длительное время я колебался — могу ли я позволить, чтобы ты сам себе подсунул такую свинью. Видишь ли, правительственные ученые сделали анализ первой фотопластинки, которую ты мне прислал; так что окончательное решение уже полностью зависело от меня.

И поэтому я решил, что каждому, кто так горячо, как ты, желает чего-то добиться, необходимо помочь. Теперь я знаю, что не должен был размышлять так долго над этой проблемой и жалеть тебя. Из твоего плана захвата Земли все равно ничего бы

не вышло, но сам факт, что ты все же имел такое намерение, перечеркивает всю необходимость сочувствия.

До этого времени ты уже наверняка осознал, что человек, который парализован от рождения и подвержен сердечным приступам, не может надеяться на долгую и счастливую жизнь. Мне доставляет радость известить тебя, что твой одинокий когда-то друг весьма хорошо проводит время. Мне также приятно подписаться именем, к которому, как я ожидаю, я вскоре привыкну.

С наилучшими тебе пожеланиями,
Дорогой Мой Друг.
Скандер

КОРАБЛИ ТЬМЫ

Разрабатывать план действий на Земле было совершенно иным делом, и Д'Орман великолепно понимал, что выбирать наиболее благоприятное решение придется в межгалактическом пространстве. Целых шесть месяцев он провел вдали от Солнечной Системы, вдали от своего спирального кольца: меж двух галактик. Но сейчас не было времени погружаться в воспоминания.

С некоторыми колебаниями Д'Орман прикоснулся к циферблату на установке, устанавливая его на 3 000 000 год. Благодаря Холли, установившему строгие законы, определяющие ход времени на планетах, он оказался здесь, в объятиях этого мрака, полностью лишенного звезд.

— Максимального ускорения следует достичь с самого начала,— говорил Холли,— чтобы единым усилием преодолеть структуру пространства. А потом,— действуйте!

«Пора!» — подумал Д'Орман, вспотев от волнения, и изо всей силы нажал на акселератор. Он услышал, как бьется его сердце, услыхал звук, напоминающий скрежет рвущегося металла, но тут же успокоился, утратив ощущение полета.

Все поплыло перед глазами. Он подумал, что головокружения больше не будет, но тут же оно началось снова. Он улыбнулся мрачной ухмылкой, как человек, оказавшийся перед лицом смерти и счастливо избежавший ее. И тут он увидел свет. Он беспокойно наклонился к пульту, надеясь проверить показания, но тут же изумленно выпрямился: пультов стало больше! Он недоверчиво огляделся, словно находился не в космическом корабле. Проверка была недолгой: кабина, двигатели, койка, топливные баки, кухня. В космосе ничто не исчезает, но машину времени невозможно обнаружить в пространстве.

Это, вне сомнения, и объясняло тот металлический скрежет, который он слышал: машина оторвалась во времени, оставив

корабль позади себя. Такой исход означал неудачу! Неожиданно краем глаза Д'Орман уловил какое-то движение и резко повернулся, смутно ощущая опасность. В иллюминаторе над собой он увидел корабль.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что здесь не в порядке. Корабль был совсем близко — настолько близко, что его удалось отчетливо рассмотреть. А затем эта странная махина наискось проплыла через его каюту: никакого излучения не последовало! Он поймал себя на мысли, только что промелькнувшей в голове, что так вот происходит проникновение в 3 000 000 год.

Но он тут же собрался с духом и преодолел оцепенение. Он вдруг понял, что во всем этом нет ничего необычного, все идет так, как надо, а его корабль — это его корабль! Все было понятно, хотя появление судна и напоминало жутковатый кошмар. Трехкилометровой, по меньшей мере, длины, с шириной в 800 метров и толщиной примерно сантиметров в 30, судно было идеально приспособлено для движения в безграничных просторах космоса, в этом черном ничто.

И на этом ковчеге находились мужчины и женщины. Обнаженные, они ничем не были защищены, изолированы от межзвездного холода. Он не мог вообразить даже, как это можно: дышать там, где дышать нечем; как вообще можно оставаться в живых.

Но они двигались на своем космическом плоту, подняли глаза и начали делать ему какие-то знаки. Это казалось тем более странным, что адресовались они простому смертному. Скорее всего, это не было простым приветствием, а чем-то гораздо более значительным, более глубоким, более трогательным. Более всего это напоминало муки жажды или голода.

Д'Орман почувствовал непреодолимое влечение к ним: он должен опустить свой корабль на эту платформу, он должен находиться среди них. Он должен... Его охватило первобытное желание, ужасное, всепоглощающее.

Корабль быстро скользнул над поверхностью и опустился. И сразу же Д'Орману захотелось спать. Он отчаянно пытался сохранить ясность мысли, но сон паутиной мрака постепенно обволакивал его. «Не поддавайся, очнись! — стучало в мозгу, в подсознании. Скорее улетай отсюда, улетай! Немедленно!..» Сон обрушился на него в то самое мгновение, когда сознанием полностью овладел беспричинный страх.

Тишина... Он спал, глаза закрыты, вселенная тиха и безгранична, как...

Д'Орман не смог найти подходящего сравнения. Его не существовало. Было невозможно с чем-либо сопоставить то глубочайшее безмолвие, в котором он находился, это абсолютное отсут-

ствие любых звуков, это угнетающее ощущение, навалившееся на него, словно... Он опять не смог подобрать сравнение. Лишь тишина вокруг.

«Странно!» — это первое, о чем он подумал, открыв глаза. Все желания исчезли (а он в одиночестве провел столько месяцев на корабле), осталось лишь сознание глубокой значимости этого безмолвия. Лишь едва слышный присвист его дыхания, легкое причмокивание губ, когда он выдавливал пищу из туба, шорох его тела, если он шевелился. Он не встречал до сих пор такой тишины... Но сейчас та, что окружала его, сделалась совсем иной. Напрасно мозг его бился в поисках какой-либо определенности. Он вновь открыл глаза.

То, что он увидел, было чрезвычайно скудным. Лежа на боку, все еще пребывая в полудреме, он заметил неподалеку от себя темное пятно в ореоле звезд, формой напоминающее торпеду примерно в девять метров длиной и шириной около трех. Мгновение спустя она пропала из его поля зрения; остались лишь звезды и космический мрак.

Все шло нормально. Он больше не испытывал страха. Страх, казалось, потерял всякий смысл. Что же касается его воспоминаний, то они остались далеко в прошлом. Но чуть позже в его сознании забрезжила необходимость определить свое физическое положение по отношении к окружающему.

Он попытался припомнить корабль тьмы. Затем — сон. Сейчас он видел лишь непроницаемую ночь и звезды, Может быть, он все еще сидит в своем командном кресле и занят тем, что рассматривает космос, который виден на экране?

Д'Орман нахмурился — он не спал: лежал на спине с открытыми глазами... нацеленными на звезды, отчасти заслоняемые темным пятном, напоминающим космический корабль. Но он со всей решительностью отверг эту гипотезу, поскольку его собственный корабль — единственный, который проникал когда-либо в эту часть вселенной! Не следует терять ни секунды! Д'Орман вдруг обнаружил, что уже стоит на ногах, понятия не имея, когда это произошло. Как же так? Он достаточно разумен, чтобы заметить, что встает. Мгновение назад он лежал на спине, а вот сейчас уже стоит на ногах и недоумевает...

Он находился на огромном плоту, плывущем в космосе совсем неподалеку от своего корабля. И плот ясно различим в слабом свете, позволяющем оценить его гигантский размеры. И его со всех сторон, насколько хватало глаз, окружали обнаженные люди — мужчины и женщины, стоящие, сидящие, лежащие, не обращающие на него никакого внимания.

Непослушными пальцами он вцепился в свой корабль, пытаясь побудить тело к активности. Период тренировок вложил в его тело движения и инстинкты, доведенные до автоматизма. Он ощупывал свой корабль, надеясь найти в нем источник сил. Но вскоре его крохотное суденышко скрылось из виду.

В самой глубине его естества, там, где гнездилось спокойствие, пробудились силы и стремления, необходимые для активных действий. Вновь вокруг него появились знакомые очертания металла, механизмов, и вид их вызвал в нем новую волну отчаяния, но на этот раз более слабую.

Он застыл в неподвижности. Его единственная забота отодвинула на задний план все остальные мысли. Он сконцентрировался на единственном своем стремлении, на столь огромной идее, что для этого потребовался весь объем его мозга, дабы уловить ее, удержать, уравновесить, осознать в полном размере.

Но вместо того, чтобы прояснить ситуацию, рассудок его еще более запутался: он находился на исполинском плоту-корабле, а мозг его был опутан паутиной сомнений, страхами, и отказывался мыслить реально. И все-таки он не опустил руки. Так и должно было случиться. Возможности для отступления у него не было. И он не мог ничего, абсолютно ничего предпринять, что помогло бы ему определить свое будущее. Он сел. И стал ждать.

Прошел час, час, не похожий ни на один во всей мировой истории: человек из 2975 года оказался свидетелем сцены, происходящей на космическом корабле в столетие, на миллион лет удаленное от его собственного времени.

Единственно, что беспокоило его,— не следовало ли час этот потратить на попытки проникнуть в сущность явления, следствием которого явились эти немыслимые обстоятельства? Както не верилось, что он в здравом уме. Иногда он прогуливался в тусклом свете, и тогда силуэт его вырисовывался на фоне звезд и горизонта, образуемого всем, что находилось на этом удивительном плоту, и он ничем не отличался от окружающих его сверхлюдей.

Он испытывал острую необходимость в какой-либо информации. И ощутил резкую, на грани шока боль, когда, наконец, понял, что ему самому предстоит сделать первый шаг навстречу разгадке, с которой он может справиться только собственными силами.

Внезапно он поразился своей способности жить, спать, бродить, тогда как драгоценное время утекало. И почувствовал себя совершенно опустошенным — что, впрочем, было неудивительно. Но, наконец-то, оцепенение его развеялось. После новой вспыш-

ки энергии он вскочил на ноги. Тут же начались сомнения, беспокойство. Стоит ли приближаться к пассажирам этого призрачного корабля, стоит ли — задавать им вопросы, раскрывать свои мысли?

В поведении этих существ, было что-то пугающее. ОНИ НЕ ПРОИЗВОДИЛИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ РАЗУМНЫХ. Прыжок через три миллиона лет сделал бессмысленным все его попытки разобраться в происходящем — с таким же успехом обезьяна могла бы попытаться войти в его положение.

Три миллиона лет, 16×10^{10} минут! Всего несколько мгновений в непостижимых масштабах космоса, но люди успевают родиться и умереть, жизнь приобретает самые невероятные, пугающие формы. Одним мановением останавливается история. Здесь же эволюция достигла таких высот, что покорение космоса осуществляется путем поразительной биологической адаптации и самосовершенствования, не поддающихся осмыслению, изумительных, и в то же время простых настолько, что непостижимые преобразования организма происходят с человеком за краткий период сна.

Он отделался от своих мыслей... Внезапно он вновь почувствовал недомогание, острую боль, неведомую ему с тех пор, как он заснул. Сон его, возможно, длился годы или столетия. Время для спящего человека не существует.

Ему вдруг как никогда важным показалось узнать, что же происходит. Взгляд его остановился на человеке, неторопливо прогуливающемся метрах в тридцати от него.

Он подошел к двигающейся фигуре и тут же, в самый последний момент, в ужасе отшатнулся. Но слишком поздно. Рука, вытянутая вперед, словно у ищущего поддержки слепца, коснулась обнаженной плоти. Человек резко обернулся. Д'Орман конвульсивным движением отдернул руку, не встретившую ни малейшего сопротивления. Он заметил неуверенное движение, горящий взгляд, сверкнувший из-под полуприкрытых век.

Как ни странно, но хотя страх и сдавил нервы Д'Ормана тугим комком, взгляд этот не казался давящим, способным нанести вред, а в сверкании глаз виделась душа — душа чуждая, полная тайны, намерений, недоступных для понимания. Человек возобновил свою прогулку. Д'Ормана трясло. Но в то же мгновение он понял, что не может больше стоять вот так в бездействии. Времени на размышления не оставалось, и он направился вслед за высокой фигурой. Вскоре ему повстречались целые группы муж-

чин и женщин. Только сейчас, оказавшись среди них, Д'Орман обнаружил то, чего не заметил с самого начала: женщин было больше, чем мужчин. Раза в три, по крайней мере. Его удивление, вызванное этим фактом, скоро развеялось. Он и его спутник продолжили свою прогулку. Они направлялись к краю корабля. Сделав над собой усилие, Д'Орман наклонился вперед и посмотрел в бездну, открывшуюся его глазам, бездну, глубиной в миллиарды световых лет.

Он почувствовал себя несколько лучше. Порылся в памяти в поисках какого-либо метода, позволившего бы преодолеть пропасть между ним и его загадочным настоящим. Он должен воспользоваться телепатией, чтобы вновь оказаться на своем корабле. На какое-то время он сконцентрировался на этом вопросе, и ему показалось, что он уже почти постиг верный ответ. Ход его мыслей прервался — такое случалось с ним уже не в первый раз,— когда неожиданно осознал, что он — единственный одетый среди голых людей. Факт этот внезапно предстал перед ним в другой плоскости: он одет, потому что «они» умышленно оставили ему одежду. Что за психологический ход крылся за этим?

Он продолжал свою прогулку, ни о чем не думая, опустив голову; он видел свои ноги, обтянутые брюками, а немного скосив глаза, мог следить за невозмутимо вышагивающими голыми ногами своего спутника. Он смутно ощущал медленное течение своих мыслей. Пора, наконец, взглянуть реальности в глаза и понять, что он остался здесь навсегда. Он с трудом справился с горечью.

Это было как вспышка. Все мысли смешались, разум, совершив вдруг фантастический рывок, разом осознал всю непоправимость случившегося. Знание это отозвалось в нем болью. Повинуясь чувству, душа его устремилась к кораблю, отчаянно цепляясь за него судорожным рывком, но растерянность и окружающая его жестокая реальность заставили очнуться. Он обессилено упал на поверхность плота, все глубже погружаясь в пучины страха. Мрачные, недобрые, роковые перспективы роились в голове: ему придется навсегда остаться на этом корабле, сживаться с его законами, приспосабливаться к условиям.

...Навсегда! Слово это еще долго звучало у него в голове, угнетая рассудок, ухудшая настроение. Он был уже не в силах управлять тем стремительным потоком мыслей, которые овладели им. Сражение проиграно! Все остальное не имеет смысла! С честью выдержать испытание и остаться достойным звания Человека?! Какое испытание? Д'Орман мучительно искал ответ на этот вопрос, но ответ пришел сам: ссылка! А это значит — смерть! —

с холодной логикой заключил он. Все еще лежа на поверхности корабля, судорожно сжав лицо, он пытался думать. Внезапно проснулась злость на себя самого. Какое безумие — терять самообладание, когда можно добиться гораздо большего, если действовать разумно.

Это была почти победа! Он станет задавать вопросы, и он добьется ответов. Ему следует хорошо себя вести и сохранять здравомыслие, сосредоточившись на проблемах,— таких, хотя бы: что это за люди? Куда направляется этот корабль? Что за двигатель на нем установлен? Почему здесь преобладают женщины?

Его мысли слабели. Угнетенный своим состоянием, он повернулся... и в пятидесяти метрах от себя увидел женщину!

Д'Орман вновь упал, ощутив на себе ее испытующий и жгучий взгляд. А мгновение спустя он, к своему неудовольствию перевернулся на спину, чтобы заснуть. Он все еще чувствовал напряжение, глядя на диск галактики, которую покинул. Та, как всегда, мерцала от вечного своего движения и продолжала свой путь в бесконечность.

Та жизнь, как он понимал ее во время длительных рейсов к отдаленным планетам, приятные воспоминания о прошлом — теперь все это сделалось нереальным, ненужным. И более далеким, чем когда-либо раньше!

Д'Орман с трудом избавился от этих мыслей. Было не время предаваться ностальгическим воспоминаниям. Он должен утвердить себя в той мысли, что пора принимать какое-то окончательное решение. Эта женщина, наверняка, пришла не просто для того, чтобы поглазеть на него. Какая-то развязка делалась неизбежной, и решение принимать ему. Собрав всю волю, он заставил себя приподняться и посмотреть на женщину. И оцепенел.

С виду она была довольно привлекательна. Молодое с правильными чертами лицо, темные волосы распущены. Не лишена очарования. А ее тело...

Д'Орман без сил опустился. До этой минуты он не замечал никакой разницы между ней и другими. Она была одета. Длинное черное одеяние, плотно облегающее тело, свободная юбка, обнажены лишь ноги. Одета! Сомнений не оставалось: вот-вот произойдет контакт. Что его ожидает? Как ему следует себя вести?

Д'Орман умоляюще посмотрел на нее. Она ответила ему взглядом, в котором сверкание бриллиантов соседствовало с дуновением смерти. И Д'Орман с изумлением подумал: «Какие мистические мысли кружатся сейчас в этой головке? Как раскрыть двери, разделяющие их миры, как понять лицо это, отстоящее от него на три миллиона лет?»

Мысль эта обеспокоило Д'Ормана. Он почувствовал легкое покалывание во всех конечностях. И подумал: женщины причиняют боль, мужчины устраняют ее. Энергия, исходящая от нее, позволила ему понять: боль, вызванная одной женщиной, нейтрализуется, когда их трое или когда нет совсем.

Д'Орман заставил себя избавиться от таких мыслей. Думал ли он когда-нибудь о подобном раньше? Нет, никогда.

Он почувствовал, как по его телу прокатилась электрическая волна, следом — еще одна. Это был странный способ передачи информации: без его согласия чужие мысли проникали в его голову. На этот раз он понял, что таким образом четыре женщины или одна могут установить контакт с мужчиной. Вот в чем разгадка большого количества женщин здесь...

Его возбуждение понемногу спадало. «И что дальше? — спросил он самого себя.— Все это не объясняет, что она делает здесь, возле меня, если только не означает, что она предлагает этакое фантастическое сожительство!»

Д'Орман принялся вновь изучать женщину. И тут ему в голову пришла идея, первая ироническая идея за все это время. Вот уже двенадцать месяцев он сторонился чар этих прелестниц, и теперь оказался в ловушке. Это же очевидно! Она здесь для того, чтобы его обольстить! Что бы еще ей здесь делать!

Ясно ощущалась опасность со стороны мужчин, в таком случае его время ограничено. Д'Орман подошел к женщине и обнял ее. В критической ситуации, рассуждал он, всегда следует действовать непринужденно, без обиняков и колебаний. Но он почти сразу позабыл о своих благих намерениях. Ее губы были нежны, но неподвижны. Она нисколько не сопротивлялась, но и ничем не отвечала на его поцелуи. Когда он коснулся ее губ, то не мог избавиться от впечатления, что ласкает какое-то послушное животное — нечто бесконечно невинное было в ее поведении.

В глазах этой девушки (таких близких сейчас) отражалась необъяснимая покорность, доверчивость столь огромная, что казалась чуть ли не патологической. Было очевидно, что эта молоденькая девчушка никогда даже не слышала о поцелуях. Удивление, на мгновение промелькнувшее в ее глазах, исчезло.

Поразительное ее поведение изменилось. Бездонные, лучащиеся светом глаза расширились, в них появился испуг. А затем ее покорное тело одним резким и немного странным движением без малейшего усилия отодвинулось; девушка выпрямилась и отвернулась. Он следил за тем, как она уходит от него, словно смотрел на привидение из сказки.

Д'Орман почувствовал себя скверно. Он понял, что необходимо как-то избавиться от беспокойства, вызванного этой девушкой. Ощущение собственного поражения усиливалось с каждой секундой: и это случилось с путешественником во времени! Его первая попытка приспособиться к жизни людей, обитающих на этом корабле, потерпела полный провал.

Тяжелое чувство несколько развеялось, но не исчезло совсем. Д'Орман понял, что ему нисколько не хочется продолжать свои эксперименты. Достаточно было вспомнить, что он только что получил предупреждение, предупреждение, полное глубокого смысла или лишенное его начисто. Но игнорировать намек было бы безумием!

Он вновь предался размышлениям. Мысли его были тревожны. Вот уже столько времени он находился здесь, словно стеной отгороженный от остальных, и ему никак не удавалось уловить ритм их жизни.

Ох! Д'Орман вздрогнул. Он не привык рассуждать на подобные темы!

Легким движением он поднялся, открыл глаза и инстинктивно отпрянул назад: люди с горящими глазами тесным кольцом сомкнулись вокруг него. У него не оставалось времени даже подумать, откуда они так быстро появились.

А они тут же взялись за дело. Один из них поднял руку, и в ней неожиданно сверкнул ниоткуда взявшийся нож. Длинное лезвие нацелилось на него. Остальные подались вперед и схватили Д'Ормана. Живой нож мгновенно вонзился ему в грудь.

Он попытался отчаянно закричать, но рот, мышцы лица свела конвульсивная судорога; он не смог издать ни единого звука. Ночь беспощадно смеялась над ужасом человека. Лезвие ножа глубоко вошло в его тело, которое уже начало биться в агонии. Никогда ранее он не испытывал столь мучительной боли. Ему казалось, что все это происходит во сне, но ясное сознание, сопротивление тела и адская боль подтверждали, что все это — не иллюзии. К тому же он с нарастающим ужасом наблюдал, как нож входит все глубже и глубже.

Люди, окружающие его, добрались до сердца. Д'Орман, почти теряя сознание от происходящего, следил, как один из них взял его сердце в руки и принялся изучать.

Он видел свое слабо и ритмично бьющееся сердце на ладони чудовища.

Д'Орман прекратил сопротивление. Словно птица, загипнотизированная взглядом кобры, он сделался свидетелем вивисекции собственного тела. Он отдавал полный отчет в том, что видит,

здравый рассудок не покинул его и тогда, когда он наблюдал, как они один за другим извлекают внутренние органы из его тела, изучают и отбрасывают в сторону. На одни органы они обращали внимания больше, чем на другие. Было несомненно, что они вносили усовершенствования в его тело.

В нем пробуждались знания. Д'Орман и не подозревал, что единственной помехой к совершенному знанию было то, что именуется мыслями. Новое знание основывалось исключительно на эмоциях. Оно щекотало его нервы, оно раскрывало ему глаза на глубочайшие тайны бытия.

Медленно, словно переводчик, плохо знающий язык, Д'Орман перекладывал течение этих изумительных эмоций на язык чувств. И тут же течение это изменилось. Оно стало терять свой блеск. Словно он задушил крохотное ласковое животное и теперь с разочарованием разглядывает его трупик. Тем не менее, все их дела и тяготы в полном объеме вливались в его мозг: тяготы народа по имени Иир. То, где он находился, не было космическим кораблем. Его окружало силовое поле, управляемое объединенной волей собравшихся, и путешествующее в заданном направлении. Тела этих людей являлись гигантским источником энергии, значительно более мощной, чем та, что была уготована человеку природой. Вибрация боли, идущая от женщин, была необходима для создания поля, мужчины же, обладающие противоположным знаком, составляли его центр.

Эта энергетическая структура зависела от единства воли всех обитателей корабля, и, если сражение с другим судном-плотом становилось неизбежным, то его исход определялся тем, у кого из противников достигнут более высокий уровень жизненной гармонии и общности. Это же давало возможность запастись дополнительной энергией, необходимой для достижения победы.

Сам Д'Орман являлся противоречивым фактором. Он уже был отдан женщине, временно утратившей способность поддерживать энергетическое поле. Теперь ему приходилось приспосабливаться... на ходу! Удивительный нож исчез из его плоти столь же загадочно, как и появился. Чудовища удалились, как призраки тают во тьме.

Д'Орман даже не попытался подняться на ноги. Он ощущал полнейший упадок сил, его разум был сокрушен пыткой, которой его подвергли, пыткой, при воспоминании о которой кровь стыла в жилах. Иллюзий не оставалось. Мысли были смутными и туманными, он чувствовал, что гибнет. За всю свою жизнь ему не приходилось испытывать такого унижения — лишнее доказательство тому, как крепнет его безумие.

Но потом он заметил, что его голова проясняется все больше и больше: способность жить в космосе являлась, вне сомнения, результатом более радикальной эволюции, чем простое развитие во времени. И все же Иир смогли и его приспособить к таким условиям, его, этой фантастической эволюции даже и близко не касавшегося!

Странно... Но не это важно! Он оказался здесь, в аду, а каким образом и чего ради сюда попал — потеряло для него всяческий интерес. Он должен эмоционально приспособиться к окружающему. Причем — немедленно!

Д'Орман вскочил на ноги. Следствием этого поступка оказалось то, что он обратил внимание на явление, ранее им не замеченное: на гравитацию.

Примерно один «же», подумал он. В физическом смысле с ним все было в порядке. Искусственное тяготение — такое же, как в его эпоху! Но Иир, безусловно, не догадывались, что такой уровень гравитации доказывает их земное происхождение. Но чего ради существам, обитающим в самых недоступных районах вселенной, понадобилось вести именно такой образ жизни? Зачем им потребовался корабль, если они преследуют чисто духовные цели?

Д'Орман не смог справиться с улыбкой при мысли, что и три миллиона лет спустя люди продолжают вести себя так же нелогично. Он направился к своему кораблю. Не потому, что у него теплилась хоть какая-то надежда, а для того лишь, чтобы попытаться выбраться из этой ситуации и сделать все возможное для побега. Корабль был лишь предлогом.

Но и здесь его ожидало разочарование. Он долго и безуспешно, начиная понемногу злиться, возился с механизмом, запирающим люк в шлюзовую камеру, и, в конце концов, проник в корабль через иллюминатор. В голове шумело от пережитого; что-то изменилось здесь с тех пор, когда он последний раз осматривал приборы. Свет в корабле был слабый, индикатор уровня энергозапаса просматривался плохо.

Корабль обладал полным запасом энергии! Д'Орману пришлось сделать над собой усилие, чтобы осознать всю важность своего открытия. Полный энергозапас! С того момента, когда он загадочным образом появился на корабле тьмы, старательно обдумывая возможность побега, его звездолет свел расход энергии к минимуму и ни разу не пытался оторваться от космического плота. А когда Д'Орман попытался, то был чрезвычайно удивлен, что приборы не сработали, и корабль остался на месте. Должно быть, эти люди располагали какими-то скрытыми источниками

энергии поразительной мощности! Подходящей теории для объяснения этого факта он не мог придумать: гравитация корабля-плота не могла иметь ничего общего с той концентрацией энергии, которая проявилась, когда он попытался улететь прочь. Разумеется, для него самого одного «же» было вполне достаточно, но для мощных двигателей его корабля преодолеть столь мизерную силу притяжения явно не составляло труда.

Иир не позаботились о том, чтобы он глубже проник в тайны их корабля. Очевидно, из соображений безопасности... а пока двигатели работали, доступа к ним не было. Когда запасы энергии кончались, то при помощи непонятных процедур их восстанавливали.

Он не стал выжидать того момента, когда удастся раскрыть секрет источника вспомогательной энергии, чтобы потом оторваться на своем корабле от космической платформы и уйти в открытое пространство. Вне всякого сомнения, если он справится с автоматами, обитатели плота не станут удерживать у себя пленника насильно.

В этой идее содержалось слишком много утешительного, чтобы Д'Орман осмелился подвергнуть ее сомнению. Он считал, что у него есть все основания верить, что вскоре он сможет покинуть этот корабль-плот, но сперва должен отыскать ту девушку, убедить ее в своей благожелательности, и лишь потом включить стартовую автоматику.

Он должен выжить любой ценой, просто для того лишь, чтобы продолжить свою борьбу.

Время шло. Словно призрак бродил Д'Орман по миру тьмы в поисках девушки, которую обнимал недавно, когда вся окружающая его вселенная начала менять очертания. Крушение надежд повергло его в отчаяние. Дважды он опускался на палубу рядом с группами, состоящими из мужчины и нескольких женщин. Он ожидал какого-нибудь знака, обращенного к нему, попыток установить контакт, ждал, что, может быть, другая женщина подойдет к нему, но никаких сигналов он не заметил, в его поле зрения не попало ни одной свободной женщины.

Д'Орман смог придумать только одно объяснение их полному равнодушию: эти люди наверняка знали, что сейчас он в их руках. Их такая ситуация устраивала.

Решив не терять присутствия духа, он вновь забрался в свой кораблик. Люк не захотел открыться и при этой очередной попытке. Д'Орман опустился на жесткий пол, и как раз в этот

самый момент вся космическая платформа неожиданно пришла в движение.

Он не испытал никакой боли, но внезапно почувствовал, словно тело его начало менять пропорции, увеличиваясь в размерах. Он пополз по палубе... Три... шесть... тридцать метров. Все происходило так быстро, все было так путано. Он вытягивался все больше, продолжая лежать на полу, и все сильнее беспокойство охватывало его. И тут он неожиданно увидел второй корабль-призрак.

Корабль был точно такой же формы, как тот, на котором он находился, только несколько меньшего размера. Он закрывал собой всю правую сторону небосклона и мягко двигался по касательной вниз, что, вне сомнения, происходило из-за того, что судно Иир шло ему наперерез, намереваясь поравняться с противником и сцепиться бортами.

Мысли в голове Д'Ормана лихорадочно перемешались, нервы давали о себе знать. Происходящее на его глазах казалось кошмарным сном: все, что он видел, оставляло чудовищное, нереальное впечатление. Невероятно возбужденный, он приподнялся, чтобы лучше видеть разворачивающийся перед ним грандиозный спектакль. Он почувствовал, как вновь шевельнулся под ним плот Иир. И в то же мгновенье испытал легкий удар. Его швырнуло лицом вниз, но он успел сгруппироваться. Мгновенно вскочив на ноги, он с лихорадочным интересом стал следить за происходящим.

Громадные плоты неподвижно застыли на одном уровне — палуба напротив палубы. На просторной палубе вражеского корабля появились обнаженные мужчины и женщины, которые ничем не отличались от людей Иир. Выбранная тактика становилась понятной: ему предстояло присутствовать при словно бы взятом из далекого прошлого кровавом и безжалостном пиратском нападении.

...Возьми же себя в руки, требовал Д'Орман. В конце концов, ему вовсе не хотелось становиться причиной раздора в тех величайших событиях, что разворачивались во вселенной, и к тому же безоружным. Дрожа от волнения, он сел. Поступок этот был, очевидно, своеобразным призывом. Девушка, выскочившая из мрака подобно ракете, наткнулась на него. Длинное черное платье, которое она носила, сослужило ей на этот раз скверную службу. Они оказались лицом к лицу. Глаза ее полыхали нечеловеческим возбуждением, от этого взгляда Д'Орман испытал удар. Страх вновь овладел им.

Но немного спустя нервы его успокоились и расслабились, излучаемая ею интенсивная эмоциональная мощь благотворно подействовала на него. Он получил еще один шанс. Теперь, оказавшись центром силы противоположного знака, он мог с успехом использовать эту силу для победы над ней, не прибегая к физическому воздействию. Она потерпела поражение еще и потому, что вспомнила вдруг его объятия.

Прошлое повторялось. Но на этот раз его мозг оказался неспособным разобраться во впечатлениях. Д'Орман застыл в изумлении. Раньше это показалось ему не столь значительным, но теперь он понял свою ошибку, ту, из-за которой прервалось их знакомство. Из-за одного поцелуя. Давняя, такая древняя связь между мужчиной и женщиной только усилилась, благодаря силе, которой они обладали. Он представил себя крадущимся по кораблю-призраку и целующему каждую встречную женщину, внося тем самым смятение в само существование корабля и его обитателей.

Мысленным усилием он изгнал эту идею из головы. Идиот! Жалкий и глупый! Он выругался про себя. Думать о таком, когда ему следует полностью сконцентрироваться на вещах уникальных и необычайно важных, быть заодно с этими странными существами, бороться за жизнь! И он, насколько это было возможно, попытался проанализировать создавшуюся обстановку.

Девушка решительно отвернулась. Д'Орман заставил себя смотреть на происходящее реально. Сопротивлялся какое-то мгновение. Потом в мысли его вошла ее просьба: сесть, скрестить ноги, сцепить руки, ни о чем не думать. Физически Д'Орман подчинился ей. Он опустился ни палубу, лицом к лицу. Она взяла его за руки, закрыла глаза. Казалось, она молится. И повсюду вокруг себя он видел то же самое: мужчины уселись, скрестили ноги, женщины, взяв их за руки, закрыли глаза. Сперва из-за слабого света было очень трудно понять, чем занимаются мужчины и окружающие их (по две и более) женщины, но тут он разглядел одну из групп, расположившихся неподалеку. Четверо образовали круг, создав причудливую цепочку из соединившихся рук.

Д'Орман взглядом и мыслями устремился к другому кораблю. И там мужчины и женщины, взявшись за руки, приняли такие же позы.

Все эмоции его внезапно обострились. Ему показалось, что звезды обрушиваются на них, желая вблизи рассмотреть незабываемое мгновение: подготовку к решающему сражению. С холодным и циничным спокойствием он приготовился к этому очищающему действу и ожидал того мгновения, когда чудовищные

ножи вырвутся из тьмы и начнут отнимать жизнь тех существ, в руках которых он, вполне возможно, сейчас оказался.

Цинизм... последнее унижение, выпавшее ему за 3 000 000 лет... И всегда будут войны. Войны, основанные на совершенно других принципах, преследующие совершенно иные цели, но все-таки — войны! Пессимизм — источник силы противоположного знака. Он ощутил беспокойную дрожь внутри, тело его дернулось. Это напоминало удар электротоком, но без малейших признаков ожога; это было как пламя, способное превзойти своей интенсивностью весь мир. И оно росло и росло, поглощая все на своем пути. И должно было рано или поздно овладеть всем мирозданием. Оно, словно в калейдоскопе, принимало причудливейшие физические очертания. Вся вселенная осветилась: миллионами огней разгорелась галактика; звезды, напоминающие тусклые точки на бесконечном полотне тьмы, полыхнули, разбухли до угрожающих размеров и вновь опали до величины булавочной головки, неторопливо удаляясь в бескрайнее пространство. Масштабы сокращались. Космос суживался, сжимался, становился доступным наблюдению невооруженным глазом. Биллионы галактик, квадрильоны планет раскрывали свои крохотные тайны перед этой ужасающей способностью воспринимать сразу все.

Перед Д'Орманом предстали столь непостижимые своим объемом вещи и понятия, что память его показалась крохотным атомом, низвергающимся в бесконечность. Но чуть позже его сознание вновь сосредоточилось на палубе корабля, на которой должна была разгореться битва. Предстояло не физическое сражение, а борьба идей; на милость победителя отдавался экипаж побежденного корабля, тем самым пополнялся, соединяясь с энергией вселенной, энергетический запас.

Борьба, самопожертвование являют собой высшую цель любого человеческого существа. Связать плоть свою с Великим Делом, навсегда расстаться с жизнью, ради того, чтобы твой разум продолжал свой путь в сущности Вечного...

«Какой сущности?» — сам у себя спросил Д'Орман.

Новый вибрирующий удар глубоко проник в его тело, волнами накатывая на каждую клетку. Вопросам пришел конец. Все случилось мгновенно: реакция последовала неожиданно и быстро. Его переполняло ощущение, что победу одерживают Иир. Охваченный страшным испугом, он вырвался из рук девушки, разрывая тем самым контакт со вселенской энергией. Теперь он оказался один, заблудившись в закоулках космического мрака. Д'Орман закрыл глаза, борясь с нарастающим ужасом. Что за роковая неизбежность? И это тогда, когда он почти уже был спасен!

Поскольку Иир одержали победу, они достигли той цели, к которой стремились...

Д'Орман с грустью заметил: «А по сути дела этот принцип полярности не так уж и плох... « Его не смущали предрассудки, с которыми связывались силы тьмы.

Тьма? Разум его пытался проникнуть в сущность этого понятия. И вдруг он понял, что все с ним происходящее подошло к концу, он избавился от той реальности, испугавшись эмоционального перенапряжения. Больше он не находился на борту корабля Иир. Он больше не был ни на чьем борту!

Он мог видеть лишь ужасающую тьму вокруг себя.

Он содрогнутся — тело его напряглось — и заметил второй корабль-призрак, который быстро проплыл над его головой, а потом совсем исчез из поля зрения.

Битва завершилась. Но в чью пользу? Полнейший мрак! Повсюду! Неожиданно он догадался об исходе сражения: Иир выиграли его. И сейчас наслаждались своей победой, слившись с энергией вселенной. Иир уходили, став с космосом одним целым, продолжая свой бесконечный путь. Но что же произошло с его собственным кораблем?

На мгновение им овладела паника. Какое-то время он напряженно вглядывался во тьму, во все стороны сразу, пытаясь хоть что-либо различить в кромешном мраке. Напрасно. При мысли о том, что он остался здесь один, навсегда, миллионы иголочек вонзились в его тело.

Его корабль исчез, должно быть, вместе с кораблем тьмы. А скорость того была колоссальной. И он остался в одиночестве в вечной тьме, затерянный в межгалактическом пространстве. Это означало изгнание. Первая волна ужаса и отчаяния понемногу отхлынула. Мысли, сопровождающие этот процесс, постепенно уступили место эмоциям, он понял, что невыносимо устал, что он на грани забвения.

«А им придется частенько встречаться с другими,— мрачно подумал Д'Орман.— Взять человека в здравом уме и забросить в будущее — лишь первый шаг в бесконечной серии чувств и мыслей из тех, что стираются с ходом времени».

И тут в его памяти возник образ девушки. Подобные мысли повергли Д'Ормана в смущение. Он нахмурился, но бредовые надежды не покидали его, и он быстро повернул голову в противоположную сторону. Его глаза продолжали поиск до тех пор, пока фигура девушки четко не проступила на фоне туманной галактики.

Она находилась совсем близко. Он невольно попытался прикинуть расстояние — метров пятьдесят. И они медленно сближа-

лись по сходящимся траекториям, продолжая вращаться вокруг своей оси, подобно огромным куклам.

Когда сойдутся, они смогут применить принцип полярности.

И, уже обладая космической энергией, они совместными усилиями отыскали его корабль, который, повинуясь их приказаниям, тотчас же устремился в их сторону. Таким вот образом ночь, одиночество и безмолвие кончились.

Оказавшись на борту корабля, Д'Орман в первую очередь установил ориентиры, чтобы определять свое положение. Он ощутил присутствие девушки, которая разгуливала по кораблю, ее поведение изрядно отвлекало его внимание. Он тщательно замерил галактические широту и долготу. Антарес. Отсюда он запросто определит положение знаменитой Лиры в 3 000 000 году.

Лира так и осталась ненастроенной. Побледнев, Д'Орман хрустнул пальцами и пожал плечами. Бетельгейзе оказалась на месте — с ней ничего не произошло.

Но Бетельгейзе представляла загадку. Она превратилась в красное светило, расположенное на расстоянии не менее 300 световых лет. Такое казалось невообразимым и просто смешным. Этот факт сводил на нет все его вычисления.

Д'Ормана лихорадило. Дрожащей рукой он нарисовал схему Солнечной системы и принялся за расчеты, все больше и больше поражаясь получающимся результатам. Выходило, что он оказался и не в будущем совсем, а в прошлом! Машина времени сбилась со своей траектории и по спирали времени выпрыгнула за 37 000 лет до Рождества Христова. Нормальный ход логических рассуждений безжалостно прервался. ЗНАЧИТ, ВСЕ ЖЕ ЛЮДИ?

Д'Орман с усилием повернулся к девушке. Он сидел на полу, скрестив ноги, держась за ее руки. Совсем небольшое напряжение поляризующей силы — и корабль со своими пассажирами устремится к Земле, где прольется свет на все загадки.

С удивлением он заметил, что девушка не сделала ни малейшей попытки помочь ему. В ее карих, подсвеченных слабым светом глазах поблескивал льдистый огонек. Похоже, она не понимала. Д'Орман крепче стиснул ее запястья. Резким толчком она освободилась. Д'Орман потрясенно и подавленно уставился на нее. А как только понял, что она больше не собирается быть его партнершей по поляризующей силе, девушка подалась вперед, он опустил руки ей на плечи и привлек к себе.

И оттолкнул ее. Удивленный собственной грубостью, пожал плечами. Медленно вернулся в пилотское кресло. Принялся вы-

числять орбиты, силы притяжения ближайших звезд, прикидывать энергетические возможности двигателей. Прошло шесть месяцев, прежде чем девушка усвоила основы языка...

Первым словом, которое она произнесла, оказалось его собственное имя. Она назвала его АДОРМ — искаженное Д'Орман, бесчисленное число раз мысленно произнесенное им. И он решил, что будет лучше, если она так и станет его называть.

Позже они отыскали подходящую, девственную планету, полную лесов, зелени, всевозможнейших голосов — и это помогло ему забыть о причудливом происхождении своей спутницы.

Так на этой планете было положено начало роду людскому... ЕВАТ, их матерью.

КОШКА-А-А

В баре собралась обычная компания. Кэти притворялась, что уже перебрала. Тэд занимался тем, что изображал дурачка. Мирей хихикала по три раза кряду, как музыкант, настраивающий перед концертом свой инструмент. Джонс обращался к Горду в своей обычной утверждающей манере. Горд через каждые несколько секунд произносил: «Дык!» — как бы подтверждая, что слушает собеседника. А Мортон из глубины кресла старался привлечь к себе внимание высокомерием и интеллектуальным выражением лица.

Никто не замечал худощавого, стройного мужчину, сидящего перед стойкой бара. Мужчина пристально разглядывал собравшуюся компанию, но никто не мог сказать, когда он там появился и кто его пригласил. И никому не приходило в голову сказать ему, чтобы он убирался прочь.

Наконец незнакомец заговорил, обращаясь к компании: — Вы вот говорили об основных характеристиках человеческой натуры...

— Неужели мы об этом говорили? Что-то я не припомню,— хихикнула Мирей.

Раздавшийся смех не обескуражил новичка.

— Так случилось, что у меня в жизни был случай, иллюстрирующий эту тему. Все началось однажды, когда я просматривал газету, и мне на глаза попалась реклама цирка...

Видя заинтересованность слушателей, он продолжил:

— В верхней части рекламы был большой вопросительный знак, за которым следовали такие же большие восклицательные. А под ними был текст:

ЧТО ЭТО ТАКОЕ? ЭТО КОШКА!
ПРИХОДИТЕ И ПОСМОТРИТЕ НА ЭТУ КОШКУ.

КОШКА ВАС ПОРАЗИТ. КОШКА ВАС УДИВИТ!
ПОСМОТРИТЕ НА ВЫСТАВКЕ УРОДОВ ЭТУ КОШКУ.

Более мелкими буквами, ниже рекламы шла информация, что кошка демонстрируется лично Силки Трэвисом.

До этого момента я читал текст с небольшим интересом и не очень внимательно, но, прочитав это имя, я подскочил на месте.

«Боже милосердный,— подумал я.— Это же он. Это же Силки Трэвис изображен на той открытке».

Я поспешил к столу и вынул из ящика открытку, которая пришла мне по почте двумя днями раньше. В то время я ровным счетом ничего не понял. То, что было написано на оборотной стороне, казалось какой-то галиматьей, а изображение на лицевой стороне хоть и напоминало кого-то, но ничего мне не говорило.

С фотографии на меня смотрел мужчина с лицом человека, сидящего в маленькой клетке, которого преследуют призраки. Но теперь он напомнил мне Силки Трэвиса, хоть и не такого, каким я знал его пятнадцать лет назад. Сейчас он располнел, постарел, как, собственно, и должно было произойти за эти годы.

Я вернулся в кресло и сел, размышляя о прошлом. Даже в те далекие дни его имя подходило ему. В школе Трэвис организовывал конкурсы красоток в купальных костюмах, где всегда присуждал первую премию своей кузине, а вторую — девушке, которая была любимицей большинства учителей. Научные выставки учащихся с коллекциями местных ящериц, змей, насекомых и поделок индейских мастеров, на которые приходили восторженные родители, повторялись каждый год. И неизменно это все устраивал Силки. Спектакли, праздничные представления и прочие школьные мероприятия попадали под влияние его умелой руки и приобретали дух цирка.

Окончив школу, я поступил в Государственный университет по специальности биолога и на семь лет потерял Силки из вида. Потом в одной из газет мне попалась на глаза статья, в которой что-то писалось о молодом бизнесмене, который купил «часть» варьете и владеет также «частью» пляжной концессии в Нью Джерси.

Он снова пропал у меня из виду. И вот теперь Силки появился у нас, став, вне всякого сомнения, владельцем «части» цирковой выставки уродов.

Разгадав, как мне показалось, тайну почтовой открытки, я несколько развеселился и стал более снисходительным. Я подумал, что, вероятно, Силки разослал такие открытки всем своим школьным друзьям и решил больше не раздумывать о значении

слов, написанных на обратной стороне послания. Прием, которым воспользовались, был достаточно очевидным.

Когда я вот так сидел в кресле и вспоминал, у меня не было никакого намерения идти в цирк. В обычное время я лег в постель, но проснулся через несколько часов от ощущения, что в комнате не один. Ощущения, которые я испытывал в это время, хорошо описаны Джонсоном в его книге о патологичеких страхах.

Я жил в спокойном районе, и тишина была абсолютной. Постепенно я начал слышать напряженное биение собственного сердца. Желудок стал наполняться какой-то гадостью, появилась отрыжка, и во рту определенно чувствовался горький привкус. Я должен был сделать усилие над собой, чтоб успокоить дыхание.

Но по-прежнему ничего не было видно. Страхи в темноте овладевают нами неведомым образом. Я подумал, что у меня просто ночной кошмар. Мне стало стыдно перед самим собой, и я пробормотал:

— Кто здесь?

Никакого ответа.

Я выбрался из постели и включил свет. В комнате действительно никого не было. Но я все еще не успокоился. Вышел в холл, затем осмотрел гардероб и ванную. Наконец, неудовлетворенный этим, я решил убедиться — крепко ли закрыты окна. И вот тут я испытал шок. На внешней стороне оконного стекла было написано:

КОШКА ПРИГЛАШАЕТ ВАС В ЦИРК.

Я вернулся в постель настолько взбешенным, что подумал об аресте Силки. Утром, когда я проснулся, надпись на окне исчезла.

К тому времени, когда подоспел завтрак, я уже поостыл, даже почувствовал какое-то веселье от отчаянного желания Силки показать своим старым друзьям, какой шишкой он теперь стал.

Перед началом занятий в университете я осмотрел место под окном моей спальни. Там были какие-то отпечатки ног, но нечеловеческие, поэтому я решил, что Силки принял меры, чтобы не оставлять своих следов.

Во время занятий, как раз перед полуднем, один из студентов попросил меня ответить, чем объясняет биологическая наука случаи уродства. Я привел ему обычные объяснения: изменчивость, недостаточность питания, болезни, расстройства в развитии мозга, выливающиеся в изменение формы тела и т.д. А закончил тем, что сухо посоветовал для дополнительной информации обратиться к моему другу, Силки Трэвису, директору выставки уродов в цирке Пэйджли-Матерсона.

Брошенное вскользь замечание вызвало большое оживление. Мне рассказали, что интерес к одному из уродов именно этого цирка и пробудил вопрос, который мне задали. «Странное кошкообразное существо,— произнес шепотом один из студентов,— которое изучает вас с таким же интересом, как и вы его».

В это время раздался звонок, и я был избавлен от необходимости комментировать это сообщение. Помню, я подумал при этом, что люди не меняются. Они по-прежнему интересуются, в первую очередь, необычными явлениями, а мне, как ученому, более интересно изучать нормальные явления.

В тот день я все еще не имел намерения идти в цирк. Но по дороге домой сунул руку в нагрудный карман и вытащил открытку с изображением Силки. Я рассеяно перевернул ее и прочитал, там было написано:

«Для передачи почтовых сообщений в пространстве требуется огромное количество энергии, что оказывает влияние на временную дифференциацию. Поэтому, возможно, эта открытка будет получена до того, как я буду знать, кто вы. В качестве предосторожности я одновременно посылаю такую же открытку с вашим именем и адресом в цирк.

Не беспокойтесь о методе доставки. Я просто кладу прибор в почтовый ящик. При этом открытки оказываются в ящике на Земле, после чего их извлекают и отсылают вам обычным образом, а носитель растворяется в пространстве. Изображение говорит само за себя».

Мне оно ничего не говорило. И это начало снова меня раздражать. Я засунул открытку обратно в карман, почти решившись позвонить Силки и спросить, что означают все эти глупости. Но я, конечно, воздержался. Все это не имело большого значения.

Когда я встал с постели следующим утром, снаружи на оконном стекле было написано: «Кошка хочет поговорить с вами!»

Надпись, по-видимому, была сделано довольно давно, так как начала исчезать, пока я на нее смотрел. К тому времени, когда я закончил завтрак, она пропала совсем.

Я был не так зол, как раздражен. Такая настойчивость со стороны Силки указывала на нервные отклонения в его характере. Возможно, мне все же придется пойти на его представление, и он одержит небольшую победу, что несколько успокоит его дух, который преследовал меня уже два дня подряд.

Однако лишь после обеда мне пришла в голову мысль, которая закрепила мое намерение. Я вспомнил о Вирджинии.

Я преподавал в Государственном университете уже больше двух лет. Мне удалось достичь этого положения, как стало понят-

но, довольно рано, у меня оказалось слишком много свободного времени. И вот теперь, впервые в этой однообразной жизни, у меня появилось желание общения с девушкой. Такой девушкой была Вирджиния, но, к сожалению, для нее я был некой смесью древнего ископаемого и дотошного ученого. Я чувствовал, что ей еще не приходила в голову мысль выйти за меня замуж.

Мне показалось, что если мне удастся, не теряя достоинства, показать себя романтиком, то, может быть, она попадется на эту удочку и даст согласие на брак. А что может быть проще, чем притвориться, что мне все еще нравится бывать в цирке. Вершиной вечера будет визит к Силки. Я надеялся, что мое знакомство с такой колоритной фигурой сильно взволнует ее экзотическую душу.

Первый барьер был взят, когда она приняла приглашение пойти со мной в цирк. Я постарался, чтобы все предшествующее главному событию — катание на чертовом колесе и прочие детские развлечения — удалось на славу. Но решающий момент наступил, когда я предложил ей пойти посмотреть уродов, которых демонстрирует мой старый друг, Силки Трэвис.

Это все изменило. Вирджиния остановилась и посмотрела на меня почти осуждающе.

— Филипп,— заявила она,— неужели вы знакомы с человеком, которого зовут Силки? — она сделала глубокий вдох.— Я это должна увидеть.

Номер с Силки прошел прекрасно. Его не было на месте, когда мы вошли, но билетер поговорил с кем-то в задней комнате, и через минуту Силки буквально влетел в шатер, где демонстрировали уродов.

Он располнел и выглядел как упитанная акула. Глаза сузились, как будто он провел последние пятнадцать лет, вырабатывая методы, как наилучшим образом использовать людей для своей выгоды. У него уже не было того выражения лица, что на открытке, но его определенно преследовали духи. Духи жадности и легко доступных пороков, духи недобросовестных сделок и безжалостных поступков. Он оказался таким, каким я ожидал его увидеть и, более того, он был жалок в своей радости от встречи со мной.

В этой его радости было что-то от чувства одинокого кочевника, который, наконец, стал стремиться к оседлой жизни. Приветствуя друг друга, мы даже немного перестарались. После всех восклицаний Силки стал снисходительным.

— Тут только что был Брик. Сказал, что ты преподаешь в Госуниверситете. Поздравляю. Всегда верил в тебя.

Я постарался поскорей перейти на другую тему: — Лучше покажи нам свое хозяйство и расскажи о себе.

Мы уже осмотрели экспонаты «самая толстая женщина» и «человек-скелет», но Силки снова вернулся к ним и рассказал обо всех хлопотах, связанных с ними. Как он нашел их и как помог стать такими знаменитыми. Он был несколько многословным и я, при случае, его поторапливал. Но, в конце концов, мы подошли к маленькому тенту, развернутому внутри большого шатра. Над его входом, закрытым брезентом, было намалевано: «КОШКА». Я заметил эту надпись еще раньше, а выкрики зазывалы у входа подогревали мое любопытство.

— Кошка!.. Заходите и посмотрите нашу кошку! Друзья, это происходит не каждый день. Это оставит впечатление на всю жизнь. Никогда до сих пор в цирке не было такого животного. Это биологический феномен, который поразил ученых во всей стране... Друзья, это что-то особенное. Билет стоит всего 25 центов, но если вам не понравится, вы можете получить свои деньги обратно. Именно так. Вы можете получить свои деньги обратно, просто сказав об этом на выходе...

И так далее. Больше всего, однако, привлекала не его болтовня. Меня поразила реакция публики, которая группами проходила в тент. Внутри, очевидно, был гид, голос которого сперва был еле слышен, но затем повышался так, что его можно было услышать снаружи. Он говорил:

— И вот теперь, уважаемые, я открываю занавес и демонстрирую вам то, что обещал... Кошка!

Занавес открывался, видимо, хорошо рассчитанным по времени рывком, потому что, едва произносилось слово «Кошка», публика издавала протяжный звук:

— А-а-а-а-а-а-а-а!

Четкий, не вызывающий сомнений выдох дюжины пораженных людей. За ним следовало неловкое молчание. Потом люди начинали медленно выходить и направляться к выходу. И ни один, пока я стоял там, не попросил свои деньги обратно.

У входа произошло некоторое замешательство. Силки стал бормотать о том, что он владеет лишь частью этого шоу и не может дать нам контрамарку. Я быстро положил этому конец, купив необходимые билеты, и мы со следующей группой вошли под тент.

Животное, восседающее в кресле на возвышении, было очень худым, около пяти футов длиной. У него была голова кошки и редкая шерсть. Оно как будто вышло из комиксов, в которых животные ходят и разговаривают.

На этом нормальные черты заканчивались.

Оно было не из нашего мира. И вовсе не было кошкой. Я это понял сразу. Все в нем было неправильным. Я моментально отметил существенные отличия.

Голова! Лоб был высоким, а не низким и покатым. «Лицо» выглядело гладким и почти лишенным волос. На нем явно чувствовался характер и разумность. Тело на длинных, прямых ногах хорошо сохраняло равновесие. «Руки» были гладкими и заканчивались четко выраженными короткими пальцами с острыми когтями.

Но основное отличие было в глазах. Они выглядели почти нормально. Немного раскосые, в меру прикрытые веками, почти таких же размеров, как и глаза человека. Но они плясали! Они двигались в два-три раза быстрее человеческих. Несмотря на большую скорость, их движение было ровным, что говорило о хорошем зрении, с помощью которого можно прочитать газету на противоположной стене комнаты. Какое невероятно четкое изображение получал от такого зрения мозг!

Все это я успел увидеть в течение нескольких секунд. А затем животное начало двигаться.

Оно встало. Не спеша, небрежно, легко. Потянувшись и зевнув. Наконец, оно сделало шаг вперед. Среди женщин возникла паника, но гид успокоил их.

— Все в порядке. Животное часто спускается и осматривает нас. Оно безобидно.

Толпа осталась на месте, а существо сошло с возвышения по ступенькам и приблизилась ко мне. Оно остановилось и с интересом стало меня осматривать. Затем оно немного подалось вперед и, отвернув лацкан пиджака, исследовало мой внутренний нагрудный карман.

Оно извлекло оттуда открытку с изображением Силки, который смотрел на меня во все глаза.

— Все в порядке? — спросил он.

Я кивнул. Я чувствовал, что являюсь свидетелем действий, мотивы которых не понимаю, и поймал себя на том, что внимательно смотрю на Силки. Он осмотрел изображение на открытке и собрался передать ее мне. Затем остановился, рывком потянул открытку назад и внимательно уставился на нее.

— Черт возьми,— от изумления он открыл рот,— это же я!

Его удивление не вызывало сомнений. Оно было таким искренним, что просто поразило меня.

— Разве не ты посылал мне это? И не писал всего этого? — в свою очередь удивился я.

Силки ответил не сразу, Он перевернул открытку и стал читать. Потом покачал головой.

— Ничего не могу понять,— пробормотал он,— хм, это было послано из Марстауна. Там мы были в течение трех дней на прошлой неделе.

То, что он говорил, звучало убедительно. Я взял открытку и вопросительно посмотрел на кошку. Но существо потеряло ко мне всякий интерес. Пока мы рассматривали послание, оно повернулось, взобралось на свое возвышение и, устроившись в кресле, зевнуло и закрыло глаза.

Вот, собственно, и все, что произошло. Мы покинули шатер и вышли на улицу. Вирджиния и я попрощались с Силки. И когда мы возвращались домой, этот эпизод показался еще более бессмысленным, чем в тот момент, когда все это произошло.

Я проснулся, не имея представления, сколько перед этим проспал. Перевернулся, намереваясь продолжить сон. И тут увидел, что светильник у кровати включен. Я вскочил, как будто меня ударило током.

Рядом с кроватью, не далее трех футов от меня, в кресле сидела та самая кошка.

Царило молчание. Я был не в силах открыть рот. Медленно приподнявшись, я сел в постели. Вспомнились слова гида: «...безобидно!» Может быть, но в это больше не верилось.

Это существо приходило сюда уже три раза. Дважды, чтобы оставить сообщение. Мне стало страшно. «...Кошка хочет поговорить с вами!» Неужели это существо может говорить?

Пассивность животного придала мне немного храбрости. Я облизнул губы и решился:

— Вы умеете говорить?

Существо шевельнулась. Не спеша, как будто не желая меня потревожить, оно подняло «руку» и указало на ночной столик рядом с моей кроватью. Я проследил за пальцем и увидел, что под светильником стоит какой-то прибор, который тут же заговорил:

— Мое тело не позволяет мне издавать человеческие звуки, но, как вы можете убедиться, перед вами прекрасный посредник возможного диалога.

Должен признаться, я буквально подскочил на месте, мое сознание забилось в самый дальний угол черепной коробки, а стало медленно выползать наружу, лишь убедившись, что молчание продолжается слишком долго, и никто не пытается причинить мне вред. Не знаю, почему я решил, что способность существа говорить со мной посредством механического устройства может таить угрозу. Я полагаю, это было не что иное, как мысленное отступление, нежелание моего сознания воспринять происходящее. Мое мышление еще не обрело ясности, когда прибор на столике заговорил снова.

— Проблема передачи мысли через электронное устройство была решена посредством использования энергетических колебаний мозга.

Такое утверждение заинтересовало меня. Я много прочитал по этому вопросу, начиная с доклада профессора Ганса Бергера о колебаниях в мозге, опубликованном еще в 1929 году. То, что я услышал сейчас, не совсем соответствовало тем знаниям, которыми я располагал.

— Не является ли энергетический потенциал слишком низким? — поинтересовался я.— И, кроме того, ваши глаза открыты. Колебания сильно уменьшаются, если не закрывать глаза, ведь, фактически, с визуальными центрами связана настолько большая часть коры головного мозга, что в этом случае никаких колебаний не наблюдается или они очень незначительны.

Мне тогда не пришло в голову, но сейчас я понимаю, что фактически отвлек животное от главной цели его визита.

— А как проводились измерения? — спросило оно. После прохождения через механическое устройство в вопросе не сохранилось заинтересованности.

— Посредством фотоэлектрических ячеек,— ответил я.— Они позволяют измерять энергию порядка 50 микровольт, в основном, в активных областях мозга. Что такое микровольт, вам понятно?

Существо кивнуло. Секунду спустя оно произнесло:

— Я не буду говорить, какая энергия образуется в моем мозгу. Это может вас испугать. Но это не только интеллект. Я являюсь студентом, совершающим турне по галактике, которое можно было бы назвать аспирантской практикой. У нас существуют определенные правила,— оно остановилось.— Вы, кажется, хотите что-то сказать?

Я был полностью подавлен и лишь произнес слабым голосом.

— Вы сказали «галактика»?..

— Верно.

— Н-но, для этого ведь нужны многие годы? — мой мозг раскалывался, пытаясь схватить, понять сказанное.

— Мое турне продолжится около тысячи ваших лет,— сказало существо.

— Вы бессмертны?

— О нет.

— Но...

Я остановился, не в состоянии дальше соображать. Я сидел, ничего не понимая, а существо продолжало:

— Правила студенческого братства требуют, чтобы перед тем как покинуть ту или иную планету, мы обязательно рассказали

о нас одному из ее обитателей. Кроме того, мы должны привезти с собой сувенир, символизирующий существующую там цивилизацию. Мне интересно, что бы вы могли предложить в качестве сувенира с Земли? Это может быть что угодно, если при взгляде на него становится ясной доминирующая черта расы, живущей на ней.

Этот вопрос меня успокоил. Мозг перестал метаться между безумием и пустотой. Я почувствовал себя определенно лучше. Приняв более удобную позу, я в раздумье погладил рукой подбородок, будучи искренне уверен, что создаю впечатление интеллигентного человека, мнение которого чего-то стоит.

Меня охватило чувство, что все в жизни невероятно перепуталось. Я понимал это и раньше, но теперь, когда действительность заставила принимать решение, мне стало понятно, что люди на самом деле чрезвычайно сложные существа. Как выбрать одну какую-то грань и сказать: «Вот это Человек!» или «Это представляет Человека!». Я заговорил, медленно произнося слова:

— Произведение искусства, науки или какая-нибудь полезная вещь — вы это имеете в виду?

— Все, что угодно.

Мой интерес достиг вершины. Я всем своим существом воспринимал необычность происходящего. Казалось чрезвычайно важным, чтобы великая раса, которая способна перемещаться по всей галактике, имела неискаженное представление о человеческой цивилизации. Когда я, наконец, нашел ответ, то искренне удивился, что мне понадобилось так много времени для раздумий. Но как только эта мысль пришла мне в голову, я понял, что решение найдено.

— Человек,— уверенно начал я,— прежде всего религиозное существо. Со времен, отдаленных настолько, что о них не сохранилось даже письменных документов, он нуждался в вере во что-нибудь. Одно время его Боги жили рядом с ним, Богами считались, например, реки, бури, растения. Затем Боги стали более абстрактными. В настоящее время они снова приблизились к Человеку. Будь то экономическая система, наука — что угодно — доминирующим в них является тот факт, что Человечек боготворит их без причины, другими словами, относится чисто религиозным образом.

Успокоившись, я удовлетворенно закончил словами:

— Все, что вам нужно — это изображение фигуры человека на металле, который не подвергается коррозии, с лицом, обращенным вверх, и руками, протянутыми к небу, с выражением экстаза на лице. Изображение должно быть дополнено словами «Я верю».

Я заметил, что существо внимательно смотрит на меня.

— Очень интересно,— заявило оно, наконец.— Я думаю, вы невероятно близки к истине, но еще не знаете полного ответа.

Оно поднялось.

— А теперь я хочу, чтобы вы пошли со мной.

— Что вы сказали?

— Одевайтесь, пожалуйста.

Это было сказано совершенно безучастно. Страх, который отпустил меня перед этим, вернулся, как огонь, вспыхнувший с новой силой.

Машину вел я. Кошка сидела рядом. Ночь была освежающе прохладной, но темной. Лунный рожок периодически проглядывал сквозь несущиеся облака, иногда на темно-синем небе можно было видеть проблески звезд. Понимание того, что откуда-то из тех далей пришло существо, сидящее рядом со мной, отодвигало мое напряжение на второй план. После долгого молчания я решился спросить:

— А ваш народ, он достиг много большего в постижении истины, чем мы?

Это прозвучало слишком сухо, педагогично, вовсе не как вопрос, вызывающий живой интерес. Я поспешно добавил:

— Я думаю, вы не откажетесь ответить на несколько вопросов.

И снова это прозвучало неубедительно. Я был в отчаянии. Мне казалось, что я безвозвратно теряю возможность, которая выпадает лишь раз в несколько столетий. Я молча проклинал свой профессионализм, который делал мои слова сухими, как пыль.

— Эту открытку,— спросил я,— послали вы?

— Да,— машина, лежащая на коленях Кошки, говорила негромко, но чисто.

— Как вы узнали мой адрес и имя?

— Я не узнавал.

Я не успел ничего произнести. Существо продолжило само:

— Вы все поймете до окончания этой ночи.

— О! — эти слова на секунду заставили меня снизить скорость и почувствовать, как что-то внутри меня сжимается. Я старался не думать о том, что должно произойти до окончания ночи.

— А вопросы? — прохрипел я.— Вы ответите на них?

Я уже открыл рот, чтобы выпалить серию вопросов. А потом снова закрыл его. Что я хотел бы узнать? Огромное значение его ответов сжало мне горло. Почему, о, почему люди на Земле так эмоциональны в столь великие моменты их жизни? Я не мог тратить время на раздумья, прошла и так, мне казалось, целая веч-

ность. А когда, наконец, я заговорил снова, мой первый вопрос оказался банальным и вовсе не тем, что я намеревался задать.

— Вы прибыли сюда на космическом корабле?

Существо задумчиво посмотрело на меня.

— Нет,— медленно ответило оно.— Я использовал энергию моего мозга.

— Вот как! Вы прошли через пространство, оставаясь в своем собственном теле?

— В некотором смысле. Через несколько лет ваши люди сделают первые открытия, касающиеся использования колебательной энергии. Это будет ошеломляющим моментом в науке.

— Мы уж сделали,— возразил я.— Есть определенные открытия, касательно наших нервных колебаний и их системы.

— Конец этого пути — управление природными силами,— прозвучало в ответ.— И больше я ничего не скажу об этом.

Я замолчал, но ненадолго. Вопросы уже рвались наружу.

— Возможно ли,— спросил я,— построить атомный космический корабль?

— Не так, как вы это себе представляете,— заявило существо.— Атомный взрыв не может быть ограничен в своем действии никаким образом, за исключением способа, который позволяет получить серию последовательных маленьких взрывов. А это инженерная проблема и ничего общего не имеет с созидательной физикой.

— Жизнь,— проговорил я,— откуда пришла жизнь?

— Определенное сочетание электронов в подходящий момент времени.

Я вынужден был углубиться в эту проблему, не в силах сдержать профессиональный интерес.

— Сочетание электронов. Что вы имеете в виду?

— Разница между органической частицей и неорганической заключается во внутренней структуре. Углеводородные соединения, подверженные воздействию при определенных условиях, являются наиболее распространенной формой жизни. Но теперь, когда вы овладеваете атомной энергией, вы узнаете, что жизнь может быть создана соединением любых элементов. Будьте осторожны. Углеводороды являются слабой формой жизни, которая в ее настоящем виде может быть легко побеждена другой, более сильной формой.

— Вы хотите сказать,— я почувствовал озноб и сглотнул слюну,— что существуют формы жизни, которые представляют опасность сразу же после их создания?

— Опасные для человека,— пояснило существо. Вдруг оно показало рукой: — Сверните на эту улицу, а потом пройдите через боковой вход на территорию цирка.

Я был все это время в напряжении, не зная, куда мы направляемся. Как ни странно, визит в это место оказался для меня довольно неожиданным. Через несколько минут мы входили в темный, беззвучный шатер, в котором располагались уроды. И я понял, что наступают последние минуты пребывания Кошки на Земле.

В темноте мерцал слабый свет. Он приближался к нам, и я увидел идущего в нем человека. Было слишком темно, чтобы узнать его сразу, но свет стал ярче. Я не мог понять, откуда он исходит. И вдруг я узнал Силки Трэвиса. Он был в глубоком трансе. Пройдя вперед, он встал перед Кошкой. Выглядел он неестественным и несчастным, как не успевшая привести себя в порядок и оказавшаяся на виду у всех женщина. В большом волнении я пристально смотрел на него. Затем, заикаясь, спросил:

— Что вы собираетесь делать?

Машина, которую несло с собой существо, ответила не сразу. Кошка повернулась и задумчиво посмотрела на меня. Затем одним пальцем мягко коснулась лица Силки. Глаза его открылись, но больше ничего не произошло. Я понял, что какая-то часть его сознания все же воспринимает происходящее, и поинтересовался шепотом.

— Он слышит?

Существо кивнуло.

— Может ли он думать?

Существо покачало головой и затем пояснило:

— Анализируя природу человека, вы используете только симптомы. Человек религиозен в силу своих определенных характеристик. Я дам вам подсказку. Когда чужестранец прибывает на обитаемую планету, у него, как правило, есть лишь один способ остаться незамеченным среди ее обитателей. Если вы его находите, это означает, что вы поняли основную особенность расы.

Мне было тяжело думать. Все, что происходило здесь, в мрачной пустоте шатра и в абсолютной тишине, казалось неестественным. Я не боялся Кошки. Но внутри у меня оставался темный как ночь страх, граничащий с ужасом. Я посмотрел на неподвижного Силки, его дряблое лицо отражало все пережитое им за эти годы. Я стал пристально смотреть на свет, сиявший над ним, И, наконец, посмотрел на Кошку.

— Любопытство,— догадался я.— Вы имеете в виду человеческое любопытство. Его увлечение необычными предметами позволяет человеку воспринимать их естественно, когда он видит их воочию.

Существо медленно повернулось.

— Кажется невероятным, что вы, разумный человек, еще не разобрались в главной особенности человеческой натуры.

Оно резко отвернулось и выпрямилось.

— А теперь пора заканчивать эту беседу. Я выполнил все основные требования моего пребывания здесь. Некоторый период времени я прожил среди людей, не вызывая подозрений, и я рассказал о моем визите одному местному жителю. Мне осталось только послать домой предмет, характеризующий вашу цивилизацию, и я могу отправляться... куда-нибудь дальше.— Боясь ответа, который услышу, я резко спросил:

— Это, конечно, не Силки?

— Мы редко выбираем для этой цели обитателей планет,— ответило существо,— но когда мы это делаем, даем некоторую компенсацию. В данном случае это, практически, бессмертие.

Я вдруг почувствовал полное отчаяние. Оставались считанные секунды, и дело было не только в том, что я переживал за Силки. Он стоял передо мной мертвой глыбой и, хотя потом он, возможно, все вспомнит, это не имело решающего значения. Мне показалось, что существо открыло некий врожденный секрет человеческой натуры, который я, как биолог, обязан узнать,

— Ради Бога,— взмолился я,— вы же еще ничего не объяснили. Что это за главная особенность человеческой натуры? И что насчет открытки, которую вы мне послали? И...

— У вас есть все, чтобы получить ответы на эти вопросы,— существо не смотрело на меня.— То, что вы не можете этого понять, меня не касается. У нас свои правила, мы студенты, это все.

— Но что,— выкрикнул я в отчаянии,— я должен сказать миру?

Существо снова посмотрело на меня.

— Если вам это удастся, сдержите себя,— посоветовало оно,— не рассказывайте никому и ничего.

На этот раз оно пошло прочь, не оборачиваясь. Я с изумлением увидел, что туманный свет над головой Силки расширяется. Он стал ярче и объемистей. Затем он начал мягко, непрерывно пульсировать. Внутри этого огненного облака света угадывались смутными тенями контуры Кошки и Силки. Внезапно тени исчезли, а вслед за этим стал угасать и этот странный свет. Он медленно осел на землю и еще несколько минут мерцал в темноте. От Силки и Кошки не осталось и следа.

Группа, сидящая в баре вокруг стола, некоторое время хранила молчание. Наконец Горд произнес: «Дык!» — а Джонс изрек утверждающе:

— Проблема с открыткой разрешилась, конечно?

Худощавый, профессорского вида мужчина кивнул.

— Я думаю, да. Все объясняется ссылкой в открытке на временную дифференциацию. Открытка была послана после того, как Силки занял свое место в школьном музее того мира, из которого явилась Кошка, но из-за изменения в способе передачи она пришла до того, как я узнал, что Силки будет в нашем городе.

Мортон показался из глубины своего кресла.

— А что относительно этой основной особенности человеческой натуры, лишь выражением которой является религия?

Незнакомец сделал неопределенный жест.

— Силки, показывая уродов, в действительности показывал себя. Религия — это представление своего я перед Богом. Любовь к самому себе, нарциссизм — мы, как умеем, показываем самих себя... и поэтому необычное существо может войти в нашу среду, не вызывая подозрений.— Кэти икнула и спросила:

— Меня интересует любовная сторона дела. Вы женились на Вирджинии? Ведь вы профессор Государственного университета, не так ли?

Он покачал головой.

— Я был им. Разумно было бы последовать совету Кошки. Но мне казалось очень важным поведать другим людям о том, что произошло. Меня уволили через три месяца, и я не хочу рассказывать, чем я занимаюсь сейчас. Но я не намерен оставить это дело. Мир должен узнать о той слабости, которая делает нас такими уязвимыми. Вирджиния? Она вышла замуж за пилота одной большой авиационной фирмы. Она была покорена тем, как он себя представил. Незнакомец поднялся.

— Ну, я думаю, что пора идти. Мне еще предстоит посетить кучу баров до конца ночи.

Когда он ушел, Тэд на минуту перестал корчить из себя дурака.

— Ну вот,— заявил он,— парень, который знает, что ему делать. Только представьте себе. Он собирается эту историю рассказывать раз пять в течение одной ночи. Какая исключительная возможность быть в центре внимания.

Мирей хихикнула. Джонс возобновил разговор с Гордом в своей неизменной «это-мне-все-известно» манере. Горд произносил: «Дык!» — каждые несколько секунд, делая вид, что слушает. Кэти положила голову на стол и пьяно захрапела. А Мортон все глубже и глубже погружался в свое кресло.

ПРИЗРАКИ

Неважно, когда это случилось. Все потому, что он был один, и поэтому время для него уже не имело никакого значения. Сначала он пытался найти еще и других, оставшихся в живых среди руин, что заняло у него несколько лет. Потом он путешествовал по континенту, обыскивая с каждым разом все большие пространства страны. И, наконец, в один из дней его самолет отказал, и тогда он понял, что никогда уже никого не найдет. Ему было более сорока лет, а он впал в состояние сексуальной горячки. Он находил где-то фотографии женщин и рассматривал их целыми часами, тщательно подбирая тех, у кого были длинные ноги и высокая грудь. Его постоянно посещали сны, даже в сиянии дня. Он постоянно мечтал о женщинах, из-под его опущенных век текли слезы и скатывались по грязному бородатому лицу. Однажды этот период без видимой причины закончился, и тогда, на этот раз уже пешком, он снова отправился путешествовать. Летом он направлялся на север. Зимой двигался на юг по заросшей травами дороге, дороге, которая некогда называлась США №1. За его плечами был неизменный полотняный мешок, набитый консервированными бобами со свининой. Тяжело ступая, он почти все время что-то говорил самому себе, а иногда даже напевал...

Неважно, когда это все случилось. А все потому, что Гости были вечными. Безграничное время простиралось перед ними и за ними. Когда они прибывали в какую-нибудь планетную систему, то для этих существ оно не имело никакого значения. Им принадлежала вечность — они бы могли пребывать на всех этих системах одновременно.

Они достигли вечности единственным реальным способом: превышая числом своих возможностей число ее возможностей. Каж-

дый из Гостей составлял миллиард живых существ, так же как каждый из вас состоит из миллиарда клеток, но ваши клетки когда-то совершили ошибку под названием специализация. Одни из них сейчас могут только сокращаться и возвращаться в исходное положение. Другие только отфильтровывать мочевину из крови. Некоторые могут только брать, переносить и отдавать кислород. Другие в состоянии только передать незначительные электрические импульсы.

Гости же были построены более осмысленно. Миллиард живых существ — маленькие, не специализированные, похожие на насекомых существа соединялись в единое целое с помощью электромагнитного поля. Каждое из миллиарда существ, которые складывались в Гостя, могло жить самостоятельно, переносить небольшие тяжести, вмещало в своей маленькой черной головке достаточное количество клеток, которые позволяли ему питаться, работать и плодиться. Соединенные вместе в электромагнитном поле, они и создавали сознание Гостя.

Когда одно из насекомых погибало, с ним не церемонились. Оно толково разделывалось на куски и, пока было еще свежим, съедалось ближайшими соседями. Сам Гость интересовался этим не больше, чем вы интересуетесь способом роста ваших волос, хотя их рост происходит только в процессе смерти бесчисленных клеток...

— Чтоб я жил на Марсе! — выкрикнул он, волочась дальше. Полотняный мешок бил его по лопаткам, поэтому он поправил ремни, не прерывая марша. Птицы драли глотку и порхали по черному сосновому лесу, и со злости он крикнул им:

— А почему бы и нет? Ведь их там должно быть, по крайней мере, не менее десяти тысяч. Прогресс! К дьяволу этот прогресс! Кто бы мог подумать в мои времена, что до этого дойдет? А эти людишки на Марсе! Почему же они не шлют сюда хоть какую-нибудь ракету, чтобы человек не чувство вал себя столь одиноко? А может быть, у них то же самое?

Некоторое время он шел молча, а потом опять начал кричать:

— Человече, ты должен быть в рядах Старой, Старой Армии. Нам не дано всунуть свой нос в горшок Неограниченной Свободы, он был только для этих из Старой, Старой Армии. Если ты хотел идти в ногу с кем-то другим, то ты шел в ногу с кем-то другим. А если не хотел, то и не шел, и сержант не мог всыпать тебе двадцать палок.

Он имел неограниченную свободу, но, несмотря на это, ему стало почему-то грустно. Он пытался припомнить, был ли когда-то в армии или же это только ему казалось. Из задумчивости он

вырвался как раз в самое время, чтобы заметить резко надвигающуюся бурю. Если бы он опоздал хоть на минуту, то был бы уже повален на покромсанный асфальт автострады, плача и грозя кулаками в бессильной ярости. Он быстро спрятался в лесу, продолжая рассказывать птицам о том, что такое неограниченная свобода...

Когда они входили в границы планетной системы, на корабле было четверо Гостей. Одного из них оставили на холодной внешней планете, богатой залежами металлов, чтобы, поселившись в миллиарде маленьких убежищ, он построил миллиард маленьких металлургических заводов. На протяжении тысячи или миллиона лет (в этом не было никакой разницы) он станет трудиться и, в конце концов, создаст себе собственный межпланетный корабль, а потом, разделившись на два или более Гостей (для компании), отправится наносить Визиты. Тем временем на корабле осталось три Гостя, но тут их мнения разделились. Дело в том, что на одной из планет возле пояса астероидов, были обнаружены какие-то существа, числом не более десяти тысяч. Один Гость предлагал начать первоначальный контакт, а два других утверждали, что это число удивительно незначительно и является абсолютно недостаточным для проведения успешных исследований в рамках первоначального контакта. Придя к компромиссу и проведя только поверхностные исследования на той планете, Гости направились к еще одной.

Гости не имели чувств, тем не менее, можно было бы сказать, что над их кораблем повисло нечто вроде неясной обеспокоенности. На новой планете они столкнулись со странностью, с которой еще ни разу не имели дело. Когда вы являетесь видом стометрового колышущегося черного дивана, двигающегося по совершенно чужой земле, а обитатели этой земли без определенной цели носятся вокруг вас, то вы, конечно, ожидаете вызвать у них удивление, сначала, может быть, даже испуг, но, в конце концов, возбудить любопытство. Но вы никак не можете ожидать того, что вас будут игнорировать. Тем более, все говорило о том, что обитатели осознают присутствие наблюдателей. Но Гости удержались от окончательного вывода, временно откладывая на потом анализ существ с этой планеты — существ, быть может, занятых колонизацией планеты, что объясняло бы их относительно малую численность, но отнюдь не их безразличие...

Проснувшись, он напился из придорожного рва. Уже прошли те времена, когда вода была проблемой. Раньше, во время великой болезни, необходимо было соблюдать меры предосторожности. Если пили в закусочной, то нужно было влить несколько

капель йода. Или же ее кипятили, если еще находили в себе силы. Или же черпаком выбирали ее из бачка в туалете одинокой фермы, в то время как хозяин с женой и детьми стояли в холле и намеренно пялили глаза в пустой экран телевизора, как будто у них оставалась надежда, что еще раз повторится давно сказанное последнее слово. Болезнь, песок или разбивающий все в прах сверхзвуковой рокот из низколетящего самолета — разве это все значило хоть что-нибудь? Важна была только здоровая вода.

— Но теперь к дьяволу! — рявкнул он.— Все в порядке! Слышите? Во рвах дождевая вода, стоячая вода в прудах — и все в порядке. Одиноким Человеком ты был уже тогда, брат, когда все шло плохо, когда истребители летали над нами так, что даже мертвые вставали из своих могил, а Одинокий Человек не мог умереть, хотя и очень этого хотел...

На этот раз буря застигла его совершенно неожиданно. И когда она прошла, руки его были окровавлены от ударов кусками асфальта, а глаза опухли от слез. Он с трудом мог видеть, и поэтому путешествие превратилось в сплошное мучение — на каждом шагу он спотыкался, а однажды так упал, что открылась старая зарубцевавшаяся рана на лбу, но даже это не прервало его упорного пения:

Это все не чепуха, и не просто говорится:
«Джин „Корея“ сохранится».
Победим, не проиграем, ибо джином обладаем.
Время на войне растратить нам грешно.
Ну так пей же джин «Корея» и шатайся веселее!

По пять тысяч насекомых из каждого Гостя поднялось, неся пятнадцать кусков материала, необходимого для постройки посадочной площадки для корабля. В это же время несколько сот их почувствовало в себе боли смерти. Поэтому они передали все свои знания ожидающим наследникам с пустым разумом, погибли и были съедены. Другие сотни на короткое время прервали свой полет, родили определенное количество маленьких и снова пустились в полет.

Два Гостя как рой пчел опустились на посадочную площадку, покрывая ее, словно два живых черных дивана. Для того чтобы достигнуть максимальной видимости, они развернулись в две тонкие линии, которые медленно передвигались по неровной местности. На концах каждой линии несколько насекомых, случайно оторвавшихся от скреплявших сил, выпали из поля Гостя и беспомощно метались во все стороны. Некоторые возвращались в район поля, другие оставались вне его и гибли, вызывая корот-

кий перерыв в памяти пришельцев, который в нашем письме можно было бы выразить символом «точка». Обычно во время исследований Гости не позволяли себе продвигаться вытянутой линией, разве что путь их движения проходил по очень ровной местности. И тот факт, что на этой планете Гости рискнули на маршрут вытянутой линией, в значительной мере объясняется раздразненным любопытством.

Двумя миллиардами фасеточных глаз Гости сразу заметили, что, скорее всего, обнаружили мир, который колонизовал загадочную четвертую планету, потому как существа, кипевшие на двух небесных телах, были почти идентичны, а вся разница — только в их количестве. Здесь, в отличие от малочисленных существ четвертой планеты, было полным-полно разнообразной живности; в некоторых местах они роились в воздухе. На почве там и сям попадалось очень много старых разрушенных построек. Обитатели этой планеты жили группами, но при пристальном наблюдении за ними разочарование пришельцев усилилось. Действительно, все предметы, изготовленные искусственно, были решительно материальными, а вот существа, живущие на планете, оказались бестелесными.

Наблюдатели, устроенные более примитивно, вообще их не замечали, так как эти аборигены существовали в поле, подобном полю Гостя. Их тела были построены скорее из пучков волн, нежели из атомов. Невозможно себе представить, что они способны пользоваться какими бы то ни было материальными орудиями, при помощи которых и были сделаны окружающие их предметы искусственного происхождения.

И, что самое подозрительное, Гостей по-прежнему не замечали.

После раздумья пришельцы сгруппировались в два огромных черных шара, чтобы сконцентрировать свои силы перед тем, как предпринять решительную попытку найти общий язык с раздражающими аборигенами. Точку зрения Гостей можно было бы выразить в этот момент приблизительно такими словами: «Покажем этим сукиным детям!»

Но не показали. Весь широчайший диапазон мыслей, в рамках которого они могли действовать, ни на что не годился, поскольку существа, жившие на этой планете, упорно отказывались реагировать на мысленные призывы. Попытка прочитать мысли оказалась более удачной — и совершенно удивительной. Несколько слабых и как бы поблекших сигналов, которые получили Гости, показали обитателей планеты, как существ глупых, трусливых, стонущих, жалующихся, хнычущих от жалости к себе. Хотя они делились всего на два пола, и, по данным при-

шельцев, должна была царить обычная ситуация с довольно слабыми сексуальными тенденциями (что, впрочем, соответствовало положению этого вида во Вселенной), однако бестелесные существа буквально тряслись от сексуального напряжения, от которого совершенно не могли освобождаться.

Гости, насквозь обманутые этим противоречием, совершенно обескураженные повернули к кораблю, как вдруг один из них просигналил: «Внимание! Прятаться!»

Два черных больших дивана мгновенно исчезли. Каждое насекомое нашло себе какой-то закуток, камень или лист, куда можно спрятаться. Неожиданно забрезжила надежда, что, может быть, визит принесет еще какой-то контакт, более плодотворный, нежели столкновение с этими абсурдными и трясущимися кретинами.

Что-то, что двигалось к ним, было одновременно похоже и непохоже на построенных из волн аборигенов. Оно имело их формы, но было вполне материальным. Правда, сейчас разбор структуры пришельцы считали преждевременным. Гостей обнадеживало то, что это существо не имело, пожалуй, никакого контакта с формами волновой жизни. Пришельцы поднялись вверх и бросились к этому неизвестному, но он их и не заметил.

Два Гостя попытались проникнуть в его разум. Мысли существа были ясными и постоянными. Когда фигура минула их, Гости выразили свою единодушную точку зрения и продолжали свой путь к кораблю. Здесь, на этой планете, им нечего делать. Среди информации, которую они раздобыли из разума неизвестного, находились координаты разрушенной библиотеки; поэтому Гости тотчас же отправились к ней, предварительно захватив с корабля несколько тысяч насекомых с пустыми разумами.

По дороге они усиленно раздумывали над ясными и постоянными мыслями незнакомца:

Джин «Корея» даст возможность вынести любое бремя,
Джин «Корея» любит каждый, всяк, кого не двинут в темя...

Вот и прогресс, проклятье,— ты сам знаешь об этом лучше всего, человече. Неограниченная Свобода для Одинокого Человека, но было бы приятнее, если бы приземлился этот корабль с Марса...»

Вывод: вопреки всему приобретенному до сих пор опыту, похоже, что вид мыслящих существ этой планеты способен на самоуничтожение. Их Великая Болезнь оказалась не чем иным, как болезнью братоубийственной войны.

После возвращения экспедиции из библиотеки Гости с энтузиазмом принялись за изучение принесенных информационных

лент. Вскоре они уже знали название этой планеты и техническое определение волновых существ, которые ее сейчас населяли. Через короткий промежуток времени они останутся ее единственными обитателями. Постоянные формы жизни, прежде населявшие планету, как выяснилось, были все же немного осведомлены о существовании волновиков, хотя многие и решительно отрицали их существование. Но в разумах Гостей не было ни тени сомнения насчет того, были ли существа, описанные в нескольких книгах библиотеки, родственны тем, с кем они сейчас столкнулись. Все сходилось. Их нематериальность, их реакция на свет. Но, прежде всего, невероятные черты их личности: забота, скорбь, печаль... Технический термин, который употребляли книги для их определения, звучал приблизительно так:

«Призраки. Привидения».

Гости улетели, зная, что очень скоро знания об этом мире и его колонии исчезнут за ненадобностью из их коллективного разума. Ведь во Вселенной так много высокоорганизованного разума. Но никогда они не покидали ни одной планеты, ни одной системы с таким облегчением и так быстро.

УБИЙЦЫ ЗЕМЛИ

I

С29А круто набирал высоту, оставляя за собой шлейф огня. Внутри машины Морлэйк чувствовал беспокойные импульсы гироскопических стабилизаторов. Но движение вверх шло как по маслу, а ускорение ощущалось лишь как тяжесть руки, положенной на живот. На высоте 60 миль над базой Кэйн Филд летчик выровнял машину и начал испытания нового самолета. Через пять минут он включил рацию и мягко произнес:

— Морлэйк вызывает Грегори.

— Да,— моментально отозвался Грегори.

— Этот климат ей нравится.

— Что с ультрафиолетом?

— Заблокирован.

— Космические?

— Регистрируются.

— Хорошо,— в голосе руководителя полета звучало удовлетворение.— Пока кто-нибудь не научится блокировать космическое излучение, удовлетворимся минимумом. Скорость?

— Около одного банана.— Это был код, означающий 700 миль в час.

— Что-нибудь ощущаете?

— Она мурлыкает колыбельную песню.

— Мило для одного банана. Общие соображения?

— «Сэди» пока не собирается создавать нам проблем.

— Такое самодовольство? — Руководитель, похоже, отвернулся от микрофона, его голос едва слышался.

— Я хочу сказать, генерал, все нормально.

— Так и должно быть,— ответ слышался слабо.— Мы начали было волноваться. На разработку уже ушло четыре миллиарда.— В голосе руководителя чувствовалась ухмылка.

— Что на очереди? Марс или Луна?

— «Сэди» — это предел, мальчик. И мы должны быть благодарны, что она у нас есть. Новый конгресс устал от наших маленьких, но достаточно дорогих экспериментов, и хотел бы уменьшить налоги. Новый Президент считает, что разработка оружия ведет к войне. А войны он не хочет, так что в этом 1979 году... Продолжать эксперименты он, видимо, передумал.

После непродолжительного молчания раздался далекий голос Грегори:

— Что дальше?

— Пикирование,— произнес генерал.— Морлэйк.

— Я слышал.

— О'кей. Давай посмотрим, сможешь ли ты попасть по О'Риану.

Морлэйк ухмыльнулся. Все три летчика-испытателя Кэйн Филда носились с идеей разделаться с известным расистским издателем. При каждом пикировании они выбирали целью здание «Стар Телеграм», семьдесят этажей которого возвышались рядом с неподвижной поверхностью озера Мичиган. Идея заключалась в том, что если что-нибудь пойдет не так, как нужно, то вместе с собой они отправят в ад О'Риана с его «гнездышком». И до известной ступени они были не прочь именно так завершить неудачу.

Машина задрожала. На высоте в 80 миль бесполезные турбины замолчали, и гром ракет резким звуком передался через металлический корпус. Ракеты предназначались не только для того, чтобы нести груз. Замечательная машина лишилась плавности движения. Морлэйк на мгновение задержался, чтобы насладиться видом космического пространства. Оно было грандиозным, неестественно черным. Звезды блестели яркими точками, не мерцая и не сверкая. Солнце далеко слева было лишь приблизительно круглым. Ленты огня и пламени делали его кривобоким и неестественным. Лунный серп находился прямо в центре черноты.

С29А, двигаясь очень медленно, не более 100 миль в час, пролетал теперь над Чикаго. Город, потерянный в дымке, не был виден невооруженному глазу. Но на экране радара вырисовывалось каждое здание и громада «Стар Телеграм» узнавалась безошибочно. Морлэйк выждал, пока перекрестие прицела нацелится в тень здания, и затем опустил нос машины.

У него было достаточно времени, и наводящее устройство следило за изображением на экране радара. Показания спидометра приблизились к тысяче миль в час, когда сзади и сверху вспыхнул ослепительно яркий свет. Нечто огромное и адски горячее обогнало машину и ушло вперед, резко опускаясь вниз.

Морлэйк непроизвольно съежился. Он успел подумать: «Метеорит! Скорость около тысячи четырехсот миль в час». Под ним,

ярко мигнув, рассыпалось пламя. Глядя в изумлении, он убрал ногу с акселератора. Не более чем в двадцати футах от него находилось нечто, что вовсе не было метеоритом.

Морлэйк смотрел, чувствуя, как ужас сковывает его тело. Радиоприемник, встроенный в наушники, включился, и он услышал крик Грегори:

— Морлэйк, мы только что получили сообщение: Нью-Йорк, Вашингтон, десятки других городов разрушены в эти десять минут огромными атомными бомбами. Морлэйк, уводи «Сэди» от Чикаго. Она у нас единственный рабочий экземпляр С29А. Морлэйк, ты меня слышишь?

Он слышал, но не мог ответить. Оцепенев, он смотрел на атомную бомбу в двадцати футах от него.

Прийдя в себя, Морлэйк шевельнулся как больной пес. Все это было похоже на сон. Глаза с трудом осмотрели приборную панель. Постепенно он осознал, что мир вокруг него становился все ярче. Слабое зарево мерцало в отдалении с обеих сторон, а море огня под ним напоминало огненную чашу, в которую падали бомба и его самолет. Он подумал: «Пламя, которое обожгло корабль, когда бомба прошла мимо... Должно быть, работают ракетные двигатели, тормозящие эту штуковину, чтобы она не сгорела при снижении в плотных слоях атмосферы».

Эта мысль пронеслась, словно ее и не было. Как будто свистящий, нарастающий снаружи ветер вынес ее из головы. Вместо нее обретали форму другие мысли. Планы слишком мимолетные, чтобы их осознать, но они множились, сплетаясь в единое целое. Абстрактные планы, но каждый из них в итоге означал его смерть. Абстрактные потому, что город под ним не был его городом. Никто в нем не знал Морлэйка, и никому не было до него дела. Никому, даже случайной подружке. Он ненавидел этот город. Ветреный, грязный, несчастный, жалкий. Жаркий летом, холодный зимой... Нет, в нем не было совершенно ничего. Но планы, тем не менее, обретали силу и направление.

— Морлэйк, черт тебя подери, ответь мне! — разрывался в наушниках голос Грегори.— Ответь мне, ответь мне, ответь мне!

Из всех сумасшедших планов, родившихся в его голове, один стал самым четким. Если бы ему удалось отклонить бомбу к озеру, пять миллионов человек получили бы шанс выжить.

Слабая надежда. Он знал, деликатно подталкивая самолет ракетными двигателями и уже ощущая вибрацию при касании носа корабля с корпусом бомбы, что такому мощному снаряду достаточно упасть в окрестности города, чтобы превратить его в пыль. Но он продолжал подталкивать самолет двигателями. Его

тело сжалось в ожидании лучевого удара. Но ничего не происходило. На этой высоте не хватало воздуха для работы даже супердвигателей.

— Морлэйк, ради Бога, где ты?

Он был слишком сосредоточен, чтобы слушать радио, ему казалось, что он неосмотрительно сильно толкает самолет, а помятый фюзеляж может потерять контакт с бомбой, с ее обтекаемой формой. Снова мягкое манипулирование, касание, легкий прижим.

Наконец началось медленное перемещение. Морлэйк отметил его на устройстве наведения, которое находилось прямо перед глазами.

О'Риан уже не был точно под ним. И в этот миг бесконечно малого успеха низ бомбы вспыхнул белым светом. Всего лишь один импульс, и достигнутый с таким трудом контакт потерян. Он почувствовал, что бомба ускользнула от машины, и с разочарованием увидел в перекрестии прицела небоскреб издательства.

Бомба отреагировала на его действия. Она, должно быть, двигалась по лучу, и отклонить ее было невозможно. Почти в то же мгновение она преподнесла еще один сюрприз. Пока Морлэйк сидел в тумане неопределенности, не зная, как поступить, бомба осветила С29А морем света. Морлэйк сжался, но свет тут же погас. Подумать о том, что может произойти, ему не дал крик, который почти разрывал его наушники:

— Морлэйк, идиот чертов, спасай «Сэди!»

В этом крике были гнев, отчаяние, ненависть, крушение надежд и начало безумия — все было в этом крике. Но и это не подействовало на Морлэйка, он просто не сознавал, что происходит там, внизу, но в какой-то короткий миг его взгляд коснулся альтиметра. Двадцать миль! Всего лишь двадцать миль до земли.

Нервное возбуждение, которое сковывало его еще несколько минут назад, спало. Он вдруг подумал о «Сэди» так, как и доведенные до отчаяния люди на базе Кэйн Филд. «Сэди» — элегантная, великолепная «Сэди», с ее высоким хвостовым оперением, первая в еще не построенной флотилии. Морлэйк включил носовые двигатели и увидел под собой уходящую вниз бомбу, которая затем пропала в тумане.

Три раза он терял сознание и приходил в себя, чувствуя головокружение, но сознавая, что жив. Наконец машина выровнялась. Морлэйк поднял нос и стал набирать высоту по длинной наклонной линии с ускорением, которое сжимало его тело.

Позади него, далеко внизу появился ослепительный свет десяти миллиардов солнц. Это был божественный свет, несравни-

мый ни с чем в звездном мире, за исключением, может быть, невообразимого огня суперновой «Нова-О» в экстремальный момент взрыва.

Континентальная катастрофа! Сорок миллионов человек в пятидесяти самых населенных городах погибли в течение тридцати минут. Позже подсчитали, что каждая из сброшенных бомб произвела тепловой выброс в сорок миллиардов градусов Цельсия. Этот поток энергии был так велик, что с его последствиями невозможно было справиться. Баланс на одной из половин земного шара был нарушен. Землетрясения охватывали регионы, которые никогда раньше не ощущали подземных толчков. Весь этот день и ночь Земля то успокаивалась, то снова вздрагивала с силой, которую еще не знало человечество за всю свою историю.

К полудню следующего дня пораженные горем люди начали объединяться. Сенатор Милтон Торми, принимающий лечение после пищевого отравления во Флориде, собрался с двумя другими старыми конгрессменами в курортном отеле. Посовещавшись, тройка издала манифест, предписывающий на шесть месяцев режим военного положения. В Берлине генерал Уэйн, командующий американскими войсками в Германии, потребовал, чтобы все страны в Европе и Азии открыли свои границы для американских самолетов. Задержка или отказ рассматривался как признание вины и приводил к немедленному возмездию, наносимому с секретной американской атомной базы или военно-морскими силами.

Была вызвана национальная гвардия. Радары и сонары были поставлены на боевое дежурство, и в течение всей ночи спешно вооруженные мужчины и женщины, отгоняя сон, смотрели в небо. Они ожидали армию парашютистов, которые, конечно же, должны были появиться на рассвете, чтобы покорить разоренную страну.

Но наступило утро, и ни в одном из городов Америки ни в небе, ни на земле никто не заметил вражеского десанта. Солнце, как и прежде, вставало на Востоке. Люди смотрели на своих соседей красными от бессонницы глазами и понимали, что конец света пока не наступил.

Прошла еще неделя, но враг не показывался. Понадобился почти месяц для американских патрульных самолетов, флотилий обычных самолетов и дивизий солдат, чтобы убедиться, что ни одна страна на Земле не ведет подготовку к войне. Повсюду взбешенных расследователей встречали лишь сугубо мирные люди, удивленные масштабом катастрофы и предлагающие помощь.

Враг нанес смертельный удар самой мощной державе на Земле. И сделано это было так ловко, что он, похоже, останется безнаказанным.

Дважды Морлэйк, возвращаясь на базу после безумного полета, прошел над Кэйн Филд. В первый раз он просто не узнал супераэродрома. Во второй раз смог оценить разрушения. Все наземные постройки, башни управления, маркеры, огни, площадки были уничтожены. На летном поле и рядом с ним были разбросаны останки искореженных самолетов. Обломки валялись повсюду, их было столько, сколько можно охватить взором! Самолеты и их части в разной степени разрушения, секции металлических строений, куски цемента, кирпичей, пластмассы, стекла и мили разнесенных в щепки бревен. По этой земле словно прогулялся гигантский циклоп.

Морлэйк включил двигатели вертикального взлета и завис над одним из входов в подземное укрытие. Спускаясь ниже, он видел десятки распростертых человеческих фигур почти у самого входа, а, подрулив ближе, понял, что человеческого от них осталось не так много. Он в отчаянии отвернулся и аккуратно провел машину между ними и подземным убежищем.

Когда он ступил на землю, дул сильный ветер. Если не считать его завываний, то над центром континента царила мертвая тишина. Он осторожно переступил через обломки у входа в подземное укрытие и стал спускаться по треснувшим ступенькам. В верхних коридорах тлели светильники, чудом уцелевшие после бури, прошедшей снаружи.

Стены повсюду были разбиты вдребезги. Потолки обвалились, и слышался отдаленный грохот ломающихся балок, падающего грунта и цемента, от чего возникли завалы в глубине теоретически неразрушаемых камер.

Морлэйк протиснулся между двумя такими препятствиями и вышел к третьему, полностью закрывшему проход. Когда потолок в нескольких метрах впереди него начал угрожающе осыпаться, он решил, что лучше вернуться на поверхность.

Тяжело дыша, Морлэйк выбрался наружу. Он, имея слабую надежду, заставил себя осмотреть наименее изуродованные человеческие тела. Все были мертвыми. Он полетал над полем, приземлявшись раз десять для того, чтобы осмотреть коробки зданий и входы в подземные укрытия. Везде одна и та же картина. Случайно Морлэйк обнаружил двух человек, которые подавали признаки жизни.

Стимулирующие средства, которые отыскались в аптечке первой помощи, не подействовали, и он перенес раненых в самолет. Взлетев снова, Морлэйк включил радио в надежде узнать последние новости о положении в стране. Сначала эфир, казалось, молчал. Только отвернув регулятор громкости на полную мощ-

ность, он услышал еле различимые голоса. Они периодически пропадали, но через минуту возникали снова, поэтому он не терял общий смысл сообщений: «...Жителям городов с населением свыше пятидесяти тысяч приказано покинуть место жительства, но все торговцы этих городов должны остаться в своих магазинах. Повторяем, торговцы должны оставаться. Покинувшие город без разрешения будут расстреляны... продавайте ваши товары всем, кто придет, соблюдая нормирование для покупателей... один костюм, одно одеяло... бакалейные товары — на две недели... Жители городов с населением менее пятидесяти тысяч остаются на месте. Повторяем, остаются на месте!.. передаем аварийное предупреждение для лиц, находящихся вблизи озера Мичиган: от Чикаго со скоростью приблизительно сто миль в час движется цунами!.. Все прибрежные города будут разрушены. Не теряйте времени. Уходите немедленно! ...Телеграмма! Лондон. Великобритания объявляет войну неизвестному врагу. Другие страны следуют...»

Слух Морлэйка не мог разобрать все слова. Слышимость была ужасной, голоса, треск, потом отрывочные звуки. И, кроме того, первое оцепенение, вызванное ошеломляющими событиями, стало проходить. Он управлял самолетом и думал о миллионах мужчин и женщин, чьи тела превратились не в пепел, а распались на атомы...

Морлэйк почувствовал огромное облегчение, когда добрался до первого места назначения: маленького военного аэропорта около довольно крупного города в Айове и увидел живых людей. Двух раненых, которые находились в его самолете, быстро отправили в местную больницу.

Пока машину заправляли горючим, Морлэйк коротко посовещался с тремя обеспокоенными дежурными офицерами. Они согласились, что самым правильным сейчас будет вылететь на одну из секретных баз, где позаботятся о его новом необычном самолете. Именно этим трем офицерам он в первый раз рассказал, что своими глазами видел Чикагскую бомбу. Все трое проявили огромный интерес, и Морлэйк расставался с ними с большим сожалением. Они были уверены, что специалисты получат уникальную информацию, услышав рассказ о том, что он видел.

Прошло немало времени, пока Морлэйку позволили приблизиться к секретному аэродрому. Радио гремело сигналами тревоги и предупреждениями «немедленно покинуть зону». Он настоял на том, чтобы дежурный известил о причине его появления и, в конце концов, добился разрешения посадить свою машину на подъемник, после чего она была втянута под землю.

Его провели в кабинет генерала Герольда, и на этот раз Морлэйк ограничился коротким докладом. Он сообщил генералу обстоятельства, при которых увидел Чикагскую бомбу и сделал паузу, ожидая потока вопросов. Старый генерал долго смотрел на него, но не стал выяснять никаких деталей. И только когда Морлэйка провели в комнату ярусом ниже, до него дошел смысл враждебного молчания человека с тонкими губами. «Боже,— подумал он,— генерал мне не поверил!» Это было потрясением. Но как можно было поступить по-другому? Неважно, что рассказ так неправдоподобно звучал. Он просто был обязан рассказать, что с ним произошло, что он действительно видел.

Морлэйк как можно подробнее написал свой доклад, затем позвонил секретарю генерала и сообщил, что все готово. После некоторой задержки ему было приказано оставаться в своей комнате, а за докладом зайдет офицер. Это настораживало, но Морлэйк старался убедить себя, что в таком решении нет ничего странного. Пришедший через некоторое время офицер забрал его доклад, и Морлэйк лег отдохнуть, ощущая невыразимую усталость. Но мозг его оказался слишком возбужден для сна. Все напряжение, испытанное им в течение дня, вылилось в беспредельный ужас перед отказом поверить в то, что видели его глаза. Постепенно его мысли стали более реальными. Он пытался представить возможный исход событий здесь, где командует подозрительный военный педант. «Черт его побери! — думал он в бешенстве.— Все радары, предназначенные для локализации бомб, падающих на города, скорее всего, полностью уничтожены. Остается только то, что видел я. Но что это доказывает, если мне не верят? Мои показания могли стать одним из главных ключей для разгадки замыслов врага. А теперь они ничего не стоят».

Прошла не одна неделя, прежде чем Морлэйк понял, насколько ценным был этот ключ.

II

— Я требую порядка в зале!

Поспешно собранный военный суд готов был начать свою работу.

— Обвинение намерено,— произнес военный прокурор после того, как были завершены необходимые приготовления,— представить свидетельские показания, которые должны доказать справедливость одного из двух обвинений, выдвинутых против капитана Морлэйка.

Первое обвинение заключается в том, что он на самом деле не видел, вопреки его утверждению, атомную бомбу, и что фактической его целью было обрести дешевую дурную славу, используя величайшее национальное бедствие. По мнению обвинения, если суд установит его виновность, то наказание должно быть достаточно суровым, учитывая чудовищность и сложность нападения, постигшего нашу страну. Второе обвинение,— продолжал военный прокурор,— более серьезно. Оно заключается в том, что если капитан Морлэйк, как он утверждает, действительно видел бомбу, то почему он намерено фальсифицировал доклад, либо был предельно небрежным в указании направления, по которому следовала бомба.

Ужасным в положении Морлэйка было и то, что он здесь никого не знал. Ему не было позволено вызвать свидетелей с аэродромов, на которых служили люди, хоть немного знавшие его. Когда два эксперта-ракетчика дали свои заключения, он понял, что обречен. Впрочем, это стало ясно сразу же после ареста, когда один из охранников шепнул ему, что половина служащих потеряла свои семьи во время бомбардировки. Он знал, что эмоционально они были готовы обвинить любого, Морлэйка — так Морлэйка. Эти люди, согнутые бедой, лишенные всего, чем дорожили, не могли сейчас ни чувствовать, ни видеть, ни думать.

Все решилось тогда, когда ему дали слово.

— Нет ли у вас сомнений в том,— спросил военный прокурор,— что предмет, который вы видели, был действительно атомной бомбой?

— Это была атомная бомба.

— И она перемещалась прямо вниз?

— Да, совершенно точно.

— На какой высоте от земли это было?

— По меньшей мере, семьдесят пять миль.

Наступила пауза, затем голос прокурора зазвучал угрожающе:

— Капитан Морлэйк, вы слышали заключение экспертов о том, что любая бомба, нацеленная из какой угодно точки с поверхности Земли, на такой высоте движется только по параболической кривой?

— Я слышал эти показания.

— И какое вы сделали заключение из этих показаний?

Морлэйк был тверд:

— Еще совсем недавно я был убежден, что наши ученые ракетчики выше своих коллег в любой другой стране. Теперь я знаю, что нас обошли.

— Итак, это ваше единственное заключение в связи с гибелью сорока миллионов американцев: «Нас обошли»?

Морлэйк с трудом проглотил слюну, но сдержал себя.

— Я, возможно, неправильно выразился. Что же касается бомбы, то она шла точно вниз.

— Может быть, вы подумаете еще, капитан?

Прозрачный намек. Морлэйк знал, чего от него хотят. За то короткое время, что длилось расследование, у обвинения появилось несколько «блестящих» идей. Накануне вечером к нему пришли с рисунками гипотетических траекторий бомб. Каждый рисунок был выполнен на карте мира, на которой были отмечены три различные точки запуска. Если бы он согласился с тем, что бомба немного отклонялась в одном из указанных направлений, он стал бы героем.

— У вас еще есть возможность,— сказал военный прокурор,— оказать огромную услугу своей стране.

На душевные муки Морлэйка было жалко смотреть.

— Прошу меня понять,— наконец произнес он с замиранием сердца,— но я не могу изменить своих показаний. Она шла точно вниз.

Приговор гласил: тридцать лет тюремного заключения,— и ему, надо думать, еще повезло. За тот месяц, пока шло следствие, людей вешали на фонарных столбах, и процессы о подрывной деятельности вырастали как грибы на земле страны, которая не могла понять, кто же на нее напал.

* * *

Утром, на сорок девятый день своего заключения, Морлэйк, как обычно, надел рабочую одежду. Он уже почти забыл о том, что делал когда-то кроме этой работы, которая стала основной частью его жизни. Отправляясь завтракать, он мельком взглянул на доску объявлений, где вывешивались дневные наряды на работу. Вспашка восточного поля. Посадка картофеля в долине. Ремонт восточного забора. Очистка конюшен. Перевозка корма в новый коровник. Обычный расклад, в котором отсутствовала одна мелочь: его фамилии не было ни в одном наряде. Сразу же после завтрака он доложил об этом сержанту.

— Хорошо, отправляйся на картошку.

Морлэйк отошел, ворча себе под нос, что в следующий раз он обратится в контору, где составляются рабочие наряды. Дело было не в том, что ему не нравилась работать, нет, он всегда был в хорошей физической форме, и его организм был настолько

безукоризненно сбалансирован, что во время службы в военно-воздушных силах его способность противостоять перегрузкам считалась одной из лучших. Теперь же он чувствовал себя даже более здоровым, бодрым, сильным и ценил жизнь. Но он не любил сажать картофель. Армейская ферма использовала устаревший, примитивный метод посадки, когда за каждой картофелиной надо было наклоняться до самой земли... К полудню он был взмокшим и усталым.

Обед в середине дня привозили в поле. Люди располагались прямо на траве, сидя на корточках с мисками и чашками. Их разговоры были такими же, как и в предыдущий день, и в день перед этим, и так каждый раз до бесконечности — бомбы, бомбы...

— Эй, ты слышал, что сказал этот новичок про кого-то, кто вылез из уцелевшего здания в Нью-Йорке?

— Один чудак со Среднего Запада говорит, что эти бомбы могли прилететь с Луны.

— Это китайцы, провалиться мне на месте...

— Я бы поставил на Россию...

— Черт побери, если бы я был генералом Уэйном в Берлине, я бы...

Сержант, командующий ими, лениво встал на ноги.

— О'кей, генералы, встать и приниматься за картошку, пока в ней не завелись черви.

Рабочий день продолжался как обычно. Около четырех часов из тумана, скрывающего строения фермы в пяти милях на север, вынырнул автомобиль. Он не спеша двигался по грунтовой дороге, исчезая за деревьями и в оврагах, а потом снова оказываясь на виду, каждый раз он выныривал все ближе, вызывая недоумение как у сержанта, так и у заключенных. Сержант с капралом медленно вышли на дорогу и стали ждать приближающийся транспорт.

— Выпрямиться, нагнуться, выпрямиться, нагнуться,— оставшаяся охрана зорко следила за тем, чтобы работа продолжалась. Плуги вгрызались в землю, закрывая клубни картофеля влажными пластами. Лошади чавкали в мокрой земле и размахивали хвостами. Одна из них с шумом выпустила струю.

— Выпрямиться, нагнуться, выпрямиться, нагнуться...

Морлэйк, мокрый от пота и тяжело дышащий, в промежутках между ритмичными движениями бросал взгляд на приближающийся автомобиль, продолжая думать о своем.

Из различных статей и редакторских колонок в газетах, которые он успел прочитать в библиотеке на ферме, только одна, как показалось Морлэйку, содержала здравую идею: целью бом-

бардировки было не разрушение страны или ее покорение, а просто изменение политической системы. Убрав со своего пути горластых, шумных, высокообразованных, разбирающихся в политике людей из американских городов мирового масштаба, изолированные сейчас аграрные группы смогли бы захватить власть. Любое капиталистическое государство в мире воспользовалось бы рынками сбыта, которые освободит американская индустрия. И десятки коммунистических государств могли быть заинтересованы в прекращении американского влияния в Европе, Африке и Азии. Если враг не будет обнаружен в течение еще нескольких лет, выбранные представители осторожных аграрных партий, вероятно, не осмелятся отомстить. Старые замашки уже дают о себе знать. Юг восстановил в должности Джима Кроуимса. И никто его не остановил. Об агрессоре известно только три факта: он существует; он не оставил никаких следов в своей стране; и он сбросил бомбу точно вниз по меньшей мере на один город. К сожалению, единственным человеком, утверждающим последнее, был Роберт Морлэйк, и поэтому его единственной мыслью является то, что бомбы, скорее всего, были запущены с Луны... Морлэйк криво усмехнулся. Он представил себе, как пытается убедить остальных, что для того, чтобы узнать имя врага, надо отправиться на Луну.

— Морлэйк! — услышал он окрик.

Морлэйк медленно выпрямился и повернулся. Это был капрал, который отправился вместе с сержантом к автомобилю. Машина круто разворачивалась неподалеку. Морлэйк отдал честь.

— Слушаю, сер!

— Вас хотят видеть в управлении. Оказывается, вам не надо было выходить утром на работу. Поехали.

Через пять минут Морлэйк смекнул, что у него появилась возможность бежать.

Постепенно Морлэйк узнал, что произошло перед этим. На Восточном побережье генерал Мэхэн Кларк, занимающий высокую должность в штабе, и которому удалось выжить в день бомбардировки, объявил военное положение. На протяжении трех месяцев он работал по восемнадцать-двадцать часов в сутки. Это было необходимо, чтобы собрать разбитую армию и организовать страну. Ремонтировались железные дороги, телефонные и телеграфные линии, возобновили работу почтовые службы. Были введены очередность и нормирование, произведен учет сохранившихся промышленных объектов.

Через семьдесят дней он получил картину состояния ресурсов страны. К восьмидесятому дню была, в общем, скоординирована

работа заводов, связанных взаимными поставками. Войска патрулировали большие и малые города; в стране был введен комендантский час; серьезные наказания применялись к участникам массовых беспорядков и их лидерам. Массовые казни через повешение известных коммунистов прекратились. Людей с иностранным акцентом по-прежнему убивали, но таких случаев с каждым днем становилось все меньше. Где-то между 85 и 88 днями генерал устроил себе отпуск, в течение которого он играл в кости, ел, отдыхал и спал, а слушал лишь экстренные сообщения. После отдыха он перешел в новый кабинет.

— Начиная с сегодняшнего дня,— заявил он репортерам,— я практически всю административную работу передаю другим, оставляя за собой лишь самый минимум. Я буду уделять свое внимание техническим делам самого высокого уровня. Я не политик, а инженер и хочу знать, черт побери, что произошло с нашими последними разработками, которые имелись ко дню бомбардировки? Где они, и кто из живых знает хоть что-нибудь об этом?

К концу девяносто первого дня он оторвал затуманенные глаза от груды бумаг и подозвал адъютанта.

— Вот доклад, в нем указано, что как раз в день бомбардировки был назначен испытательный полет С29А. Я хочу знать, был ли он проведен? Если да, то чем закончились испытания?

Никто не мог ответить на этот вопрос, но на следующее утро молодой лейтенант принес доклад о том, что С29А совершил посадку на секретном аэродроме КЗ через несколько часов после разрушения его базы — Кэйн Филд. Это было 92 дня назад.

— Кто же там? Какой, черт побери, незаконнорожденный недоучка командует этой базой? — взорвался генерал Кларк.— Герольд? О!

Кларк опустился в кресло. В свое время он служил под командованием Герольда. Вначале его отношения с начальником были достаточно ровными. Позже, однако, он имел основания сказать по его поводу: «Герольд — старый осел. Он не в состоянии отличить толкового подчиненного от круглого дурака. Есть или нет у человека способности, честолюбие, умение вести за собой — ему не дано этого увидеть». Генерал нахмурился.

— Будет лучше, если эту машину доставят сюда. Проинформируйте Герольда.

Этот приказ вызвал у начальства базы КЗ полную суматоху. Никто не умел пилотировать подобный корабль.

— Это особый самолет,— объяснял Герольду майор авиации.— Я помню, что человек, которому было поручено испытывать эту машину, отправился на завод и предварительно изучил массу

всяких вещей, прежде чем ему позволили прогреть двигатели. Трудности, насколько я понимаю, возникают из-за соединения в одной модели ракетных и реактивных двигателей.

— О! Как интересно,— произнес генерал Герольд. Он подумал несколько минут.— Вам, я думаю, не понадобится много времени, чтобы научиться на нем летать, не так ли?

Майор пожал плечами.

— Генерал, я много лет пилотирую реактивные самолеты...— начал он.

— Майор Бэйтс,— прервал его Герольд,— офицер, о котором идет речь, капитан Роберт Морлэйк, находится в тюрьме за свое в высшей степени отвратительное преступление. Его освобождение серьезно снизит общую дисциплину, если мы отпустим его только потому, что он умеет пилотировать этот самолет... Поэтому я решил вызвать его сюда. Без всякого сомнения, он сможет за день-два научить и вас управлять этой машиной. Я хочу, чтобы, за исключением чисто технических вопросов, между вами не было никаких бесед. Вам будет выдан пистолет, и помните, что самолет представляет собой гораздо большую ценность, чем этот человек.

Бэйтс отдал честь.

— Я с ним справлюсь, сер,— сказал он уверенно.

* * *

Как только С29А набрал достаточную высоту, Морлэйк свалил его в крутое пике. Сидящий за ним майор Бэйтс схватился за подлокотники кресла-катапульты.

— Эй! — заорал он.— Что, черт побери, ты делаешь?

Морлэйк и сам не знал этого. Еще в момент вынесения приговора он твердо решил, что не примет его. Но точного плана действий у него не было.

— Послушай, Морлэйк,— дрожащим голосом произнес Бэйтс,— это тебе ничего не даст. В баках почти нет топлива.

Именно поэтому он не должен был терять времени. Но никакой более или менее разумной мысли не приходило ему в голову. Морлэйк сидел молча, ожидая развития событий и полагаясь на случай. День был ясный, земля внизу просматривалась четко. Она казалась более близкой, чем на самом деле.

— Ради Бога! — нервы Бэйтса были на пределе.— Ты принимал присягу, ты и сейчас должен оставаться верным Соединенным Штатам.

Морлэйк нарушил молчание.

— Я и остаюсь.

— Так в чем же дело?..

— Так получилось, что я единственный человек, который знает, как найти врага. Если я позволю изолировать себя в тюрьме, то это и будет нарушением присяги.

Это звучало дико даже для Морлэйка. Для Бэйтса такой ответ, возможно, показался чистым безумием. Но Морлэйк себя не обманывал. Он чувствовал заложенную в нем силу. То, что он делал, не имело объяснения.

Он провел уже три месяца в заключении строгого режима, мог провести там всю жизнь, и как оправдание того, что он сейчас делал, было осознание ужаса от своей судьбы, поруганных идеалов, на корнях которого вырос и жил в нем его патриотизм, его честное служение долгу.

«Я уверен, бомба летела точно вниз. Если, как установили эксперты, она не могла быть при этом выпущена с Земли, тогда остается одно — она была запущена с Луны. Поскольку такую мысль американцам не легко будет принять, человеку, который знает факты, необходимо убедить их».

Течение мыслей оборвалось. Морлэйк подскочил, увидев, как земля несется ему навстречу. Сзади него раздалось:

— Морлэйк, ради Бога, чего ты хочешь?

— Пистолет.

— Ты решил меня убить?

— Не будь дураком. И не теряй зря время.

Земля расстилалась под ними в виде огромной долины с вздыбившимися горами, которые уже не выглядели такими плоскими, как на большой высоте. Морлэйк почувствовал над своим плечом пистолет. Он схватил его и закричал:

— Теперь назад! Как можно дальше от меня!

Морлэйк знал, что это будет нелегко. Вроде того, как карабкаться по стене дома. Он подождал, пока обливающийся потом офицер выбрался со своего места. Он слышал, как тот в страхе ругается. Да и его сердце колотилось не меньше, а тело оцепенело и ныло, когда он, наконец, вышел из пике и начал подниматься в направлении чернеющей стратосферы.

Звезды драгоценными камнями горели буквально рядом, когда он выровнял самолет и помчался вперед с минимальным запасом топлива, которое стремительно уменьшалось. На самой экономичной скорости 35 миль в минуту он несся в темноте над океаном света. У Морлэйка появилась надежда, даже целых две: что он успеет добраться до Кэйн Филд и что на базе никого не будет. Первая осуществилась, когда вдали показался аэродром.

Вторая, к его разочарованию, не сбылась. Снижаясь, он увидел летное поле, на котором работали люди, тракторы, краны и валялись груды различных материалов.

Морлэйк приземлился за низким холмом, на некотором расстоянии от небольшой группы работающих людей.

— Вылезай! — приказал он Бэйтсу.

— Постараюсь сделать все, чтоб тебя за это повесили! — огрызнулся верзила, но покинул машину.

Он не пытался сразу же убежать. Не сделал этого и Морлэйк. После затянувшейся паузы он произнес:

— Скажи им там, что я забираю эту машину потому... потому...— он сделал паузу, отчаянно желая оправдать себя. Затем решительно продолжил: — Скажи им, что максимальная скорость у «Сэди» семьдесят пять миль в минуту, и что она может подняться на высоту восемьдесят миль за семь минут с небольшим. А еще скажи,— он колебался, так как знал, что если его слова станут достоянием гласности, то неизвестный враг тоже узнает их,— скажи им, пусть не тратят времени, дублируя эту машину. Она недостаточно быстра, неспособна летать на такой высоте, где можно достать тех, кто сбросил бомбу. Вот почему я ее забираю. Она сегодня уже второсортная и ничего не стоит. Прощай.

Морлэйк махнул рукой. Засвистели мощные вертикальные двигатели. Машина медленно поднялась, несколько раз вспыхнули ракеты, и земля побежала под ним огромной быстрой рекой. Летчик перелетел через холмы прямо к тому месту, где когда-то были трубопроводы, соединенные с подземным топливным хранилищем. Там среди развороченного металла работали люди, и некоторый порядок уже был восстановлен. Он приземлился.

Бригадир, стройный, грубоватый молодой человек, вышел вперед и с удовольствием ответил:

— Само собой, у нас есть топлива столько, сколько вам нужно. Это чудо, но ни одна цистерна не пострадала от землетрясения.

Бригадир не спешил уходить, он был любопытным, и ему хотелось поговорить. Пока его работники заправляли баки, на которые указывал Морлэйк, он задавал сложные вопросы, на которые Морлэйк либо отвечал, либо отшучивался. Все было нормально, он знал, как говорить с такими людьми. Его обеспокоило лишь появление на холме Бэйтса, которого он увидел краем глаза, когда тот останавливал грузовик. Затем автомобиль начал быстро двигаться в их сторону. Когда он был уже в трети мили, Морлэйк забрался в самолет.

— Благодарю,— сказал он с улыбкой.

Бригадир приветливо помахал.

— Привет генералу!

Грузовик отчаянно сигналил, но С29А был уже в воздухе. Ликование Морлэйка продолжалось недолго. У него теперь было достаточно топлива, чтобы облететь всю Землю. Проблема заключалась в другом: убедить авторитетных людей в том, что они смогут нейтрализовать грозящую всем опасность, лишь вернувшись к заброшенному лунному проекту. Но с чего и где начать? Как действовать? Когда все эти вопросы реально встали перед ним, Морлэйк понял, что он об этом на самом деле еще и не думал.

III

Спустя примерно десять месяцев после бомбардировки к штабу генерала Кларка подъехало девять бронированных машин. Из первых четырех и четырех последних высыпалась охрана. Размахивая оружием, они окружили центральную машину. Как только построение было закончено, быстро подскочивший лакей грациозно открыл дверцу огромной машины и отошел назад.

Из машины вышел сенатор Торми. Он нахмурился, увидев, что из генеральского здания никто не вышел ему навстречу. Но когда у входа появился сам генерал, улыбка украсила суровое лицо гостя. Он пошел вперед и обменялся рукопожатием с высокопоставленным офицером.

— Вы подготовили мне все материалы по Морлэйку? — спросил он.

— Все готово,— кивнул Кларк.— Я пригласил бы вас раньше, если бы знал, что вы этим интересовались.

Торми принял извинение. За четыре месяца он прошел большой путь. В день «В» он объявил военное положение, которое должно было продолжаться шесть месяцев, но оказалось, что армия не была подготовлена к тому, чтобы в назначенное время передать власть в его руки. Все доступные средства прессы и радио поддержали протесты сенатора. У него лично не было амбиций, но наступило время вернуться к гражданскому правлению. Он был высокопоставленным лицом и немногим из выживших членов Конгресса, и его долгом... и т.д., и т.п.

Это было в самом начале. В то время, когда армия с согласия десятков тысяч безжалостных офицеров, как обычно, отдаляла себя от 90 процентов мирного населения. Тогда сенатор оказался на гребне митингов протеста, и армия, в лице генерала Кларка, наконец, осознала свой промах. Сенатор был приглашен в глав-

ный штаб и обо всем проинформирован. Он стал постоянным членом игорного клуба генерала Кларка, у него спрашивали совета по каждому важному административному вопросу. Так платила армия гражданским за их поддержку, и дело прекрасно двигалось.

— Прошу сюда,— пригласил генерал Кларк.— Это так называемая «комната Морлэйка».

Комната была небольшой. В ней находились стол, стул и картотека. На стене висела огромная карта Северной Америки, утыканная флажками. Красные флажки указывали на области, в которых точно видели Морлэйка. Зеленые флажки означали, что в их окрестности его «почти точно» видели. Желтые означали слухи, а голубые — регионы, в которых наблюдали самолет, напоминающий С29А. На каждом флажке был номер, соответствующий карточке картотеки, где в краткой форме содержалась история охоты за Робертом Морлэйком. Сама картотека описывала содержимое шкафа, стоящего рядом с картой.

— Вначале,— объяснял генерал Кларк,— у Морлэйка была идея наладить контакт со старыми друзьями. Через день после заправки в Кэйн Филд он побывал у профессора Глиддена в Калифорнии...

* * *

После целого дня наблюдения за Рощей Глиддена Морлэйк встал на рассвете и прошел пешком две мили. Он приблизился к невысокому длинному строению, в котором на берегу небольшой извилистой речушки располагался научно-исследовательский институт Глиддена.

Сторож киношного вида гонял мячик для гольфа у открытой двери лаборатории. На вопрос Морлэйка он ответил с затаенным любопытством:

— Дорман? Он живет у профессора. Я думаю, он поднялся к этому времени. Вот этот дом.

Это было застекленное, закрытое деревьями бунгало; Морлэйк шел по дорожке, огороженной подстриженными кустами. На боковой тропинке, ведущей к ручью, он почти столкнулся с незнакомкой. Испугался не он, а женщина.

Незнакомка была темноволосой и голубоглазой. На ней был халат и шапочка для купания.

— Мистер Дорман? — отозвалась она.— Вы имеете в виду секретаря? — Она стала равнодушной.— Возможно, он еще в постели. У таких людей привычка спать до упора.

Ее тон был небрежным, почти презрительным. Морлэйк, который уже было прошел мимо, обернулся, чтобы еще раз посмотреть на нее. Конечно, она не была самой красивой женщиной в мире, но ему показалось, что он никогда не видел такого страстного лица. Чувственные, полные губы, большие блестящие глаза, чрезвычайно уверенные манеры.

— Не рановато ли,— спросила она,— для посещения прислуги?

Женщина не скрывала раздражения, и это совершенно не нравилась Морлэйку.

— Могу ли я каким-нибудь образом поговорить с профессором Глидденом? — поинтересовался он.

Этот вопрос ей, видимо, понравился, так как она засмеялась, затем уверенно шагнула к Морлэйку, взяла его под руку и сказала:

— Я спрошу у повара, где комната вашего друга. Не слишком обижайтесь на меня. Я ранняя пташка и меня раздражает, что приходится ждать пять часов, пока удастся с кем-нибудь поговорить. Я женщина материального типа. Масса энергии. И единственно, почему я еще не сошла с ума, это потому, что я ничего не беру в голову. Вы что-нибудь понимаете в эндокринологии?

— Никогда не слышал об этом,— искренне ответил Морлэйк.

— Слава Богу,— сказала женщина. И добавила: — Я искупалась в этой старой купальной яме, увеличенной с помощью плотины и зацементированной, чтобы называться плавательным бассейном. Яма снабжена системой подогрева на случай холода, которая обошлась в десять тысяч долларов. Это небольшая профессорская хитрость: проточная горячая и холодная вода.

Морлэйк в этом не сомневался. Он почувствовал, что поддается очарованию этой женщины. С некоторым усилием он заставил себя сконцентрироваться на той цели, ради которой явился сюда. Женщина между тем продолжала:

— Мир стал никуда не годным, отвратительным и неисправимым. Прошло не более трех месяцев после дня «В» и...

— После чего? — прервал ее Морлэйк.

— Дня бомбардировки. Так это называют военные. Нельзя же говорить так нудно: «День, в который сбросили атомные бомбы» или даже «день катастрофы». От людей нельзя требовать даже того, чтобы они помнили, что произошло 17 июля, не так ли?

Ответа она не дожидалась, так как они уже подошли к дому.

— Подождите здесь,— попросила она,— я пройду к себе в спальню и открою для вас дверь гостиной.

Морлэйк не собирался ждать. Как только незнакомка скрылась за углом, он пошел следом. Он несколько расслабился, но

слишком хорошо чувствовал опасность, чтобы дать себя одурачить этой быстро говорящей женщине. Она его узнала и, возможно, еще до того, как откроет для него дверь, позвонит в полицию.

Со стороны внутреннего дворика было три двери, и все — незапертые, но только третья из них вела в незанятую комнату.

Он понимал, что, проходя по дому, она, возможно, схватила пистолет, но его это уже не пугало... Сцена встречи в гостиной получилась точно как в театре: она у телефона, стоя спиной к нему, нетерпеливо говорила:

— Попытайтесь еще раз. Там должны ответить!

Морлэйк закрыл рукой микрофон и взял телефонную трубку из покорно отпустивших ее пальцев. С минуту она сидела неподвижно, а затем повернулась и посмотрела на него расширившимися глазами. Морлэйк не положил трубку, но остался стоять, крепко сжимая ее в руке. Безо всякого выражения он спросил:

— Как вы меня узнали?

Она пожала плечами.

— По всему дому газеты с вашим лицом. Ваш друг Дорман непрерывно говорит о вас, повторяя, что не верит, будто вы виновны. Но вы же виновны, не так ли? Я уже видела отчаявшихся людей.

«Где она успела их увидеть?» — с удивлением подумал Морлэйк, но вслух спросил:

— Кому вы звонили?

— В полицию, конечно.

Такой ответ не требовал долгих раздумий.

— Полиция ответила бы,— начал он, но остановился, услышав в трубке голос оператора, и быстро поднес ее к уху.

— Да, алло.

— Абонент, которого просила леди, не отвечает,— голос оператора звучал взволнованно.

— Вы правильно набрали номер? — поинтересовался Морлэйк. Женщина рядом с ним открыла от изумления рот. Но еще до того, как он смог угадать ее намерение, схватила телефонный шнур и вырвала его из розетки...

* * *

В комнате Морлэйка, в главном штабе генерал Кларк сделал паузу в своем повествовании. Сенатор Торми, не спеша, задал вопрос:

— Кто была эта женщина? Вы ее нашли?

Генерал покачал головой.

— Я не могу вспомнить имени, под которым она была у Глидена, но и это, и с десяток других имен, которые она использовала, имеются в картотеке.

Кларк указал на шкаф.

— Вы думаете, она охотилась за Морлэйком?

— Определенно.

— Как случилось, что она оказалась именно в этом месте через два дня после его побега?

— Это как раз и было тем, что сразу обеспокоило Морлэйка,— ответил Кларк.— После посещения этого места он отказался от плана связаться со старыми друзьями и попытаться образовать с их помощью ядро своей организации. Он понял, что его опередила некая группа, которая тщательно изучила историю его жизни и предвосхитила его планы. Когда мы начали свое расследование, то обнаружили, что фактически все друзья, когда-либо знавшие Морлэйка, были в то утро под наблюдением. Мы испробовали сотни различных методов, чтобы войти в доверие к людям, входящим в эту группу. Все делалось очень тщательно.

— Как вы расцениваете их подготовку? — сенатор стоял с закрытыми глазами.

— По нашему мнению,— ответил Кларк,— они намеревались вывезти Морлэйка с тюремной фермы и убить.

— Но как они о нем узнали?

Генерал колебался.

— Наша гипотеза кажется несколько дикой, но люди, изучившие письменные показания и свидетельства на военном суде, заинтересовались вспышкой света, возникшей сразу после того, как бомба дала отпор Морлэйку в его попытке сбить ее с курса. Мы думаем, что этот свет использовался для того, чтобы передать телевизионное изображение С29А.

* * *

Тишину в гостиной Глидденовского бунгало нарушил Морлэйк.

— Где ваша машина? — спросил он.

Женщина сидела с отрешенным видом, затем произнесла:

— Я возьму ключи и сама отвезу вас к вашему самолету. Я полагаю, что вы имеете в виду именно это.

Морлэйк пошел вместе с ней, понимая, что после всего, что он узнал, уже невозможно никому доверять. И, к сожалению, не оставалось времени для разговора с Дэном Дорманом и тех вопросов, которые он подготовил для его шефа — профессора Глид-

дена. Он стремился встретиться с Дэном прежде всего из-за его связи с всемирно известным физиком. Было очень обидно находиться рядом с ними и не иметь возможности что-нибудь сделать или просто переговорить.

Через десять минут женщина остановила машину в сотне футов от того места, где под деревьями стаяла «Сэди».

— Красивая машина,— восхитилась она.— Как быстро она может лететь?

— Сто с лишним миль в минуту,— беззаботно ответил Морлэйк,— вылезайте.

— Зачем? — она, должно быть, решила, что он собирается ее убить, и сильно побледнела.— Пожалуйста,— взмолилась она,— я так же невиновна, как и вы. Я не знаю ничего.

Морлэйк удивленно посмотрел на нее, но ничего не сказал. «Пусть немного поволнуется»,— решил он. Не было времени задавать ей вопросы, поэтому он не знал, насколько глубоко она замешана в этом деле. Но это и не имело какого-то особого значения, ведь он не был ни судьей, ни палачом. Морлэйк закрыл машину и положил ключи в карман. Было видно, что женщина уже пришла в себя.

— Здесь всего две мили,— сказала она,— я должна быть там до завтрака. Прощайте, желаю удачи.

Он направил самолет вертикально вверх и двигался так, пока небо не стало черным, а звезды засветились над ним яркими точками. Затем Морлэйк прошел над Тихим океаном и, развернувшись, прилетел обратно, зависнув над деревьями у глубокого оврага. Новое место укрытия было в полумиле от Манаки, Калифорния — городка в четырех милях от Рощи Глиддена, в котором, он надеялся, должна быть телефонная станция.

Автобус, проходящий по ближайшему шоссе, облегчил задачу. Поездка позволила ему узнать местонахождение телефонной станции. На коммутаторе работали три девушки. Морлэйк обратился к одной из них, выцветшей блондинке, и спокойно сказал:

— Что-то произошло на линии, и я решил заехать сам. Вы соединились с абонентом?

— Да, я соединилась с ней, а потом я не смогла соединиться с вами.

«Еще одна женщина!» — Морлэйк почувствовал волнение, затем острое опасение. Он этого боялся. Линию восстановили. Он колебался, но пути назад уже не было.

— Не позвоните ли еще раз?

— Конечно. Есть номер?

Морлэйк был к этому вопросу более или менее готов.

— Минутку. Гм, не могу сразу вспомнить. Но он где-то у меня есть.

Он начал шарить по карманам и понял, что просматривает свою записную книжку. Телефонистка смотрела на него.

— Не беспокойтесь,— сказала она, наконец,— я его записала. Люси Дежарден, 476 Харфорд-стрит, Крестоланто 9153.

Морлэйк позволил себе только кивнуть, но вскоре, выбрав момент, снова обратился к девушке.

— Минутку.

— Да?

— Абонент сказал что-нибудь, когда вы не смогли связаться со мной?

— Угу, она сказала, что это не имеет значения или что-то вроде этого.

— О! — подмигнул ей Морлэйк.— В этом случае не стоит беспокоиться,— он изобразил смех,— она очень обидчивая женщина. Мне не хочется дать ей возможность наброситься на меня.

Он вышел на улицу, весь в испарине от волнения, но ощущая облегчение и ликование. Эта радость, однако, продолжалась недолго. Женщина сказала, что это не имеет значения. Это могло означать только то, что она все поняла. Банда начала действовать.

Он остановил проезжающее такси и добрался до окраины городка. Как только такси скрылось из глаз, Морлэйк помчался через шоссе к своей машине. Устроившись в кабине, он включил радар и стал ждать.

Сначала ничего не происходило. Небо было пустым, за исключением дымки очень высоких облаков. Через 37 минут на экране показалась тень. Цель была слишком далеко и высоко, чтобы получить четкое изображение. Но ошибки быть не могло, да и двигалась она с большой скоростью на высоте около ста двадцати пяти миль. Морлэйк непрерывно крутил ручку приемника. Когда внезапно появился сигнал, он замер. Раздался четкий голос:

— ...Смылся, кажется. Мы прочесали все на востоке, севере и юге. И над водой нет ничего движущегося. Его машина, должно быть, летает гораздо быстрее, чем мы думали.

В ответ послышался очень слабый голос:

— Не прекращайте поиска. Не считайте, что все образуется само собой.

В этот разговор громко вмешался третий голос:

— Эй, кто это говорит, назовите себя!

Ближайший голос негромко рассмеялся, и все стихло.

IV

Для Морлэйка, который прятался в овраге, пережидая события и пытаясь придумать и реализовать свои планы, время текло медленно. Но это был необычный и очень печальный промежуток времени, когда надо было решить — способен ли один-единственный человек убедить всю страну в том, что он прав, а люди, управляющие этой страной,— нет. Стоило ли пытаться?

Мысль о гибели сорока миллионов детей и взрослых не давала ему спокойно спать. Морлэйка пугал не вид самой смерти, для человека, пусть не имевшего семьи, но познавшего потерю друзей, погибших на войне, смерть не была такой чудовищной, как для тех, кто никогда не видел ее в лицо. Даже сам факт, что эти люди когда-то существовали, стал сглаживаться в его сознании, уступая место гораздо более реальному ужасу, чем уже случившаяся смерть. Ужас был вызван осознанием того, что где-то на поверхности Земли дьявольски коварные люди, имея даже слабую догадку, что их обнаружили, готовы погубить Землю целиком ради собственного спасения. Их лидеры, конечно, будут отрицать все обвинения, даже смогут организовать отпор и, имея огромное преимущество, действовать с Луны, откуда смогут запустить бомбы по любой желаемой цели.

Морлэйк содрогнулся от такой картины. Он знал, что его новый план, как найти и обезвредить эту банду, осуществится только в том случае, если в нем будет присутствовать великая цель, способная заставить обычных земных людей выползти из пещер страха, в которые их загнало собственные комплексы и неуверенность. Они должны выбраться на просторы своей храбрости и осознать себя способными познать и покорить космос.

Наступил рассвет. Морлэйк просидел в овраге, прячась от преследователей, уже двое суток. Убедившись, что на экране радара нет ничего подозрительного, он сделал большой круг, облетев армейский радиолокатор в Капистрано, долетев до самого Крестоланто. Все остальное время он провел, наблюдая за домом номер 476 на Хартфорд-стрит. Он представлял собой обыкновенное двухэтажное здание. В течение всего утра в доме не было видно никаких признаков жизни. Около полудня из передней двери вышла женщина и отправилась на рынок, находящийся поблизости. Это была не та женщина, которая гостила в доме Глиддена. Стройная, молодая, она выглядела не совсем обычно. Приглядевшись, Морлэйк понял, что необычность ее облику придавала небольшая седина на висках.

К моменту ее возвращения Морлэйк уже написал письмо генералу Кларку, в котором описал, что произошло, и что он намерен делать дальше. Это письмо он отправил сразу после наступления темноты и стал дожидаться ночи. Его часы показывали половину десятого, когда он, попав в дом через окно, крался к гостиной, где был виден свет, падающий из приоткрытой двери.

* * *

Сенатор Торми обратился к генералу с вопросом:

— И что произошло потом?

Генерал покачал головой.

— У нас нет четкой информации.

Он указал на красный флажок, воткнутый в районе маленького городка на Западном побережье.

— Здесь Морлэйк предпринял одну их своих четырех попыток заинтересовать широкую публику. В соответствии с донесениями, которые представлены нам, предварительное рекламирование лекции, которую собирался дать Морлэйк, осуществляла женщина. Согласно нашей информации, это была та, вторая женщина. Лекция снова провалилась. На нее пришло не более десяти человек, в большинстве это были старые женщины, которые думали, что им рассказывают о новой религии, в которой Небеса оказываются Луной.

— И тогда оказалось, что Морлэйк и эта... э-э... безымянная женщина объединили усилия,— закончил сенатор.

— Еще никогда я не имел донесений о более дерзкой паре,— отозвался генерал.— В первое время они были довольно осторожны. А сейчас им ничего не страшно.

Сенатор молчал. Он пользовался контактными линзами, за которыми настороженно блестели его темно-голубые глаза. Генерал Кларк подошел к окну и посмотрел на отдаленные синие горы, которые виднелись сразу за парком, окружающим здание. Не оборачиваясь, он сказал:

— Вчера вечером вы спросили меня о Морлэйке, и я пригласил вас сюда. Это соответствует политике руководства армии поддерживать контакт с представителями, избранными народом. Как вам известно, мы намерены разрешить в 1982 году проведение выборов в Конгресс так, чтобы страна вернулась к нормальной демократической жизни. Но вы не знаете, что, хотя выборы будут проведены именно так, как и намечено, объявление о них сделано с целью усыпить бдительность нашего врага.

Стоящий у него за спиной Торми медленно произнес:

— Не думаю, что я понял ваши слова.

Генерал повернулся лицом к крупной фигуре сенатора.

— Когда Морлэйк совершил побег, я получил искаженный отчет о том, что произошло на самом деле. Все факты отчета были так явно подтасованы, а потеря самолета настолько серьезной, что я решил немедленно вылететь в Техас, чтобы самому просмотреть документы военного суда над Морлэйком. Именно там я понял, какая страшная информация была скрыта, как много времени мы из-за этого потеряли. Естественно, я немедленно отстранил Герольда от командования, и уже к концу недели мы получили информацию, которую я тут представил. Более того, наша радиолокационная стация в Капистрано зарегистрировала изображение вражеского космического корабля, который искал Морлэйка, так что у нас теперь нет сомнения в том, что все факты, изложенные им в письме, абсолютно правдивы,— генерал сделал паузу, давая возможность сенатору переварить полученную информацию. Затем он бесстрастно продолжил:

— Когда в Капистрано зарегистрировали космический корабль, он шел на высоте около двухсот миль. Скорость определить не удалось, но она была огромной. В обычных условиях мы, возможно, не обратили бы внимания на такое донесение. Подобных докладов по всем военным регионам огромное количество. Но в этот раз, основываясь на письменных показаниях Морлэйка генералу Герольду, наши эксперты решили, что они могут вычислить и возможное место запуска бомбы, обобщив три исходных варианта: два из них представляли собой наиболее вероятные точки на поверхности Земли. Если бы мы остановились на них, мы должны были бы предположить, что наши ученые, разведка или приборы для обнаружения радиоактивности действовали неверно. Мы отвергли такую возможность, потому что горы исходных материалов, необходимых для создания радиоактивных веществ, не могли остаться незамеченными. Оставалась альтернатива внеземного запуска бомбы. Учитывая это, я приказал возобновить работы по лунному проекту, в соответствии с которым — как вы знаете — к тому времени, когда Конгресс прекратил ассигнование, уже были изготовлены тридцать кораблей.

Сенатор Торми мрачно изрек:

— Сожалею, что я в какой-то мере тоже способствовал замораживанию средств, но дело было в большом дефиците бюджета.

— К несчастью,— сказал генерал,— одна из баз космических кораблей находилась в Джорджии, она уничтожена прямым попаданием. Погибло двадцать два корабля. Однако есть еще один

космодром, но было бы глупо с моей стороны раскрывать его расположение вам.

— Возможно, я смог бы его просто осмотреть,— сказал сенатор.— Сколько там кораблей?

— Пять.

— Так много? — чувствовалось, что цифра произвела на него впечатление.

— Их можно привести в боевую готовность к следующей неделе,— заверил генерал Кларк.

Сенатор издал странный, неопределенный звук. Это не было похоже на слово, вероятно, поэтому он не повторил его. Сенатор нетвердой походкой подошел к стулу и молчком тяжело опустился на него.

— Генерал,— пробормотал он, наконец,— от ваших слов у меня закружилась голова. Вы хотите сказать, что не было никакой необходимости поднимать весь этот шум вокруг Морлэйка?

— Наоборот,— Кларк был совершенно серьезен.— Его отчаянные усилия заставить нас предпринять хоть что-нибудь не принесли желаемого результата, а лишь создали впечатление, что мы сознательно не желаем обращать на его слова никакого внимания. Мы даже высмеяли его выступление. Я думаю, Морлэйк это уловил, он не глуп. Но как раз сейчас я бы много дал, чтобы поговорить с ним. Настало время действовать сообща.

Сенатор беспомощно произнес:

— Но это война.

— Мы их раздавим за один день,— холодно заверил Кларк.— Никто, кроме нас, не осмелится, опасаясь вызвать подозрения, объявить мобилизацию. За одну ночь мы введем в их города миллион человек. Мы расстреляем каждого, кто причастен к бомбардировке нашей страны. Никого не пощадим.

— И это все за две недели?

— Возможно, даже быстрее.

Возникло долгое молчание. Наконец сенатор поднялся на ноги.

— Смешно после этого говорить о развлечениях, но вы играете сегодня вечером?

— В такое время мы просто не можем себе позволить изменять нашим привычкам.

— Сколько будет человек?

— Шесть, кроме вас.

— Хочу спросить, могу ли я привести с собой молодого друга моей жены?

— Ну конечно. Вы мне напомнили кой о чем. Когда же ваша дама переедет сюда?

Торми засмеялся:

— Не могу сказать. Она считает, что я должен вовсе отойти от политики, и поэтому не желает иметь официальную резиденцию. Она довольно большая любительница путешествовать.

На этой ноте они распрощались.

* * *

— Джентльмены,— обратился к присутствующим сенатор Торми,— это мой друг, Морли Роберте.

В комнате невнятно хрюкнули. Морлэйк присел на стул и стал наблюдать за тем, как от дальнего края стола катятся кости. Он не смотрел на генерала Кларка, но сконцентрировался на том, какой сделать первую ставку. Через некоторое время он собрал свой выигрыш в этом коне и неуловимым движением ощупал пистолет под мышкой. Он был готов к его использованию в заварушке, которая должна была начаться через несколько минут.

Два раза подряд он проиграл, а затем трижды выиграл в своем коне. Выходя из игры, Морлэйк в первый раз посмотрел на генерала Кларка. Пара таких же острых глаз ответила на его ищущий взгляд. Генерал произнес небрежно:

— Вы хотели встретиться со мной, я полагаю?

Морлэйк положил руку на край стола. Слегка опущенные пальцы касались поверхности сукна. На расстоянии фута о них находился его пистолет. Он спокойно произнес:

— Генерал, вы неглупый человек, но вы не все правильно рассчитали.

В голосе Морлэйка чувствовалось напряжение, он готовился в любую минуту перейти к решительным действиям, но генерал не мог разгадать его намерения. Атмосфера в комнате сразу изменилась, как будто в ясный день солнце закрыла туча. Несколько офицеров озадачено посмотрели друг на друга. Сенатор Торми забеспокоился:

— Здесь становится душно. Э-э... я позову одного из охранников, чтобы он открыл пошире окна.

— Я это сделаю сам,— Морлэйк встал, не дожидаясь согласия. Он внимательно посмотрел на окна. Как и следовало ожидать, «стекло» представляло собой пуленепробиваемый пластик. То, что он проделал после, основывалось на поразительном открытии, которое он сделал в течение этих долгих шести месяцев. Оно заключалось в следующем: если ты уверенно заявил, что сделаешь что-то, а делаешь на самом деле совсем иное, никто до поры-до времени не заметит разницы.

Без малейшего колебания он закрыл все три окна на замок и вернулся на свое место. На зеленом сукне стола белыми бликами продолжали катиться кости. Сенатор Торми выиграл несколько раз. Когда он собирал свой выигрыш, к нему обратился генерал Кларк.

— Морли Роберте. Что-то знакомое, но лица я узнаю гораздо лучше. Предположим, мы поменяем местами имя и фамилию и скажем так: Роберт Морлэйк, в прошлом капитан военно-воздушных сил, представший перед военным судом и получивший тридцать лет строгого режима. Я близок к истине? — Генерал повысил голос.— Подождите, джентльмены.

Мужчины в комнате застыли с отодвинутыми от стола стульями. Рука одного из них потянулась к оружию. Первым расслабился сенатор. Он сидел у края стола и мурлыкал себе под нос какую-то песенку. Кларк мягко обратился к Морлэйку:

— Вы сегодня приглашены сенатором Торми. Я полагаю, он знает, кто вы на самом деле?

— Я уверен,— отозвался Морлэйк,— что сенатор должен был узнать меня, но вам известно лучше, навел ли он обо мне справки в эти последние два дня. Однако я должен поспешить. Джентльмены, сейчас очень опасное положение, и не потому, что в этом замешан я — я что-то вроде катализатора — но потому, что мое появление здесь дает возможность определенному человеку осуществить предварительно разработанный план. Я намерен,— спокойно продолжал Морлэйк,— так же, как и он меня, использовать его для своей цели.

Немного предыстории: представьте себе богатого конгрессмена, неразборчивого в средствах и с неограниченным честолюбием. Он без труда представляет себя судьбоносным человеком, которому мешает лишь глупость окружающих. Став сенатором после двух прошедших подряд избирательных компаний, он понял, что не имеет ни малейшего шанса стать Президентом. Его жена сразу же после свадьбы в 1974 году поняла, насколько безрассудна его ярость и необузданна жажда мести, особенно когда что-нибудь не выходит. Но она не сразу разобралась в его планах и в истинных целях организации, которую он создал на Юге. Неизвестность длилась до тех пор, пока не настал день «В». «Абсолютное бешенство и ненависть,— сказала мне его жена,— скрываются за поверхностной учтивостью и изысканными манерами этого человека. Как вы знаете, в день „В“ он был в абсолютно безопасном месте — совершенно „случайно“. После этого его основным противником стала армия. Умным шагом с его стороны было введение военного положения, которое было бы введено и без него. Но

это был продуманный шаг, потому что позже он смог использовать его в своей пропаганде».

Морлэйк сделал паузу и улыбнулся, чтобы дать возможность отдохнуть глазам и расслабить тело, развязка была уже близка. Он продолжал:

— Его главный в жизни шанс наступил. Так, во всяком случае, ему казалось, пока на сцене не появился я — гость его жены. Он расценил это как возможность одним ударом разделаться и с генералом Кларком, и с его штабом, а всю вину возложить на меня. Я, конечно, как всем известный военный преступник, бежавший из заключения, тоже оказался бы убитым и...— Морлэйк остановился, а затем воскликнул: — Что случилось, сенатор, у вас сдали нервы? Вы же не можете сдаться без боя, как какой-нибудь слабак, не так ли?

Пот почти полностью залил лицо сенатора. Торми поднял руку и медленно опустил ее в карман жилета. Он довольно долго там с чем-то возился, пока Морлэйк вновь не нарушил тишину:

— Я вижу, сенатор, вы включаете карманный радиопередатчик, чтоб вызвать снаружи своих агентов?

Как будто специально, чтоб подчеркнуть правдивость его слов, на окно обрушился град пуль. Все, за исключением Морлэйка, вскочили с мест, а он насмешливо покачал головой.

— Какая неудача!

Затем он нагнулся над столом и ловко выхватил из кармана сенаторского жилета крошечный передатчик. Тот гневно схватил его за руку, но было уже поздно.

— Гм,— произнес Морлэйк,— печатная схема.

С видимым усилием сенатор выпрямился.

— Никогда не слышал подобной чепухи,— огрызнулся он.— Вы заранее подготовили этот спектакль со стрельбой. Если вы полагаете, что простой трюк сработает против меня, вы...

Он резко остановился. Его глаза, направленные прямо на Морлэйка, расширились. Должно быть, он понял, что все отрицать не имеет смысла, что все его планы использовать радио и прессу, его власть над партией и страной, ловкость, с которой он проводил пропаганду,— все это ничего не значит для этого молодого человека, несущего ему смерть. Внезапно, осознав весь ужас своего положения, он дернулся, но не успел даже вскрикнуть.

Два выстрела в сенатора, которые сделал Морлэйк, пробили легкие этого крупного человека. Торми упал на стол, затем сполз на пол. Морлэйк не обращал никакого внимания на вооруженных офицеров, находящихся в комнате. Они свободно могли застрелить его, когда он склонился над умирающим человеком, но,

видимо, эта беспомощность и служила ему щитом. Застыв, они просто смотрели на него, понимая, что действия военного летчика продиктованы неумолимой логикой.

Морлэйк ничего не видел и не беспокоился ни о чем. Глаза сенатора были широко раскрыты. На губах показалась кровь.

— Сенатор, назовите врага.

Окружающие все поняли. Воцарилась тишина. Генерал Кларк подошел ближе, чтобы не пропустить ни одного слова. Офицер, который должен был успокоить охрану у двери, вернулся в комнату. Даже сам сенатор Торми несколько выпрямился.

— Убирайтесь к черту,— пробормотал он.

— Поспешите, вам осталась всего минута, одна минута,— предупредил Морлэйк.

Смотреть на это было ужасно. Полное лицо сенатора исказила гримаса.

— Смерть! — пробормотал он.— Как же так? Почему я должен умереть?

Эта идея стала им овладевать. Он делал усилия, пытаясь вдохнуть, затем осел. Примерно секунду сенатор лежал без признаков жизни. Затем его глаза устало открылись. Он посмотрел вверх и пробормотал:

— Это была моя жена? В том доме в Крестолано?

Морлэйк кивнул.

— Она использовала вашу организацию. И она же принимала все донесения из Калифорнии. Это дало ей возможность найти меня, независимо от того, какой из местных агентов увидел бы меня первым. Она решила, что если я появлюсь в Крестолано, она попросит меня помочь. Это с ней я ездил по стране все это время.

Генерал Кларк опустился рядом с Морлэйком.

— Сенатор, назовите страну, врага,— спокойно обратился он к Торми.

Умирающий посмотрел на него с подобием насмешки.

— Теперь мы с вами квиты, любители черномазых, не так ли? — произнес он и засмеялся каким-то сатанинским смехом, который прервался ужасным потоком хлынувшей крови.

Большая голова сенатора медленно свалилась на бок, открытые глаза стали невидящими. Теперь на полу лежал мертвый человек. Кларк и Морлэйк поднялись на ноги. Морлэйк тихо произнес:

— Вот вам и ответ, джентльмены.

Но увидел, что они еще не поняли того, что он уже давно подозревал.

Генерал Кларк был мрачен.

— Только подумать, что мы в течение нескольких месяцев передавали ему самые секретные сведения...— Он закашлялся и поднял руку.— Благодарю вас.

Морлэйк ничего не ответил. Острое в первые минуты чувство победы уступило место крайнему унынию. Он почувствовал на себе пронизывающий взгляд старика. Кларк, видимо, неправильно истолковал выражение его лица.

— Я знаю, что вас беспокоит,— сказал Кларк,— но вы не правы. У нас есть космические корабли,— и он описал планируемую атаку на Луну.

Выслушав до конца, Морлэйк согласно кивнул, но депрессия осталась. Эта атака нужна для локализации площадок, с которых запускались бомбы, и для выяснения, каким образом Торми и его группа заполучила их. Но и это было не самым существенным. Он понял последние слова Торми буквально. Первая атомная война оказалась не международной, а гражданской. И теперь, когда Торми мертв, банда разбежится по всей Америке. Банда американских расистов. Но война закончится. Безвозвратно!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕЧНЫЙ БОЙ
(перевод Л. Ткачука) 5

МЕНТАЛЬНАЯ КЛЕТКА
(перевод А. Флотского) 158

ВОЙНА НА КРАЮ ВРЕМЕНИ
(перевод И. Глебовой) 329

УБИЙЦЫ ЗЕМЛИ 447

Три дурных глаза
(перевод А. Митрофанова) 449
Властелины времени
(перевод С. Федотова) 520
Защита
(перевод С. Федотова) 597
Первый марсианин
(перевод С. Федотова) 600
Репликаторы
(перевод С. Федотова) 618
Киборг
(перевод С. Федотова) 643
Дорогой друг
(перевод С. Федотова) 655
Корабли тьмы
(перевод С. Федотова) 663
Кошка-а-а
(перевод С. Федотова) 681
Призраки
(перевод С. Федотова) 696
Убийцы Земли
(перевод С. Федотова) 703

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
***107140, Москва, а/я 140*, АСТ – "Книги по почте"**

Литературно-художественное издание

Ван Вогт Альфред

Вечный бой

Сборник фантастических повестей

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*
Ведущий редактор *П. Киракозов*
Редакторы *Т. Горошкова, В. Домогацкая*
Художественные редакторы *В. Андреева, О. Адаскина*
Верстка: *П. Шестаков, П. Савченков*
Корректоры *Л. Макеева, И. Дмитриева, Т. Данилова*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Альфред Ван Вогт — один из ведущих авторов эпохи «золотого века» фантастики, писатель, удостоенный звания Великого Мастера Американской ассоциацией писателей-фантастов — и, пожалуй, самый своеобразный и оригинальный из фантастов знаменитого американского «довоенного поколения».

Произведения Ван Вогта, в каком бы жанре они ни были написаны — от «космической оперы» до антиутопии и «черной» утопии, — так или иначе объединяет одно: за увлекательностью «крепко сбитого», до предела «взвинченного» приключенческого сюжета здесь скрывается МЫСЛЬ. Мысль — иногда шокирующая, парадоксальная, иногда — иррациональная, почти нелепая, но всегда — ОТТОЧЕННАЯ. «Культ сверхчеловека» здесь превращается в своеобразный «антикульт», научный прогресс обращается против самого себя, «сумерки богов» носят черты не столько «нового витка эволюции», сколько извечного «конфликта поколений» — но МЫСЛЬ звучит, звенит, как натянутая струна, — и по-прежнему будоражит читательское воображение...

ISBN 5-17-014685-X

9 785170 146857